ХРЕСТОМАТИЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ

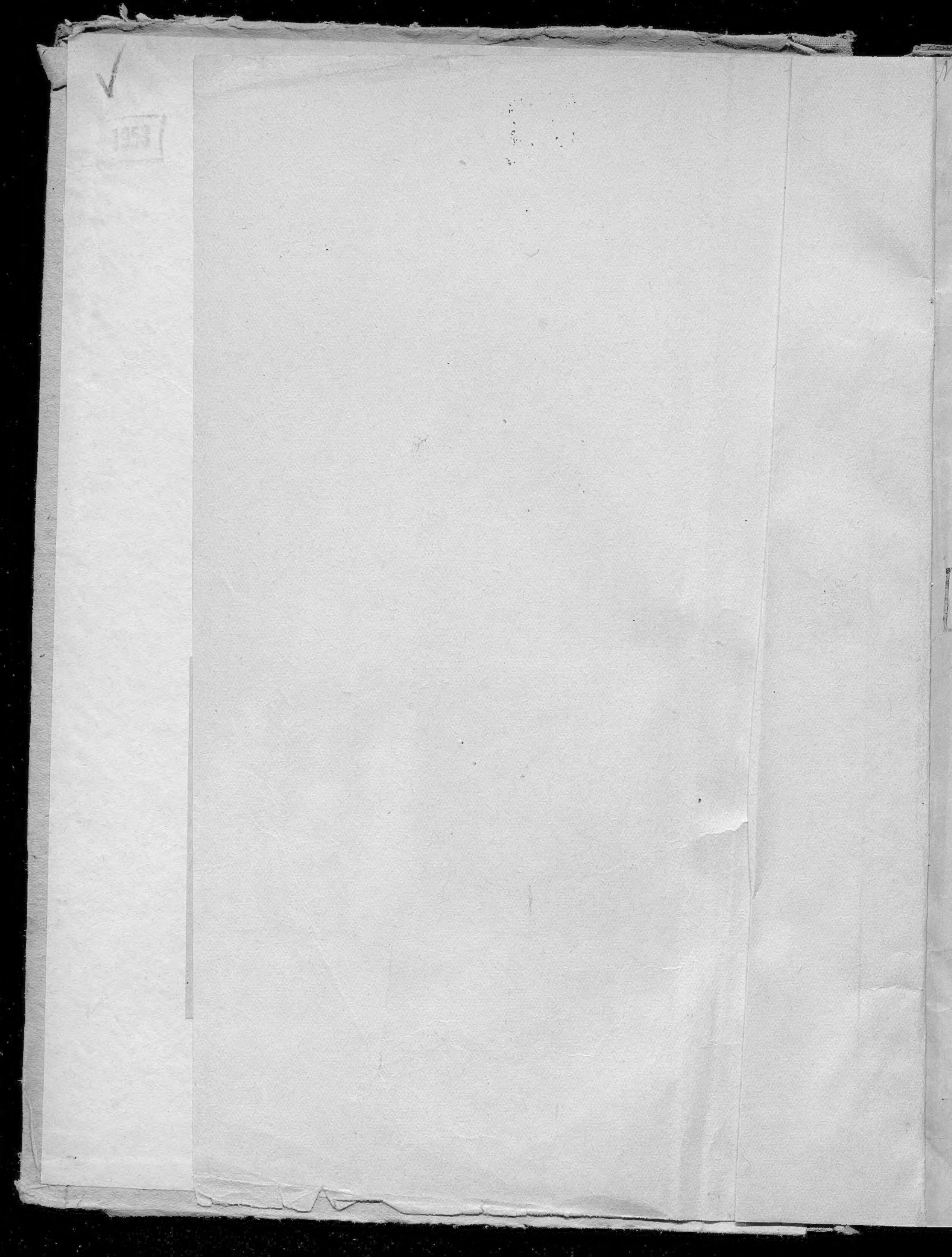
СОСТАВИЛ

Михаил Коваленский

Том IV

3-е ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ••• 1923 ••• ПЕТРОГРАД

ХРЕСТОМАТИЯ
по
РУССКОЙ ИСТОРИИ

СОСТАВИЛ
Михаил Коваленский

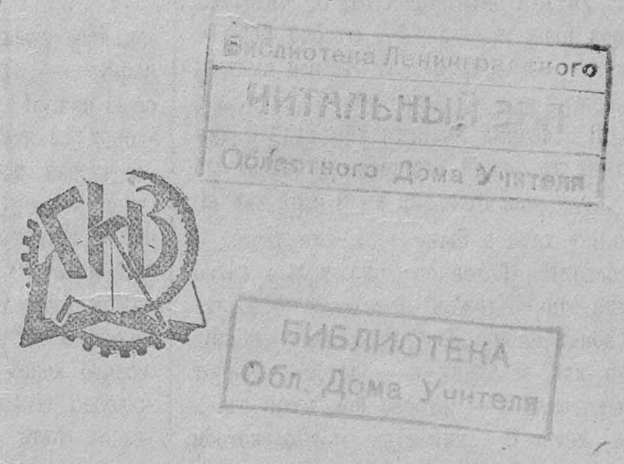
Том IV

1—30 тысяча

Научно-Педагогической Секцией Государственного Ученого Совета допущено для школ II ступени.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ••• 1923 ••• ПЕТРОГРАД

Петрооблит № 4221.	Гиз. 3987.	Печ. 30.000 экз.	Зак. № 71.

Государственная типография имени Евгении Соколовой, Петроград, Измайловский, № 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ, ЧЕТВЕРТОМУ И ПЯТОМУ ТОМАМ.

Когда, больше десяти лет назад, составлялся третий том этой книги, третий том, посвященный новейшему периоду русской истории — XVIII и XIX векам, — многого, слишком многого невозможно было ввести в эту книгу, целые области жизни должны были оставаться за бортом. Даже из заготовленного уже материала, переписанного для издания, пришлось, по зрелом размышлении и по совещании с издателем, добрых три четверти кинуть в корзину, сохранив только четвертую четверть. Но и в этом сокращенном виде, без революционного движения, без социализма, без петрашевцев и даже почти без декабристов, — третий том не мог быть пропущен в тогдашнюю русскую школу, — он был целиком забракован тогдашним Ученым Комитетом. Хотелось бы верить, однако, что и в своем неполном виде эта книга оказалась не совсем бесполезной для школы, для учащегося и учителя, а, может быть, и для самообразования.

Теперь, в изменившихся условиях всей нашей жизни, всей нашей школы, — старая книга, конечно, уже не годилась. Нужно было ее сильнейшим образом переработать, дополнить совершенно новым материалом, ввести совершенно новые отделы, заново всю ее перестроить. Теперь можно стало включить в нее и Герцена, и Желябова, и Плеханова, и Пятый и Семнадцатый год. Теперь можно было выпрямить ее всю на одном основном стержне, — на хозяйстве и классовой борьбе. Теперь можно стало вводить тексты революционных прокламаций. Но всего этого оказалось такое количество, так много надо было включить в книгу, так много надо было ввести в школьный обиход, что волей-неволей приходилось расширять рамки, раздвигать грани, и материал одного тома — третьего — размещать даже не по двум, — по пяти томам.

Составитель, впрочем, полагает, что и в таком, непомерно разросшемся, виде, эта книга принесет учителю и школе некоторую пользу. Работнику новой школы, действующему по новым схемам, по новым совсем программам, да еще новыми методами, — нужно серьезнейшим образом перевооружиться. Пусть эта книга — не хрестоматия в прямом смысле, — пусть это Ручная библиотека — Handbibliothek учителя по русской истории, — ему нужна и такая Handbibliothek. Как использует школа этот материал, что из него действительно окажется нужным и ценным, что — ненужным и лишним, — выяснится в процессе работы с книгой и учтется при новых изданиях, если таковые потребуются. В такой работе трудно оградить себя от всякого рода недочетов, от пропусков и от повторений. Ученая критика скажет свое веское слово, отметит недочеты в построении книги, в освещении, в выборе материалов. Школьные работники разберут, что пригодно, а что непригодно для их сложной и важной работы. Учащиеся, ради коих и возводятся все эти сооружения, — учащиеся признают эту книгу своей — или чужой, для них или не для них писаной книгой. Не хотелось бы только думать, что признают книгу совсем ни для кого и ни для чего ненужной.

Материал, собранный в этих томах, подбирался с возможною полнотой. Имелось в виду, что материал этот может пригодиться учащимся — для студийной, рефератной, лабораторной работы — и учителю для подготовки к его школьной работе, — и читателю для самостоятельного изучения. Незачем предполагать, что весь этот материал может или должен быть проработан в каждой школе, — это, разумеется, и не осуществимо, и совсем не нужно. Важно дать возможность найти материал, нужный для той и другой, и третьей темы. Важно избавить школу от неизбежной необходимости отказываться от материалов за

трудностью их добыть, — а как велика эта трудность, хорошо всем известно.

Третий том по новому счету посвящен русскому XVIII веку, — русскому дворянскому феодализму в условиях торгового капитализма. Четвертый том — развитию промышленного капитализма, разложению феодализма и нарастанию буржуазного строя, кончая революцией декабристов. Пятый том — феодальной реакции николаевской эпохи и либерально-буржуазным реформам 60-х годов. Эти три тома, отвечающие в общем и целом рамкам прежнего третьего тома, выходят в свет сразу, один за другим. Впереди — еще два тома, посвящаемых второй половине XIX века и началу XX века, — революционному движению и трем революциям 1905 и 1917 годов. Эти два тома — шестой и седьмой — находятся пока что в работе.

С благодарностью должен отметить составитель теперь, как и прежде, что на помощь ему в работе пришли и люди, и целые учреждения. Что мог бы он сделать, если бы перед ним закрыли свои двери такие книгохранилища, как библиотеки московских Румянцевского и Исторического Музеев, Социалистической Академии, Первого и Второго Университетов? Всем этим учреждениям, богатствами коих насыщены страницы этих томов, составитель приносит свою глубокую признательность. На ряду с этим не оставили составителя ценными своими советами и указаниями и товарищи по работе, ученые специалисты, практики педагоги. Глубокую благодарность приносит составитель за все эти советы и указания, коими он, по мере сил и умения, воспользовался, — уважаемым В. Н. Бочкареву, А. М. Васютинскому, Б. Н. Жаворонкову, Е. А. Мороховцу; особенно много обязан составитель советам и указаниям уважаемого М. Н. Покровского; при его содействии устанавливался основной перечень привлекаемых к делу материалов. Наконец, не может обойти составитель и той особого рода помощи, какую оказали ему в этой работе его слушатели, в различных классах и аудиториях: в живой работе с ними слагались первоначальные контуры плана, в той же работе подбирался в значительной степени материал, на опыте этой работы и проверялся подобранный материал; многое из того, что найдут они в этой книге, им уже давно знакомо, прорабатывалось вместе с ними; и без этой работы со слушателями не было бы и самой книги: для них ведь она и писана. Им приношу я в дар эти мои тома.

В заключение — несколько слов о технической стороне дела. Читателю, конечно, бросится в глаза странная пестрота правописания, принятого в этих томах. Третий том оказывается целиком по правилам старой орфографии; в четвертом и пятом томах — старая и новая орфография чередуются без большого порядка и смысла. Это все получилось помимо автора. Предполагалось распределить статьи по старой и новой орфографии более рационально. Но книга печаталась далеко от составителя — в типографиях Петербурга; составитель лишен был возможности сам наблюдать за печатанием книги, а когда большая часть листов уже были набраны и сверстаны — было уже поздно менять орфографию. Извиняясь за этот невольный недочет, составитель утешает себя мыслью, что удастся это исправить в следующем новом издании.

Михаил Коваленский

Москва, Арбат.
1923, апреля 18.

P. S. Необходимо еще оговорить, что неизбежные купюры в текстах, а равно и подчеркивания, выделения отдельных фраз и слов курсивом, жирным шрифтом, разборкой — дело рук составителя Хрестоматии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

*33. Новая кабала ткачей.
«Московские Ведомости» 1859 г., № 203.

*34. Записка купца Жукова против кустарной промышленности 1845 г.
Туган-Барановский. Ист. русск. фабрики, т. I, стр. 224.

III. Пути сообщения.

35. Путешествие сына помещичьего в Петербург. Из писем сына Болотова к отцу.
Записки А. Болотова, т. IV, ч. XXV, стр. 618 — 650.

36. О русских дорогах. По Пушкину.
Пушкин. Евгений Онегин, гл. VII, строфы 33 — 35.

37. Первые дилижансы. По Вигелю. 1820 г.
Записки Вигеля, т. III, ч. VI, стр. 28.

38. Сообщение с Крымом. Рассказ Пирогова. 1856.
Севастопольск. письма Пирогова, стр. 39—42.

*39. Проекты первых железных дорог в России.
Верховский. Ист. очерк развития жел. дор. в России, стр. 21 — 36, 59.

*40. Первая железная дорога в России (Царскосельская). По инж. Салову.
«Вестник Европы» 1899 г., март, стр. 237—243.

*41. Из записок русских инженеров о значении жежелезных дорог.
«Вестник Европы» 1899 г., стр. 257—260.

*42. Мысль русского крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между С.-Петербургом и Москвою.
«Журнал Общеполезных Сведений» 1835 г., № 18, стр. 177—178.

43. Царскосельская железная дорога.
Царское Село, изд. Ц.-С. дворцового управления, стр. 39 — 42.

44. Николаевская железная дорога. По восп. инж. Штукенберга.
«Русск. Старина» 1886 г., январь, стр. 110—123.

IV. Таможенные тарифы.

45. Тильзитский союзный договор.
Сборник Русск. Ист. Общества, том 83, стр. 281 — 283.

46. Континентальная блокада. Берлинский и миланский декреты Наполеона.
Тарле. Континентальная блокада, стр. 256 — 261.

47. Дипломатическая переписка о континентальной системе.
Сборник Русск. Ист. Общества, т. 83, № 81, стр. 266 — 267; т. 88, стр. 240 — 241.
В. вел. князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения России с Францией, т. V, стр. 49 — 50.

*48. Записка русских фабрикантов о таможенном тарифе 1812 г.
Ладыженский. История русск. таможенного тарифа, стр. 173 — 174.

*49. Записка министра иностранных дел т. с. Козодавлева по вопросу об издании нового таможенного тарифа 1816 г.
Ладыженский. Ист. русск. тамож. тарифа. Приложение.

*50. Адмирал Мордвинов. Некоторые соображения по предмету мануфактуры в России.
Адм. Мордвинов. Нек. соображения по предмету мануфактуры в России 1815 г.

*51. Сравнение поселянина о земледелии и фабриках.
«Дух Журналов» 1816 г. № 7.

*52. Выгоды свободной торговли.
«Дух Журналов» 1816 г., № 8.

*53. О мануфактурах в России.
«Дух Журналов» 1816 г., № 10.

*54. Чего ждать от нового тарифа.
«Дух Журналов» 1816 г., № 15.

*55. О роскоши. Письмо к главному издателю «Духа Журналов».
«Дух Журналов» 1816 г., № 16.

V. Буржуазное общество.

*56. Московские купеческие фамилии.
«Русск. Архив» 1907 г., № 12.

*57. Барон Гакстгаузен. Русская баржа в Рыбинске.
Исследования бар. Гакстгаузена, стр. 93—94.

*58. Пушкин. Новая Москва.
Соч. Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона, т. V, стр. 247 — 262.

*59. Бар. Гакстгаузен. Новая Москва.
Иследования бар. Гакстгаузена, стр. 30—33.

60. «Событие». Рассказ купца Рыбникова об обеде в Зимнем дворце.
«Русская Старина» 1886 г., сентябрь, стр. 576 — 582.

II. Разложение феодализма.

VI. Крепостное хозяйство.

*61. Хлебная торговля в Черноморских и Азовских портах.
«Журн. Мин. Внутр. Дел» 1859 г., ч. IV, стр. 4 — 45.

*62. Торгующее дворянство.
Берлин. Русская буржуазия, стр. 74 — 76.

63. Письма гр. Ростопчина к кн. Цицианову о сельском хозяйстве.
П. Бартенев, XIX, т. II, стр. 14 — 63.

*64. Ответ Джунковского на задачу Вольного Экономического Общества 1803 г.
Труды Вольн. Экон. Общества, т. 56, 1804 г.

*65. Из статьи Швиткова. О способах владения деревнями.
Труды Вольн. Экон. Общества, т. 62, 1808 г.

*66. Из статьи Погодина. О крестьянах на оброке.
Труды Вольн. Экон. Общества, т. 62, 1808 г.

*67. Главные правила для управления большой вотчины.
«Дух Журналов» 1817 г., № 18.

*68. Инструкция помещика Храповицкого управляющему Фан-Куху 1819 г.
Из бумаг центр. гум. пед. института.

*69. Помещичий экономический наказ (по статье В. Пичета).
Сборник материалов и статей ред. «Красн. Архива», I, стр. 22 — 27.

*70. У. Карпович. О барщине 1837 г.
Карпович. Хозяйственные опыты 1837 г., § 149 — 150, стр. 306 — 309.

*71. Записка Заблоцкого-Десятовского о крепостном состоянии в России 1841 г. Хозяйственное положение крестьян.
А. Заблоцкий-Десятовский. Гр. Киселев и его время, т. IV, стр. 276 — 295.

*72. Харламов. О барщине 1857 г.
«Журнал Мин. Гос. Имуществ» 1857 г, октябрь, стр. 10 — 20.

*73. Усиление крестьянских повинностей. По Игнатович.
Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 80 — 135.

*74. Барон Гакстгаузен. Описание Ярославской, Пензенской, Воронежской губ.
Исследования бар. Гакстгаузен, стр. 114—119, 385 — 386, 415 — 421.

*75. А. Путилов. Шудская вотчина Костромской губернии. Из вотчинных архивов.
Архив истории труда в России, кн. IV, ч. II, стр. 11 — 23.

*76. Выдержки из подворной описи по Шудской вотчине.
Арх. Ист. Труда в России. IV, ч. 2, стр. 14 — 15, 22 — 23.

*77. К. Д. Кавелин. Письма из деревни. 1860 г.
Соч. Кавелина, т. II, стр. 665 — 689.

*78. Хозяйственные заметки елецкого помещика старожила И. В. Пушечникова за 30 лет.
«Русск. Архив» 1905 г., № 4.

VII. Крепостное право.

*79. О людях крепостного состояния.
Свод законов Росс. Империи. изд. 1842 г., т. IX. Законы о состояниях, ст. 914 - 1050.

80. Рескрипт на имя министра нар. просвещения Шишкова.
Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 119, стр. 183 — 184.

81. О неповиновении крепостных людей их владельцу. Из устава благочиния.
Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 130, стр. 213.

82. Из уложения о наказаниях.
Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 137, 138, стр. 230 — 231.

83. Из XV тома Свода Законов, ст. 1680.
Пам. по ист. крестьян, изд. Н. Клочкова, № 139, стр. 231 — 232.

*84. Общая ведомость о числе помещичьих крестьян в Европ. России и Сибири по 10 народной переписи.

*85. Частная ведомость о распределении помещичьих крестьян мужск. пола по имениям в Европ. России и Сибири.

*86. Общая таблица крепостного населения в России в 1859 г., с выводом крепостного процента.
А. Тройницкий. Крепостное население России по 10 народной переписи, стр. 26 — 27, 45, 49 — 50.

*87. Крепостные крепостных (в Ивановской вотчине графа Шереметьева).
Я. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск, т. I, стр. 106 — 114.

*88. Приказ помещицы о сдаче рекрут. 1817 г.
«Русск. Старина» 1896 г., № 7, стр. 82.

*89. Письмо бурмистра к своим помещикам. 1818 г.
«Русск. Старина» 1896 г., № 4, стр. 154.

*90. Записка помещика к уездному начальству о наказании крепостного. 1838 г.
«Русск. Старина» 1896 г., март, стр. 112.

*91. Цена на людей в 1853 г.
«Русск. Старина» 1871 г., т. IV, стр. 594—595.

92. Из приказов бурмистру.
А. Повалишин. Рязанские помещики, стр. 81 — 82.

93. Из записок сельского священника.
Сборник о крепостном праве, ред. С. Мельгунова, стр. 28 — 35.

*94. Записки крепостной.
«Русск. Старина» 1911 г., январь, стр. 140— 151.

*95. Тени прошлого по документам 1830 годов.
«Русск. Старина», т. 144, стр. 645—647.

*96. Отпускная на волю 1815 г.
«Русск. Старина» 1916 г., июнь, стр. 463.

97. Как я получил волю. По запискам Никитенко.
Никитенко. Дневник и записки, т. I, стр. 115 — 128.

*98. Памфлет Терасовицкого Данилы (записано в Могилевской губ.).

*99. Дворовые люди. Записано в Смолен. губ. 1885 г.

*100. Песни о крепостном праве, записанные в Псковской, Орловской, Тверской, Саратовской губ.
К воле. Сборник Бродского.

*101. Песни о крепостном праве.
Великая реформа, т. IV, стр. 14 — 20

*102. Две сказки о грешнике.
Великая реформа, т. IV, стр. 21 — 23.

*103. Некрасов. Крестьянский грех.
Соч. Некрасова, изд. 1920 г., стр. 335.

*104. Н. Аргунов. Сечение крестьянами помещиков. По архивным материалам.
«Архив истории труда в России», кн. III, стр. 117 — 119.

*105. Как дворовые свою барыню высекли. Из мемуаров тамбовского помещика.
«Русск. Старина» 1906 г., т. 125, стр. 163— 167.

*106. Жизнь русских крестьян. Идиллия крепостного права 1817 г.
«Дух Журналов», 1817 г., № 49.

*107. Герцен. Из «Былого и дум». Дворовые.
Соч. Герцена. Былое и думы, гл. II.

*108. Крапоткин. Крепостное право.
Записки революционера, ч. I, гл. VIII.

VIII. Помещичья жизнь.

109. Дворянская улица в Пензе. По Вигелю.
Зап. Вигеля, т. I, ч. I. стр. 216 — 218.

110. В дворянской семье в Москве.
Н. В. Давыдов. Из прошлого, стр. 17 — 22.

111. В барском доме. Обед-бал.
Сборник «Раут» Сушкова, 1852 г., стр. 449 — 471.

112. Возы приехали. По восп. Водовозовой.
Сборник Мельгунова, стр. 14 — 16.

113. Обоз. Стих. кн. Вяземского.
Соч. кн. Вяземского, т. IV, стр. 29 — 30.

*114. П. Крапоткин. Старая Конюшенная.
Записки революционера, ч. I, гл. I.

*115. П. Крапоткин. Старое барство.
Записки революционера, ч. I, гл. VI.

*116. П. Крапоткин. Оброки.
Записки революционеров, ч. I, гл. VII.

*117. П. Крапоткин. В деревню.
П. Кропоткин. Записки революционера, ч. I, гл. VIII.

*118. Герцен. Оброки натурой.
Герцен. Былое и думы, гл. II.

*119. Герцен. День в доме отца Герцена.
Герцен. Былое и думы, гл. VI.

*120. Крепостной театр гр. Каменского в Орле в 20 г.г. XIX в.
«Русск. Архив» 1869 г., 1707 — 1714.

*121. Учение в благородном пансионе.
Лит. восп. И. Панаева, стр. 121 — 123.

IX. Крестьянские волнения.

*122. Крестьянские волнения при Александре I.
Авалиани. Волнение крестьян в цар. имп. Александра I, стр. 42 — 67.

*123. Крестьянские бунты при Николае I.
С. Середонин. Истор. обзор деятельности Комитета министров, т. II. стр. 333 — 360.

*124. Бунт удельных крестьян 1833 г. По восп. Стогова.
«Русск. Старина» 1878 г., декабрь.

*125. Крестьянские волнения при Николае I (по Игнатович).
«Минувшие Годы» 1908 г., май — июнь, стр. 95 — 114.

*126. Крестьянские волнения (по Игнатович).
Великая реформа, т. III, стр. 46 — 64.

III. Буржуазный либерализм.

X. Либеральное движение.

XI. Либеральные реформы и проекты реформ.

XII. Реакция 20-х годов.

XIII. Революция декабристов.

XIV. Дело о декабристах.

Дополнительные статьи:

Звездочкой (*) отмечены новые статьи, впервые помещаемые в этом издании.

I. Промышленный капитализм.

I. Фабрика.

1. Российская промышленность.

(Из рукоп. статьи проф. Надеждина в ответ на философское письмо Чаадаева).

Мы никогда не шли вместе с другими народами, не принимали участия в ходе и движениях европейского просвещения! Но в чем состоят признаки и плоды того просвещения, которым Европа имеет право гордиться, в котором ей можно и должно завидовать, соревновать? Без сомнения, в развитии наук и искусств, промышленности и торговли, этих главных условий общественного совершенства, главных показателей умственной и гражданской образованности народов. Но разве у нас нет наук и искусств, разве наша промышленность и торговля не возрастают, не цветут, не подвигаются вперед исполинскими шагами?

У нас нет промышленности? А между тем богатая, неистощимая наша природа ежедневно разверзает свои недра и дарит труду новые сокровища. Хребты Урала и Алтая кишат золотом; на берегах Крыма, у подошвы Кавказа, виноград стелется лесами, шелковичный червь прядет в изобилии свои нити, все нежные произведения юга распложаются, пускают корни и делаются русскими. Мерзлые тундры Камчатки и раскаленые солончаки киргизских степей засеваются хлебом, обращаются в золотистые нивы. Русский путешественник на утлом челноке отважно уносится по волнам двух океанов, не боясь вечных льдин одного и грозной тишины другого, преследует кита в полярных широтах Шпицбергена, добывает пушистые меха на погасшей гряде Алеутских и Курильских вулканов. Все изделия пользы, удобства и роскоши не стыдятся уже носить русский штемпель, свидетельство русского происхождения. Москва с своими окрестными губерниями, Тулой и Ярославлем, Калугой и Владимиром. быстро превращается в одну огромную мануфактуру, в исполинский Манчестер! У нас нет торговли! А наш Нижний Новгород ежегодно соединяет в себе Европу и Азию, приходящие меняться своими трудами и выгодами. Купцы московские имеют свои конторы в Кяхте на границах Небесной Империи. Американская компания соседничает с Соединенными Штатами. В Петербург и Одессу, в Ригу и Архангельск приходят корабли из Александрии и Калькутты, из Нью-Иорка и Рио-Жанейро. И тогда как французы и немцы только что собираются воспользоваться важнейшим изобретением современной промышленности, богатейшим пособием торговли, железными дорогами, тогда как в этих просвещеннейших странах Европы едва обделано по десяти, по двадцати верст, у нас зреет уже исполинский план оковать железом более чем тысячу верст расстояний, связать Петербург с Москвою и Нижним-Новгородом, так, чтоб это огромное пространство пожиралось в двое суток! Как же мы не идем вместе с другими народами, не принимаем участия в ходе и движениях европейского просвещения? Нет, мы бежим с нею (ними?) взапуски, и верно перебежим скоро, если еще не перебежали.

(«Русская Старина», 1907 г., июль, август, сентябрь, стр. 240—242.)

---

2. И. Аксаков.

Украинские ярмарки.

...Таково было положение дел до издания тарифа 1822 года. Никакая правительственная мера в России не произвела такого переворота

в быту промышленном, как этот знаменитый тариф. Московская, Владимирская, Костромская губернии образовали целый мануфактурный округ; целое народонаселение получило иное, фабричное направление; сотни тысяч рук пришли в движение, сотни фабрик выбрасывали ежедневно массы произведений, требовавших сбыта. Украина и Новороссийский край представлялись готовым, обширным рынком; на него устремились взоры промышленников, и вся прежняя система Украинских ярмарок замешалась; значение ярмарочных пунктов перестановилось. Города и ярмарки, некогда сильные торговлею иностранными товарами, значительно упали (Курск, Нежин, Коренная, Всеедная) и, напротив того, быстро усилились те ярмарки, которые и прежде были важны для сбыта русских товаров, те пункты, которые были ближе к новому рынку и отдаленнее от соперничества иностранных товаров и контрабанды. Главным господствующим товаром стали красные или русские мануфактурные произведения; они дали смысл, жизнь и направление всей ярмарочной торговле, и, по свойству товара, разделили и ярмарки на летние и зимние; ярмарки получили значение не по отпуску отсюда местных сырых произведений, а по привозу товаров с севера. Первостатейными ярмарками стали зимняя Крещенская и летняя Ильинская. Чтобы разом поставить читателя на настоящую точку зрения относительно важности Украинских ярмарок, скажем, во-первых, что сбыт на этих ярмарках русских мануфактурных произведений простирается на сумму до 22-х миллионов руб. сер., составляя около трети общей стоимости производства всех русских мануфактур и превышая вдвое сбыт красных товаров на Нижегородской ярмарке; во-вторых, что на главных Украинских ярмарках открывается до 200 лавок, производящих оптовую торговлю мануфактурными товарами, и что из числа этих 200 №№ до 150-ти приходится на долю самих производителей-фабрикантов, предлагающих товар из первых рук, без посредничества купцов. В 1846 или 1847 году сами собой уничтожились ярмарки Сборная в Сумах и Всеедная в Нежине и возникла Маслянская в Ромнах; в 1852 году Ильинская ярмарка из Ромен передвинулась в Полтаву. С тех пор перемен еще не было, и мы рассмотрим Украинскую ярмарочную систему в современном ее положении.

Начнем со Введенской ярмарки в городе Сумах. Сумы от Москвы 647, от Харькова 170 верст. Официальные сроки ярмарки от 21 ноября до 6 декабря, но она начинается несколько раньше и кончается несколько позже. Товары, едущие из Москвы на Крещенскую, заезжают сюда по дороге, пользуясь удобным зимним путем. Со Введенской ярмарки товары идут в Харьков на Крещенскую, а купцы успевают съездить домой, провести дома первые рождественские праздники и вернуться в Харьков. Крещенская начинается 6 января и продолжается месяц, но конный торг открывается за месяц до краснорядского, еще в первой половине декабря. Крещенская самая сильная из всех Украинских ярмарок. До 100 тысяч подвод, фур, возов и саней привозят разнообразные товары из разных концов России, из Нижегородской губернии, из Бессарабии, с Кавказа и из Риги. Сюда стекается полный комплект ярмарочных торговцев, продавцов и покупателей, здесь главный склад товаров, назначаемых для кочевания по Украинским ярмаркам. На Харьковских ярмарках и на Сумской евреи не имеют права торговли, т.-е. им позволяется являться для покупок, но без товаров, и не для продажи. Крещенская кончилась. Опять укладываются товары, нагружаются на подводы, и длинная вереница обозов выступает по направлению к Ромнам. Приказчики едут на почтовых или «вольных»; постоялые дворы оживляются и хозяева с радостью приветствуют тароватых московских торговцев; купцы спешат в Ромны, на Маслянскую ярмарку (от Харькова 260 верст), куда в это же время высылается небольшая часть свежих товаров и из Москвы. Здесь кстати заметим, что по краснорядской торговле бывает к каждой ярмарке новый подвоз товаров, прямо с места, кроме остатков, пересылаемых от ярмарки на ярмарку. Прежде купцы ездили из Харькова сначала на Всеедную в Нежин, потом на Сборную (т.-е. в Сборное воскресенье, на 1-й неделе поста) в Сумы, но с 1846 г. они сами выхлопотали себе Маслянскую ярмарку в Ромнах, которая, убив разом обе упомянутые ярмарки, представляла для них ту выгоду, что сокращала лишние расходы и разъезды, находилась в середине между

обоими городами и была третьею ярмаркою в Ромнах, следовательно, в одном и том же пункте. Казалось бы, что на этой второстепенной, так сказать вспомогательной ярмарке должны были бы торговать не приезжие из Москвы оптовые купцы, но местные торговцы . . . Нет, московское купечество считает полезным для себя иметь ярмарку и в этой стороне, ближе к западу, навестить самого покупателя, которому обстоятельства не позволили приехать на Крещенскую. К тому же эта ярмарка важна участием в ней евреев, которые покупают товаров много и большею частью за наличные деньги. Вот отчего на Маслянской в Ромнах являются опять сами фабриканты и главные оптовые ярмарочные купцы, только, разумеется, в меньшем числе, чем на Крещенскую. Официальные сроки Маслянской ярмарки с 17 по 24 февраля, но она продолжается не менее 2-х недель. В это время года в Малороссии нередко уже начинается весна; земля распускается, дороги становятся непроездными, лошади тонут в грязи, обозы вязнут и останавливаются; по всей дороге от Харькова к Ромнам встречаете вы растерянные товары . . . Но такова, видно, нужда торговая, что она заставляет купцов преодолевать все препятствия, поставляемые природой, переносить все невзгоды, хлопоты и даже убытки для того, чтоб не лишиться покупателей. «Нельзя, говорят купцы, покупатель, что заведенная пружина: вот он явится на ярмарку, да не найдет своего купца, так обратится, пожалуй, к тому, кто приехал раньше, да так за ним и останется . . .»

Коренная ярмарка начинается обыкновенно в 9-ю пятницу после Пасхи и считается у купцов горячею ярмаркою; т.-е. она, по их выражению, разыгрывается в несколько дней; разумеется, это относится только к капитальному ярмарочному товару, т.-е. мануфактурным произведениям. Тем не менее ярмарка продолжается дней 10, а с приездом и разъездом и более 2-х недель. Мы уже сказали выше, что, с ослаблением нашей внешней сухопутной торговли, значение Курска упало; с изданием тарифа понизилось еще более, а с движением торговли на юг, к Новороссийскому рынку, — утратилось и значение Коренной ярмарки, как пограничного великорусского ярмарочного пункта. Это место занял теперь Харьков, и весьма понятно, почему обороты Коренной ярмарки уменьшаются с каждым годом и она быстро клонится к упадку . . .

Вновь укладываются товары, вновь тянутся обозы: предстоит обширный торг, на который снова является полный комплект ярмарочных деятелей: в половине июля открывается Ильинская Полтавская ярмарка.

Для красных товаров необходимы две главные ярмарки в году, - одна зимняя для летних, и другая летняя для зимних товаров: в оптовой торговле летом запасаются теплом на зиму, зимой — легкими тканями и прохладным товаром на лето. Поэтому и Ильинская ярмарка особенно сильна торговлею сукон и шерстяных тканей, также и пушною торговлею, - в этом отношении имеет значительный перевес над Крещенской. Один из фундаментальных товаров Ильинской ярмарки — шпанская шерсть, дающая ей право на 2-е место в числе шерстяных ярмарок после Троицкой и привлекающая человек до 30 иностранных покупателей. Но особенно важна эта ярмарка для торговцев — участием евреев, которые, налетая, как саранча, продают товары и оптом и в розницу, пускают в оборот большие суммы наличных денег, привозят огромное количество иностранных галантерейных и мануфактурных произведений, но еще несравненно более забирают у русских торговцев — изделий русских фабрик и мануфактур. Ильинская ярмарка официально начинается 20 июля и кончается 1 августа, но продолжается несравненно долее. Едва успели купцы свести счеты, как снова укладка, снова в дорогу: 15 августа начинается Успенская ярмарка в Харькове, которая (скажем здесь кстати) отстоит от Полтавы, по извозчичьему тракту, 120 верст.

Срок Успенской ярмарки совпадает с последним осенним походом чумаков в Крым за солью; отправляясь порожняком, на волах, они охотно берут здесь товар за весьма дешевую плату и развозят его по пути; если же предвидят сухую, продолжительную осень, то доставляют товары и в Одессу, и в Бессарабию, и в Ростов-на-Дону, и в разные другие места на юг, близкие к Перекопу, или удобные для зимовки, так, чтобы они могли с раннею весною, нагрузившись солью или белою рыбой, выступить в

обратный поход. Дешевизна провоза составляет важное условие для товаров малоценных, которых стоимость не выносит дорогой провозной платы. Такие товары называются у торговцев тяжелыми, не по весу их, а по отношению цены товара к цене провоза. Например, железо, белая рыба — товар тяжелый, ибо цена пуду от 1 р. до 1 р. 50 к., а за дальнюю доставку на лошадях приходится отдавать копеек 35 с пуда и более; напротив того, пуд серебра — тот же пуд весом — называется товаром легким, ибо расход провоза для него нечувствителен. Этих-то тяжелых товаров доставляется особенно много на Успенскую ярмарку, к урочному времени дешевого чумацкого извоза. Успенская ярмарка стоит с 15 августа по 1 сентября и несколько долее.

Отторговали на Успенской, но еще не совершен годовой ярмарочный круг, и купцы вновь нагружают возы и воловьи фуры, вновь спешат и суетятся: надобно торопиться на Крестовоздвиженскую ярмарку в Кролевец. Впрочем значительная часть товаров отправляется туда прямо из Полтавы, с Ильинской ярмарки. Кролевец — от Полтавы 305 верст, от Харькова 280. В этом городе, как уже известно читателю, ярмарка начинается тотчас после праздника Воздвижения, 14 сентября. Но молодые приказчики высылаются заранее, чтобы приготовить места для торговли. В Кролевце нет вовсе ни каменных, ни деревянных рядов, но владельцы лавочных мест на площади обязываются выстроить нанимателю лавку с деревянным помостом, полками и прилавком, с циновочною крышею и с рогожными стенами; каждый приказчик наблюдает за своей лавкой, торопит владельца и рабочих, и вот в несколько дней созидается целый городок из холста, циновок и рогожи, с длинными рядами лавок, с улицами и переулками.

Мы сказали уже выше, что из 200 гуртовых лавок, «с красными товарами» до 150, по крайней мере, торгуют товаром из первых рук. Разумеется, не все эти первые производители заслуживают название фабрикантов; из них человек до 50 таких, которых настоящие фабриканты с презрением называют мастерами или кустарниками, или самовозами. Известно, что в нашем мануфактурном округе не вся мануфактурная деятельность сосредоточена на фабриках, а обхватывает целые окрестные селения, переходит частью в домашнее ремесло. Крестьяне Московской и Владимирской губерний, работая для фабрикантов на своих домашних станках, наконец, сами покупают пряжу на собственный счет и ткут у себя дома разные низшие бумажные ткани, сарпинку, нанку, холстинку, миткаля, которые отдают потом в окраску одного цвета и сбывают это все или сами, или через посредство своих же крестьян, на разных ярмарках, в том числе на Украинских и преимущественно на Крещенской и на Коренной. Как бы то ни было, но это явление, ярмарочная гуртовая продажа, производимая не через посредство купцов, а самими производителями, фабрикантами, из первых рук, перекочевывающими, в лице своих приказчиков, с ярмарки на ярмарку в течение целого года, — это явление так замечательно, что требует подробного разъяснения

Оно возникло лет 25 тому назад, не более. Конечно, две, три фабрики еще и прежде посещали Украину, но торговля мануфактурными произведениями, и после издания тарифа 1822 года, сосредоточивалась в первое время в руках купцов. Под влиянием тарифа фабрики умножились, и производительность мануфактурная усиливалась, день ото дня, с такою судорожною, лихорадочною деятельностью, с такою неимоверною быстротою, что количество произведений скоро оказалось несоразмерным требованию. Надо было искать новых рынков для сбыта постоянно увеличивающегося количества товаров. надо было родить потребность, создать покупателя, навязать ему товар почти насильно, обольстить и опутать его кредитом, и, таким образом, придти к тому странному положению, в котором находится ныне мануфактурная торговля. Размножение фабрик и соперничество оных, при скудости требования, понизило цены до-нельзя, т.-е. если брать в соображение издержки производства. При такой относительной дешевизне товара, фабрикантам приходилось брать массою, т.-е. сбывать товаров как можно больше, а эта необходимость заставила их высвободиться из-под зависимости и опеки купеческой, отклонить всякое лишнее посредничество между производителем и потребителем. Мы разумеем здесь под потребителем не «публику», как говорят купцы, а розничного

торговца. Ярмарочные оптовые купцы стесняли фабрикантов разными требованиями, видимо, обличавшими стремление к монополии. Купцы, разумеется, брали только то количество, какое было им нужно, и, поднимая товар в цене на ярмарках, обращали барыш в свою пользу; когда же, наконец, многие фабриканты решились сами воспользоваться этим барышом и расширить круг своего сбыта, тогда купцы уже не могли продавать товар дороже, чем продавали сами первые производители, и стали забирать товары только у тех фабрикантов, которые еще сами на ярмарки не ездили, при чем купцы требовали, чтобы эти фабриканты никому более, кроме их, товаров на Украину не продавали. Но и эти фабриканты, один за другим, по мере усиления производства на их фабриках, разрывали тягостные для них условия с купцами и выступали на поприще ярмарочной торговли. Участие, принятое фабрикантами в ярмарках, было причиною банкротства многих купцов, которое, в свою очередь, нанесло огромные убытки другим фабрикантам, вверявшим им свои товары; это обстоятельство еще более способствовало к устранению всякого купеческого посредничества.

Но и этого еще было мало для усиления сбыта товаров. Появление фабрикантов на ярмарках, продажа товаров из первых рук, совместничество производителей на безденежном малороссийском рынке, постоянно увеличивавшаяся масса привоза — породили не только кредит, не обуздываемый никакими банкротствами, но даже соперничество в кредите. Каждая лавка, желая привлечь к себе покупателей, соперничает с другою — не большим или меньшим достоинством товара, не дешевизною, ибо цены уравнялись до низшей степени, и у всех почти одинаковы, — а более или менее отважным кредитом. Кто больше кредитует, тот и товаров большую массу сбывает, и понятно, что, при таком положении дел, малоросс, не рискующий и не кредитующий, совершенно затерт, так сказать, русскими торговцами. Без кредита не было бы никакой возможности сбывать такое огромное количество товаров, мало того: без кредита не было бы никакой выгоды торговцу. Цена товарам на Украинских ярмарках — кредитная, основанная большею частью на 6-тимесячном кредите, от одной ярмарки до другой, от Крещенской до Ильинской, от Маслянской до Успенской и т. д. — фабриканты на ярмарках признавались нам сами, что если покупатель два раза сряду забирает товары, разумеется, в одинаковом количестве и за один раз заплатит сполна по кредитной цене, а за другой и вовсе не заплатит, то они, конечно, не в выгоде, но и не в существенном убытке. Стало быть, кредитная цена чрезвычайно высока, и на этом только рассчитана выгода, которую еще могут получать купцы, вторые производители товара, в присутствии первых производителей. Купец капиталист покупает, например, у фабриканта известное количество товара, по известной, т.-е. кредитной цене, и в долгие сроки, месяцев на 12 и 18, ибо пользуется преимущественным пред прочими доверием. Приобретя товар и пустивши его в оборот, он старается как можно скорее, через месяц или два, заплатить фабриканту наличные деньги, вычитая в свою пользу проценты за все остальные месяцы, — а сам продает товар по кредитной цене и даже иногда несколько дешевле самой общепринятой кредитной цены. Дерзость кредита, размеры купеческого риска превосходят всякое вероятие. Если является новый покупатель и берет на 3,000 р. с. товаров, за наличные деньги, то может смело забрать товаров сейчас же на 30 т. р. с. в кредит; в следующий раз он опять заплатит 3, 4 тысячи и опять пользуется таким же неограниченным кредитом.

Такова необходимость в сбыте, что фабриканты, желая удержать за собой покупателя, не только облегчают ему все способы к покупке, но и берут на себя обязанности уже чисто купеческие; именно в каждой лавке, даже в лавках самых знаменитых фабрикантов Москвы, вы найдете, сверх изделий самого фабриканта, предлагаемых им из первых рук, — товары чужие, купленные, которые он держит для своего покупателя, приноравливаясь к его вкусу и требованию, с тем, чтобы он не имел уже вовсе надобности заходить в другую лавку и заводить с ней торговые связи.

Но не довольствуясь личным своим натиском на Украинские рынки, великорусские фабриканты ведут за собою целое войско великорусских деятельных агентов, разносчиков, коробочников, ходебщиков Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии и ста-

рообрядческих слобод Черниговской. Без их содействия нельзя было бы ожидать такого живого сбыта товара посредством одних местных розничных городовых купцов. Но кроме офеней и слобожан, разбирающих товар во множестве, и большею частью в кредит, — самым полезным деятелем для мануфактурных торговцев — служит живое торговое, оборотливое еврейское племя. Прежде евреям кредитовали очень мало, но теперь начинают кредитовать и им, хотя и не в долгие сроки. Евреи же стараются, с своей стороны, как можно скорее заплатить наличные деньги, чтобы воспользоваться скидкой процентов и выручить свои барыши раздачею товара в долг, по мелочи, за еврейские проценты. Этот класс торговцев, т.-е. ходебщики и евреи, собираясь к урочному времени ярмарки, мигом растаскивают товары и разбегаются с ними во все стороны, разнося и развозя их по деревням, хуторам и селам, по ленивым панам, по казакам-домоседам, по крестьянам-щеголям, по крестьянкам-щеголихам, жинкам и дивчатам, от границ Австрии до Кавказа, от Дона и до Дуная. рассовывают товар всюду, по мелочам, соблазняют покупателей удобством кредита. В этом отношении весьма выгодны для оптовых торговцев частые сроки ярмарок, ибо они доставляют им случаи часто видеть покупателя, беспрестанно иметь с ним дело и дают возможность судить об его торговых обстоятельствах. Красный товар — товар прихотливый, капризный, скучный, говорят купцы, любящий перемену, подверженный случайностям моды, вкуса, погоды; потому-то и необходимо — и оптовому торговцу или фабриканту к каждой ярмарке, смотря по местности и времени года, выписывать из дому новые, свежие, «подходящие» товары, — и покупателю, для его розничной торговли, запастись кое-какими «самыми новейшими и модными новинками». Частые ярмарки вполне соответствуют свойству краснорядской торговли.

Нельзя не упомянуть о довольно любопытном явлении, отражающем в себе также современное состояние торгового дела на Украине. После Маслянской ярмарки приказчики большей части купцов отправляются в странствование по должникам, для сбора наличных денег. Мы видели однажды список мест, которые предлежало объехать приказчику одного московского фабриканта: он заключал в себе до 30 разных названий городков, местечек и селений Новороссийского края и Бессарабии. Для сокращения расходов, приказчики от разных хозяев соединяются обыкновенно вместе, человека по два и по три. Путешествие продолжается большею частью до Елисаветградской ярмарки, на которую собираются приказчики с деньгами, а хозяева за деньгами. Кроме цели денежной этот способ доставляет ту выгоду купцам, что они получают таким образом подробные и верные сведения о состоянии торговых дел должника, о самом крае, о современном положении розничной торговли, о господствующем вкусе и приобретают нередко, через приказчиков, новых покупателей и новые знакомства.

Весьма трудно провести резкую черту между фабрикантами и купцами: почти у всех фабрикантов, кроме произведений своих фабрик, имеются в лавках и покупные товары, большею частью таких фабрик, которые не высылают своих представителей на ярмарки. «Это мы так для своих покупателей держим», говорят торговцы. Действительно, почти каждая лавка имеет своих обычных покупателей, связанных с нею тесными узами кредита. Между каким-нибудь фабрикантом села Тейкова (Шуйского уезда) и каким-нибудь караимом Таврической губернии, видающимися почти на каждой ярмарке, т.-е. раз 8, по крайней мере, в год, устанавливаются нередко такие дружеские торговые отношения, что фабрикант приноравливается ко вкусу и требованиям своего покупателя караима, заготовляет для него особый товар и прикупает чужой, нужный для караима, с тем, чтобы исключительно присвоить его себе и отстранить от него необходимость заходить в другие лавки для покупки нефабрикуемых самим фабрикантом тканей. С другой стороны, есть купцы, которые, не имея у себ. никаких заведений, приобретают материал, раздают его на фабрики, или крестьянам, занимающимся на дому ткачеством; купят, например, пряжу и закажут из нее миткали, потом эти же миткали отдают в набивку и т. д. Конечно, они не фабрикуют сами, но все же покупают не готовый товар, а некоторым образом сами участвуют в изготовлении товара, являясь распорядителями труда, звеном, свя-

зывающим разрозненные, составные части фабрикации.

Из исчисленных нами фабрикантов можно назвать до 40 человек мелких фабрикантов, или «фабрикантиков», таких, которых настоящие фабриканты называют «кустарниками». Известно, что в фабричных кругах Московской и Владимирской губернии тканье миткалей и других дешевых бумажных материй сделалось достоянием не только фабрик, но и простых крестьянских хозяйств в деревнях и селах. Постоянно работая на фабрикантов и ознакомясь хорошо с делом, крестьяне, или многие из них, стали, наконец, работать сами на себя, на своих домашних станках, из собственных материалов, сами возят продавать за 1.000 верст собственные свои домашние изделия, большею частью на собственных лошадях. Некоторые мастера, как их также называют купцы, привозят на ярмарку не более 3-х возов. Иногда какой-нибудь смышленый крестьянин, сам фабрикующий, скупает у своих односельчан, занимающихся с ним одним делом, изготовленные ими товары и, вместе с своими, везет их на Украину, где в официальных документах — его отмечают фабрикантом. Эти «кустарники» возбуждают негодование настоящих фабрикантов потому, что, имея у себя товар низшего достоинства, но только на манер хорошего, они (т.-е. крестьяне) продают его низшею ценою, следовательно, «сбивают цены». Однако мы с своей стороны признаем это соперничество весьма полезным: оно заставляет фабрикантов искать перевеса над крестьянской работой — в достоинстве товара и в удешевлении машинного производства. Из числа этих крестьян-фабрикантов — треть из Богородского уезда, треть из Бронницкого уезда; остальная треть разделяется между Егорьевским уездом Рязанской и разными уездами Московской губернии. Главный их товар из бумажных материй: нанка, серпянка и дешевые миткали; из льняных: пестрядь и коломянка.

Обороты купеческой торговли по бумажным товарам составляют около трети всех оборотов ярмарочной торговли бумажными тканями; таким образом слишком две трети приходятся на долю товара, предлагаемого из первых рук самими производителями, и около одной трети на долю товара купленного, предлагаемого из вторых или из третьих рук [1]

Относительно купцов не должно забывать, что нет почти никакой надобности знать, где они платят капитал, ибо это обстоятельство почти не имеет связи с торговлей; большая часть значительных купцов Харькова и Полтавы приписалась к привилегированным городам Ейску и Бердянску, хотя никогда в этих городах и не бывали. Поэтому, исчисляя купцов, мы большею частью называли места их постоянного жительства и торговой деятельности и не ручаемся, чтобы некоторые из них (особенно харьковские) не считались ейскими и бердянскими.

Название «суздальских» товаров присвоено преимущественно бумажным товарам низких сортов; впрочем вместе с низкими, в том же «Суздальском» ряду, помещаются и товары высшего сорта, ситцы Бутенопа, Люйтина и другие.

Исчисленное нами число бумажных фабрикантов, выезжающих на украинские ярмарки, относится к общему числу бумажных фабрикантов в России, как 1 к 4, или несколько более, если принять за основание число бумажноткацких фабрик в России, помещенное в ведомости за 1852 год, приложенной к журналу мануфактур и торговли 1853 года.

(И. Аксаков. «Исследование о торговле на украинских ярмарках», стр. 13—22, 162—164.)

---

3. Положение рабочих на посессионных фабриках.

(По Туган-Барановскому.)

Более всего посессионных фабрик было в Московской губернии (почти ¼ всего числа), затем в соседних промышленных губерниях — Ярославской, Владимирской, Костромской, Калужской. По числу рабочих впереди стояли суконные фабрики. В 1813 г. на них числилось 14.679 пос. рабочих — немногим менее половины всех значащихся по спискам посессион-

---

[1]) Хотя мы основываем это заключение на неофициальных данных, однако считаем их довольно достоверными, ибо обращались за сведениями ко всем краснорядцам, расспрашивая о торговых оборотах каждого порознь.

ных фабричных рабочих. В том же году на полотняных фабриках было 7.522 пос. рабочих, на чугунных, стальных и железных заводах (кроме горных) 6.610, на писчебумажных—2.107, на шелковых 1.908. Число пос. рабочих на стеклянных и фарфоровых заводах, ситцепечатных, позументных, минеральных и др. фабриках было не велико.

Некоторые посессионные фабрики были огромных размеров. При Глушковской суконной фабрике графини Потемкиной (в Курской губернии) состояло (по 5-й ревизии) 9.121 душ м. п. На полотняной и писчебумажной фабриках Яковлева в Ярославле (большая Ярославская мануфактура) работало в начале этого века 1.625 мужч. и 2.250 женщ., главным образом, приписных. На полотняной и писчебумажной фабриках Гончарова (в Медынском уезде) работало 962 посессионных фабричных. На суконной фабрике Осокина было около 1.000 рабочих.

Рабочий день на огромном большинстве посессионных фабрик продолжался 12 часов. Менее продолжительный рабочий день мы встречаем на 1 суконной фабрике, 1 шелковой, 3 полотняных, 5 писчебумажных и 2 стеклянных.

Более 12 часов рабочий день продолжался на 5 суконных фабриках, 7 полотняных и 1 стеклянной (14 — 18 час.).

Почти на всех фабриках, доставивших требуемые сведения, рабочие получали денежную плату; только на 3 суконных фабриках, 7 полотняных, 1 бумажной, 1 кожевенной и 1 минеральном заводе рабочие не получали денежной платы. Фабрики последнего рода были или небольшие, или же на них работа производилась «брат на брата», т.-е. крестьяне полгода работали на владельца, полгода на себя. На других фабриках плата производилась рабочим и в том случае, когда они работали только полгода на владельца, — такой порядок практиковался на 3 суконных фабриках и 5 полотняных. Но обыкновенно работа на фабриках шла круглый год, за исключением праздников и воскресных дней (работали около 260 дней в году), и только на немногих фабриках рабочие увольнялись на 1 или 2 летних месяца для полевых работ.

Ночная работа, как общее правило, не практиковалась на посессионных фабриках. Женщины, в большинстве случаев, принимали участие в фабричной работе точно так же, как и малолетние. Только на писчебумажных и стеклянных фабриках работали преимущественно взрослые мужчины.

Повидимому, рабочие, по большей части, имели свои собственные дома с огородами и сенокосами (если фабрика была не в городе). Иногда они жили при фабриках в помещении владельца или же нанимали квартиры на стороне (на городских фабриках).

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 116—118.)

---

4. Волнения на посессионных фабриках.

(По Туган-Барановскому.)

Фабрика Яковлевых в гор. Ярославле — Большая Ярославская мануфактура — была основана еще при Петре I Затрапезном и в начале XIX века была самой крупной полотняной фабрикой России. На ней выделывалось тонкое полотно, поступавшее даже к императорскому двору; кроме полотна, на фабрике выделывалась также и писчая бумага. В 1801 г. ценность всех товаров, изготовляемых на фабриках, превысила 1 милл. рублей. При фабрике состояло 1.319 мужчин и 1.599 женщин. Фабричными работами в 1817 г. было занято посессионных 1.048 мужчин и 1.323 женщины (кроме вольнонаемных). Главным поводом к жалобам рабочих была низкая заработная плата. В 1803 г. рабочие подали несколько жалоб в этом смысле в Ярославское губернское правление.

Губернское правление ответило поверенным рабочих, чтобы они «с должным повиновением пребывали спокойными, ожидая от содержателей немедленного рассмотрения показуемого ими», и потребовало, чтобы поверенные рабочих, Алексеев и Езопов, дали подписку в этом. Поверенные отказались дать подписку и были наказаны плетьми. В следующем году рабочие посылали двух своих поверенных, Москвина и Маркелова, в С.-Петербург для подачи самому Александру I просьбы о прибавке заработной платы. И эти поверенные арестовываются и наказываются плетьми, при чем «для внушения повино-

вения прочим рабочим людям» им производится наказание на фабрике публично, в присутствии отряда солдат.

Несмотря на это, рабочие отправляют новых поверенных для подачи жалобы государю. Дело доходит до сената, который ставит резолюцию — объявить мастеровым — просителям, «чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребывали в положении своем спокойными и в должном у содержателей мануфактуры повиновении, в противном же случае подвергнут себя неослабному по законам наказанию».

Это не мешает рабочим в 1806 г. опять подать просьбу Александру I с жалобой на жестокие наказания их поверенных и низкую заработную плату. Но и эта просьба имела успех не более предыдущих. Поверенные рабочие были наказаны розгами и отправлены обратно в Ярославль.

После этого в течение 11 лет рабочие остаются спокойными; в 1817 г. они возобновляют прежние жалобы. В этом году их поверенный подал просьбы министру внутренних дел Козодавлеву и министру юстиции Трощинскому о понуждении содержателя фабрики повысить заработную плату. Для рассмотрения дела назначается комиссия из частного пристава г. Ярославля, городского головы и одного местного фабриканта. Комиссия находит, что недовольство фабричных происходит «не столько от нужды, сколько от подстрекательства к неповиновению и своевольству просителей фабричных». По показанию комиссии, рабочие устраивают «в работное время сходбища и возмущения»; тем не менее, комиссия признала, что следует повысить плату поденным рабочим, но вместе с тем удалить с фабрики вредных людей, возмущающих остальных.

Ярославский губернатор потребовал от рабочих подписку в повиновении владельцу. Рабочие отказались ее дать, несмотря на все меры понуждения губернатора.

В следующем году рабочие подают просьбу министру юстиции кн. Лобанову-Ростовскому о том, чтобы их признали свободными, так как владелец продолжал их притеснять.

Министр внутренних дел Козодавлев командирует для расследования положения рабочих на фабрике Яковлева чиновника министерства Бурнашева. Бурнашев признает, что претензии мастеровых Ярославской Большой мануфактуры и жалобы их на недостаточность заработной платы совершенно ложны и неосновательны. Главная причина волнения — «пьянство и распутство мастеровых, усилившееся среди мастеровых в высокой степени . . . Праздность, в которой люди сии пребывают, ведет их к своевольным мыслям, — от сего бывают у них беспрестанные сходки, совещания, на которых сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хождения по делам».

Для успокоения рабочих министерство решило выработать и ввести на фабриках особое «Положение»; была точно установлена плата, которую следует получать рабочим, число рабочих часов и пр. Поштучная плата оставлена прежней, но поденная плата была немного повышена. Для престарелых и увечных назначена небольшая денежная пенсия. Рабочий день установлен в 14 часов.

Но введение на фабрике Положения не успокоило рабочих. Они продолжают подавать жалобы министру внутренних дел, особенно на то, что владелец не выдает содержания престарелым и малолетним.

Наконец в 1823 г. двое поверенных мастеровых, Руснов и Журавлев, подают лично просьбу Александру I во время его путешествия по России на «притеснения фабриканта и недостаточность рабочей платы». Граф Аракчеев препровождает эту просьбу министру финансов Канкрину с приказанием государя, чтобы для рассмотрения дела были вытребованы в С.-Петербург депутаты рабочих.

Канкрин входит со всеподданнейшим докладом, в котором указывает, что им получены дополнительные сведения от ярославского губернатора, решительно заявляющего, что «мастеровые г.г. Яковлевых состоят на положении весьма выгодном, и что жалобы их на скудную плату совершенно несправедливы и показывают склонность их к буйству и неповиновению. По случаю сего,—прибавляет Канкрин,—долгом считаю испросить в. и. в. разрешения, должно ли и теперь требовать депутатов от мастеровых Ярославской мануфактуры, или не повелите ли, в. в., без них привести к окончанию рассмотрение Положения».

Государь не соглашается с этим, — депутаты должны быть вызваны, чтобы узнать требования мастеровых.

Канкрин должен был уступить. Депутаты рабочих были вытребованы. В то же время ярославский губернатор послал доклад Канкрину, в котором сообщает о «вредном действии на рабочих известия о вызове депутатов; это побудило губернатора немедленно принять строжайшие полицейские меры (какие именно — об этом губернатор умалчивает) для «восстановления порядка». Рабочие выбрали своими депутатами тех самых рабочих, которые подавали просьбу государю — Руснова и Журавлева.

В следующем году депутаты рабочих прибыли в С.-Петербург и были опрошены в особом заседании под председательством директора департамента мануфактур и внутренней торговли.

Председатель сделал все возможное, чтобы побудить рабочих отказаться от их показаний, но они стояли крепко на своем и доказывали, что заработная плата слишком низка и должна быть повышена.

Ответы их были сообщены государю, и Канкрин уведомил владельца фабрики, что необходимо возвысить плату на 10%. Владелец согласился на повышение в 7%. Было составлено новое Положение, по которому рабочий день был сокращен с 14 до 13 часов (летом) и 12 (зимой), но вместе с тем фабричной конторе было предоставлено право «самых неисправных и буйных, а также главных зачинщиков внутренних беспорядков и учредителей скопищ представлять во всякое время в рекруты».

Таким образом упорная борьба рабочих в конце концов привела к некоторому результату — рабочая плата была повышена, а рабочий день сокращен.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I стр. 144—147.)

---

5. Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму.

1835 г. Мая 24.

§ 1. Всякому лицу податного состояния, получившему от начальства или своего владельца узаконенный паспорт или установленный билет, дозволяется наниматься для фабричных работ на некоторое или на все время, на которое уволен по паспорту, но не далее назначенного в оном сроке.

§ 2. Порядившемуся на сем основании для работ на фабрике или заведении воспрещается оставлять сии заведения до истечения договорного срока, без согласия на сие хозяина фабрики; равномерно не дозволяется ему требовать от него до этого срока какой-либо прибавки задельной платы сверх условленной. Посему владельцы или начальства, выдавшие паспорты или билеты, не имеют права отзывать обратно или требовать в фабрики или заведения порядившегося работника, до истечения назначенного в паспорте срока или до окончания договорного срока, исключая прикосновенности их по делам следственным или уголовным, и законных распоряжений, в случае если назначен был рекрутский набор в необыкновенное время.

§ 3. От хозяина фабрики или заведения не отъемлется право отпускать от себя работника до истечения договорного срока, по причине невыполнения сим последним его обязанностей, или за дурное поведение; но для сего хозяин обязан объявить работнику за 2 недели до его отпуска. При чем должен удовлетворить его заработными деньгами по условию.

§ 4. Хозяин фабрики или заведения, принявший мастерового или работника с другой фабрики без паспорта или билета, подлежит не токмо ответственности по законам о пристанодержателях, но и обязан вознаградить все убытки, от перехода такового мастерового или работника прежним его хозяином понесенные, равно возвратить ему перебранные и штрафные деньги, могущие причитаться с сих людей, и сей последний имеет право требовать вышеозначенного удовлетворения через полицию.

§ 5. Предоставляется на волю хозяев фабрик или заведений заключать с работниками и мастеровыми, на оные поступающими, письменные условия, или заменять оные выдачею от себя сим людям расчетных листов, в коих должны быть написаны условия найма и количества задельной, месячной или поденной платы. На сих листах записывать каждую выдачу денег, равно сколько по условию с работника должно быть

взыскано и удержано за прогул или причиненние вреда хозяину. Сверх сего хозяин обязан иметь особую книгу для записи производимых им расчетов и платежей фабричным рабочим и мастеровым.

§ 6. Дабы рабочие в подробности знали внутренний распорядок фабрики, хозяину оной вменяется в обязанность иметь на стенах рабочих комнат или конторы фабрики печатные или писанные, за его подписанием, общие правила о порядке, который должен быть соблюдаем работниками на оной.

§ 7. Вышеписанные правила фабрик и заведений, расчетные листы и книги приемлются в основание при разборе споров между хозяевами фабрик и мастеровыми.

§ 9. Паспорты или билеты — конторы адресов таковых людей хранятся у хозяина заведения, но он их обязан выдавать немедленно по принадлежности, коль скоро работник по истечении условленного срока своего найма, сделав с хозяином расчет, не захочет долее у него оставаться, а сей не будет иметь к удержанию его законных причин.

§ 10. Настоящие правила предписываются на сей раз собственно для фабр заведений, в обеих столицах и в окрестностя оных находящихся; по впоследствии, по ходатайству гражданских губернаторов, могут быть распространяемы и на другие значительные мануфактурные города и большие фабрики, в уездах состоящие, по представлениям о том министра финансов в комитет г.г. министров.

(П. С. З. Собрание 2, т. X, № 8157.)

---

6. Записка министра финансов Канкрина.

По Туган-Барановскому.)

Жалобы и недовольство рабочих не прекращались после издания закона 1835 г. Ввиду этого, министр финансов Канкрин, в конце 1835 г., представил всеподданнейшую записку Николаю Павловичу по вопросу о мерах к улучшению состояния рабочих на фабриках. Эта записка начиналась следующими словами: «В. и. в. неоднократно изволили отзываться, сколько желательно дать лучшее направление нравственному образованию рабочего класса на фабриках, и оградить их, вместе с тем, от своевольного иногда обращения хозяев, не ослабляя, впрочем, власти их, необходимой для порядка и благоустройства заведений». С этой целью Канкрин предлагает в своей записке предложить московскому отделению мануфактурного совета внушить московским фабрикантам, чтобы они приняли меры к улучшению условий работы на фабриках. Вот что должно было «внушить» московское отделение мануфактурного совета:

1) Чтобы содержатели фабрик в Москве пеклись о чистоте воздуха в мастерских и рабочих палатах, не дозволяли в оных оставаться рабочим по ночам и имели бы для сего отдельные покои.

2) Чтобы мужчины и женщины имели для ночлега отдельные и не слишком тесные помещения.

3) Чтобы на заведениях, где рабочих до 50 человек, был особый покой с двумя кроватями и нужным прибором, до 100 человек с 4-мя и т. д

4) Чтобы малолетние дети не подвергаемы были изнурению слишком продолжительной дневной работой, чтобы их хозяева, по мере удобности, пеклись об учении, состоянию их свойственном.

5) Чтобы фабриканты имели попечение, дабы артели работников получали свежую и добротную пищу.

6) Чтобы хозяева старались удерживать рабочих от неумеренного употребления спиртных напитков, изыскивая притом способы, чтобы заработанные ими деньги доходили до семейств сих рабочих, наблюдая равномерно за нравственностью между рабочими на самых фабриках, и особенно там, где занимаются многие жены нижних воинских чинов».

Никаких определенных требований к фабрикантам не предъявлялось, но Канкрин до такой степени опасался вызвать неудовольствие фабрикантов, что в своей записке он с особенным ударением говорит о том, что «внушения сии члены московского отделения мануфактурного совета обязаны производить с кротостью и нужной осторожностью, дабы не возбудить в работниках преждевременных притязаний и духа неповиновения и ропота». Записка заканчивается следующими, довольно таки наив-

ными словами: «Министр финансов остается в приятной уверенности, что все фабриканты, зная волю своего государя и чувствуя сами благодетельную цель сих распоряжений, употребят все усилия соответствовать сим высочайшим предположениям».

На этой записке император Николай сделал собственноручную надпись: «Прекрасная мысль; стоит повсеместного введения». Как же исполнили фабриканты «волю своего государя»? Оправдалась ли уверенность министра финансов?

Московское отделение, во исполнение высочайшей воли, выбрало 3 своих членов для обозрения фабрик... и этим ограничило свою деятельность.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 173—174.)

---

7. Правила для рабочих Закревского.

(1840-е г.г.).

(По Туган-Барановскому.)

Прежде всего правила эти строжайшим образом регулируют всю жизнь рабочего. Рабочие в праздничные дни не имеют права отлучаться из своих квартир (если они помещаются в фабричном здании) позже известного часа (пункт г.). Им запрещается принимать у себя на квартире знакомых и родных «ни для ночлега, ни в какое время, которое превосходит краткость обыкновенного свидания» (пк. е.). Точно так же рабочим запрещено «хранение чужого имущества, денег и пр.» (пк. ж.). Далее, рабочим не дозволяется «курить сигары и папиросы ни во время работ, ни в застольных помещениях и на дворе фабрики»; не дозволяется «заводить кулачные бои и всякого рода вредные для других игры и шутки, игру в орлянку и в карты на деньги» и даже не дозволяется «употребление бранных и неприличных слов, под опасением взыскания, в пользу доказчика, пятидесяти копеек серебром и наказания исправительного со стороны полиции» (пк. з). По воскресеньям и праздничным дням рабочие должны ходить в церковь, под опасением штрафа, в пользу доказчика, 5 коп. серебром (пк. и.).

Вместе с тем, правила Закревского стесняли и фабрикантов. Хозяину запрещалось нанимать рабочих, даже поденных, иначе, как по паспортам. Хозяевам запрещалось выдавать вперед денег рабочим более 10 р. сер. (пк. а) (очевидно, из опасения, чтобы рабочий не был в неоплатном долгу у фабриканта). Хозяин обязывался отпускать свежие харчи, хорошего качества, — «в противном случае фабричные и мастеровые имеют право принести жалобу местному начальству, которое подвергает хозяина ответственности, по своему усмотрению» (пк. о). Хозяевам запрещалось делать вычеты из рабочей платы на некоторые расходы и работы по содержанию фабрики (пк. р). Запрещалась также выдача платы не деньгами, а товаром. Хозяева обязаны были выдавать нанимаемым рабочим расчетные тетради, установленного Закревским образца, в которых были напечатаны утвержденные им правила.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 182—183.)

---

8. Ходатайства фабрикантов об освобождении посессионных крестьян.

(По Туган-Барановскому.)

Непосредственным поводом к изданию закона 18 июня 1840 года явились просьбы фабрикантов об освобождении их рабочих. Приведем одну из таких просьб купца Колокольцова, владельца шелковой фабрики в Москве. В этой просьбе очень ясно указаны неудобства посессионного владения, вызвавшие переход многих посессионных фабрик от принудительного к свободному труду. При фабрике было 63 души мужского пола. «Приобретение сих людей, — пишет Колокольцов в прошении к министру финансов в 1839 г., — сделано родителем моим, подобно тому, как и многими другими по затруднительности в то время иметь опытных и постоянных мастеровых, и потому, что самое ткачество и другие фабричные работы, по совершенству ткацкой машины и других производств, требовали большого числа

рук. Впоследствии же, в течение 35 л., при общем распространении у нас фабричной промышленности, образовалось достаточное количество вольнонаемных мастеровых для всех родов фабрикации, а ткацкое производство поставлено в зависимость более от машин, нежели от мастеровых. Отчего произошло, что владение посессионными фабричными обратилось, вместо бывшего прежде пособия, в большое неудобство сравнительно с вольными фабриками, не стесняемыми ни числом рабочих, ни поведением их, ни искусством, ибо от воли хозяина зависит, занимать ли работой то или иное число рук, содержать из них, по вольной цене, одних лучших и, при несообразности их поведения, удалять их из заведения...» Ввиду этого, Колокольцов просит уволить в свободное состояние его посессионных рабочих без всякого для себя вознаграждения, хотя отец его приобрел этих рабочих за 15 т. р. Крестьяне были уволены 27 марта 1840 года согласно просьбе владельца.

Мотивы, побуждавшие фабрикантов просить об освобождении их рабочих, лучше всего выражаются в прошениях, подававшихся ими по этому поводу м-ру финансов. Приведем некоторые из этих прошений.

«По совершенной невыгодности производить работы посредством посессионных фабричных», пишут, напр., министру финансов 31 июля 1846 г. купцы Ефимовы, владельцы Фряновской шелковой фабрики, «коих содержание сравнительно с вольнонаемными обходится слишком дорого и падает на цену изделий, желаем мы их уволить от фабрики». Купцы Хлебниковы, имевшие парусно-полотняную фабрику в Перемышльском у., заявляют в своем прошении, от 12 окт. 1844 г., что «как духом времени изменилось фабричное производство, введен на оных механизм, заменяющий ручные работы..., то и производство на фабриках работ посессионными людьми не только неудобно, но и наносит постоянно важные убытки, да и самые при них посессионные люди сделались уже излишними и обременительными для владельца. А потому, — добавляют Хлебниковы, — мы, предполагая парусно-полотняную нашу фабрику устроить более на коммерческих правах и выделывать изделия машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанных к фабрике крестьян предоставить в казну. Фабрикант Куманин (2 фабрики — полотняная и писчебумажная во Влад. губ.) заявляет в прошении 29 ноября 1843 г. «По причинам изменившегося хода мануфактурной промышленности, нахожу важные неудобства и постоянные убытки продолжать производство работ на фабриках посессионными людьми», и просит их уволить в свободное состояние [1].

Купцы Поповы (писчебумажные фабрики в Ярославской губ.) также находят, что при настоящем положении фабричных и торговых дел встречаются разные неудобства в содержании посессионных крестьян и в производстве посредством их фабричных работ. То же самое заявляет дворянин Темерин (миткалевая и полотняная фабрики во Влад. и Костром. губ) [2]) Пантелеев [3]) плисовая фабрика Моск. у. и др.

Итак, введение новых машин, изменение общего хода промышленных и торговых дел, невыгодность работать посессионными людьми — вот на что указывают фабриканты в просьбе об освобождении рабочих. Нередко при этом приводится и другой мотив — неповиновение посессионных фабричных и их постоянные жа-

---

[1]) Почти также мотивирует свое решение уволить посессионных рабочих и Торубаев (владелец писчебумажной фабрики в Трубчевском уезде): «Писчебумажные ручные фабрики, по умножающему числу машинных, приходят в упадок; устройство же машин на фабриках, где есть приписные фабричные люди, сопряжено с невыгодами, ибо фабричные тогда не будут иметь достаточно занятий... Обстоятельство это вынуждает меня всех фабричных людей представить в распоряжение правительства». Дело об увольнении в свободное состояние посессионных людей Торубаева и Понырко. 5 янв. 1844 г., арх. д-та т. и м. На введение машин как на понудительный мотив к освобождению рабочих указывает и Полторацкий, владелец игольной фабрики в Пронском уезде. Дело по просьбе отставного поручика Полторацкого об увольнении в свободное состояние фабричных людей при его фабрике. 13 июня 1849 г. (арх. д-та т. и. м.).

[2]) С изменением в настоящее время хода фабричной промышленности, стесняюсь в дальнейшем содержании фабрики на праве посессионном, обременительном для владельца». Дело по просьбе дворянина Темерина об увольнении в свободное состояние посессионных его людей. 23 февр. 1849 г. Прошение владельца на имя министра финансов (арх. д-та т. и м.).

[3]) «По изменившемуся ходу мануфактурной промышленности, находя постоянные убытки продолжать действие находящимися при фабрике посессионными людьми, желаю продолжать действие фабрики посредством машин и содержать ее на коммерческом праве». Дело об увольнении в свободное состояние посессионных людей Пантелеева. 7 февр. 1850 г. (арх. д-та т. и. м.).

лобы на владельцев. Так, купеческая дочь Гусятникова (миткалевая фабрика в Зарайском уезде) просит министра финансов 29 января 1847 г. освободить рабочих, ибо это «единственное средство привести в тихое положение фабричных людей и избавить владельца от тяжкой обязанности утруждать местное начальство жалобами о приведении их в повиновение.

По заявлению купца Губина (миткалевая фабрика Малоярославск. у.), «вследствие поступков самовольно отлучившегося крестьянина Кулакова, клонящихся к возмущению всех фабричных, он не надеется водворить между крестьянами совершенное спокойствие и даже страшится быть в имении, а потому, будучи не в силах управлять фабрикой, вошел к министру финансов с прошением о принятии крестьян его в казенное ведомство. На жалобы рабочих и их неповиновение указывает в своем прошении министру финансов и купчиха Маслова (парусиопол. фабрика в гор. Алесине), Кознов (суконная фабрика в Егорьевском у.) и др.[1]. Невыгодность посессионного владения лучше всего иллюстрируется тем, что в 40-х годах фабрика с прикрепленными рабочими имела значительно меньшую ценность, чем фабрика без всяких обязательных рабочих. Так, освобождение посессионных фабричных Купавинской фабрики Бабкиных состоялось по той же причине, что по смерти владельцев наследники хотели продать фабрику, но это оказалось невозможным, «по неохотности капиталистов брать на себя тягость посессионных обязанностей», и наследники освободили всех рабочих, хотя им и не следовало никакого вознаграждения от казны (купавинские фабричные были приписные).

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 132—137.)

---

[1]) Кознов заявляет в прошении министру финансов в 1858 г.: «Не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству, для прекращения дальнейшего со стороны фабричных неповиновения, взять моих фабричных в казну».

9. Закон об увольнении посессионных крестьян.

1840 год.

(По Туган-Барановскому.)

Государственный совет, высочайше утвержденным 18 июня 1840 года мнением, постановил:

1) Относительно посессионных фабрик, оставляемых в действии: «Если фабрикант, имеющий при заведении своем посессионных людей, приписанных к оному от казны, либо добровольно в прежнее время приписавшихся, или купленных им на посессионном праве, пожелает по собственным видам или расчетам удалить таковых людей с фабрики, частью ли только именно ему ненужных, или излишних, либо всех вообще, с заменой оных вольнонаемными или купленными на крепостном помещичьем праве, когда фабрикант по состоянию своему имеет опое, то сие ему дозволяется с тем: а) чтобы увольняемые были обращены в свободное сословие, с предоставлением им самим по воле вступать в городское звание или в государственные крестьяне, независимо от того, состоит ли фабрика в городе, или находится в селении; б) чтобы при увольнении по частям не были раздробляемы семейства, и в числе сих последних не находилось таких, в которых или вовсе нет работников или, хотя и есть, но не могущие по продолжительной болезни, телесным недостаткам, или преклонности лет, доставить семействам пропитание. Изъятие из сего правила может быть допускаемо только в случае собственного согласия увольняемых; в) чтобы до новой ревизии казенные подати и повинности за увольняемых были вносимы самими же фабрикантами, а остающееся на прежнем месте водворения их движимое имущество и дома, если оные построены собственными их средствами, предоставляемы были в их пользу; г) чтобы за увольняемых посессионных людей, от казны приписанных к фабрикам с платежом, а равно закупленных фабрикантом на посессионном праве, производимо было от казны, в вознаграждение фабриканта, по 36 р. сер. за ревизскую мужского пола душу, если только сами увольняемые не заплатили ему за себя известной суммы вследствие обоюдного согласия; д) чтобы о таковом увольнении фабрикант каждый раз доводил предварительно до сведе-

ния начальника губернии для надлежащего с его стороны наблюдения и уведомления министерства финансов, внутренних дел и государственных имуществ, по принадлежности, от которых зависеть будет распорядиться, как по предмету исключения увольняемых из посессий и приписки их к городам или причисления в сословие государственных крестьян, так и на счет самого переселения в казенные имения.

2) Относительно фабрик, прекращающих свои действия и уничтожаемых:

Если фабрикант, к какому бы он званию ни принадлежал, по обстоятельствам придет в невозможность или не пожелает далее продолжать фабричное производство, то в сем случае поступать на следующем основании: а) фабричные строения, земли, леса, мельницы и др. угодья, данные фабриканту от казны, отбираются от него безвозмездно; но те из сих посессий, равно машины, инструменты и проч., кои приобретены собственным иждивением фабриканта, оставляются в свободном его распоряжении, с правом казны все те собственные земли, на которых водворены посессионные люди, приобресть покупкой по добровольной цене, а в случае несоразмерного требования владельца — по узаконенной оценке. Но когда и сия последняя признается для казны невыгодной, в таком случае люди переселяются на казенные земли, или дается желающим дозволение записаться в мещане, и затем земля и заведения предоставляются фабриканту, который и располагает ими на праве полной собственности; б) посессионные люди, все без изъятия, водворены ли они при самой фабрике, или отдельно от оной на особых землях, если они только к ней причислены, обращаются в свободные сословия на тех же основаниях, как выше постановлено о фабриках, остающихся в действии; в) как в числе посессионных людей находятся и такие, кои вовсе не занимаются фабричными работами, а упражняются в хлебопашестве и других промыслах, то с таковыми людьми, равно как и с теми, у владельцев коих фабрики более не существуют, ныне же поступать на основании предыдущего пункта».

Переселение совершалось иногда с большими затруднениями. Так, посессионные люди кн. Гагарина, на запрос начальства, в 1842 г. заявили, что они не желают ни поступать в государственные крестьяне, так как отвыкли от хлебопашества и издавна занимаются фабричными работами, ни записываться в мещане, чтобы не переселяться с своего местожительства. Все увещания местного начальства не привели ни к чему. Рабочие твердо стояли на том, что ни в мещане, ни в государственные крестьяне они не желают поступать. Ввиду этого, фабричные рабочие, по положению комитета министров, в 1844 г. были причислены, без их согласия, в мещане г. Богородска, при чем был назначен 8-месячный срок для выселения их из имения кн. Гагарина. Но рабочие продолжали упорствовать.

Тогда в село была поставлена э к з е к у ц и я — команда казаков, в домах упорствующих фабричных были сломаны трубы, выставлены рамы и сняты двери, а сами фабричные «подвергнуты полицейскому наказанию». «После сего», по донесению Московского губернатора 19 июля 1845 г., «и самые упорные из крестьян убедились, что дальнейшее сопротивление распоряжениям правительства невозможно», и согласились переселиться.

(Туган - Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 130—140.)

---

10. О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста.

1845 г. августа 7.

Правительствующий сенат слушал рапорт министра финансов, в котором изъяснено, что как на некоторых фабриках производятся работы днем и ночью, и ночью работы бывают особенно отяготительны для малолетних фабричных, то, для облегчения сих последним, государь император, вследствие представления его, министра в комитет министров и положений оного от 24 июля и 7 августа сего года, высочайше повелеть соизволил: обязать подписками хозяев фабрик, на коих производятся работы по ночам, чтобы они малолетних рабочих, 12 лет и моложе, не назначали в смену

с полуночи до 6 часов утра, и наблюдение за сим предоставить местному начальству.

(П. С. З. Собр. 2-е, т. XX, № 19262.)

---

11. Лен и хлопок.

Ярославская Большая Мануфактура.

В 1802 году, Ярославская Большая Мануфактура описывается так («Ярославль в 1802 году», Я. Г. В. 1853 г., № 14):

«Фабрик (в Ярославле) полотняных каменных две. 1-я, известная в России, называемая Большая Мануфактура, содержателей: колежского советника Ивана и надворных советников Николая, Григория и Саввы Михайловых, детей Яковлевых, заведенная в 1722 году, по дозволению Государственной Манифактур Коллегии, Ярославцем Гостиной сотни Максимом Затрапезновым, для основания которой отдано бывшее тогда в Ярославском уезде, за рекою Которослью, на ручье Кавардаковском, пустопорожнее место, бывшее непроходимым болотом, но основателем оной Затрапезновым особенным искусством выкопанными прудами и канавами осушенное, на этом месте ныне существует сия Манифактура. При ней строения: церковь каменная о двух этажах, хорошей архитектуры, длиною 21, шириною 9 сажен, корпусов каменных двух-этажных 15, одноэтажных 9, деревянных 33; фабричных домов 500. Сия Манифактура о 840 степах. Работают на оной Манифактуре приписанными к ней крепостными людьми, мужеского пола 1.358, женского 1.613, и вольнонаемными мужеского пола 85, женского 763 человека. Вырабатывается в год скатертей травчатых, разных узоров, 12.310 аршин, салфеток 2.635 дюжин, подножечных ровных скатертей и салфеток 16.800, нахтышей 6.640, канифасов и коломенки белой 2.025, тиков голландским манером 33.500, дебуретов разных маноров 265.000, полотен и коломенки волнистых, синих и цветных 66.720, дрелей полосатых 1.350, полотен фламских, вызольных и равендушных 31.140 аршин; разной бумаги на 20 ролей и на 30 чанов, на манер александрийской и полуалександрийской 696, почтовой и голландским манером 1.370, книжной 2.388, писчей разных номеров 43.865, картузной и полукартузной 1.060, шпалерной и оберточной 1.900, вышеписанных званий бракованной 1.060 стоп, политурной 865 листов; всего по цене на 515,560 рублей.

Из оных вырабатываемых товаров в продажу употребляют: некоторую часть здесь, в Ярославле, а более отвозят в Санкт-Петербург, Москву, Казань, на ярмарки Макарьевскую и Ростовскую; в Москву и на Ростовскую ярмарку сухим путем, а в прочие места водою. Часть скатертей и салфеток поставляется к высочайшему его императорского величества двору, в придворную контору, по контракту. Фламские полотна большею частью продаются в Санкт-Петербурге английским купцам для заморского отпуску. Материалы на Манифактуру покупают, как-то: пряжу, лен, тряпку, сыромятные и мездровые для клею обрезки — в здешней, Костромской, Владимирской, Тверской и Нижегородской губерниях, в городах и селениях, на торгах и ярмарках; золу — в Уфимской губернии; краски: лавру или брусниковую, арлиан, квасцы, сандал красный и синий — в Санкт-Петербурге. Материалы эти доставляются водою и сухим путем. При сей Манифактуре две мельницы. Первая на обоих берегах реки Которосли: бумажная на 20 ролей; пильная о четырех рамах, в каждую раму вставляется от двух до 6-ти пил; мукомольная о четырех поставах и шести молотах для колочения бумаги; масляная о двух колодах и о шести молотах же. Для свободного прохода судам по реке Которосли сделан от сей мельницы отводной прямой канал, длиною на двести сажен, о двух створчатых воротах или шлюзах. Вторая при пруде, мукомольня о двух поставах, на которых отправляют одни мануфактурные надобности

Лазарет для мануфактурных служителей деревянный, один; при нем есть и вольнонаемный лекарь».

Что же касается состояния мануфактуры в 1844 году, то о ней дает представление нижеследующий отзыв о мануфактуре, помещенный в отчете Комиссии по исследованию льняной промышленности («Исслед. о сост. льн. промыш. в России в 1844 году», Изд. деп. сельск. хоз. мин. госуд. имущ. Спб. 1847 г.):

«Кстати упомянем о Яковлевской мануфактуре в Ярославле, как о заведении известном прежде в особенности по части производства тонкого и отборнейшего столового белья. По просьбе нынешних владельцев этой фабрики, большая часть приписанных в прежнее время к ней людей (без малого 2.000 душ) куплены казною и приписаны к ярославскому мещанскому обществу.

Эта огромная мануфактура, основанная в 1722 году, одна из первых в России, теперь, работая по найму, занимает едва ли 150 ткачей. Производимые же теперь на оной работы не могут принести больших выгод, ибо технические средства не соответствуют вовсе теперешнему положению пряжного и ткацкого дела; притом поддержка строений, почти разваливающихся, поглощает большую часть доходов. Одно только пожертвование значительного капитала на перестройку зданий и на снабжение мануфактуры всеми ныне необходимыми техническими пособиями может спасти любопытное это заведение от совершенной гибели».

В другом месте того же отчета Комиссия о мануфактуре упоминает так:

«В прежнее время славилась этими изделиями (камчатным бельем высшего достоинства) Ярославская Яковлевская мануфактура, ныне совершенно почти упавшая. Нельзя не пожалеть о расстройстве этого заведения, пользующегося самыми благоприятными местными условиями. В руках предприимчивого капиталиста сие заведение могло бы и ныне процветать»

Далее — состояние мануфактуры в 1 8 4 7 г о д у — описывается так: («Дело об учреждении опекунского управления над М-рою г.г. Яковлевых» (губ. Арх.)):

«Ярославская Мануфактура г.г. Яковлевых пришла уже в совершенное расстройство как по предметам устройств ее и хода на ней фабричных действий и дел, так и по самому кредиту ... бывшие при сей мануфактуре мастера, в числе 1.432 душ посессионных, в 1843 году правительством отчислены от мануфактуры и поступили в казенное свободное состояние, потом в 1845 году лучшая по выгодности изделия половина мануфактуры, состоявшая в писчебумажной фабрике, сгорела, и заведение это вовсе уничтожилось; ... ткачество столового белья на этой мануфактуре составляли, и ныне составляют, особенный и почти единственный предмет производства ее, по этим ныне занимаются из тех же бывших фабричных людей только желающие и имеющие нужду в содержании своих семейств, получая плату по условленным вольным ценам, при чем эти изделия давно уже, и особенно в настоящее время, стали быть такого рода, что они производятся во множестве во многих местах и у многих помещиков и других частных лиц по селениям в таком же совершенстве, а по ценам более умеренным; поддержка этой мануфактуры в ходе ее дел основывается ныне только на одном, предоставленном от владельцев ее, из 4-х крепостных вотчин, в коих до 1.100 душ крестьян, оброка, который составляет ежегодно капитал не более 34.000 руб. ... Владельцы, а равно и сама мануфактура обременены долгами, в том числе долгами давнишними, отчего кредит им решительно можно сказать прекратился . . .».

Далее — состояние Ярославской Большой Мануфактуры в 1 8 5 3 г о д у описывается так («Отчет Яросл. О-ва Сельск. Хозяйства за 1856 год». Я. Г. Б. 1858 г. № 6):

«Так называемая Большая Ярославская Мануфактура существует с 1722 года. На ней даже в настоящее ее время, при совершенном упадке ее, приготовляется лучшее столовое белье, скатерти, салфетки, канифас, коломенка, саржа, напка, дебурет, полотна фламские, равендук и проч., всего в год на 34.977 руб. 92 к., Рабочих на фабрике 170 человек, станов обыкновенных 10, по способу Жакара 4. Ручная пряжа покупается в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях. Сбыт товара на ярмарках Нижегородской и Ростовской».

Наконец, в 1 8 5 6 г о д у, когда производство на Мануфактуре еле-еле теплилось, положение Ярославское Общество Сельского Хозяйства охарактеризовало так (Я. Г. В. 1858 г. № 6):

«По стечению обстоятельств, в подробное изложение которых здесь не кстати было бы входить, фабрика эта пришла в упадок. Усвоенное ею себе, доселе сохранившееся, название Большой г.г. Яковлевых Мануфактуры и обреченные к запустению огромные каменные здания, занимающие собою площадь в 6 казенных десятин, — вот все, что осталось от заведения, снискавшего известность и пользо-

вавшегося некогда заслуженною громкою славой».

Вот как рассказывает об этом особая Комиссия, назначенная Департаментом Земледелия в 1844 году для исследования состояния льняной промышленности в России и изыскания средств улучшить ее положение. (Исследов. о сост. льняной пром. в России в 1844 г. Изд. Деп. Сел. Хоз. Мин. Госуд. Имущ. Спб. 1847 г.).

Упадок наших полотняных фабрик начался со времени значительного понижения цен на фламское полотно и равендук . . . в заграничной торговле. Этот упадок впервые сказался в 1823 году, в котором цена на фламское полотно с 52 руб. вдруг понизилась на 40 рублей, а на равендук — с 25 руб., на 20 руб. С 1823 года цена эта постепенно понижалась, и в 1843 году упала на 25 и на 18 руб.; и так в течение 20 лет понижение цены уже составляет слишком 50%. Вследствие этого кризиса, от которого пострадали все владельцы полотняных фабрик, в особенности упали костромские и ярославские фабриканты, которые ныне почти все закрыли свои заведения.

Они, как кажется, в первое время после 1823 года, усиленно придерживались цен, существовавших до того; а потому, наготовив уже годовую пропорцию, ничего не продавали, между тем должны были, дабы не остановить совершенно ход фабрики, закупать новую пряжу (а она всегда закупается годовою пропорцией) уже на чужие деньги, заняв оные за высокие проценты. Накопив, таким образом, выработанный и не проданный в течение нескольких лет товар, они, хотя при продолжающемся понижении цен, наконец, должны были решиться на продажу, но уже с потерею 50 и более процентов. При этом эти фабриканты, оставаясь при обработке одного только фламского полотна и равендука, и то высшего сорта, не обращали довольно внимания на выделывание других родов простого льняного товара (как-то коломенки, чешуйки, тика и др.), более тогда требовавшегося и могущего несколько вознаградить их за понесенные потери . . . Причина же этой жалкой участи, постигшей всех наших полотняных фабрикантов, есть без сомнения . . . уменьшение требования наших фламских полотен в Америку и Англию потому, что последняя, при помощи механических пособий, начала выделывать льняные ткани разнообразнее и дешевле русских и удовлетворять ими не только собственные потребности, но и потребности Америки.

Равным образом сократилось производство коломенки, требовавшейся в прежнее время для Голландии и продававшейся по 1 р. 70 коп. аршин, а ныне едва по 70 коп., и то в малом количестве. Упадку цен на ткани и уменьшению его производства содействовало в последнее время то, что начали выделывать полубумажные и даже вполне бумажные тики. Одинаковой участи с тиками подверглись чешуйка и льняная пестрядь.

Те из наших фабрикантов, которые, по мере упадка цен на фламские полотна и равендуки, не останавливались сбытом своего товара или сокращали производство и присоединяли к льняному делу хлопчатобумажное, устояли доныне. Но те, которые, считая упадок цен с 1823 года случайностью, придерживались в ценах, выделывали только высшие сорта фламских полотен и наготовили новые запасы, — разорились и должны были закрыть свои заведения.

(«Ярославская Большая Мануфактура» — А. Ф. Грязнова, изд. 1910 г., стр. 75—87.)

---

12. Прошение рабочих с ответами фабричной конторы.

(1803.)

Высокоблагородные господа, премногомилостивейшие государи наши и отцы Иван Михайлович, Григорий Михайлович, Савва Михайлович!

Услышите стоны вопля и плача нашего, препадая пред всещедроотеческие стопы вашего высокоблагородия, которая просьба от слез наших удержаться не может! Во-первых, что имеем великое притеснение, во-вторых, находимся в крайних обидах и, не терпя сего, просим со всеуниженностью и слезами рабскими вас, всемилостивейших отцов! Не отриньте щедроотеческого милосердия! Ежели ж вашему обществу не рассудится, то хотя рабски требуем из лиц ваших единого. Рассудите милостиво, — что какие мы дети, когда не имеем

себе отца и стонем о сем ежечасно? Ныне же мы имеем просьбу: прибавление на всю Манифактуру рабочих людей жалованья в рассуждении нынешней дороговизны, что год от году не уменьшается, а на все харчи, и на прочие касающиеся нас одежду и обувь налагает высокую цену; то по необходимости нашей и бедности трудили наших управителей неоднократно.

На означенное, учиненное фабричными рабочими людьми, прошение — вашему высокоблагородию от манифактурных управителей Петра Коптелова и Ивана Агапова всепокорнейшее объяснение.

Что они пишут, якоб чинятся им притеснения и обиды, то оного не происходило, о чем объяснено нами ниже сего обстоятельно.

Но на сие отвечал Коптелов: вы бунтовщики; если не умолкнете, то поступлено будет с вами яко со злодеями; почему мы не можем еще просить их, а припадая в ваши, щедроотеческие неисчерпаемые великие милости, просим рабски, лежа у ног ваших, и не хотя во век лишиться высоких ваших милостей, рассудите милостиво — какая дороговизна во всем ныне стала: пшено средственное четверик 1 руб. 75 коп., греча — 80 — 90 коп. четверик, масло постное — 13 коп. фунт, коровье 16 и 18 к. фунт, крупа овсяная — 14 коп. пять фунтов, и хотя, по милосердию вашему, получаем хлеб из 30 коп. пуд, однако и тут нашей дневные работы недостает, а выработку получаем в поденной работе самую малую: 8, 9, 11, 12 и 14 коп.».

Когда фабричные, выбранные от народа, рабочие люди пришли к нам в контору с просьбой о прибавке платы на все работы, то мы им сказали, что будем о том писать к господам своим, и что на оное предписано будет — объявим, а что они в письме своем пишут жалобу, якобы управитель Коптелов в то время называл их бунтовщиками и грозил — естли не умолкнут, то поступлено будет с ними яко со злодеями, то сего не говорено им было, и показывают они сие совсем облыжно, а сказано им было точно так, как выше объяснено, о чем в то время вашему высокоблагородию от нас обще от конторы донесено было.

При ткаческих работах — крайняя обида: перебивка в сортах не малая; ...оч возьмет основу в 9 сот, а которая совершенно можно сказать, в 10 сот, а когда отпустят в 10 сот, а оная в 11 сот, и так мы коренных получаем у каждого сорта у аршина по полушке недоимки; а ушки выдаются через два сорта выше: когда основа в 9 сот, а ушок в 11 сот, основа в 10 сот, а ушок в 12 сот, и так далее, в камчатных делах, в скатертях тонких и ровных, в салфетках тонких и ровных такими ж как и дебуроты фальшивостями

А что они пишут, якоб в сортах по ткачеству дебуретов учинена перебивка: вместо в 9 сот, в 10 сот, и вместо 10 сот, в 11 сот, тако ж и в камчатных делах в скатертях и салфетках — будто бы сорта перебиты, все сие представляют ложно потому, что если сорт переменишь и вместо тонкого называть ровным, то у ткачества недодачи произошло бы только по ¼ коп. у аршина, а вместо того у продажи могло бы произойти недоимки в цене: у дебуретов по 2 коп. у аршина, а у камчатных скатертей — по 25 и 50 коп. у аршина, то чрез то мог бы произойти вашему высокоблагородию великий убыток; но сего у нас не происходит, как о сем значится и по конторным книгам; а что ушки выдаются на ткачество тоньше основы, то сие установлено из давних лет, для лучшей доброты в товарах.

Сверх же сего налагают штрафы несравненные: от штуки дебурета, которая и вся имеет 30 аршин и за которую получ... по выработке 90 коп. или рубль, и от ... налагают штраф по 15 коп., когда — 20 к..., а иногда и 30 коп.; в том числе когда занимаем, долгом вашим, взапросе — вычет обыкновенный от рубля 25 коп., за дрова — 20 коп. в неделю; помилуйте, чем же мы можем питаться?»

Что же касается до вычету штрафов, то оное чинится у некоторых, за

худые ткачества, по небольшому количеству, так, как и в прежние годы, в рассуждении того, чтоб делаемые были товары в лучшей доброте; а если за худые и редкие ткачества штрафов не налагать, то в товарах не можно будет и соблюсти хорошей доброты; и по конторным книгам значится: выработано ткачами в августе месяце 2,282 рубля, от которой выработки вычтено штрафу, за худое и редкое ткачество, 1 руб. 91 к. обошлось на рубль только по ¾ коп., а равно и пред сим в прошедшее время подобный сему вычет происходил, из чего соизволите усмотреть, что вычет происходил малый; то жалоба их в оном не справедлива.

Збирки имеются при камчатных делах; то хотя идет поденщина по 10 коп. в день, а на дебурешные збирки, которые выходят новы узоры, к продолжительности оные недели по две, а платы нет за збирку.

О збирках дебурешних показывают они, якобы по две недели происходит; то и сие несправедливо; оные збирки более не продолжаются, как дни по два, а некоторые по три, как и прежде сего из давних лет происходило.

Жены наши работают в поваренной работе, получают по 12 коп. на день, которая работа несравненна с прочими: в оной работе работают в ведро и в ненастье, носят за все одежу и обувь, оная одежа противу прочих изнашивается скоро. Из того припадаем — в неоставлении оной работы рассмотреть.

Находящиеся при поваренной работе и у размывки пряжи и полотен женщины прежде получали поденную плату по 11 коп., а нынешним летом, по предписанию вашего высокоблагородия, и просьбе их, с июля месяца прибавлено по копейке и производится ныне по 12 коп. на день; и против других работ — плата происходит сообразная, и вольнонаемные женщины, при означенной поваренной работе, получают плату то ж по 12 коп., а мужчины вольные — по 13 коп. в день.

В подкаморной работе, по ордеру вашего высокоблагородия, определено в отрядной работе по 2¼ коп. со стопы, а ныне — по 2 коп.; сбавил полушку Петр Коптелов.

В подкаморной работе плата определена по ордеру вашего высокоблагородия: за разметку бумаги — поденная, по 12 и по 13 коп. в день, а отрядная конторою учинена, для успешного отправления бумаги по 2 коп. со стопы, а в генеральном определении, в 794 году, значилась за разметку плата по 2 коп. со стопы, а потом из делания бумаги в прошедшее время — оказалось по потреблению краска разновидна, то и размечивать было тако ж медленнее, в рассуждении чего и прибавлено было конторою по ¼ коп. на стопу; а когда оная бумага приведена, по употреблению краски, в лучший порядок, почему в разметке успешнее стало происходить, и потому определена конторою прежняя плата — по 2 коп. со стопы, у которой работы и ныне вырабатывают от 20 до 30 коп. в день, а работа оная легкая, и всякий к оной работе просится от других работ; то из сего соизволите усмотреть, что просьба их не дельная, ибо отрядная работа для них, по производимой ныне плате, гораздо выгоднее прочих работ.

В бумажной работе, коя может быть и вам не безызвестна, самая тягтяйшая, и платою не слишком довольна, а наложенные две кладки на № 4 от Петра Коптелова, от чего имеем великую тягость, даже маломощным не в силу, что ибо народ тощой.

О бумажной работе представляют якобы прибавлено две кладки на № 4; то оной прибавки не было; а в прежние годы — делана была бумага уроком, по 10 стоп в день на каждом чане четырьмя человеками; а по вашему господскому повелению определено делать бумагу № 4 и оберточную малой руки — по 9 стоп, коя делается без краски летним временем, а лучшую бумагу в зимнее время с краскою — по 8 стоп, чтоб лучшею добротою оную старались делать; и

ныне таковым порядком и происходит; а прибавки кладок учинено нами не было. Мануфактурных же в оной работе находится небольшое количество людей; по справке оказалось только на 4 чана 16 человек, а большею частию оную работу исполняют бородинские и крапивинские вашего благородия крестьяне, и всего производится черпанья бумаги в зимнее время от 50 до 60 чанов.

Дети наши имеют работу у гнутья бумаги; по вашему милосердию определено было по 4 коп. на день; из оных повелением Петра Коптелева сбавлено, а теперь получают 3, 3½, 4 и 5 коп., а как, за неудовольствием нашим, придут отцы или матери просить, то, не допуская до себя никакого слова, велит гнать вон, а другому иногда скажет: когда недовольны сей платой, то содержи дома и корми хотя до 15 лет. Чем же мы можем пропитать, одеть, и обуть, что дети наши наги и босы?

Подкаморным малолетним у гнутья бумаги сбавки платы не было, а токмо вновь приводимым в работу малолетним, коим не более 7-ми лет, таковым на первый случай, некоторым производилась по 3 и по 3½ коп. в день, а когда они пообучатся, то, по скорости, по просьбе их отцов, прибавляли им плату всегда и производили по 4 и по 5 в день; и ныне с сентября месяца менее 4 копеек не производится; то и просить им об оном было не для чего; а что они упоминают, якоб когда приходили с просьбой в контору о прибавке платы их детям, то, будто бы, выганивали вон из конторы, то сего никогда не бывало, а по просьбам их каждомесячно было делано рассмотрение в конторе, и прибавка платы чинена была, как о сем в книгах значится.

За самопорядочную тонкую пряжу хотя неоднократно и была прибавка, но нам не пользительная: брак имеют по образцам, которы не действительны: очень высоки против старых; в дачу опрядают 600 штук и более на 21 сот по 1 руб. 30 коп., на 22 сот — 1 руб. 75 коп.; выходит очень мало — три или четыре штуки, но и то вырабатывают в восемь и десять недель, а более выходит в 16 и 17 сот, с которых получают 35 коп. и 50 коп. в две недели.

Самопорядочная пряжа бракуется в конторе по прежним образцам, и перемены в сортах не было; при которой работе находится женского полу манифактурных до 340, да сторонних из города Ярославля до 700 человек; плата ж производится манифактурным и сторонним по одной цене; сторонние же покупают хлеб по дорогой цене — по 70 к. пуд, а манифактурным отпускается по милости вашего благородия, по 30 коп. пуд; и прочими милостями спабжаются; и за оную работу многие из-за других работ просятся об определении по своему желанию; которую работу они производят в домах своих, по исправлении домашних надобностей; то из сего соизволите усмотреть, что их просьба и в оном несправедлива.

Еще же за витье пряжи получают малую плату (так), что из оные выработки — весьма недовольно; почему — изволите рассмотреть. Еще же, премногомилостивейшие отцы, чем мы бесчастнее против мастеров и конторщиков? Во-первых — что когда посещение божие приходит на них и на нас, то им выдают половинное число жалованья, хотя год лежат или 2, а как нас бог посетит, то мы ничего не получаем; а хотя, по просьбе, и сделают милость, да только себе на шею: платить запрос или памятную.

За витье пряжи плата производится соразмерная прочим работам, по определению вашего высокоблагородия, и оную пряжу вьют женщины в домах их, по исправлении домашних своих надобностей, а не всегда работою занимаются; а что они пишут, якобы во время их болезни работные люди ничего на питомство от конторы не получают, кроме выдачи взапрос денег, то и сие несправедливо: понеже кто из них бывает болен долговременно, то таковым, по милости вашего высокоблагородия, хлеб безденежно и денежная пенсия производится, как о сем и по конторным кни-

гам значится именно, а те, которые из них при манифактуре больные в лазарете находятся для пользования, то им и пища происходит от конторы без вычету с них за оное; мастерам же и конторщикам, в случае во время их болезни, производится половинное жалованье по милости вашего высокоблагородия из давних лет, во удовлетворение их заслуг по мастерствам и должностям.

Во-вторых, жены наши во всех ваших тяжелых работах находятся, как-то: из-за стана — на поварню, с поварни — на витье пряжи, с витья пряжи — в чесальню, даже — куды угодно, везде раболепствуют со всем усердием, а мастеровые и конторщиковые жены никуда недвижимые; а хотя и с нашими женами находятся в одной работе — за станом, то — другое совсем дело: пряжу вьют самую лучшую, тонку прядут — им выдают самый лучший; во всем им отмена; в просьбах всегда счастливее выходит милость и скорое решение. А как мы, работные, хотя и в просьбу взойдем, то никакого решения не получаем. Высокомилостивые господа, мы у ваших лиц все равные, а обиднее всего находимся: конторщика, когда сошлют в работу, дело не станет, а когда, за немощью, черпала не станет, то весь чан в прогуле. Судите, милостивые отцы, сколь важен конторщик, сколь же важен и работник, а всегда обиднее.

Объясняют фабричные, что жены их находятся в поваренной работе у мытья пряжи и скатертей с салфетками; на оное вашему высокоблагородию всепокорнейше доносим, что на оную работу употребляется небольшое количество и то токмо летним временем, из-за ткачества посылаются с июня до ноября месяца до 50-ти человек; а в зимнее время — манифактурные люди на поварне не работают, а приходят вольнонаемные, коих в то время работают до 100 человек, тако ж Кранивинские и Бородинские крестьяне употребляются до 50 человек, которую бы работу должны манифактурные люди неминуемо обрабатывать потому, что нужно пряжу приготовлять для ткачества им же; но вместо их стараемся мы заменять означенными вольнонаемными людьми; а мастеровые да конторщековы жены во оную работу не употребляются из давних лет, дабы тем мастерам и конторным было, по заслугам их, отличие от работных — в поощрение старания по мастерствам и должностям их.

Еще же, милостивые отцы, и о сем упоминаем: у оных мастеров и конторных, которые, по вашей милости, довольную получают плату, почему у них, во время постоя, не становят к ним солдат?

О случающихся постоях работные люди представляют яко у мастеров и конторных постоя не бывает: то оное показывают ложно: понеже когда бывает постой солдат в манифактурных слободках, в то время у мастеров и конторных постой также бывает, а у кого из мастеров имеется по два теплых покоя, то к таковым становятся офицеры, то еще и более тягости несут, и в том от конторы наблюдается порядок уравнительный.

Сверх сего упоминаем вашему высокоблагородию: имеем при наших просьбах и крайних нуждах, в работе не малую остановку, как-то: в постройке — ходим, как побродяги, по 6-ти и по 8-ми недель и тут едва решение выйдет; как надобно дом у кого снять, и следует в конторе только переписать на один час, — две и три недели ходим, да и то, как при сей должности находится писарь, сунешь ему 30 или 50 коп., то и просьбу напишет, а без того — и от просьбы отказывается; а от сего прогулу вам — авантаж очень малый, а нам в прогуле никакой нет пользы.

По просьбам фабричных о постройках мы всегда чиним надлежащие рассмотрения о новых домах и о починках; и кому что следует по осмотру — от конторы выдачу денег производим: а они жалобу принесят вашему высокоблагородию несправедливо: понеже в прошлом 1802 году выдано было в запрос на постройки новых домов и починки, також на свадьбы, крестины и прочие надобности 6.507 рублей, а

уплачено ими во оный год 4.757, а в нынешнем 1803 году выдано в запрос на означенные потребности по декабрь месяц 5.579 руб., а вычтено 4.560 рублей, из чего соизволите, ваше высокоблагородие, усмотреть, что, по милости вашей, господской, им выдача происходит от конторы не маловажная, и домы их имеются в хорошем виде, почему и должны быть они таковою милостию довольны. О конторщике же Перелевнове, который записывает их разные просьбы, жалоб от них, о взятках его, нам не бывало; и мы каждый день просителей призываем лично, и чиним рассмотрение; однако мы, для прекращения происшедшей ныне таковой жалобы, того конторщика от оной должности отменили и определили другого.

Того ради просим вас, высокомилостивых отцов, защитить своих детей от сих обидимых на нас напастей, как претерпеваемых издавна и поныне, которая нас нетерпеливость возбуждает, и с великим рабским старанием нашим просим вас, всенижайше: не оставить посетить дом свой и разобрать, в милостивом распоряжении, что мы все, ваши рабы, с нелицемерным усердием желаем вас видеть пред собою: из того припадаем к стопам вашим; со слезами просим вашего щедроотеческого милосердия, яко дети своего отца, тако и мы вас хотим во очах наших; яко сироты без своего отца—бедствия претерпеваем без вас; сжальтесь, милостивые отцы, на наши горькие слезы; помилуйте, сделайте великое милосердие: не оставьте наше прошение; ежели невозможно вам прибыть к нам, то сделайте великое милосердие к нам: извольте вытребовать из нас двоих или троих, а тут, как вам заблагорассудится, милостивым отцам. И к сему прошению подписуемся своеручно ваши всепокорнейшие рабы и слуги манифактурные люди.

И о всем вышеозначенном прошении, на все их показания вашему высокоблагородию, мы, по сущей справедливости, всепокорнейше объяснили, что просьба от них таковая понапрасну; мы до сего времени никак не воображали, — чтобы работные люди могли быть милостями вашего высокоблагородия недовольны, понеже имеются у каждого дом их, все — в хорошем и исправном виде, тако ж мужеск пол — одежу имеют многие из немецкого сукна кафтаны, а женщины, в праздничное время, ходят в шолковом, а в будничное — в китаешной и кумашной одежде, кроме некоторых, кои находятся почасту в пьянстве, или имеют семейство большое, состоящее из малолетних, но и тем, кои семьянисты, делаются от конторы разные пособия и, по делам, определяются на выгодные работы. А кто находится в пьянстве, таковых стараемся воздерживать арестом при манифактуре, не спущанием с двора, чтоб таковые не пьянствовали, а находились при работе; а притеснений и обид им — никаковых не происходит, и в бытность вашего высокоблагородия при манифактуре в 798 году и после того по сие время — от фабричных рабочих людей никаковых жалоб вашему высокоблагородию не бывало, и ныне они вздумали приносить жалобу несправедливо, как из вышеписанного объяснения соизволите усмотреть. Какие производятся от вашего высокоблагородия им, сверх производимой платы, милости и пособия, — при сем прилагаем выписку.

Одновременно с подачею Барминым и Пятошиным прошения в губернское правление — рабочие мануфактуры решили подать прошение самому государю. Для приведения этого решения в исполнение — в Петербург были посланы два выборных, Максим Москвин и Тимофей Маркелов, которым было вручено прошение...

Подать прошение Москвину и Маркелову удалось, но за это они, по неимению письменных видов, были задержаны, а затем под стражею присланы в Ярославль, где и были отданы под суд «для поступления с ними по законам».

Суд, найдя, что, «кроме непозволительной отлучки в С.-Петербург, рабочие люди Москвин и Маркелов в других законопротивных поступках не оказались», — определил:

На основании указа 1754 года мая 13 дня 31 пункта наказать их, в страх другим, на фабрике плетьми, каждого по 30 ударов, подтвердив строжайше как сим, так и прочим фабричным людя чтоб впредь ни под каким предлогом без плакатных паспортов и без позволения хозяев своих никуда от домов своих не отлучались, а были бы во всяком повиновении и послушании.

(Ярославская Большая Мануфактура — Грязнова, изд. 1910 г., стр. 220—244.)

---

13. Положение для Ярославской Большой Мануфактуры.

1823.

(Из доклада Ярославского губернатора в Министерство Финансов.)

Составлено Бурнашевым, не утверждено Министерством Финансов.

Сообразив все сие с теми замечаниями и усмотрениями, которые открыло мне личное, в продолжение времени, наблюдение, и находя положение платы, г. Бурнашевым предположенной, весьма основательным и приемля же в уважение, что фабричные, быв заняты беспрерывно делом и не имев хлебопашества и других промышленностей к содержанию себя, сближаются более с состоянием помещичьих дворовых людей, а потому рассуждение комитета признавая самым основательным и ближайшим к установлению навсегда на Мануфактуре порядка и благоустройства, — на сих основаниях излагаются мною ниже статьи того Положения для Ярославской Большой Мануфактуры, которое, по мнению моему, долженствует упрочить благосостояние мастеровых и пользу Мануфактуры возвысить.

Статья 1-я.

Задельная плата как по полотняному, так и по бумажному производству, яко весьма достаточная к обеспечению в нуждах и жизненных потребностях мастеровых при тех пособиях, кои семействам представляются и о коих ниже сказано, оставляется прежняя без всякой прибавки. Но буде впредь поступят на Мануфактуру такие изделия, коих ныне не вырабатывается, то назначение задельной платы предоставляется учинить самому владельцу, сообразуясь с существующими ценами и с достоинством изделий.

Статья 2-я.

Месячная плата мастеровым за разные должности также остается без перемен. Что же относится до поденной платы, то женщинам у размывки на плотах полотен и пряжи, равно ткачам и переборщикам, состоящим на поденщине в продолжение сбирки станов на новые рисунки, полагается отныне вместо 22 по 25 коп. в день. Сие разумеется о переборщиках при скатертях, где они равную плату с ткачами получают, переборщикам же при прочих изделиях производить во время сбирки станов поденную плату против той соразмерности, какая существует между задельными платами ткачей и их переборщиками. Прочие же поденные платы остаются без перемены. Выдача денег из конторы всем мастеровым за работы должна быть производима не ежедневно, но однажды в неделю, а именно по субботам от 8-ми до 12-ти часов пополудни безостановочно, буде же кто в сие время для получения денег в контору не явится, тот должен дожидаться до другой субботы.

Статья 3-я.

На продовольствие мастеровых ржаною и пшеничною мукою, — отпускать из магазейна на каждого взрослого человека обоего пола ржаной муки по 1½ пуда, а пшеничной — по 5 фунтов в месяц, прочим же до вступления в брак или до 20-тилетнего возраста, ржаной муки по одному пуду и 15 фунтов и пшеничной по 5 фунтов безденежно, не требуя никакого платежа. Муку в магазейн заготовлять добрую, не лежалую и хорошо смолотую; а дабы мастеровые люди, под видом получения муки из магазейна, не уклонялись от работ в определенные рабочие часы, а с другой стороны — не было б и мастеровым задержек, то производить отпуск муки один раз в неделю, и не порознь каждому лицу, а старшему в семействе, а именно по субботам от 12-ти до 8-ми часов пополудни, а по воскресеньям от 6-ти часов утра до обедни, в каковое время хлебный магазейн должен быть открыт; в прочее время — отпуска хлеба из магазейна отнюдь не производить. Для успешности же в раздаче хлеба — иметь достаточное число весов

и людей, дабы не было замедления, в особенности же — в зимнее, холодное и ненастное время.

Статья 4-я.

Распоряжение, сделанное на сей Мануфактуре для обеспечения хлебом малолетних и престарелых, как весьма хорошее, оставить в своей силе, т.-е.: а) выдавать малолетним обоего пола от 2 до 7 лет муки ржаной по 1 пуду в месяц безденежно; б) вновь родившимся обоего пола производить каждому деньгами на молоко по 30 коп. в месяц безвозвратно; с) престарелым немогущим заниматься работами и увечным, в пенсию, также вдовым и сиротам, не имеющим отцов и матерей в пособие к выработке отпускать муки ржаной по пуду в месяц безденежно; д) сверх сего пособие хлебом отпускать в пенсию ж: престарелым, не могущим производить никаких работ, вдовым и сиротам и заслуженным деньгами от 1 руб. 50 к. до 2-х до 3-х и более в месяц по мере оказанных заслуг Мануфактуре, что предоставляется усмотрению и распоряжению владельцев, дабы трудолюбивые примером сего попечения о успокоении их поощрялись к усугублению прилежания.

Статья 5-я.

Подобно тому, как хлеб будет отпускаем мастеровым безденежно, так и дрова тоже давать безденежно на каждую печь в зимние 7 месяцев с сентября по апрель, по одной сажени трех четвертных, а в летние — по полусажени в месяц на каждый отдельный дом мастерового для варения пищи. Дрова должны быть хорошие березовые, еловые, ольховые или смесь, для сплаву коих и выгрузки на берег — предоставляется владельцам мануфактуры употреблять самих мастеровых, без особой платы, ибо сие случается однажды в год. Раздачу дров, кому сколько следовать по исчислению будет, производить в два или три время, нарочно назначенные и благовременно объявленные ко дням способным для свозки, дабы за приемом и развозкою не отвлекались от работ мастеровые.

Статья 6-я.

Распорядок, относящийся до постройки мастеровым домов и до отпуска им денег на починку оных на разные по тому принадлежности, оставить в своей силе, при чем окредитованные суммы на счет обстройки и поправки домов вычитать, как то и ныне делается, из 9-ти-месячной выработки у взрослых токмо мастеровых мужеска пола. Но дабы и тут отвратить злоупотребления, то конторе вменяется в обязанность всякий раз, по требовании о сем мастерового, удостоверяться о существенной надобности в постройке или починке дома, а без того выдачею удерживаться. Что же относится до производства заимообразно выдач на крестины, похороны, свадьбу и тому подобное, то поелику заимства сии увеличивают только долги на мастеровых семействах и служат им поводом к невоздержанному поведению, то оное отныне отменяется, с тем, однакож, что буде владельцы в поощрение кого-либо из мастеровых, или в награду дадут деньги на свадьбу похороны, именины и тому подобное, то выдач таковых займом не признавать, и из задельной платы денег сих уже не вычитать.

Статья 7-я.

Все мастеровые должны являться на работу в летнее время в 5 часов утра и оставаться до 11 часов; после того дается им на обед и отдохновение 2 часа; а с пробития 1-го часа пополудни работа опять должна начинаться и продолжаться до 8-ми часов вечера. В зимнее время работа начинается в 6 часов, а вечерняя оканчивается в восемь часов, итак, мастеровые должны работать: в летнее время по 13 часов, а в зимнее — по 12 часов в день. В воскресные, высокоторжественные и храмовые праздники мастеровые от работ освобождаются; число таковых праздников во всем году простирается до 101 дня, кои означены в прилагаемой росписи, затем в остальные 264 дня все фабричные обоего пола обязаны непременно являться на фабрику к работам.

Статья 8-я.

Мастеровые обязаны имеющиеся у них на руках инструменты и материалы тщательно сберегать, в ткаческой работе прилагать старания о чистоте и доброте изделия, а при витье пряжи и прядении льна на самопрялках, равно как и во всех прочих мастерствах и работах, наблюдать надлежащую точность и исправность, дабы при выносе пряжи и тканей в кон-

тору не оказывалось в них недовеса, порчи, излишней грубой шлихтовки и других важных погрешностей.

Статья 9-я.

Конторе вменяется в обязанность наблюдать, чтобы покупаемый для мануфактуры материал, как-то: лен, готовая пряжа, краска и проч., были наилучшего достоинства, ибо чрез то не токмо производство работ идет успешнее, но и самые изделия выходят лучше и добротнее.

Статья 10-я.

Также конторе вменяется в обязанность распоряжаться таким образом, чтобы за недостатком материалов — отнюдь не было прогулов; а как к числу мастерства принадлежит и основная пряжа, которую приготовляют прядильщицы и витильщицы, то дабы в оных не последовало недостатка по нерадению работниц сего звания, и дабы ткачи не имели права требовать платы за прогулы по вине их жен происшедшие, то на прядение и витье назначаются уроки, в прилагаемой при сем росписи показанные; сего положения должны в точности держаться все прядильщицы и витильщицы, не имеющие малолетних детей: что же касается до тех, у которых есть малолетние дети, то сим прибавляется к назначенному на каждый урок сроку еще половина дней.

Статья 11-я.

В случае болезни мастеровых — владельцам вменяется в обязанность иметь о них попечение, чего как человеколюбие, так и собственная мануфактуры польза требует, при чем, в отвращение злоупотреблений бывающих от того, что иногда мастеровые, по лености, сказываются притворно больными, — почитать таковыми тех только, кои представят о сем свидетельство состоящего при фабрике доктора. Больных пользовать не в домах, а в госпитале при фабрике устроенной, которая должна быть снабжена всем нужным, а сверх того при важных болезнях, взрослым обоего пола мастеровым, находящимся в болезни более 4-х недель, отпускать безденежно по одному пуду муки в месяц и по 10 коп. на день во все время, пока болезнь продолжится. Когда же доктор уведомит контору, что больной может быть употребляем в работу, то с сего дня отпуск на него муки и 10 коп. пенсии прекращается, а выздоравливающему дается работа с силами его соразмерная, доколе он совершенно не окрепнет и может быть опять посажен за стан или другую работу. Наблюдение за порядком больничным вверить в особенный присмотр управляющему Мануфактурою, а сверх того, вменить в обязанность полицмейстеру города об освидетельствовании сей больницы каждомесячно, и если он усмотрит каковые либо неустройства, то имеет доносить начальнику губернии.

Статья 12-я.

Буде кто мастеровой, по собственному нерадению, без ведома и дозволения конторы, прогуляет день рабочий, или не явится на оную в предписанный час, то с такового за первый и второй раз, делать вычету из платы столько, сколько он в потерянное им время работою мог бы приобресть, а за третий, или буде не явится три дня и долее, то, кроме вычета, подвергается умеренному от конторы наказанию, и сверх того — за все прогульные дни отпуск хлеба им не чинить, в обуздание лености, распутства и пьянства, а потому и вести конторе о неявке всякого дневные журналы, дабы в случае жалобы чинить проверки. Буде же исправление таковое конторою не обратит ленивого и нерадивого к порядку в своих обязанностях, то таковых предоставить конторе право отсылать их в полицию и, при управляющем, подвергать их телесному наказанию розгами.

Статья 13-я.

Буде кто прядильщицы или витильщицы данную им для прядения и витья пряжу принесут позже срока, в 10-й статье определенного, то за каждый просроченный день вычитать с них штрафу по 25 коп.

Статья 14-я.

Если кто утратит или испортит данный ему инструмент и материал, или же в принесенной им для сдачи работе окажутся важные порчи и недовесы, то производить за все сие вычет по истинной цене, а буде таковые утраты и злоупотребления случатся у одного и того же мастерового столь часто, что вычет за то оставил бы значущую часть годового его приобретения, то, дабы не довести его до ра-

зорения, предоставляется конторе виновного, наказав, удалить от сей работы и назначать к работам низшего достоинства.

Статья 15-я.

Буде за недостатком материалов на мануфактуре мастеровые оставаться будут без дела, то постановляется сим за каждый прогульный день заплатить мастеровым то, что каждый из них, работая на фабрике, выработать бы мог.

Статья 16-я.

Взнос в казну за всех фабричных людей подушных, поземельных и рекрутских денег и вообще исправление всех государственных и городских повинностей, равно как и освещение ткаческих станов — остается, по прежнему, на отчете владельцев Мануфактуры; что же касается до выполнения рекрутской повинности натурою, то, на основании 2-го пункта 18 день февраля сего 1818 года высочайше утвержденного мнения государственного совета, владельцам Мануфактуры предоставляется право отдавать в рекруты и из мастеровых людей, по их усмотрению; буде же того не пожелают они, то обязаны вносить за них деньгами по установленной цене, не вычитая оных из задельной платы.

Статья 17-я.

В дальнейшее облегчение мастеровым семействам способов к точному выполнению их обязанностей и в уважение того, что у них оба пола бывают заняты работами на Мануфактуре, равно как и потому, что Мануфактура сия беспрестанно занимается изготовлением для высочайшего двора столового белья в большом количестве, домы мастеровых навсегда освобождаются от воинского постоя. Поелику же опытом дознано, что семейства мастеровых людей Ярославской Мануфактуры от раздробления на малые части приходят в истощение и приметно разоряются, то обстоятельство сие поставляется владельцам Мануфактуры на вид с тем, чтоб они отныне обратили на то надлежащее внимание и не токмо не допущали бы мастеровых разделяться на малые семейства, но старались бы, по возможности, соединением малых таковых семей в едино, содействовать тем их благосостоянию.

В заключение, владельцам Мануфактуры вменяется в обязанность: а) прилагать всемерное старание о распространении сего издавна знаменитого заведения и об усовершенствовании производимых на нем работ. б) Как замечено излишнее число приставников, которое собственно большим числом порождает беспорядок, то в особенности возлагается на обязанность владельцев уменьшить число конторщиков, смотрителей, писарей и тому подобных, оставя место 150 не более 20 или 25 человек исправных и деятельных, которое число весьма достаточно будет при опытном и попечительном управляющем, а потому о распоряжении таковом и имеют владельцы донести начальству. в) В поденных работах замечено также, что занимается излишнее число: где достаточно было бы трех, там иногда вдвое, а потому уменьшение оных — необходимо к устройству внутреннего порядка, что и возложить на строгую обязанность конторы. г) Обратить больше внимания на сортировку пряжи и на верность раздачи, отчего происходит неисправность товаров и неудовольствие мастеровых. д) По бумажной фабрике стараться улучшать бумагу, которая бы по возвысившимся ценам более могла расходиться и большую приносить пользу. е) С другой стороны, владельцы должны сами и чрез управляющих, коим смотрение над Мануфактурою вверено, тщательно наблюдать за нравственностью и поведением мастеровых людей, пещись о их благосостоянии, не допускать их до пьянства, праздности, своевольства и сим подобных предосудительных поступков, клонящихся к их собственной пагубе и ко вреду Мануфактуры, и отвращать их от того мерами кротости и убеждения, а в случае нужды — и наказаниями, почему и возложено на обязанность местной градской полиции и губернского начальства, по требованию управляющего Мануфактурою, за пьянство и дебоширство мастеровых выдерживать в смирительном доме от недели до двух и до месяца, а за самовольные отлучки и неявку к работе — от трех дней до недели; в случае же грубостей, непокорства или буйства, или повторения развратного поведения и самовольных отлучек в продолжение года, — производить, с воли управляющего, легкое наказание. ж) Мастеровые же обязаны не токмо господ своих, но и поставленных от них на-

чальников почитать и находиться у них в повиновении, даваемые им работы с усердием и рачительностью выполнять, сходбищ и совещаний никаких не составлять, без дозволения конторы от фабрики никуда не отлучаться, от пьянства и буйства воздерживаться, недельными и неосновательными просьбами правительство отнюдь не утруждать, в нуждах же своих прибегать с просьбами к управляющим или владельцам, от которых и удовлетворения себе ожидать; словом, вести себя как честным и добропорядочным людям прилично, в противном же случае подвергнуты будут строгому наказанию, законами предписанному.

(Ярославская Большая Мануфактура — Грязнова, изд. 1910 г., стр. 311—318.)

14. Копия журнала

Общего Присутствия Департамента Министерства Финансов.

Положение это, как упоминалось выше, было переслано в Петербург, но — и ему не пришлось быть утвержденным: в 1823 году двое поверенных мастеровых, Михаил Русинов и Спиридон Журавлев, подали просьбу государю Александру I, во время его пребывания в Ярославле, «на притеснения фабриканта и недостаточность рабочей платы».

Граф Аракчеев препроводил эту просьбу мин. финансов Канкрину с приказанием государя, чтоб для рассмотрения дела были вытребованы в Петербург депутаты рабочих...

По прибытии в Петербург депутаты были опрошены в особом заседании Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли, при чем председательствующий сделал все возможное, чтобы побудить рабочих отказаться от их показаний; но они стояли крепко на своем и доказывали, что их заработная плата слишком низка и должна быть повышена.

Ответы были сообщены государю, и Канкрин уведомил владельцев Мануфактуры, что плату необходимо повысить на 10%. Владелец согласился на повышение на 7%, оставляя на прежием основании все выгоды и пособия, которыми пользовались мастеровые...

Вот копия врученного Русинову и Журавлеву журнала.

«По поводу всеподданнейшего прошения, поданного в прошедшем году в городе Ярославле от мастеровых Ярославской Мануфактуры гг. Яковлевых, о недостаточной плате, производимой им за все работы, его императорское величество повелеть соизволил вызвать сюда поверенных от назначенных мастеровых людей с тем, чтобы дело об Ярославской Мануфактуре, в Департаменте Мануфактур и Внутренней Торговли производящееся, не прежде было приведено к окончанию, как по выслушании тех поверенных. Во исполнение сей высочайшей воли, объявленной г. министром финансов господину Ярославскому гражданскому губернатору, прибыли сюда избранные от всего общества мастеровых людей поверенные Михайло Русинов и Спиридон Журавлев, коим 18 марта сего года в Общем Присутствии Департамента были предлагаемы разные вопросы, относящиеся к самому предмету жалобы их и к обстоятельствам, имеющим непосредственную связь с задельною их платою и с обеспечением их содержания. Из отзывов, означенными поверенными учиненных, открылось, что хотя плата мастеровым людям Ярославской Мануфактуры, за работы определенная, сама по себе действительно не велика, но сверх оной получают они значительное пособие отпуском им муки и дров по весьма низким ценам, тогда как сама Мануфактура покупает сии припасы по ценам торговым, что подати и государственные повинности выплачиваются за них содержателями Мануфактуры без всякого вычета, что малолетним, престарелым и неспособным к работам оказывается пособие пенсиями и безденежным отпуском хлеба; что в праздничные и воскресные дни они никогда к работе не понуждаются, и что вообще мастеровым никаких обид и притеснений ни от владельцев, ни от управителей не оказывается; что главная жалоба их приносится единственно на недостаток платы и на дурной материал, иногда им от конторы отпускаемый для обработки. В рассуждении же собственного поведения мастеровых людей — поверенные сознались, что между ими многие не редко уклоняются самовольно от работ, частью по домашним своим надобностям, частью же по слабостям своим. В заключение всего поверенные спрашиваны, не имеют ли еще чего представить Департаменту, но они отвечали, что другого ничего представить не имеют.

Из всех сих показаний, учиненных поверенными Русиновым и Журавлевым, равно как и из сведений, прежде сего в Департаменте по сему делу вошедших, явствует, что мастеровые люди Ярославской Мануфактуры в положении своем совершенно обеспечены и что они пользуются от владельцев своих такими выгодами и пособиями, каковых других фабрик мастеровые вовсе не имеют. А потому жалоба их на недостаток платы оказывается несправедливою и уважения не заслуживающей. При всем том однакож содержатели Мануфактуры, г.г. Яковлевы, желая явить мастеровым своим людям новый опыт попечения своего об них и пресечь все поводы к неудовольствию, объявили Министерству Финансов добровольное желание учинить им вообще за все работы к задельной поденной и месячной плате общую прибавку по 7 процентов на рубль, с оставлением на прежнем основании отпуска хлеба и дров, призрения престарелых и малолетних и взноса за мастеровых людей податей и прочих повинностей.

Г. министр финансов, находя в сем предложении г.г. Яковлевых новую выгоду для мастеровых людей и новый залог их будущего спокойствия и повиновения, поручил Департаменту Мануфактур и Внутренней Торговли объявить о сем поверенным Журавлеву и Русинову и истребовать отзыва их по сему предмету.

По сему случаю означенные поверенные были призваны в общее Присутствие Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли сего 6-го июня, и когда им объявлено было о вышеозначенной прибавке к плате, то они, находя оную для всех мастеровых выгодною, обязались за себя и за всех прочих товарищей своих в точности исполнять обязанности свои и неосновательными жалобами не обременять ни государя императора, ни правительство. С сим вместе они изъявили желание изъяснить от лица всего своего общества искреннейшую за сие признательность и г-ну статскому советнику Ивану Михайловичу Яковлеву, как старшему владельцу их и управляющему всеми делами по их Мануфактуре.

Общее Присутствие Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли определило: что как за сим уже не предстоит никакого препятствия к окончательному рассмотрению и приведению в действие составленного прежде сего для Ярославской Мануфактуры Положения, то и включить в сие Положение учиняемую ныне вновь прибавку по 7-ми процентов на рубль к задельной поденной и месячной плате за все вообще работы мастеровым людям Ярославской Мануфактуры производимые, и оное Положение внести на рассмотрение в Совет Министерства Финансов. Что же касается до поверенных Русинова и Журавлева, кои неотступно просят о возвращении их на Мануфактуру, то Общее Присутствие находит, что за отобранными от них показаниями, и за учиненным ими от лица целого их общества отзывом о том, что прибавка к плате 7% на рубль вполне обеспечивать будет их благосостояние, не предстоит уже никакой надобности в дальнейшем пребывании их здесь, в Санкт-Петербурге, а потому и полагает, что можно удовлетворить просьбе их отправлением их обратно в Ярославль. Обо всем вышепрописанном составить журнал, который и представить на утверждение г. министру. Когда же утверждение последует, то выдать с него означенным поверенным Русинову и Журавлеву, при отправлении их обратно в Ярославль, засвидетельствованную копию.

(Ярославская Большая Мануфактура — Грязнова, изд. 1910 г., стр. 318—322.)

---

15. Сведение о Ярославской Большой Мануфактуре.

Объявление для продажи.

1846.

1. В техническом отношении.

Ярославская Мануфактура состояла из двух отделений: а) из полотняной и б) писчебумажной фабрик.

Производство узорчатых льняных и бумажных изделий, как-то: столового белья, дессертных и чайных салфеток, полотенец и проч., делается на старинных, так назыв. переборных, станках; но в последнее время введено несколько жакардовых станов, к которым ткачи привыкают с такою скоростью, что чрез месяц работают с искусством и скоростью, не усту-

пающей переборным станкам. Размножение жакардовых станков может быть производимо хозяйственными средствами чрез имеющегося на Мануфактуре опытного мастера. Прочие ткацкие изделия: полотна, тики, каламенки, канифасы, затрапезы и друг., приготовляются также на простых станках и, по большей части, одними женщинами.

Число всех ткацких станов простирается до тысячи; принадлежащие к ним инструменты: берда, ниты, сновальни, мотовила, челноки — находятся при фабрике в соответствующем числу станов количестве. Кроме сих, для очистки льна имеются льномяльные машины, а для прядения тонкой пряжи — до пяти сот прялок, а также ролевые машины и каландры для отделки готовых товаров. Для всех ткаческих работ имеются обширные отдельные, так назыв. светлицы, помещенные на одном обширном дворе с четырьмя прудами и всеми необходимыми хозяйственными строениями. Беление полотен и всех белых изделий производится на Мануфактуре воздушное, т.-е. выстилкой ткацей на лугу; химическое также легко может быть устроено имеющимся при Мануфактуре мастером, но до сих пор не введено в употребление. Кроме означенных средств для беления при Мануфактуре, в тридцати верстах от нее, находится белильня г. Карновича, на которой белят искусно как химическим, так и воздушным способом.

Писчебумажная фабрика устроена была на правом берегу судоходной реки Которосли и действовала во всех своих частях водою. В прошлом 1845 году фабрика эта вся уничтожена пожаром. В настоящее время ценность ее заключается в уцелевшей от пожара плотине (высокой прочности), в мукомольной на левом берегу мельнице на четыре постава (в ней же и молотовая с двенадцатью молотами для колоченья бумаги) и в семи остовах каменных корпусов, из которых некоторые, по отделке, могут быть годны для всякого заведения; но главная ценность этой фабрики заключается в выгодной местности на судоходной реке, обилующей весьма большой массою воды. Возвышение воды при плотине равняется пяти аршинам; ширина реки до 50-ти сажен. При существовании фабрики она приводила в движение 16 ролов (которые приготовляли тряпки на 50 тысяч стоп бумаги), слишком 20 молотов для колочения бумаги, четыре постава мукомольных и пильную мельницу, две рамы; на все это движение, несмотря на тягость старинного неудобного механизма частей, издерживалось не более одной третьей части силы всей воды, следовательно, две трети (а при хорошем устройстве механизма и три четверти) всей водяной силы были без употребления. Не малая выгода состоит и в том, что при такой значительной массе воды можно устроить разные заведения на обоих берегах реки, при одной плотине. Сверх сего пруды на дворе полотняной фабрики также представляют возможность воспользоваться силою воды.

II. В хозяйственном отношении.

Кроме вышеизложенного богатства действующей силы воды, Мануфактура еще большее внимание заслуживает в своем хозяйственном отношении и, в особенности, по удобству водяных сообщений ее с теми местами, откуда она получает сырые материалы и сбывает свои готовые изделия. Вологодская, Костромская, Казанская и Вятская губернии и Нижегородская ярмарка доставляли ей тряпку, животный клей и поташ; Ярославская губ. и Ростовская ярмарка — лен и тряпку; С.-Петербургская — краску; Новгородская губерния — лес и дрова и, наконец, самая Сибирь — металлы, необходимые для построек машин. Самая высокая ценность дров сумеси не превышает 1 р. 25 к., а березовых 2 р. 10 к. серебром за сажень с поставкой на места производств. Ценность льна самого лучшего достоинства, с поставкою на Мануфактуру, от 2 до 3 руб. серебром, пряжа, смотря по сорту и достоинству, от 3 руб. 50 коп. до 10 руб. серебром, а также с поставкою на Мануфактуру (пряжа высших сортов приготовляется на Мануфактуре прядильщицами); перевозка товаров обходится: в Нижний Новгород и Ростов от 3 до 4 коп., в С.-Петербург до 20 коп., в Москву, сухопутно также, не дороже 20 коп. серебром с пуда. Мастеровые прежде были приписаны к фабрике на посессионном праве, но в 1843 г. они уволены в городское сословие, с оставлением им во всегдашнее владение домов их, вокруг Мануфактуры расположенных, а потому, жительствуя подле самой фабрики, они с охотой ра-

ботают на ней по вольным ценам, за весьма дешевую цену. Самый лучший мастеровой, получая урочную плату, не зарабатывает в месяц более 7-ми рублей, а женщины вырабатывают не более 2-х рублей серебром в месяц, без всякого другого содержания от фабрики. Выгоды эти столь важны, что фабрика по произволу может сокращать или увеличивать свое производство, или заменять приготовлением одни изделия другими, и во всякое время имеет у себя под рукою достаточное число нужных мастеровых. Число всех мастеровых по бумажному и ткацкому производствам, мужчин и женщин, может простираться до трех тысяч человек, если оба сии отделения Мануфактуры в полном действии.

Земли собственно при Мануфактуре имеется 71 десятина, с которой ежегодно снимается сена до двух тысяч пудов. Кроме того, в окрестности Мануфактуры, от двух до десяти верст от нее еще находятся земли:

Пахотной	4	десятины.
Сенокосной	3	»
Лесу дровяного и кустарника .	115	»
Неудобной	11	»
Всего более . . .	135	десятин.

Следовательно, всей земли под Мануфактурою и при Мануфактуре имеется более 270 десятин. Полевая земля (не далее двух верст от фабрики) представляет возможность устроить кирпичный завод.

При Мануфактуре числятся, во владении г.г. Яковлевых, три вотчины в губерниях Ярославской, Владимирской и Костромской, а именно:

Бородинская (Ярославской губернии).

В ней . . .	399	душ крестьян.
Пахотной земли	760	десятин.
Лесу	1,049	»
Покоса . . .	130	»

Крапивинская (Владимирской губ.).

В ней	615	душ крестьян.
Пахотной земли	2,097	десятин
Лесу	3,816	»
Покосу . . .	418	»

Ветлужская (Костромской губ.).

В ней	97	душ крестьян.
Пахотной земли	204	десятины.
Лесу	581	»
Покоса . . .	9	»

Крестьяне сих вотчин занимаются хлебопашеством и разными промыслами, из коих Бородинские большею частью каменщики, и ежегодно работают в С.-Петербурге. Крапивинские занимаются тканьем миткалей для ситцевых фабрик. Ветлужские занимаются гонкою лесов по реке Ветлуге и другим. Все сии крестьяне платят оброка до 10,000 рублей серебром, который весь употребляется для оборотов фабричных; но оброк этот, при улучшенном хозяйстве, может значительно увеличиться. Крапивинская вотчина, по изобилию в ней лесов, представляет возможность устроить винокуренный или хрустальный завод, а на излишней, отдающейся в кортому, до 350 десятин земли сделать запашку для посева льна, или завести скотоводство из улучшенных пород, что будет весьма полезно для возвышения крестьянского хозяйства.

Всем хозяйством, как мануфактурным, так вотчинным, заведует главноуправляющий, для чего в ведении его находится мануфактурная контора. Число всех должностных лиц, состоящих при конторе и Мануфактуре, следующее:

		Жалованье в месяц ассигнациями.	
При конторе:			
Бухгалтер	1	45 р.	
Конторщиков . . .	4 всем	90 »	
При Мануфактуре:			
Механик	1	130 »	
Смотритель фабрики	1	25 »	
Мастеров ткацких	2	125 »	
» прядильных	2	55 »	80 к.
» красильных	2	37 »	
» белильных	1	25 »	
Рисовальщиков и наборщиков . . .	3	46 »	50 »
Смотритель магазина	1	20 »	
Приказчик в правильной палате . . .	1	41 »	66 »
Конторщик при нем	1	25 »	
В ней рабочих . .	4	38 »	
Сновальщиков . .	3	42 »	
Сторожей . . .	14	181 »	50 »

Кузнецов и слесарей	5	71 р.	
Столяров и плотников	4	85 »	
Поденщиков при белильне	7	28 »	40
Конюхов и кучеров	3	47 »	
Лесник	1	10 »	
Печник	1	20 »	
Итого. . . .	60	1.189 р.	86 к.

Общее же правление Ярославской Мануфактуры находится в С.-Петербурге, у Обухова моста, в собственном доме г.г. Яковлевых, насупротив Института Путей Сообщения, куда и поступают все сношения с оною.

Целых 10 лет «сведение» это и вызов желающих купить Мануфактуру не приносили желаемых результатов, не столько потому, что не было желающих купить Мануфактуру, сколько потому, что сделать это — возможности не представлялось вследствие неурядиц и раздоров, царивших среди владельцев Мануфактуры.

Тем не менее все же, в конце концов, в 1856 году, возможность эта представилась: группа Московских капиталистов, уроженцев Ярославской губ., с Иваном Андреевичем Карзинкиным во главе, подумывавшая о постройке бумагопрядильной фабрики, и уже давно подыскивавшая для нее подходящее место, прельстившись значительностью водяной силы Которосли и привычного к мануфактурным работам свободного населения (что в те времена встречалось не часто), решилась купить Ярославскую Большую Мануфактуру для устройства на месте писчебумажной ее фабрики бумагопрядильной фабрики.

Решение это в скором времени было приведено в исполнение: 27 апреля 1857 года в Тверской гражданской палате И. А. Карзинкиным была совершена купчая крепость на покупку у Яковлевых их Мануфактуры.

По купчей этой, «состоящая в Ярославле на Которосли Мануфактура, с принадлежащею к ней сгоревшею писчебумажною фабрикой, со всеми находящимися на ней актами, данными от правительства документами и всеми привилегиями, со всеми лежащими под Мануфактурою землями, в количестве 74 дес. 1810 кв. саж., со всеми строениями, машинами и спарядами, словом, со всем имуществом, как в домах, так и в Мануфактуре находящимися, исключая только товарные изделия, продана почетному гражданину и временно московскому 1-й гильдии купцу, Ивану Карзинкину, за 85.000 р. сер.» [1]).

(Ярославская Большая Мануфактура — Грязнова, стр. 348—358.)

---

16. Хлопчато-бумажные фабрики.

Владимирской губернии.

Ткание миткаля, крашение и набивка производились в губ. Владимирской с давнего времени, большею частию крестьянами, домашним рукодельем. Некоторые сего рода фабрики существуют около 80 лет и более, но производство их было долгое время весьма маловажно и в грубом виде; тонких же и красивых изделий (коленкоров, ситцев, кашемировых платков и шалей и т. п.) не производилось, а получались они из чужих краев. Впоследствии, по мере умножавшегося у нас употребления бумажных изделий, особенно ситцев, фабрики наши усилили свое действие и во многом усовершенствовали производство: учредились новые фабрики, или же бывшие прежде полотняные — обращены на дело бумажных тканей Такое распространение сей ветви мануфактурной деятельности стало приметно в предшествовавшем десятилетии, особенно после тарифа 1822 года, когда иностранный миткаль обложен высокою пошлиною.

Уверяли, что в 1828 г., в городе Шуе, уезде его и соседственных округах, производство это против 1827 г увеличилось более, нежели впятеро. Таким образом фабрики бумажных разного рода, ткацких, миткалевых, нанковых и набивных ситцевых изделий и пр. размножились в сей губернии до чрезвычайности. Хотя они в минувшем десятилетии и

---

[1]) Последнее крупное увеличение Мануфактуры было произведено в 1899 году пуском в ход нового прядильно-ткацкого корпуса (известного под именем «Пристройки к Новой фабрике»), содержащего около 30.000 тонко-прядильных веретен и 450 ткацких станков.

И вот в настоящее время Ярославская Большая Мануфактура — снова самая большая фабрика России, если не по числу своих машин — орудий и рабочих, то, во всяком случае, по количеству ежедневно вырабатываемой пряжи, достигающего — днями — колоссального количества, 3.000 пудов в день.

уменьшились против предшествовавшего, однакож до сих пор ни одна губерния не представляет в этом отношении такой обширной деятельности, как Владимирская. В означенных выше числах не считается домашнего рукоделия крестьян. Города: Александров, Юрьев-Польский, Шуя и между ними село Иваново, принадлежащее графу Шереметьеву, суть главные места ткацкой бумажной промышленности. Можно сказать, что тамошние жители: купцы, мещане и крестьяне избрали эту отрасль мануфактурной промышленности, преимущественно пред всеми, предметом своей деятельности. В особенности сосредоточивается эта промышленность в *Шуе* и *Иванове*. Там, кроме многих огромнейших фабрик, производящих бумажного товара на миллион рублей в год, нет почти ни одного дома, ни одной крестьянской избы, в окружных селениях, где бы ни ткали миткалей, кашемиров, нанки, холстинок, или не набивали ситцев, выбойки, платков, шалей и пр. В каждой улице, на каждом шагу, встречаются кипы бумажной пряжи и бумажных изделий; стук челноков, берд и разных орудий, и песни веселых работников слышны всюду. Об огромности производства и ценности производимых изделий можно заключить из того, что в 1828 г. во Владимирской губ. употреблено бумажной пряжи на делание тканей 44.600 пудов, по показанию хозяев, а по удостоверению г. Болотова — до 170 тысяч пудов, следовательно, на 14.450.000 р., полагая за пуд самую умеренную цену по 85 коп. По множеству мануфактур сего рода, нужно разделить их на три разряда: к *первому* принадлежат фабрики, на которых производится только ткание бумажных изделий: миткалей, нанки, кашемиров, холстинок и пр., ко *второму* — те, на которых ткут и набивают вместе, а к *третьему* — одни набивные фабрики, где готовые ткани набиваются в ситцы, выбойки и пр.

В 1836 году, на 53 фабриках *первого и второго разряда* (из коих 15 находятся в Шуе и его уезде, 10 в Гавриловском посаде, 9 в Юрьеве и его уезде, 6 в Коврове, 5 в Александрове, 4 в Суздале, 4 в Переславле, 2 в Муроме, 1 во Владимирском у. и 1 в Меленках) выткано, по показанию *хозяев*, миткаля (демикотона, нанки, холстинки, канифаса, кашемира, плиса, полубархата, платков, кисеи и пр.) на 17.627.000 руб., людей, занятых на сих фабриках, считалось 42.984 чел.[1]), а станков 36.790. На 62 фабриках *третьего разряда* (из коих 58 находятся в Шуе и его уезде, 3 в Юрьеве и 1 в Гавриловском посаде) набито разных ситцев, выбойки платков и проч. на 6.332.432 руб.; число людей, занятых работою, простиралось до 2.945, а станков до 1.060. Набивка ситцев производится по миткалю и кашемиру. Ситцы, назначаемые для отправления на Кавказ и в Персию, вырабатываются по красивым восточным рисункам, большею частию — заварными красками; фонд их обыкновенно кубовый, или пунцовый. Ситцы, набиваемые по образцу французских, отличаются чистотою, отделкою и новостию манера.

В одном городе Шуе около 12.000 станов приводится в действие, и на них ежегодно вырабатывается до 300.000 кусков сурового миткаля, на сумму 5.400.000 руб. Конечно, на таком количестве станов надобно бы более кусков вырабатывать; по крестьяне, занимаясь земледелием с апреля до октября, оставляют фабрики. Лучшие фабрики в Шуе: коммерции советника *Посылина* с племянником, и купцов: *Корнилова*, *Попова*, *Болотова*, братьев *Калужских* и братьев *Мельниковых*. На фабрике второй гильдии купца Калужского выделывается 55 т. кусков миткаля, на сумму 1.121.500 руб. Для этих фабрик трудятся крестьяне в Шуйском, Ковровском, Суздальском, Юрьевском и Вязниковском уездах.

Ситцев, ручных и машинных, выделывается в Шуе до 130.000 кусков, на сумму 3.250.000. На красную бумажную пестрядь, которой выделывается в этом городе более 5,000 кусков, преимущественно употребляется бумага крашения Александровского купца *Баранова*. Вообще на бумажные ткани, вырабатываемые во Владимирской губ., употребляется, большею частью, английская пряденая бумага; братья *Киселевы*, в Шуе, выписывают пряденой английской бумаги около 80.000 пуд., на сумму 8 милл. рублей. С некоторого времени увеличивается, однакож, производство и потребление

[1]) В этом числе заключаются и крестьяне, занимающиеся по деревням.

русской пряжи; прядильная фабрика, заведенная г. Бабуриным у самого центра бумаготкаческого производства, близ села Иванова, Шуйского у., пряжа коей находилась уже на выставке 1837 г., вероятно, будет иметь и уже имеет последователей. Купцы Посылины, в Шуе, завели также, в прошедшем году, прядильню, которая посредством машин, на 11,000 веретен, выпрядает в год до 6,000 пуд. бумаги.

Английская бумага для Владимирских фабрик большею частью покупается в Москве, на ярмонках: Нижегородской, Ростовской и Шуйской; там же и кубовая краска для ситцевых фабрик, а миткаль для сих последних покупается в Шуе. Изделия сих фабрик расходятся в огромном количестве по всей России, преимущественно же продаются на ярмонках в Шуе, Нижнем-Новгороде и Ростове.

Сюда можно отнести и две китайчатые фабрики в г. Шуе, на которых в 1836 году, по показанию хозяев, выработано китайки на 36.240 руб. На них было 16 работников и 6 кубов. Как покупка материалов, так и сбыт изделий производятся в Шуе и на ярмонках Нижегородской и Ростовской...

Заработная плата.

Из сего обозрения мануфактурной промышленности Владимирской губ. видно, что она ежегодно производит разных изделий, в одних мануфактурных заведениях, по малой мере на сумму 32.000.000 руб. и занимает несколько десятков тысяч крестьян.

Количество мануфактурных и фабричных изделий, заступивших место иностранных товаров в продолжение немногих лет, довольно показывает успехи обрабатывающей промышленности во Владимирской губернии. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, какую низкую плату получают там работники.

Крестьянин, или крестьянка, все еще приготовляет миткаль, или другие простые материи, из пряжи, данной фабричным хозяином, на тех же станах, как и прежде; а, между тем, получает ныне только от 1¼ до 1½ р. ас. за 50-аршинный кусок, или от 2½ до 3 коп. за арш., тогда как прежде платили от 6 до 8 руб. за кусок, или от 12 до 16 коп. за аршин. При самом неутомимом прилежании ткач не сработает в день более 15 арш., и то только летом, в долгие дни; зимою же скудная эта прибыль уменьшается еще издержками на освещение, потребное для работы. Ткач должен притом иметь какое-нибудь дитя, для нашпуливания пряжи на уток, так что он, за всеми вычетами из своего заработка, едва ли приобретет для себя 20 коп. Затем легко понять, отчего в фабричных округах возле зажиточного состояния и даже значительного богатства господствует нередко крайняя нищета, со всеми жалкими последствиями оной.

(Журн. мин. вн. дел 1840 г., т. 36, стр. 271—277, 296—298.)

---

17. Ивановские ситце-набивные фабрики в первой половине XIX века.

...Посмотрим, каким образом устраивались наши первоначальные фабрики, которые удержались здесь до 60-х годов XIX столетия.

Центром, так сказать, всей фабрики было строение, где помещались со своими столами набойщики. В начале становилась стая с окнами чуть не со всех сторон, так как свету было нужно как можно более. На верху устраивались вешала, по которым двигался миткаль во время набивки. Затем стаи покрывали, в рабочей расставлялись верстаки, на которых производилась набивка, и фабрика была готова. Рабочие не заставляли себя ждать, так как заработок был очень хороший. С появлением колерпстов, у набойщиков показываются уже помощники, так называемые штрифовальщики. Но, чтобы представить цельную картину набивного дела, мы воспользуемся прекрасной статьей инженер-технолога Несытова.

Вот что говорит он о набойщиках. (Приводим его статью в сокращенном изложении.)

Набойщик для своей работы на ситцевых фабриках имеет от хозяина набойный стол или верстак; по левую сторону стола помещается скамейка, на которой ставится штрифовальный ящик, обрез, с краской или составом, наложенной на суконке. Вверху мастерской находятся, как и мы уже упомянули, вешала, т.-е. нахо-

дящиеся близь потолка параллельные, горизонтальные жерди, через которые набойщик перекидывает миткаль, отпущенный ему для набивки. Каждая набивная мастерская непременно должна быть светла, а, главное, тепла, чтобы набитая по миткалю краска могла скорее высохнуть, не подтекая. Чтобы быть искусным набойщиком, нужно было пройти порядочную школу. Будущий набойщик поступал на фабрику 12—15 лет, так называемым штрифовальщиком, обязанность которого состояла в том, чтобы растирать кистью краску по суконному дну обреза и, таким образом, подготовлять эту краску каждый раз для набойщика, когда последний берет с круга формой краску. Во все время работы набойщика штрифовальщик, сидя верхом на скамье, на которой поставлен штрифовальный круг, за каждым ударом формой по миткалю растирает краску кистью. Когда штрифовальщик привык к своему делу, набойщик иногда позволяет ему набивать формой малосложный узор и указывает ему все приемы, которые тот должен себе усвоить. Через год — два штрифовальщик делается уже набойщиком и принимается за работу с известной подготовкой и знанием дела. От искусного набойщика требуется, чтобы он верно, по знакам, показываемым иголками, вделанными в четырех концах формы, накладывал краску на поверхность выбеленного миткаля и расправлял бы миткаль по набивному столу так, чтобы никогда не было складок, иначе при крашении складки эти оставляют белые некрашенные полосы и образуют так называемые ласы. В деле набойщика заводка манера составляет главное. Заводка манера состоит в дом, что формою делается на миткале первый абрис рисунка (десейна), от которого зависит вся красота ситца и чистота набивки последующими красками. Смотря по артикулу ситца и его колерам набивается один и тот же кусок (штука) разными досками (узорами). Поэтому самих набойщиков разделяют, главным образом, на 4 группы: 1) заводчики, набивающие заводку; 2) грунтовщики, которые набивают грунт, т.-е., фон ситца; 3) набойщики, работающие красную, желтую, фиолетовую и другие краски, и 4) расцветчики, которые окончательно расцвечивали ситцы зеленой и голубой красками. Смотря по этому разделению набойщиков, один и тот же десейн набивали последовательно два, три и более набойщика, которые получали за каждый проход не одинаковую плату, изменяющуюся смотря по роду набивки, сложности рисунка и тонкости работы. Были ситцы от 10 до 12 проходов, т.-е. набивались последовательно 10 — 12 красками. Во всяком случае, заводчик получал всегда с прохода более, чем другие набойщики; из набойщиков всего менее получал расцветчик. Задельная плата набойщикам зависела от рисунка, манера, которым они набивали ситцы, а потому и трудно определить ее; к тому же она изменялась последовательно по годам (от 50 к. одноцветного и до 2 р. 50 к. за многоцветные ситцы, за проход). Штрифовальщик находился при каждом набойщике, который содержал его на свой счет, как бы на праве мастера, к которому мальчика отдали в ученики. Впрочем иногда и хозяева платили штрифовальщику от 10 рублей и более в год.

Успех работы набойщика зависел от манера ситца, величины набивной формы и от качества выданной краски, а также от правильного и тщательного приготовления формы резчиком. Если манер многосложен, то им труднее печатать и набойщик тогда прибивает форму к миткалю деревянной колотушкой, кианкой (чокмарь), при чем, конечно, тратится время на прибой. Если рисунок мал, то он не спор к работе, а потому можно бы двойным манером за раз набить два малых пространства; но зато скорость первой набивки заменяет пространство второй, так что расчет в успехе и плате выходит почти один и тот же. Если резчик сделал неровно поверхность формы и не соблюл в точности рапортов рисунка, то набойщик может испортить ситец, так как в одном месте краска совпадает с тканью, а в другом она не прикасается к ней, и это поведет при окрашивании ситцев к неровности цвета и к пробелам. Но самое важное влияние на успех работы набойщика имеет краска или состав. Если она слишком загущена, то ложится на миткаль неровно и местами, делается вязкою и пристает к форме; напротив, когда она жидко загущена, то расплывается, делает на ситце подтечку, а

при крашении пробелы и пятна — в обоих случаях за это отвечает колерист. Стол или верстак набойщика делается четырехугольный, в $2\frac{1}{2}$ аршина длины, $1\frac{1}{2}$ аршина ширины и 1 аршин 2 верш. и более вышины. На нем горизонтальная ровно выстроганная доска из половых досок. Во время работы стол покрывается толстым или тонким сукном и на него ровно и гладко расстилается миткаль, назначенный для набивки. Сукно стелется для мягкости и для того, чтобы иглы формы и самая форма не касались дерева и не портились бы. Возле стола на скамейке штрифовальный ящик, в котором плавает круг, имеющий обечку, как у сита. В этот круг, обрез, наливают сначала сгущенный крахмал, на него кладут клеенку и затем уже сукно, на котором наштрифовали кистью состав. Форма или набивная (манер), грушевого или пальмового дерева резная доска, выдавалась набойщику из конторы. Как скоро он кончал набивать ею, она сдавалась обратно. Киянка или молоток (чокмарь) употреблялась набойщиком только при больших формах, — для приколачивания к миткалю, а при легких формах кулак набойщика заменял киянку.

Прежде чем введено было в фабричное производство запаривание ситцев для укрепления расцвета на ткани и для придания яркости и колера (оно вошло в употребление с 1835 года), ситцы заваривали в жидком отваре крапа гарансина и марены в краповых ваннах и горячей воде. Для этого устраивались особые здания на берегу реки, которые носили название заварок. С существованием заварок неразрывно связано было существование мытилок, устраиваемых посреди реки. Если набивная была на берегу, то она соединялась с заваркой. Заварка также устраивалась просто: строилось здание, имеющее широкую дверь на улицу, без потолка, который заменялся крышей, и с узенькой дверью на реку по направлению к мытилке. Здание на половину было набито дровами, остальная часть занята была большими печами, со вмазанными вверху котлами, большею частью железными — медные были только у богатых хозяев. Над котлом помещался баран, на который накладывался набитый ситец, концы ситца, обыкновенно, связывались; баран постоянно вертели назначенные для этого рабочие, так что ситец, наложенный на нем, представлял собою подобие бесконечного ремня. Ситец, обыкновенно, сначала посирили, т.-е. заваривали его в жидком растворе коровьего помета, затем уже заваривали в красках. Когда находили, что ситец достаточно заварился, его снимали с барана и мытильщики отправлялись смывать его в мытилку. Мытилка прежде состояла из простого плота, затем стали уже строить особые здания наподобие портомоек (слово старинное порты в древности обозначало всякую материю, из которой шилось платье). При помощи тех же палок, на которых принесен был заваренный ситец, его полоскали и затем выкручивали воду из вымытого ситца, отжимали тут же посредством особо устроенных крючьев. Выжатый таким образом ситец шел в сушильню или набельник. Процесс не особенно сложный, но отнимавший массу времени и требовавший особых зданий, тогда как при современном устройстве фабрик все это заключено в одном здании.

...К важнейшим заведениям во Владимирской губернии принадлежат бумажные фабрики, коих считается 176; из них особенно заслуживают внимание в Шуйском округе в селе Иванове, в городах: Юрьеве, Шуе, Переславле и Гавриловском посаде. В селе Иванове, на фабрике Московской второй гильдии купеческой дочери Варвары Ефимовой Грачевой вырабатывается миткаля 29.369 штук, мерою от 25 до 37 аршин; для этого количества закупается одной бумаги на 750 тысяч рублей и прочих материалов на 150 тысяч. На сей фабрике находится 900 станов и 103 набивных стола; всех изделий продается на 1.255.066 рублей, из сего четвертая часть остается непроданною. Чистой прибыли от продажи бывает 96.712 рублей. За этой фабрикой следует в сем же селении крестьянина графа Шереметьева Михаила Ивановича Ямановского. На его фабрике находится 1.000 станов и 110 набивных столов, на них вырабатывается в год миткалю 17.500 штук, полуситцу 1.000 штук, выбойки 15.000 штук и 4.000 штук платков. Бумаги на означенные материалы покупается до 2.000 пудов, ценою на 300.000 рублей, а равно красок и прочих материалов на 284.100 рублей; из всех изделий продается на 1.415.000 рублей. Здесь

одних работников мужского пола находится 1.402 человека и женского 85 душ; при чем особенное внимание заслуживает, что сей крестьянин при своем заведении имеет четыре пожарные большие трубы и 30 бочек в весьма хорошей исправности и к инструментам всегда в готовности содержит потребное число лошадей, так что, ежели бы где и встретились несчастные случаи в упомянутом селе, то он во всякое время употребляет сии принадлежности в действие, чем самым и снискал особенное уважение от всех жителей. За сею следует также весьма значительная фабрика крестьянина Мефодия Иванова Гарелина; на ней находится 1.021 стан и 85 набивных столов, где бывает работников до 1.407 человек; вырабатывается миткалю 12.000 штук и покупается 11.000, из коего набивается в ситец 12.000 штук, в выбойку 10.000 и в платки 1.000 штук. Всех вырабатываемых изделий продается на 1.035.000 рублей, от чего получается чистой прибыли 45.980 рублей. На показанных трех фабриках готовых изделий всегда можно найти на 100.000 рублей. Между прочим достойно замечания и то, что сии фабрики выделывают материалы весьма хорошей доброты, которые уважаемы бывают и в самой Москве. Вообще же стоимость всех обрабатываемых изделий в селе Иванове простирается до 7.031.900 рублей, для чего закупается одной бумаги до 20.000 пудов, из коей вырабатывается миткалю 215.607 штук, а из оного набивается в ситец 55.140 штук, в платки 20.360 штук, в выбойку 77.670 штук, а прочий оставшийся миткаль продается неокрашенным.

...Самым счастливым и благодетельным временем для набойщика считается эпоха 1812 года и время до 1822 г. Все фабричные обороты и деятельность московских фабрик перешли в то время в руки Ивановских фабрикантов. Работы, производящиеся в здешних фабриках день и ночь, увеличили производство товаров неимоверно; набойщики зарабатывали тогда до 100 руб. ассигнациями в месяц, не слишком обременяя себя работой. В это десятилетие совершился постепенно переход многих из горшечников в солидные фабриканты. Процесс перехода совершался так: прилежный и ловкий набойщик, при помощи своего небольшого семейства, напр., жены и двух сыновей, мог приготовить в день до 20 штук ситцев, т.-е. набить миткаль, предварительно выбеленный, одною или двумя красками, вечером их смыть, а в ночь высушить; на другой день, накрахмалив и опять высушив, прогаландировал у посторонних, где ему складывали ситец в штуки, прессовали, и в таком опрятном виде товар поступал в полное распоряжение набойщика. Поутру, в базарный день, этот горшечник продавал свои товары в том же Иванове купцам, приезжавшим из разных мест для покупки ситцев. Таким образом, не отходя от своего семейства, подобный набойщик, продавая каждый базар по 20 штук своего ситца, получал, на худой конец, до 40 рублей чистой выгоды. К концу года у него уже составлялся значительный капитал, с которым он заводил сначала небольшую фабрику, а затем, если благоприятствовала судьба, то расширял ее.

Распространение набивного мастерства, т.-е., собственно, увеличение числа набойщиков совершилось в третьем периоде, именно, с 1822 по 1836 год. Здесь особенную пользу развитию ситценабивных и бумажно-ткацких фабрик принес охранительный тариф.

...В этом периоде явились цилиндро-печатные машины, чем нанесен был сильный удар ручной набивке. Введением цилиндро-печатных машин заканчивается третий период. Машины вводились, несмотря на явно враждебное отношение к ним рабочих, вводились потому, что выгода от них была слишком явна и произволу набойщиков был положен конец.

Четвертый период от 1836 до 1855 года — время окончательного упадка ручного набивного мастерства. В этом периоде быстро растут паровые машины, позволяющие увеличивать производство, а потому и число набойщиков увеличилось, но им указано уже надлежащее место — прежде они составляли необходимость на фабрике, теперь же являются подчиненными машине и своей работе. Задельная плата от 10 до 15 рублей в месяц при постоянной работе.

...В 1832 году является первая в действии паровая машина в 12 сил на фабрике братьев Гарелиных, сработанная на заводе Берда. Машина работала очень хорошо. Сороковые года замечательны развитием приме-

нения к ситцевому производству пара. Главным образом выписывали паровые машины из Бельгии. Мало того, что пар употреблялся как двигатель, его стали применять и к другим операциям; так, им согревали воду при белении, при варении красок, для высушиванья и запариванья ситцев. Запариванье заключается в том, что некоторые сорта ситцев, напр., розовые, подвергают известное время действию паров, отчего цвет их становится ярче. Сорта эти называются запарными. Мало-по-малу этот способ вытеснил завариванье ситцев, которое в настоящее время держится здесь в виде анахронизма. При таком развитии фабричного дела, скоро поняли, насколько важно для фабричного хотя бы даже начальное образование, и вот стараниями Я. П. Гарелина устроено было в 1847 году так называемое Покровское приходское училище...

...Усилившаяся производительность и возраставшее богатство заставляли ивановцев тяготиться крепостным своим положением, а потому в конце 20-х годов нынешнего (XIX) столетия начался выкуп крестьян на свободу. Первым, получившим свободу, был Савва Кириллович Шомов, в 1825 году. Затем идет ряд крестьян, выкупившихся на волю, главным образом, таких, которые принимали более или менее деятельное участие в развитии промышленности села Иванова. В 1827 году вышли на волю: П. и Н. М. Гарелины, В. П. Дурдиневский, А. Ф. Полушин. В 1829 году Л. С. Удин, И. И. Бабурин, И. И. Борисов, Я. Я. Куваев, Н. А. Бабурин, А. Е. Гандурин, Д. А. Бурылин; в 1831 году Н. А. Зубков и другие. Благодаря этому выходу на свободу, положение крестьян, оставшихся в крепостном состоянии, сделалось очень тяжелым: оброк, который платили крестьяне, нисколько не был уменьшен, так что приходилось платить и те деньги, которые вносились прежде теперь выкупившимися; вообще приходилось платить от 75 до 87 рублей с тягла.

(Я. Гарелин. «Город Иваново-Вознесенск», т. I, стр. 176—213.)

18. Иваново-Вознесенские фабрики.

Пол. XIX века.

	Колич. выработки.	Цена за штуку.		Сумма.
	Штуки.	Р.	К.	Руб. асс.
I. В с. ИВАНОВЕ.				
а) Ситце-набивные:				
Гарелина Я. П. . . .	95,000	8	50	807,500
Гарелиных бр. . . .	80,000	8	50	680,000
Шодчина	30,000	6	—	102,000
Напалкова А. А. . . .	17,000	6	—	102,000
Напалкова 2-го	13,000	6	—	78,000
Шеберстова	20,000	6	—	120,000
Бабурина	7,000	7	—	49,000
Бабенкова	10,000	7	—	70,000
Бубнова	15,000	6	—	90,000
Бакулина	15,000	6	—	90,000
Щудрова	10,000	5	—	50,000
Куваева Х. И.	15,000	6	—	90,000
Куваева А. А. [1] . . .	10,000	6	—	60,000
Ямановского	12,000	6	—	72,000
Герасия	10,000	5	—	50,000
Буркова	15,000	6	—	90,000
Борисова С. И. . . .	17,000	6	—	102,000
Удина	18,000	6	50	117,000
Журавлева [1]	10,000	5	—	50,000
Борисова В. Е. [1] . .	8,000	5	—	40,000
Ошуркова 1-го	5,000	5	—	25,000
Ошуркова 2-го	4,000	5	—	20,000
Ошуркова 3-го	3,000	5	—	15,000
Худякова	6,000	4	50	27,000
Белокринкина	5,000	5	—	25,000
Суслова	4,000	5	50	22,000
Макарова	4,000	5	50	22,000
Боровенкова	3,000	5	—	15,000
Кайдалова	2,000	5	—	10,000
Штук	463,000	—	—	3,033,500
б) Миткале-ткацкие:				
Гарелина Я. П. . . .	—	—	—	—
Гарелиных бр. . . .	130,000	3	50	455,000
Шодчина	—	—	—	—
в) Бумаго-прядильная:				
Гарелиных бр. пуд. .	25,000	15	50	387,500
Итого в Иванове на .	—	—	—	3,876,000

[1]) Работает чужбину.

	Колич. выраб.	Цена за штуку.		Сумма.
	Штуки.	Р.	К.	Руб. асс.
II. В ПОСАДЕ.				
А. В самом посаде.				
а) Ситце-набивные:				
Гарелина И. Н. . . .	40,000	8	50	340,000
Кокушкина	35,000	6	—	210,000
Дурденевского Е. И. .	25,000	7	—	175,000
Дурденевского К. Е. .	15,000	9	—	135,000
Бурылина	15,000	7	—	105,000
Гречина.	25,000	6	—	150,000
Крутовского	10,000	5	—	50,000
Поленова	10,000	6	—	60,000
Лапшина	5,000	5	—	25,000
Худяковой.	5,000	4	50	22,000
Матвеевского	5,000	5	50	27,500
Штук. . . .	190,000	—	—	1,300,000
б) Миткале-ткацкие:				
Гарелина И. Н. . . .	—	—	—	—
Бабикова	до 50,000	3	50	175,000
Кокушкина	—	—	—	—
Итого в посаде на .	—	—	—	1,475,000
Б. В слоб. Дмитревке.				
а) Ситце-набивные:				
Зубкова.	104,000	9	—	936,000
Полушиной	25,000	7	—	175,000
Корноухова	20,000	6	—	120,000
Меньшикова [1]	38,000	6	—	228,000
Зминой	6,000	5	—	30,000
Штук. . . .	193,000	—	—	1,489,000
б) Миткале-ткацкие:				
Коновалова	—	3	50	105,000
Полушиной	до 30,000	—	—	—
в) Химические:				
Лепешкина на. . . .	—	—	—	400,000
Итого в Дмитревке на .	—	—	—	1,994,000
Всего в посаде и Дмитревке .	—	—	—	3,469,000
На всех фабриках в Иванове и посаде на .	—	—	—	7,345,000

[1] Работает чужбину.

	Штуки.	Руб. сер.
1) выработка ситцев:		
а) в Иванове	463,000	3,033,500
б) в Вознесенском посаде	190,000	1,300,000
в) в слободе Дмитревке .	193,000	1,489,000
Итого . . .	846,000	5,822,500
2) выработка миткалей:		
а) в Иванове	130,000	455,000
б) в Вознесенском посаде	50,000	175,000
в) в Дмитревке	30,000	105,000
Итого . . .	210,000	735,000
3) Выработка бумажной пряжи:		
а) в Иванове пудов 25,000 на	—	387,500
4) выработка химических товаров:		
а) в Дмитревке	—	400,000
Итого на сумму .	—	7,345,000

Эта огромная цифра выработки села Иванова с посадом далеко еще не полна, потому что многие мелкие заведения, как ситцевые, так и другие, по незначительности своей и по малоизвестности, не вошли в мой перечень. Выработку их можно положить, без большой погрешности, количеством ситца в 30.000 шт., суммою в 300.000 руб. сер. И, таким образом, вся сумма произведений ивановских фабрик превзойдет 7½ милл. руб. сер., исключая торговых оборотов Иванова, как-то: бумажной пряжею, суровым миткалем и другими товарами, провозимыми еженедельно на ивановские базары... —

В тканье до сих пор преобладает здесь ручная работа. Странно, отчего машинное тканье здесь так мало развито, тем более, что ручным тканьем фабриканты недовольны во многих отношениях. Для здешнего крестьянского населения вопрос, долго ли устоит ручное тканье против машинного, уже начавшегося, очень важен.

Главною причиною малого развития здесь механических станков есть их дороговизна, вместе с дороговизною строительных материалов и чернорабочего народа, требующая значительного свободного капитала, не обещающего, по

мнению некоторых, хорошей пользы, и притом, под час, могущего пропасть безвозвратно; например, — от пожара или (чего помилуй бог) от уничтожения охранительного тарифа. Но, несмотря на это, все-таки в здешней местности будущей зимой пустится в ход до 800 вновь устраиваемых станков, могущих, с помощью 800 человек, заменить 10.000 ручных ткачей. На совершенное же вытеснение подобными станками ручного ткачества нельзя рассчитывать, потому что, как мы увидим, ручное ткачество может существовать и при незначительнейших ценах за работу (4 руб. асс.), тогда как машинное не может стоять при низких ценах. Впрочем время все изменяет. Быть может, вследствие большей выработки ткачей на механических станках, и машинное ткачество подешевеет, и тогда, конечно, ручное должно будет пасть. Тогда этот класс промышленников, — ткачей и комиссионеров, — естественно, будет сожалеть, что сам на себя накликал беду своими нечестными и даже иногда жестоко вероломными поступками, потому что, — как я сказал выше, — только чрезмерная нечестность ткачей принудила фабрикантов обратиться к механическо-ткацким заведениям; а обратясь и найдя их выгодными, фабриканты будут обращаться к ним уже и из выгоды.

(«Вестник Промышленности», 1859 г., т. IV, № 10, отд. V, стр. 9—26.)

19. Летопись фабрики Полушина в Иваново-Вознесенске.

(Выписи из памятной книги А. Ф. Полушина. С примеч. Н. А. Полушина.)

1751 год. Первая фабрика (ткацкая) в селе Иванове завелась у Григория Бутримова, и ткали станов на сто. И оный Григорий Бутримов по вотчине был человек не последний. У него был сын Иван, который умер прежде отца своего, и он, Григорий Бутримов, привез в наследники младенца Евсея из Москвы: якобы сын его Иван, бывши в Москве, женился и прижил оного Евсея.

Прим. Григорий Бутримов был крестьянин графа Шереметьева, но, несмотря на свою крепостную зависимость, пользовалося, как видно из «записи», немалой свободой в своих действиях, чему способствовало, а, может быть, и служило главной причиной то нравственное и материальное положение Бутримова, которое выражено словами записи: «И оный Григорий Бутримов по вотчине был человек не последний».

1751 год. Завел вторую фабрику Иван Иванов Грачев; было у него станов ста три.

Прим. Грачев, Бутримов, равно и все последующие пионеры фабричной и торговой деятельности нашего края, были крестьяне графа Шереметьева.

1766 год. Была рожь ценою 2 руб. 60 коп. четверть, государственная.

1767 год. Февраль 1. Цена ржи 2 руб. 80 коп. Овес 1 руб. 8 коп. Пшено 4 руб. 40 коп. Крупа 2 руб. 60 коп. Горох 2 руб. 60 коп. Конопляное семя 2 руб. 60 коп. четверть.

1776 год. Января 31. Покупали муку пшеничную по 53 коп., а ржаную по 33 копейки пуд.

1778 год. Май. Покупалась ржаная мука по 18 коп. пуд, а пшеничную покупали по 35 копеек пуд.

1781 год. Август 20. Учинился пожар от варения красок у Михаила Полушина в улице Мастерской, отчего сгорело домов с десять.

Прим. Эта запись представляет большую ценность для будущего исследователя начала кустарных производств в России. Она показывает, что ситцевая фабрикация в селе Иванове существует не менее 150 лет: в 1781 году, слишком сто лет тому назад, в Иванове варили краски и существовала целая улица, носящая название «Мастерской», которая не могла явиться с быстротою дождевого гриба, а формировалась десятками лет. «Составы» или так называемые «секреты» красок ивановцы принесли из Шлиссельбурга, где на ситцевых фабриках они работали в качестве простых рабочих.

1781 год. Июня 20. Учинился пожар днем, во время фабричной гулянки, в пятом часу за полдень в улице «Негорелой»; сгорело до 48 домов

1809 год. Сентября 12. Строена работная. Перестраивана.

Прим. «Работной» называлось здание, в котором работали ситец. Предки мои были сит-

цевые фабриканты, а отец мой, кроме ситцевой фабрики, имел еще и химический завод.

1818 год. Февраля 28. Куплена мною «заварка» на реке «Уводи», близ мельницы Погорелки, у Михаила Родионова Мякотина, ценою за 50 рублей, которую я на том же месте сделал совсем новую в мае месяце.

Прим. «Заваркой» называлось, да и теперь называется, фабричное здание, в котором находились котлы, ныне, при общем употреблении пара, замененные деревянными ваннами (для заваривания ситцев в крапе или гарансине, что, как известно, дает наложенным на миткаль краскам прочность, т.-е. несмываемость. Этой записью доказывается, что Ивановские фабриканты в самом начале своего ситцевого производства работали преимущественно заварной товар. С применением к ситцевому производству пара многие фабрики сократили выработку заварного товара и стали производить более запарной ситец, не имеющий прочности красок, зато дающий фабриканту огромную экономию в производстве. Этот линючий товар, отличаясь от заварного, т.-е нелиннючего, дешевизной своего производства и яркостью колеров, принес Ивановским фабрикантам большие материальные выгоды, но, вместе с тем, настолько поколебал доверие к доброкачественности местных мануфактурных изделий, что даже до настоящего времени ивановские ситцы пользуются весьма сомнительной репутацией, хотя современное ситцевое производство Иванова-Вознесенска заслуживает лучшего отношения.

1818 год. Май. Построена деревянная работная (фабрика) и нарублены сушила (здание для просушки и проветривания ситца).

1819 год. Апреля 29. Принялись класть каменную работную (фабрику): длиною 21 аршин, ширины 10½ аршин (приписка). Склали того же лета.

1820 год. Январь и февраль. Покупалась ржаная мука 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 30 к. пуд; пшеничная — 2 руб. пуд; дрова 5 руб. 50 коп. сажень (три аршина) сосновые, а березовые — 8 рублей (ассигн.).

1826 год. Август. Начал я строить завод для делания материалов, а особливо (в особенности) купоросного масла на купленной сего года у Михаила Дурнова земле, лежащей близ Вардинского протока (позднейшая приписка), на постройку которого (завода) и производство получил я «указ» Московского горного правления в июле месяце 1827 года.

1828 год. Уволены на свободу его сиятельством графом Дмитрием Николаевичем братья Горелины: Петр и Никон Мефодьевы. Дома их и фабрики предоставлены им (на условии) пользоваться на 25 лет, а по истечении оных позволено им все недвижимое имение продать графским крестьянам.

Прим. Впоследствии это условие было уничтожено; по новому соглашению, дома и фабрики братьев Горелиных перешли в их полное потомственное владение.

1830 год. Цена муки ржаной — 1 р. 5 к.; пшеничной — 1 руб. 60 коп. Дрова березовые — 7 руб., сосновые — 4 руб. 50 коп. за сажень.

1831 год. Апрель. Покупали муку пшеничную — 2 руб. 50 коп., ржаную — 1 руб. 5 коп. за пуд; овес — 6 рублей четверть, 8 мер; дрова сухие: березовые — 5 рублей, разнолесок, т.-е.: сосновые, еловые и осиновые — 3 руб. за сажень, не только апрель месяц, но и март и февраль.

1831 год. Май. Построена мною деревянная рабочая изба на земле Кокуйской (т.-е. на участке земли, входящей в линию улицы, называемой «Кокуйской» или «Кокуй»).

1832 год. Январь. Продавали муку ржаную — 1 руб. 20 коп.; пшеничную, несеяную — 2 руб. 25 коп.; крупу — 1 руб. 50 к.; говядину — 3 руб. за пуд; овес — 6 руб. четверть, в 8 мер; дрова аршинные березовые — 6 рублей; сосновые и разные — 3 руб. сажень.

1833 год. Январь. Продавалась мука ржаная — 1 руб. 80 коп., пшеничная — 2 руб. 50 коп.; крупа — 2 руб. 10 коп.; говядина — 4 руб. за пуд; овес — 5 руб. четверть; дрова аршинные, березовые — 7 руб. 50 коп.; разполесок — 4 рубля 50 коп. сажень.

1834 год. Апрель и май. Продавалась здесь (в Иванове) и в окружности ржаная мука 3 руб. 70 коп. за пуд.

1836 год. Декабрь. Была цена муке ржаной — 1 руб. 10 коп. Овес — 5 рублей четверть, 8 мер.

1838 год. Январь. Продавалась мука ржаная — 1 руб. 25 коп.; крупа — 1 руб.

90 коп. пуд; дрова березовые — 9 руб.; разнолесок — 5 рублей сажень.

1838 год. Март. Покупалась мука ржаная — 1 руб. 25 коп.; крупа — 2 руб. 80 коп.; масло льняное — 9 рублей пуд; дрова березовые аршинные — 9 рублей; разнолесные — 6 руб. сажень.

1839 год. Март. Продавалась ржаная мука по 1 руб. 50 коп. за пуд, дрова аршинные березовые по 8 рублей; разнолесок по 5 руб. 50 коп. сажень.

1839 год. Мая 13. В субботу, во втором часу пополудни, в селе Иванове случился пожар: загорелось у Бакулина, жившего в Поперечной улице от Поганого пруда. Сгорели улицы: «Негорелая» и задних улиц пять, Покровские священники со всем причтом (т.-е. их дома). Купеческих домов (сгорело): Матрены Ивановны Саладиной 3 дома, Афанасия и Ивана Яковлевых Куваевых, Виктора Алексеевича Гречина, Афанасия Федоровича Зубкова, наш Абрама Филипповича Полушина, фабричная светелка Антона Ермолаевича Гандурина, дом Петра Прохоровича Кокушина, Ивана Аф. Сомова, Никона Мефод. Горелина, Константина Ефимовича Дурденевского, Лариона Степановича Удина, Никандра Александровича Бабурина, Ивана Александровича Бабурина. У нас (т.-е. у Абрама Филипповича Полушина), у Горелина и Ивана Бабурина уцелели фабрики, у прочих же все сгорели; жизни лишились 5 человек.

1840 год. Январь. Мука ржаная продавалась 2 руб. 60 коп.; крупа — 3 руб. 30 коп. пуд; дрова березовые — 7 рублей; разнолесок — 4 руб. 50 коп. сажень.

1840 год. Июль. Мука ржаная продавалась 3 руб. 40 коп. пуд; крупа — 4 руб. 50 к.; пшено — 6 руб. мера; масло льняное — 11 р. пуд; овес — 8 руб. 50 коп. четверть.

1841 год. Ноябрь. Мука ржаная здесь продавалась 2 руб. 80 коп., крупа — 3 руб. 40 коп. пуд. Дрова березовые — 8 руб., разнолесок — 5 руб. сажень.

1842 год. Март. Мука ржаная продавалась по 3 руб. пуд; крупа гречневая — 4 руб. пуд; овес — 10 руб. четверть; дрова березовые — 8 рублей, разнолесок — 5 руб. сажень.

1845 год. Январь. Продавалась мука ржаная 95 копеек; крупа — 1 руб. 50 коп. пуд. Дрова березовые — 12 рублей, разнолесок — 8 руб. сажень. Овес 5 руб. четверть.

1846 год. Январь. Продавались дрова 14-ти вершковые, березовые 8 рублей, разнолесок — 6 руб. ассигн. сажень; овес — 6 руб. 25 коп. четверть — 8 мер; сено — 65 коп. пуд; мука ржаная — 1 руб. 20 коп. пуд ассигн.

1850 год. Октябрь 14. В шестом часу утра у моего соседа и двоюродного брата Петра Афанасьевича Зубкова случилось несчастие: на его ситцевой фабрике разорвало паровой котел в 20 сил, и паром у него обварило работающих тут людей 35 чел., из коих в течение 12 часов померло 27 человек.

(«Русс. Архив», 1898 г., № 6, стр. 177—205.)

---

20. Взглядъ на Московскую выставку.

1831.

Московская выставка продолжаетъ обращать на себя общее вниманіе. Каждое утро она — сборное мѣсто многочисленныхъ посѣтителей: на биржѣ, на площадяхъ, въ гостиныхъ, въ смиренныхъ жильяхъ простолюдина, въ кабинетахъ ученыхъ она — предметъ общихъ разговоровъ, наблюденій, пересудовъ. Москва, болѣе нежели когда-нибудь, столица мануфактурная. Вельможи, дамы, чиновники, свѣтская молодежь, не говоря уже о мануфактуристахъ, промышленникахъ, торговцахъ, всѣ только и толкуютъ, что объ издѣліяхъ, всѣ какъ будто изъ-за станковъ, изъ мастерскихъ, всѣ вольноопредѣляющіеся кандидаты в члены Технологическаго Института...

Устройство, расположеніе Московской выставки хорошо обдуманы и хорошо исполнены. Всѣ распоряженія приносятъ честь дѣятельности и вкусу тѣхъ изъ членовъ комитета, которые наиболѣе занимались ими. Здѣсь дано хорошее значеніе русской поговоркѣ: товаръ лицомъ продается. И, въ самомъ дѣлѣ, еще прежде, нежели вниманіе свѣдущаго наблюдателя вникнет въ подробное изслѣдованіе предметовъ выставки, уже зрѣніе его пріятно поражено величествомъ и красивостью общей картины. Каждая зала имѣетъ свою живописную наружность и свое внутреннее достоин-

ство. Зала, убранная разноцвѣтными шатрами изъ бумажныхъ издѣлій Титова, Урусова и другихъ, привлекаетъ взоры красивостью декораціи своей, а еще болѣе удовольствуетъ вниманіе, когда по пристальномъ разсмотрѣніи изделий, убѣдишься въ значительныхъ успѣхахъ, коими упомянутые почтенные фабриканты возвысили степень промышленности своей. Наряды Азіатской роскоши, которую присвоила себе и преобразила Европа, шали Гучкова, Колокольцовыхъ, Мерлиной служат великолѣпными обоями залы, ими обвѣшанной: здѣсь заглядятся не однѣ дамы, развлеченныя и озабоченныя выборомъ шали, платка, или шарфа, но и хладнокровные и безкорыстные знатоки, которые порадуются усовершенствованіямъ фабрикъ нашихъ и пожелаютъ братьямъ Гучковымъ идти далѣе и далѣе по стезѣ, которую проходятъ они съ честью. — Разноцветность, блескъ, обиліе шелковыхъ издѣлій придаютъ радужную яркость залѣ, содержащей въ себѣ богатства фабрикъ князя Юсупова, Кондрашева, Майкова-Доброхотова, Щеглова, Рогожиныхъ, Локтева и другихъ состязателей ихъ въ сей отрасли мануфактурной, которая едва ли у насъ не опередила другихъ и по праву старшинства, и по новымъ успѣхамъ своимъ. То же должно сказать и о парчахъ золотыхъ и серебряныхъ и прочихъ издѣліяхъ того рода... — издѣлія сіи обращаютъ особенное вниманіе публики на имена Колокольникова, Полякова, Левина, Тюляева, отличающихся приношеніями своими на выставку отечественныхъ произведеній. Зала, обставленная фарфорами съ имп. С.-Пб. завода, съ заводовъ Попова, братьевъ Гарднеровъ, хрусталями съ имп. стеклянныхъ заводовъ, съ заводовъ Мальцевыхъ, Орлова, цвѣтными стеклами Амелунга переноситъ воображеніе въ область волшебства, застроенную чертогами зеркальными и хрустальными: но, и очнувшись отъ поэтическихъ сновидѣній, найдешь въ залѣ сей наяву и передъ глазами побужденія къ чувствамъ истинного удовольствія. Здѣсь красота соединяется съ пользою, издѣліе возвышается до степени изящнаго искусства; здѣсь блескъ живописи, правильность, стройность, вкусъ въ отлитіи формъ преобразовываютъ грубыя вещества: песокъ и глину — въ предметы утонченной роскоши, предметы ежедневнаго и всеобщего употребленія — въ драгоцѣнныя убранства великолѣпныхъ дворцовъ. Между сими торжественными созданіями искусства, вниманіе соотечественника обращается съ особеннымъ участіемъ на смиренный фарфоръ, присланный изъ Сибири. Если онъ никакъ не можетъ входить въ соперничество съ упомянутыми выше, то, по крайней мѣрѣ, онъ отменно замѣчателенъ по относительной добротѣ своей, дешевизнѣ и по мѣсту своего происхожденія. Нѣтъ Урала для успѣховъ промышленности и просвѣщенія при благопріятном действіи правительства. По красивому и, такъ сказать, ваятельному расположенію нѣкоторыхъ изъ химическихъ произведеній, и самые профаны не пройдутъ безъ вниманія мимо отдѣленія, въ которомъ, между прочими, усовершенствованные труды заводчика Бесса занимаютъ отличное мѣсто. Въ настоящемъ развитіи промышленности химія и механика суть главнѣйшія опоры мануфактурнаго дѣла. Фабрикантъ, пренебрегающій посвященіемъ себя въ ихъ таинства, добровольно отказывается отъ пособій и выгодъ просвѣщенія.

Всего величественнѣе общая картина, открывающаяся предъ взорами при входѣ въ большую залу. Зала сія, сама по себѣ, есть уже прекрасное созданіе искусства: величиною, высотою, стройною и благородною простотою она заслужила европейскую извѣстность. Нынѣ, когда обширное пространство ея наполнено разнообразными издѣліями отечественными, она истинно представляетъ видъ храма русской промышленности. Вниманіе, болѣе или менѣее разсѣянное въ другихъ отдѣленіяхъ, перехожденіемъ изъ залы въ залу, здѣсь сосредоточивается и возрастаетъ. После перваго объема, общее впечатлѣніе, раздробленное на впечатлѣнія частныя, нимало не теряетъ силы своей: напротивъ, оно питается подробностями. Здесь разнообразіе предметовъ, вынужденное обширностью залы, не позволяетъ входить въ отчетливое исчисленіе. Но если слѣдовать за разливами толпы, по мѣрѣ какъ тѣснится она къ тому или другому отдѣленію, то нельзя не упомянуть: о прекрасныхъ клеенкахъ фабрики Чурсинова, достигнувшихъ, кажется, до возможнаго совершенства; о тканыхъ картинахъ съ имп. шпалерной фабрики, уже купленныхъ московскимъ купцомъ Ле-

пешкинымъ и заслуживающихъ общее удивленіе, а со стороны взыскательныхъ судей легкое порицаніе въ одномъ отношеніи рисунка; о сабле, или, правильнѣе, о сабельныхъ ножнахъ серебряныхъ, съ изображеніемъ сраженій... Металлическія издѣлія: желѣзныя, стальныя и чугунныя, удивляютъ наиболѣе чужестранныхъ посѣтителей мастерствомъ обработки и дешевизною цѣнъ. Косы, гвозди съ заводовъ Шепелевскихъ и другіе предметы съ прочихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ, хотя и не имѣютъ за себя большинства тѣсноты въ приливахъ публики, но не менѣе того достойны они общаго вниманія и общей признательности. То же можно сказать и объ отдѣленіи издѣлій льняныхъ и пеньковыхъ: публика не заглядится на образцы равентуха, пестреди, полотенъ парусныхъ и другихъ, на канаты и снасти, но внимательный ревнитель пользы отечественной не пробежитъ мимо ихъ смиреннаго достоинства... Машины, физическіе и металлическіе инструменты, если такъ же недоступны любопытному участію всей публики, то весьма важны для нѣкоторыхъ. Уже замѣчено было, что въ тѣ дни, когда выставка открыта для всѣхъ посѣтителей, то около сихъ отдѣленій тѣснѣе, нежели въ другіе дни. Смѣтливость, переимчивость нашихъ мастеровыхъ и вообще простолюдиновъ, привычка ихъ учиться съ глаза объясняетъ это обстоятельство. Можетъ быть, симъ прогулкамъ по выставкѣ, сему курсу практическаго ученія, обязаны мы будемъ новымъ Жакартамъ, новымъ Кулибинымъ. И въ этомъ отношеніи инструменты, представленные адмиралтейскими заводами, машины, выставленныя фабрикантомъ Гучковымъ, который съ добросовѣстностью, благонамѣренностью и просвѣщенною откровенностью, достойными уваженія и подражанія, вводитъ любопытныхъ и совмѣстниковъ въ таинства искусства своего, отличная ворсостригальная трансверсальная машина Нильсена, модели г.г. Портнова и Лебедевыхъ и другія пособія изобрѣтательности и науки, приложенныя къ промышленности, важны и занимательны не только по искусству въ отдѣлкѣ, по общимъ въ нихъ потребностямъ художниковъ и всѣхъ образованныхъ людей, но и по дѣйствію и вдохновенію, которыя онѣ произвести могутъ въ простолюдинѣ, еще не постигнувшемъ тайны назначенія своего. Москва похвалиться можетъ двумя превосходными отечественными часовщиками: Носовымъ и Толстымъ. Произведенія ученаго искусства ихъ занимаютъ почетное мѣсто въ замѣчательнѣйшихъ предметахъ нынѣшней выставки. Жаль, что представлены ими одни стѣнные часы. Недостатокъ въ карманныхъ часахъ и крайняя скудость оружейныхъ издѣлій, равно предметовъ столь общаго употребленія, замѣчается съ сожалѣніемъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ промежутковъ тѣми изъ наблюдателей, которые справедливо желали бы въ выставкѣ болѣе полноты. Но для смягченія сихъ строгихъ судей, можно напомнить имъ, что нынѣшняя выставка есть только вторая въ Россіи и первая въ Москвѣ. Многаго нѣтъ, по довольно и того, что есть. Насладимся настоящимъ и понадѣемся на будущее.

Хотя произведенія чисто изящныхъ искусствъ и не входятъ въ составъ музея промышленности, но невозможно, и по высокости предмета, и по мастерству созданія не упомянуть съ отличною похвалою и съ чувствомъ удивленія къ русскимъ врожденнымъ способностямъ, о бюстѣ государя императора, украшающемъ главную залу выставки. Онъ работы Петра Васильева Норманова, дворового человѣка. Имя художника сего достойно извѣстности, уваженія и живѣйшаго участія...

(Соч. кн. Вяземскаго, томъ II-й, стр. 175—181.)

---

21. Русскій магазинъ.

...Сколько разъ, бывало, читая на раззолоченныхъ вывѣскахъ: «англійскій магазинъ, французскій магазинъ, голландскій магазинъ», я думаю: «да почему же у насъ, въ Москвѣ, нѣтъ русскаго магазина?..»

Я вовсе не думалъ, чтобы эта мечта (о русскомъ магазинѣ), которая забавляла меня тому назадъ нѣсколько лѣтъ, осуществилась въ нынѣшнемъ году, не скажу вполнѣ, однакожъ, для первой попытки, весьма удовлетворительнымъ образомъ. Подъ руководствомъ председателя московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, барона Мейендорфа, составилось общество русскихъ фабрикантовъ, которые, нанявъ на Кузнецкомъ мосту прежде бывшій домъ

г. Волынскаго, а нынѣ княжны Долгорукой, открыли въ немъ магазинъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій...

Если вы пріѣдете зимою въ этотъ магазинъ, то можете въ теплыхъ сѣняхъ отдать вашу шубу не швейцару, а заслуженному унтеръ-офицеру, у котораго грудь закрыта не шутовскою перевязью, а цѣлымъ рядомъ почетныхъ медалей. По мраморной красивой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами, которые также продаются, вы взойдете въ верхнія сѣни, съ большимъ вкусомъ украшенныя зеркалами и колоннами подъ бѣлый мраморъ. Изъ этихъ сѣней вы входите въ небольшую проходную комнату; въ ней продаются косметическіе товары братьевъ Шевелкиныхъ, стальныя вещи Завьялова, и табакерки, подносы, ящики и разныя другія издѣлія фабрики г. Лукутина. Объ этой послѣдней фабрикѣ я уже говорилъ и могу прибавить только одно, что г. Лукутинъ продолжаетъ съ прежнимъ постоянствомъ улучшать произведенія своей фабрики, и что вообще его бумажно-лаковыя вещи становятся съ каждымъ годомъ отчетливѣе, красивѣе и прочнѣе. Придуманные имъ лѣпные барельефы на табакеркахъ и бумажные шарньеры истинно могутъ назваться образцовыми. Стальныя издѣлія Завьялова, которыя, если не ошибаюсь, продаются въ одномъ только русскомъ магазинѣ, заслуживаютъ также особеннаго вниманія. Попробуйте, хотя изъ любопытства, купить любой перочинный ножикъ его работы, и вы увѣритесь на самомъ опытѣ, что этотъ ножикъ, ни по наружной отдѣлкѣ, ни по внутреннему своему достоинству, не уступитъ ни нѣмецкому, ни французскому, ни даже... страшно вымолвить... Ну, да и то сказать: «волка бояться, въ лѣсъ не ходить». Если ужъ я, отъявленный патріотъ, изъ уваженія къ нашимъ европейцамъ, не осмѣлюсь вымолвить правды, такъ кто же рѣшится ее сказать? Да, стальныя издѣлія Завьялова не уступаютъ ни въ чемъ того же рода издѣліямъ иностраннымъ, не исключая даже англійскихъ, и продаются несравненно ихъ дешевле. Впрочемъ, несмотря на мой патріотизмъ, я долженъ признаться, что до сихъ поръ это можно сказать объ однѣхъ только стальныхъ вещахъ Завьялова, въ особенности же ружья дѣлаются несравненно лучше, прочнѣе и добросовѣстнѣе прежняго.

Во второй комнатѣ продается писчая бумага фабрики г. Усачева. Тутъ найдете вы всѣ возможные сорта бумаги, отъ самой дешевой до самой дорогой. Если вы замѣтите, что бумага англійская, голландская и французская, разумѣется, самаго высшаго достоинства, превосходнѣе той, которую вамъ здѣсь покажутъ, то я попрошу васъ вспомнить только о томъ, въ какомъ положеніи была у насъ эта мануфактурная промышленность лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и вы тогда поневолѣ удивитесь ея быстрымъ успѣхамъ. Я увѣренъ даже, что вы не станете спорить со мною, когда я скажу, что мы хотя и отстали въ этомъ случаѣ отъ англичанъ, голландцевъ и французовъ, однакожъ гонимся за ними и, конечно, рано или поздно, а непремѣнно догонимъ.

Вся третья комната занята хлопчато-бумажными издѣліями фабрикъ г.г. Прохоровыхъ, Титова, Битепажа, Матвѣева и нѣкоторыхъ другихъ. Не говоря уже о коленкорѣ, ситцахъ, холстинкѣ, кашемирѣ и полубархатѣ, которые, конечно, ни въ чемъ не уступаютъ иностраннымъ, вы найдете тутъ и самые модные товары, напримѣръ: крепъ-шине, крепъ-рошель, и, можетъ быть, узнаете въ нихъ вашихъ прежнихъ знакомыхъ, которые не такъ еще давно прикидывались французами.

То же самое можно сказать и о шелковыхъ издѣліяхъ, которыя продаются въ четвертой комнатѣ. Особенно замѣчательны великолѣпныя парчи фабрики г.г. Сапожниковыхъ. По сознанію самихъ иностранцевъ, московскія парчи, безспорно, самыя лучшія в Европѣ, и если нужно подтвердить это какимъ-нибудь фактомъ, то я могу удостовѣрить моихъ читателей, что извѣстный пэръ Англіи, маркизъ Лондондери, котораго я имѣлъ удовольствіе знать лично, уѣзжая изъ Москвы въ свое отечество, купилъ на десять тысячъ рублей парчи въ здѣшнихъ городскихъ рядахъ... — Въ той же комнатѣ вы можете покупать русскія сукна фабрикъ г.г. Невиля, Новикова, Тугариновыхъ, Четверикова и разныхъ другихъ. Это мануфактурное издѣліе, которое стоитъ на-ряду съ первыми и необходимыми потребностями каждого европейскаго государства, идетъ быстрыми шагами къ совершенству... — Впрочемъ изъ

этого не должно заключить, что наши фабриканты достигли вполне своей цѣли, — нѣтъ, русскія сукна (я говорю о самыхъ лучшихъ) требуютъ еще большихъ улучшеній. Я желалъ бы, — почему не желать этого? — чтобъ наше сукно перваго сорта ни въ чемъ не уступало французскому сукну Лувье и англійскому Регенту.

В пятой комнатѣ продаются шерстяныя и полушерстяныя издѣлія, шали, платки, полутерно, мебельная матерія и шерстяная кисея (mousseline de laine) фабрики братьевъ Тучковыхъ; жилетныя матеріи и платки фабрики г. Локтева; шерстяныя и полушелковыя матеріи фабрики Рошефора. Всѣ эти издѣлія болѣе или менѣе могутъ замѣнять намъ привозные товары того же рода, а особливо шерстяная кисея братьевъ Тучковыхъ и жилетныя матеріи г. Локтева; эти издѣлія рѣшительно ничѣмъ не хуже иностранныхъ. Въ той же комнатѣ помѣщаются серебряныя и золотыя вещи фабрики г. Губкина, который можетъ назваться единственнымъ соперникомъ г. Сазикова, пріобрѣтшаго такую большую извѣстность своими серебряными издѣліями.

Вся шестая комната занята зеркалами г. Мелешкина. Тутъ нѣтъ колоссальныхъ зеркалъ, которыя отливаются на петербургской казенной фабрикѣ, но вообще всѣ зеркала очень чисты, правильны и продаются за весьма умѣренную цѣну.

Въ седьмой комнатѣ вы можете покупать прекрасные ковры фабрики г. Епанечникова; льняныя и пеньковыя издѣлія, накладное серебро и лакированныя вещи фабрикъ гг. Козмина, Эмме и Кондратьева. Средину комнаты занимаетъ огромная горка съ фарфоровыми и фаянсовыми вещами братьевъ Гарднеръ и хрусталемъ заводовъ г.г. Бахметьева и Мальцова. Превосходныя хрустальныя издѣлія сихъ заводовъ всѣмъ извѣстны. Можетъ быть, они нѣсколько усупаютъ въ достоинствѣ богемскимъ хрустальнымъ издѣліямъ; но не должно забывать, что богемскіе хрустальные заводы признаны первыми во всей Европѣ. Съ насъ будетъ покамѣстъ и того, что мы въ этой мануфактурной промышленности, если не опередили, то ужъ, конечно, не отстали отъ англичанъ и французовъ; тѣ, которые никакъ не хотятъ съ этимъ согласиться, говорятъ, между прочимъ, что англійскій хрусталь тяжелѣе, какъ будто бы не чистота и совершенство отдѣлки, а тягость составляютъ достоинство хорошаго хрусталя. Будь англійскій хрусталь легче, тогда бы эти господа стали говорить: «Ну, конечно, русскій хрусталь недуренъ, но онъ несравненно тяжеле англійскаго» Фарфоровыя и фаянсовыя издѣлія братьевъ Гарднеръ, кромѣ существенной своей доброты и отчетливой отдѣлки, отличаются особенно своей неимовѣрной дешевизной...

Ну, вотъ, любезные читатели, вы прошлись со мною по всему русскому магазину. Не правда ли, что мечта моя осуществилась на первый случай весьма удовлетворительнымъ образомъ? Мнѣ помнится, я хотѣлъ, между прочимъ, чтобъ всѣ приказчики моего русскаго магазина были люди ловкіе, любезные и всѣ безъ исключенія говорили по-французски. Кажется, и это желаніе не вовсе осталось безъ исполненія. Управляющій конторою магазина, г. Быковскій, умный, просвѣщенный и любезный молодой человѣкъ, знаетъ иностранные языки; всѣ приказчики весьма вѣжливые молодые люди, ловкіе, предупредительные; не знаю, говорятъ ли они по-французски, но могу васъ увѣрить, что по-русски они изъясняются, какъ люди образованные, и вовсе не походятъ на прежнихъ нашихъ гостинодворцевъ, изъ которыхъ иному и теперь еще можно сказать: «конечно, любезный, ты носишь фракъ, повязался галстукомъ и бороду себѣ выбрилъ, а все бы не мѣшало тебѣ умыться».

(М. Загоскин. «Москва и москвичи», стр. 270—277.)

---

22. Мануфактурная Россия или состояние российских мануфактур в 1827 году.

(Ст. В. Пелчинского.)

В настоящем состоянии хозяйства народов, по мнению государственных людей, Россия до сего времени почиталась государством единственно земледельческим. Мнение сие укоренилось веками; да и впредь Россия надолго еще ограничивалась бы сим тесным уделом, если бы неожиданное событие не расстроило совершенно существовавшей до сего времени теории и не

изменило всего вида вещей открытием для нашего государства обширнейшего и блистательнейшего поприща.

Поводом к тому, что Россия обречена была единственно к земледельческой системе, служило: пространство государства, несоразмерное малому его народонаселению; почва земли; естественные оной богатства, и, наконец, степень образования жителей. Но при таком суждении упущено из вида одно обстоятельство. которое впоследствии времени произведено успехами просвещенія. Не предусмотрено, что химия и механика откроют такие силы, посредством коих возможно заменять бесконечное число физических сил или рук, домашних животных и других; не предусмотрено, говорю, что явившаяся огромная с и л а п а р а, вместе с постепенным усовершенствованием механики, вознесется выше всех до сего времени приспособленных сил.

Несомненно, что появление и повсеместное распространение сего нового действователя изменило главные основания, принятые до сего времени в народном хозяйстве. Если бы мы ныне, судя по несоразмерности между народонаселением нашего государства и пространством оного, вздумали утверждать, что оно не может или не должно быть мануфактурным, потому что доныне еще имеет мало рук и скота: то сие предположение было бы странно; ибо посредством п а р а и м а ш и н ныне уже можно производить такое число рук, какое угодно; следственно, и самое обширное, но малонаселенное государство может ныне свободно распространять у себя мануфактуры посредством оных действователей, не опасаясь чрез то стеснить успехи и процветание земледелия.

Истину сию подтвердят нам примеры Англии и Соединенных Штатов Америки. Первая, имея уже большое население, посредством пара и машин умножила количество сил до нескольких миллионов человек, так что в одном Ланкастерском графстве можно спрясть ныне столько бумажной пряжи, сколько спрядут ручною работою, веретеном и пряслицею, работая каждый день 21.230.000 человек, то-есть гораздо более всего народонаселения Великобритании; другое же из означенных государств, при недостатке народонаселения, помощью действия тех же сил, удивляет мир своими исполинскими произведениями.

Следственно, при таковых неоцененных выгодах и удобствах, доставленных нам химиею и механикою, не свойственно было бы не верить, что всякое без изъятия государство, при недостатке даже населения в меру своей обширности, в состоянии расширять все ветви промышленности, ко благу оного служащие.

Дабы в сей истине не оставить никакого сомнения, подкреплю сказанное мною доказательствами правительственными и такими, кои всякий сличить и поверить может. Возьмем в соображение следующие периоды, кои, будучи один от другого близки, тем совершеннее удостоверят в быстрых успехах наших по части мануфактур.

Наши отечественные фабрики потребляли необработанных продуктов, привозимых к нам из-за границы, в следующей соразмерности:

	1820 г.	1824 г.	1826 г.	
Бумаги хлопчатой ценою на.	135.000	1.418.905	2.324.830	р.
Бумаги пряденой	26.976.748	37.223.625	39.825.107	„
Шелку сырцу и пряжи . . .	2.617.873	4.436.643	6.314.207	„

Разных изделий, бумажных, шелковых и шерстяных, привезено:

Бумажных на .	20.773.485	10.408.299	12.627.635	р.
Шелковых . .	10.109.873	6.687.327	6.749.655	„
Шерстяных:				
сукна .	13 307.744	2.516.218	2.644.652	„
разных .	7.632.427	5.680.515	6.644.474	„

Из сего выведем истину, что количество хлопчатой бумаги, привезенной с 1820 по 1824 год, возросло почти в десять крат. Таковое чрезмерно быстрое приращение доказывает, что наши частные фабрики, не имевшие до 1820 года машин для пряжи хлопчатой бумаги, с того времени сделали удивительный шаг к заготовлению оных; от чего в государстве сберегаются знатные суммы, платимые за иностранную пряжу, а вместе с тем заработная плата достается собственным нашим мастеровым. Количество пряденой хлопчатой бумаги, употребленной на наших фабриках с 1820 по 1824 год, возросло в половину. Не очевидно ли, что наши фабрики год от года

усиливают свое производство. Количество шелка сырца, в течение 4 лет, почти удвоилось, а в течение шести лет утроилось.

Теперь сравним, в тех же периодах, уменьшение привоза обработанных изделий, коих уже нарочитую часть доставляют отечественные наши фабрики. Мы увидим, что количество привоза бумажных изделий, в течение четырех лет, уменьшилось почти в половину; в той же мере и шелковых изделий; количество сукон — в 6½; а количество прочих шерстяных материй — почти в ¼ против того, сколько оных прежде к нам привозилось.

Сии несомненные показания должны удостоверить всякого в быстром ходе наших отечественных мануфактур.

Для вящшего удостоверения о поспешном размножении наших шерстяных мануфактур, представлю здесь два периода, пятью годами между собою отдаленные.

В 1820 году выделано: тонких сукон 261.965, солдатского же и прочих 3.683.881 аршин; а в 1825 году выделано: тонких сукон 895.559, а солдатских и разных других 5.499.666 аршин. Следственно, в течение 5 лет, количество тонких, на фабриках наших выработанных сукон увеличилось более нежели втрое, а солдатских и других сортов почти вдвое.

В 1820 году на шелковых наших фабриках вырабатывалось из привозного шелка сырца изделий ценою на полтора миллиона рублей; обработанных же иностранных изделий в оном году привезено на 10 миллионов. В 1826 году шелковые наши фабрики дали свои произведения из шелка сырца, то-есть выработали оного на 6 миллионов; а привоз иностранных шелковых изделий уменьшился почти в половину, ибо состоял только в 6 миллионах рублях.

Но блистательнейшая эпоха для наших шелковых мануфактур, и вообще для сей отрасли промышленности, наступает с открытия попечениями правительства отечественных рассадников шелка в Грузии.

В 1820 году наши фабрики выделывали как непряденой, так и пряденой привозной хлопчатой бумаги ценою на 26 миллионов рублей; а в 1826 году на 42 миллиона рублей, с тою разницею, что в 1826 году значительное уже количество бумажной пряжи произведимо было собственными нашими машинами. Привезено же обработанных бумажных товаров в 1820 году на 20 миллионов, а в 1826 на 12 миллионов рублей.

Успех бумажных наших мануфактур, а особенно в набивных материях, почти ничего более желать не оставляет; разнообразие и живость красок и отменная красивость рисунков наших ситцев и кисей удовлетворяют уже самому утонченному вкусу. Число бумажных наших изделий превосходит уже внутреннее потребление; дешевизною же своею доставляя всем классам жителей выгоднейшую и наряднейшую одежду, составляет обширнейшую отрасль отечественной промышленности, устраняя совершенно дань, которую прежде платили мы иностранцам за набивные их бумажные изделия.

(«Журн. Мануф. и Торг.», 1827 г., № 10, стр. 71—90.)

23. О внешней торговле России 1838 г.

В изданных ныне «Видах Торговли» за 1838 год помещено следующее предисловие:

«Российская внешняя торговля в 1838 году представляет явления, которым давно не было у нас примера: чрезвычайно большое требование наших продуктов, при высоких ценах на оные, и значительное повышение вексельного курса; сверх того, недостаточный урожай в Англии и других европейских державах в 1838 году увеличил отпуск хлеба из наших портов. В подтверждение успешных оборотов внешней торговли России может служить следующий баланс.

Отпущено из России за границу в 1838 г. товаров по цене на	300.016.256	руб.
в Финляндию . . .	3.915.854	»
в Царство Польское . .	9.593.577	»
	313.525.687	»
против 1837 г. более на	49.040.527	р.).
Привезено из-за границы иностранных товаров в 1838 году по цене на . .	243.928.385	руб.
из Финляндии . . .	1.216.965	»
из Царства Польского .	2.570.142	»
	247.715.492	»

(против 1837 г. привезено менее на	4.041.685 р.).
Итак, в 1838 г. отпуск превышает привоз на . . .	65.810.195 »

Вследствие столь значительного сальдо в пользу Российской торговли, увеличился и привоз к нам драгоценных металлов. Золота и серебра привезено в 1838 году из-за границы и из Царства Польского на . 36.151.354 »

а вывезено на . . .	10.146.077 »
Перевес привоза . . .	26.005.277 »

Сверх того, большое количество золота и серебра привезено к нам и в нынешнем 1839 году, что также приписать должно последствиям торговли 1838 года.

Отпускная торговля. Отпуск за границу наших произведений во многом превышает предшествовавшие годы; это видно из следующего сравнения за три года:

Вывезено за границу:

	1836 г.	1837 г.	1838 г.	
Хлеба всякого по цене на .	25.497.952	38.929.075	53.048.374	р.
Льна	3.002.996	2.316.698	3.413.712	п.
Пеньки	2.876.990	2.828.251	3.210.221	п.
Сала	3.931.400	4.225.933	3.947.749	п.
Воска	12.652	5.085	24.603	п.
Семени льнян. и коноплян.	716.526	863.391	1.007.484	ч.
Меди	303.742	142.575	189.000	п.
Железа	1.634.568	1.344.312	1.159.080	п.
Щетины . . .	61.026	58.592	83.915	п.
Кож: юфти . . .	4.136.463	2.791.913	3.875.616	р.
„ невыдел.	4.548.647	3.898.318	3.385.198	р.
Шерсти овечьей	325.025	257.127	363.219	п.
Веревок и канатов	214.219	201.183	269.745	п.
Полотна разного	207.714	192.641	210.998	кус.

Из сего оказывается, что одного только сала вывезено в 1838 году против 1837 менее 278,184 пуда; но здесь нужно взять в соображение цену сего продукта: в 1838 году отпущено было сала всего на 50.142,938 р., а в 1838 г. за меньшее количество заплачено 54.561.726 руб. Вообще немного таких предметов, коих отпуск уменьшился против 1837 года, а именно, лесной товар, масло льняное и конопляное, поташ и некоторые другие, не столь важные предметы. При возвышении же цен на наши товары, отпускная торговля приобрела значительные выгоды . . .

В Петербурге сало желтое I сорта от 125 р. за берковец доходило до 161 р., пенька от 83 р. возвысилась до 103 р. за берковец, лен от 95 до 120 р. за берковец, цена на пшеницу в Петербурге возвысилась от 22 до 31 р. за четверть, в Риге от 22 р. 50 к. до 36 р., а в Одессе от 18 до 26 р. за четверть. Возвышение цен на рожь в Петербурге и Риге также было значительно.

При этом не излишне показать, в какой степени возвысился наш вексельный курс в С.-Петербурге.

На Лондон доходил . .	от	$10^{33}/_{34}$	до	12	пенсов.
„ Амстердам	„	$52^{1}/_{2}$	„	$56^{1}/_{4}$	„
„ Гамбург	„	$9^{9}/_{16}$	„	$10^{5}/_{8}$	сантим.
„ Париж	„	$110^{3}/_{4}$	„	122	„

Привозная торговля. Рассматривая привозную торговлю, должно заметить с удовольствием, что ввоз сырых товаров, потребных для наших мануфактур и фабрик, постоянно увеличивается, как то было объясняемо в прежних «Видах Торговли». Главнейших иностранных товаров в течение трех лет привезено было:

	1836 г.	1837 г.	1838 г.	
Бумаги хлопч. .	258.939	262.752	326.707	п.
„ пряденой белой	600.779	657.537	606.667	„
Сахарн. песка .	1.367.674	1.798.303	1.634.908	„
Шелка	8.792	10.694	11.650	„
Шерсти	14.787	17.497	17.767	„
Машин и инструментов для ремесл и фаб. .	2.180.955	3.496.860	4.398.793	р.
Сандала и проч. красок. . . .	16.415.641	15.688.088	19.686.598	„
Кофе	113.627	129.146	101.901	п.
Вин разных . .	16.962.302	19.345.315	18.569.140	р.
Изделий бумажн.	13.276.693	12.820.999	13.977.561	„
„ шелков,	9.650.354	12.296.214	11.876.078	„
„ льнян. .	971.872	1.434.121	1.454.710	„
„ шерстян.	7.874.905	9.183.112	8.882.432	„

Кофе, вин, шелковых и шерстяных изделий привезено менее потому, что в 1837 г. ввоз этих товаров был необыкновенно велик, так

что многие партии остались еще нераспроданными к 1838 г.

Цены на иностранные товары стояли умеренные: бумага хлопчатая и пряденая были без возвышения, на сахарный песок цена понизилась от 32 р. 50 к. до 28 р. за пуд, а на кофе поднялась от 56 до 58 р.; в ценах на краски значительных изменений не было.

Торговое мореплавание. При увеличившемся требовании наших товаров, естественным образом увеличилось и число приходящих в наши порты кораблей, а именно:

В приходе было кораблей:

	1837	1838
С товаром	2,464	2,433
» баластом	2,796	3,568
Всего	5,260	6,001
Более	—	741

Отшедших кораблей было:

С товаром	5,032	5,785
» баластом	243	114
Всего	5,275	5,899

Кораблей с товаром отошло более—751

О пароходах. Между С.-Петербургом и Любеком ходили в 1838 году два парохода: Александра и Наследник. Они сделали 21 рейс. Сверх того, к С.-Петербургскому порту приходили еще другие четыре парохода: два французских из Гавра сделали 5 рейсов и два английские из Лондона сделали 3 рейса; Российско-Финляндские пароходы Сторфюрстен и Фюрст Меншиков, между С.-Петербургом и Ревелем, сделали 18 рейсов. Плавающие между Константинополем и Одессою три российские парохода: Император Николай I, Императрица Александра и Нева совершили в Константинополь и обратно 46 рейсов. Пароходы, учрежденные для сообщений между Одессою и южным берегом Крыма, Петр Великий и Наследник, сделали 15 рейсов. Все означенные пароходы служили не только к проездам пассажиров, но и к перевозке товаров в значительном количестве.

Доход таможенный. Таможенных доходов в 1838 году поступило:

Пошлин и прочих сборов с привозных и отпускных товаров	87.348.073 р.	90 к.
Акциза с Крымской соли, вывезенной в Азовские порты	668.644 р.	80 к.
За наем амбаров, лавок и мест для складки товаров	489.465 »	32 »
В пользу разных городов и мест	1.917.294 »	83 »
Всего	90.423.478 р.	85 к.
В 1835 г. доходов было	80.768.221 »	40 »
» 1836 » » »	84.815.964 »	3 »
» 1837 » » »	92.571.251 »	84 »

Из сего сравнения оказывается, что таможенные доходы в 1838 году значительно превзошли прежние годы, исключая только 1837 год, в который, по случаю бывшего тогда торгового кризиса в Северо-Американских Штатах, привезено было к нам необыкновенно большое количество иностранных товаров, от чего привозная торговля в 1838 году естественным образом должна была несколько уменьшиться, и это было последствием, что таможенные сборы в 1838 году понизились против предшествовавшего года на 2.147.000 руб.

Расходы по всему таможенному управлению и пограничной страже в 1838 году составляли $7^2/_3$ процентов.

Из всего вышесказанного мы видим, что внешняя торговля наша в 1838 году была самая удовлетворительная, особенно по отвозной части; нет примера, чтобы во время общего мира в Европе было такое большое требование наших товаров за границу при столь высоких ценах.

(«Журн. Мануф. и Торг.», 1839 г., № 8, стр. 230—233, 240—243.)

24. Российская промышленность в 1858 году.

В отличие от Америки и Европы, где царит затишье, — у нас заметно явление противоположное. Несмотря на временное затишье внешней торговли, вследствие отражения болезливого состояния торговли европейской, отражения тем более сильного, что вся внешняя торговля России находится в руках иностранных домов, внутренняя экономическая жизнь

империи живет полною жизнью. Не успеет составиться новая компания, смотришь, все акции ее разобраны нарасхват до дня официальной продажи, и тотчас же начинают ходить из рук в руки с надбавкою. В Петербурге рассказывали, как желающие получить акции образовавшегося в Москве страхового от огня общества собрались еще с вечера накануне объявления дня раздачи, у двери конторы, прождали целую ночь и при открытии дверей только весьма немногие получили желанные бумаги. К этому прибавляют и другие забавные подробности. Не знаю, правда ли это, и если неправда, то насколько тут неправды; знаю только, что в С.-Петербурге на днях почти повторилась та же история. Генерал-адъютант Игнатьев, иностранный гость Карл Белль и иностранный гость Фридрих Фелькель учредили общество на акциях, для страхования от огня во всей империи всякого рода движимых и недвижимых имуществ, как-то: домов, фабрик, заводов, мебели, домашней утвари, галантерейных вещей, белья, машин, товаров в домах, лавках, амбарах, на судах и на складке, и объявили, что акции будут раздаваться с 10 июня. Вместо предположенного в § 9 устава шестимесячного срока раздачи, акции были розданы в несколько часов, и к вечеру 10-го числа продавались на бирже с премиею от 20 до 25 руб. сер. Впрочем немудрено объяснить подобное стремление к разбору акций этого общества, потому что застрахованное в нем имущество будет принимаемо залогом по откупам, поставкам, подрядам и по ссудам в кредитных установлениях. Капитал общества, 2.400.000 руб. сер., разделен на 12.000 акций. Успех первых трех образовавшихся в России страховых от огня обществ, в особенности успех первого общества (акции от 400 руб., поднялись до 845 р. с.), и солидное положение общества «Надежда», доказали всю выгодность подобного рода операций. Это доказывается еще и тем, что, кроме имеющихся теперь в России страховых обществ, в С.-Петербурге живет несколько агентов иностранных страховых обществ, а именно: 1) английской королевской компании страхования от огня и пожизненных доходов и капиталов — В. Шумахер; 2) австрийского страхового от огня общества — Роб. Круг; 3) магдебургского страхового от огня общества — Н. Дирсен и Комп., хотя агенты эти имеют право принимать на страх только те имущества, от которых отказались русские общества.

Подобным же сильным успехом пользуются в С.-Петербурге акции нового соединенного общества Меркурий и Кавказ, правление которого уже объявило об удачном успехе первых своих операций и о начале с июня правильных пароходных пассажирных рейсов от Нижнего-Новгорода до Перми, по рекам Волге и Каме.

По Волге в нынешнем году ходит немного менее полутораста пароходов, но пароходы эти по большей части буксирные; большинство их брало пассажиров в добавку к грузам, так что путешественник никогда не мог знать наверное, когда он сядет на пароход и когда доедет до известного места . . .

Теперь пассажир может знать наверное, в какой день и час отвалит пароход от Твери, когда приедет в Нижний-Новгород, когда выйдет из Нижнего и приедет в Казань и даже в Пермь. Общество Самолет и соединенное общество Меркурий и Кавказ позаботились об этом к пользе и выгоде пассажиров и своей собственной. Вновь учреждены в нынешнем году еще два общества волжского пароходства: Дружина и Нептун. Капитал первого в миллион рублей сер. разделен на 1.000 акций, каждая по 1.000 руб. сер. Учредители его, братья Шиповы, имеют в Костроме свое большое механическое заведение, на котором построены четыре парохода, спущены на воду и делают уже правильные рейсы. Два из них пассажирные, и дирекция поставила себе в непременную обязанность заботиться о всем, что только может служить к удобствам и выгодам пассажиров. Капитал второго в 750.000 разделен на 6.000 акций, в 125 руб. сер. каждая. Учредители его Карл и Август Фрикке. Это товарищество учреждается для перевозки товаров и пассажиров по Волге, Каме, Шексне и их притокам.

Недостаточность пароходства по рекам обширной России, ощущаемая столь сильно и столь долго, стала мало-по-малу восполняться. Не проходит месяца без утверждения какого-нибудь нового общества, товарищества или компании . . .

Вот и еще два новые пароходные общества, впрочем, имеющие целью не одно только сообщение между внутренними портами, но и заграничными. Г.г. Гирс, Трубников и Паллизен основали в июне акционерное общество судоходства и пароходства, под фирмою «Дельфин», для перевозки на своих собственных парусных и пароходных судах грузов и пассажиров между русскими портами Балтийского моря, а из них в европейские иностранные порты и обратно. Складочный капитал определяется первоначально в 500.000 руб. сер., разделенных на 500 акций, каждая в 100 руб., но впоследствии капитал этот может быть, по определению общего собрания, увеличен выпуском такого же числа акций. Второе, вновь разрешенное общество, есть Рижское пароходное общество, основанное гг. Шредером и Пихлау, с целью содержания правильного, для перевозки товаров и пассажиров, пароходного сообщения между главными русскими портами Балтийского моря, а также между Ригою и заграничными портами. Капитал определяется в 600.000 руб. сер., с разделением его на 1.200 акций, по 500 руб. каждая...

Наконец, самая последняя промышленная новость есть утверждение «Компании Российской шелкопрядильной мануфактуры», господами: Каулиным, Ляминым, Латышевым, Залогиными, Медынцевым, Третьяковым, Лепешкиным и Коншиным, для устройства в Москве, а впоследствии и в других местах России, фабрик для размотки коконов шелковичного червя, кручения шелка и прядения так называемого бур-де-суа, то-есть, пряжи, выделываемой из шелкового хлопка или сдору, получаемого с порченных и оставляемых на племя прокусанных коконов, также от рвани при выделке шелка. Капитал первоначально определяется в 250.000 руб. сер. и разделяется на 250 акций, ценою по 100 руб. каждая.

(«Вестн. Промышл.», 1858 г., т. I, ч. I, стр. 2—8.)

25. Паровые двигатели в Московской губернии в 1858 г.

До 1840 года на мануфактурных и фабричных заведениях Москвы и ее губернии употреблялись паровые двигатели большею частью низкого давления системы Уатта с паровыми котлами, по устройству соответствующими низкой или малой упругости паров, в них образующихся, не более ½ атмосферы действительного давления, равняющейся 7½ английским, или 8⅛ русским фунтам давления на квадратный дюйм, т.-е. паровики эти были с вогнутыми боками и дном, и круглые сверху. Такая форма придавалась им потому, что она способствует лучшему действию огня и, следовательно, скорейшему образованию паров, коих потребляется в машинах Уатта весьма большое количество. Кроме того, иногда, для большей экономии топлива, делали в таких котлах одну или две жаровые трубы (внутренние), которые прогревали внутри большую массу воды, заключенную в паровике.

Машина низкого давления состоит из одного цилиндра, в котором пар действовал без расширения, по причине малой его упругости; далее, поршня с пеньковою прядью, коромысла или баланса, холодильника и прочего механизма для передачи и уравнивания движения.

Сообразно пропорциональности частей и тщательности работы, машины этого устройства потребляли разное количество топлива, доходившее иногда до 3 сажен пятичетвертных сосновых и еловых дров на каждые 10 сил полезного действия, что также много зависело от устройства очагов и дымовых ходов печи котла. Разумеется, что при тогдашней, не очень высокой цене на дрова, от 4 до 5 рублей за сажень, и при недостаточном еще понятии об экономическом устройстве фабричных заведений, не являлась потребность уменьшения количества расходуемого топлива, и фабриканты оставались вполне довольны паровыми двигателями низкого давления, ибо совершеннее и дешевле не было, как надо полагать, в то время других двигателей в Московской губернии. Машины этого рода привозились частью из чужих краев и эти были лучшие; но большее число их было построено на заводах гг. Шепелевых и других русских машиностроителей, из которых иные были выполнены весьма удачно, как на водопроводе в селе Алексеевском, построенные по проекту механика Муррея, другие же, по непропорциональности

частей, имели вид машин, так называемых сборных, т.-е. сделанных по моделям разносильных машин, близко подходящих к требуемой величине двигателя; конечно, действие их и экономия в потреблении топлива были не так удовлетворительны, как первых.

Кроме машин, по системе своей соответствующих фабричной работе, употреблялись на некоторых мануфактурных заведениях паровые двигатели низкого давления, пароходного устройства, большею частью завода Берда в С.-Петербурге, выполненные весьма пропорционально и действовавшие довольно правильно, хотя по сложности, расположению частей и трудности распределения передаточных приводов, не вполне удобные для фабричной работы. Надо полагать, что тщательность работы, дешевизна, сравнительно с иностранными, и особенные выгоды паровых двигателей, сравнительно с другими, были причинами введения пароходных машин на фабриках, а сложность и затруднения в устройстве передачи движения фабричным машинам не могли быть препятствием для установки их на фабриках. Образцы всех этих машин можно и теперь еще встретить в Московской губернии, хотя в весьма малом числе.

Сложность устройства и значительные размеры частей машин низкого давления послужили первоначально к замененню их двигателями высокого давления, без расширения и охлаждения паров; они распространились с Московской губернии почти в одно время с первыми, как, по крайней мере, можно судить по несовершенству и теперь еще действующих этого рода машин. В составе они были проще: в них устранены объемистые части, как-то: холодильник, коромысло (баланс), а иногда тот и другой вместе, почему, и при посредственном присмотре и содержании, они представляли большую надежду на исправное действие, в чем, вероятно, и заключалась, по мнению приобретателей или владельцев таких машин, вся их выгода сравнительно с другими. Это отчасти справедливо только там, где машины эти производят небольшую работу, не более 15 сил. В этом случае малые размеры парового цилиндра и, следовательно, незначительный объем паров, выпускаемых на воздух, не составят большой потери в топливе, которая (можно допустить) вознаграждается простотою устройства машины, и, следовательно, большею вероятностью в достижении правильного ее действия; но никакой нет выгоды в настоящее время иметь на фабрике паровую машину высокого давления, силою от 40 до 50 лошадей, без расширения и охлаждения так называемых исходящих или холостых паров, а у нас есть и подобные примеры, хорошо что немногочисленные, всего два, сколько мне известно[1]). Даже употребление исходящих паров для нагревания фабричного корпуса, или куда-нибудь для другого дела, принесет гораздо меньше выгоды, нежели сколько получилось бы, если бы машина была с охлаждением паров. Тут расчет очень простой: каждые 10 паровых сил, без расширения, исходящими парами выпустят, в сутки действия, на воздух не менее одной сажени дров, и, следовательно, 40 сил 4 сажени, а таким количеством можно и без паров нагреть все строение очень тепло, хорошими печами, или калориферами. Паровые котлы таких машин тоже нельзя назвать совершенно выгодными: большая часть из них были, правда, с кипятильниками, но столь неудобных размеров, что они, имея диаметр не более 7 вершков или одного фута, не могли быть хорошо очищаемы от накипей, и потому очень часто подвергались прогару, а другие не имели даже ни кипятильников, ни внутренних жаровых труб.

По мере вздорожания дров и паровые машины заводились более совершенной конструкции. Прежние машины низкого давления уступили место машинам высокого давления с расширением паров в двух цилиндрах, по системе Вульфа, или с отсечкою паров[2]) и расширением их в одном цилиндре, притом с охлаждением, что

[1]) На суконной фабрике почетного гражданина Осипова, в Москве, и братьев Бабкиных, в Купавне, на Владимирском шоссе. Бывший участник и распорядитель этой последней фабрики, покойный М. А. Матвеев, выписавший в начале сороковых годов машину больших размеров с выпуском паров, тогда же понял всю ее невыгоду и, чтобы поправить дело, выписал холодильник, который и теперь валяется в сарае. Как слышно, и Осипов намерен заменить свою машину новою, полученною из Бельгии.

[2]) Отсечкою паров называется быстрая остановка притока их из котла в цилиндр; она может быть производима на $^1/_3$, $^1/_2$, $^3/_8$ и $^3/_4$ хода поршня, при чем парами из котла будут наполняться соответственные части объема цилиндра.

в особенности выгодно для больших машин, в пределах от 30 до 200 и более сил; для малых же работ появились машины высокого давления без охлаждения, но с отсечкою паров. Преимущественно первые были выписываемы из Англии, с заводов: Гика в Бостоне, Ферберна в Манчестере, и других строителей; вторые же из Бельгии с завода Джон-Кокериля и несколько машин из Франции. Принадлежащие к ним паровые котлы имели форму и размеры более соответственные прочности и удобству при действии их, и были системы более экономической, потребляя не более 1¾ сажени дров на 10 сил. И до сих пор еще машины эти действуют на большей части московских фабрик и, по устройству своему, совершенно удовлетворяют условиям правильности и безопасности действия, необходимым для беспрерывного и верного хода фабричных работ. С этого времени все старые сборные машины совсем уже перестали являться вновь на фабриках и многие из них, как негодные, были выброшены и заменены заграничными . . .

В последние годы, от постоянного уменьшения лесов в Московской губернии, топливо, как всем это известно, вздорожало значительно, а потому, по необходимости, явилась мысль о более значительном уменьшении его потребления для паровых двигателей, и вот прежние иностранные машины уже стали подвергаться разбору и найдены не совсем экономическими. Как нарочно, на этот случай явился бельгийский заводчик Жилень: он поставил свою первую машину на красильной и ткацкой фабрике, бывшей Фавара, в селе Пушкине, и показал, что на 10 паровых сил, при совершенстве устройства, достаточно 1½ сажени дров для суточной работы; вслед за этим он поставил еще несколько своих машин, и все они, даже до настоящего времени, пользуются общим одобрением. Английские заводчики не остались также в долгу и стали высылать к прежним машинам трубчатые котлы, сберегающие до 30% горючего материала[1]), а равно с внутренними топками и жаровыми трубами больших размеров, подобными тем, которые употребляются в системе Ферберна. Самые машины эти высылаемы были самого совершенного устройства. Как котлы, так и машины соединяют в себе все усовершенствования, какие в настоящее время признаны наукою полезными; они работают большею частью в 4 атмосферы, с отсечкою, расширением паров и охлаждением их, употребляя дров (как, например, в машинах Жиленя) не более 1½ сажени в сутки.

Кроме этих строителей машин, в последнее время сделался известен в Москве бельгийский же заводчик Пиротт, которого машина с двумя концентрическими цилиндрами, на суконной фабрике почетного гражданина Соколова, потребляет топлива, по словам владельца ее, не более 1 сажени на 10 сил, и по работе и отделке нисколько не уступает первым.

Кроме иностранных паровых машин, работают на фабриках Московской губернии несколько других, сделанных на московских механических заведениях иностранца Цизе и Алексеева; последнее под управлением иностранца Гоппера. Машины эти незначительной силы, наиболее от 6 до 15 паровых лошадей, действуют очень хорошо, и в отделке, в особенности завода Алексеева, весьма мало уступают иностранным . . .

По произведенному в 1847 — 48 годах осмотру паровых двигателей и принадлежащих к ним паровых котлов, находилось в Москве: 34 паровые машины, доставляющие 503 силы, при них 54 паровые котла; в уездах: 33 пар. машины, доставляющие 700 сил и при них 60 паровых котлов. Всего же было 67 паровых машин, в 1,203 силы, при 114 паровых котлах, то-есть почти втрое менее против настоящего их числа. При этом замечательно, что ныне большая часть паровых двигателей находится в уездах, а не в Москве, как это было 10 лет тому назад. Причина удаления их от столицы весьма понятна: дороговизна топлива побудила капиталистов и фабрикантов заводить вновь фабрики, с паровыми машинами, по близости лесов, и увеличивать свои заведения, пользуясь дешевым топливом . . .

[1]) Котлами этими при всей экономии топлива, однакоже, многие недовольны, по причине течи, открывающейся в сочленении трубок с конечными плоскими стенами котла.

Паровые машины

На чьих фабриках.	Число машин.	Сила машин.	Система и устройство.
1. Находящиеся в Москве:			
Алексеевых, братьев	4	50	Высокого давления без охлаждения, без коромысла, из Англии и Бельгии.
Алексеева, С. П., на механическом заведении	1	24	С расширением и охлаждением паров, из Англии.
Алексеева, И. В., на суконной фабрике	1	24	Низкого давления, с завода г.г. Шепелевых.
Алексеевой, на бумагопрядильне	1	50	С двумя цилиндрами, сист. Вульфа, из Англии.
Бахрушина, на кожевенном заводе	1	12	С расширением, но без охлаждения паров, с коромыслом, из Бельгии.
Бутеноп, на механическом заведении	1	6	Высокого давления, без расширения и охлаждения, из Англии.
Бюхсенмейстера	1	6	Высокого давления, без охлаждения, из Бельгии.
Винтер, на суконной фабрике .	1	6	То же, из Петербурга.
Волкова, д. с. с.	2	16	Низкого давления.
Волкова, купца	1	8	Высокого давления.
Ганешиных	1	45	С расширением и охлаждением паров, из Бельгии.
Гербст, на сахарном заводе . .	1	12	Высокого давления, без охлаждения паров, из Пруссии.
Гужон, на шелковой фабрике .	1	2	Высокого давления, из Франции.
Гучковых, братьев	2	48	Одна с завода Шепелевых; другая, 8-мисильная, из Бельгии.
Гюбнер	1	25	Высокого давления с расширением и охлаждением паров, из Бельгии.
Прохоровых, братьев	2	30	Высокого давления, без охлаждения, одна Шепелевская; другая сделана в Москве.
Эйнем	1	2	То же из Бельгии.
Циндель	1	40	Высокого давления, с расширением, 2 цилиндрами и охлаждением, из Бельгии.
2. В уездах Московской губ.:			
Коншина, Серпуховского уез. .	2	80 [1]	То же, с расширением и охлаждением, из Англии.
Крестовниковых, Дмитровского уезда	1	40	Высокого давления с охлаждением паров, из Англии.

[1] Они будут в этом году заменены двумя новыми, в 180 сил, из Англии.

На чьих фабриках,	Число машин.	Сила машин.	Система и устройство.
Лепешкиных, Дмитровского у. .	4	150	Высокого давления с расширением и охлаждением, из Англии.
Малютиных, Бронницкого у. . .	2	85	Высокого давления, с расширением и охлаждением, из Англии
Морозовых, Богородского у. и др.	2	120 [1])	Высокого давления с расширением и охлаждением, из Англии.

Всего паровых машин находится в настоящее время:

в Москве	70 в 1,113 пар. лош.,	при них 105 пар. кот.
„ уездах	82 „ 2,002 „ „	„ „ 250 „ „
Во всей губернии	152 в 3,115 пар. лош.,	при них 355 пар. кот. [2])

[1]) Осенью будет прибавлено 60 сил.

[2]) Всех паровых котлов в Московской губ. находится гораздо более этого числа, здесь же показаны только принадлежащие к паровым машинам.

(«Вестн. Промышл.», 1858 г., т. I, ч. II, стр. 1—15).

26. Стальные пушки.

Из заграничной командировки Павел Матвеевич (Обухов) вернулся в Златоуст в июле 1858 года.

Представленный начальству о результатах этой командировки отчет заключал в себе подробный проект изготовления стальных орудий непосредственно в России.

Пройдя разные инстанции, он был, наконец, одобрен, и в 1859 году Обухов получил разрешение приступить к отливке, в Златоустовской оружейной фабрике, пробных стальных пушек, одновременно же в его распоряжение было ассигновано на этот предмет около ста тысяч рублей.

В сентябре того же года Обухов был всемилостивейше пожалован орденом св. Анны 3-й степени.

Работы по приготовлению пробных орудий, можно сказать, кипели, и шли успешно.

Дела было по-горло. Никаких приспособлений для нового производства при оружейной фабрике не имелось. Пришлось возвести новый корпус литейной фабрики, с необходимым количеством горнов; здание для проковки орудийных болванок, с 250-т. пудовым молотом, и, наконец, соорудить, хотя небольшую, механическую мастерскую и снабдить ее станками для обточки и сверления болванок.

Павел Матвеевич, горячо, всей душой, отдавшись излюбленному делу, действовал энергично и неутомимо.

Он поспевал везде. В литейной, под его руководством и по его указаниям, шла кладка горнов; в проковочной — сооружался фундамент для парового молота и производилась сборка составных частей последнего; в механической — устанавливались различные станки, паровые машины, приводы и т. д

Паровые машины только с этих пор появились в Златоусте, несмотря на то, что со дня основания этого завода протекло целое столетие.

Все станки, машины, словом, все предметы оборудования фабрик были выписаны из Бельгии и устанавливались под руководством уставщика-бельгийца.

Благодаря умелой распорядительности Обухова и замечательному усердию его сотрудников, техников, мастеров и рабочих, уже в на-

чале 1860 года все подготовительные работы для выделки стальных пушек были окончены.

Первая работа закипела в литейной. Одни подвозили к горнам уголь; другие выбирали из сушила готовые тигли и осторожно, в наглухо закрытых ящиках, переносили их в литейную; третьи, по указанию Павла Матвеевича, сортировали составные части шихты, тщательно их взвешивали и ссыпали в тигли.

Когда последнее было окончено и тигли поместили в горны, Обухов прямо с фабрики отправился к горному начальнику, генерал-майору Лизелю, и доложил ему, что все готово и можно приступить к отливке первых пушечных болванок.

— Когда вы полагаете начать отливки? — спросил начальник.

— Завтра в пять часов утра.

— Препятствий не предвидится?

— Думаю, что нет. Шихта составлена, ссыпана в тигли. Тигли уже в горнах, и к пяти часам, по моему расчету, смесь должна расплавиться.

— Кому вы поручили ночной надзор за работами?

— Никому. Это — первая отливка; весь успех зависит от нее, и я решил наблюдать за всем непосредственно, — проговорил взволнованно Павел Матвеевич.

— Это, значит, вы намерены не спать ночь. Ну, смотрите, вы этим себя, пожалуй, совсем уходите. Хоть теперь-то ступайте, да отдохните до вечера, — посоветовал добродушно Лизель.

— Постараюсь, хотя уверен, что не засну. Прикажете ожидать вас в отливке? — спросил Обухов, вставая и откланиваясь начальнику.

— Да, да, непременно. Дайте мне знать за полчаса до начала. До свиданья. Желаю полнейшего успеха.

В течение вечера, в присутствии Обухова, были установлены, в центре фабрики, в сделанных на полу углублениях, четыре чугунные формы, которые, через несколько часов, по расплавке содержимого тиглей, должны были наполниться литою сталью.

На другой день, чуть свет, с четырех часов утра, стали прибывать в литейную разные чины горнозаводского управления.

Одних влекло любопытство, так как они слышали, что процесс отливки представляет довольно эффектное зрелище; другие, действительно, интересовались новым делом и желали ознакомиться с ним практически. Были и такие, которых влечет вообще все, что только выдается из круга заурядной, будничной жизни, и в чем находят они нечто вроде развлечения.

Последним приехал горный начальник, и, вскоре же по его приезде, раздался звонок.

Заранее сформированная артель литейщиков, из крепких и дюжих, с загорелыми от огня лицами, рабочих разместилась на своих постах, то-есть каждая пара — у своего горна.

Главный мастер, обойдя горны и убедясь, что шихта расплавилась, доложил об этом Обухову.

— Второй звонок, — крикнул Павел Матвеевич.

Едва раздался звук звонка, как каждая пара литейщиков, вытащив из горна, особыми, железными ухватами, до-бела раскаленные тигли, ставила их на посыпанный песком пол фабрики; затем, выломав пробки, закрывавшие отверстие тиглей, стали ожидать дальнейшей команды.

Внимательно следивший за действиями рабочих, Обухов крикнул:

— К отливке.

Тотчас же литейщики, ухватив посредством двухручных, железных щипцов тигли, пара за парой, в стройном порядке, стали подходить к формам и выливать в них содержимое тиглей.

Тонкие, блестящие струи металла полились без перерыва, постепенно и равномерно наполняя формы.

— Блоки, — скомандовал Обухов, когда увидел, что все изложницы уже достаточно наполнились расплавленной массой.

Зазвенели цепи, скользя по блокам; тяжелые, чугунные пробки опустились на поверхность жидкого металла и сжали его до известной степени.

Процесс отливки кончился.

Вдруг неожиданно раздались аплодисменты, и все, наперерыв, спешили к Павлу Матвеевичу с поздравлениями.

(«Русская Старина», 1905, т. 123, стр. 69—71.)

---

27. Заработная плата рабочих.

1) 1803 г.

(По Туган-Барановскому.)

В общем, как видит читатель, плата была очень низка. В Московской губернии ткачи на суконных фабриках вырабатывали в месяц от 3 руб. до 6 руб. 60 коп. — в среднем около 4 руб. 50 коп. На шелковых фабриках заработок ткачей был значительнее — от 3 руб. 75 коп. до 7 руб. 80 коп. В Ярославской губернии шелковые ткачи вырабатывали около 6 руб. в месяц. Заработок полотняных ткачей на Ярославской Большой Мануфактуре составлял в среднем 4 руб. 15 коп. в месяц. На ситцевых фабриках Дмитрия и Ефима Грачевых бумажные ткачи получали гораздо больше — до 10 руб. в месяц. Такую же плату получали на этих фабриках и набойщики. Другие рабочие, в большинстве случаев, оплачивались гораздо хуже ткачей. Так, сновальщики на суконной фабрике Калинина и шелковой Лазарева получали только 3 руб. 50 коп. в месяц; на фабрике Угличанинова полотняные сновальщики вырабатывали 3 руб. 80 коп. в месяц. Гораздо бо́льшую плату получали сновальщики на шелковой фабрике Колосовых — до 6 руб. в месяц.

Кардошники, скребальщики, катальщики получали приблизительно столько же, сколько и сновальщики. Заработок столяров, кузнецов, слесарей, состоявших при фабриках, колебался между 3—4 руб. в месяц.

Плата женщинам была гораздо ниже мужской. Труд ткачих и прях оплачивался еще не так низко — ткачихи получали на суконной фабрике Калинина 2 руб. 60 коп., пряхи 2 руб. 67 коп.; но за более простой труд — мотание, витье основ, трощенье шелка — плата женщинам была совершенно ничтожна и обыкновенно не достигала и 2 руб. в месяц.

Еще ниже оплачивался труд малолетних, исполнявших те же работы (взрослые женщины получали за мотанье, трощенье и тому подобную работу обыкновенно 7 коп. в день, дети 5—6 коп.).

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 187—188.)

2) В 40-х годах.

(По Туган-Барановскому.)

Много данных о заработной плате фабричных рабочих в России в 40-х годах сгруппировано в известном труде Гакстгаузена, наблюдателя, в большинстве случаев, очень точного и потому заслуживающего доверия. По его словам, рабочие на Большой Ярославской Мануфактуре в 40-х годах (после своего освобождения) зарабатывали: ткачи — от 1 руб. 30 к. до 2 руб. (ассигн.) в день, ткачихи от 60 коп. до 80 коп. в день. На шелковой фабрике Оловянишникова в Ярославле ткач легких материй вырабатывал от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 40 коп. в день, ткач тяжелых материй вырабатывал еще больше. В селе Великом Ярославской губернии ткачиха вырабатывала около одного рубля в день. В Нижегородской губ., Арзамасском уезде, на кожевенном заводе Щетинина взрослый рабочий получал в год 160—170 руб. серебром, т. е. более 500 руб. ассигнациями. Гакстгаузен принимает, что заработок среднего фабричного рабочего в России можно считать 1 руб. ассигнациями в день; заработок прядильщика достигал 1 руб. 50 коп. в день, ткача и набойщика—2 руб.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 204.)

28. Месячная заработная плата в селе Иванове и окрестностях.

(В рублях и копейках серебром.)

(По Туган-Барановскому.)

	Около 1810 г.				Около 1830 г.				Около 1850 г.				Около 1860 г.			
	От		До		От		До		От		До		От		До	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Набойщики	12	—	20	—	8	—	15	—	6	—	12	—	5	—	8	—
Ткачи ручные	6	—	—	—	4	50	—	—	3	50	4	—	3	—	3	50
Ткачи механические	—	—	—	—	—	—	—	—	12	—	16	—	10	—	13	—
Мытильщики	3	—	4	—	5	—	—	—	7	—	7	30	7	50	9	—
Закотельщики	2	—	3	—	3	25	—	—	3	50	4	—	4	50	4	75
Рабочие на цилиндрических машинах	—	—	—	—	3	75	—	—	4	60	—	—	5	—	6	50
Рабочие на голандрах	2	—	2	50	3	15	—	—	3	50	—	—	3	75	4	15
Чернорабочие	1	50	2	—	3	15	3	50	3	50	4	20	3	75	4	50
Мальчики	1	—	1	25	1	25	2	—	1	80	—	—	2	—	2	50
Женщины (сшивальи, переборщ. и пр.)	1	50	1	75	1	75	2	50	2	25	2	75	2	50	3	—
Цена пуда ржаной муки	—	14	—	19	—	28	—	33	—	50	—	60	—	60	—	65

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 207.)

II. Кустарные промыслы.

29. Фабрика и кустарная изба в Богородском уезде Моск. губ. в 1830-х г.г.

Исключительный доход всего уезда заключается в фабричном производстве и предпочтительнее в ткачестве шелковых и бумажных изделий.

За сим: 1. Писчей бумаги.
2. Фарфоровые заводы.
3. Суконные.
4. Медилатунные.
5. Мелкие медные изделия.
6. Капительные.

Дворянских фабрик в уезде всего 4

1) Князя Юсупова, шелковая, суконная и писчей бумаги.

2) Князя Салтыкова, суконная.

3) Г. Мельгунова, писчей бумаги.

4) Г. Мещанинова, то же.

Фабрикация крестьян и других сословий производится в 3 видах:

1. Фабрики истинные — те, кои, будучи в особых зданиях, производят работы в совокупности и по обширности своей превышают 16 работников (за кои не положено никакого сбора).

2. Фабрики кустарные, от общепринятого слова кустарь, кустарник, кои работают не в совокупности, а по разным местам, и не для себя, а для других.

3. Мелочные, работающие по малому числу станов на свой счет.

Фабрик истинных находится.	76
на них станов	3.634
рабочих	13.516

В числе таковых значительнейшие суть:

Шелковые:		станов.	рабочих.
Купцов:	Рогожиных . . .	349	862
	П. В. Шишова . .	130	300
	Белянииной . . .	80	280
	Мусатовых . . .	140	300
	П. В. Шишова . .	222	3.000
	Его же, сучение шелков . .		
	Кондрашева . .	295	1.501
	Карповых трех братьев . .	200	750
	Мурашова . . .	120	300
	Сапова	125	328
	Залогина . . .	100	200
Бумажные:			
	Кошелева . . .	200	350
	Ремизова . . .	120	300
		2.081	8.417
Писчей бумаги:		ролей.	рабочих.
	Братьев Губиных .	19	344
	Усачевых	13	260
Медиолатунной:			
	Купца Савельева		170

На фабриках двух других отделов, находятся хозяев-фабрикантов	1.387
у них ткацких станов . . .	11.632
работников	23.861
Итого во всем уезде:	
хозяев-фабрикантов . . .	1.463
ткацких станов	15.266
работников совершеннолетних, мужчин, женщин и малолетних	37.377

Из числа 11.632 станов, принадлежащих к кустарным и мелочным фабрикам, некоторые станы, от 4 до 16, помещаются в особо устроенных светлицах; но до 11,000 станов размещаются по крестьянским дворам, по одному и по два в каждом.

Способ сей фабрикации столько раздроблен, что невозможно за ним следовать с точностью и заслуживает любопытного взгляда:

Кустарные фабрики подразделяются на 3 отдела:

а) Фабриканты получают материал от купцов или других хозяев и доставляют им весь выработанный товар, получая условную задельную плату, коею рассчитываются с мастеровыми.

б) Получают материал в цену и платят за оный выработанными товарами, также по условленным ценам, сохраняя право продавать излишний или барышный товар повольною ценою в свою пользу.

в) Называемые по уезду производчики большею частью не имеют своих фаб-

рик, но, на основании двух первых отделов, раздают материал по избам, даже других уездов; и производство сих людей бывает значительно, так что простирается до 200 и более станов.

Таковой распорядок фабричного производства представляет два особенные обстоятельства:

1) При сей фабрикации нет постоянного числа станов, и они беспрестанно изменяются как вообще, так еще более у одного и того же производчика; ибо все дело его зависит от кредита к нему хозяина материала и доверия самых работников.

2) При сей фабрикации не только нет постоянных лиц работниками, но большею частью они неизвестны самому производчику, а хозяину всей фабрикации, то-есть тому, чей материал, они совершенно неведомы; ибо производчик, получая материал массой, отдает его по частям другим кустарям, а сии сверх малого числа своих станов раздают по избам, где материал сей разматывается семейством и сторонними, никому из первых производителей неизвестными; а потому хозяин товара, имеющий иногда до 1.000 станов, совершенно не знает людей, споспешествующих его приобретению — богатству.

(Доходы) от фабрик. Почти все мастеровые получают плату с дела, которая равняется в год [1]):

Мужчин совершеннолетних от 300 до 150 р.
Женщин и малолетних от 60 до 20 р. [2]).

(«Журн. Мануф. и Торг.», 1834 г., № 1, стр. 18—24.)

---

30. «Обозрение Владимирской губ.».

Светелка кустаря.

1840.

Промышленность крестьян Владимирской губернии чрезвычайно разнообразна. Преимущественно пред всеми обращает на себя особенное внимание ткацкая промышленность, которая распространяется, начиная от Москвы, по всем деревням и селам к Александрову, к Юрьеву-Польскому, Шуе и Вязникам [1]). Для того устроили так называемые светелки [2]), на краю или на позадках селения, для безопасности на случай пожара; прорубили в светелках по три красных окна с трех сторон, со входом с четвертой: внутри по стенам под окошками установили станки, с челноком самолетом, и по середине устроили еще места для размотки бумажной пряжи в шпули. Как скоро смеркнется, засвечают перед каждым станком, на висячем шандале, по сальной свечке. В светелке обыкновенно устанавливается шесть ткацких станков; в ней ночью и днем светло. В деревнях, в редкой избе вы увидите ткацкий станок для бумажных тканей, и то разве в избе с трубой, так называемой белой. Крестьяне по домам не ткут от тесноты и нечистоты. Для тканья светелки во всех отношениях удобнее деревенских изб с одним или двумя красными окнами на лицевой стороне. Но и эти ткацкие светелки суть только зародыши будущих чистых, светлых и обширных фабрик. Сельская ткацкая промышленность еще, как новорожденное дитя, в колыбели, чуть дышит. Она не имеет еще ни достаточных капиталов для своего развития, ни искусства, ни образованности, необходимой для ремесла. Но здесь, как и везде, при самом зарождении своем промышленность действует и раскрывается по своим непременным законам. Необходимое распределение труда с нею и здесь неразлучно. Действующими лицами ткацкой промышленности в здешнем крае — купец, подрядчик, хозяин и работники. Купец обыкновенно городской житель: он выдает деревенскому подрядчику на вес основу и уток для бумажной ткани; пряденую бумагу покупает на свои деньги, и принимает от подрядчика вытканный миткаль, коленкор, кисею, нанку, также на вес, сбавляя по несколько фунтов на угар, т.-е. на необходимую растрату хлопчатой бумаги при тканье. Купец платит подрядчику деньги с куска ткани; потом обделывает ее

---

[1]) Из сей платы надобно не мало отсчитать на прогульные дни, на время болезни, на порчу изделия, на трату и тому подобное, от чего выработка гораздо сократится.

[2]) Малая плата сим работникам происходит от того, что занятия их при фабриках бывают между домашнего дела.

[1]) В Вязниковском и Гороховском уездах сосредоточивается ткаческая промышленность льняных изделий, а в прочих трех уездах — бумажных изделий.

[2]) Светелки получили свое название от значительного в них света: ибо все стены в них состоят из окон.

окончательно, белит, катает, красит на ситцы, лощит. У иного купца в городе фабрика на двадцать, тридцать станов; но он действует на двух-стах, на трех-стах станках по деревням и селам. Купец знает одного подрядчика. Подрядчик, взяв у купца пряжу, раздает ее по деревням хозяевам, которые содержат артели работников и работниц. Подрядчиково дело — отвозить к купцу изделие и привозить из города от купца материал для тканья. Он пользуется от хозяев артелей платою с аршина ткани, за труд и посредничество. Хозяева строят и содержат ткацкие светелки, которые обыкновенно едва держатся. Хозяева работают ткань своей семьей и нанимают посторонних работников и работниц в свои светлицы. Таких светлиц в деревне бывает по три, по четыре и более. Крестьяне здешние ткут миткаль, пестрядь, полотно, парусину, бумажные платки, холстинку, плис, нанку, полубархат, демикотон, сарлентин, киссею и крестьянские ленты. Удельные крестьяне Вязниковского уезда ткут тонкое полотно, фламское и равендучное, а Суздальского и Меленковского — миткали. Во Владимирской губернии есть целые селения, которые занимаются исключительно каким-нибудь промыслом. Так в Гороховском уезде, около пятнадцати тысяч душ крестьян, в селе Пистяках и в окрестных деревнях промышляют вязанием русских чулок и варег из шерсти, которую привозят туда из низовых губерний. В Пистяках одни из капиталистов-крестьян торгуют шерстью, другие — изделием из нее. У торговцев шерстью крестьяне-вязальщики покупают обыкновенно шерсть на целую неделю, а торговцам чулками и варегами продают еженедельное свое изделие, и на заработки покупают для себя на базаре съестные припасы, одежду и все, что необходимо для дома на целую неделю. Таким образом вязальщики живут своим рукодельем от пятницы до пятницы. От мала до велика, все мужчины и женщины день и ночь вяжут чулки и вареги, по большей части одной иглой, с изумительною скоростью. Иные предпочитают игле четыре спицы. Крестьяне того же уезда, вотчины г-жи Пашковой, также выделывают шерстяные чулки, вареги и фуфайки. Крестьяне Холуйской слободы, Вязниковского уезда, все без исключения пишут иконы. То же делают крестьяне села Палеха, того же уезда. Крестьяне княгини Долгоруковой, села Осипова с деревнями, выделывают кувшины, горшки и кирпич для подов. Некоторые крестьяне Муромского уезда, вотчины г-ж Самойловой и Песте, делают столовые ножи. Равно и в других селениях этого уезда крестьяне делают столовые ножи, замки разных родов и другие железные вещи и имеют кузницы.

Изготовлением деревянной посуды промышляют казенные крестьяне Подольской волости — Владимирского, и частью Авдотьинской волости, Суздальского уездов; другая часть этой последней волости кует серпы и косы из покупного железного лома.

Тканьем шелковой материи и бумажных бархотов, деланием поярковых шляп, белил, костяных гребней, сусального золота, медной посуды и вытяжной медной проволоки занимаются крестьяне Александровского и Покровского уездов, прилегающих ближе к Московской губернии. В уездах: Владимирском, Суздальском, Переяславском, Шуйском и отчасти Ковровском занимаются крашением пряжи, набойкою ситцев, выделкою лайковых перчаток, сапогов, поярковых шляп, сит, решет, восковых свечей; вязанием ремезов, деланием рессор, втулок и пр. экипажных вещей; гонкою скипидара, обжиганием фарфоровой посуды, пильничеством, плотничеством, штукатурством, кладкою каменных зданий и кровельною работою. Муромские и Судогодские — жжением извести. В Ковровском и Вязниковском уездах бьют масло...

(«Журнал Мин. Вн. Дел», 1840, № 4, стр. 127—133.)

---

31. Начало кустарной промышленности.

(По Туган-Барановскому.)

Точно так же описывает возникновение кустарного ткачества широкого полотна в Ярославской губернии и Карпович, известный знаток льняной промышленности и практический деятель 30—40 годов. «Около 1800 г. начали в помещичьих усадьбах появляться небольшие ткацкие заведения для пятичетвертного по-

лотна; образцом для них служили того же рода заведения Ярославского уезда в селе Никольском, ныне господ Мятлевых, тогда графа Салтыкова. Почти в то же время стали входить в употребление для прядения самопрялки с колесами. Около 1822 года, когда по новому русскому тарифу иностранные полотна были обложены высокой пошлиной по 1 р. 80 к. за фунт, заметным образом из помещичьих усадеб начали перенимать крестьяне пряденье на самопрялках; а также тканье на широких ткацких станах, поставленных в особых светелках, пятичетвертных полотен. С каждым годом мастерство совершенствовалось. Число занимавшихся прядением и тканьем полотен умножалось, а плата наемная за тканье и цена полотен понижалась. Теперь около Великого Села на радиусе около 15 верст, а к Ярославлю и Нерехте гораздо более, вся страна, имеющая густое население крестьян, содержит десятки тысяч самопрялок и многие тысячи ткацких станов в деятельной работе, которые снабжают тонким крестьянским полотном обе столицы и многие внутренние губернии на сумму около 1 милл. руб.».

«Надо полагать, что устройство в Костроме полотняных фабрик Угличаниновым, Стригалевыми и другими положило основание ткачеству и в Шунгенской волости (Костромского уезда)». «Ткацкий промысел в Новинской волости (Нерехотского уезда) существует с давних времен, перешел от соседних фабрик». Ткачество полотна Обелевской волости (Нерехотского уезда) «развивалось благодаря соседству фабрик». Дюпинская волость (Кинешемского уезда): «Ткут полотна и салфетки. Этот промысел . . . развит местными фабрикантами». Семеновская волость (Юрьевецкого уезда), «ткут полотна . . . промысел получил начало лет 44 тому назад со времени устройства прядильных фабрик в Кинешемском уезде». Вообще, почти относительно всех волостей различных уездов Костромской губернии, где существует кустарное полотняное ткачество, констатируется, что оно возникло под непосредственным влиянием фабрик. Большую роль сыграли вотчинные фабрики. Так, напр., «Ткачество в селе Апалихах (Костромского уезда) началось еще в XVIII веке; в то время сельцо это, принадлежавшее одному крупному вотчиннику, было местом ссылки, куда свозились из разных имений крестьяне, не платившие оброка, для работ на полотняной фабрике. Крепостная работа этих поселенцев, живших на пайке, продолжалась 40 лет, начиная с 1752 г., в конце же прошлого столетия фабричные постройки стали сдаваться в аренду» . . .

Значительно большая часть кустарных промыслов Московской губернии (эти промыслы в главной своей массе являются не «самостоятельным» производством, а работой по найму) происхождения очень недавнего, некоторые возникли в конце прошлого века, другие еще позже — в 20, 30, 40 годах XIX века. Московские земские статистики обыкновенно весьма тщательно отмечали историю каждого промысла; посмотрим же, о чем говорят их наблюдения.

Из 141 т. крестьян, занятых в мелком товарном неземледельческом производстве Московской губернии, не менее 82 т. (т.-е. около 59% работающих) заняты в промыслах, непосредственно созданных фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промысел, игрушечный, шитье перчаток, щеточный промысел, производство пуховых шляп, канительный, золотокружевной и другие более мелкие промыслы).

Производство касторовых шляп (480 работающих; преобладающий тип — мелкие мастерские с наемными рабочими; работа из покупного материала). Промысел возник из шляпной фабрики Александрова в 30 годах этого века. «С течением времени некоторые мастера, обучившись шляпному производству, стали работать шляпы на дому, но вначале работали исключительно на Иванова (Александрова), получая от него материал. Затем бывшие мастера Иванова (Александрова) стали обращаться в самостоятельных производителей . . . Шляпное производство, сначала сконцентрированное в обширной мастерской Иванова (Александрова), постепенно децентрализировалось по селениям Кленовской волости. Итак, опять то же развитие — фабрика, домашняя промышленность, мелкое «самостоятельное» производство.

Шитье лайковых перчаток (3 тысячи работающих; работа по заказам торговцев из их материала). «Лет сто назад помещик Шалашников выстроил завод для выделки тонких кож для перчаток в деревне Языкове... Обученные девушки или отчасти в особом, устроенном для этого помещении, или же. как впоследствии, получали работу на дом. Мало-по-малу таким образом уменье шить перчатки распространилось по окрестностям». Фабрика породила домашнюю промышленность...

Точно таким же образом были занесены в селения Московской губернии пуговичный, золотокружевной, бахромный, золотошвейный, позументный, сусальный и многие другие промыслы. Как я сказал, промыслами капиталистического происхождения занято около 59% всех московских кустарей. Каким же образом возникли другие промыслы Московской губернии, дающие занятие остальным 41% кустарей?

Значительная часть этих последних промыслов, если не прямо возникла из крупной мастерской, то, во всяком случае, развилась под непосредственным ее влиянием. Сюда относится, напр., мебельный промысел, исследованный проф. Исаевым. Производство дорогой мебели до 50 годов было сосредоточено в Лигачевском районе в крупной мастерской Зениных, имевших до 70 рабочих. В этой мастерской научились работать дорогую мебель мастера, впоследствии начавшие самостоятельное мебельное производство...

Заметим кстати, что развитию кустарных промыслов оказали огромное содействие и помещики, обучавшие разным ремеслам своих крепостных. Это отмечается относительно мебельного промысла, кружевного, перчаточного, плетенья из прутьев и других промыслов Московской губернии.

По словам г. Плотникова, «одной из причин развития кустарных промыслов (в Нижегородской губ.) было воздействие помещиков, старавшихся насаждать в своих вотчинах, особенно многолюдных и малоземельных, какиелибо промыслы. Такие крупные владельцы, как Шереметевы, Салтыковы, Толстые, владея в разных концах России селами, уже отличившимися в той или иной отрасли промышленности, нередко переносили вместе с мастерами этих селений и их искусство в свои более бедные и непромысловые селения. Так, Салтыкову, владевшему одновременно в конце XVII века селом Кимрами и селом Выездной Слободой, Арзамасского уезда, приписывают начало сапожного промысла в этой последней. Владелец села Богородского Шереметев не только содействовал развитию в своем имении кожевенного производства, но и перенес его в село Юрино, Васильского уезда, в виде рукавичного промысла.

То же сообщается и относительно промыслов Ярославской губернии. «Развитию кустарной промышленности немало способствовало крепостное право... Помещики отправляли мальчиков, для обучения разным мастерствам, на фабрики и заводы в Петербург, Москву и другие промышленные города России. Опытность этих мастеров влияла на кустарную промышленность».

Так, например, на Ухтоме, «если и существуют кустарные промыслы, то потому лишь, что на Ухтоме много помещичьих усадеб, и усадеб богатых, а, следовательно, в среде населения найдется немало народу, обученного известным мастерствам бывшими их помещиками».

Вернемся, однако, к Московской губернии.

Какую же роль играют в московской промышленности старинные кустарные промыслы, промыслы чисто «народного» происхождения, не носящие на себе печати ни капитализма, ни крепостного права? — Довольно незначительную. К этой категории относятся такие вполне национальные промыслы, как, например, плетение лаптей, прядение льна и шерсти, отчасти вязанье и плетенье чулок, сетей и проч., сапожный и башмачный промысел, скорняжество, валянье шерсти, бондарный промысел, кожевенный, метельный и проч. Число лиц, занятых в этих промыслах, вряд ли превзойдет 30 т. чел., т.-е. не достигнет и 25% всего числа московских кустарей.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 232—251.)

---

32. Кустарная промышленность.

1852.

В Москве и на пути из Москвы далее я старался приглядываться к так называемому кустарничеству, или фабрикации товаров крестьянами-мелочниками. Известно, что кустарничество у нас в постоянной вражде с фабриками, и фабрикант с большим неудовольствием смотрит и следит за оборотами кустарника. Оно так и быть должно по ходу вещей. Фабрикант, например, обязан платить гильдейские повинности, обязан внести капитал за право фабрики; он должен тратить большие деньги на ее устройство, на паровые машины, должен вполне обеспечить участь работающих у него мастеровых и обязан подчиняться определенным и ненарушимым правилам. Вследствие всех этих условий, он встречает сильное соперничество своим произведениям в кустарнике, в лице, которое, приютившись в деревне у светличника, в нанятой у него светлице, избе без печей, с часто прорубленными окнами, безданно-беспошлинно, без машин и без богатого освещения, при свете одной лучины, трудится своей семьей, без особенных расходов на работников, над отделкой какого-нибудь товара. Прямой вывод из этого тот, что если за товар, известной меры и длины, фабрикант не может взять меньше рубля, — кустарник будет вполне удовольствован платою 40 процентами дешевле фабричной цены. Весьма естественно, что кустарный товар, выделываемый при помощи простых машин, уступает в доброте товару, выделываемому на фабрике; по большинству потребителей нужна дешевизна, — и эта дешевизна вредит оборотам фабриканта, отнимая у него и барыши и доверие, потому что и линючесть чужих красок, и некрасивость чужого рисунка, и непрочность чужой материи приписываются потребителями без разбора всем фабрикам вообще.

Кроме этих выгод, клонящихся на сторону бедного малоземельного крестьянина-кустарника, привыкшего издавна к этому занятию и не имеющего иных средств к поддержке своего хозяйства, этот последний старается отыскать иные пути, чтоб еще более иметь возможности или удешевить свои изделия и покрыть, при ограниченности оборотов, все-таки весьма чувствительные расходы капитала, и вещественного и невещественного, или иметь верный доступ к скорому обогащению.

Возьмем для примера, выделку фуляровых платков. Из Астрахани, а больше из Тифлиса, шелк везут в Москву армяне и распродают фабрикантам. Фабриканты должны подвергнуть шелк операции размотки, варки, крашения; производство это они сдают на сторону. При каждой операции происходит естественный ущерб шелка; но к а р а с н и к, то-есть лицо, занимающееся размоткою шелка (на машине, известной под названием карась), варильщик, красильщик и мотальщик, наматывающий шелк на катушку, каждый по своей части, намеренно усиливают убыль в весе шелка до такой степени, что из ста его кип, или средним числом из шестисот пудов его, при конце операции выходит только 550 пудов, тогда как естественный ущерб в этом количестве кип не может, судя по отзывам знатоков дела, превышать 15, много 20 пудов. Если все это правда, а не напраслина, то фабриканты рассчитывают, что тридцать таким образом благоприобретенных пудов шелка составляют достояние карасника, который сдает его, как краденую вещь, за дешевую цену, кустарнику: тот обрабатывает его и приготовляет фуляры. Покупщику нужен шелковый платок, и он, минуя фабриканта, покупает его у кустарника. Покупщик знает только то, что он дал за товар дешево, а в барышах все-таки кустарник: его фуляры, вместо 12½ золотников, как их делает фабрикант, весят только 9 золотников. Кроме того, что 30 пудов похищаются у фабриканта, хлеб у него кустарники отбивают тем, что, делая платки одинаковые с фабрикантскими, они из 30 пудов шелка сделали бы 768 дюжин; но, выгадывая по 3½ золотника на каждом платке, они из того же количества шелка изготовляют 1,066 дюжин, и тут 300 дюжин шелковых платков составляют новый, в подрыв фабриканту, барыш. Между тем непрочность кустарных платков ставится в вину русским шелковым фабрикам, и полновесные фуляры, распродающиеся в магазинах, за добротность их чествуются, как и разного рода другие русские изделия, названием настоящих французских. Этот новый нравственный убыток заставляет русских фабрикантов поневоле ронять достоинство своих

изделий и половина на половину вырабатывать и хорошие и дурные платки.

(«Вести. Русс. Географ. О-ва», 1852 г., ч. I, кн. I, отд. V, стр. 4—6.)

---

33. Новая кабала ткачей.

При развивающейся ситцевой фабрикации в селе Иванове и его окрестностях, цены не только на продукты, употребляемые на фабриках, но и на рабочие руки поднялись до невероятной степени; и в последнее время решительно нет никакой возможности найти рабочих людей за очень хорошую цену как в селе Иванове, так и в Вознесенском посаде. Причиною же столь дорогих цен можно положить увеличение местной производительности и большое требование рабочих рук по железным дорогам. Как слышно, только между Москвою и Владимиром работает 13,000 человек; потому неудивительно, что здесь вздорожали рабочие руки и вздорожали почти вдвое; так, например, чернорабочий получал 6 рублей, теперь же получает от 10 до 12 руб. в месяц; поденщик же получает около 80 коп., а прежде получал 40 коп. в день, не более; цены почти так же возвысились за размотку бумаги и тканье миткалей.

Судя по этому, можно наверное думать, что и самый быт рабочего народа должен улучшиться. Но, так ли в самом деле? Действительно, когда спросишь чернорабочего, как он ныне живет, слышишь обыкновенно: «Ноне слава богу»; но когда спросишь ткача, самого необходимого человека в выработке миткалей, нередко слышишь: «какое нам, батюшка, житье, мы в кабале». Тому уже 7 или 8 лет, что ткачи как из казенных, так и из помещичьих, работали на кого хотели и сколько хотели — была полная свобода. Ни один человек не слыхал, что за слово к а б а л а. Теперь же, в наше время, век прогресса и цивилизации, при развивающейся гласности вдруг возникла кабала. Людям, не слыхавшим в новейшее время ничего подобного, это покажется странным, но нам, слышащим об этом каждый день, совсем не странно. Поводом к отдаче в кабалу послужило следующее обстоятельство:

Один из миткальщиков вследствие своей строгости и чрезмерных штрафов лишился половины ткачей; видя свое невыгодное положение в отношении ткачей и зная права их владельцев, он первый подал пример и, без дальнейших околичностей, предложил помещикам о т к у п з а т к а ч е й. Помещики не отказались. Таким образом и другие миткальщики бросились к помещикам откупать ткачей, условливаясь платить им с клуба вытканного их ткачем; перебивая друг друга, они нанесли цену до 50 коп. сер. с клуба, кроме цены, платимой ткачу за работу. Конечно, все это делалось на одних словах. Но все договоры были исполняемы ненарушимо с обеих сторон. Но по воле помещиков ткачи не стали переходить от миткальщика к миткальщику, как это было прежде.

Если у помещика было в имении 100 человек, умеющих ткать, которые сработают средним числом по 7 или 9 клубов в год, то он получал с них по меньшей мере 400 руб. откупной платы. Эта плата помещикам была, вместе с тем, косвенным налогом на рабочих. Как на рабочих? — спросите вы, — ведь платят миткальщики! — Положим так, платит миткальщик, а миткальщик возьмет с ткача; уж как угодно, а миткальщик не упустит своих выгод. Первым долгом своим считает он недодать кабальным против свободных ткачей из мещан и казенных крестьян, а более того, донять их штрафами за всякую безделицу. И эта штрафная сумма с ткачей идет в уплату за кабалу. Из этого можно видеть, каково настоящее положение ткачей.

Но, благодаря последним событиям и учрежденного комитета для улучшения быта помещичьих крестьян, некоторым помещикам в прошлом году не удалось пристроить своих ткачей, а в будущем году, можно предположить, еще менее удастся. Некоторые поднялись на аферу, чтобы воротить прежние доходы, только, конечно, не все (ведь не всякий же аферист), стали брать у миткальщиков клубья на комиссию, на свое имя и ткать зиму и лето 3-дневной барщиной, в своих светелках, а если их недоставало, то в залах и гостиных под своим личным надзором. Таким образом ткачи в 3 дня хотя выткут и в половину против прежнего, то-есть 3 или 4 клуба, все-таки 100 станов в год сработают от 300 до 400 клубов; если положим по прошлогодней цене, что ткачу платят за работу 10 руб. в месяц, то, вместо ка-

бальных 400, помещик получит 3 или 4 тысячи рублей, ибо он не заплатит ткачу за барщинную работу.

(«Моск. Ведомости» 1859, № 203.)

34. Записка купца Жукова против кустарной промышленности 1845 г.

(По Туган-Барановскому.)

В 1845 году один гжатский купец, некий Жуков, подал записку императору Николаю Павловичу о «неправильном ходе торговли и промышленности в г. Гжатске и других местах Империи». Записка эта была передана, по приказанию государя, для рассмотрения министру финансов.

«Неправильность хода торговли», по объяснению Жукова, заключалась в том, что «в уезде образовались промышленники, называемые прасолами, разносчиками, ходебщиками и мужиками-фабрикантами, которые производят, не платя никакой гильдейской повинности, торговлю, принадлежащую, по всем правам, одним только городам... Сверх того в уезде существуют крестьяне-подрядчики, которые берут в Москве основы и уток для выделки миткаля и плисов... при дворах имеют они рабочие светлицы, а за недостатком таковых раздают основу по деревням... а потому фабриканты, старавшиеся об улучшении изделий, производством своим почти вовсе теперь не занимаются, ибо дело их перешло в руки крестьян, которые, заботясь о том только, чтобы сработать выгоднее другого, наперерыв низводят товары на самую низкую степень. Подобными же промыслами занимаются и в разных уездах кругом Москвы и во Владимирской губернии, особенно в Шуйском уезде — там почти все крестьяне или фабриканты, или разносчики... В одном селе Иванове крестьяне привозят на рынок до 50.000 штук миткалей... Теперь прибылых торговцев, вышедших из крестьян и мальчиков, гораздо больше $^2/_3$ против пригородных московских жителей и все они, по прежней привычке, продолжают руководствоваться обманом».

Чтобы оградить фабрикантов от конкуренции кустарей, Жуков предлагал установить строгий надзор за мелким производством, чтобы оно не избегало платежа казенных сборов, и, вместе с тем, назначить законом обязательную ширину и длину ткани, вес ее, качество окраски и проч. Так как крестьяне производили товары низшего сорта, то такие меры должны были совершенно убить кустарную промышленность. Понятно, что министерство финансов энергично восстало против предложений Жукова, направленных одинаково как против самостоятельных мелких мастерков, так и против фабрикантов, раздававших пряжу по домам.

(Туган-Барановский. «Ист. русс. фабрики», т. I, стр. 224.)

III. Пути сообщения.

35. Путешествіе сына помѣщичьяго въ Петербургъ.

(Из писем сына Болотова к отцу.)

Пользуясь теперь свободнымъ временемъ для писанія къ вамъ, опишу вамъ подробнѣе образъ нашего путешествія. Хотя мы долго уже ѣдемъ и сія долгота довольно намъ приноситъ скуки, но дорога кажется намъ какъ-то коротка, потому что мы не болѣе ее видимъ въ день, какъ одну упряжку, т.-е. послѣобѣденную, а утреннюю почти всю спимъ, привыкнувъ уже къ тому, несмотря на все трясеніе кибитки. Выѣзжаемъ мы съ квартеръ очень рано; становимся кормить лошадей часу въ 8 или 9 и стоимъ часу до 1 или второго; въ сіе время напиваемся мы до-сыта чаю; имъ однимъ мы почти и дышимъ, потомъ приносят мой пульпетъ и я записываю въ своемъ календарѣ все нужное и замѣченное. Тамъ мы обѣдаемъ; обѣды наши состоятъ не изъ пышныхъ яствъ и соусовъ, а мы довольны бываемъ и малымъ: въ дорогѣ какъ-то очень мало ѣстся, однако, я всегда сытъ. Чай иногда замѣняетъ у насъ за столомъ горячее, а прочія блюда состоятъ въ соленомъ маслѣ, немного нарѣзанныхъ колбасовъ и куски разогрѣтой жареной говядины. Признаться, что единообразное, ежедневное повтореніе сихъ кушаньевъ уже

очень наскучило. Хозяйскіе щи очень плохи и намъ не по вкусу, хотя мы и пробуемъ сдобривать ихъ иногда нашими приправами. Василій, однако, старается насъ кормить и все подчуетъ. На сихъ дняхъ, какъ купили мы на дорогу часть новой говядины, то онъ, отдѣливъ отъ ней нѣсколько, сдѣлалъ намъ такой прекрасный супъ съ крупами, что мы, какъ люди дорожные, давно уже такого не ѣдали. Пообѣдавъ, продолжаемъ мы свое путешествіе. Упряжки наши состоятъ обыкновенно верстъ изъ 30, а иногда и болѣе. Съ наступающимъ вечеромъ становимся мы опять на квартиру; тутъ не всегда уже пьемъ мы чай, а смотря по погодѣ и времени. Ужинъ у насъ всегда очень легкій и состоитъ въ мясной окрошкѣ съ квасомъ да кускѣ разогрѣтаго мяса, послѣ чего мы отходимъ ко сну. Но куда же? Изволите ли знать? Не иначе, какъ въ кибитку. Жаръ въ избахъ, иногда крикъ ребятъ и раннее вставанье насъ заставили принять сіе средство, которымъ мы очень довольны. Спать намъ тутъ очень спокойно. Мы раздѣваемся нѣсколько, насъ закрываютъ кожею, и мы спимъ столь крѣпко, что не слышимъ, какъ насъ со двора свезутъ, и просыпаемся уже дорогою. Для сей причины извощики наши встаютъ иногда уже съ полуночи, и мы, ѣдучи потихоньку, переѣзжаемъ до-свѣту уже добрую упряжку. Въ свое время становимся опять на квартеру и повторяемъ ежедневно то же. Дорогою же, то-есть послѣ обѣда, съ товарищемъ своимъ мнѣ не скучно. Какъ книги отъ трясенія кибитки читать никакъ не можно, то занимаемся мы безпрестанно различными разговорами: говоримъ по-французски, поемъ отъ скуки иногда пѣсни и жуstаримъ все по-немногу накладенные по сторонамъ насъ въ мѣшечкахъ разные припасы, как-то: яблоки, орѣшки, крендели съ товарищи и прочее.

Мы часто очень разговариваемъ объ васъ и вспоминаемъ то-и-дѣло, говоря: что-то наши теперь въ Богородицке? можетъ быть, они объ насъ также теперь вспоминаютъ. Мы сообщаемъ другъ другу о томъ свои мысли, равно и о будущей своей жизни въ Петербурге . . .

Какъ отъ Нова-города пошла все почти мостовая каменная (и такая прекрасная, что я согласился бы лучше ѣхать по большимъ зимнимъ ухабамъ), а мѣстами и грязь, то поспѣшить было никакъ нельзя. Для сей причины выѣзжали мы съ квартеръ уже гораздо ранѣе. Дорогою же позабыть надобно было обо снѣ: истинно всю душу вытресло и такъ растресло, что всѣ косточки болѣли! Словомъ, дорога была уже такъ безпокойна, что я нетерпѣливо желалъ добраться скорѣй до мѣста и думалъ, что, пріѣхавъ сюда, долго не смогу тронуться своими костьми. Однако, какъ скоро доѣхали до мѣста, то и кости перестали болѣть.

(Записки Болотова, т. IV, ч. XXV, стр. 618—650.)

36. О русскихъ дорогахъ.

(По Пушкину.)

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію, здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.
Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодный,
Для виду прейсъ-курантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ;
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.
Зато зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ.

Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ, —
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ...

(Пушкин: «Евг. Онегин», гл. VII строфы 33—35.)

---

37. Первые дилижансы, СПБ.—Москва.

(1820 г.)

Въ этомъ году, заботясь и по заочности объ умноженіи просвѣщенія въ отечествѣ своемъ, графъ Воронцовъ переписывался съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Булгаковымъ, съ которымъ за границей сдѣлалъ связи, о томъ, чтобы намъ варварамъ показать, какъ между просвѣщенными народами люди путешествуютъ пріятнымъ и удобнымъ образомъ, однимъ словомъ, чтобы завести дилижансы. Для того предложил онъ небольшой капиталъ, а Булгаковъ увидѣлъ тутъ прибыль, а можетъ быть, и нѣкоторую славу. Составилось общество на паяхъ, и учредилось первое у насъ въ своемъ родѣ заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ, чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, французъ г. Дюпре-де-Сенъ-Моръ, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ; съ первымъ поѣздомъ, кажется, он одинъ-одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ; но и меня заохотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру [1]), что престарѣлая мать моя, собравшись съ послѣдними силами, еще въ августѣ пріѣхала въ Москву, но что, далѣе не въ состояніи будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательно было бы для свиданія съ ней отлучиться на 28 дней; онъ нашелъ, что никакое желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 декабря поѣхал по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Сидѣлъ я въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной; но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на-двое.

Лежать было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значила лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали нележанцами. Спутниковъ у меня было всего двое, старый нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, и я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Видѣлся я съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними.

Одна просвѣщенная часть влечетъ за собою другую: дилижансы ввели къ намъ понятія о равенствѣ; надобно надѣяться, что ѣзда по желѣзной дорогѣ еще болѣе разовьетъ ихъ. Что однакоже весьма напоминало мнѣ прежнюю Россію, это была услужливость и покорность проворнаго кондуктора изъ почтальоновъ. Со мною не было слуги, и онъ замѣнялъ мнѣ его, а на нѣмцевъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей, чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось, чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя, какой со временемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ длинный старикъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: «weiter kann ich nicht» [1]), с женою остался на станціи. А я, чуть разсвѣло лишь, въ Николинъ день, 6-го числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ, былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извощикъ, я сѣлъ къ нему въ сани съ помощью кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей...

(Записки Вигеля, т. III, ч. 6, с. 28.)

---

[1]) Начальнику своему.

[1]) Дальше я не могу...

38. Сообщеніе съ Крымомъ.

(Разсказъ Пирогова.)

(Ноябрь 1854)

... Дорога отъ Курска до Севастополя есть рядъ мученій для того, кто находится въ пріятномъ заблужденіи, что дороги назначены для уменьшенія пространства и времени въ житейскомъ сообщеніи. Я разсматриваю ихъ какъ особенный родъ сотрясенія, полезнаго для моихъ кишекъ, и потому отношу поѣздку въ Севастополь осенью и преимущественно въ военное время къ превосходной гимнастикѣ брюшныхъ внутренностей. Толчки, перегибы, перекаты и тьма другихъ тѣлодвиженій, конечно, не вовсе безъизвѣстныхъ жителямъ Гороховой и Вознесенской, встрѣчаются здѣсь въ такомъ мифологическомъ объемѣ, что, наконецъ, понятіе о ровномъ мѣстѣ начинаетъ дѣлаться чѣмъ-то въ родѣ мифа. Тарантасъ нашъ оказался образцомъ прочности, однакоже и онъ, благодаря усиліямъ ямщиковъ насъ опрокинуть, не устоялъ и, свалившись въ одну прекрасную ночь на-бокъ въ канаву, треснулъ ... —

(Проѣхавъ Харьковъ), мы думали долетѣть мигомъ до Севастополя, но не тутъ-то было. Если станціи и дороги между Курскомъ и Харьковомъ были плохи и мало способствовали къ продолженію пути, то между Харьковомъ и Екатеринославомъ онѣ сдѣлались чисто непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли. Трудно рѣшить, въ комъ болѣе должно искать причины: въ черноземѣ ли, расплывшемся отъ дождей въ какую-то клейкую жижу, или въ станціонныхъ смотрителяхъ, въ жидахъ-содержателяхъ станцій ... — Доходило до того, что мы, видя безполезность всѣхъ мѣръ кротости, вытащили изъ глубины тарантаса трость, пріобрѣвшую, по мѣсту ея происхожденія, названіе швейцарки, и начали ею валять встрѣчнаго и поперечнаго на станціи. Это травматическое пособіе оказало блестящій успѣхъ, такъ что на одной станціи въ Константиноградѣ мы своеручно вывели курьерскихъ лошадей изъ конюшни и отправились, не заплативъ прогоновъ и не записавъ въ книгу подорожной по весьма естественной причинѣ, что некому было ни записывать, ни получать деньги ...

Но все это еще было золото въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ ожидало въ самомъ Крыму; здѣсь, переѣхавъ въ Перекопѣ черезъ Днѣпръ, наше путешествіе началось съ того, что мы засѣли съ шестеркою лошадей въ грязь и просидѣли бы въ ней безъ сомнѣнія цѣлую ночь (выѣхавъ со станціи около 4 часовъ), если бы одинъ благодѣтельный хохолъ, ѣхавшій порожнемъ, не взмиловался надъ нами и не впрягъ пару воловъ; круторогіе дернули и вытянули разомъ и тарантасъ, и голодную шестерку ... — По мѣрѣ того, как мы приближались къ мѣсту, обратившему на себя вниманіе всей Европы, исчезало всякое различіе между обыкновенными и курьерскими лошадьми и, наконецъ, за Симферополемъ кончилось обидное неравенство ѣдущаго по своей надобности и фельдъегеремъ. Все ѣдущее впередъ и назадъ, наконецъ, остановилось на станціи въ Бахчисараѣ, и почтовая дорога сдѣлалась непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію Севастополя, такъ что 60 верстъ между двумя этими городами нужно было ѣхать цѣлые 2 сутокъ ...

(Севастопольскіе письма Пирогова, стр. 60—66.)

---

39. Проекты первых железных дорог в России.

Уже первые успешные попытки устройства за границей железных дорог, сначала с конной, потом и с паровой тягой, не могли, разумеется, оставаться в России безызвестными, но документальные сведения о возбуждении в России железнодорожного вопроса являются лишь с 1835 года, когда профессор Венского Политехнического Института, Франц Антон Риттер фон-Герстнер, первый концессионер на постройку в Австрии железноконной дороги, между Будвейсом и Маутгаузеном, прибыв в 1834 году для ознакомления с металлургическою деятельностью Уральских горных заводов и совершив путешествие по России, обратился 6-го января 1835 года к императору Николаю Павловичу с запиской, в которой, излагая пользу введения в России рельсовых путей сообщения, в особенности же между С.-Петербургом, Москвою, Нижним-Новгородом и Казанью, испрашивал высочайшее соизволение на предоставление ему привилегии для постройки в России, Царстве Польском и В. К. Финляндском железных дорог в те-

чение 20 лет. При этом он объяснил, что применение проектированных им путей может быть первоначально сделано на небольшом участке, с тем, чтобы приступить к сооружению дороги между С.-Петербургом и Москвою, уже когда практическая возможность введения железных дорог в России будет доказана.

Вышеупомянутую линию между С.-Петербургом и Казанью он предполагал затем соединить с Одессой или Таганрогом, указывая, что через это, при содействии пароходства по Волге и Каспийскому морю, будет вполне обеспечена азиатская торговля России и устранена конкуренция Англии.

Условия, которые испрашивал себе при этом Герстнер, могли бы показаться в настоящее время невероятными, если бы не подтверждались документами.

Достаточно для примера привести следующее: владельцу привилегии и его наследникам должно быть в течение 20 лет предоставлено исключительное право постройки железных дорог во всем Российском государстве; 2) необходимые для постройки железных дорог казенные земли должны быть уступлены бесплатно, частные же — по оценке, с добавкой 20%; 3) назначение тарифных ставок предоставляется владельцу привилегии, казенные же транспорты перевозятся за половинную плату; 4) дороги остаются собственностью владельца привилегии на вечные времена, а через 20 лет прекращается лишь исключительное право постройки; 5) владелец привилегии получает право строить гостиницы по обеим сторонам своих железных дорог, в расстоянии, однако, не далее одной версты, при чем необходимые для того казенные земли уступаются ему бесплатно, а за частные он рассчитывается, как выше сказано; 6) ближайшее определение направления железных дорог зависит от владельца привилегии; 7) привилегия может быть нарушена, если в течение 4 лет будет выстроено менее 100 верст дорог; срок этот, однако, подлежит продлению на 2 года, если не будет разрешен беспошлинный ввоз рельсов из-за границы.

Вслед за тем правительственная Комиссия 29 января представила свой рапорт, в котором, признав испрашиваемую Герстнером привилегию во многих отношениях неудобоприемлемой, вместе с тем высказала, что климатические условия России не могут служить препятствием к устройству дорог, ровная же, по большей части, поверхность страны благоприятствует этому. При этом Комиссия добавила, что от определения двигательной силы, паровой или лошадиной, зависит цель дороги, так как вследствие скорости движения тяжелых паровых машин, доходящей от 25 до 80 верст в час, их разрушительного влияния на железные полосы дороги, в особенности в точках их упора и соединения, дороги эти будут гораздо дороже, чем дороги с лошадиной тягой, и поэтому Комиссия полагала безошибочно допустить паровые двигатели для перевозки пассажиров, а для торговых путей сохранить лошадиную тягу.

Заседание Комитета по устройству жел. дорог в России состоялось 28 февраля 1835 г., под личным председательством государя, при чем его величеству угодно было предложить на разрешение Комитета два вопроса: 1) о пользе введения железных дорог и 2) об удобстве допущения предлагаемых Герстнером условий.

Полезность постройки железных дорог в России и исполнимость их в техническом отношении всеми членами Комитета были признаны единогласно, но в отношении финансовом осуществление проекта Герстнера сочтено представляющим значительные затруднения, в особенности при образовании необходимых на предприятие огромных капиталов, а потому государю угодно было, не разрешая в этом заседании принципиального вопроса о выдаче испрашиваемой Герстнером привилегии на постройку железных дорог, высочайше повелеть образовать особый Комитет, которому надлежало для подробного рассмотрения вопроса войти с Герстнером в личные объяснения и, по проверке их, представить на усмотрение его величества. Особый Комитет был образован в том заседании из графа Толя, графа Бенкендорфа и действ. тайн. сов. Сперанского, а делопроизводство было возложено на статс-секретаря барона Корфа.

В том же заседании было повелено послать немедленно надежного офицера Корпуса Путей Сообщения в Австрию для ознакомления на месте с условиями постройки железной дороги между Молдавою и Дунаем, а на министра финансов было возложено представление в Особый Ко-

митет сведений о выгодности этой дороги в отношении торговли и промышленности.

Из представленных графом Канкриным в Особый Комитет записок (в делах Особого Ком. их две, обе без числа и №), видно, что граф Канкрин полагал не распространять привилегию Герстнера о железных дорогах на чугунные дороги, уже существующие в России (какие это в то время существовавшие дороги — неизвестно) и не допускать ввоза иностранного железа в Россию, могущего гибельно отразиться на отечественном горнозаводстве, но, вместе с тем, находит, что не представлялось бы затруднений к разрешению привилегии на постройку железных дорог в России иностранцу Герстнеру, если бы на правительстве не лежало обязанности до известной степени убедиться в пользе разрешаемого предприятия, из опасения разрешения несбыточных привилегий, могущих вовлечь частных подданных в большие убытки. По его мнению, железные дороги обоснованы не на безусловных видах пользы, а имеют относительные достоинства. По количеству провозимых продуктов и вследствие низкой цены транспорта, нельзя ожидать выгод от устройства дороги до Москвы, так как количество привозимых в Петербург продуктов не превышает 9½ миллионов пудов в 1834 г. Цены за провоз от 60 коп. до 1 рубля, следовательно, при взимании заявленной Герстнером цены в 64 коп. с пуда, не только не из чего будет возвратить % на капитал, но недостанет средств на починки и на покрытие расходов по содержанию дороги [1]). Провоз громоздких товаров из Нижнего в Петербург признавался совершенно невозможным вследствие дороговизны доставки. Самая же постройка железной дороги, как находил министр финансов, отнимая заработки от извозного промысла, составляющего весьма важную поддержку для земледельцев, может повлечь за собой упадок государственных и частных доходов и вызвать большой ропот в народе. Если бы народ, наконец, отвык от извозного промысла, вследствие проведения железных дорог, то, в случае порчи железных дорог и затруднения движения, могло бы возникнуть затруднение и даже недостаток в продовольствии.

По мнению министра финансов, графа Канкрина следовало не только считать превышающею всякую действительную возможность мысль о покрытии России целой сетью железных дорог, но одно уже предположение сооружения железной дороги до Казани от Петербурга признать на несколько веков преждевременным. Правительство, разрешив привилегию Герстнеру, может вовлечь своих подданных в величайшие убытки.

Обращаясь к подробному разбору привилегии, граф Канкрин замечает, что паровая тяга ни в каком случае не может быть допущена на железных дорогах, так как, вследствие отсутствия в России каменного угля, названная тяга повлечет за собою истребление лесов. Для перевозки войск железные дороги представляются также неудовлетворительными, так как должны на этот предмет иметь огромное число повозок (вагонов), кои в обыкновенное время вовсе не нужны. Беспошлинный ввоз чугуна и рельсов повлечет выход из государства капиталов и, наконец, отчуждение земель под полотно дороги и разные постройки потребуют громадных затрат.

После личных и письменных переговоров и объяснений с Герстнером, Особый Комитет представил императору, 19 марта 1835 года, подробно мотивированную записку и свои соображения относительно испрашиваемой Герстнером привилегии, из каковой записки можно видеть, что от просителя было затребовано представление точных расчетов стоимости постройки, содержания подвижного состава, под коим Особым Комитетом, между прочим, была понимаема лошадиная тяга, как двигательная сила дороги, приблизительная прибыль на затраченный акционерами капитал и более точные данные относительно осуществимости самого предприятия, так как представленные им по этим вопросам цифровые данные, как ничем не подтвержденные, найдены были Особым Комитетом недостаточными.

---

[1]) В деле имеется справка о комиссариатских ценах за доставку разных продуктов из С.-Петербурга в Москву, а именно:

На обыкновенных подводах за пуд .... 1 р. 59 к.
На срочных .... 2 » 49 »

Там же по справочным ценам от извозчиков:

На обыкновенных зимних .... 1 р. 20 к
На летних .... 2 » 40 »

Там же по сведениям, данным почтовым департаментом, за перевозку почты и всякого рода посылок между Москвою и С.-Петербургом уплачено в 1834 г. до 220 тыс. руб.

На записке этой, всеподданнейше доложенной главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями, была положена того же числа следующая высочайшая резолюция: «Должно все сии замечания сообщить Герстнеру, чтобы представил на оные свои возражения или признался, что ошибся в своих расчетах».

Между тем Герстнер уже 9 марта вошел с новым ходатайством о разрешении ему учредить общество, с капиталом в 3 милл. рублей, для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села, Павловска и Колпина, в виде первого опыта постройки этого рода путей, дабы постройкой этой доказать полезность железной дороги для публики, акционеров и государства.

(Резолюция Николая I на записке Герстнера):

«Читал с большим вниманием и убежден, как и прежде был, в пользе сего дела: но не убежден в том, чтобы Герстнер нашел довольно капиталов, чтобы начать столь огромное предприятие. На сей предмет желаю от него объяснений письменных; потом, если нужно, призову к себе. Дорогу в Царское Село дозволяю, буде представит мне планы».

Здесь небезынтересно заметить, что в поданной в Комитет записке о выгодах железной дороги между Петербургом и Царским Селом, Герстнер объяснял, что пассажиры и грузы будут перевозимы в собственных дилижансах, повозках и паровых каретах. Так как дорога предназначается, главным образом, для пассажиров, то и сообщение будет производиться паровыми машинами, если число пассажиров будет превышать 50 человек; в противном случае пассажиры будут перевозимы на лошадях. Каждая паровая машина расстояние в 25½ верст должна проходить в 40 минут и может везти от 200 до 300 пассажиров; на лошадях переезд будет продолжаться в течение часа. Если пассажиры пожелают совершить переезд в собственной карете, то, по уплате установленной цены, карета будет ставиться на особый ход.

Такса за проезд определялась:

	До Царск. Села	До Павловска.
За место в карете 1 разряда.	2 р. 50 к.	3 р. — к.
За место в дилижансе	1 » 80 »	2 » 10 »
За место в простом открытом дилижансе для простого народа	— » 80 »	1 » — »

Из имеющихся на хранении в Архиве Государственного Совета материалов, собранных статс-секретарем бароном Корфом для биографии императора Николая I, усматривается, что 25 января 1842 г., по случаю решения вопроса о постройке означенной железной дороги, С.-Петербургский военный генерал-губернатор представлял императору депутацию, составленную из 16 почетных купцов [1]), избранных из среды торгующего сословия, для принесения его величеству всеподданнейшей благодарности за этот новый знак монаршего попечения о пользе и процветании коммерции.

Государь принял депутацию у себя в кабинете запросто и, выразив свою благодарность за внимание купечества к попечениям его в этом деле, сказал:

«Мне надо было бороться с предубеждением и с людьми, но когда сам я убедился, что дело полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу делали одно нарекание, что он на конце России и далек от центра империи: теперь это исчезнет; через железную дорогу Петербург будет в Москве и Москва в Кронштадте».

(Верховский. «Исторический очерк развития жел. дор. в России», стр. 21—59.)

---

40. Первая железная дорога в России. (ЦС.)

21-го марта 1836 г. государем было окончательно утверждено, по всеподданнейшему докладу графа Толя, положение об учреждении об-

---

[1]) Городской голова Жуков, барон Штиглиц, Кусов, Пономарев, Лиферовский, Мейснер, Сапожников, Харичков, Толь, Кириллов, Овсянников, Буторин, Попов, Борисовский, Полежаев и Жданов.

щества акционеров для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского Села, с продолжением до Павловска, при чем было удовлетворено и новое ходатайство учредителей о разрешении им, в случае надобности, увеличения суммы акционерного капитала, первоначально определенного в 3.000.000 руб. асс., еще на 500.000 руб., про причине вздорожания железа в Англии и возложенного на компанию обязательства построить еще один лишний мост чрез предполагавшийся новый, второй обводный канал.

Главнейшие условия этой первой в России железнодорожной концессии весьма характерны. Условия эти следующие:

1) Привилегия, т.-е. исключительное право компании на постройку железной дороги из С.-Петербурга в Павловск, чрез Царское Село, дается на 10 лет. Впоследствии, 17-го августа 1844 г., графом Бенкендорфом было объявлено правлению общества царскосельской железной дороги, что государь не имеет намерения устраивать когда-либо другую железную дорогу от С.-Петербурга до Царского Села. Это обещание было подтверждено императором Николаем Павловичем, 16-го ноября 1853 г., письменно, и, таким образом, десятилетняя привилегия компании обратилась в бессрочную.

2) Компании предоставляется право устроить по окружности города Царское Село другую, побочную железную дорогу, дабы каждый проезжающий мог сходить, где ему нужно. Правом этим общество царскосельской железной дороги не воспользовалось, и пассажиры выходят в Царском Селе из поезда только на одной станции.

3) Устроенная компаниею дорога остается ее собственностью и по истечении привилегии.

4) Компания, при устройстве железной дороги, пользуется всеми преимуществами казенных работ, при чем, при отчуждении частных земель, дабы не останавливать работ, компании дозволено было приступать к работам, не ожидая окончания оценки, по взносе лишь в подлежащее присутственное место суммы наличных денег, равной цене, платимой за подобные участки в окрестностях. Право отчуждения предоставлено компании не только под железнодорожную полосу, но, на протяжении от Обводного канала до Царского Села (за исключением артиллерийского поля), и на 100 саженей в обе стороны от железной дороги.

5) Компании предоставляется выписать из-за границы беспошлинно: паровые экипажи, вагоны и прочие машины, нужные для железных дорог, а также и иностранное железо, в количестве, потребном для сооружения дороги, — но железо в том лишь случае, если русские заводчики откажутся поставить этот материал в потребной доброте и форме и в определенные сроки, по ценам не свыше, как на 15% более дорогим, чем цены иностранного железа с поставкою в С.-Петербург.

6) Железная дорога, при ее устройстве и в продолжение действия привилегии, не подвергается никаким казенным сборам или налогам.

7) Компании дозволяется устроить в Царском Селе гостиницу для приезжающих, а также возвести по жел. дор. в павловском парке некоторые строения для пристанища и удовольствия публики, с тем, чтобы планы, образ построек и выбор мест представлены были предварительно на утверждение великого князя Михаила Павловича, и чтобы место, на коем строение будет возведено, не считалось собственностью компании; и

8) Установление платы за проезд и провоз по железной дороге предоставляется усмотрению четырех учредителей, а впоследствии директоров компании, так как «проезд по обыкновенному шоссе остается по-прежнему совершенно свободным».

Обязательства компании состояли: а) в постройке дороги в течение двухлетнего срока, по точно указанному направлению, а именно на последних 24-х верстах по прямой линии на храм Аполлона в павловском парке, с окончанием дороги, однакоже, не у этого храма, а не доходя пруда; б) в постройке собственным иждивением компании железнодорожного моста чрез второй обводный канал, если впоследствии таковой канал будет построен, и в) в принятии на счет компании всех издержек как по перенесению находившихся на Волковом поле: батарей, ракетного заведения и прочих строений, на место, указанное компании, так и по осушению и планировке присоединяемого к артиллерийскому полю места, в 370½ десятин, и по устройству земляных насыпей.

К этим обязательствам, по повелению государя, добавлены были еще два требования: одно — о снабжении паровых экипажей колокольчиками или другими предвещательными знаками, для ограждения публики в аллеях павловского парка и, вообще, в ночное время, и другое — о недопущении приезжающим по железной дороге в Петербург выхода из экипажей на части дороги между городскою заставою и конторою, где будут осматриваться их виды...

Движение по дороге производилось весьма исправно, несмотря на погоду, но до 4-го апреля 1838 г. поезда отправлялись то с паровозами, то с конною тягою, смотря по количеству пассажиров. Начиная с 4-го апреля 1838 г. поезда с паровозами стали ходить до Царского Села ежедневно, и в течение 27 дней апреля месяца дорога провезла 13.293 пассажира и выручила за эту перевозку 26.058 р. ассигн., т.-е., в среднем, около 1.000 р. асс. в день. До Павловска, на всем протяжении 25 верст, дорога была открыта 22-го мая того же года.

К концу 1838 г., т.-е. в течение 9 месяцев, перевезено было по царскосельской железной дороге более 500.000 пассажиров и выручено было за их перевозку около 770.000 р. ассигн. В летнее время движение производилось от 7 ч. утра до 11 ч. вечера, при чем отправлялось ежедневно по 8 поездов с каждого конца дороги. Пассажиры перевозились не только в железнодорожных омнибусах, но и в собственных экипажах, которые устанавливались в поезде на открытые платформы. За отсутствием телеграфа, устроенного лишь в 1856 г., отправление поездов по царскосельской железной дороге регулировалось исключительно временем.

С открытием движения по дороге до Павловска начались увеселения в павловском вокзале: ежедневно играл оркестр музыки Германа, по временам пели цыгане и пускались фейерверки...

В царствование императора Николая Павловича царскосельская железная дорога (в период времени с 1838 по 1854 г. включительно) перевозила ежегодно от 508 до 848 тысяч пассажиров, выручая при этом от 216½ до 299 тысяч рублей валового сбора, в том числе от 2 до 11 тысяч рублей за перевозку клади и тяжестей. Чистая прибыль дороги составляла от 74½ до 146½ тысяч рублей. В числе ежегодно расходовавшихся от 106 до 182 тысяч рублей, от 20 до 22 тысяч рублей тратились, при императоре Николае, на увеселение публики...

(«Вестник Европы», 1899 г., март, из ст. инж. Салова, стр. 237—243.)

---

41. Из записки русских инженеров о значении железных дорог.

(По Салову.)

В 1840 году в первый раз появились в нашей технической литературе обстоятельные сведения об относительных выгодах различных родов путей сообщения, изложенные в введении к отчету молодых инженеров, подполковника Мельникова и капитана Кербедза, командированных в 1837—38 г.г. за границу, для ознакомления в Германии, Бельгии, Швейцарии, Франции и Англии с наиболее замечательными по инженерной части работами, в том числе и с железными дорогами.

Соображения по вопросу об относительных выгодах различных родов путей сообщения, высказанные Мельниковым и Кербедзом более полустолетия тому назад, настолько важны для истории развития наших путей сообщения, что мы позволяем себе сделать здесь выписки целых страниц из интересного введения к отчету этих инженеров.

«До начала текущего столетия, — говорят авторы отчета, — назначение внутренних сообщений государств не имело ничего неопределительного: натуральные водяные пути, определяемые течением рек, и каналы, служащие или для соединения бассейнов рек, или для обхода несудоходных их частей, назначались исключительно для медленной перевозки грузных предметов торговли; обыкновенные же дороги и экипажи, запряженные лошадьми, были единственным способом переездов путешественников; но, с изобретением паровой машины, составляющим одну из важнейших эпох в истории народов, открываются новые способы сообщений и значительно изменяется назначение прежних путей: являются железные дороги с

их локомотивами; на реках и каналах учреждаются пароходы, которые в быстрых переездах удовлетворяют самым прихотливым требованиям путешественников; вводится новый способ путешествия по каналам в ускоренных лодках и, наконец, в последнее время делают опыты для замены лошадей паровыми машинами в разъездах по простым дорогам [1]) и даже каналам.

Далее, составители отчета, сравнивая между собою пути сообщения из Англии и Бельгии, указывают, что в Англии к постройке железных дорог было приступлено в то время, когда каналы были уже там построены и дороги обыкновенные были доведены до высокой степени совершенства; поэтому постройкою железных дорог стремились в Англии достигнуть главным образом, увеличения скорости передвижения и сокращения расстояний до крайнего предела, несмотря на колоссальные работы вызывавшиеся прямолинейным начертанием дорог. Если к этим условиям присоединить еще и неопытность в сооружении рельсовых путей, то легко объясняется крайне дорогая поверстная цена английских железных дорог (доходившая в то время до 490 тысяч рублей ассигн.), что в свою очередь, отразилось на высоких тарифах перевозки по этим дорогам.

В Бельгии, наоборот, железные дороги учреждены были при весьма выгодных обстоятельствах и притом за цену, в четыре раза меньшую, чем стоили английские дороги. Кроме того, в Бельгии железные дороги принадлежат правительству, которое, не преследуя в деле пользования этими путями коммерческих целей, назначило цены перевозки значительно пониженные, сравнительно с английскими ценами. Во Франции, по мнению составителей отчета, железнодорожные сообщения представляют также во многих отношениях значительные выгоды, сравнительно с существующими там водными сообщениями, которые обошлись очень дорого и требуют значительных сборов для погашения затраченных на них капиталов.

Как видно из введения в отчет, в 1838 году в Англии было 657 верст совершенно оконченных железных дорог, в Бельгии — 130 верст и во Франции — 181 верста, но на французских железных дорогах, не более, как на одной четверти их протяжения, применялись, в качестве двигателя, подвижные паровые машины (локомотивы).

Проехав по всем железным дорогам Англии, Франции и Бельгии, сделав несколько поездок по рекам и каналам и, наконец, проследовав на большом пространстве по обыкновенным дорогам и собрав, при всех этих поездках, множество данных, необходимых для выяснения назначения и относительных достоинств различных систем внутренних сообщений, инженеры Мельников и Кербедз пришли по этому вопросу к следующему заключению:

«Железные дороги представляют преимущество скорости, которое дает им высокое назначение в системе внутренних сообщений государств. Государство, имеющее полную систему железных дорог, допускающих, например, скорость, в четыре раза большую скорости обыкновенной почтовой езды, может быть рассматриваемо, в отношении администрации и взаимных сношений, как бы сосредоточенным на пространстве, в 16 раз меньшем. Такое сближение пределов государства представляет слишком большие выгоды, чтобы рано или поздно ими не воспользовались. Несмотря на это, нельзя не допустить, чтобы повсеместное введение железных дорог могло совершенно вытеснить системы водяных сообщений, и эти последние всегда останутся выгоднейшими линиями сообщений для перевозки грузных предметов торговли, несмотря на их недостатки, зависящие от меньшей скорости, от большей длины пути, от прекращения сообщений в течение месяцев зимы и т. п.».

Затем, в конце введения в отчет приведены следующие рассуждения:

«Кто отвергнет ту пользу, которую промышленность и просвещение приобрели от усовершенствований внутренних сообщений, принесенных текущим столетием? Расстояния, так сказать, исчезли пред скоростью локомотивов и пароходов; деятельность движения в некоторых местах увеличилась в 6, 8 и более раз. Манчестер сделался как бы предместьем Ливерпуля, и колоссальная промышленность первого питается обширною торговлею второго. Расстоя-

[1]) Из этого видно, что модный в настоящее время вопрос об автомобилях был затронут еще 60 лет тому назад. В журнале путей сообщения тридцатых годов помещены были несколько статей относительно этих машин.

ние между городами Бельгии до того сблизилось, что из Антверпена едут провести один день в Люттих и в тот же день возвращаются в Антверпен, между тем как в этой прогулке путешественник проезжает от одного конца государства до другого.

«В этих результатах нельзя видеть одно увеличение удобств общественной жизни; нельзя полагать, например, чтобы в Англии, где так дорожат временем, чрезвычайное увеличение движения на железных дорогах и каналах побуждалось одними причинами удовольствия; напротив того, эта деятельность движения есть плод возрастающих промышленности и торговли, которые, в свою очередь, питаются удобствами взаимных сношений людей и сбережением времени...»

Как видно из всего изложенного выше, составители отчета относились в то время еще недоверчиво к роли железных дорог, как путей для перевозки массовых грузов. Могли ли они в то время предвидеть, что чрез 60 лет в нашем отечестве массовыми грузами будет совершаться по железным дорогам свыше 700 миллиардов пудоверст в год и что будут такие дороги, как, например, екатерининская, которая одного каменного угля перевозит ежегодно свыше 200 миллионов пудов...

(«Вестник Европы», 1899 г., стр. 257—260.)

---

42. Мысль русского крестьянина-извозчика о чугунных дорогах и пароходных экипажах между С.-Петербургом и Москвою.

Дошли до нас слухи, что некоторые наши богатые господа, прельстясь заморскими затеями, хотят завести между Питером, Москвою и Нижним чугунные колеи, по которым будут ходить экипажи, двигаемые невидимою силою, помощию паров.

Мы, люди темные, неученые; но, проживши полвека, бог привел измерить всю родную землю, быть не раз в Неметчине, на ярмарке в Липовце и довольно наглядеться иноземного, да наслушаться чужих толков. Затеваемое на Руси неслыханное дело за сердце взяло; хочу с проста-ума молвить, авось люди умные послушают моих мужицких речей.

Начну хоть с того, что не все заморское нам хорошо и пригодно. В самой Аглии, как слышно, не все затеи по нутру народу. Говорят, что с тех пор, как завелось там на фабриках чересчур уж много машин, рабочие люди лишились дневного пропитания и так разрослась бедность, что приходы принуждены собирать деньги для прокормления нищих. Не дай бог нам дожить до этого! — Пока господь бережет нас и царь милует, есть у нас руки и кони, так не пойдем под окны напевать заунывные песенки.

За морем люди, слышь, денежные, торговые, промышленные: они друг перед другом так и рвутся, как бы дешевле и скорее сработать, да поспешнее сбыть свои изделия иноземцам. Хлопочут все сердечные, как бы чужие-то земли завалить своими товарами и отбить охоту заводить там фабрики. Аглия, сказывают, менее нашей Вологодской губернии, а народу-то в ней миллионов двадцать, из которых пахарей третья только доля; остальные все торговый и промышленный люд. То-то приволье там пахарю: знай денежки считай за проданный хлебец. К тому же, запрет на ввоз иноземного хлеба; тут уж, как говорят, что кус, то рубль. А что выпивается у них пива, так наш брат безграмотный и не сочтет! — На пиво потребны ячмень и пшеница. В Аглии пахарю нет нужды в извозе.

У нас же 40 миллионов обоего пола — в поте лица роются летом в земле, которую не смерить глазом в пять лет, а зимою мужской пол развозит свои сельские произведения. Сколько тысяч круглый год промышляют извозом насущный хлеб, знаете ли? Вся дорога от Питера до Москвы и важная часть городов России наполнены ямскими слободами. Гляньте-ко, какою вереницею обозы, как змея, тянутся меж Питером и Москвою, особенно к Нижнему летом на ярмарку. С тех пор, как любовью к нам нашего отца-государя окончена дорога между столицами, мы свет божий взвидели. Вот ежели бы и до Нижнего, да и до других важных мест постлали такую же скатерть, то-то любо было бы: перекрестясь у заставы в Белокаменной, лег бы на воз, а в Нижнем проснулся.

Ну как, чего упаси боже, устроют заморские колеи и зашипят на них ходячие самовары, какая будет польза от того? — Говорят: скорее и дешевле будет перевоз. Да кто воспользуется этими выгодами? — Вестимо, богатые и достаточные люди. Для них нужны фабричные изделия и заморские товары. Куда же мы, бедные люди, тогда денемся, за что возьмемся? — На чем добудем подати и оброк? — Кому будут сбываться степных заводов лошади? — Куда распродастся избыток Украинского овса? — Кто потребит силу пшеничных калачей и хлебного вина, которые теперь расходятся на постоялых дворах? — Кто... э! мало ли еще чего? По моему мужицкому разуму, так, ей-ей, кажется, что ежели совершится упоминаемая заморская затея, то весь русский свет перевернется. Сдается, однакоже, что этому не бывать. Русские выюги сами не потерпят иноземных хитростей, занесут матушки снегом колеи, в шутку, пожалуй, заморозят пары. Да и где взять такую тьму топлива, чтобы вечно не угасал огонь под ходунами-самоварами? — Али тратить еще деньги на покупку заморского угля для того, чтобы отнять насущный хлеб у православных. Стыдно — и грешно! А тут-то, может быть, и штука. Господа богатые да умные, поразмыслим; — коли вам наскучили деньги, употребите их на такое дело, чтобы вам было прибыльно и пароду любо: мало ли что можно придумать. Такое предприятие бог благословит и милосердный наш государь дозволит.

Кланяемся. Русский—крестьянин извозчик.

1835 года, марта 25 дня.

С большой дороги.

(«Журнал общеполезных сведений», 1835 г., № 18, стр. 177—178.)

43. Царско-сельская желѣзная дорога.

Царско-сельская желѣзная дорога открыта для движенія въ 1837 г. и является, такимъ образомъ, первой желѣзной дорогой въ Россіи. Поѣзда по ней ходили еще съ осени 1836 г., но только отъ Царскаго Села до Павловска, и, за неприбытіемъ изъ Англіи паровозовъ, тяга была конная.

Положеніе объ учрежденіи общества акціонеровъ для сооруженія дороги было высочайше утверждено 21 марта 1836 г. Учредителями, церемоніймейстеромъ гр. Алексѣемъ Бобринскимъ, негоціантами Бенедиктомъ Крамеромъ, Иваномъ Конрадомъ Плитомъ и австрійскимъ дворяниномъ Герстнеромъ былъ собранъ капиталъ въ 3 милл. р. При утвержденіи положенія учредители обязались подпиской имѣть на «паровыхъ экипажахъ» колокольчики или другіе «предвѣщательные» знаки и не допускать пріѣзжающихъ въ С.-Петербургъ по желѣзной дорогѣ выходить изъ экипажей на разстояніи между заставой, въ которую они въѣдутъ, и конторою, гдѣ будутъ осматривать ихъ виды. 5 сентября 1838 г., въ 11 часовъ ночи, поѣздъ раздавилъ крестьянина Петрова, вслѣдствіе чего состоялось высочайшее повѣленіе не дозволять паровозамъ ѣздить позднѣе 9 часовъ вечера.

Торжественное открытіе дороги, въ присутствіи всѣхъ министровъ и дипломатическаго корпуса, состоялось 30 октября 1837 г. Первымъ поѣздомъ управлялъ самъ Герстнеръ. Плата за проѣздъ въ первые годы была до Царскаго Села 2 р. 50 к. ассигнаціями въ каретѣ 1-го рода, 1 р. 80 к. — въ дилижансѣ и 80 к. — въ простомъ открытомъ дилижансѣ «для простого народа», соотвѣтственно нынѣшнимъ раздѣленіямъ вагоновъ по классамъ.

Извѣстенъ разсказъ о том, как имп. Николай Павловичъ первый разъ проѣхалъ по новой желѣзной дорогѣ: государь приказалъ поставить на платформу свой экипажъ, сѣлъ въ него и проѣхалъ изъ Царскаго въ Павловскъ. Впослѣдствіи императоръ ѣздилъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ въ отдѣльномъ купэ 1 класса.

Сохранилось довольно любопытное описаніе движенія поѣздовъ въ первые годы открытія дороги отъ Царскаго до Павловска, сдѣланное Бурьяновымъ (авторомъ книжки о Петербургѣ):

«Теперь отправимся къ прекрасному павильону, построенному у выѣзда изъ Царскаго Села въ Павловскъ; онъ деревянный, щегольской архитектуры, окруженъ клумбами благоухающихъ цвѣтовъ и эспланадами, покрытыми краснымъ пескомъ. Здѣсь можно найти обширныя залы для прогулки, вкусный обѣдъ, блестящее пріятное общество. Для чего тутъ собралась публика? — Для того, чтобы ѣхать по «желѣзной» дорогѣ въ Павловскъ, въ эки-

пажахъ, движимыхъ паровой машиной или «паровозомъ», какъ называетъ эту машину писатель нашъ Н. И. Гречъ, наименовавшій судно, движимое на водѣ силою паровъ, «пароходомъ», которому это названіе сохранилось...

«Въ Англіи, Америкѣ, Франціи, отчасти въ Австріи нынѣ устроены желѣзныя дороги, которыя, какъ и здѣсь, состоятъ изъ насыпи, покрытой поперечными бревнами; на нихъ лежатъ чрезвычайно длинныя желѣзныя колеи съ уступами для колесъ экипажей, въ которыхъ ѣздятъ путешественники. У насъ въ 1836 г. г. Герстнеръ, австрійскій дворянинъ, устроилъ отличную желѣзную дорогу между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ и между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ. Со временемъ Москва соединится съ Петербургомъ также посредствомъ желѣзной дороги.

«Вотъ идетъ «паровозъ» съ трубой, изъ которой валитъ дымъ; машина тащитъ за собой нѣсколько повозокъ, въ которыхъ помѣщается болѣе 300 человѣкъ; сила равна силѣ 40 лошадей; въ одинъ часъ она пробѣгаетъ пространство въ 30 верстъ. Отъ Царскаго до Павловска 5 верстъ пробѣгаетъ ровно въ 7½ минутъ. Къ машинѣ придѣлана труба другого рода, въ нее, въ продолженіе пути, кондукторъ трубитъ, остерегая зрителей. Длинная вереница экипажей прилажена къ паровозу: вотъ огромный дилижансъ, вотъ берлины, шарабаны, широкія крытыя повозки съ 6 рядами скамеекъ, на 5 человѣкъ каждая; вагоны, повозки открытыя для помѣщенія такого же числа пассажировъ; вотъ огромныя фуры и телѣги для разной клади; вотъ рядъ роспусковъ для перевозки животныхъ, какъ-то: лошадей, коровъ, овецъ, телятъ и птицъ домашнихъ; вотъ чаны для разныхъ жидкостей, буфеты для съѣстныхъ припасовъ. Сядемъ въ одинъ изъ экипажей. Знакъ поданъ. Музыка заиграла, дымъ повалилъ изъ чугунной трубы паровоза; деревянные дома, рѣчка промелькнули и убѣжали назадъ... Часовая стрѣлка едва успѣла пройти 7½ минутъ, и мы въ Павловскѣ. Посмотрите на колеса нашихъ экипажей: средняя часть или внутренность состоитъ изъ чугуна, а наружность выкована изъ желѣза, чтобы они при быстрой ѣздѣ не лопнули».

(«Царское Село», изд. Ц. С. дворцового управленія, стр. 39—42.)

44. Николаевская желѣзная дорога.

(По восп. инж. А. Штукенберга.)

1.

Послѣ осмотра дороги (гр. Клейнмихелемъ), началось правильное паровозное движеніе поѣздовъ по опытному пути между Вышнимъ Волочкомъ и Тверью, на протяженіи 112 верстъ...

При первомъ проѣздѣ на парахъ по рельсамъ изъ Вышняго Волочка въ Тверь, на Вышневолоцкой станціи собралось много народу, и Крафтъ [1]) думалъ сперва проѣхать недалеко, и при этомъ многіе изъ зрителей, все болѣе вышневолоцкіе мѣщане, просили позволенія прокатиться по «чугункѣ», какъ тогда называли въ народѣ желѣзную дорогу. Для этого была прицѣплена особая платформа, и она мигомъ наполнилась любопытными. Инженеры стали на паровозѣ и тендерѣ, при чемъ для насъ [2]) была въ запасѣ другая платформа. Все составляло короткій поѣздъ. Наконецъ паровозъ просвисталъ сигналы, регуляторъ открылся и шипящіе клубы пара прекратились, а взамѣнъ ихъ повалилъ дымъ изъ трубы паровоза и поѣздъ полетѣлъ, шипя и стуча. Народу представилось дотолѣ невиданное зрѣлище, и впечатлѣніе было невыразимо сильно. Всѣ мѣста по дорогѣ, гдѣ такъ много было положено трудовъ и физическихъ, и умственныхъ, гдѣ каждый шагъ былъ запечатлѣнъ въ памяти какимъ-нибудь случаемъ, не всегда сладкимъ— скользили мимо, уходя какъ бы въ забвеніе, и мы летѣли все быстрѣе и быстрѣе, увѣренные, что рельсы лежатъ твердо и ровно на мѣстѣ и мосты благонадежны.

Случайные спутники изъ простого народа толковали, «что вотъ бѣсовскую силу зачурали въ котлѣ, такъ что нѣтъ ей выходу, чтобъ выскочить вонъ, и поневолѣ она работаетъ». Вѣсть объ этомъ первомъ поѣздѣ заранѣе разошлась въ народѣ, и всюду встрѣчали мы по сторонамъ и на станціяхъ и въ поляхъ около селеній толпы зѣвакъ. Проѣзжая мимо деревни Перелѣсовой, недалеко отъ Вышняго Волочка, на полѣ у дороги стояли три старыхъ бабы, махали руками и неистово кричали и кривлялись, отплясывая дикую пляску... Это, какъ объяснили наши народные спутники, зна-

---

[1]) Ген.-майор, начальник части пути.
[2]) Строителей.

чило, что онѣ отплясываютъ бѣса, сидящаго въ паровозѣ, чтобы его напугать и прогнать изъ своихъ родимыхъ мѣстъ; онѣ напоминали Макбетовскихъ вѣдьмъ, пляшущихъ предъ котломъ. Бабы эти, дѣйствительно, были бы въ состояніи прогнать чорта, если бы онъ тутъ появился.

Даже собаки близ деревень, привычныя облаивать проѣзжихъ, забѣгали впередъ передъ паровозомъ и лаяли на него, какъ лаютъ на лошадей, не понимая быстроту его бѣга, и бѣдныя попадали подъ колеса или отбрасывались въ сторону буферными брусьями и щетками паровоза.

На каждой станціи поѣздъ останавливался и тендеръ наполняли пищею для паровоза: водою и дровами; все дѣйствовало исправно, и Крафтъ приказывалъ ѣхать все далѣе и далѣе; наконецъ, съ замираніемъ сердца, мы переѣхали по большимъ мостамъ чрезъ Тверцу и Волгу; тутъ Крафту совѣтовали сойти съ поѣзда предъ ними и пройти мосты пѣшкомъ, такъ какъ формальнаго испытанія нагрузкою имъ не дѣлалось, и пустить паровозъ съ однимъ машинистомъ; но благородный Николай Осиповичъ разсердился на такое предложеніе и не сходилъ съ тендера; когда мы катились чрезъ мостъ надъ широкою Волгою, лицо его было одушевлено такъ, какъ я никогда не видалъ, при его всегдашнемъ угрюмомъ выраженіи . . .

2.

Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ былъ торжественный проѣздъ, по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, до открытія движенія для публики, — всей императорской фамиліи: царя съ царицей, великихъ князей съ супругами и съ внуками, словомъ, трехъ поколѣній Романовскаго царствующаго дома.

Все предусматривалось для этого и отдѣлывалось. Я ожидалъ царскій поѣздъ на Вышневолоцкой станціи. Вотъ подошелъ, наконецъ, къ станціонной платформѣ царскій поѣздъ, въ которомъ императорская чета и главные члены фамиліи помѣщались въ особомъ большомъ вагонѣ, длиною 12 саж., голубого цвѣта (тогда какъ другіе пассажирскіе вагоны — зеленые, имѣли длину 8 саж.). Это былъ цѣлый уютный и роскошно отдѣланный перекатный домъ. Когда императоръ Николай Павловичъ и за нимъ другіе вышли на платформу, толпа народа привѣтствовала ихъ громкимъ ура! Царь, высокій, видный, былъ очень веселъ и всѣ предъ нимъ стушевались, и около него суетился графъ Клейнмихель, потерявшій всю свою важность и навострившій все свое вниманіе на то, куда смотритъ царь, который держалъ себя просто и былъ особенно разговорчивъ. Подойдя къ локомотиву, царь обратился къ народу и сказалъ: «вотъ какую я себѣ нажилъ лошадку!», потомъ, взявъ за плечи великаго князя Николая Александровича, тогда еще мальчика, поднялъ его и, поставя на тумбу, передъ людьми, окружавшими платформу къ сторонѣ города, сказалъ къ народу: «вотъ вамъ мой старшій внукъ!», раздалось опять громогласное «ура!» и шапки полетѣли къ верху. Потомъ всѣ усѣлись въ поѣздъ и онъ покатилъ далѣе. Въ Спировѣ императоръ вышелъ и въ сопровожденіи свиты осматривалъ станцію, обративъ особенное вниманіе на локомотивное зданіе, которое представляло колоссальную ротонду 30 саж. въ діаметрѣ, съ высокимъ желѣзнымъ куполомъ, въ діаметрѣ 15 саж., и, кромѣ спеціальнаго назначенія, имѣло весьма изящную архитектурную форму, при чемъ всѣ различныя трубы, на крышѣ около купола, были расположены стройно и придавали ему оригинальность. Царь, остановясь на платформѣ пассажирскаго дома и указывая на это локомотивное зданіе, воскликнулъ по французски: «C'est un Panteon! C'est un Temple!» («это пантеонъ, это храмъ!»). — Клейнмихель былъ очень обрадованъ такимъ отзывомъ царя и мнѣ привѣтно улыбался.

Въ этотъ проѣздъ императоръ приказывалъ останавливать свой поѣздъ при всѣхъ большихъ мостахъ. Тутъ, оставляя дамъ въ вагонѣ, — онъ сходилъ на землю со свитой и осматривалъ сооруженія, спускаясь внизъ къ рѣкѣ, при чемъ поѣздъ проходилъ чрезъ мостъ, а онъ любовался величественнымъ зрѣлищемъ прохода высоко надъ рѣкою гордо катящагося поѣзда, въ которомъ была его дорогая семья, и выражалъ свое удивленіе; такъ, сойдя къ мосту близ Твери, черезъ Тверцу, онъ сказалъ, обращаясь къ инженерамъ: «честь вамъ и слава», и пожаловалъ орденъ св. Владиміра 4-й степени строителю моста, инженеру Кольману.

Какъ я узналъ послѣ, при осмотрѣ царемъ въ этотъ проѣздъ знаменитаго, по вышинѣ и

конструкціи, Веребьинскаго моста, случился эпизодъ, который привожу. Здѣсь также царь Николай Павловичъ останавливался и выходилъ на землю со всей свитою и, несмотря на громадную вышину (24 саж. надъ рѣкою), спускался внизъ, по крутымъ откосамъ и узкимъ тропинкам, къ самой рѣкѣ. Удаляясь отъ моста, далъ, между тѣмъ, повелѣніе, что когда онъ совсѣмъ спустится и снизу махнетъ платкомъ, такъ какъ голосъ по отдаленности не былъ бы услышанъ, чтобы поѣздъ тогда тронулся и прошелъ чрезъ мостъ. При чемъ императрица съ фамиліей и свитою оставалась въ поѣздѣ и всѣ, обратясь къ окнам вагона, глазами слѣдовали за царемъ, какъ онъ пробирался по крутизнѣ ко дну оврага Веребьи и пестрые мундиры слѣдовали вереницею за нимъ. Наконецъ всѣ были внизу и при такой вышинѣ казались дѣтьми. Въ самомъ низу долины, императоръ, чтобы объять все лучше глазами, отошелъ отъ моста, а за нимъ свита, и, взглянувъ наверхъ, гдѣ предъ мостомъ стоялъ поѣздъ, — махнулъ платкомъ и сталъ пристально смотрѣть, какъ пойдетъ поѣздъ чрезъ мостъ; но, къ его удивленію, поѣздъ было двинулся впередъ, но, когда паровозъ прошелъ уже устой моста, то остановился и видно было по клубамъ дыма, что машина работаетъ, не трогаясь впередъ,—даже былъ слышенъ стукъ колесъ; остановился же поѣздъ предъ самымъ пролетомъ надъ рѣкою, какъ бы изъ боязни пройти надъ самою водою; императоръ въ нетерпѣніи махалъ платкомъ и рукою и всѣ дѣлали то же, особенно графъ Клейнмихель, но поѣздъ оставался, какъ вкопанный, на мѣстѣ. Клейнмихель былъ внѣ себя и сталъ взбираться по откосу наверхъ къ непослушному поѣзду. Вотъ что случилось.

Вожаками на тендерѣ при паровозѣ были: самъ Уайнесъ и оберъ-машинистъ дороги — Бартнеръ, лучшіе знатоки дѣла, и когда они увидѣли, что императоръ, изъ глубины долины у моста, далъ условленный сигналъ и махнулъ рукою, разсыпавъ по воздуху свой большой бѣлый платокъ, — дали локомотиву ходъ; но онъ, пройдя, какъ уже сказано, только на длину устоя моста, пересталъ двигаться впередъ, хотя колеса вертѣлись на мѣстѣ, стуча и дрожа, или, какъ говорятъ, боксовали; усилили давленіе пара, думая, что такъ какъ поѣздъ тяжелъ, то ему трудно двинуться съ мѣста, но ничто не помогало, — былъ слышенъ только стукъ колесъ и сыпались вопросы: «что это значитъ?». Императрица, замѣтя это, также встревожилась и посылала узнавать, отчего они остановились? Тогда Уайнесъ, испугавшись, соскочилъ съ тендера, чтобы осмотрѣть рельсы и узнать, въ чемъ задержка. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что рельсы на самомъ мосту были выкрашены масляной черной краской, которая не была засохши, и скользкое масло на рельсахъ уничтожало всякое сцѣпленіе или треніе съ колесами, которыя, скользя, вертѣлись на мѣстѣ, не двигая впередъ поѣзда.

Выразивъ удивленіе, Уайнесъ тотчасъ нашелся что сдѣлать, чтобы помочь въ бѣдѣ; онъ приказалъ достать изъ топки паровоза золы и еще песку и посыпалъ по рельсамъ, — рабочіе были подъ рукою, и когда это исполнили и окраска рельсовъ была посыпана золою и пескомъ, что нельзя такъ быстро исполнить при длинѣ моста въ 150 саженъ, то поѣздъ благополучно прослѣдовалъ чрезъ мостъ, и царь все стоялъ внизу и смотрѣлъ.

Можно себѣ представить, какою бранью разсыпался графъ Петръ Андреевичъ на дорожнаго мастера, который это сдѣлалъ безъ спросу инженера, желая отличиться, такъ какъ рельсы были очень заржавѣвши, и при отличной отдѣлкѣ и новизнѣ во всемъ остальномъ, — портили на мосту видъ.

Веребьинскій мостъ изображенъ на одномъ барельефѣ съ лѣвой стороны памятника императору Николаю I-му, что въ Петербургѣ, на Маріинской площади, именно въ тотъ моментъ, когда императоръ осматриваетъ мостъ, сойдя къ рѣкѣ, и около него графъ Клейнмихель, строитель моста и другіе.

3.

Наконецъ 1-го ноября 1851 года было открыто правильное движеніе поѣздовъ по желѣзной дорогѣ для публики, отъ Петербурга до Москвы.

Живо помню я этотъ день, когда многосложная машина пошла въ правильный ходъ; а главное — первая ночь послѣ этого дня, темная, осенняя ночь, когда зги не было видно; но поѣзды приходили и отходили отъ Бологовской станціи, какъ бы тонули во мракѣ. Паровозы двигались взадъ и впередъ по путямъ станцій,

раздражая съ непривычки нервы своимъ стукомъ, шумомъ и свистомъ.

Движеніе развивалось и проходило много поѣздовъ съ пассажирами и грузами. Бологовская станція, гдѣ я служилъ, какъ приведено уже выше, находится на срединѣ между столицъ, и потому здѣсь поѣзды сходились вмѣстѣ: одинъ съ права, другой съ лѣва и залы наполнялись народомъ, особенно при пассажирскихъ поѣздахъ, что было около 10 часовъ вечера; за то чрезъ полчаса по уходѣ ихъ залы дѣлались мигомъ пусты и все погружалось во мракъ и молчаніе; такъ что станція эта походила на волшебный замокъ, который вдругъ освѣщался, наполнялся народомъ, и потомъ вдругъ смолкалъ и пустѣлъ.

То, что здѣсь сходились вмѣстѣ поѣзды изъ Петербурга и изъ Москвы, порождало много курьезовъ.

Послѣ перваго звонка къ уходу поѣздовъ начиналась суета между пассажирами, и по совершенному однообразію обѣихъ сторонъ въ залѣ, пассажиры попадали по ошибкѣ не въ свой поѣздъ, именно: ѣдущій изъ Москвы — въ Петербургскій и изъ Петербурга — въ Московскій, то-есть обратно, туда, откуда ѣхалъ. Такъ что сложился даже анекдотъ, что два знакомыхъ купца послѣ Бологовской станціи, ѣхавшіе одинъ изъ Петербурга, а другой изъ Москвы, попали въ одинъ поѣздъ, гдѣ встрѣтились рядомъ, и завели между собою разговоръ: «ахъ здравствуйте, вы куда ѣдете?» — «Въ Москву! а вы куда?» — «Въ Питер». Тогда первый выразился: «вотъ что значитъ удобная новая дорога: ѣдемъ въ разныя стороны, а сидимъ оба вмѣстѣ».

(«Русс. Старина», 1886 г., январь, стр. 110—123.)

IV. Таможенные тарифы.

45. Тильзитскій союзный договоръ.

Е. в. императоръ всероссійскій и е. в. императоръ французовъ, король Италіи, протекторъ Рейнскаго союза, въ сердечномъ желаніи возстановить на твердыхъ и по возможности непоколебимыхъ основаніяхъ общій миръ въ Европѣ, рѣшили съ этой цѣлью заключить наступательный и оборонительный союзъ, и назначили своими уполномоченными . . . (кн. Куракина и кн. Лобанова-Ростовскаго, — и Талейрана) . . кои, обмѣнявшись своими полномочіями, пришли къ соглашенію по слѣдующимъ пунктамъ:

1. Е. в. императоръ всероссійскій и е. в. императоръ французовъ и король Италіи обязуются быть заодно во всякой войнѣ, какую Россіи или Франціи пришлось бы начать или вести противъ всякой европейской державы, будетъ ли война на сушѣ, или на морѣ, или же и на сушѣ, и на морѣ.

2. Въ случаѣ, когда придется выполнять условія союзнаго договора, и всякій разъ, какъ это случится, договаривающіяся высокія стороны опредѣлятъ особой конвенціей силы, какія каждая изъ нихъ должна будетъ привести въ дѣйствіе, равно и пункты, гдѣ онѣ должны будутъ дѣйствовать; но заранѣе обязуются привести въ дѣйствіе, буде это потребуется обстоятельствами, всѣ свои сухопутныя и морскія силы въ полномъ составѣ.

3. Всѣ общія военныя операціи будутъ производиться съ общаго согласія, и ни та, ни другая изъ договаривающихся сторонъ не могутъ, ни въ коемъ случаѣ, вступать въ мирные переговоры, безъ участія или согласія другой стороны.

4. Въ случаѣ, если Англія не приметъ посредничества Россіи, или если, принявъ оное, не заявитъ къ слѣдующему первому ноября о своемъ согласіи заключить миръ, не признаетъ право флаговъ всѣхъ державъ на равную и полную независимость на всѣхъ моряхъ, и не вернетъ всѣ завоеванія, сдѣланныя ею на счетъ Франціи и ея союзниковъ съ 1805 года, когда Россія дѣйствовала въ союзѣ съ нею, — въ теченіе того же ноября будетъ вручена нота Сенъ-Джемскому кабинету посланникомъ е. в. императора всероссійскаго. Въ этой нотѣ выражено будетъ попеченіе е. и. в. о всеобщемъ

мирѣ и намѣреніе е. в. приложить всѣ силы его имперіи, чтобы доставить человѣчеству блага мира, и затѣмъ будетъ сдѣлана положительная и ясная декларація, что въ случаѣ отказа Англіи отъ заключенія мира на сказанныхъ условіяхъ, е. в. императоръ всероссійскій будетъ дѣйствовать согласно съ Франціей, и ежели Сенъ-Джемскій кабинетъ не дастъ, 1 будущаго декабря, категорическаго и удовлетворительнаго отвѣта, Россійскій посланникъ получитъ приказъ въ тотъ же день потребовать свой паспортъ и немедленно покинуть Англію.

5. В случаѣ наступленія обстоятельствъ, предвидѣнныхъ предыдущимъ пунктомъ, высокія договаривающіяся стороны предъявятъ сообща, и въ одно и то же время, требованія къ тремъ дворамъ, Копенгагенскому, Стокгольмскому и Лиссабонскому, о закрытіи ихъ портовъ англичанамъ, объ отозваніи ихъ пословъ изъ Лондона и объ объявленіи Англіи войны.

6. Высокія договаривающіяся стороны, дѣйствуя также сообща, будутъ энергично настаивать передъ Вѣнскимъ дворомъ, чтобы онъ принялъ принципы, изложенные въ пунктѣ 4, закрылъ свои порты англичанамъ, отозвалъ изъ Лондона своего посла и объявилъ Англіи войну.

7. Если, напротивъ, Англія, въ теченіе указаннаго срока, заключитъ миръ на указанныхъ условіяхъ и е. в. императоръ всероссійскій употребитъ все свое вліяніе, чтобы ее къ тому побудить, — Ганноверъ будетъ возвращенъ англійскому королю, взамѣнъ колоній французскихъ, испанскихъ и голландскихъ.

8. Точно такъ же, если бы, вслѣдствіе ряда перемѣнъ въ Константинополѣ, Порта не приняла бы посредничества Франціи, или если бы приняла оное, но переговоры не привели бы къ удовлетворительному рѣшенію въ теченіе 3 мѣсяцевъ отъ ихъ начала, — Франція будетъ дѣйствовать сообща съ Россіей противъ Оттоманской Порты, и высокія договаривающіяся стороны придутъ къ соглашенію съ цѣлью изъять всѣ европейскія владѣнія Оттоманской имперіи, кромѣ Константинополя и Румелійской провинціи, отъ турецкаго ига и отъ турецкихъ притѣсненій.

9. Настоящій договоръ останется тайнымъ и не будетъ обнародованъ, ни сообщенъ другимъ кабинетамъ ни одной изъ договаривающихся сторонъ, безъ согласія другой. Онъ будетъ ратификованъ, и обмѣнъ ратификацій произойдетъ въ Тильзитѣ, въ теченіе 4 дней.

Въ Тильзитѣ, 7 іюля 1807 г.

Князь Александръ Куракинъ.

Князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

Шарль-Морисъ Талейранъ, князь Беневентскій.

(«Сборникъ Русс. Ист. Об-ва», т. 83, стр. 281—283.)

---

46. Континентальная блокада.

1. Берлинскій декретъ Наполеона

21 ноября 1806 г.

1. Британскіе острова объявляются въ состояніи блокады.

2. Всякая торговля и всякія сношенія съ Британскими островами запрещены. Вслѣдствіе чего письма и пакеты, адресованные въ Англію или англичанину, или написанные на англійскомъ языкѣ, не будутъ пересылаться почтой и будутъ подлежать аресту.

3. Всякій англійскій подданный, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ, найденный во владѣніяхъ, занятыхъ нашими или союзными войсками, объявляется военноплѣннымъ.

4. Всякій магазинъ, всякій товаръ, всякое имущество, какого бы рода ни было, принадлежащее англійскому подданному, будетъ конфисковано.

7. Никакое судно, идущее прямо изъ Англіи, или изъ ея колоній, или заходившее туда со времени обнародованія настоящаго декрета, не будетъ принято ни въ какой портъ.

8. Всякое судно, нарушившее предыдущее правило путемъ ложнаго заявленія, будетъ захвачено, и какъ судно, такъ и весь грузъ его будутъ конфискованы, наравнѣ съ англійскими.

2. Миланскій декретъ

23 ноября — 17 декабря 1807 г.

1. Всякое судно, какой бы націи оно ни принадлежало, подвергшееся досмотру англійскаго корабля, или подчинившееся требованію захода въ Англію, или уплатившее англійскому правительству какой бы то ни было налогъ, тѣмъ самымъ теряетъ свое подданство, утрачиваетъ гарантію своего флага и признается англійской собственностью.

2. Суда, денаціонализованныя такимъ образомъ произвольными мѣрами англійскаго правительства, и вошедшія въ нашъ портъ или въ портъ нашихъ союзниковъ, или же попавшія въ руки нашихъ военныхъ кораблей, или нашихъ каперовъ, подлежатъ конфискаціи.

3. Британскіе острова объявляются въ состояніи блокады какъ съ суши, такъ и съ моря. Всякое судно, какого бы рода оно ни было, и чѣмъ бы ни было оно нагружено, — если идетъ изъ англійскихъ портовъ, или изъ англійскихъ колоній, или изъ странъ, занятыхъ англійскими войсками, или направляется туда, — подлежитъ конфискаціи, какъ нарушившее настоящій декретъ; оно будетъ захвачено нашимъ военнымъ судномъ, или нашимъ каперомъ, и будетъ присуждено захватчику.

(Тарле. «Континентальная блокада», стр. 256, 261.)

47. Дипломатическая переписка о континентальной системѣ.

1. Замѣчанія генерала Савари о Россіи (въ отвѣтъ на запросъ франц. министра де-Шампаньи).

1807 г.

О торговлѣ. Я дѣлю ее на два класса, а именно: 1) банкировъ съ оптовыми торговцами, и 2) торговцевъ въ розницу. Первый классъ состоитъ на половину изъ англичанъ, на половину изъ нѣмцевъ, русскихъ и нѣсколькихъ французовъ. Здѣсь не больше 5 — 6 французскихъ торговыхъ домовъ, третьяго разряда. Въ Ліонѣ, въ Бордо, въ Нантѣ или въ Руанѣ ихъ не назвали бы негоціантами. Второй классъ состоитъ большей частью изъ русскихъ, изъ нѣмцевъ и изъ множества французовъ-авантюристов, покинувшихъ Францію безъ ничего, или съ мелкимъ товаромъ на 500 — 600 франковъ; капиталъ тотъ они удесятерили, продавая съ лихвой. Въ Петербургѣ среди нихъ лишь немногіе достойны вниманія. Наша торговля здѣсь въ полномъ уничиженіи, или, лучше сказать, вовсе не существуетъ. Я побывалъ въ магазинах и не нашелъ тамъ и на 20 тыс. франковъ издѣлій нашихъ мануфактуръ. Я не видалъ въ Россіи ни ліонскихъ шелковыхъ ткаией, ни французскаго бархата и сукна, ни полотенъ, ни фарфора, ни серебряныхъ издѣлій, ни кружевъ, ни ювелирныхъ издѣлій, ни часовъ, ни золоченой бронзы, ни ковровъ, и, вообще, ничего, чтобы дало понятіе обо всемъ, что мы умеемъ дѣлать, и въ чемъ мы достигли такого улучшенія со времени революціи. Я держусь того мнѣнія, что нашъ посолъ не можетъ лучше услужить императору и государству, какъ устроить здѣсь, въ небольшомъ видѣ, при содѣйствіи нашихъ купцовъ, выставку нашихъ фабрикатовъ, вродѣ той, какая была устроена въ Парижѣ. Такъ какъ вся русская торговля идетъ черезъ Петербургъ, то вѣроятно, что и въ провинціи состояніе нашей торговли такъ же плохо, какъ и въ столицѣ. За исключеніемъ винъ, водокъ, масла и мыла, мы ничего больше не продаемъ здѣсь.

Англійская же торговля здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. Она охватывает все на свѣтѣ. Всѣ купцы этой націи одушевлены до такой степени стремленіемъ все захватить въ свои руки, что когда имъ не удалось добиться права ввозить нѣкоторые товары, считающіеся здѣсь контрабандой, они выписали изъ Англіи рабочихъ, чтобы выдѣлывать эти издѣлія на мѣстѣ и торговать ими въ своихъ магазинахъ. Такимъ образомъ они взяли въ свои руки доставку въ Россію всѣхъ товаровъ, отъ облатокъ, бумаги, чернилъ и перьевъ и вплоть до самыхъ драгоцѣнныхъ вещей. До тѣхъ поръ, пока это все будетъ въ ихъ рукахъ, вліяніе ихъ будетъ громадно, они одни будутъ давать и жизнь здѣшней торговлѣ, и русскіе такъ привыкнутъ видѣть въ нихъ своихъ поставщиковъ, что имъ будетъ казаться, что безъ англичанъ невозможно обойтись.

Наши министры въ этой странѣ совершенно недостаточно обратили вниманіе на ежегодные и чрезмѣрные успѣхи англійской торговли. Общественное мнѣніе обвиняетъ ихъ въ равнодушіи къ этимъ нашимъ интересамъ. У нашего посла нѣтъ средствъ вліять на русскую торговлю, пока здѣсь нѣтъ факторіи французскихъ купцов, пользующихся извѣстностью и уваженіемъ во Франціи, и пока не устроено здѣсь открытыхъ французскихъ магазиновъ, подобныхъ англійскимъ, гдѣ бы издѣлія нашей промышленности были на глазахъ у публики. Это тѣмъ легче сдѣлать, что всѣ наши издѣлія безконечно выше по качеству всего, что, как я вижу, продаютъ въ Петербургѣ англичане.

Я собираю матеріалы по этому вопросу, чтобы взять ихъ съ собой въ Парижъ; я полагаю, это поможетъ министру внутреннихъ дѣлъ изгнать англійскую промышленность изъ всей Россіи.

Если у насъ не будетъ здѣсь исключительныхъ правъ торговли, — у насъ не будетъ ея совсемъ, англичане насъ всегда убьютъ. Среди истинно-русскихъ людей, мнѣ кажется, мы не встрѣтимъ сопротивленія никакимъ сделкамъ для устройства торговыхъ сношеній съ нами. Они отдаютъ намъ предпочтеніе въ торговомъ дѣлѣ.

Мнѣ кажется, я достаточно обрисовалъ здешнее купечество, чтобы показать, что надо дѣлать, чтобы извлечь изъ нихъ пользу для себя. Признаюсь, въ настоящее время я считаю это невозможнымъ. Я даже боюсь, что когда надо будетъ разразиться противъ Англіи, императору Александру придется прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, чтобы заставить замолчать крики недовольныхъ.

(«Сборник Русс. Ист. Об-ва», т. 83, № 81, стр. 266—267.)

2. Письмо ген. Савари къ министру де-Шампаньи.

6/18 октября 1807 г.

Послѣднія мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ противъ англичанъ, произвели здѣсь очень сильное впечатлѣніе. Въ особенности въ купеческомъ мірѣ позволяютъ себѣ наиболѣе замѣчаній по этому поводу. На закрытіе гаваней англійскимъ кораблямъ смотрятъ какъ на запрещеніе, наложенное на всѣ произведенія русской земли, которыя Англія покупала и вывозила ежегодно въ такихъ большихъ количествахъ; и продолжительность такого положенія вещей представляется уже бѣдствіемъ, которое затронетъ прямо интересы народа. Враги Франціи, ловко хватающіеся за всякое оружіе, которымъ они могутъ бороться съ нею здѣсь и уменьшить вліяніе, котораго они опасаются и которое она можетъ оказать на общественное мнѣніе, не упускаютъ случая воспользоваться такимъ средствомъ; и ихъ мысли направлены только къ тому, чтобы встревожить легковѣрный классъ. Можно опасаться, что если скоро не будутъ приняты какія-нибудь принудительныя мѣры, то жалобы торговцевъ примутъ болѣе серьезный характеръ. Г. Румянцовъ такъ думаетъ, и только отъ усердія этого министра будетъ зависѣть помѣшать тому, что онъ предвидитъ. Но Франція имѣетъ, можетъ быть, больше средствъ, чѣмъ Россія, чтобы заставить умолкнуть жалобы русскихъ купцовъ, этого разряда людей, ставящихъ выше всего свою личную выгоду. Достаточно было бы распространить въ публикѣ слухъ, что Франція, которая такъ давно не дѣлала значительныхъ покупокъ въ Россіи, намѣревается закупить лѣсъ, пеньку, холста и пр., и пр. При настоящихъ обстоятельствахъ подобный торгъ былъ бы для насъ столь же полезенъ въ политическомъ отношеніи, сколько и выгоденъ: мы овладѣемъ хорошимъ мнѣніемъ наиболѣе недовольныхъ и заставимъ забыть англичанъ, о которыхъ будутъ жалѣть по очень многимъ причинамъ, если мы не постараемся замѣнить ихъ; выгода же будетъ заключаться въ томъ, что Франція, пользуясь минутою, закупитъ все безъ конкурентовъ, а слѣдовательно и дешево.

Г. Лессепсъ подробнѣе разовьетъ вамъ эту мысль. Я только хотѣлъ выяснить вашему пр-ву, какой высшій интересъ представляетъ, можетъ быть, теперь вещь, которая при другихъ обстоятельствахъ казалась бы столь простою. Я считаю этотъ планъ достаточно важнымъ по послѣдствіямъ, чтобы обратить на него вниманіе его в-ва.

(«Сборник Русс. Ист. Об-ва», т. 88, Русс. перевод, стр. 240—241.)

3. Письмо фр. посла Коленкура къ де-Шампаньи.

29 июня 1810.

Императоръ (Александръ) приказалъ конфисковать 45 судовъ, пришедшихъ, по ихъ заявленію, съ Тенерифа, но по всей видимости англійскихъ. Е. в. соизволилъ самъ это мнѣ сказать 25 числа.

Канцлеръ (Румянцевъ) отослалъ ихъ бумаги испанскому послу, съ просьбой разсмотрѣть ихъ дѣйствительное значеніе и сообщить ему, признается ли на Тенерифѣ власть короля Іосифа. Тотъ отвѣтилъ, что документы кажутся ему составленными въ обычной формѣ, но что власть короля Іосифа не признается ни на Тенерифѣ, ни на Канарскихъ островахъ. Императоръ повелѣлъ передать отвѣтъ г. Дель Прадо въ комиссію, на которую возложено раз-

смотрѣніе корабельныхъ документовъ, замѣтивъ при этомъ, что «надо считать непріятельскимъ грузомъ всякій грузъ, идущій изъ портовъ Испаніи, не признающихъ власти короля Іосифа». Комиссія, сообразно съ этимъ, предписала конфисковать суда. Они должны принести жалобу въ совѣтъ, а совѣтъ утвердитъ постановленіе комиссіи: это рѣшено заранѣе между императоромъ и канцлеромъ, какъ заявило мнѣ е. в. Цѣнность этого груза оцѣниваютъ въ 15 милліоновъ рублей.

Канцлеръ, говоря мнѣ объ этомъ дѣлѣ, сказалъ: «Это докажетъ Англіи, что Россія хочетъ, какъ и прежде, быть вполнѣ въ состояніи войны съ ней, если она не хочетъ мира на континентѣ. Мы не можемъ, прибавилъ онъ, быть французами, если вы не желаете быть ими; но по крайней мѣрѣ мы докажемъ, что мы противъ англичанъ. Какъ только дѣла съ Турціей будутъ приведены къ концу, императоръ Наполеонъ найдетъ насъ, если хочетъ, столь же преданными ему, какъ и прежде, и мы будемъ (чему можетъ быть не повѣрятъ) больше и искреннѣе, чѣмъ когда бы то ни было, слѣдовать континентальной системѣ. Что касается насъ, мы будемъ его поддерживать. Мы покажемъ нашимъ постоянствомъ, что нашъ политическій курсъ послѣдователенъ и не измѣнился съ перемѣной обстоятельствъ». Канцлеръ прибавилъ, что недавно онъ обратилъ вниманіе императора на то, что ничто до сихъ поръ не заставило Россію уклониться съ того пути, на который она стала при вступленіи его въ министерство, послѣ Тильзита. —

Я отвѣчалъ, какъ всегда...

(Бывш. вел. кн. Николай Михайлович, Дипломатические сношения России и Франции, т. V, стр. 49—50.)

---

48. Записка русских фабрикантов о таможенном тарифе 1812 г.

...Как только распространились слухи о намерении министра финансов представить проект о прекращении запретительной системы, со стороны промышленников и лиц, принадлежавших к народной партии, раздались громкие голоса, требовавшие сохранения прежнего положения. В делах Департамента Внешней Торговли сохраняются многие записки как частных лиц, так и государственных деятелей по этому предмету. Государственный канцлер граф Румянцев, в прежнее время бывший президентом коммерц-коллегии и сохранивший связь с купечеством, представил императору записку, полученную им от нескольких фабрикантов.

Записка начинается словами: «Слухи прошли внутрь России, что будто идут рассуждения о тарифе, и якобы есть наклонность ныне существующий тариф отменить, и будто бы предлагают старание, чтобы новым тарифом на будущее время разрешить привоз в Россию ныне запрещенных товаров, буде сие справедливо, что оные запрещенные товары к привозу позволяться, то в нынешнее несчастливое время разорения от неприятеля грабежом и огнем, от разрешения товаров последует заводчикам вторительное разорение. Может быть не имеется ли воображения, что разорена столица и разорены фабрики, почему и будут полагать нужным в мануфактурных товарах». Далее в записке сказано: «Может статься, при суждении ставят в виду с провозных товаров излишний в сборе пошлин будет казне доход; напротив того, казна более сего дохода будет терять от курсов при переводе казенном на жалованье и содержание в иностранных местах наших миссий, и для двора получаемых вещей, сверх того от понижения курсов вся Россия даром будет переплачивать в чужие земли ежегодно более 50 миллионов, и от какого последствия последние остатки наших сокровищ—серебро и золото из государства вытащат, и останемся с одними бумагами — за какие же вещи, не за жизненные, а единственно за тряпки, ничего не значащие...».

Граф Румянцев со своей стороны вполне присоединился к основным мыслям, выраженным в записке: в докладе, при котором он препроводил ее на высочайшее возражение, он пишет: «Какой мотив мог бы побудить правительство изменить началу, которого пригодность была доказана в течение долговременного применения его к таможенной системе и которое оказало народу столь значительные благодеяния? Если это только слухи о том, будто бы московские фабрики совершенно разорены пожаром и не могут производить товаров, нужных для русского народа, то это не-

справедливо — Москва восстала из пепла с прежней энергией и с прежним трудолюбием, и ее промышленные заведения быстро возобновляются». Министр внутренних дел Козодавлев также протестовал с большою резкостью против предположения графа Гурьева, которого он обвинял в наклонности к непрактичным метафизическим выводам и в недостатке патриотизма.

(Ладыженский., «История рус. тамож. тарифа», стр. 173—174.)

---

49. Записка министра иностранных дел, тайного советника Козодавлева, по вопросу об издании нового таможенного тарифа.

1816.

Наконец министр финансов оставил князю Салтыкову проект нового тарифа и записку, в коей изложены начала, на коих тот проект основывается. Посему комитет для рассмотрения тарифа высочайше вашим величеством учрежденный, приступил к делу, и старший оного член, граф Кочубей, получа от князя Салтыкова все помянутые бумаги, сообщил оные для прочтения и предварительного рассмотрения мне, а от меня поступили они к барону Кампенгаузену.

По непременяющемуся моему образу мыслей и по откровенности моей, не могу я не признаться, что я иного проекта новому тарифу и не ожидал, как клонящегося к пользе иностранных и к потрясению наших фабрик, словом, основанного на внушениях чужеземных торговцев. Я полагал уже наперед, что многое будет разрешено к привозу, но токмо не все. Теперь же, к удивлению моему, увидел я, что проект нового тарифа превзошел даже и мое опасение. Оным предполагается разрешить к привозу все без изъятия, исключая только ассигнаций, картин с изображением святынь и игральных карт; словом, разрешаются даже и все те товары, кои запрещены были к привозу при императрице Екатерине в 1793 и 1796 г.г.

Метафизические рассуждения некоторых экономистов и новых писателей, ополчившихся против системы, принятой Англиею, в запрещении привозить иностранные изделия, встретил я и в проекте нового тарифа. Хотя Англия фабриками и торговлею своею, взошедшими на высочайшую степень совершенства, доказала, что ее запретительная система основана на истинных началах государственной экономии, и хотя многие другие государства доказали также, что, следуя той же системе, они усилили внутреннее свое богатство, однакож проект нового тарифа принял основанием своим метафизические рассуждения помянутых писателей и полагает обратить Россию к хлебопашеству, забывая, что и хлебопашество без фабрик процветать не может, и что народ, занимающийся единственно земледелием, навсегда остается в нищете и в невежестве, что деньги, за фабричные изделия платимые, выходят из государства и, наконец, совершенное оскудение есть следствие такой системы.

Для поддержания однако наших фабрик министр финансов, как будто издеваясь, говорит, что некоторые привозные товары, вместо запрещения, должно обложить высокою пошлиною. Но он сам в мнении своем, восставая противу запретительной системы, говорит, что она будто бы питает тайный провоз товаров (контрабанд). Известно же, что предполагаемое им возвышение пошлин питает тайный провоз еще вдвое больше, а таможенные чиновники без сомнения более жиреют от возвышения пошлин на провозимые товары, нежели от запрещения оных. Причина сему очевидна; запрещенный товар, если бы когда тайно и был привезен, не может однако продаваться явным образом, ибо на нем и таможенного клейма быть не может и подлог легко бывает замечен и открыт. Опасение таковое останавливает несколько и привозителей, и пропускателей. Но высокая пошлина побуждает сама по себе торгующих искать всякого способа к избежанию такового платежа и они без сомнения во всяком случае лучше пожелают провести беспошлинно свой товар и поделиться пошлиною с таможенными, которые смело наложат и клеймо на пропущенный ими товар. И тогда сделанного подлога нельзя уже ничем доказать, ни обличить.

Я не осмеливаюсь даже распространяться в изложении подобных сему правил, помещенных в проекте нового тарифа Скажу только, что великое благодеяние для России, что таковой тариф еще не утвержден.

Если же бы он мог состояться, то Россия в отношении к фабрикам и промышленности

возвратится немедленно назад к тому состоянию, из коего извлекла ее рука Петра Великого. Все мудрые распоряжения сего преобразователя отечества нашего, все попечения благотворные преемников его, наипаче вашего величества останутся тщетны; фабрики и мануфактуры наши истребятся, тысячи подданных ваших разорятся и придут в нищету; употребленные на разные заведения капиталы, выданные от казны ссуды и все благотворные меры ваши обратятся в ничто.

Известно, что иностранцы в состоянии на первый случай ввозить свои изделия в Россию столь дешево, что российские фабрики никак не выдержат соперничества с ними и должны будут остановиться в ходе своем. Самые суконные фабрики наши, даже и те, кои занимаются единственно выделкою солдатских сукон, будут скорее покупать и солдатское сукно у иностранцев, которые нарочно для подорвания наших фабрик, хотя и в убыток себе будут продавать их самою низкою ценою, на что они покушались уже при императрице Елисавете Петровне, но патриотизмом князя Шаховского были остановлены.

Фабриканты солдатского сукна обратят тогда капиталы свои на другие промыслы, особливо же на винные откупы и заводы, которые одни теперь у нас токмо и покровительствуются всячески средними властями; когда же иностранцы увидят, что наши фабрики рушены, тогда обложат свои изделия ценой по своему произволу и мы будем совершенно в их руках.

Тогда обратимся мы опять к мануфактурам; ибо увидим, что деньги, выходящие от нас за мануфактурные изделия, понизят курс наш до самой низшей степени, и следовательно для возвышения курса надобно нам будет остановить опять привоз иностранных товаров в Россию. Но по уничтожении здесь мануфактур трудно уже будет их восстановить. Я препроводил к графу Кочубею по сему предмету мое мнение, в коем изложил по оному все то, что можно было сказать. Я за счастие себе почел бы, если бы сие мнение мое было напечатано, и уверен, что многие отдали бы мне справедливость.

Барон Кампенгаузен также подал мнение. Он совершенно согласен со мною в началах, на коих тариф должен быть основан, равно как и в том, что заведение фабрик у нас необходимо нужно, и что без запрещения привозных изделий фабрики наши распространиться и устоять не могут.

Я долгом почел донесть о сем вашему императорскому величеству (подписал) Осип Козодавлев.

(Ладыженский. «История русс. тамож. тарифа», прилож. V.)

---

50. Адмирал Мордвинов.

«Некоторые соображения по предмету мануфактур в России...».

1815.

Предисловие.

Угнетаясь дороговизною цен на сукна и другие к одеянию и прочим удобствам нужные изделия, многие ропщут на сделанное правительством воспрещение привоза товаров сих в Россию из чужих земель, и усиливаясь с разных сторон доказывать, что России не полезно заниматься введением у себя собственных для таковых изделий фабрик, так как по их мнению должна она быть земледельческою державою, и что достаточно народу нашему содержать в порядке одну сию статью хозяйства, дабы и внутреннее изобилие иметь, и отделять излишество на обмен всяких художественных вещей от иностранцев, умудрившихся через долгое уже время в выработке оных, и лишенных такого пространства земель для хлебопашества и скотоводства, каким обладает российское государство, — делают единогласное почти наведение, что должно отменить ныне существующий тариф, дабы облегчить нам способы дешевого и вместе добротного одевания и проч.

Для показания, сколько таковые суждения удалены от истинной пользы государства, и неосмотрительное последование оным со стороны правительства коликий бы навлекло вред и расстройство излагается здесь поверхностное обозрение двух предметов, а именно: во-первых, полезнее ли для России, яко державы изобилующей пространством земель, упражняться в одном хлебопашестве и скотоводстве, или же выгоднее, при сих двух начальных источниках народного обогащения, заниматься и различными рукоделиями? Во-вторых же, лучше ли нам продолжать удерживать настоя-

щее постановление о тарифе, или же допустить разрешение ввоза разных запрещенных ныне товаров?

О мануфактурах.

Посему-то каждое правительство и обязано открывать и поощрять все способы, ведущие к обеспечению благосостояния всего, колико бы превосходно ни было, числа подданных своих. Введение разнообразных ремесл и искусств есть один из благонадежнейших способов к умножению общественного продовольствия и неоскудному доставлению работ и упражнений для каждого пола и возраста. Напротив того, несчастнейший на свете был бы такой народ, который, как выше сказано, числом велик, но упражнениями скуден. Таковый, если бы и приращался вновь рождаемыми, то разве токмо для умножения жалких жертв страдания, болезней и безвременной смерти.

Земледелие не может даже достигать высших степеней распространения и усовершенствования своего, без ремесел и фабрик. Но с водворением оных у сельского жителя будет и лучшая лопатка и лучшая соха и все прочие орудия; всякая часть сельского хозяйства приобретет улучшение; всеобщая деятельность увеличится; умножится сила народная: мельницами, машинами, инструментами, искусством; изощрится ум изобретательный; исчезнет мгла невежества; уменьшится праздность, разврат, грубость; укоренится порядок, расчетливость, бережливость и проч. Земледелец без ремесленника есть производитель грубый и неуспешный, обремененный игом трудов, по несовершенству орудий своих. Руки ремесленника суть орудия, от самого низшего и грубого до самого высшего и изящного упражнения, необходимо потребные. Связь благоустроения в обществе не может существовать без оных; и всякое усовершенствование работы единственно от оных зависит. В Англии земледелие от того самого и в цветущем состоянии, что там фабрики и ремесла в совершенстве.

Всяк, желающий добра сельскому жителю, должен желать размножения в государстве фабрик. Фабрики увеличивают и ободряют его посевы и всякий хозяйственный и домашний его труд. Фабрики не только не умаляли нигде количества посевов, но всегда оные увеличивали, и жатву соделывали богатейшею. Все века свидетельствуют, что всех менее засевает и собирает жатвою тот народ, который в одном только земледелии упражняется; и таковый всегда ближе состоянием своим к дикому звероловному народу, нежели к просвещенному, наслаждающемуся хотя посредственною степенью благоденствия, на которую имеет право всяк родившийся под распоряжением благотворного правительства.

В цветущем состоянии народа нужен и земледелец, и ремесленник, и фабрикант, и заводчик, и купец; но сравнивая пользу, приносимую земледельцу каждым из последних состояний, должно признать, что фабрикант и заводчик полезнее гораздо купца. Капиталы первых сугубо действуют, ибо обращаются на покупку, не токмо производимого землею, для придания чрез искусственную обделку высшей цены оному, но и всего потребного для пищи, одежды, освещения и отопления, образующих сию цену. Хлеб, мясо, сало, кожи, холст, овчины, дрова, лес, ягоды, грибы и вообще все, произрастающее и производимое поселянами на земле и в жилищах их, для ремесленника и фабриканта потребны. — С тем вместе и рабочие всяких лет и всякого состояния и пола для них пригодны. Они дают упражнения и плату малым, слабым, престарелым и увечным, кои в совокупности составлять могут знатную часть народа, долженствующую оставаться без них в праздности, с неминуемою тягостью для обществ. Посему поселянин получает от соседних фабрикантов или заводчиков гораздо более денег, нежели от купца, который ежели и покупает у него какую-либо часть грубых произведений, то для того большею частью, дабы перепродать их обделывающим оные; сии же, сверх того, занимая изделиями своими множество рабочих рук, способствуют тем, сверх обогащения, и ко благоустройству окрестной страны.

Итак, и капиталы, и упражнения их вообще, в высшей противу купечественных мере, оживляют труд и деятельность народную.

Они служат также и к самому умножению числа купечествующих; ибо где токмо водворяются фабрики и заводы, там тотчас появляются и купцы. Следственно и с сей даже стороны, т.-е. через привлечение к себе купечества, приносят они пользу сельским жителям, способ-

ствуя тем к распространению продажи их произведений.

Без ремесл и рукоделий коснеет и самое просвещение и слабы все связи общежития. Столичные и все знатные города богаты суть не мучными, овсяными и льняными амбарами, но лавками, исполненными всякого рода мануфактурных, художественных и изящных произведений.

Все же вышесказанное заключить можно тем, что народ, имеющий у себя в совокупности земледелие, мастерства, фабрики, заводы и торговлю, процветает, благоустрояется и обогащается вернее и скорее, нежели народ, имеющий одних токмо земледельцев да купцов, покупающих необработанные произведения. Последний шествует к благосостоянию самыми медленными шагами, коснит в бедности и всякого рода недостатках, и, что важнее всего, не может быть народом свободным. Ибо зависит от других держав, по удовлетворению первейшим его нуждам; зависит одеждою, обувью и наслаждением вкусов, коим себя привычкою уже поработил; не пользуется политическою свободою, нужною всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле; лишен той степени уважения от иных земель, на которую каждый независимый народ имеет право; подчиняет себя руководству и воле соседей своих и должен нередко угождать прихотливым требованиям союзных с ним держав. Глагол такого народа лишен твердости и прочного удержания себя на стезе, ведущей к вышним степеням благоденствия. Словом, таковый народ не может быть ни просвещен, ни богат, не может ни процветать, ни пользоваться политическою свободою.

В отношении земледелия в России сделано еще очень мало. При большем старании, лучшем обрабатывании и многочисленнейшем скотоводстве, земля производила бы во многих странах вдвое больше, нежели теперь производит.

Недостаток фабрик в России есть, может быть, главная из причин, что земледелие в оной получило самое малейшее усовершенствование; да и может ли оно быть совершенно, когда нет еще у поселянина порядочных ни орудий, ни сбруи, ни прочих принадлежностей хозяйства?..

Почему последует великая польза, когда будет обращено внимание и на самое даже производство рукоделий, и, с одной стороны, воспоспешествуемо будет оному усилением введения на фабриках машин, разделения работ по родам, в общий состав входящим; с другой же — приспособлением производства работ к жилью крестьянскому, и проч.

Что принадлежит до первого предмета, то можно сказать, что каждая паровая машина, вновь где-либо введенная, сотворяет вдруг 1.000 человек в прибавку к существующим, и таковых притом работников, кои не требуют ни пищи, ни платы, ни отдохновения; кои не знают ни юности, ни старости, ни увечьев, и кои не умирают; для коих в сутках находится 24 рабочих часа, в году 365 рабочих дней, у коих сила всегда единообразна, всегда неизменна, всегда равнодеятельна. Посредством машин воздух, огонь и вода становятся сотрудниками человеку, исполинские силы свои к слабой руке его приобщают...

О тарифе.

Итак, уменьшения дороговизны искать должно отнюдь не в изменении системы тарифа; разрешением ввоза по-прежнему иностранных изделий, ибо от такого изменения оная со временем и более бы еще усилиться долженствовала; но **во-первых**, в ревностном принятии усильных и непрерывных мер к постепенному уменьшению ажио и иностранного курса; **во-вторых** же, в рачительном усилении внутренних мануфактур обеспечением капиталов, на оные употребляемых, и напоследок в законоположениях, к естественным правам собственности и к законной свободе торговли относящихся.

Неизвестность о постоянстве тарифа удерживает многих предприимчивость, и никто не отваживается употребить капитала своего на такое заведение, которое с малейшею переменою обстоятельств остановить должно будет; но как скоро бы каждый удостоверен был, что иностранные изделия останутся навсегда запрещенными, то в самое непродолжительное время могли бы увидеть устроение множества у нас новых заведений, сколь ни многосложны и ни многостоящи оные. Надежное получение хорошей цены побудило бы многих частных лю-

дей к снисканию себе верных прибытков заведением фабрик; сей самый прибыток возродил бы между ними соревнование, от коего цены понизились бы сими собою...

Покупая иностранное сукно, мы обогащаем фабрикантов, купцов и корабельщиков иностранных. Покупая же сукно, выделанное в России, обогащаем поселян своих, размножающих стада овечьи. Обогащаем чесальщиков, прядильщиков и ткачей домашних; обогащаем фабрикантов и купцов русских и российские пустопорожние степи, покрываемые овечьими стадами (кои поистине назвать можно златорунными) — степи обширные, многочисленные, долженствующие без суконных фабрик надолго пребыть не приносящими никакой пользы государству, и до коих соха веками еще коснуться не может...

(Адм. Мордвинов. «Некот. соображения по предмету мануф. в России», 1815.)

51. Сравнения поселянина о земледелии и фабриках.

1816.

При умножившейся роскоши в России в среднем классе людей, при размножении безмерном сего самого класса от того, что как из высшего состояния весьма многие в средний класс нисходят, так и из низшего в средний беспрестанно возвышаются; притом, при многочисленном приливе самих иностранцев в Россию — хотеть сделать все количество тонких сукон, нужных для государства, есть дело невозможное. С другой же стороны, послушайте жалобы земледельцев; там несемейный крестьянин часто сетует, что не может достать себе работника, чтоб обрабатывать лишний кусок земли, не говоря уже о пустующих полях яровых! Напрасно стараются нам приводить в доказательство, что в России климат продолжительной зимы способствует к заведению фабрик: живучи в Петербурге и судят по-петербургски. — А работник большой фабрики никогда не бывает земледельцем. Кто же обсушит болота? кто расчистит рощи или насадит новые? не стоит ли великого уважения в государстве истребление лесов; безмерная дороговизна оных и редкость? Не обратить бы нам земель в степи и пустоши, собирая людей в города и фабрики! — Хлебопашество, скотоводство и овцеводство — вот наши промыслы! Они единственно могут доставить нам изобилие, дешевизну и избыток произведений для отпуска за границу на обмен иностранных изделий, к обработке которых иностранцы, по многолюдству своему в их землях, имеют особеные удобства У них только и пропитания, что рукоделия; от сей-то крайности их пропитания и многолюдства надобно извлечь пользу лучшим образом, не завидуя их мануфактурам. Как можно требовать, чтоб иностранцы первоначальные продукты наши, как-то лен, пеньку, сало, кожи, железо и пр. купили только на золото? А от сего иные продукты наши не лежат ли часто в России по нескольку лет без оборота? Но извлекая пользы из их удобства мануфактурного, они лучше нам променяют свои изделья; часто уступят их десятью и более процентами дешевле для того только, чтоб не остановить течения коммерции; мы им также уступим при отпуске своих произведений, наши продукты не залежатся, напротив того, ободрятся земледельцы к распространению заведений; оборот потечет взаимно, а казна приобретет важный доход в пошлинах. — Пространства в России земель неизмеримы, а мало рук для обрабатывания их надлежащим образом; этого никто оспаривать не может. Напрасно стараются приводить в сравнение наше население с населением земель у чужестранцев; — там, ежели что запрещают привозить, то действительно боясь только людей своих, и без того голодных, лишить последнего пропитания.

Пусть посудят те, кои лучше знают те земли; а я скажу, что все фабрики всех родов в России вместе не могут дать такой пользы, какую дала бы одна из тех губерний, по пространству своему соразмерно населенная. Там тогда выпуск одной шерсти, выпуск хлеба (ибо известно, что с умножением народа самый климат из степей в лучший преобращается), выпуск рогатого скота, табунов — я говорю, что выпуск сих статей за границу даст самый выгодный перевес российской торговле, а фабрики — самый невыгодный и остановку в распространении земледелия, скотоводства и достатка в самом многочисленном классе народа. Пусть двести фабрикантов ошибутся в своих

монополических расчетах; от этого не помрачится солнце, освещающее Россию, а миллионы будут благословлять царя.

(«Дух Журналов», 1816, № 7.)

52. Выгоды свободной торговли.

1816.

«Полезнее для частных людей в особенности, и для государства вообще, покупать отечественные свои изделья, хотя бы они были и хуже и дороже, нежели иностранные, хотя бы сии последние были и добротнее и дешевле».

Вот как пристрастие способно ослепить человека, что дело самое очевидное подвергли сомнению, и нужно ныне стало решить вопрос, который лет за 10 перед сим предложить постыдились бы.

Вопрос сей весьма удачно решен на самом опыте одною знатною дамою, не менее отличною по уму своему и характеру, как и по знаменитости. Сия благодетельная и истинно благочестивая особа, будучи недавно перед сим в К... соборе, заметила, что в алтаре перед престолом ковер довольно поистерся. Она пожелала подарить новый ковер, по приличию святого места и для того приказала принести себе самый лучший в известную меру. Ей приносят харьковский ковер, какого лучше найти нельзя. Но что ж? и груб и недобротен, без всякого вкуса, и худые цвета; словом, какой только для пошевней годится. А цена? 500 рублей. Графиня ужаснулась; но что было делать. Давши сама себе обещание, она готова была его исполнить, и хотела купить тот ковер; но управитель ее сиятельства уговорил ее подождать, обещая найти английский ковер лучший. В самом деле, он принес прекраснейший английский ковер, точно той же меры; но такой, что и сравнить нельзя с русским: рисунок великолепный, цвета живые; доброта, прочность — словом, все превосходное. Графиня думала, что такая драгоценная вещь стоит по крайней мере вдвое дороже русского ковра; то как приятно удивилась она, когда купец объявил цену 350 руб. Графиня с радостью заплатила; но как она обрекла уже прежде на сию покупку 500 рублей, то и подарила в церковь и ковер, и сбереженные 150 руб. Таким образом церковь имеет и прекраснейшую вещь, и еще 150 руб., которые она может употребить на другие свои надобности; следовательно, капитал церкви увеличился: она стала богатее. Но купивши русский ковер, церковь имела бы худую, хотя и дорогую вещь, и лишена была бы вклада 150 руб. Следовательно, она была бы беднее, а на счет ее обогатился бы русский фабрикант. Если бы привоз иностранных мануфактурных изделий был разрешен, то вероятно, что сей же самый английский ковер стоил бы не более 250 руб., тогда бы церковь могла получить, кроме ковра, еще 250 руб., следовательно, капитал ее еще более увеличился бы.

Но скажут: «Это роскошь!» — Конечно; не было бы греха и толстое сукно положить вместо бархата и великолепного ковра. Но ежели уже всеми благочестивыми людьми почитается за дело богоугодное и похвалы достойное, жертвовать из усердия на украшение церкви божией: то лучше прежде пускай украшаются храмы господни благочестивыми вкладами, нежели богатеют фабриканты неправедною корыстью.

Если можно применить дело святое к вещам обыкновенным, то мы находимся точно в таком же положении: то-есть, мы беднеем ради набогащения наших фабрикантов. Рассмотрим сие обстоятельнее.

Запрещенные к привозу товары можно разделить на три рода:

1) на предметы, до одежды касающиеся;

2) на другие потребности;

3) на предметы роскоши. В числе сих последних сахар и вина.

Из числа предметов, до одежды касающихся, важнейшую статью составляют, без сомнения, сукна. Нет нашего намерения утверждать, чтобы делание тонких сукон в России было невозможно. Мы только расчислим, сколько теряют и частные люди, и государство при нынешнем состоянии наших суконных фабрик.

Русского сукна потребно на один фрак 2 арш. с половиною; аршин лучшего продается по 25 и по 30 руб., составит на фрак от 62½ руб. до 75 руб. Такой фрак, не говоря уже о худой доброте сукна, станет не долее, как на один год. Следовательно, в два года, два фрака из русского сукна будут стоить от 125 до 150 руб.

Английского сукна потребно на один фрак 2 арш. с четвертью, полагая по прежней дешевой цене по 7 руб. за аршин, составит менее 16 руб. Разница превеликая!

Но скажут, что ныне не можно уже ожидать прежних дешевых цен на иностранные изделья. Рассчитаем, во что обойдется фрак из английского сукна по нынешним ценам?

В Англии ярд сукна стоит ныне 24 шиллинга, по настоящему курсу 24 руб., $^4/_5$ ярда равны одному нашему аршину[1]); следовательно, один аршин сукна стоит в Англии менее 20 руб. Полагая фрахтовые и прочие издержки по 3 руб на аршин, обойдется оное сукно с провозом к нам в 23 руб. аршин.

На фрак потребно такого сукна 2¼ аршина; по 23 руб. за аршин, составит около 52 руб. за фрак. Следовательно, по крайней мере, десятью рублями дешевле, противу того, во что обходится ныне фрак из русского сукна.

Но как английское сукно несравненно лучше и добротнее русского, то фрак из английского сукна станет на два года. В таком случае он обойдется 70 рублями сходнее нежели из русского сукна.

Итак, наверное положить можно, что мы ныне потеряем на каждом фраке из русского сукна, сделанном противу английского, по 70 руб., то-есть каждый из нас на этом одном предмете делается беднее 70 рублями в два года, которые излишние деньги можно было бы употребить на другие нужные вещи.

Положим теперь, что носивших прежде фраки из английского сукна было миллион человек. Если бы сии миллион человек употребляли ныне вместо английского сукна русское, то они издержали бы на одних фраках лишних денег 70 миллионов в два года, а в один год 35 миллионов. Какая страшная потеря! И для чего! — Единственно для обогащения суконных наших фабрикантов.

. . . .

Если перейдем к другим потребностям, в жизни необходимым, а особливо к стальным инструментам: то те же последствия представятся. Доброта вещи составляет важнейшую ее цену; а таковы почти все английские изделья. Нам бы надобно было исчислить все инструменты, чтоб назвать столько же превосходных вещей: ножи, ножички, бритвы, ножницы, долотцы, токарные станки, даже иголки — все отличается добротою, прочностью, красивостью. Наши изделия сего рода далеко не могут сравниться с иностранными, особливо с английскими. Чтоб одним примером решить все, возьмем карандаши: достоинство хорошего карандаша есть: чтоб он был мягок и вместе плотен, неломок, черен на письме и удобно стирался бы; таковы точно английские карандаши. Русские, напротив: ломаются, крепки как камень, режут и чертят бумагу, бледны на письме, и не стираются; а эта самая пустая экономия, употреблять русские карандаши, вместо английских, несмотря на то, что сии последние втрое дороже. Я пишу английским карандашем полгода одною палочкою, и всегда им доволен, а русского одной палочки на неделю мне мало, и притом какая нестерпимая досада употреблять дурную вещь.

Никогда не забуду случая, которому я сам был свидетелем. Когда тарифом 1811 года был запрещен ввоз Штейермарских кос, то мужик жаловался своему господину, что косы хорошей немецкой достать нельзя. Господин был из числа поборников запретной системы: «Полно вздор говорить, сказал он мужику; русская коса не хуже немецкой». «Хотел бы я, барин, отвечал мужик, чтоб ты поработал хоть одно лето русскою косою, ты бы проклял всех русских кузнецов. Что в ней проку? На камень — ломается; махнул раз пять-шесть — иступилась; поминутно точи ее, а все тупица тупицей! И на долго ли она? много — на одно лето. А немецкая-то у меня лет пять и больше, и все, как бритва. Коли она вдвое дороже противу русской, за то я ею впятеро больше сработаю, так она и дешевле обойдется». — Право мужик русский умнее иного барина.

Хотели бы и мы, чтобы поборники запретной системы не употребляли никаких других изделий, кроме русских: носили бы русское сукно, скоблили бы бороды русской тупицей, чинили перья русским ножом, пили чай с сахаром из свекловицы; а нам бы оставили на волю употреблять иностранные изделья: — мы бы им не позавидовали.

Нам остается сказать несколько слов о предметах роскоши. К числу их относят между про-

[1]) 78 ярдов составляют 100 наших аршин, следовательно, 1 ярд равен 1 арш. и 5 вершк.

чим сахар и виноградные вина. Но сии потребности, по привычке к ним, сделались уже необходимостью. Мы весьма много теряем ныне на двух сих статьях. Иностранцы продают нам сахарный песок не дешевле, как мы могли бы иметь и рафинад, то-есть по 40 руб. за пуд. За что же платить нашим заводчикам по 80 и по 90 руб. за пуд? От того мы теряем на каждом пуде рублей 40 и более. Положим, что на мой дом нужно в год 10 пуд. сахару; от них я имею потери по крайней мере 400 руб. в год, которые мог бы употребить на другие надобности. Следовательно, я стал беднее от этого одного предмета 400 рублями в год. Полагая ежегодную потребность сахара для России в 600.000 пуд., составит потери для всего государства 24 миллиона руб. Ужасная потеря! И все сие единственно для набогащения заводчиков, которые и действительно нажили миллионы.

Потеря на вина хотя не столь важна, но тем более ощутительна; ибо винные продавцы, обольщаемые дороговизною вин, делают к оным подмеси, нередко вредные для здоровья.

. . . .

Мы показали, какую потерю несет каждый частный человек от запретной системы. Если исчислить потерю сию на все запрещенные иностранные товары, то окажется, что казна теряет до 25 миллионов пошлины, а народ до ста миллионов убытка. — Ужасная потеря! И для кого?.. Дал бы бог, чтоб для пользы государства! Но нет, единственно для обогащения фабрикантов!

(«Дух Журналов», 1816, № 8.)

---

53. О мануфактурах в России.

1816.

1789 года, в той стране, где Кольберт был распространитель старых и основатель новых фабрик и откуда было изгнано около двух миллионов гугенотов, в том, говорю, государстве подымается ужасная туча. Какие она произвела громы и молнии, то не Сегюру, но Тациту только возможно изобразить. Сия туча, собравшаяся из г л а г о л о в ф а б р и к, разразилась над всею Европою, и дошла до той Пруссии, где, как я сказал, заведены были с народным разорением фабрики; но Пруссию ни ее фабрики, ни фабрики Англии не спасли: понеже г л а г о л французских фабрикантов и главного мастера был г л а г о л спартан, краткий, но сильный; и каждый французский фабрикант не токмо мыслил, но и уверен был, что он Попилий с баташком, а цари Европы — Антиохи. — Да и было бы так.

Но Россия и Кортесы в Испании, без фабрик, возвратили не токмо независимость и свободу всей Европе, но и самой Англии; а после подчинили в свою зависимость и то фабричное царство, из которого истекали и поныне истекают моды, вкусы и разврат. Вот тебе и вся важность политики! Не видишь ли, как она проста?

. . . .

Кто рассмотрит внимательно бытие народов, тот скажет: что не нужно вступать в большую прю с сочинителями о фабриках. Но если бы они пожелали видеть быт наших земледелателей, то я по их назначению, а не по моему выбору, не исключая Костромской, Рязанской и Псковской губерний, повел бы их куда им угодно; и не по большой дороге между Москвы и Петербурга, где и без фабрик много белокаменных палат, но в сторону. Я показал бы им, по названию с е л а; а по строению г о р о д а: Пучеж, Городец, Лысково. Тут бы они увидели сотни тысяч трудящихся, и не за станами. Потом повернул бы до Вятки в Казань, Промзино; показал бы им мужицкие клети, где добра, добра!! В сундуках жемчугу, штофных сарафанов с золотыми гасами, и шуб (а о пирогах и говорить нечего). Когда в праздник идут от обедни, есть на что посмотреть и полюбоваться!

Провел бы их и до Киева, оттуда по Белоруссии: тут бы они посмотрели и ткацких станов; но зато поели пухового хлебца, невеянного. Тут бы они попешешествовали; а в России б поездили на лихих.

У нас в России у мужичка в избе спроси молока — тащит кринку; спроси яиц — целый кузов, но фабричные держат пост. Посмотри на крестьянскую бабу или девку: — кровь с молоком; а силы? хоть какого парня свалит. Зайди в избу: тепло, обуто, одето, хотя и в лапти. Посмотрите же на фабричного: бледно, бедно, босоного, холодно и голодно. У

мужичка в хлевах коня два-три, и столько же коровок, да петел; а у фабричного? — ни кола, ни двора.

Может ли такой человек быть счастлив, и сохранит ли нравственность? И поневоле предастся разврату и злодеянию.

. . . .

(«Дух Журналов», 1816, № 10.)

54. Чего ждать от нового тарифа.

1816.

И мы осмелимся бросить пророческий взор в будущее, и указать ту прелестную перспективу, которая представляется нам от разрешения свободной торговли. — Пускай опыт оправдает или осудит гадания наши.

Последствия свободного тарифа будут таковы:

Первое: Цены на все иностранные мануфактурные изделия, бывшие доселе запрещенными, которые новым тарифом разрешены, понизятся по крайней мере до половины. Цена на тонкие английские сукна, по всему вероятию, упадет до 22 руб. за аршин. Она могла бы упасть до 18 руб., если бы пошлина наложена была не так велика. Мы предполагаем, что пошлина на сукно будет от 4 до 5 рублей за аршин.

Цена на шелковые материи вообще понизится до половины, а может быть и более.

Цена на сахар упадет более, нежели в половину, а особливо если перекупов в одни руки не будет. Рафинад будет продаваться не дороже 30 руб. за пуд.

Почти в той же пропорции понизится цена и на все прочие иностранные произведения и изделия, кои досели были запрещены.

. . . .

Десятое: Те из наших фабрик, которые возникли во время запретной системы, в надежде на продолжение оной — рушатся непременно: ибо они заведены большею частью заемными капиталами с платежом больших процентов, и только могли поддержать себя непомерными ценами и монополией. Об них жалеть нечего: они дали капиталам насильственный ход, отнявши оные от полезнейших ветвей промышленности. Но солидные наши фабрики, как суконные, бумажные и шелковые, так и сахарные заводы ничего не потерпят от разрешения иностранной торговли; они устоят, и только должны будут довольствоваться меньшим барышом, и стараться приготовлять свои изделья лучшей доброты, соревнуя иностранным.

Одиннадцатое: Многие спекулянты, или сказать прямым русским словом грабители, на развалинах общественного благосостояния созидавшие огромные свои надежды и богатевшие на счет бедности народной, падут в прах, из коего им и выходить никогда бы не должно было. Но честный негоциант, довольствовавшийся умеренным барышом и неотваживавший с безумною надеянностью всего своего имущества и кредита на дерзновенные спекуляции, не пострадает от свободной коммерции, а еще при постоянном и правильном ее ходе упрочит свои честные прибытки.

Двенадцатое: Когда иностранная торговля усаановится постоянно и возьмет свой правильный ход, без всяких скачков и крутых перемен: тогда и банкирские барыши уменьшатся; ибо банкиры всего более наживаются при беспорядочном и непрочном ходе коммерции.

Тринадцатое: Народ отдохнет от тягостей и лишений, которые принужден был терпеть столь долгое время: прикроет наготу свою, до которой доведен был бездушными монополистами; и, приложа руки к земле, истинной своей питательнице, — подобно Панкрустесу — тем более укрепится силою, чем более к ней прикасаться будет. — Всеобщее обилие вознаградит труд его гораздо надежнее и щедрее, нежели все фабрики на свете.

. . . .

(«Дух Журналов», 1816, № 15.)

55. О роскоши.

(Письмо к главному издателю «Духа Журналов»).

Очень кстати разжаловались вы, милостивый государь мой, на дороговизну и нищету народную. Теперь самое время видеть нищету сию во всей ее великости. Потрудитесь только пройтись часу в первом или во втором по булевару; посмотрите на гуляющих. Найдете ли хотя одного бедняка? Есть ли хотя тень дороговизны? Не везде ли пышность, роскошь, богатство? — Посмотрите, какими драгоценными

тканями прикрывают себя наши дамы? Только и видишь на всех турецкие шали тысячи в две, три и более; платье самых дорогих материй; на головах развеваются перья рублей в 500. Что только есть самого дорогого, того и ищут. А мужчины? Видали ли вы хотя одного в старом фраке или толстом сукне? Бывало прежде сюртуки немного длиннее куртки; а теперь, когда сукно дорого, стали делать до самого полу — сущие поповские рясы. Жалуются, что золото дорого — а у всех по моде длинные золотые цепи через плечо. И хлыстик в руках рублей в 20. — Посмотрите же на экипажи. Вы бывали в чужих землях: видали где такие великолепные экипажи? Карета с четверкою лошадей тысяч в десять. А ливрея вся в золотых галунах.

Загляните и под качели. Увидите ли и здесь в толпе народа низшего состояния, кого нибудь в лохмотьях? — Все в чистых, опрятных кафтанах; все сорят деньгами.

Пора вам бросить упрямство, и признаться, что народ ныне не беднее против прежнего. А если все стало дороже, зато всяк больше прежнего приобретает.

Пишу сие не с тем, чтоб вы напечатали; а зная ваши достоинства, желал бы, чтоб вы перестали защищать систему роскоши и мотовства, вам не свойственную.

Вас искренно любящий и уважающий.
Пятница.

Ответ.

Я рассудил напечатать сие письмо как для того, что не знаю, кого мне благодарить за добрый совет, так наиболее для того, что может быть найдутся и другие, которые сделали бы мне такое же возражение; почему не лишнее будет с моей стоорны объясниться.

Системы роскоши и мотовства я никак не защищаю, а всегда был врагом ее. Но защищаю систему дешевизны — и то не по упрямству, а в полной уверенности, что дешевизна родит обилие, довольство и благоденствие народа.

Признаюсь, что роскошь здесь усилилась; но где найдете столицу без роскоши? — Однако по столице обо всем государстве заключать не должно.

С того времени, как стал я писать против запретной системы, имел удовольствие получить много благодарных писем из разных мест, даже из отдаленнейших губерний. Желал бы я, чтоб почтенный аноним прочитал те жалобы на дороговизну и чрезвычайную бедность, коими почти все сии письма наполнены. Один пишет: «Мы не живем, а как рыба без воды томимся в нищете»; — другой: «Мы давно забыли, что такое сукно? носим дерюгу, хуже солдатского; а в дождь закутываемся в рогожу»; — третий: «Никогда болезни и смертность не были так многочисленны, как ныне, от крайней бедности и недостатков в вещах нужнейших»; — и тому подобное.

Что сказал бы г. Аноним, если бы с Петербургского булевара проехался по городам и деревням отдаленным и увидел бы картину нищеты, раздирающую сердце?

Но не нужно ехать далеко: посмотрим и на жителей петербургских. Г. Аноним знает, как все здесь дорого, начав от хлеба и мяса [1]) до сукна и квартиры. Он верно согласится со мною, что кто здесь издерживает в год не более двух тысяч рублей, тот живет очень бедно. А мало ли таких, которые и двух тысяч в год доходу не имеют? Мало ли таких, которые тысячу и даже 500 рублей достать не могут? Что ж они?.. Нищие.

Да и как судить по булевару? Это сборное место всего, что есть блистательнейшего в городе. Бедняк туда не пойдет. — Вы загляните в домы, а особливо в отдаленные части города; посмотрите там домашнего быту: найдете ли роскошь? — И много ли народа повернется на булеваре? Человек пятьсот в день; а в городе больше 160.000 жителей.

Во всяком народе число бедных против богатых бывает несравненно больше. В Англии пятая часть жителей сами себя содержать не могут, а получают вспоможение от правительства из суммы для бедных. Отчего ж там такое множество бедных и нищих? — От чрезмерной дороговизны. Не дай бог нам в этом сравниться с англичанами. А мы спешим к тому скорыми шагами.

Вот для чего я всегда защищаю систему дешевизны; а дешевизна родится от свободной торговли.

(«Дух Журналов», 1816, № 16.)

---

[1]) Говядина 30 коп. фунт, муки куль 23 руб. Как жить бедному?

V. Буржуазное общество.

56. Московские купеческие фамилии.

Если сравнить фамилии современных выдающихся купеческих родов и игравших видную роль в начале XVIII века, то не найдем ни одного рода, который бы сохранил свое значение со времен Петра I до наших дней: выдающиеся роды Петровского времени или перешли в дворянство, или совершенно исчезли; те же, которые теперь известны, в то время не имели никакого значения . . .

Из древних купеческих родов более известны Каретниковы, Оконнишниковы, Перловы, Лукутины, Земские, Баташевы, Москвины и Струговщиковы, из коих первые четыре существуют и теперь.

Родоначальником Перловых является тяглец Сретенской сотни Иван Михайлов (1705 — 1755), упоминаемый в переписной книге 1725 г. Фамилии он еще не имел: ее получил только в 1807 г. его сын Алексей Иванович (1751 — 1813), торговавший в Овощном ряду. Потомки его основали две известные чайные фирмы, представители которых, по случаю столетия торгового дома, возведены были в дворянское достоинство. Предок Лукутиных Василий Прокофьевич числился в московском купечестве по переписи 1725 г. и торговал в золотом ряду. Из Земских первым упоминается в наших документах старинный тяглец Алексеевской слободы Яков Васильевич (р. 1685 г.). Его сын Данила Яковлевич (р. 1710 — 1768), разных фабрик содержатель, откупщик, был одним из виднейших деятелей на промышленном поприще. Его и семью его описывает в своих «Воспоминаниях» внучка его Е. В. Смирная, ур. кн. Вяземская. Данила Яковлевич был женат дважды: на дочери ярославского фабриканта Ивана Затрапезного и на дочери содержателя железных заводов Аграфене Ивановне Миляковой (1744 — 1767). Сын его Данила Данилович (1748 — 1785), женатый на Анне Прокофьевне Демидовой, имел 2 сыновей: Данилу (1770) и Ивана (1771), выбывших в военную службу, и дочь Анну (1777). Дочери Данилы Яковлевича были замужем: Елизавета (р. ок. 1746), за кн. Вас. Алексеевичем Вяземским, Сусанна (р. 1747) за фабрикантом Макс. Алексеев. Демидовым и Ник. Александр. Соймоновым, Анна (р. 1751) за Кирилл. Прокоф. Бобровским, Варвара (р. 1753) за майором Егор. Марк. Шелимовым и Сарра (р. 1775) за майором Антон. Мих. Аничковым.

Укажем теперь происхождение некоторых более поздних родов, выдвинувшихся во 2-й половине XVIII и в XIX в., и время их «прибытия» в Москву.

Абрикосовы — из крестьян с. Троицкого, Отмист тож, Чембарского у., Пензенской губ. Анны Петровны Левашевой 1804 г. Фамилию получили в 1814 г.

Алексеевы из крестьян сельца Добродеева, деревни Костиной, Ярославской губ. Натальи Никифоровны Ивановой 1746 г. Их предок Алексей Петров (1724 — 1775) был женат на дочери конюха гр. П. Б. Шереметева. Сыновья его Семен (1746 — 1823) и Василий (1760 — 1807) торговали в 1795 г. в серебряном ряду и были родоначальниками 2 ветвей Алексеевых (сыновья Василия получили фамилию Алексеевых в 1819 г.) Александр Васильевич (1788 — 1841) был в 1840—1841 г.г. московским городским головой. В середине XIX века Алексеевы начинают вступать в брачные связи с дворянами: Варвара Петровна (1827 — 1848) была за д. ст. сов. Мих. Аким. Рюминым, Екатерина Васильевна (род. 1838, ум. 1871) за камер-юнкером Серг. Смирновым, Надежда Владимировна (род. 1826, ум. 1865) за полк. Арк. Иллар. Беклемишевым, сестры ее Анна (р. 1831, ум. 1891) за полк. Львом Дм. Кисловским, Татьяна (р. 1840, ум. 1892) за Андр. Ник. Костомаровым. В наше время достигли известности из рода Алексеевых Александр Семенович, действ. ст. советник, доктор государственного права, профессор и декан юридического факультета московского университета, Николай Александрович (род. 1852, ум. 1893), московский городской голова, и Константин Сергеевич, один из основателей московского Художественного театра, выдающийся актер, известный под псевдонимом Станиславского.

Бахрушины — из зарайских купцов 1835 г., род которых по документам можно проследить до 1722 г. Переселивший в Москву Алексей Федорович (— 1848), отец недавно умершего благотворителя почетного гражданина г. Москвы Василия Алексеевича (ум. 29 октября 1906) и дед коллекционеров Алексея Петровича (ум. 1904) и Алексея Александровича.

Гучковы — из дворовых людей надв. советницы Белавиной (1814 г.). К этому роду принадлежит московский городской голова, действ. стат. советник Николай Иванович и член 3-й Государственной Думы от г. Москвы Александр Иванович Гучковы.

Крестовниковы — из купечества г. Переяславля-Залесского Владимирской губернии 1826 г. Несколько лет тому назад вышло в свет роскошное издание истории этого рода (оно не продается).

Селивановские — из крестьян с. Деднова, Егорьевского у. Рязанской губ. генер.-поручика Мих. Льв. Измайлова.

Смирновы — из крестьян Демидова 1858 г. (родоначальник — отец Петра Арсентьевича).

Солдатенковы — из крестьян дер. Прокуниной, Коломенского уезда 1797 г. Родоначальник Егор Васильевич, дед Козьмы Терентьевича, известного книгоиздателя, завещавшего свою ценную картинную галлерею Румянцевскому музею. Племянник и наследник Козьмы Терентьевича Василий Иванович служил в министерстве внутренних дел и имеет чин действ. стат. советника.

(«Русский Архив», 1907, № 12).

57. Барон Гакстгаузен.

Русская биржа (в Рыбинске).

...Мы пошли с ним [1]) во вновь отстроенный биржевой зал, но нашли его почти пустым. По поводу этого старик сообщил нам, что простые русские купцы не могут привыкнуть к этому новому учреждению, что с их тихим, молчаливым, наблюдательным характером и с их привычкою к шопоту не гармонирует беготня, суетня, крик и шум биржи. Они привыкли вести переговоры о делах в трактире, за чаем, и кончать их там «с уха на ухо, шито и крыто». Самые большие дела и теперь делаются не на бирже. Мы вошли в большой трактир рядом с биржей; действительно, все богатые, биржевые купцы сидели неподвижно вдоль стен, как идолы, чинно, молча, все в поту, пили чай, и только изредка шопотом менялись словами с соседями. Несмотря на то, что тут сидело более 100 человек, шума было меньше, чем при десяти посетителях в пивной немецкого городка. Неизбежная в каждом русском трактире машина наигрывала что-то, и можно было подумать, что добрые бородачи шептались так тихо, чтобы не лишить себя наслаждения музыкой. В дни оживленной жизни и торговли в этом трактире выпивается в день 50 фунтов чаю.

(Исследования бар. Гакстгаузена, стр. 93—94.)

1) Местный миллионер, купец Тюменев.

58. Пушкин. Новая Москва.

(Из «мыслей на дороге»).

1833 г.

Fuit Troja, fuimus Trojani! [1]) Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству. Некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда же из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка и везде была толпа. В зале благородного собрания, два раза в неделю, было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками. Московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бы-

1) Была Троя, были мы троянцами!

вало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованного серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов — и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки-Москвы.

Куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники? Все исчезло! Остались одни невесты, к которым нельзя по крайней мере применить грубую пословицу: стары, как улицы. Московские улицы, благодаря 1812 г., моложе московских красавиц, все еще цветущих розами!

Ныне в присмиревшей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу. На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы — и никто его не покупает, и никто его не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается звук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров с своими казаками.

Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а бывало уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе.

Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя в день хозяйских именин, или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! Горе от ума есть картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве не найдете ни Фамусова, который «всякому, ты знаешь, рад», и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы дает нельзя богаче, от Рождества и до поста, а летом праздники на даче». Хлестова — в могиле; Репетилов — в деревне. Бедная Москва!..

Петр I-й не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно. И на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После этого, когда старая аристократия возымела прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое — обеднение русского дворянства, происшедшее частью от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, частью от других причин, о которых еще успеем потолковать.

Но Москва, утратившая свой аристократический блеск, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенной силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

(Соч. Пушкина, изд. Павленкова, стр. 1220—1222.)

59. Барон Гакстгаузен.

Новая Москва.

Пожар 1812 года, изменивши совершенно наружный вид Москвы, влиял и на изменение в ее населении; составные части ее теперь совсем иные, чем прежде.

Москва была городом русского дворянства, теперь же она стала фабричным городом.

Еще за 50 лет тому назад из 8.360 частных домов 6.400 принадлежали дворянству. В то время русское дворянство жило большею частью, по крайней мере зимой, в Москве. Дворянство это было до того высокомерно, что не позволяло в своем доме никому более жить; да и самые дома были так расположены, что помещение в них лавок, или ремесленных производств было неудобно (разве иногда в нижнем этаже). Дома находились или в глубине двора, или, если выходили на улицу, то рядом с ними лежал двор с воротами. Некоторые из них были настоящими дворцами в два и три этажа, другие одноэтажные деревянные русские дома, но красиво отделанные. В Москве не было, как в западных городах, непосредственно один подле другого стоящих домов в два, три, четыре и более этажей, из которых нижний предназначается обыкновенно для лавок.

Эти дома занимало прежде дворянство с своими семьями и дворовыми, крепостными людьми и жило в них с роскошью на половину восточной, на половину европейской. Мужик работал и платил своему господину, а господин с семьей и дворней спускал все в Москве. Высшая роскошь заключалась в держании наибольшего числа лошадей и дворни. Для обуздания роскоши на лошадей правительство не раз было вынуждаемо делать особые распоряжения; так, выходили постановления о том, кто имел право ездить парой, кто четверней, кто шестерней и т. д.

Что касается до роскоши на дворню, то в Западной Европе не имеют об этом никакого понятия. Утверждают, что некоторые дворяне содержали по 1000 и более дворовых людей; даже незначительные, сравнительно бедные, дворяне имели по крайней мере по 20 и 30 человек прислуги. Невозможно найти сословия более ленивого, нерадивого и беспорядочного, как русская дворня; да и где было взять работы на такую массу людей? Мне рассказывали, что распределение занятий между ними доходило часто до смешного: один человек, например, всю свою жизнь только и делал, что выметал одну лестницу, на обязанности другого лежало подать воду к обеду господ, третий должен был подавать воду вечером и т. д. Содержание этой дворни не обходилось однако слишком дорого: они питались, как русские мужики, хлебом, кашей, щами и квасом; их одежда была крестьянская, и помещались они в простых избах, которые всегда стояли в изобилии на дворах помещичьих домов. Таким образом дворянство с своею дворней составляло прежде главную составную часть населения Москвы, быть может, в 250.000 человек. На лето половина или быть может две трети этого населения уезжало в деревни и до зимы Москва превращалась в пустыню.

С 1812 года все изменилось. Дворянские дома сгорели, дворянство, понесшее большие потери, удалилось во внутрь страны и не имело уже более ни сил, ни средств на восстановление прежних зданий и на продолженве в них той же праздной жизни и роскоши. Дворянство осталось в деревнях и на зиму приезжало в губернские города, которые с этого времени необыкновенно расцвели. В то же время правительство начало будить и оживлять промышленность, и скоро Москва стала центром всей промышленной деятельности.

Теперь на вопрос: чей это богатый дом, получаешь ответ: фабриканта такого-то, купца такого-то, а прежде: принадлежал князю такому-то, или такому-то.

С развитием промышленности состав московского населения совершенно изменился. В лучших частях города дома стоят один подле другого и только изредка встречаются огромные дворы с воротами, но в отдаленных частях города они преобладают до сих пор. Дома большей частью в два и три этажа, редко более, и нижние заняты сплошь лавками. Некоторые же улицы, напр., Кузнецкий мост, могли бы в этом отношении поспорить с самыми блестящими улицами лучших городов Европы. Место прежнего дворянства с его многочисленной ленивой дворней заступили теперь фабриканты с немеиьшим количеством рабочих. Многие дво-

ряне занялись сами фабричными предприятиями, а их прежние дворовые работают теперь на фабриках за плату. Но и остальная часть дворянства, живущая в Москве, или на службе, или своими средствами, живет все-таки совершенно иначе, чем прежде. Роскошь на лошадей исчезла совершенно, ограничиваются только необходимым. Прислуги тоже держат сколько нужно, и если все еще нуждаются в большом количестве ее, напр., вдвое больше, чем жители Берлина (семья, довольствующая в Берлине двумя, или тремя лакеями, имеет их в Москве по крайней мере от четырех до шести), то прежние массы ничем незанятых людей совершенно исчезли. Теперь, разве как исключение, можно встретить где-нибудь в доме 20, 30 человек прислуги и уже совсем как редкость попадется какой-нибудь русский вельможа из древних бояр, который держит при себе по старому обычаю несколько сотен дворовых; мне называли из таких, между прочим, князя Сергея Голицына. Вообще же дворянство теперь находит более выгодным и соответственным своим новым привычкам и образу жизни помещать, за определенный оброк, прежде ничего неделавших дворовых людей в рабочие на фабрики. Часть дворянства, воспитанного на совершенно европейскую ногу, не держит при себе вовсе своих крепостных, а нанимает прислугу. Между тем как его крепостные, быть может, в той же Москве служат за вознаграждение у других дворян, он нанимает к себе чужих крепостных.

Таким образом в последние 30 лет внешний вид и характер Москвы совершенно переродился, так что изучавший Москву 50 лет назад не мог бы узнать ее теперь, и подумал бы, что попал в другой русский город.

. . . .

(Исследования бар. Гакстгаузена, стр. 30—33.)

---

60. «Событіе».

Разсказъ купца Рыбникова объ обѣдѣ въ Зимнемъ дворцѣ 13 мая 1833 г.

Въ С.-Петербургѣ, въ бытность мою, Рыбникова, 13-го мая 1833 г., е. и. в. всемилостивѣйшій государь императоръ Николай Павловичъ, по случаю выставки россійскихъ произведеній, изволилъ назначить въ Зимнемъ дворцѣ царскій обѣденный столъ на 500 кувертовъ, къ которому были приглашены по билетамъ, по высочайшему повелѣнію, въ три часа, а какъ всѣ собрались въ концертную залу, гдѣ стояла водка и закуска, то желающіе пили водку и закусывали; потомъ къ столу были первые прошены московскіе фабриканты, за ними с.-петербургскіе заводчики изъ дворянскаго сословія и изъ иностранцевъ, потомъ всѣ высшіе чины: предсѣдатель гос. совѣта, его свѣтл. Кочубей, министры, генералъ-адъютанты, посланники дворовъ и всѣ военныя и статскія первоклассныя особы, члены мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ и комитета выставки и с.-петербургское первыхъ двухъ гильдій купечество; всѣмъ были назначены свои мѣста, а что болѣе удивило — по назначенію самого императора, въ томъ столѣ, гдѣ самъ государь съ государыней и весь императорскій дворъ намѣрены кушать, назначены восемь персонъ сидѣть за тѣмъ же столомъ, а именно: по лѣвую руку императора: 1) мануфактуръ-совѣтникъ, суконный фабрикантъ, Иванъ Назаровъ Рыбниковъ, 2) мануфактуръ-совѣтникъ Гаврила Никитин Урусов, 3) мануфактуръ-совѣтникъ Павелъ Назаровъ Рогожинъ, 4) с.-петербургскій градскій глава Кукушкинъ, 5) мануфактуръ-совѣтникъ Иванъ Михайловъ Кондрашовъ, 6) московскій первой гильдіи купецъ, суконный фабрикантъ, Илья Семеновъ Бабкинъ, 7) с.-петербургскій первой гильдіи купецъ, мануфактуръ-совѣтникъ, сахарный заводчикъ и кавалеръ, Прокопій Ивановичъ Пономаревъ, 8) заводчикъ химическихъ произведеній, московскій первой гильдіи купец и членъ коммерческаго банка Василій Логиновичъ Лепешкинъ.

Пришла та минута, шествовали въ ту георгіевскую залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Государь и императрица рядомъ ручка съ ручкою; за ними наслѣдникъ престола, цесаревичъ, великій князь Александръ Николаевичъ, а за нимъ великія княжны, рядомъ, Марія и Ольга Николаевны, а за ними великій князь, е. и. выс-во Михаилъ Павловичъ.

И какъ скоро императоръ и императрица изволили подойти къ двери, то всѣ ихъ величеству присутствующіе кланялись, на что самъ императоръ и императрица изволили кланяться,

и потомъ обошелъ столъ до половины и поперегъ стола изволилъ сѣсть государь императоръ противъ самой двери, откуда изволилъ взойти, а напротивъ его изволила сѣсть государыня императрица; тожъ въ половинѣ стола у самаго входа двери, откуда изволили шествовать, по правую руку е. и. в. сидѣлъ великій князь, цесаревичъ, наслѣдникъ престола, а подлѣ его великія княжны, старшая и младшая рядомъ, и возлѣ ихъ величествъ статсъ-дама Кочубей, по лѣвую руку государыни императрицы изволилъ сидѣть вел. кн. Михаилъ Павловичъ, возле его вы-ва двѣ фрейлины государыни императрицы, а возлѣ ихъ предсѣдатель государственнаго совѣта, его свѣтл. Викторъ Павловичъ Кочубей, и такъ далѣе по классамъ и всѣ чины по старшинству.

Возлѣ государя императора по правую руку сидѣлъ министръ финансовъ гр. Егоръ Францовичъ Канкринъ, возлѣ него иностранные министры, посланники дворовъ и такъ далѣе, а по лѣвую, рядомъ съ императоромъ, сидѣлъ помянутый фабрикантъ мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ Рыбниковъ, съ которымъ е. и. в. изволилъ во весь столъ кушавши разговаривать, и священныя е. и. в. слова остались незабвенными у всеподданнѣйшаго и въ потомствѣ его, Рыбникова.

Еще два стола были поставлены къ помянутому первому столу и обозначали литеру покой, за которыми сидѣли: по правой сторонѣ въ одномъ столѣ московскіе фабриканты и заводчики, тожъ и с.-петербургскіе и многія особы изъ дворянъ, имѣющія фабрики и заводы. Въ другомъ столѣ, по лѣвую сторону, с.-петербургскіе купцы первой и второй гильдіи и первоклассные чины, всѣ тѣ, кои были приглашены по билетамъ, военные и статскіе.

Билетъ былъ въ слѣдующихъ словахъ напечатанъ: «Къ назначенному по случаю выставки отечественныхъ мануфактурныхъ произведеній обѣденному столу, по высочайшему повелѣнію, приглашаетесь вы пожаловать въ Зимній е. и. в. дворецъ сего 13-го мая, въ субботу, въ 3 часа пополудни».

Е. и. в. всемилостивѣйшій государь Николай Павловичъ, во время стола, изволилъ говорить со мною, Рыбниковымъ.

Сперва государь императоръ изволилъ сказать: — «Кажется, мануфактура наша скорыми шагами идетъ впередъ, я очень радъ». Имѣлъ счастіе Рыбниковъ отвѣчать: — Всемилостивѣйшій государь! мы въ Москвѣ были въ великомъ унынiи и страхѣ. — «Отчего»? — У насъ разнеслись слухи, в. и. в., яко бы на всѣ мануфактурные товары пошлина уменьшится и многіе артикулы вовсе дозволятся везти безъ пошлины. — «Это неправда, но, напротивъ, увѣряю васъ, что тарифъ вновь будетъ разсмотрѣнъ, и на нѣкоторыя статьи пошлина надбавится, а нѣкоторыя мануфактурныя издѣлія и вовсе будутъ запрещены». — Государь, это единственная будетъ польза для отечества и всѣхъ сословій въ государствѣ в. и. в.

— «Выставкой я очень доволенъ, нашелъ всѣ издѣлія и прочія вещи слишкомъ хороши». — Государь, я отъ всѣхъ фабрикантовъ всеподданнѣйше благодарю в. и. в. — «Московскіе фабриканты достойны вниманія по своимъ издѣліямъ; что Кожевниковъ и его фабрика?» — Въ большомъ разстройствѣ, в. и. в., теперь всемъ его имѣніемъ распоряжается конкурсъ. — «Можетъ ли фабрика его когда-либо поправиться?» — Въ скоромъ времени ожидать нельзя, в. и. в. — «Жаль, что такъ случилось, а фабрика была знаменитая; онъ самъ виноватъ; а ваша фабрика идет хорошо?» — Слава богу, в. и. в.—«Что, на Кяхту вы много продали?»— До девяти тысячъ штук, в. и. в. — «Отчего въ Москвѣ тонкими сукнами въ сбытѣ затрудняются, я слышал?»

— Полагаю потому, в. и. в., что въ Москвѣ и ея округѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, до двухъ сотъ фабрикъ вновь развели и умножилось количество, а покупатели все тѣ же, да къ тому же и изъ Польши везутъ очень много тонкихъ суконъ, поелику пошлина взимается почти ничтожная, въ сравненіи по тарифу изъ прочихъ мѣстъ наложенной. — «Тамъ фабрики почти всѣ разорены, нельзя же ихъ съ прочими сравнить, ибо они наши подданные; имъ и такъ почти равныхъ суконъ почти вовсе везти нельзя. — Что, Рогожинъ женатъ или нѣтъ?» — Женатъ, в. и. в. — «Кто возлѣ головы сидѣлъ?» — Шелковыхъ издѣлій фабрикантъ Кондрашевъ, в. и. в. — «А кто возлѣ Кондрашева?» — Товарищъ мой, Бабкинъ, в. и. в.— «Давно ли вы товарищи съ нимъ?» — 23 года, в. и. в. — «Были вы въ технологическомъ ин-

ститутѣ?» — Былъ, в. и. в. — «Это заведеніе въ самомъ младенчествѣ». — Впослѣдствіи времени это заведеніе должно пользу принесть, в. и. в., только иностранныхъ мастеровъ и механиковъ должно чаще перемѣнять и выписывать черезъ каждые три года; извѣстно, что въ Англіи и Франціи успѣшнѣе механика идетъ, нежели гдѣ-либо. — «Это правда: но Москва становится мануфактурный городъ, какъ Манчестеръ; и кажется, вовсе забыли несчастный 12-й годъ...».

«Вамъ, господа, непремѣнно должно стараться выдержать соперничество въ мануфактурѣ съ иностранцами и чтобы сбытъ былъ вашихъ издѣлій не въ одной только Россіи, а и на прочихъ рынкахъ». — Точно, стараться надо, в. и. в., но еще потребно на это немного времени, ибо иностранцы столѣтіями насъ опередили. — «Почему наши россійскіе негоціанты неохотно приступаютъ къ строенію кораблей и имѣть обширную торговлю и сношеніе со всѣми государствами?» — На это потребны, в. и. в., большіе капиталы, а у насъ не у многихъ они есть. — «Можно бы на акціяхъ или компаніями». — На первый случай, в. и. в., и то было бы хорошо, ежели бы от нашего купечества въ иностранныхъ торговыхъ городахъ были открыты торговые дома, а тогда по времени и корабли сдѣлались бы необходимыми. — «Это правда ... (Но) я вамъ мѣшаю кушать, кушайте». —

Сложа руки ладонями вмѣстѣ и прижавъ къ сердцу, я сказалъ:—В. и. в., какъ мы счастливы, что удостоились за однимъ столомъ кушать съ батюшкой царемъ и матушкою государынею. — «Вы того стоите». — В. и. в., потомки наши должны благословлять въ сердцахъ своихъ незабвенное сіе событіе, и въ исторіи останется навсегда безсмертнымъ. — «Дѣти ваши здоровы?» — Покорно благодарю, в. и. в., меньшой сынъ виноватъ передъ в. и. в., дѣтей у него и теперь еще нѣтъ, а в. и. в. ему на московской выставкѣ сказать изволили, что надѣетесь «у него будутъ дѣти». Ежели в. и. в. случится, у перваго младенца осчастливьте быть воспріемникомъ. — «Изволь, изволь, изволь; не скажу вамъ, что я въ семъ году пріѣду въ Москву на шесть мѣсяцевъ, а на три непремѣнно». — Въ прошломъ году е. и. выс-во Михаилъ Павловичъ изволили обозрѣвать у меня фабрику и были въ домѣ; в. и. в. во время бытности въ Москвѣ осчастливьте пожаловать ко мнѣ на фабрику. — «Изволь, непремѣнно буду у васъ: вы будете на Макарьевской ярмаркѣ?» — Буду, в. и. в. — «И мнѣ желается побывать; какъ она начинается и когда оканчивается?» — Съ 25 іюля, в. и. в., и кончается 28 и 29 августа, почти до 1 сентября. — «Я подъ конецъ самый хотя на одинъ день постараюсь быть; что у васъ коммерческій судъ открытъ? вы довольны имъ?» — Открытія не было, в. и. в., а предсѣдатель и товарищъ выбраны, равно и члены отъ купечества; полагаю очень скоро къ селу приступать.

Какъ скоро стали подавать хлѣбенное, всемилостивѣйшій государь всталъ, тожъ и государыня, наслѣдникъ престола и великія княжны и всѣ присутствующіе. Государь: «здоровье московскихъ фабрикантовъ и всей мануфактурной промышленности».

Фабриканты были предварены, тотчасъ не садясь благодарили всемилостивѣйшаго государя, императрицу, наслѣдника престола, великаго князя Михаила Павловича, великихъ княженъ и всѣхъ присутствующихъ низкими поклонами; въ продолженіе стола подавали фрукты, варенья, мороженое и кофе. По окончаніи стола государь и государыня и всѣ вышли въ концертную залу. Государь и государыня изволили остановиться по срединѣ зала, а какъ фабриканты московскіе и с.-петербургскіе и прочіе съ купечествомъ с.-петербургскимъ стояли видомъ въ полукружіи, то всемилостивѣйшій государь изволили почти къ каждому фабриканту подходить и министръ гр. Канкринъ каждаго представлялъ и всякаго по фамиліи называлъ. Государыня всѣхъ привѣтствовала, со многими изволила разговаривать, что она знаетъ его издѣлія, видѣла на выставкѣ и нѣкоторыя хвалила, а Кондрашеву, указавъ на свое бѣлое шелковое платье, изволила сказать:

— Это ваша матерія.

Потомъ, подойдя ко мнѣ, Рыбникову, всемилостивѣйше изволила мнѣ поручить:

— Когда пріѣдете въ Москву, кланяйтесь отъ меня князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну и Татьянѣ Васильевнѣ.

И такъ всѣхъ обойти изволила и стала опять посреди залы, куда вероятно съ позволенія привели вел. кн. Константина Николаевича и

принесли вел. кн. Николая Николаевича; потомъ самъ государь императоръ изволилъ такъ же какъ и императрица, всѣхъ обойти и министръ гр. Канкринъ тоже всѣхъ по фамиліи называлъ и представлялъ; государь со многими фабрикантами и купцами изволилъ разговаривать; обойдя всѣхъ, государь взялъ вел. кн. Константина Николаевича за головушку и наклонялъ оную ему низко, говоря:

— «Кланяйся, кланяйся ниже»; потом ему сказать изволилъ: «ты адмиралъ, но полѣзай на мачту самъ».

Государь сталъ прямо и сказать изволилъ: «на мачту!».

Вел. кн. Константинъ Николаевичъ сталъ хвататься за государевы руки, за пуговицы мундира и петли и потомъ за плечо и взлѣзъ на плечо государя, сѣсть изволилъ лицомъ къ лицу государя на самый эполетъ; тогда его государь поцѣловалъ и сказать изволилъ всѣмъ присутствующимъ: — «Это адмиралъ исправный»; потомъ сказать изволилъ: «ну, адмиралъ, тѣмъ же маршем съ мачты долой».

Потомъ государь беретъ на руки вел. кн. Николая Николаевича и изволитъ говорить: «вотъ, къ сожалѣнію, весьма былъ боленъ, почти шесть мѣсяцевъ, однако, теперь прошло». Онъ даетъ вел. кн. Николая на руки къ нянюшке, и начали государь и государыня раскланиваться и всѣ имъ тоже кланялись.

Они изволили выйти изъ этой залы въ комнату въ боку, въ которую стеклянныя двери, и въ этой комнатѣ государь всѣхъ великихъ князей и княженъ кого потреплетъ по щечкѣ, кого поцѣлуетъ, а мы всѣ сквозь двери стеклянныя все кланялись: только когда къ намъ становился лицомъ и государыня къ нему подходила, государь съ нею нѣсколько усмѣхался, и мы, насладясь лицезрѣніемъ благословенной четы, государю и государынѣ поклонясь нѣсколько разъ, пошли изъ дворца, и сказалъ я, Рыбниковъ: «слава тебѣ, боже, и тебѣ царю-батюшкѣ многолѣтствовать».

Иванъ Назаровичъ Рыбниковъ, мануфактуръ-совѣтникъ и кавалеръ.

(«Русс. Старина», 1886 г. сентябрь, стр. 576—582.)

II. Разложение феодализма.

VI. Крепостное хозяйство.

61. Хлебная торговля в Черноморских и Азовских портах южной России.

...Вот цифры о ходе хлебной торговли в Черноморских и Азовских портах вообще, извлеченные из таблиц, имеющихся в делах Главного Статистического Комитета Новороссийского Края:

Отпущено за границу:	Четвертей.					
	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	Гороху.	Кукурузы.
В 1824 г.	665.991	—	72	30	—	—
„ 1825 „	917.967	3.600	5.318	1.506	—	—
„ 1826 „	983.727	18.811	11.897	1.725	—	—
„ 1827 „	1.631.902	114.626	21.607	22	2.693	—
„ 1830 „	2.057.264	11.163	141.662	37.851	6.141	—
„ 1831 „	1.083.647	19.899	39.800	41.763	1.713	—
Итого в 6-летие отпущено . . .	7.340.498	168.099	220.356	82.897	10.547	—
а в 1828 и 1829 г.г. .	457.328	4.515	11.207	866	232	—
В 1832 г.	1.600.292	23.283	12.129	52.603	1.975	—
„ 1836 „	1.410.006	76.952	21.519	11.285	4.081	—
„ 1837 „	1.808.654	89.442	68.954	12.661	11.858	—
„ 1838 „	2.191.617	73.266	131.982	7.208	9.374	—
„ 1839 „	2.648.667	62.129	67.232	20.211	12.863	—
„ 1840 „	1.706.653	2.809	12.328	39.871	5.025	—
Итого в 6-летие отпущено . . .	11.365.889	327.881	314.144	143.839	45.173	—
а с 1833 по 1835 г.г.	1.416.799	22.059	11.667	13.592	388	—
В 1841 г.	1.444.778	2	2.109	10.917	3.902	13.861
„ 1842 „	1.712.738	63	58	17	3.314	2.513
„ 1843 „	1.908.312	36.128	7.129	9.030	5.280	—
„ 1844 „	2.330.261	148.847	49.630	25.129	8.669	77.678
„ 1845 „	2.716.148	77.274	23.943	138	4.343	50.275
„ 1846 „	3.036.424	312.428	21.025	300	1.915	55.223
Итого в 6-летие отпущено . . .	13.148.661	574.742	103.894	45.526	27.423	199.550

Отпущено за границу:	Четвертей.					
	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	Гороху.	Кукурузы.
В 1847 г.	5.066.183	510.919	77.584	34.356	3.302	40.845
„ 1848 „	2.941.744	52.499	12.715	2.311	3.642	4.667
„ 1849 „	2.247.782	4.786	9.461	39	53	44.262
„ 1850 „	2.379.252	15.084	9.095	1.856	874	51.184
„ 1851 „	2.136.206	116.547	11.734	264	7.648	184.015
„ 1852 „	4.135.739	443.110	53.089	9.655	5.471	334.789
Итого в 6 летие отпущено . . .	18.907.935	1.142.915	173.678	48.481	20.990	669.792
А всего	52.687.110	2.240.241	834.946	335.201	104.753	869.342

Общий итог отпуска показанных нами хлебов, в 29 лет, состоял всего из 57.021.593 четвертей.

По шестилетним, указанным нами, периодам отпуск распределялся следующим образом:

		Четвертей.	Средн. число в год.
В 1	с 1824 по 1831	7.822.397	1.307.066
» 2	» 1832 » 1840	12.196.926	2.032.654
» 3	» 1841 » 1846	14.099.796	2.349.966
» 4	» 1847 » 1852	20.963.821	3.493.970

Таким образом в первом периоде господствуют два главные элемента: 1) непрочность торговли с Англией, где переменные пошлины на хлеб, существовавшие до 1847 года, были для нас камнем преткновения; 2) отсутствие соперничества турецкого хлебопашества, ибо, хотя после Адрианопольского мира, княжества Молдавия и Валахия освободились от обязанности продавать всю свою пшеницу туркам для продовольствия Константинополя, по определенным заранее ценам, однакож промышленность Дунайская и Румелийская развиться еще не могли. В это время из Черноморских и Азовских портов отпуск хлебов достиг только 7.822.397 четв., или средним числом в год до 1.307.066 четв. Это уже мало подавало надежды промышленникам нашим на дальнейшее развитие хлебной торговли, тем более, что в предшествовавшие годы отпуск одной пшеницы доходил почти до такой же цифры. Именно:

				Четвертей.
В 1814	году	отпущено	было	330.116
» 1815	»	»	»	562.714
» 1816	»	»	»	1.258.625
» 1817	»	»	»	1.746.281
» 1818	»	»	»	1.306.759
» 1819	»	»	»	1.409.836
» 1820	»	»	»	1.179.462
» 1821	»	»	»	825.372
» 1822	»	»	»	633.202
» 1823	»	»	»	912.267
			Всего . . .	10.163.634

то-есть, средним числом, по 1.016.363 четверти ежегодно.

Во втором периоде Дунайские княжества, освобожденные от упомянутой монополии, при хорошем управлении, основанном под русским влиянием, увеличили свою производительность, и, пользуясь открытием свободного судоходства по Дунаю, начали отпускать через Галац и Браилов пшеницу, на английских и австрийских судах, в те страны, куда сбывался почти исключительно русский хлеб. Равным образом, дозволение привозить в эти порты иностранные товары с уменьшенною пошлиною обратило на Дунай особенное внимание промышленного мира, искавшего пунктов для сбыта своих фабричных произведений, и привлекло туда значительные капиталы, оживившие внутреннее хозяйство той страны. Таким образом, в этот период явился для нашей торговли соперник довольно сильный, ибо из Галаца и Браилова уже отпущено было:

	Четв. пшеницы.	Четв. кукурузы
В 1837 году	350.000	213.000
» 1838 »	494.000	157.000
» 1839 »	499.866	248.000
» 1840 »	509.014	254.953

то-есть в четыре года 2.825,800 четвертей того и другого сорта хлеба. При таком совместничестве иностранных соседних нам портов, коим притом дарованы многие преимущества, казалось, торговля наших хлебных рынков должна была еще более ослабеть, чем в предшествовавшее шестилетие. Но не так вышло. На самом деле отпуск наших хлебов не только не уменьшился, но даже, как мы указали выше, в сравнении с предыдущим периодом, увеличился на 725.594 четверти, или каждогодно на 56%.

В третьем периоде, совместничество Галаца и Браилова в отпуске хлеба более и более усиливается. Посредством учрежденных австрийским правительством пароходных сообщений от Вены до Галаца и оттуда в Константинополь, Смирну и Требизонд, торговые обороты Дунайских княжеств еще более упрочились и распространились. Кроме того, со введением в Великобритании в 1842 году новой пошлинной системы, имевшей целью сильные колебания, в ценах на хлеб, облегчен вывоз съестных припасов из колоний, и наконец, благоприятные урожаи в 1843, 1844 и 1845 годах в Англии — стране главного сбыта нашего хлеба, повидимому, достаточны были, чтобы уменьшить количество отпуска хлеба из Черноморских и Азовских портов, как это и случилось (с 1839 года) с нашими Дунайскими портами. При всем том наши порты не только не поколебались, но в отношении к предшествовавшему периоду отпустили хлеба 1.902.870 четвертями более, или увеличивали каждогодно свой отпуск на 15%.

Наконец, последний период начинается уничтожением или изменением в Англии, а после в Бельгии, Голландии и других государствах, переменных хлебных пошлин. Торговля этим продуктом становится прочною и может быть вернее расчитанною, чем другими статьями ввоза. Закон этот обеспечивает не только самих торговцев хлебом, тех, у кого они покупают его, и тех, кому продают, но даже развивают обмен в таких размерах, какие до тех пор были неизвестны. Это заставляет приняться за торговлю хлебную и те страны, которые прежде не принимали в ней никакого участия. Кроме быстро усилившегося отпуска пшеницы, а еще более кукурузы из Галаца и Браилова, Румелия чрез Варну и Константинополь, Салоники и другие порты Европейской Турции, покупавшие до 1831 года одесскую пшеницу, сами начали отпускать ее в другие земли. Италия, которая — особенно Неаполитанское королевство — так часто прибегает к Черноморью за хлебом для своего внутреннего продовольствия, тоже начала отправлять собственный хлеб. Венгрия усилила свой отпуск чрез Фиуме, на Адриатике. Египет, отвлекшийся было от хлебопашества возделыванием хлопчатой бумаги, гораздо старательнее заботится о сбыте хлебных продуктов, пользуясь свободным их вывозом. Наконец Северо-Американские Соединенные Штаты, усилением торговли своею пшеничною мукою, уменьшили привоз пшеницы из Северной России [1]). Такое стремление всех стран к торговле, только что образовавшейся, не могло не стравить промышленников в Черноморских и Азовских портах, тем более, что склады их пополняются хлебом Западной России, следовательно, высших сортов, а недостаток путевых сообщений и скотские падежи, делали доставку хлеба затруднительною и увеличивали на месте ценность продукта. Но результат все-таки оказывается самый утешительный для земледельцев, как и для торговцев. Отпуск хлеба, против предшествовавшего периода, увеличился на 6.864.025 четвертей, а каждогодно превышал годовой отпуск на 48%.

. . . Вот сравнительная таблица отпуска хлебов в 26 лет, по роду зерен, из Черноморских и Азовских портов, с отпуском в такой же период времени из портов Балтийского и Белого морей:

---

[1]) Для любопытства представляем здесь таблицу, показывающую количество привезенной в 1851 и 1852 годах в Англию и из каких портов кукурузы, т.-е. продукта, который за десять лет назад почти не был известен в торговле и отпускался из России только в Турцию и Грецию:

	1851 квартеров.	1852 квартеров.
Из Галаца	286.067	223.000
» Браилова	201.779	362.600
» Салоники	95.377	35.640
» Египта	86.200	50.960
» Италии	162.514	8.250
» Константинополя, Марселя, Триеста и др. портов Средиземного моря	296.544	190.720

Из портов Черного и Азовского морей:

	Отпущено четвертей.
Пшеницы . . .	52.047.710
Ржи	2.235.726
Ячменя	823.736
Овса	334.014
Гороху	104.508
Кукурузы . . .	869.342
Всего . . .	56.415.036

Из портов Балтийского и Белого морей:

	Отпущено четвертей.
Пшеницы . . .	4.051.479
Ржи	14.371.011
Ячменя	5.376.929
Овса	6.736.651
Всего . . .	30.536.070

Отсюда выходит, что в Черноморских и Азовских бассейнах первое место в хлебной торговле занимает пшеница, затем следуют рожь, кукуруза, ячмень, овес и горох; в Балтийском же и Беломорском бассейнах главная роль в этой торговле принадлежит ржи, за нею следуют, по количеству отпуска: овес, ячмень и пшеница; горох и другие сорта хлеба не показываются в числе отпускных статей.

...Первое место между хлебными рынками Южной России, а может быть и всего торгового мира, по количеству отпуска хлебов, принадлежит Одессе; ее участь тесно связана с благосостоянием всего южного края, и на нее обращено теперь всеобщее внимание. Вот таблица отпуска зернового хлеба из этого порта с 1824 года, за исключением цифр 1828, 1829, 1833, 1834 и 1835 годов, по причине, об'ясненной выше:

ОТПУЩЕНО ЗА ГРАНИЦУ.	ЧЕТВЕРТЕЙ.			
	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.
В 1824 г.	561.465	—	32	—
„ 1825 „	712.378	2.200	5.305	1.506
„ 1826 „	804.763	8.680	9.055	1.710
„ 1827 „	1.200.826	39.940	6.852	5
„ 1830 „	1.200.444	3.276	62.358	29.244
„ 1831 „	482.638	14.208	15.045	33.600
Итого	4.962.514	68.304	98.647	66.065
В 1832 г.	804.040	16.888	4.917	30.807
„ 1836 „	878.707	74.222	20.150	11.217
„ 1837 „	950.498	77.656	47.122	12.639
„ 1838 „	990.511	44.341	63.708	7.197
„ 1839 „	1.210.232	40.844	31.699	20.206
„ 1840 „	789.007	2.510	9.262	39.861
Итого	5.622.995	256.461	176.858	121.927
В 1841 г.	720.372	—	802	10.894
„ 1842 „	863.422	—	—	—
„ 1843 „	1.170.245	32.428	14	4.019

Отпущено за границу.	Четвертей.						
	Пшеницы.	Ржи.	Ячменя.	Овса.	Гороху.	Кукурузы	Муки.
В 1844 г. . . .	1.263.036	86.892	18.071	13.680	—	—	—
„ 1845 „ . . .	1.777.087	64.953	5.701	3	—	—	—
„ 1846 „ . . .	1.955.316	251.526	281	300	—	—	—
Итого . . .	7.749.478	435.799	24.869	18.002	—	—	—
В 1847 г. . . .	2.798.183	334.746	22.306	21.481	3.249	33.069	23.610
„ 1848 „	1.958.283	33.668	3.173	2.631	2.631	3.701	19.995
„ 1849 „	1.567.265	865	1.861	1	51	43.370	30.608
„ 1850 „	1.361.635	8.051	—	29	860	45.782	29.544
„ 1851 „	998.082	102.466	7.662	50	7.648	136.461	21.041
„ 1852 „	1.892.016	300.318	48.754	9.650	5.465	313.383	16.152
Итого . . .	10.575.765	777.114	83.756	33.522	19.904	580.766	137.950
А всего в 24 г. .	28.910.762	1.537.678	384.130	239.516	—	—	—

В «видах торговли», до 1847 года, горох, кукуруза и мука показывались в общей статье «разного хлеба», без означения количества.

Общий итог отпуска из Одесского порта хлебов, в показанные нами годы, состоял из 31.810.696 четвертей.

Для полноты, представляем здесь цифры сего отпуска в 1828, 1829, 1833, 1834 и 1835 года исключенные нами из таблицы, как ненормальные в торговле этого порта, по объясненным уже причинам.

Отпущено четвертей.	пшеницы	ржи	ячм.	овса
в 1828 году . . .	28.860	2.050	377	707
„ 1829 „ . . .	305.325	—	2.405	—
„ 1833 „ . . .	457.087	2.040	2.291	10.183
„ 1834 „ . . .	68.217	—	—	—
„ 1835 „ . . .	378.100	13.429	7.466	1.117
Итого .	1.236.589	17.519	12.539	12.007

По шестилетней сложности, вышепоказанное количество 31.810.696 четвертей распределялось следующим образом:

В годах.		Средн. число в год.
	Четвертей.	
В 1824 — 1831	5.195.530	865.921
» 1832 — 1840	6.178.241	1.029.706
» 1841 — 1846	8.228.148	1.371.024
» 1847 — 1852	12.208.777	2.034.696

Из сравнения этих цифр оказывается, что во второй период отпуск хлеба из Одесского порта увеличился на 20% против первого периода, в третий на 33% против второго, а в четвертый на 48% против третьего, и в этом огромном приращении, как читатели видели из предшествовавшей таблицы, главнейшую роль играла пшеница.

. . . Но чтобы читатель мог хотя приблизительно судить о денежных оборотах по хлебной торговле при указанных нами портах, мы представляем здесь средние годовые цены главнейших сортов хлеба, существовавшие в Одессе и Таганроге, то-есть главных центрах хлебной нашей торговли, извлеченные нами из Одесского Вестника.

ЦЕНА СТОЯЛА.	ЗА ЧЕТВЕРТЬ.									
	Пшен. озим.		Рожь.		Ячмень.		Овес.		Кукуруза.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
В 1842 г.	5 3/7	—	4 3/7	—	3	—	2 13/11	—	3 1/11	—
„ 1843 „	4	57½	2	43	2	28½	2	23	не показ.	
„ 1844 „	4	14	2	7	2	14½	2	28½	2	49
„ 1845 „	5	18	3	14½	2	86½	2	35½	3	59
„ 1846 „	5	93	3	44	2	78	2	30	3	25
„ 1847 „	8	14	4	17½	3	28	3	28½	5	43
„ 1848 „	5	42	3	50	3	21	2	89	3	60
„ 1849 „	5	74	3	56½	3	11	4	44	4	70
„ 1850 „	5	57½	3	28½	3	56½	2	85½	3	92
„ 1851 „	4	96	4	16	2	99½	3	6½	3	49
„ 1852 „	5	35	3	14½	2	85	2	42½	3	84

Из этой таблицы видно, что самые высокие цены существовали в 1846 и 1847 годах. По значительным требованиям на хлеб в зерне для вывоза за границу, в 1846 году лучшие сорта озимой пшеницы платились дороже, нежели в 1845 и в несколько предшествовавших лет, а в 1847 году они достигли до самой высокой степени, до какой когда-либо доходили с 1817 года[1]); именно: весною того года платили за пшеницу лучшего сорта до 11 р. 42 к., и даже несколько партий куплено было по 12 р.; с июня месяца, когда в Англии, Бельгии и Франции стали обнаруживаться надежды на хороший урожай и стали прибывать туда грузы из Балтийских портов, цены понизились, но до конца года они держались гораздо выше, нежели были в конце 1845 и начале 1846 г.; а потому средние цены хлеба в 1847 году были вообще гораздо выше средних цен предшествовавших лет. Такие высокие цены в 1846 году ощутительно подняли и биржевой денежный курс Одессы на все те города, с которыми этот порт имел торговые сношения, а в 1847 году курс принадлежал к самым высоким, какие здесь когда-либо случались.

(«Журн. Мин. Внутр. Дел», 1854 г., ч. IV, стр. 4—11, 14—15, 16—24, 44—45.)

---

[1]) В 1817 году цена пшеницы доходила до 13 р. сер. (48 р. асс.).

62. Торгующее дворянство.

Появляется в России свой оригинальный аббат Куайе, некий Левшин, красноречивый Пиндар дворянской буржуазии. Он выпускает в 1812 г. обширное руководство для дворян, обращающихся на стезю промышленного прогресса, и предпосылает ему любопытное предисловие, в котором страстно призывает дворян обуржуазиться.

«Дворяне, — восклицает он, — законы отечества усвоили вам владения недвижимыми имениями, соделали вас частными хозяевами государственными; вы только можете улучшить руны на ваших овцах, вы имеете, где садить тутовые деревья, разводить шелковых червей и на чем сеять хлопчатую бумагу. Премудрые монархи требуют от вас не одного только, чтобы вы защищали отечество с оружием в руках, чтобы готовы были пролить за него кровь свою, положить душу свою за спасение оного, они побуждают вас, чтобы вы содействовали их заботам о силе и богатстве сего отечества. Будьте воины, ополчайтесь, когда требует нужда, но в другое время занимайтесь хозяйством, заводите фабрики, будьте купцами и сами отправляйте ваши произведения, ваши изделия за море и докажите, каким образом должно сделать и самих себя и отечество свое богатыми. Правительство сего от нас требует».

И тех дворян, которых дворянский гонор удерживает от промышленной деятельности, Левшин старается ободрить примером знатных

английских лордов. «Дворянство английское, — восклицает он, — тамошние лорды, меньше ли вас благородны? Но они торгуют, они разводили в своем государстве овец испанских, они завели только отличные фабрики и мануфактуры и усовершили равно земледелие, как и скотоводство, они были орудиями силы и богатства государственного. Не заслуживает ли сие подражания?»

. . . .

Знакомый нам Левшин, писавший уже после французской революции, прямо указывал на необходимость для правительства всячески поддерживать верноподданическую дворянскую буржуазию, так как этим путем будет приостановлен в России рост крамольного третьего сословия.

«Несчастный переворот во Франции, — грозил Левшин, — еще в свежей памяти, оный произошел от 3-го сословия. И у нас в России уже исчезло старое верноподданное купечество. Нет ныне Мининых, но есть много Пожарских».

И Левшин предлагает верноподданным Пожарским победоносно вытеснить неблагонадежных Мининых и с поля экономической брани.

. . . .

(Берлин. «Русская буржуазия», стр. 74, 75 и 76.)

---

63. Письмо гр. Ростопчина къ кн. Циціанову.

О сельскомъ хозяйствѣ.

1. Отъ 3 іюня 1803 г. с. Вороново.

...Май мѣсяцъ былъ совершенный потопъ и такъ, что ни за что приняться невозможно было; вообще отъ большихъ лѣсовъ въ здѣшней окрестности дождей слишкомъ много бываетъ, и отъ сего въ уборкѣ травы и хлѣбовъ можетъ выходить вредъ и затрудненіе. Я множество надѣлалъ испытаній и буду ждать ихъ успѣха, пытаюсь узнать силу новаго удобренія земли кислотою купоросною (acide de Nitr.); въ Голландіи два уже года, какъ во всѣхъ огородахъ не кладутъ навозу. А теперь очень занятъ я устройствомъ русской простой сохи. Фермеръ мой Англійской со всѣмъ причетомъ и инструментомъ на сихъ дняхъ долженъ пріѣхать, но я уже очень богатъ всѣми орудіями для хлѣбопашества и нашелъ опытомъ, что соха наша имѣетъ больше выгодъ, чѣмъ думаютъ для паханныхъ и иныхъ вообще земель; неудобство ея то, что она дѣлаетъ уже плуга борозду и лежитъ на рукахъ у пахаря, отъ воли коего не совсѣмъ зависитъ пущать ее глубже въ землю и пахать ровно, а я дѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ разсохѣ (къ коей они утверждаются сзади) придѣлываю колесо, кое, подымаясь и опускаясь по волѣ, соразмѣрно и пахать будетъ, глубже или мельче. Если удастся, то выгода та, что двѣ такія сохи вспашутъ въ день десятину точно такъ, какъ и два плуга; но надобно два работника и двѣ лишь лошади вмѣсто четырехъ мужиковъ, изъ коихъ два идутъ за плугами, а два ведутъ лошадей, коихъ надобно по двѣ въ плугъ, да еще и сильныхъ. Плугъ же весьма полезенъ для нераспашныхъ земель, кои онъ можетъ подымать съ весны и до морозовъ, а соха едва до половины мая: плугъ имѣетъ слишкомъ много тренія отъ широкой поверхности отрѣзовъ и сошниковъ, тяжелъ для лошадей и валитъ на одну лишь сторону...

2. Отъ 24 іюня 1803 г. с. Вороново.

...Съ 13 мая я ни строки отъ тебя не имѣлъ и не знаю, чему сіе приписать: что ты, боленъ, разсерженъ или измученъ дѣлами? Я со всѣмъ тѣмъ съ ногъ сбился, но добровольно, весь день почти на волѣ. Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совсѣмъ испорченную землю; теперь возятъ болотную горную землю, известку и навозъ на поля, и земли будущею весною будетъ на 180 дес. засѣяно, и хотятъ ферму завесть на 300 и болѣе десятинъ, для чего и дѣйствуютъ машины над срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, дотолѣ заведенія Англійскаго обработыванія земель не будутъ нужны; но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами. Я смотрѣлъ заведеніе графа Румянцева въ подмосковной и видѣлъ наилучшій горохъ, Дрилемъ посѣянный на 70 десятинахъ, а прошлаго года онъ снялъ по 18 четв. съ дес. и продавалъ по 11 руб. четв. Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ; а что меня больше всего веселитъ, это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ,

называемый Пронька, на мой вопросъ: могутъ ли они столько сработать? отвечалъ мнѣ: «Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишка-то пожиже». Ко мнѣ уже привезены всѣ орудія хлѣбопашества, и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между прочимъ, двойной плугъ отъ жестокости грунта и тягости плуга въ разсужденіи большаго тренія и длины; но машинисты свои, и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты...

3. Отъ 7 іюля 1803 г. с. Вороново.

...Я здоровъ со всѣми моими и послѣ завтра принужденъ оставить ихъ дней на 16 и ѣхать въ Ливны для учрежденія нѣкоторыхъ экономическихъ заведеній: мельницы-пеклеванки, расчищанія мерзкаго лѣса и пр. Оттуда я къ тебѣ напишу письмо. — Кобылы всѣ приведены ко мнѣ на Битюцкій заводъ, кромѣ одной бѣлой Трама, которая и съ жеребенкомъ пала на дорогѣ, и сія потеря очень умѣренная, въ разсужденіи дальности и степей.

Я весь измучился; часто встаю въ пятомъ часу и роюсь въ полѣ. Колонисты мои всѣ совершенны въ своемъ родѣ, а механикъ прогнѣвалъ всю компанію, которую я называю машиною. Чесменской, Мальцевъ и др. завели фабрику для дѣланія машинъ и продаютъ акціи по 1000 руб. Государь взялъ оныхъ пять; по учрежденію имъ надобно ихъ 60, а машиниста еще нѣтъ, и они думали брать по цѣнѣ Полторацкаго, а мой несравненно лучшія прежнихъ молотильни дѣлаетъ по 320 р., кои Маркычъ [1]) продавалъ по 800; плуги по 25 тѣ, за кои онъ бралъ по 75, и т. д. Но всего лучше машина дергать пни; пять человекъ начисто выдергиваютъ ею отъ 40 и до 50, а она стоитъ 30 р. Это называютъ, что я подорвалъ компанію, а дѣло въ томъ, что мой машинистъ беретъ по 12 процентовъ на 100. — Ко мнѣ, кромѣ всякаго рода оральныхъ оружій, привезено 36 родовъ разныхъ сѣмянъ, изъ коихъ многія здѣсь до сихъ поръ неизвѣстны, напр., озимой ячмень, Американской овесъ, Сирійская и Мексиканская пшеница; этой одной слишкомъ 10 родовъ. На тотъ годъ надѣюсь, что могу охотникамъ до хлѣбопашества кой-что показать, но тебѣ ничего!..

4. 3 сентября 1803 г. с. Вороново.

...Заведеніе мое хлѣбопашества очень идетъ въ моду, и учениковъ довольно къ веснѣ будетъ. 44 десятины разными образами засѣяны пшеницею, рожью и озимымъ ячменемъ, но много время потребно, дабы осилить предразсудки; а самолюбіе и преодолѣть невозможно, потому что первые покоряются иногда опытамъ, примѣрамъ и доказательствамъ, а самолюбіе, презирая все, увѣряетъ себя часъ отъ часу въ преимуществѣ своемъ. Притомъ никто не хочетъ, несмотря на невѣжество, изъ мастеровъ сдѣлаться ученикомъ; хорошо еще то, что прибыль заставляетъ отдѣляться отъ правилъ сію часть людей, коихъ я называю окаменѣлыми. Въ Воронежѣ у меня яровыя вовсе пропали, а въ Ливнахъ дурны; на Битюгѣ вновь мною заведенныя яровыя пшеницы отмѣнно сего года родились, а рожь в $12\frac{1}{2}$ разъ, несмотря на засуху...

5. Отъ 21 сент. 1804 г. с. Вороново.

...Хлѣбопашество мое идетъ какъ нельзя лучше. Машинистъ ставитъ молотильную машину, совсѣмъ новаго построенія, и мельницу, коя достойна быть показана хозяевамъ. Я очень радъ, что испытанія надъ удобриваніемъ здѣшняго качества земли черною болотною землею совершенно всѣ награждены совершеннымъ успѣхомъ. Горохъ на три десятины, на коихъ высѣяно Дрилемъ 15 четвериковъ, несмотря на поздній посѣвъ и самое сухое лѣто, далъ 28 четвертей; картофель, коего снято съ унавоженной просто земли по 75 четвертей съ десятины, на той, гдѣ была черная болотная земля, родилъ 108 четвертей.

Вотъ мои успѣхи. Многіе смѣются, другіе находятъ въ моихъ сельскихъ занятіяхъ дальные виды, иные алчность къ деньгамъ. Но я все продолжаю, живучи уже на свѣтѣ давно, для пяти или шести человѣкъ. Прощай...

(П. Бартенев, XIX в., т. II, стр. 14—63.)

---

64. Ответ на задачу вольного экономического общества 1803 года: —

«Какие надлежит принять меры, чтоб дух деятельности, ревности и прилежания к трудам для вящшей пользы, в нижних состояниях людей, а особливо жен и детей крестьянских, так возбудить можно было, чтобы оной соделался напоследок необходимою для них привычкою?»—Сочиненный членом Об-

[1]) Полторацкий (Дм. Марк.).

щества, коллежским советником Степаном Семеновичем Джунковским, и удостоенный награждения большой золотой медали . . .

Величайшее затруднение состоит в приведении к порядку и к совершенному трудолюбию тех крестьян, которые оброк платят натурою, или вместо оного отправляют работу для господина. Сообразив сказанное в § 13 главы III с самим существом дела, нельзя подумать, чтобы прилежание в крестьянах, а кольми паче в их женах и детях возродилось при подобном вещей устройстве. Платить натурою, как-то, холстом, орехами, грибами, ягодами, курами, яйцами и прочее, для жен и детей есть больше повод к праздности и отчаянию, нежели к надлежащему труду. Ибо здесь все есть принужденное, и ни малейшей награды, ниже отрады в виду не представляет. Не можно ли бы такие прихоти оставить, получая за то известное число денег, под одним именем оброка, не раздражая чувствительности многоразличными наименованиями почти бесполезных тягостей, и оставляя на произвол крестьян способы приобретения? Что касается до господской работы, называемой просто барщиною, то оная в иных местах не соответствует ни крестьянской, ни помещичьей пользе; ибо крестьянин, попеременно то у себя, то у господина работая, и различными делами чрез день или чрез неделю занимаясь, ни в том, ни в другом месте надлежащим образом не успевает. Но если крестьяне чрез долгое время, или отделяя часть семейства, всегда на господина работают; то хотя, повидимому, господская прибыль велика; но крестьяне, работая по принуждению и под присмотром, все то, что невольною прилежностью для другого производят, у себя с явным небрежением оставляют. Порок сей в самом существе дела находится, а не в людях. Исправить оной, кажется, трудно; но если бы при нынешнем лучшем понятии о вещах, помещики взяли на себя труд расчесть несколько по-купечески: 1) Чего стоит в день работник и лошадь; 2) сколько работник, для своего барыша делая, выработать может; 3) сколько из выработанного заплатить может за землю и за покровительство; 4) сколько работник принужденно для другого выработает или испортит; и, наконец, 5) сколько стоит содержание и поправление разоренного работника: то легко усмотреть бы могли, что, со всеми видимыми поправлениями их хозяйства, если не они, то потомки их в величайшей остаются потере[1]). Я не говорю о малопоместных владельцах, у которых несколько душ составляют хозяйство. У таковых люди их входят, так сказать, в число их семейства, и вместе с ними могут благоденствовать, или бедствовать, смотря по благоразумию хозяев. Но прочие должны бы представить себе в большей степени важность своих успехов. Нельзя сказать, чтобы мы уже и не имели многих таковых в России помещиков; но здравый рассудок и расчетливость не блистательны; и средства, коими они себя и крестьян своих приводят в лучшее состояние, может быть, так просты, что ученым изобретателям философских правил, или закоренелым предрассудкам не нравятся. Впрочем те средства можно бы, кажется, изобразить кратко следующим образом. Дайте крестьянам, или поддержите способы к надлежащему трудолюбию и к обогащению; покажите им пример, только не их собственными на их же счет руками; живите между ними или поставьте хороших управителей и старост; учредите ненарушимый порядок в податях; имейте искусных священников, и преданности к вере не умаляйте; не отрывайте их от работ, свойственных поселянам; делайте частые, но простые наставления, и в случае нужды, денежные от обыкновенных доходов пособия, и тогда ожидайте от них прямого трудолюбия и податей в той мере, какую вы предполагать имеете право. Сего в один год не можно сделать. Постоянность и время все устроит, и упрочит несомненное богатство в вечные роды . . . .

. . . .

(Тр. Вол. Эк. О-ва, т. 56, 1804 г.)

---

[1]) Примером сему быть могут некоторые лифляндские и эстляндские помещики, кои из посредственности никогда не выходят, и всегда обременены долгами, хотя работа и оброки крестьян их до величайшей степени простираются.

65. Из статьи Швиткова.

О способе владения деревнями.

1808.

Известно, что ежели иметь у себя крестьян на одном только денежном оброке, то инако нельзя, как для получения довольного количества денег должно будет отпускать их на промыслы в города и другие чужие селения. А как денежное количество промышляется от крестьян больше летнею порою, нежели зимою, или увольнением их от сельских работ для промысла на весь круглый год: то сие полезно быть может для таких только поместьев, которые не имеют земледашества и других сельских произведений. Ежели же поместья в высоком степени гобзуют благословенным плодоносием, то с благоразумным как крестьян, так и их владельцев всего того распоряжением, коликое могут они все иметь для себя богатство не только всех нужных для себя вещей, но и денег, особливо в нынешние времена, когда деньги по всем почти областям Российской Империи в весьма свободном обращении! Ибо как помещики, так и крестьяне, изобилующие природною так сказать сельскою своею собственностью для приумножения своего богатства со стороны, не имеют кажется нужды в посторонних средствах, свойственных одним только тем промышленникам, кои лишены сельских угодий. А как из всего оного явствует, что помещики и крестьяне, не только не имеющие выгодной земли, но и изобилующие всеми сельскими произведениями, не могут иметь полного себе богатства без довольного количества денег; то для приобретения оных помещики сами должны расположиться к тому следующим образом: крестьян на невыгодной земле поселенных отпускать в города и селения для приискания себе чужой работы во всякое время года, а на хорошей земле поселенных отпускать для того в одно только зимнее время, и входить самим в то, какою работою кто занимается и сколько достает денег, из которых и брать себе оброк такой, который бы взаимно соответствовал помещичьей их и крестьянской пользе. Можно также для выручки денег позволять крестьянам в свободные от работы дни ездить в ближайшие торговые места для продажи сельских своих избытков, но отнюдь не в дальние, и не на долгое время, потому что чрез сие может произойти остановка в сельской работе, которая сама по себе часто бывает выгоднее посторонних приобретений. — Что ж касается до тех помещиков, кои за лучшее для себя находят упражнять крестьян своих в одних только сельских работах, и то в одних только собственных поместьях, получая чрез то от них и для себя собственно все нужные пособия, не взимая впрочем за то никакого с них оброка: то вместе с тем на свое уже попечение должны они взять наделение крестьян своих тем, чего они не могут себе достать ни работою своею, ни дарами природы, ни хозяйством, а именно: наделение нужным для них скотом, особливо рабочим, разными земледельческими и другими для сельских работ нужными инструментами, нужным для посева количеством семян, а также и нужным для них количеством денег, и прочими потребностями, необходимыми для сельской их жизни. Без сомнения сие не инако можно производить, как выручкою денег чрез продажу их же крестьянских изделий.

Но как часто случается, что при всем изобилии сельских произведений, которыми крестьяне могут наживать себе и деньги, в приобретении потребного оных количества для оброка могут они господ своих обманывать, а количество их же трудами приобретаемых сельских произведений всегда может быть виднее; то по сим причинам судя, я полагаю, что лучше обложить крестьян рабочею, нежели денежною их повинностью. Сельскую крестьянскую работу я всегда предпочитаю пред посторонней их промышленностью потому одному, что посторонняя есть экстраординарная, привилегированная, и как с самого первого своего начала была некоторою чрезвычайностью, так и будет всегда как будто нечто чрезвычайное; не скажу уже того, что крестьянин на стороне и так сказать за глазами промышляющий, скрывая истинное свое приобретение, часто для одного только себя, а не для помещика и не для общества своего богатеет; а о том уже совсем умолчу, что он, когда промышляет на стороне, то часто не тем, которой позволен, но одним только непозволительным или беззаконным образом достает себе деньги. Но хорошее ли дело набогащаться таковым приобретением?

Мне кажется всегда лучше, чтоб помещики ссужали крестьян своих нужным количеством денег за их работу, нежели чтоб крестьяне промышляли деньги для помещиков. И сколь оное удобно, особливо в нынешние благословенные времена, когда и из благородного дворянства помещики имеют привилегию не только держать подряды и откупы, но и производить торговлю наравне с купечеством! Товар они имеют всегда готовый, т.-е. сельские произведения, трудами поселян приобретаемые, которые во всяком, а особливо в известных местах, платятся весьма дорого . . .

Здесь я должен сделать некоторое повторение всего вышепредложенного. — Как известно, что поселяне всегда суть поселяне, а не мещане, и во всеобщей связи государства самую первейшую имеют обязанность и жить, и работать на себя, и на своих владельцев, и на все общество, в одних только собственных и природных сельских своих местах: то как им самим, так и их владельцам больше надлежит обязанности удерживать их в сельском их звании и во всех сельских их повинностях, нежели совсем от того отвлекаяся, заниматься посторонними промыслами, свойственными другого звания людям. Посторонняя промышленность крестьянам хотя и позволяется, но совсем не в том смысле и не так неограниченно, чтоб им совсем оставить землепашество и другие сельские упражнения; инако нельзя будет им соблюсти звания поселян, и поместья совсем могут чрез то рушиться. По приказным вотчинным делам не так известно, как по приватным сведениям, что многие помещики по пристрастию к одному только денежному богатству *перестали уже существовать помещиками*. Я отнюдь не упускаю из вида и того, чтоб как помещикам, так и крестьянам наивозможнейшим способом стараться о приобретении довольного количества денег, как потому, что деньги за всем изобилием сельских произведений для многих предметов всякому необходимо нужны, так и потому, что они для всякого состояния людей естественно заключают в себе самое приятнейшее побуждение к трудолюбию и рачению о благе не меньше общественном, как и собственном своем. Я полагаю так, что с единодушным и взаимным от помещиков крестьянам и от крестьян помещикам доброжелательством, при изобилии сельских произведений и приобретении чрез оные денег, многие поместья могли бы достигнуть того благоденствия, каковым славятся у нас некоторые знатные владельцы и их крестьяне, из которых последние столь богаты, что в состоянии быть сами знаменитыми помещиками . . .

Как выше положено нами на мере, с какого повода и на какой конец заводить в *поместьях фабрики и рукомесла*, то я не думаю, чтоб таковые заведения не были полезны как для самих тех поместьев, так и для ближайших к ним городов, в рассуждении того, что содержание мастеровых и рабочих, равно как и постройка заводов или фабрик, всегда приходится дешевле в сельских местах, нежели в городах, а от того и самая продажа изделий сходнее тех, которые вырабатываются в градских заводах или на фабриках. По поместьям и действительно многие есть таковые заведения, и существуют уже несколько лет, не приходя нимало в упадок, между тем как по городам на нашей уже памяти скоропостижно возникшие разного рода заводы и фабрики, существовавши весьма краткое время, скоропостижно упали. Суконные и другие фабрики князя Юсупова, состоящие в его поместьях, как известнейшие всему обществу, могут служить ближайшим всему сказанному в сей статье примером. Подрядчики и самые казенные места, по близости тех заводов и фабрик состоящие, с какою выгодою получают от них изделия их, то докажут всегда они сами . . .

(Тр. Вол. Эк. О-ва, т. 62.)

---

66. Из статьи Погодина.

О крестьянах на оброке.

1808.

Крестьяне находятся на оброке у тех помещиков, которые имеют мало земли, а хотя оно и довольно, но больше неудобна для хлебопашества; или больше лесных дач и покосов, или крестьяне живут близ таких мест, от которых больше можно иметь им выгодные промыслы, или между ими больше рукомесленных и мастеровых.

Крестьяне, находящиеся на оброке по здешним местам, более не могут никак дать с тягла

оброка в год как по 30 рублей, что и составит от 50 тягол 1500 рублей.

Есть ли же земли так мало, что только от оной достает хлеба на пропитание крестьян и для их домашнего и нужного скотоводства, или хотя и довольно, но больше неудобная; то в таком случае для благосостояния государства и для общей пользы и выгод помещиков и крестьян я осмеливаюсь предложить высокопочтенному сему Обществу мое следующее мнение.

Иметь таковых крестьян не на денежном оброке, а позаведенных по воле помещика на разных выгодных изделиях и работах, от которых всякой помещик, при хорошем распоряжении и хозяйстве, может получить хорошую выгоду себе, и принести пользу своему отечеству, — может поставлять в казну все то, что необходимо нужно для российского войска; притом же крестьяне и дети их, приученные к трудам, и имеющие время от времени, в оном познание и успех, гораздо больше могут быть полезнее государству, своему господину и себе. А есть ли бы уже и случилось таковому крестьянину быть и на оброке, то оной больше может принести прибыли и быть полезным для своего помещика и для себя; но притом надобно непременно иметь наблюдение помещикам, чтобы таковые заведения были соразмерны и учреждены без всякого отягощения крестьян — и на первой год таковые рукомесла, фабрики, заводы и прочие работы делать самые небольшие и как можно облегчать в таковых упражнениях труды крестьян, и сверх того одобрять их денежной платой, смотря по трудам, летам и работе.

Помещик, имеющий сто душ ревижских, может завести фабрику на первой случай не более 5 или 6 станов и бичевую прядильню, и как уже не безызвестно всякому, что на сих обоих работах могут заниматься от 10 и до 15-летнего возраста крестьянские дети обоего пола, под надзором совершенного возраста людей, и которые к тяжелой и полевой работе не так еще привыкли и способны, и по большей части больше бывают праздны, — то для приохочивания оных положить плату, помесячно от одного и до двух рублей, смотря по летам, трудам и работе; но как в здешних местах большого овцеводства нет и обойтиться своею домашнею овечью шерстью без покупки никак нельзя; то помещики, имеющие таковые заведения, рассчитывать должны только один проезд, куда они отправляя на своих подводах в те места разного сорта бичеву, которая в тех местах несравненно дороже против здешних мест, а на те деньги покупать овечью волну, которая вдвое дешевле, нежели в здешних местах, или делать выгодной промен; а посему действительно, при хорошем распоряжении и хозяйстве, всякой помещик, имеющий крестьян на денежном оброке, от сего изделия может получить втрое или вчетверо больше себе дохода; и притом с пользою своему отечеству, и без нарушения существующих прав и обязательств.

Таковые крестьяне при всегдашнем присмотре и работе не имеют свободного случая развращаться, не могут делать в своем доме и в домашней работе хозяйственного упущения, дети их чрез сие привыкнут к трудам и работе и соделаются полезными и на будущие времена. . .

(Тр. Вол. Эк. О-ва, т. 62.)

---

67. Главные правила для управления большой вотчины

(Сообщено от одного искусного домоводца.)

1.

Стараться продавать все свои продукты, сколько возможно, в изделиях; хотя несколько дешевле, но всегда за наличные деньги.

. . . .

4.

Стараться иметь всегда двухгодичный запас всякого хлеба (смотря по числу крестьян) в господском, да столько же и в крестьянском запасных магазейнах.

5.

Когда хлеб везде хорошо уродился и дешев, тогда свой хлеб не продавать, а класть в запасной магазейн, и дожидаться для продажи оного — неурожайного года; но и в сем случае всегда оставлять по крайней мере годичную порцию в запасе.

6.

Заводить как можно более различных фабрик; но только таких, которых можно продо-

вольствовать собственными продуктами, и которых изделья легко с рук идут; ибо, в случае неурожая или большой дешевизны хлеба, помещик всегда получает от своих фабрик хороший доход, не завися от хорошей или дурной погоды.

7.

Умножать скотоводство, сколько количество земли позволит, и всегда стараться иметь лучшие породы: ибо хождение и корм все почти тоже, как и для простого скота, а дохода от хорошего бывает гораздо более; равно же стараться улучшить и у мужиков скотоводство.

8.

Мужиков своих не обременять лишнею работою, а особливо поездками в разные стороны, а доставлять им все выгоды, какие только можно без собственного ущерба. Они охотнее будут работать и более любить своего помещика, по мере того, сколько они сами будут чувствовать приятности в своем состоянии.

9.

Мужиков своих, даже и самых богатых, не пускать на оброк; но позволять им за себя нанять хороших работников.

10.

В тягло вписывать с 17 лет, а освобождать из оного от 55 до 60 лет, смотря по силам.

11.

В случае рекрутского набора лучше вносить деньгами, если можно, нежели отдавать людей, разве есть какие-нибудь негодяи; в таком случае, не дожидаясь набора, отдавать в зачет.

. . . .

22.

Стараться всячески иметь умных и доброго поведения церковнослужителей; таковым делать всевозможные пособия и отличия; дабы и мужики к ним имели гораздо больше уважения.

. . . .

Он (священник) не должен упускать ни одного случая, чтоб дать мужикам полезные, дружеские советы; наставить их в обязанностях их к богу, к государю, к помещику, к родственникам их и собратиям.

Просвещение крестьян должно ограничиваться чтением церковных книг . . .

. . . .

(«Дух Журналов», 1817, № 18.)

---

68. Инструкция, данная мною управляющему моему на управление моих вотчин Фан Нуху.

(В 1819 г. 1 января.)

О работах хлебопашественных.

1. Во всех домах и фольварках, каждое из трех полей должно быть разделено на равное число десятин, имеющих 80 сажен длины и 30 сажен ширины. Оных десятин должно быть в каждом поле столько, сколько находится к оному дому или фольварку тягол или работников мужского пола.

2. Когда б случилось в каком-либо поле менее или более означенного числа десятин, то оные надлежит прибавить или убавить таким образом, чтобы каждый работник ни более, ни менее обрабатывал на господина, как одну десятину в каждом поле.

3. Если бы случился недостаток земли в каком-нибудь дворе, то рассмотря по удобности переселить лишнее число дворов крестьянских в то имение, в котором находится излишняя земля как для господских полей, так и для крестьян, но о сем переселении прежде списаться со мною и не начинать оного до моего разрешения.

4. Каждый работник должен десятину свою вспахать и выскородить.

5. Все работы должны производимы быть половинным числом работников, вообще при работах строго соблюдено должно быть, чтоб крестьяне три дня в неделю работали на господина, три дня на себя. Правила сего отнюдь не изменять и поголовно отнюдь не высылать.

6. Работы ж вообще должны начинаться и производимы быть в свое время, и хлебную молотьбу господскую должно необходимо окончить к рождественским праздникам.

7. Как по воскресным, так и по всем праздничным дням, крестьян на господскую работу не высылать, разве бы крайняя нужда случи-

лась послать оных на починку дорог, либо каких других казенных повинностей, и то лучше стараться исправлять будничными днями.

8. Соблюдая верно вышепоставленные правила, когда бы случилось весною или осенью, время свободное, то можно оное употребить половинным числом работников, очищая как господские, так и крестьянские луга, а также в садах, либо других каких полезных заведениях.

О хлебной продаже и поставках.

1. В ноябре месяце г-н управитель должен сам съездить и узнать о ценах хлебных в разных местах, как-то: в Смоленске, Белице, Поречьи, Велиже, Витебске, Шклове и проч

Сделав таковую справку и посоветовавшись с соседями, разумею, с хорошими хозяевами, можно почти наверное определить цены, ниже коей хлеба продать нельзя.

2. До 15-го или до 20-го декабря можно удерживаться с ценами, но к 20-му декабря хлеб должен быть уже проторгован.

3. С купцом, купившим хлеб, должно быть сделано условие, а от него получен задаток на рожь и пшеницу не менее, как по одному рублю с четверти, а на яровое не менее, как по пятидесяти копеек с четверти.

4. Между прочими условиями в контракте непременно должны быть помещены следующие статьи: а) купец должен сам или через приказчика своего принимать хлеб на месте, так чтобы уже по свозке его на предназначенное место нисколько подводы не были задержаны, б) столько отпускать хлеба, сколько каждый раз купец привезет денег, в кредит ни зерна, и задаток чтобы был впереди и зачитан при последней поставке, в) мера должна быть купцу показана и на сию господскую меру должно хлеб отпускать, г) во ржи должен быть выставлен 9-типудовый вес; чего недостанет, то должно присыпать, что сверх 9-ти пудов будет, то должно отсыпать.

5. Стараться хлеб продать на месте, ежели бы сие было бы невозможно, то не далее ставить хлеб, как за 50, много за 60 верст, отнюдь не далее.

6. Для поставки хлебной не высылать более, как по одной подводе с работника.

7. Получаемые деньги за хлеб каждый раз с первой почтой высылать ко мне, либо отдавать оные там, где я назначу, получая каждый раз от почты, так и от других квитанции и храня оные у себя.

8. В течение января и февраля месяца до 1-го марта и не далее должен быть весь хлеб продан и выставлен.

9. Разумеется, должны быть вычтены семена и месячные пайки.

10. Когда останется несколько хлеба от продажи, то оный продавать весною и деньги за сие присоединить к деньгам, от мелкого дохода получаемым.

О крестьянах.

1. Как огородная земля, так и хлебопашественная земля крестьянская, равно и луга их, должны быть разделены на столько равных частей, сколько в деревне находится тягол или работников.

2. Каждая из оных частей, именуемых подеревенски, — чвертками, должна служить числом, по которому как господские, так и казенные повинности должны быть производимы.

3. Строго наблюдать, чтобы каждый крестьянин-работник имел свою чвертку, оную для себя обрабатывал и отнюдь не запускал, за что старосты должны строго отвечать.

4. Когда есть лишняя крестьянская земля, и какой-либо крестьянин пожелает взять на себя лишнюю чвертку, то оное ему дозволить, только с тем, чтобы он за оное как казенные повинности платил, так и господскую работу исправлял.

5. Когда не находится до сего охотников, то оную землю миром обрабатывать, засевать хлебом, взятым из господского особенного магазина, и произведение ссыпать в господский магазин.

6. Сколько в деревне крестьян обрабатывают чверток, столько же в оной считать и тягол или работников.

7. У каждого крестьянина-работника должно быть по крайней мере по две лошади на работника, когда же бедные оного не имеют, то оные им купить из господских денег, которые потом крестьянин должен взносить в господский банк с установленными процентами, кои в пользу банка и остаются.

8. Из господских денег должно давать крестьянам взаймы только тогда, когда нет в банке денег.

9. Строго запрещается крестьянам, чтоб ни под каким видом не занимали они ни хлеба, ни денег как друг у друга, так и у соседей, а за своими надобностями шли прямо к господину или управителю, а по сему предмету объявляется как соседям, так и крестьянам, чтобы моим крестьянам взаймы ничего не давали, в противном случае крестьянина, взявшего что-либо у кого бы ни было, кроме своего господина, наказать 20-ю ударами розог, а к заплате оного долга отнюдь не приневолить.

10. Когда крестьянину понадобится хлеб на семя или на сья, то он должен явиться к управителю и из учрежденного господского магазейна должно быть дано ему нужное количество взаймы.

11. Когда крестьянину понадобятся деньги, как-то: на лошадь, на скотину, на строение и тому подобные нужды, то он должен явиться за оными к управителю, сей же должен сделать справку, действительно ли имеет крестьянин надобность, когда так, то буде случатся деньги в банке, то дать ему деньги из банку, а буде нет, то из господской кассы.

12. Казенные повинности должен крестьянин исправлять точно так, как до сих пор сие водилось.

13. Никаких же других податей с крестьян не брать без особенного моего на то письменного повеления, равно произвольных штрафов ни деньгами и ни чем другим, кроме установленных ниже сего.

14. Для вывоза навоза никаких толоков не дозволять, а вывозить оный миром, точно так, как господский.

15. Равным образом, когда крестьянину нужно привезти лесу на свое строение, то вывозить оное миром.

16. Крестьянам дозволяется ездить в город на торг для продажи своего хлеба, лучше бы было, когда бы можно было оный у них искупать, для чего платить им 30 коп. дороже за четверть ржи, 50 коп. дороже за четверть пшеницы, а 25 коп. дороже яровой хлеб, нежели оный покупается на торгу.

17. В Кулагинском имении, равно как в Суховарине и в Пилетчине, подавать крестьянам безденежно дрова, сколько до сих пор в Кулагине им давали.

18. С баб брать толикое число талек полотна или денег, как сие до сих пор водилось.

19. На счет крестьянских свадеб, дается им воля: крестьянину женить сына, на ком хочет, равно как и отдавать дочь, за кого хочет, с тем, что ежели до 18-ти лет крестьянин не выдаст дочери замуж, то отдаст ее насильно за первого крестьянина, который пожелает иметь оную в свою жену, ибо она довольно имела времени избирать жениха.

О наказаниях крестьян.

1. Как г-ну управителю, так и бурмистрам или старостам строго запрещается бить крестьян рукою, палками, плетью и вообще, кроме розог, ничем не наказывать.

2. Вообще все наказания должны быть чинимы не тайно, но перед миром или пригоном.

3. Староста или бурмистр могут наказывать крестьян за ослушание, леность и пьянство. Прочие наказания отлагаются до приезда управителя, который при себе оное производит.

4. Когда крестьянин не пришел на пригон, то наказать его 20-ю ударами розог, равно же и баб.

5. Когда крестьянин не выполнил приказания как старосты, так и другого начальника, такое ж наказание.

6. Крестьянам дозволяется пить вино по праздничным дням дома, а нигде инде; когда же крестьянин поймал бывает не дома в пьяном виде, то наказать его 20-ю ударами розог.

7. Ежели крестьянин в собственной своей работе отстает противу всех без всяких на то видимых причин, то же наказание.

8. Крестьянин, пойманный в драке, пьяный или трезвый, наказывается 30-ю ударами розог, а сделавший оное в другой раз — 40 ударами розог и записывается в черную книгу.

9. Крестьянин, замеченный в пьянстве более трех раз, записывается в черную книгу.

10. Крестьянин, в пьянстве промотавший или потерявший лошадь, либо утративший корову или другую нужную вещь, наказывается 50-ю ударами розог и записывается в черную книгу.

11. Крестьянин, уворовавший какую-либо то ни было вещь, наказывается: первый раз 40 ударами розог, второй раз сделавший то же — 50 ударами розог и записывается в черную книгу.

12. Крестьянин, пойманный лесничим в рубке своевольно господского леса, привозит нарубленное на господский двор, наказывается: 1-й раз 30 ударами розог и платит штрафу 2 руб. которые отдаются лесничему, 2-й раз сделавший тоже, наказывается 40 ударами розог и 3 руб. штрафу лесничему, в 3-й раз — 50 ударами розог и 3 руб. штрафу лесничему и записывается в черную книгу.

13. Буде сделается кража в лесу и лесничий оной не найдет и не докажет виновного, наказывается штрафом одного рубля в господский банк.

14. Когда найдется или докажется, что лесничий, нашед виновного, утаил его, тогда наказывается 3 ударами розог и 3 руб. штрафа в господский банк, сделавший оное во второй раз — 5 ударами розог и 5 руб. штрафа в господский банк, сменяется из лесничих и записывается в черную книгу.

15. Крестьянин, пойманный лесничим, не покорившийся ему, но ударивший его, наказывается 40 ударами розог и записывается в черную книгу.

16. Крестьянин, ударивший старосту в пьяном или трезвом виде, наказывается примерно перед всею вотчиною 80 ударами розог и записывается в черную книгу.

17. Отнюдь не дозволяется корчемничать вином. Пойманный крестьянин, везущий из Польши вино, наказывается: 1-й раз 30, 2-й раз 40 и 3-й раз 50 ударами розог, всякий раз вино отдается тому, кто его поймал, а за третьим разом оный крестьянин записывается в черную книгу.

18. Когда крестьянин бежит и его поймают, то наказывается 50 ударами розог и записывается в черную книгу.

19. Штрафов никаких иных с крестьян не брать, равно как и никаких иных, кроме здесь назначенных, наказаний не делать.

О господском запасном магазейне и банке.

Первой, т.-е. 1819-й год.

1. Мельниц не отдавать на откуп, а получаемый из оных хлеб входит в составление господского запасного магазейна, расчисляя годовой мельничный доход во все имения по числу душ.

2. Таковым образом составленный магазейн находится в каждом дворе на руках у старосты.

3. Из оного магазейна отпускать крестьянам взаймы хлеб на семена, а также и на емя, буде он действительно в оном пуждается.

4. Если нужно, г. управитель должен назначить, до какого количества староста может без него крестьянину дать взаймы; когда же крестьянину нужно более, то буде его нужда справедлива, то оную удовлетворить.

5. Хлеб из магазейна давать крестьянину двояким образом: а) до первого им вымолота хлебного, и тогда взносит крестьянин на каждый четверик ½ гарнца проценту, и когда крестьянин в недостатке и не может взнести долга в магазейн, то он при первом хлебе взносит только половину забранного с вышеупомянутым процентом, другая же половина рассрочивается ему на три года со взносом каждый раз процентов ½ гарнца с четверика. Сие дозволяется только крестьянам бедным, но с могущих заплатить свой долг, непременно оный взыскивать, разумеется, когда для сего найдется при исследовании довольно хлеба, крестьяне за штрафы записанные не имеют права более одного года быть должны в магазейн.

На счет займа денег.

1. Учреждается банк, в состав коего входят: а) все деньги, должные крестьянами мне, кои крестьяне должны уплачивать по ниже сего прописанному порядку, б) доходы, получаемые деньгами с мельниц впредь до другого его повеления и в) другие, могущие в оный поступить по моим повелениям.

2. Даются крестьянину взаймы из банку деньги единственно на хозяйственные его нужды, исследованные строжайшим образом, как-то, напр., на покупку лошади, коровы, избы и пр.

3. Занятые крестьянином деньги выплачивает он равными частями в 10 лет со взносом ежегодно 10-й части с процентами за остальную должную им сумму. Процентов взносит он пять копеек на рубль.

4. Деньги сего банка должны хранимы быть в селе Кощине в сундуке за печатью моею, хранящеюся у управителя. К оному сундуку определен должен быть казначей, выбранный из крестьян, старик, не служащий уже пригону,

которому отпускать должно месячный хлебный паек и кормить с прочими дворовыми людьми.

5. Приход и расход банковый должен быть известен г-ну управляющему, казначею и писарю, который ведет подробный журнал в особенной книге. Деньги в сундук класть и из оного вынимать оные должно не иначе, как в присутствии трех упомянутых лиц.

6. Когда бы не случилось в банке наличных денег, а крестьянин в оных нуждался, в таком случае до получения в банк денег заменить оные из господских, а потом оные из банка воротить.

7. Когда крестьянин просит денег взаймы и нужда его найдется законною, то дав ему просимые деньги взять с него записку, что он действительно занял и за неумением его грамоты, подписать оную должен либо священник или другой посторонний человек, записка сия вносится в книгу и кладется в денежный сундук, а крестьянину дается из оной копия за подписанием управителя и ерлык по прилагаемой форме.

Форма расписки.

Я, крестьянин, занял в банке столько-то на постановленных правилах 18— и месяца.

Форма ерлыка.

Дано крестьянину взаймы из банка на пр. 30 рублей 1819 г. мая 1-го дня.

Он должен взносить:

1820 года мая 1-го дня . 4 р. 50 к.

На другой год ерлык такой же:

1821 года мая . . . . 4 р. 35 к.

и так далее.

1822 г.	4 »	20 »
1823 »	4 »	5 »
1824 »	3 »	90 »
1825 »	3 »	75 »
1826 »	3 »	60 »
1827 »	3 »	45 »
1828 »	3 »	30 »
1829 »	3 »	15 »

8. Крестьянин должен выплачивать положенные тут взносы. Когда он просрочит неделю, то предписывается старосте его понудить к заплате и за каждый просроченный месяц взносит он сверх установленной платы одну копейку на рубль штрафу.

9. Из банку денег ни под каким видом ни для каких господских надобностей не употреблять.

10. Объявив крестьянам составление оного, равно как и то, что все деньги, должные ими до сих пор мне, должны они будут взнести в десять лет в банк, собрать с них сию же зиму: 1 десятую часть из долга, 2) вышеозначенные расписки, 3) снабдить и их упомянутыми ерлыками и 4) проценты за сей год им мною прощаются.

Примечания: а) Из особенного магазейна господского, без особенного моего на то повеления, хлеба нисколько не продавать, ниже на что другое употреблять, как на вышеупомянутые вещи. б) В оном содержать хлеб чисто, равно как и от крестьян принимать хлеб же чистой. в) Как о банковом, так и магазейном состоянии прибыли и убыли верный вести журнал и вернее доставлять ко мне ежемесячные и ежегодные рапорты.

О бурмистрах, старостах и десятских.

1. Во всех имениях моих должно быть два бурмистра, при каждом господском доме или фольварке один староста, а в каждой деревне один десятский.

2. Бурмистры назначаются мною, теперь находится над сельцом Кулагиновым, Бариновым и Суховарином бурмистр, крестьянин, Тит Федоров.

Над селами Кошином, Максимовском, Толстиком, Крапивне, Пилетнины и Софьине бурмистр Терентий Панфилов. Без моего на то повеления оных не сменять, а буде что найдется за ними дурное такого роду, как пьянство, воровство, поползновение и проч. такого роду поступку, то меня об оном известить и ждать моей резолюции.

3. Бурмистров должность есть, быть помощниками господину управителю, находясь под его непосредственным начальством, а посему предоставляется ему воля распределять их должностями.

4. Старост и десятских как назначать, так и сменять властен сам управитель.

5. На старостиных руках должен находиться хлеб, корм и весь скотный и птичий двор, и никакого другого ключника для сего не определять.

6. За работами как за господскими, так и крестьянскими, равно как и за самыми крестьянами, должен смотреть староста по вышеустановленным правилам, и также по учреждению и приказаниям управителя.

7. Старостин приказ может уничтожить бурмистр, а приказ бурмистров может уничтожить управитель, его же приказания должны быть исполняемы во всей точности, ослушник подвергается строжайшему наказанию, а именно: наказать его 80 ударами розог перед всею вотчиной и записать в черную книгу.

8. Десятских назначает и сменяет управитель. Они на руках своих ничего не имеют, исполняют только данные приказания, объявляют также ежедневные приказы по деревне, выгоняют на работу и выбирают казенные подати.

9. Скотник и скотница должны быть поставлены при каждом скотном дворе. Оных должен распределить должность г-н управитель.

10. Бурмистрам и старостам определяется жалованье, первый год бурмистр получает 50 р. и старосты по 15 р., ежегодно оное увеличивается, когда бурмистр и старосты пребывают в трезвом и добропорядочном поведении, а также и в исправном отправлении своих должностей. Бурмистр ежегодно по 5 руб., а старосте по 2 р. 50 к. Когда хорошею службою бурмистр достигнет 100 рублей жалованья, а староста 40 руб., тогда и награждать их буду я особенною льготою.

11. Пока бурмистр находится на своем месте, то двор его освобождает от господской повинности и работ.

12. Пока староста находится на своем месте, то один работник упускивается от господских работ и повинностей. Жены их также от сего увольняются. На воле их состоит держать их при себе или дома, в первом случае получают они как старосты, бурмистры и скотники, господские пайки наравне с дворовыми людьми. Скотнику дается 5 руб. в год, а скотнице 3 р., первое умножается за хорошую службу по одному рублю ежегодно до десяти рублей.

13. Бурмистров не наказывать телесно, а когда они сделают проступок, то представлять мне оный на вид, за чем последует его сменение.

14. Старост наказывает розгами сам г-н управитель, десятских, скотников, равно как и прочих дворовых людей за отсутствием управителя, может наказывать и староста.

15. Всем дворовым людям чинить как жалованье, так и пайки точно так, как сие до сих пор водилось. Одни старики могут быть праздны, прочие же должны около двора быть употреблены на работу.

О судах крестьянских.

1. В каждой деревне крестьяне должны избрать себе стариков в судьи по их собственным делам. Каждое воскресенье должны они собраться, и имеющие крестьяне между собой какие дела, судятся оными судьями, при чем присутствует и десятский; когда сим решением остаются судящиеся довольными, то десятский приводит оное в действительное исполнение и доносит немедленно об оном старосте, а староста — управителю; когда же нет, то дело судится управительским судом.

2. Управительский суд производится нижеследующим образом: когда управитель приедет в вотчину, то имеющие между собой дела или ссоры крестьяне являются к нему. Управитель приезжает на место со старостою, созывает по одному хозяину со двора и при себе судит оное дело миром. Когда весь мир единогласно судит, в таком случае ежели г-н управитель не находит оное справедливым, то положа оное дело на бумагу, присылать оное ко мне. Буде же три голоса находятся противные, в таком случае г-н управитель, держась справедливой стороны, решает сам оное дело, удовлетворяет на месте правую сторону, а виноватого, неправильно гонящегося за чужою собственностью, наказывает сверх того 25 ударами розог. При оных судах вся справедливость должна быть наблюдена.

3. Производство сих дел, по окончании оных, должно быть с приговором внесено в журнал.

Особенная должность господина управителя.

1. Г-н управитель должен местом пребывания своего иметь село Кощино. В прочие дома должен он наезжать каждый месяц по крайней мере два раза и пробыть там смотря по надобностям.

2. Сколько каждый раз пробудет он в каком доме, должно быть внесено в журнал.

3. Казенные повинности могут сдавать бурмистрам, но рекрут должен он сам сдавать.

4. Иногда должен он объехать все крестьянские дома, дабы известно ему было крестьянское хозяйство и недостатки.

5. Чрез почту надлежит ему ко мне писать и каждый месяц присылать рапорт.

О письменной части.

1. Г-н управитель выбирает в писцы к себе лучшего из имения писаря, который должен в Коцпине жить.

2. Должны быть куплены шнуровые книги для записывания: а) хлебного во всех домах прихода, как-то: ужина и вымолота, б) хлебного во всех домах прихода, т.-е. продажи, месячного посева и пр. Каждая книга должна быть разделена на столько частей, сколько есть домов, в) денежного, как гуртового, так и мелкого прихода, г) денежного расхода, д) книга, в которую вносится приход и расход банковый, е) книга, в которую вносится журнал всего того, что происходит по имению, ж) книга, в которую вносит приход и расход господского магазейна, з) приходящие и исходящие бумаги, как-то: мои письма к управителю и его ко мне, приказы его по имениям, сведения, им получаемые и проч., и) черная книга, в которую вносятся имена всех крестьян оштрафованных, к) опись всем крестьянам, делаемая каждый год в марте месяце по приложенному при сем образцу. Итого девять книг, за целость и чистоту коих отвечает упомянутый писарь.

Форма описи села Коцина и деревни Коркадинова.

ХОЗЯИН №№	Работников	Работниц	Мальчиков	Стариков	Старух	Чверток	Девочек	Лошадей	Коров	Овец	Свиньи	Телята	Птицы	Какое строение
ХОЗЯИН №№														

Таковые описи делать две. Одна остается у управителя, а другая присылается ко мне. При оной описи присылается также ко мне ежегодно в марте или апреле месяце ежегодная ведомость, составленная по форме опекунских книг. Месячные ведомости должны быть гораздо короче. В сих последних должно быть сказано о производимых работах в летнее время, об ужине, умолоте хлебном и проч. Помещаются в оную все происшествия, какие крестьяне померли, также у кого кто родился, о скоте и прочем.

Дополнение.

1. Во время рекрутского набора сделать совет со старостами, кого отдать. Крестьяне, записанные в черную книгу, отдаются преимущественно; в недостатке шалунов — отдаются из больших семейств главнейше холостые. Но прежде представления рекрут должен г-н управитель со мною об оном списаться.

2. Как можно более принуждать крестьян жить мирно в больших семьях и не разделяться на дворы, без ведома управителя не должен крестьянин самовольно разделиться; оное дозволять им в крайности, и то только тогда, когда могут они иметь в каждом доме не менее работников.

3. Когда понадобятся какие-либо небольшие починки на церковь, то оные сделать, о больших ко мне описывать.

4. Даваемая до сих пор мука на просфоры в церкви и деньги для служения обеден, давать.

5. Во время производения каждой хозяйственной работы г-ну управителю должно объехать все имения и крестьянские поля, наблюдать, чтобы крестьянская земля не позже обработана была и хлеб был как и господский, буде каковой крестьянин занемог бы в оное время, то землю его обрабатывать миром без всякого за то взыскания с него, когда же от лености он не успеет, то тогда его наказать. Особенно строго наблюсти, чтобы крестьянские поля были все во-время засеяны.

6. Во всех деревнях каждый год прививать всем детям коровью оспу, за то платить из господских денег.

7. О всех доселе чинимых с крестьян сборах баранами и проч. доставить ко мне подробные сведения, и брать токмо те, которые я назначу.

8. Также уведомить меня, есть ли крестьяне, коих дворы уволены от пригона или посажены на оброк, а впредь никому оного не дозволять без моего на то согласия.

9. Строго запрещается крестьянам, чтобы ничьих беглых не держали, с виновного за сие брать за каждый день по 25 копеек штрафу в банк и записать в черную книгу, и наказываются 30 ударами розог.

10. Строго запрещается крестьянам не иметь никакого дела с жидами, и оным не дозволять ни одного часу у крестьянина останавливаться, буде ж крестьянин примет жида на свой двор, то за каждый раз платит 25 копеек штрафу в банк и наказывается 20 ударами розог.

11. Когда крестьянин вздумает что-либо строить, то не начинать без г-на управителя.

Подписал:

Владимир Храповицкий.

(По материалам Смоленского архива. Из бумаг Ц. Гум. Пед. Института.)

69. Помещичий экономический наказ.

1819 г.

(По статье В. Пичета.)

Владелец Кощина поручик Владимир Храповицкий — типичнейший представитель дворянской культуры XVIII века. Домашнее образование Владимир Храповицкий получил довольно тщательное. Родные много обращали внимания на изучение языков французского и немецкого. Но родным языком был для Храповицкого французский. На этом языке велось даже преподавание закона божия. Только богослужение и катехизис преподавались на русском языке. Сохранилось несколько учебных тетрадок мальчика Храповицкого. Тут записки по алгебре и геометрии, рассказы из священного писания, исторические тетрадки, содержащиеся в большом порядке. Все тетрадки написаны рукою Храповицкого. Изучение истории началось с 8 лет. Много внимания обращено на героических лиц древности. С большими деталями биографического характера проходилась история Рима. Тетрадки по средневековой и новой истории, — видимо, только конспекты уроков воспитателя. Конспекты составлены дельно и умело. Исправления и дополнения воспитателя совершенно незначительны. Молодой Храповицкий, видимо, воспринимает все довольно быстро. В историческом образовании Храповицкого один существенный пробел. Его не удосужились познакомить с русской историей. Исторические сведения, сообщаемые Храповицкому, преломлялись сквозь призму рационалистического мировоззрения. Вера во всемогущество человеческой личности и ее способности устраивать «разумною» жизнь не покидала Вл. Храповицкого в течение всей жизни. Затем Храповицкий начал служить в гвардии. В 1812 г. он принимает участие во всех походах гвардии. По пути Храповицкий ведет дневник, в котором записывает свои наблюдения и впечатления. Храповицкому нельзя отказать в наблюдательности, в тонком умении подмечать разные бытовые черточки, ускользнувшие бы от другого менее вдумчивого наблюдателя. Описание похода гвардии из Петербурга к Вильне сопровождается дельными замечаниями по поводу состояния хозяйства в шляхетских имениях, через которые проходила гвардия. Дневник доведен до 11 августа. Храповицкий принимал участие и в заграничном походе. После вступления гвардии в Париж, Храповицкий не без гордости и самодовольства пишет: «Дрожайшая маменька, вчера наша гвардия вступила в Париж». Храповицкий, словно зачарованный вступлением гвардии в Париж, ограничился

только этим кратким сообщением. После возвращения гвардии домой Храповицкий в чине поручика вышел в отставку. Живя в Петербурге, Храповицкий был близок к масонским кругам. В его Петербургской библиотеке было не мало масонских книг и рукописей. Некоторые из последних переписаны и переведены самим Храповицким.

Масонство оставило большой след на мировоззрении последнего. Храповицкий придавал огромное значение нравственно-религиозному началу в жизни отдельных лиц и целого народа. Интересуясь впоследствии социальной борьбой и социальными отношениями, Храповицкий считал возможным разрешение последних только при свете религиозно-нравственного начала. С 1819 г. Храповицкий весь отдается сельскому хозяйству. Он интересуется практикой производительного хозяйства, организацией сельско-хозяйственной фабрики. Он пишет статьи по экономическим вопросам, составляет записки по крестьянскому вопросу, следит внимательно за работами губернского комитета по крестьянскому делу, выпускает большой ценности «Сельско-хозяйственный календарь». Храповицкий следит за европейской прессой, переводит некоторые статьи на русский язык и сопровождает их комментариями, в которых раскрывает свою социально-политическую идеологию. Для Храповицкого политические идеи и порядки не имеют никакого значения. Политическими идеологиями не разрешается социальная проблема. Политические идеологии, хотя бы радикальные, как во Франции, бессильны ослабить социальные антагонизмы. Европа идет к гибели. Социальные антагонизмы превратятся в борьбу бедных с богатыми, если не будут приняты меры к улучшению материального положения низших классов. В последнем заинтересованы и богатые классы, так как только в таком случае они получат возможность спокойной жизни. Социальная проблема должна разрешаться силами самого общества. Улучшение материального положения социальных низов — путь к ее разрешению. Необходимо способствовать развитию чувства собственности в народной массе. Богатые должны содействовать этому путем открытия дешевого кредита. Инстинкт собственности успокоит народную массу. Но и богатые должны изменить свой образ жизни. Надо вступить в борьбу с роскошью в особенности в России, так как удовлетворение потребностей в предметах роскоши влечет за собой большие денежные траты, лишает владельца «сельско-хозяйственной фабрики» запасного капитала. Отсутствие наличных свободных средств препятствует владельцу «сельско-хозяйственной фабрики» приступить к интенсификации сельского хозяйства. Вследствие роскоши сельское хозяйство падает, крестьянская масса беднеет, сам владелец разоряется. Такова сущность взглядов Храповицкого, высказывавшихся им неоднократно в течение всей своей жизни.

Став владельцем и хозяином Кощина, Вл. Храповицкий ставит себе задачей поднять доходность и производительность сельского хозяйства в своих вотчинах. Рациональное хозяйство должно вестись по известному плану, по строго определенной системе. Никакие отступления от этого плана недопустимы. Новая система хозяйства должна иметь в виду выгоду землевладельца, но должна строиться не на разорении крестьянства, основной рабочей силы помещичьего хозяйства. На этих принципах владельцем Кощина был составлен наказ своему управляющему. Переписанный начисто в январе 1819 г., он был скреплен родовым гербом и вошел в действие. Представляя собой замечательное теоретическое произведение, инструкция 1819 года является и практическим руководством по ведению рационального хозяйства в «сельско-хозяйственной фабрике», данным управляющему фон-Куху, приглашенному Храповицким для применения на практике в сельском хозяйстве своих теоретических и агрономических планов и финансово-хозяйственных соображений.

II. Принципы организации хозяйства.

Инструкция управляющему для управления вотчинами заключает в себе 11 разделов. В первом разделе говорится о «работах хлебопашественных». Второй раздел трактует «о хлебной продаже и поставках». В третьем разделе идет речь о крестьянах. В четвертом рассматривается вопрос о «наказаниях крестьян» В пятом находится положение «о господском запасном магазине и банке». Шестой раздел занят вопросом об организации кредита для кре-

стьян «на счет займа денег». Седьмой раздел отведен сельской администрации — «бурмистрам, старосте и десятским». Организации крестьянского суда отведен восьмой раздел. В девятом разделе с большими подробностями говорится об «особенной должности г-на управителя». В десятом даются указания по организации канцелярии и ведению конторских книг. Накопец, в одиннадцатом разделе содержатся разного рода дополнения, по той или другой причине не вошедшие в соответствующие разделы.

Инструкция Владимира Храповицкого от 1-го января 1819 года — экономический трактат, в основу которого положены определенные теоретические положения и, в то же время, практическое руководство, обязательное для управляющего, которым последний должен руководиться при постановке в господских вотчинах сельского хозяйства на определенных рационалистических началах, заимствованных из западно-европейской агрономической науки, но видоизмененных и приспособленных к условиям русской действительности, при наличии социально-экономического института крепостного права. С другой стороны, на экономические взгляды Владимира Храповицкого могла оказать влияние западно-русская практика о постановке и об организации рационального предпринимательного хозяйства.

Дело в том, что все принципы, на которых организуется помещичье и крестьянское хозяйство, еще с половины XVI века легли в основу постановки сельского хозяйства на господарских и частновладельческих землях в бывшем великом княжестве Литовском. Аграрная реформа Сигизмунда II Августа[1]), осуществленная в литовско-русском государстве, имела в виду организацию предпринимательского хозяйства на разумно поставленной эксплоатации как природных богатств, так и рабочей силы, — тяглого крестьянства, — чрез осуществление принципа индивидуализации крестьянского владения и известного соответствия между размерами участка и нормами тех повинностей, которые падают на тот или другой крестьянский участок. Ставя сельское хозяйство на новых рациональных принципах, правительство Сигизмунда-Августа составило особый экономический теоретико-практический трактат «Уставу на волоки», обязательный в качестве руководства для всех сельско-хозяйственных должностных лиц. Аграрная реформа Сигизмунда II Августа была вызвана ростом европейского капитализма, нуждавшегося в литовско-русском сырье. Волочный устав стремился, поставив хозяйство на рациональных началах, приспособить последнее к более полному удовлетворению спроса на сырье на европейских рынках. Благодаря этому, каждое господарское хозяйство превращается в сельско-хозяйственную фабрику, производство которой рассчитано для сбыта преимущественно на внешнем рынке. Аграрная реформа Сигизмунда II Августа вполне отвечала нуждам сложившейся экономической конъюнктуры. Целесообразность постановки хозяйства на новых рациональных началах была учтена и частными землевладельцами, стремившимися перестроить свое хозяйство на новых началах. Эта новая организация сельского хозяйства как в господарских имениях, так и в частновладельческих, влекла за собой экспроприацию крестьянского земельного владения, в меньшей степени на господарских землях и в большей степени на частновладельческих. Если первоначально нормальный крестьянский семейный надел равнялся 19-ти десятинам — одной волоке, то на частновладельческих землях он был значительно меньше. В половине XVIII века крестьянские наделы в предпринимательском сельском хозяйстве довольно миниатюрны: от половины до 1/8 волоки. Рационально поставленное хозяйство весьма болезненно отразилось прежде всего на крестьянском землевладении.

Аграрная реформа Сигизмунда II Августа сначала коснулась западных областей великого княжества Литовского; на территории приднепрских и придвинских волостей она была осуществлена позднее, с конца XVI века. В Смоленском воеводстве аграрная реформа была проведена только при воеводе Гонсевском в 1636 году, ревизором Адамом Зарембой. Село Кощино с 4-мя прилегавшими к нему деревнями было господарским в момент осуществления аграрной реформы, следовательно, было поделено на волоки, и крестьянское хозяйство было построено на принципах индивидуализации, ко-

[1]) В. И. Пичета. «Аграрная реформа», ч. I и II. М. 1917—1918 г.г.

торые сохранились и с переходом господарского имения в частные руки.

Сложившиеся объективные экономические условия побуждали смоленских помещиков стать на путь организации сельского хозяйства на рациональных началах. Белорусские частные землевладельцы принимали значительное участие в экспорте товаров за границу. Хлеб, лен, конопля, лес — вот главные статьи заграничного отпуска в виду все более и более усиливавшегося спроса на эти предметы сельского хозяйства, поднятие сельско-хозяйственной производительности являлось очередной задачей рачительного хозяина, занятого накоплением капиталов, в изобилии шедших из-за границы.

Храповицкий учел всю важность сложившейся для помещичьего хозяйства экономической конъюнктуры. В своих заботах превратить последнее в сельско-хозяйственную фабрику, Храповицкий мог находиться и под влиянием западно-европейской сельско-хозяйственной агрономии, и под воздействием постановки сельского хозяйства в помещичьих имениях в Белоруссии. Западно-европейская агрономическая теория и западно-русская сельско-хозяйственная практика — вот те источники, которые легли в основу «Инструкции» 1819 г., ставящей себе задачей организацию сельского хозяйства в виде сельско-хозяйственной фабрики. Согласно инструкции, сельское хозяйство должно стать предпринимательским. Последнее имеет в виду потребности рынка. Крестьянская масса — основная рабочая сила в сельско-хозяйственной фабрике. Она находится в полной юридико-экономической зависимости от своего владельца, но в то же время должна быть поставлена в такие условия, при которых эксплоатация живой силы последней производится с наибольшей выгодой для собственника. Отчетливо сознавая зависимость процветания предпринимательского хозяйства от его рабочей силы, составитель инструкции предполагает поставить рабочую массу — крестьянство — в такие юридико-экономические условия, которые не подорвали бы ее экономического благосостояния, ибо последнее — источник и главное условие возможности правильной постановки предпринимательского хозяйства, при котором рабочая сила крестьянства может быть использована с наибольшей выгодой для собственника. Составитель инструкции предполагает, что барщина — наилучшая система эксплоатации труда крепостного крестьянина, но, в свою очередь, использование рабочей силы должно производиться умело и вполне отвечать силам тяглеца. Последний не только работает, но и несет ответственность за выполнение своей работы. Поэтому барщина должна быть организована на индивидуальных началах, так как в последнем случае она легко поддается учету и контролю. Для этой цели вся господская пашня делится на трехпольные десятинные участки, в полном соответствии того, «сколько находится к оному дому или фольварку тягол или работников мужского пола» (1,1). В случае, если количество наличных работников будет менее или более определенного количества десятин, то необходимо убавленно или прибавление последних, но при непременном соблюдении условия, чтобы один крестьянин обрабатывал на господина только одну десятину в каждом поле (1,2). Инструкция предусматривает возможность недостатка рабочих рук в одном месте при изобилии их в другом. В таком случае рекомендуется система принудительного переселения, но в каждом индивидуальном случае требуется согласие на это со стороны самого владельца (1,3). Обработка всей десятины составляет обязанность каждого работника. Все полевые работы на десятинном участке производятся только им (1,4). При выполнении сельско-хозяйственных работ строго соблюдается принцип трехдневной барщины. Поголовная барщина не допускается никоим образом (1,5). Если все сельско-хозяйственные работы будут своевременно выполнены, то оставшееся свободное время весною или осенью употребить для очистки господских и крестьянских лугов, а также для работы «в садах, либо других каких полезных заведениях» (1,8), но при условии, чтобы эти работы выполнялись половинным числом работников (1,8). Работа должна производиться только в будни. В воскресенье и праздничные дни никакая работа недопустима (1,7). Все годовые сельско-хозяйственные работы, в частности молотьба, должны быть обязательно окончены к Рождественским праздникам. Так достигается разумная эксплоатация крестьянской рабочей силы с поль-

зой для землевладельца и без вреда для экономического благосостояния крестьянства, его хозяйства, от жизнеспособности которого зависит процветание сельско-хозяйственной фабрики.

(Сборник материалов и статей. Ред. журн. «Ист. Архив», вып. I, стр. 22—27.)

70. У. Карпович. Хозяйственные опыты.

1837.

§ 149.

Полевые работы: пахание, боронование, засевание полей, уборку хлеба, кошение, возку навоза и проч. разного рода, отнюдь не должно иначе располагать, как в раздел, по урокам, или частям на тягло; от этого распоряжения работы идут гораздо успешнее. Мера урока должна быть наблюдаема и определяема со справедливою точностью, что в состоянии сделать без отягощения работников и с большею пользою, как-то: расстояние, дорогу, почву, погоду, состояние крестьянских лошадей и сколько можно стараться щадить крестьянских лошадей, чтобы и их поля хорошо были обработаны.

§ 150.

Крестьяне на господскую работу должны являться летом с восходом и уходить домой с захождением солнца; зимою же до рассвета обмолачивать хлеб.

Чаще осматривать и поверять: все ли тягловые крестьяне на господской работе, и нет ли каких опущений по этой книге.

Малосильные старики, выписанные из тягла, и мальчики, еще не вписанные в тягло, ни под каким предлогом в полевых работах вместо тягловых быть не должны.

Во время полевых работ не должно заниматься никакими другими, но все до одного тягла должны быть в полевых работах налицо.

В летнее время, после половины дня, на отдых полагается два, а в зимние—полтора часа.

В работах разного рода, а тем более полевых, назначать уроки умеренные, как сказано в § 149, отчего исправные скорее отделываются а ленивые и в свои дни должны будут работать на господских полях.

Если кто из крестьян не явится на господскую работу под предлогом болезни, такого самому управляющему освидетельствовать, и лучше, не сказывая наперед никому, посетить неожиданно, и если крестьянин точно болен, то оказать ему пособие и не тревожить до выздоровления.

Наблюдать, чтобы крестьяне на господских работах и поступали по правилам, изложенным по этой книжке, не ленились, делали все исправно и хорошо; и как скоро работы разделены будут по частям или урокам, то прилежнее смотреть, чтобы крестьяне все до одного друг перед другом старались лучше работать, а не так, как они обыкновенно делают, что обрабатывают прежде свои поля, или один выедет в поле, а другой нет, говоря, что еще будет времени обработать господские поля. Сего отнюдь не дозволять делать, но чтобы все вместе являлись на господскую работу и нисколько не отставали один от другого.

Управляющему имением для успешного хода работ необходимо чаще смотреть на работников иногда из леса, из-под горы, вообще издали, и стараться заставать их врасплох. В больших имениях, где поля обширные, не худо иметь зрительную трубу; я этим средством приучал к прилежному исполнению своей обязанности надзирателей, которые присматривали за работами, замечая издали, что они всегда, по старой привычке, спят по три и более часов, а работники в это время ничего не делают, а которые и работают, то не так, как бы следовало, или стоят, и, озираясь кругом, спрашивают друг у друга: не едет ли сам управляющий, от сего именно полевые и сенокосные работы всегда бывают неисправны, опозданы, или весьма дурно исполнены, словом, кто привык управлять крестьянами из комнаты, и смотреть за работами из окошек, а сам не хочет за всем наблюдать, там о доходах нечего и спрашивать, ибо в нынешнее время от работников, без строгого присмотра, ничего быть не может хорошего.

Если кто желает получать значительные доходы, тот должен, не полагаясь на других, быть всегда трудолюбивым, деятельным, везде быть и все видеть; тогда доходы будут увеличиваться ежедневно.

(У. Карпович. «Хозяйственные опыты», стр. 306—309.)

71. Записка Заблоцкого-Десятовского о крепостном состоянии в России.

1841 год.

Хозяйственное положение крестьян.

...Количество земли, получаемой крестьянами на каждое тягло, зависит: во-первых, от пространства владений помещика; во-вторых, от произвола владельца, всегда более или менее основанного на местном обыкновении.

В северных губерниях помещики считают, что каждому тяглу достаточно в поле 1-й десят., хотя, впрочем, в некоторых имениях крестьяне имеют гораздо более. В средних губерниях, напр., Тульской, Рязанской и Тамбовской, каждому тяглу дают помещики от 1½ до 2 десят. в поле. Сенокоса дают везде мало, и очень редко более 1 десят. на тягло. В имениях многоземельных обыкновенно есть запасные земли, для прибылых тягл при увеличении народонаселения. Но в имениях, где земли, как говорится, в о б р е з, при увеличивающемся числе тягол обыкновенно переделяют крестьянские земли, не трогая помещичьих.

В первом случае владелец может прибавить и у себя запашку; в имениях же малоземельных помещик, не прибавляя ничего на новые тягла, не увеличивает и своей запашки, следовательно, труд и вознаграждение вообще остаются те же; но как первый, так и второе приходятся в меньшей на каждое тягло мере.

Не должно также упускать из вида того обстоятельства, что земля, предоставляемая крестьянину, всегда почти хуже качеством обрабатываемой на помещика, и положение ее всегда отдаленное, а потому менее выгодно для обработки.

...Крестьяне часто обрабатывают на помещика более земли, нежели сколько получают сами. Это особенно относится к имениям, находящимся в черноземных губерниях.

В имении г-жи Пр—ой, Нижегородской губернии, на границе Пензенской, всех тягл 140; каждое тягло получает по полторы десятины в поле и до одной десятины сенокоса. На помещика обрабатывают в каждом поле по 205 дес., сверх того, заготовляют для овец до 30 тыс. пуд. сена, следовательно, скашивают и убирают более 300 десятин лугов. Таким образом крестьяне, обрабатывая на помещика более 900 десятин, получают от него 740. Нетягловые старики, находящиеся при семействах и могущие работать, получают по $^1/_3$ десятины земли, и за то обязаны ходить на барщину без очереди, когда потребуется. Эта неуравнительность еще более существует в имениях, изобильных землею и принадлежащих более богатым владельцам. Таким образом в Саратовской губернии, имение князей К. состоит из 81,780 десятин и 5,433 душ мужского пола крестьян. Всех тягол считается 1,953.

Каждое тягло получает
в трех полях . . . 4½ дес.
Сенокосу . . . . . . ½ »
Под усадьбы, огороды, гуменники и выгоны . . 2 »

Лес отпускается по усмотрению управляющего.

За этот надел каждое тягло должно:
Обработать на помещика в трех полях . . . . . 9 дес
Скосить и убрать 300 пуд. сена, т.-е. . . . . . 5 »

Обработать небольшие господские огороды.

Обработать $^1/_{10}$ часть десятины для составления общественного капитала.

Из сего открывается, что каждое тягло должно обработать более 21 десятины, в том числе на себя только 7 десятин, следовательно, вдвое менее, нежели на помещика. Но это еще не все. Крестьяне обязаны приготовить и свезти дрова; иметь весь уход за 30 тыс. овец, возить на мельницы и оттуда в Саратов на продажу до 200 тыс. пудов муки и, наконец, заплатить в подать и на общественные повинности до 15 р. асс. с тягла. Один уход за овцами составляет повинность весьма обременительную. Для них нужно приготовить и перевезти до 400 тыс. пудов сена и до 135 тыс. пуд. соломы. Кошары, коих считается до 20 на 12,000 кв. саженей, устилаются ежедневно зимою свежею соломою. Она образует слой навоза на аршин толщиною; весною весь этот навоз надобно вывезти из кошар. Одно это занимает тысячи рук, без всякого урочного положения.

Рассчитывая все эти работы, оказывается, что крестьяне не могут иметь для себя и третьей части времени. Они не знают праздников.

Так как в этом многоземельном имении все зависит от числа рабочих рук, то экономия ве-

дет строгий счет тяглам, поверяя их ежегодно два раза, осенью и весною. Молодые люди до 18 лет тягла не несут, но свыше 18 лет облагаются полутяглом. Достигшие 20 лет облагаются тяглом, хотя бы и не женились. Но вообще строго наблюдается, чтобы не было незамужних девок и неженатых парней. С этою целью взрослые девки облагаются ¼ тягла или разными сборами, частью натурою, частью деньгами до 20 руб. с каждой. Старики свыше 60 лет, но еще крепкие, хотя и избавляются от тягла, но употребляются в сторожа, в пчельники, смотрители овинов и т. п.

Все эти распоряжения доказывают, до какой степени может быть доведено пользование крестьянскою рабочею силою. Понятно после сего, что подобные владельцы будут защищать всегда крепостное право в том виде, как оно существует теперь. Иногда помещики, запахивая на себя более 2 десятин хозяйственных на тягло, как, напр., в Тульской губернии, в то же время предоставляют обрабатывать крестьянину на себя столько же, разумеется, при обилии земли. Но дело в том, что нельзя умножить числа часов в дне, и потому крестьянин не успевает обрабатывать на себя и половины того, что он обрабатывает на помещика.

Встречается, хотя, впрочем, только в виде исключения, распределение работ следующее: каждое тягло, обрабатывая на помещика одну десятину, имеет ее на полной своей ответственности; оно должно ее вспахать, засеять и убрать. Этот порядок, без сомнения, лучше нежели сплошная барщина. Обязанность крестьянина обозначается яснее и определеннее.

Наконец, должно упомянуть об особом роде имений, где барщина и господская запашка существуют не с целью прямого получения доходов от земледелия, а в виде исправительной меры или, как обыкновенно говорится, для грозы неисправным плательщикам оброка. Такие запашки встречаются весьма часто в губерниях Ярославской, Костромской и Нижегородской.

Порядок отправления барщины бывает различный: большею частью существует обычай работать брат на брата, если семейство состоит из двух тягол и наблюдается трехдневный размер. Но выше замечено, что этот размер не может соблюдаться при усиленных запашках, и потому редко обходится без поголовных сгонов, при которых, разумеется, уже невозможно сохранить нормального расчета. Один поголовный день в неделю существует почти во всех и хорошо управляемых имениях. Внезапные требования барщины особенно разорительны для крестьян в чресполосных дачах. Крестьянам обыкновенно предоставляются отдаленнейшие поля. Он туда отправляется чуть свет. Вдруг скачет от барина ездок и требует на барщину. Крестьянин бросает свою работу, едет на барщину, а на его поле хоть трава не расти.

В некоторых местах Тульской губернии, напр., в Новосильском уезде, существует обычай: крестьянин работает три дня себе, три дня помещику; но в воскресенье после обедни есть б е н е ф и с помещика; ему крестьяне работают поголовно. Один из помещиков, вступя во владение своим имением, уничтожил этот обычай. Многие из соседей восстали на него: «Вы делаете, — говорили они, — вред и себе, и нам: балуете мужиков».

У мелкопоместных владельцев еще менее соблюдается порядок в распределении земель и в порядке отправления работ; тут крепостной, находясь в ближайших сношениях с господином, вполне и всегда зависит от его произвола и способов.

Таким образом в Новгородской губернии крестьяне мелкопоместных дворян работают вместе с владельцами. В Костромской губернии работают почти беспрерывно на барщине.

В этой губернии за Волгою живет много мелкопоместных дворян, из коих большая часть, в полном смысле слова, почитает своих мужиков за животных, которые должны только приносить им, по возможности, больший доход. Мужик их может работать на себя только в воскресенье. Иногда барин отпускает его на субботу. От сего мужики эти едва-едва могут существовать, а о разживе и думать невозможно.

Так о них говорят соседние государственные крестьяне, к которым они ходят «побираться милостынею».

Но в некоторых случаях бывает и противное; у мелких владельцев крестьяне имеют менее работы: отработали небольшую барщину и свободны, между тем как в больших имениях работа не переводится, так, напр., молотьба длится всю зиму. В Пензенской губернии по-

добные крестьяне менее отягчены работами, нежели у большепоместных владельцев.

Рязанская губерния в особенности замечательна множеством мелкопоместных владельцев (дворянков — по местному выражению); у тех, которые обрабатывают землю лично, крестьяне живут почти вместе с помещиками, мало от них отличаясь. Но имеющие несколько десятков душ большею частию обременяют работами крестьян, переводя их часто на месячину.

Отсюда родился особый род издельных крестьян, средний между собственно издельными и дворовыми людьми.

Не владея землею, они, однакоже, употребляются для обрабатывания земли собственными помещика орудиями, и, взамен того, получают с их семействами как жилище, так и полное содержание круглый год, выдаваемое им обыкновенно помесячно, и оттого сей класс людей носит название месячников.

Таким образом в селе Гребневе, Рязанской губернии, есть 4 двора крестьян, принадлежащих помещику П—ву. Он дает на каждого работника по 2 четверика в месяц ржи; сверх того назначает по $1/3$ десятины земли в поле, с которой они должны иметь платье и телеги [1]).

Примеры перевода надельных крестьян на месячину нередки, впрочем, и в имениях большепоместных. Таким образом в Тамбовской губернии, близ Козлова, помещица кн. В—ская, принужденная в последние годы кормить всех своих крестьян, неприметно почти всех посадила на месячину. В последний год рожь, которая была у мужиков в поле, велела везти на барский двор. «Я сама буду вас кормить». В той же губернии есть богатый помещик Ж—в, также значительную часть крестьян переведший на месячину, особенно в последние два года.

Независимо от обрабатывания земли и уборки произведений, крестьяне издельные обыкновенно обязаны отвозить произведения на продажу в город; тягость этой повинности измеряется расстоянием рынка. Впрочем, так как помещик не оценяет работы, то и рассчитывает только на высшую цену за произведения. От этого нередко приходят в Москву помещичьи обозы не только из Тульской, но даже из Тамбовской губернии.

Такие обозы приходят не с одним хлебом. Часто привозятся, напр., яблоки и т. п. для продовольствия помещика; особенно из губерний, имеющих большие сады, напр., Орловской, Владимирской. В сих случаях часто подвода стоит мужику дороже того, что он привез помещику.

Сверх того, очень часто крестьяне облагаются в пользу помещика сбором домашних произведений и женских изделий.

Таким образом в большей части Тамбовской губернии крестьяне облагаются оброком в тех имениях, где женщины не молотят, с каждого тягла:

Холста		21 арш.
Талек		2 »
Ниток		1 моток.
Ветчины	от 1 до	1½ пуда
Баран		1 штука
Коровьего масла		2 фунта.
Утка		1 штука.
Гусь		1 »
Курица		1 » [1])

Там же, где женщины молотят, берутся все вышесказанные припасы только вполовину.

Все вышеисчисленное не может быть оценено менее 20 руб. ассигн. с тягла.

Обычай брать с крестьян часть барана, птицу, несколько холста или талек — почти повсеместен; сбор этот составляет обыкновенно часть содержания дворни. Есть помещики, которые простирают это до мелочей и велят крестьянам приносить им известное количество орехов, сушеных грибов, лесных ягод и т. п.

На каком основании, кроме трехдневной с крестьян работы, помещики взимают сей оброк? На основании обычая и права, предоставленного помещику, накладывать на крепостных своих людей всякие работы, взимать с них оброки, требовать исправления личных повинностей с тем только, чтобы они не претерпевали разорения.

До какой степени выгодно помещику в экономическом отношении обрабатывать землю барщиною? Вопрос этот нельзя решить общим образом, потому что количество работ и возна-

[1]) Расчет с телегами довольно страшный: помещик дает задние колеса, а передние должен справить сам крестьянин.

[1]) В некоторых местах вместо съестных припасов берут от 3 до 5 руб. асс., называя сии деньги столовыми.

граждение землею крестьянина чрезвычайно различны. Можно, однакоже, достигнуть некоторой положительности в выводах, взявши среднее число, т.-е. работу исполу.

Дабы наши исчисления не казались произвольными, возьмем показания самих помещиков.

В Тульской губернии у помещика А—ва дается на каждое тягло по 2 дес. в каждом поле, 1 десят. покоса и 1 дес. под усадьбу, всего 8 десятин.

В том же имении свободная земля отдается в наем по 19, 20 и даже 22 руб. за десятину. Положив еще менее, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоит помещику 144 руб.

Следовательно, годовой работник с работницею будет стоить 288 рублей.

В тех же местах хорошего работника и работницу можно нанять за . .	60 руб.
Пища им	40 »
Процент, издержки на лошадь, сбруя, орудия, наконец, на помещение сих людей, могут быть оценены не свыше . . .	70 »
Итого:	170 руб.

Следовательно, менее против крестьянского тягла 118 рублей.

Допустим, что владелец захотел бы приобрести лучших работников и потому пожертвовал бы еще 28 руб. и тогда у него останется в выгоде 90 руб. Но при оценке тягла мы не принимали в расчет ни процентов с капитала стоимости самих крестьян, ни разные другие расходы, как-то: лесом, вспоможением при пожарах, во время голода и пр. Все это не может быть оценимо ниже 30 руб.

В Мценском уезде, Орловской губернии, помещик А—в дает каждому тяглу:

Пахотной земли	6 десят.
Луга	1 »
Конопляника и огорода .	$^1/_3$ »
Под гуменник и двор . .	$^1/_{12}$ »
Всего:	$7^5/_{12}$ дес.

Взамен того каждое тягло обрабатывает на помещика также $7^5/_{12}$ десятин.

Оценяя землю, луга и конопляник по наемной местной цене, оказывается, что тягло получает ежегодно от помещика 82 р. асс.

С такого же количества земли, обработанной на помещика, сей последний получает дохода 122 р. асс.

Следовательно, повидимому, помещик получил выгоды 40 р. асс.

Но если бы он оба участка, назначенные крестьянину и обработанные собственно для себя, отдал в наем, то получил бы 164 руб. асс.

Обработка земли барщиною принесла ему не барыш, а убыток, простирающийся с каждого тягла 42 руб. асс.

По показанию г. А—ва, годовой работник с работницею в Мценском уезде стоит 105 р., не включая сюда, разумеется, пищи и лошади; если все это положить только в 50 руб. и тогда годовой работник с работницей стоит 155 руб.

Помещик за 82 руб. уступленной земли имеет только полугодового работника и работницу, следовательно, годовой работник и работница стоит ему 164 рубля.

Здесь, повидимому, выгода остается на стороне помещика.

Обратимся к крестьянину; он дает помещику полугодового работника и работницу, следовательно, всего на 77 р. 50 к. асс., а получает от помещика 82 р. асс.

Повидимому, здесь выгода остается на стороне крестьянина. Но этот вопрос должно рассматривать не так. Допустим вольный труд. Тягло, посвящая себя исключительно земледелию, обрабатывает два участка, платя за них по наемной цене 164 рубля.

По показанию же г. А—ва, каждое тягло может получить с одного своего участка произведений (за исключением семян) по местным ценам на 271 р. 45 к., а с обоих вместе 542 р. 90 к., следовательно, за исключением наемной платы, ему осталось бы 378 р. 90 к.

Для содержания семейства пищею, для уплаты податей и на разные домашние надобности тяглецу потребно 230 р.

Следовательно, у него должно остаться 148 р.

Между тем как при работе барщиною у него остается только 41 рубль.

Из сих исчислений, основанных на фактах самим помещиком объявленных, открывается, что работа барщиною невыгодна ни для поме-

щика, ни для крестьянина; что тут теряют обе стороны.

Подобный вывод может показаться парадоксом, но он объясняется принужденным положением вещей.

Это совершенно то же, если А и В сшили себе платье; первому стоит оно 100 руб. и другому также 100 р. Но их заставляют насильно меняться этими платьями. Ни тому, ни другому оно не по мерке; каждый должен продать или переделать его, при чем, разумеется, тот и другой будет в накладе.

Возможна ли обработка земли вольнонаемными работниками? Этот вопрос разбирали некоторые из наших хозяев, напр., Н. Н. Муравьев, доказывавший, что это было бы гораздо дороже, что работа вольнонаемными людьми в России будет самым неосновательным и разорительным предприятием, доколе цена хлеба не возвысится, цена наемных работников не уменьшится и число их не увеличится. Мы не станем для опровержения сего заключения (сделанного только для Можайского уезда) разбирать его расчеты, но противопоставим факты.

Г. Якоб пишет, что один благоразумный и проницательный владелец, в Московском уезде, обрабатывал одну часть своей земли крепостными, а другую наемными работниками. По его расчислению, переведенному на рожь, оказалось:

Тягло крепостное стоило помещику	21	четв. ржи.
Вольнонаемные мужчина и женщина	20½	» »
Доход помещик получил:		
От крепостного тягла	15½	» »
От вольнонаемных работника и работницы	43	» »

Но вот пример новее: помещик X—в имеет незаселенную землю в Ефремовском уезде, которую держит у него купец на аренде за 5.000 руб. асс. Купец этот возделывает землю наймом и в обыкновенные годы снимает хлеба на сумму до 15.000 руб. Это его валовой доход. Чистый же простирается, за уплатою арендной суммы и всех издержек по обработке, от 15 до 20%. С какой промышленности можно получить всегда такой доход? Получает ли его помещик со своим крепостным правом? Конечно, надобно заметить, что в соседстве есть весьма бедные однодворцы, которые работают у купца довольно дешево. Но ежели земля, обрабатываемая наймом, за всеми издержками даст дохода от 8 до 10%, и тогда он будет равняться обыкновенному доходу помещичьих имений.

Не будем приводить в пример колонистов, обрабатывающих землю наемными работниками в Новороссийском крае, где, хотя цена заработка очень высока, но тут присоединяются труды самих колонистов. Заметим, что в губерниях Воронежской, Тамбовской, и в особенности, в Саратовской за Волгою, есть множество купцов, имеющих по 500, по 1.000 и более десятин земли, обрабатываемой ими вольнонаемными работниками. Один из таких владельцев, волжский купец Рекк, сообщил нам подробные расчеты своего хозяйства.

У него в Новоузенском уезде 2.067 десят. земли. Часть сей земли он отдает в оброк [1]), а сам обрабатывает ежегодно до 480 дес. наемными работниками.

Он держит годовых работников:

Мужчин	27
Женщин	6
Лошадей рабочих	60
Волов	50

Издержки на сих работников, платою и пищею, простирались в год до	5,770 р. асс.
Сверх того, временные работники на 5.552 дня стоят	6.881 » »
На поправки и хозяйственные заведения издержано	1,225 » »
Итого:	13.876 р. асс.

С 480 десятин он получил в прошедшем 1840 г.

Ржи	165 чтв
Пшеницы	1.667 »
Овса	160 »
Ячменя	88 »
Проса	90 »

Все сии произведения по меньшей мере должны быть оценены в 22.000 руб.

Следовательно, обработка земли вольнонаемными работниками принесла чистого дохода до

[1]) Оброчная плата там до 2 руб.

8.000 р. или свыше 57% с оборотного капитала.

Эти примеры достаточно убеждают в возможности обработки земли вольнонаемными работниками. Если расчеты иных владельцев приводят к противному результату, то это потому. что они упускают из вида, что вольнонаемных работников, для одного и того же пространства земли, нужно гораздо менее.

В хозяйстве купца Рекк было постоянных работников, годовых	27 чел.
Женщин	6 »
Временных (обратив их в годовые)	20 »
	53 чел.

И при этом числе работников он запахал 480 дес.

Следовательно, более 9 дес. на каждого работника.

Тогда как в имении князей К—в при самой усиленной барщине (на помещика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьян), ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 десятин.

Все эти выводы кажутся столь очевидны. что невольным образом заставляют спрашивать: ужели помещики доселе не знают этого? К несчастью, именно так: даже столь просвещенные хозяева, как, напр., Карнович, сказал откровенно, что он не может сосчитать, что стоит ему крестьянское тягло. Вообще, весьма немногие ведут свое хозяйство с учетом, да и те принимают крепостное право, как неизбежный point du depart[1]), имеют в виду лишь то, как бы из барщины извлечь для себя наиболее пользы. Оно иначе и быть не может, когда самый закон и все действия административные доселе противились свободному труду и даже размышлению о нем. С 1831 года начали было появляться в «Земледельческом Журнале» статьи о помещичьих крестьянах, статьи чисто хозяйственные, но в последние годы министерство народного просвещения воспретило рассуждать об этом предмете печатно. Но сила вещей берет свое и много можно указать мыслей, проскользнувших через цензуру . . .

...Оброчные крестьяне находятся преимущественно в губерниях северо-восточных, в Московской и окружающих ее. В имениях малоземельных крестьяне сии получают по большей части в свое пользование все земли без изъятия, принадлежащие помещику, особенно, если их мало. Но иногда количество угодий ограничивается определенным пространством.

Количество оброка не всегда соразмеряется с пространством и качеством угодий, оно основано только на возможности взять с крестьян ту или другую сумму. Так, напр., в Костромской губернии есть имения, где крестьяне пользуются всею помещичьею землею и даже всем лесом, истребляя его без всякого отчета, и платят оброка от 50 до 70 руб. с тягла, или от 20 до 30 р. с душп.

В Тамбовской губернии крестьяне, получая в надел от 1½ до 2 десятин на каждом поле нахотной земли и до 1½ десят. сенокоса, платят оброка до 30 руб. с тягла.

В Нижегородской губернии крестьяне, наделенные до 8 десятин на тягло, платят от 75 до 100. Но там же, в имении графа Шереметева (в Ворсме и Павлове), крестьяне 9 тыс. душ не имеют вовсе хлебопашества, и между тем обложены оброком по 20 р. с души, или около 50 р. с тягла.

В Ярославской губернии, также малоземельной, оброки простираются до 120 р., иногда, хотя и редко, даже выше. Оброки особенно высоки в имениях, хотя и малоземельных. но промысловых.

В большей части имений крестьяне, кроме денежного оброка, обложены таким же сбором натурою, как и издельные крестьяне, и сверх того, если в имении есть барская запашка, дают от 4 до 16 рабочих дней в год.

Возвышение оброков началось с 1810 года, с изменением денежного курса. Помещики старались не потерять при сем и рассчитывали рубли ассигнационные по серебряному курсу. После 1815 года, с изменением тарифа, открывшего более свободы нашей торговле, а следовательно, отозвавшемся благодетельно на земледельце и работнике, помещики увидели возможность в 1816, 1817 и 1818 годах возвысить оброки. Но потом все пришло в равновесие: если, с одной стороны, увеличилась возможность дешевого удовлетворения нужд, то с другой —

[1]) Отправной пункт.

промыслы не представляли уже высокой заработной платы. Оброк увеличенный остался, однакоже, неизменным, и сделался уже в некоторых случаях тяжким.

Вникая в положение крестьян изделных и оброчных, нельзя не заметить, что последние живут изобильнее, крепче здоровьем, веселее, живее и умнее, разумеется, ежели те и другие были десять и более лет в одинаковом положении. Крестьяне, ежели только чувствуют какую-либо возможность платить оброк, всегда желают избавиться от барщины.

По дороге из Саратова в Тамбов мы останавливались в сел. Катериновке, принадлежащем гр. Воронцову. Крестьяне все на оброке, и тем весьма довольны. «Сравнить нельзя, — говорили нам крестьяне, — оброчного с барщинским. Ежели хлеб уродился, то заплати оброк, да и живи себе барином, никого не знай; а барщина беднит мужика, особливо как крепко прижмут; вот вокруг много барщинских, ходят да побираются у нас же».

Мужик скорее желает нести даже довольно тяжкий оброк, нежели легкую барщину. Желание независимости весьма понятно. Сами помещики сознаются, что оброчные крестьяне, при благоразумном управлении, после каких-либо несчастий, поправляются, а изделные редко, и то разве с пожертвованием от помещика.

Оброчный крестьянин имеет гораздо более возможности развить свои способности, ибо он улучшает свое состояние на том пути, куда влечет его склонность.

Предаваясь какому-нибудь ремеслу или промыслу по собственному выбору, а не по произволу другого, он более пользуется опытом, более старается исправлять собственные свои ошибки. Между тем изделный крестьянин все делает механически, по наряду другого и не имеет ни времени, ни возможности испытать какое-либо другое занятие, кроме сохи и косы, и даже не имеет ни малейшего капитала, дабы на вечном своем поприще попытаться на какие-либо улучшения.

Оброчные крестьяне всегда почти соединяют земледелие с промыслами; многие даже совершенно оставляют первое. В таком случае свою часть земли отдают другим крестьянам, а сами занимаются исключительно торговлею или промыслом. Здесь, следовательно, занятия распределяются довольно естественным образом: каждый следует своей склонности...

...Дворовые люди или составляют личную прислугу помещика и его семейства, или употребляются для разных надобностей по хозяйству, напр., для присмотра за скотом, в огородники, разные мастеровые и проч.

Они обыкновенно пользуются пищею или за общим столом, приготовляемым на счет помещика, или живут отдельными семьями, и в таком случае получают от помещика ежемесячно определенное количество хлеба.

В первом случае дворовые обыкновенно называются застольными, во втором — месячниками.

В большей части имений полагается на каждого застольного в год:

Муки около . . . . 2 четвертей.
Крупы . . . . . 3 четверика.

Все другие припасы для стола уже зависят от средств и щедрости помещика.

Платье дается, смотря по назначению дворового, или крестьянское, или особое, дворовое.

Месячники получают хлеба столько же, как и застольные; но сверх того они имеют огород и им дозволяется иногда держать корову, свинью или овцу и домашнюю птицу — впрочем, весьма редко, в виде особой милости, а большею частию помещики не дозволяют сего, боясь, что и корова, и птица будут кормиться украденным у помещика же кормом. Отсюда всякое отсутствие какой-либо собственности у дворового.

Холстинная одежда дается или готовою, или льном; первое — холостым, второе — семейным, внизу служащим чернорабочим, предполагая, что женщина должна в свободное время напрясть и наткать или наменять холстины на семью свою. Суконное верхнее платье дается или сукном, или сделанное; на сапоги дают деньгами. Затем все излишнее и роскошь составляющее зависит от милости господина.

Для помещения застольных назначаются людские общие избы; или они живут в господском доме, если составляют ближайшую прислугу.

Месячные или семейные помещаются обыкновенно в особых избах, полагая средним числом одну избу на два семейства.

Все издержки на содержание дворовых людей чрезвычайно трудно определить, по безотчетности нашего хозяйства.

Впрочем, какие бы числа ни выводили, они здесь не составляют существенного. Важно то, что дворовый человек работает, если только работает, без всякого вознаграждения; ибо весьма немногие из помещиков назначают порядочное денежное жалованье дворовому человеку. Большинство, хотя и дает денежные платы, но самые ничтожные и то более в виде милости.

По общему понятию дворянства, весьма естественно располагать всем временем и досугом человека потому только, что его кормят. Помещик не хочет знать, что из одной пищи и приюта держат только тяглое животное. Наемному слуге барин заплатит и дорого, но своему крепостному не даст ничего.

Сами дворовые люди не сознают по большей части, что за труд должно быть вознаграждение, не в одном корме состоящее. Несколько раз случалось встречать легковых извозчиков и ямщиков из дворовых. После разных толков о их житье-бытье, спросишь: «Ну, сколько тебе дает барин жалованья?» «Какое, сударь, жалованье?» — «Да ведь ты ездишь для него?» «Вестимо, для него; да я ведь его дворовый; за что же он будет мне платить?»

Отсюда происходит обычай держать огромную прислугу, при ограниченном состоянии иметь псарни, капеллы и т. п. Понятен весь вред такого положения в экономическом отношении: труд множества людей пропадает за ничто — потому что они крепостные; а помещик, подстрекаемый ложною мыслию, что дворовый не требует тех издержек, как наемный, убивает деньги на пустые затеи, тогда как деньги эти могли бы быть употреблены производительно на улучшение имения.

В Рязанской губернии зарайский предводитель дворянства уверил нас, что у него во дворе считается 160 ртов, как он выражается. Правда, большею частию эти рты у него занимаются земледельческими работами, смотрят за скотом и пр. Но все-таки число это огромно, если принять в соображение, что у помещика нет и 500 душ. Он же рассказывал еще разительнейший пример: одна соседка его — помещица, имеет прислугу, состоящую из одного повара и служанки, а между тем у нее на месячину выходит 45 четвертей одной ржи в год. Таких примеров можно набрать множество. Они доказывают, как дорого обходится крепостная прислуга.

Нам случалось толковать со многими об излишестве домашней прислуги: «Неужели нашего брата надо заставить в самом деле жить, как немца, с одним слугою», — говорит деревенский дворянин. Вообще, у нас, даже и у образованных людей, понятие о какой-то роскоши, выражающейся в огромности прислуги (роскоши, сопряженной нередко с лохмотьями), соединяется с понятием о достоинстве русского дворянина.

Впрочем многие из помещиков чувствуют тягость дворовых. Вот что один из них говорит по этому случаю: «Неумеренное число дворовых людей есть совершенная пагуба для помещиков. Это в наше время сделалось уже аксиомою, которая еще больше будет иметь силы, когда убедимся, что для содержания одного только служителя должно употребить доход от двух оброчных тягл, а полагая в цену приличное для него платье, мало даже трех. Следовательно, чтобы прокормить и одеть только 10 человек мужского и женского пола, надобно употребить доход с 60 душ оброчных». Конечно, этот расчет преувеличен несколько; но тем не менее основная мысль справедлива...

...Фабричные и заводские крестьяне требуют также совершенно отдельного рассмотрения.

Многие помещики, живущие у себя в деревнях, имеют разные домашние заведения, преимущественно ткацкие, для приготовления изделий на домашний обиход. Так как здесь чаще всего работают дворовые без всякого учета, то и невозможно вывести никакого заключения об экономическом положении работников.

На некоторых помещичьих фабриках работают месячники, без всякой заработной платы, сверх того, им задаются уроки, за неисполнением коих следует взыскание. Таким образом в Нижегородской губернии помещик П—н завел недавно суконную фабрику и уничтожил бо́льшую часть крестьянских запашек. Мужики переведены частию на месячину, частию на запашку и работают каждый день. Они не

привыкли к работе, дело отправляют худо, их наказывают. Невыполнившего урока секут и сажают в воскресенье за работу. По отзывам соседей, все эти люди, — точно вышедшие из тюрьмы. Многие находятся в бегах. Нынешним летом, в тот день, как помещик приехал в деревню, бежало 4 человека.

Поучительнее в этом отношении большие заведения, где работают уже для внешнего отпуска. Из таких нам удалось собрать сведения только о двух: о суконной фабрике г. П—го в Тамбовской губ. и о железном заводе г. М—ва в Калужской.

На фабрике г. П—го работают крестьяне обоего пола и различного возраста, начиная даже с 8-летнего, за заработную плату. Дворовые люди обращаются на работу на том же основании. Хороший работник получает за каждую половинку сукна от 4 до 5 рублей и вырабатывает в год от 120 до 150 рублей ассигнациями; женщина до 75 рублей, мальчики и девочки, смотря по возрасту, от 20 до 50 рублей. Следовательно, приравнивая одно семейство с земледельческим тяглом, оказывается, что выручка его простирается в год от 215 до 275 рублей. Эта выручка может считаться достаточною в сравнении с земледельцами; но она во всяком случае меньше, нежели заработная плата на фабриках с вольнонаемными работниками.

Таким образом на суконной фабрике купца Александрова в той же Калужской губернии взрослый работник выручает в год до 300 рублей, а мальчик до 150 руб.

Но в этом отношении важнее всего взглянуть на такую местность, где заводское дело составляет исключительное занятие крестьянина, напр., на Оренбургскую губернию: там при железных заводах считается 20.324 д. или 8.128 раб. При медных — 14.837 д. или 5.935 работников.

На каждого работника приходится в год: чугуна 144 п. или железа 89 пуд., меди 13 пуд.

В Англии, в графстве Стаффордширском, приходится на каждого работника чугуна по 312½ пуд.

Уже одно это доказывает дурное качество нашего крепостного труда.

Плата за работу средним числом приходится на каждого работника 145 руб. 92 коп. или на ревизскую душу 58 руб. 39 коп.

Сравнивая сей доход мастерового с доходом крестьянина-земледельца, оказывается, что в Оренбургской губернии тягло, обязанное обрабатывать 2 десятины в поле на помещика и только 1½ дес. на себя, получит, за исключением семян, продовольствия и податей, чистого барыша до 131 руб. 87 коп. или на душу 65 руб. 94 коп.

Из этого открывается, что доход мастерового на лучших заводах уступит доходу посредственного помещичьего крестьянина.

Вся выручка мастерового расходуется на удовлетворение нужнейших и самых грубых потребностей, потому-то она и не может доставить заводским работникам и того благосостояния, каким пользуются крестьяне-земледельцы, следовательно, недостаточна и не побуждает к усиленной деятельности. С справедливостью этого заключения не согласится только тот, кто, объехав заводы на-скоро, останавливался в домах конторских служителей и не заглядывал в бедные жилища простых крестьян.

Несоразмерность платы рабочим проистекает: а) от монополии владельцев, которые руководствуются одним произволом, а не основаниями свободных условий; б) от излишества рабочих, так что владельцы, при настоящих их способах и размерах производства, не в состоянии, без уменьшения собственных доходов, увеличить заработную плату.

Этим же самым объясняется и сравнительная дороговизна нашего железа в сравнении, напр., с английским.

При излишестве рабочих, владельцу завода нет возможности увеличить заработную плату, а вместе с тем, при крепостном труде он не может заставить производить столько, сколько может производить вольнонаемный рабочий...

(А. П. Заблоцкий-Десятовский. «Гр. Киселев», т. IV, стр. 276—295.)

---

72. Харламов. О барщине.

1857 г.

Есть имения, в которых надзор за работами предоставлен управителям или старостам, с тем, чтобы обходиться с крестьянами человеколюбиво и не изнурять их излишне работами, т.-е.

цель помещика заключается преимущественно в том, чтобы не изнурять крестьян. Есть и такие имения, где цель помещика клонится единственно к получению с крестьян наиболее работы, невзирая на то, что эта работа может изнурять их силы.

Между этими двумя крайностями, конечно, есть много срединных положений, приближающихся более или менее к одному из двух крайних; но мы рассмотрим одни крайние положения, сравним их между собою и тогда нам ясно выкажутся преимущества одного перед другим. В обоих случаях рассмотрим производство летних, как самых важных и больших работ.

В имениях, в которых стараются не изнурять крестьян, по большей части для пахоты, бороньбы и прочих работ с лошадьми выходят на работу около 5-ти часов утра, работают часов до десяти, т.-е. пять часов, потом обедают, кормят лошадей и отдыхают, на что употребляется до трех часов; затем в час пополудни снова начинают работать и работают часов до шести вечера, так что в продолжение дня на работу употребляется до десяти часов. Во время сенокоса выходят на работу около половины 5-го часа утра, работают часов до семи, завтракают, и отдыхают до 10 часов, работают часов до 12, на обед употребляют один час и потом работают до 6½ или 7, так что число рабочих часов выходит от десяти до десяти с половиной. Но из этого нельзя вывести заключения, что на полезную работу употреблено действительно 10 или 10½ часов, потому что и во время рабочих часов крестьяне отдыхают — или при повороте с одной борозды на другую, во время пахоты или бороньбы, или точа и поправляя косу, во время косьбы и проч. Это необходимо бывает потому, что как бы силен и свеж работник ни был, он не может проработать и часа без всякого отдыха, что известно из опытов; и кроме того, из опытов же мы знаем, что средняя, чисто полезная работа каменщика и плотника полагается в сутки до восьми часов; но при этом надобно взять в расчет, что наемные каменщики и плотники почти постоянно получают мясную пищу, что, как известно, придает много сил; тогда как барщинные крестьяне, и у самых заботливых о их нуждах помещиков, едят мясо довольно редко, по большей части по праздникам; следовательно, силы их могут быть разве менее, но уж никак не более сил тех рабочих, над которыми производились опыты; так что, полезная работа неизнуренного барщинного крестьянина может быть определена от семи до восьми часов в сутки, в таком случае, если он не мытарит работою. («Мытарить работою» называется то, что работник, повидимому, и работает, напр., косит или рубит топором, на самом же деле только бьет траву или тюкает по дереву; о таких рабочих иногда говорят, что их работа не спора; не неспорость эта по большей части происходит с намерением.) Мытарить же крестьянину работой на барщине у помещика, который его не изнуряет и заботится о нем, нет особенной выгоды; напротив, гораздо скорее можно предположить, допустив в крестьянине чувство благодарности за попечение о нем, что в небольшое сравнительно число часов, в которое его заставляют работать, он будет работать хорошо. Конечно, могут быть особенно ленивые или неповоротливые крестьяне, но это уже будут редкие исключения, и за ленивыми в этом случае присматривают не только старосты, но и другие рабочие, что часто подтверждается опытом, и работы в таких имениях идут довольно успешно, конечно, с условием, чтобы или хорошо понимающий дело помещик сам бдительно занимался хозяйством, или же, если имение большое, чтоб он имел дельных, честных и расторопных помощников, — качества, необходимые в одном лице. Когда же помещик не входит сам в управление имением, а предоставил это управителю или старосте, не имеющему помянутых качеств, то если крестьяне и не будут обременены излишней работою, потому что могут пожаловаться помещику (если он допускает к себе и выспрашивает их, что, к сожалению, делается не всеми), работы помещика могут идти очень неисправно от нераспорядительности или иногда от плутовства старост, которые выпускают, за подарки, крестьян с господских работ; для того же, чтобы к помещику не доходило об этом жалоб, наблюдают между всеми очередь, так что почти ежедневно выходит на барщину несколькими рабочими менее.

Рассмотрите теперь, как производятся барщинные очередные работы в имениях, где заботятся единственно о том, чтобы заставлять

крестьян работать как можно более, не обращая внимания на изнурение их сил.

В таких имениях обыкновенно выходят на работу с восходом солнца, т.-е. считая между 60° и 55° с. ш. от 3 до 3½ и 4 часов утра, работают до завтрака и кормки лошадей, часа четыре с половиною, на завтрак, корм лошадей (если работа с лошадьми) и отдых употребляют до 2½ часов; потом работают часа 3, обедают и опять кормят лошадей, что необходимо, работая долгое время; на это берется, если с лошадьми, то около 2 часов, если же пешие, то около часа; и потом работают пока стемнеет: таким образом выгоняют от 11½ до 12 и более рабочих часов в сутки. Но как у таких помещиков крестьяне одарены большею физическою силою против обыкновенных рабочих, то все-таки они не производят полезной работы более, чем в 8 часов в день. Посмотрим, производят ли они ее и в это число часов. Как сказано выше, работники не в состоянии проработать без малого отдыха и часа; но как старосты, по большей части управители, а в этом случае и сами помещики с практической механикой не знакомы, потому и не знают наверное, сколько времени человек может проработать; то им всегда кажется, что рабочие слишком часто останавливаются отдыхать; если же притом у соседа, заставляющего работать своих крестьян сравнительно меньшее число часов, поэтому менее остановок, во время работы для отдыха, то упуская из вида сравнительно большее число часов, которые они заставляют своих крестьян работать, и обращая внимание единственно на число остановок, они окончательно убеждаются в лености своих крестьян; для противодействия этому употребляют брань, угрозы, наказания, и тем не только не достигают своей цели, потому что, несмотря ни на какие наказания, человек более своих сил работать не в состоянии, но, не давши работнику отдохнуть, сколько ему надобно, заставляют его по необходимости прибегать к хитрости и искать отдыха во время самой работы; или мытарить работой, отчего, конечно, помещик не в выигрыше. Крестьянин же, после такой работы, ослабеет и физически, и нравственно; проработав же таким образом три дня, он непременно на четвертый день отдыхает или мало работает, так что на свою работу, кроме воскресенья, ему остается только два дня, в которые, не успевая произвести всех необходимых в крестьянском быту работ, часто оставляет поля худо обработанными, и сено не все или не во-время убранное. Да кроме того, привыкнув мытарить на господской работе, он уже отвыкает хорошо работать и на своей; следствие этого — бедность, для забвения которой он начинает прибегать к вину или поправляет ее мошенничеством. Конечно, бедность, леность, пьянство, воровство и другие пороки никак нельзя приписать исключительно этим причинам; встречаются крестьяне бедные или с этими пороками и у самых заботливых о их нуждах и нравственности помещиков, так же как и между людьми всех сословий; но это бывают исключения более или менее редкие. Если же некоторые помещики жалуются на всеобщую безнравственность своих крестьян, то причины этому не могут быть другие, как вышеупомянутые, потому что всеобщий упадок нравственности может случиться только от всеобщего недостатка для удовлетворения необходимых потребностей к жизни, т.-е. от бедности. А для избежания многих пороков при бедности надобно иметь особенную твердость духа, доходящую иногда до героизма; герои же встречаются редко.

Итак, помещик, заботящийся единственно о том, чтоб заставлять крестьян работать как можно более, не думая о их благосостоянии, не только упомянутыми выше средствами не заставит крестьян работать более; но, доводя их до бедности, которая постепенно истощит физические их силы, принужден будет производить работы слабосильными рабочими, которые, конечно, произведут ему, несмотря ни на какие понуждения, менее работы, нежели то же количество неизнуренных рабочих. Да кроме того, ему еще придется иметь дело с лентяями, пьяницами и мошенниками; преимущества же честных, трезвых и трудолюбивых работников, перед лентяями, пьяницами и мошенниками, кажется, ясны . . .

В имении моем, за исключением уволенных по разным случаям, т.-е. тягол старост, вдов и сирот и проч. тому подобных чистых тягол, несущих вполне повинность до 130, из коих на трехдневную барщину назначалось от 60 до 65 тягол; обрабатывали они по 50 казенных десятин в каждом поле пахотной земли; работы

производились и огульно, и уроками. Остальные крестьяне были на оброке; оброк состоял из 20 руб. деньгами; кроме того, оброчные крестьяне обязаны были вывозить удобрение и запахивать его вместе с барщинными, выставали крестьяне по 7 дней в сенокос, крестьянки же по 7 дней в жниво. Кроме того, от них брались в лето лошади: по одному разу в бороньбу, яровую и озимую, и по одному разу для уборки снопов; еще оброчные обязаны были вывезти зимою по 1 куб. сажени дров, крестьянки же пряли небольшое количество льна,— работа, на которую некоторые из них нанимались за 50 коп.; еще они давали по 10 арш. толстого холста, ценою не более как 4 коп. арш., и по 10 яиц в лето, что по местным ценам составляет от 5—7 коп. Подушные и земские повинности крестьяне платили сами...

(«Журнал Мин. Гос. Имущ.» 1857 г., октябрь, стр. 10—29.)

---

73. Усиление крестьянских повинностей.

(По Игнатович.)

Крестьянские оброки сильно повысились с конца XVIII века.

В конце XVIII века оброк с души в Нижегородском уезде равнялся 4 р. 75 к. сер.; в 1840-х г.г. он уже достигал 9 р. 74 к. сер.; а в десятилетие 1851—1860 г.г. равнялся 10 р. 14 к. сер.

В имении Позняковых (село Борисовское и дер. Ройки) крестьяне в 1827 году платили с души по 25 р. ассигнациями или по 6 р. сер., имея пахотной земли по 2,1 дес. К 1849 году оброки почти удвоились: в Борисовском платили 14 р. 10 к. серебром; в Ройках по 13 р. В 50-х годах оброки увеличились в 1½ раза, а с разными поборами вдвое, при уменьшении надела на ½ дес. В 1859 году этим крестьянам приходилось платить по 24 р. сер. в год.

Кроме чисто оброчных имений, в XIX веке было большое количество имений, где к оброку присоединялось, при существовании барщинной запашки, известное количество барщинных дней в году и некоторые другие работы.

В имении Доломанова, Медынского уезда, Калужской губ., крестьяне до 1834 года, когда они перешли во владение этого помещика, состояли на чистом оброке, платя по 60 р. ассигн. с тягла и не неся никаких повинностей, кроме ночных караулов и возки дров для господского дома. Земли у них было достаточно; на тягло приходилось по 7 дес. в трех полях и до 100 п. сена, и крестьяне жили в достатке. Доломанов повысил оброк до 75 руб. ассигнац., установил небольшую барщину. С годами господская запашка увеличивалась, рос оброк, а количество крестьянской земли уменьшилось. К 1860 г. крестьянские наделы уменьшились с 7 дес. до 5½ на тягло, количество сена со 100 пудов до 40, по показанию крестьян, и до 70, по показанию самого Доломанова.

Из 165 тягол, по показанию помещика, 145 состояли из смешанных повинностей и 20 на чистой барщине, отбывая ее на винокуренном заводе и помогая остальным в полевых работах «лишь в свободное от заводских работ время».

Смешанным 145 тяглам приходилось платить денежный оброк по 25 р. 68 коп. сер. с тягла и обрабатывать до 150 дес. в озимом и яровом полях, т.-е. по 1 дес. на тягло. Осенние и зимние работы приходилось выполнять женщинам и подросткам, так как мужчины после уборки хлебов уходили на заработки, чтобы было чем уплатить оброк. Помимо этого каждая женщина должна была доставить по 10 арш. холста из своего льна и выпрясть из господской волны (шерсти) по 4 арш. сукна. Вдовы и девушки должны были доставлять в лето по 3 ф. сушеных грибов или уплатить их стоимость деньгами по существующим ценам. Женщины сверх этого пололи морковь для конского завода и перебирали картофель для крахмального.

Вместе с переходом к денежному хозяйству росли и помещичьи запашки. Помещики начинали все более и более ценить землю. Необходимость отвода части земли крестьянам стесняла их, а потому у них являлось стремление уменьшить количество крестьянской земли. В двадцати губерниях, где преобладал процент барщинных крестьян, общее количество земли, предоставленной в пользование крестьян, упало в XIX веке сравнительно с XVIII до половины и менее всей господской удобной земли. С целью сохранить для себя возможно большее количе-

ство земли, некоторые помещики прекращали нарезку земли на вновь прибывшие тягла, прекращали увеличение количества последних, переводя часть крестьян в затяглые, отпускали лишних крестьян на безземельный оброк, наконец, переселяли их в другие свои многоземельные имения или же продавали крестьян без земли на вывод. Об увеличении барщинной запашки свидетельствуют современники: в черноземных губерниях в сороковых годах крестьяне обрабатывали на помещика более, чем на себя. Так, в Саратовской губернии в имении кн. К. каждое тягло должно было обработать более 21 дес., из которых лишь 7 дес. обрабатывало на себя. В Нижегородской губернии, в имении г-жи Пр—вой крестьяне, обрабатывая на себя 740 дес., помещику обрабатывали 900 десятин и т. д.

Как на последствие увеличения ценности земли для помещика и стремления увеличить господскую запашку, необходимо также указать на очень интересное явление, которое наблюдается еще в XVIII и учащается в XIX веке. Это так называемая месячина. В таких случаях помещики отнимали от крестьян землю и давали взамен крестьянам и их семействам жилище и полное содержание круглый год. Землю же обрабатывали месячники собственными орудиями помещика. Такие крепостные работали на помещика целую неделю.

С малой интенсивностью труда помещики боролись различными способами. Одним из них был усиленный надзор над крепостными. Некоторые помещики для контролирования непрерывности работы надевали на шею работников рогатки, чтобы они не могли ложиться на землю. Чтобы понудить рабочих скорее окончить господские работы, крестьян во время жатвы иногда не допускали к воде и питью, несмотря на зной. Наиболее обычной мерой воздействия на крестьян были розги, палки, кнуты, иногда арапник и другие орудия наказания за «лень», «неисправность» и медленность в работе.

С малой интенсивностью крепостного труда помещики боролись и другими мерами. В числе этих мер можно отметить перевод крестьян на урочное положение.

В имении Бунина, Тамбовской губернии, при обыкновенной трехдневной барщине, точно определялось и предписывалось, что должен сделать каждый крестьянин: например, в рабочий барщинный день полагалось вспахать половину десятины и скосить половину большой десятины ржи и половину казенной десятины овса или сена. Женщина должна была сжать или связать 2 ряда, по 4 крестца в каждом ряду, по 13 снопов в каждом крестце.

Непосильные уроки при обязательности их окончания хотя бы в свои дни легко могли превратить трехдневную барщину в 4- и 6-дневную.

При такой урочной системе помещики легко могли довести крестьян до разорения. Оценивая урочную систему с точки зрения помещичьих интересов, можно указать, что урочная система облегчала, во-первых, контроль над барщинной работой, во-вторых, могла повысить интенсивность труда; крестьянин стремился оканчивать быстро свой урок из желания скорее перейти к своим работам. Это относится особенно к тем имениям, где уроки были не безнадежно обременительны, и где крестьянам разрешалось переходить к своим работам только по окончании господских уроков.

Но спешность, неизбежно сопровождающая срочную работу, понижала ее качество. Повышения качества труда и при уроках помещики должны были добиваться или попрежнему страхом наказания за дурную работу, или же искать новых путей и новых способов организации хозяйства.

Невыгодность обработки земли трудом крепостных побуждала некоторых помещиков к отдаче земли своим же крепостным в наем. Например, в имении князя Васильчикова, в Воронежской губернии, крестьяне не несли барщинных и оброчных повинностей, а платили за количество десятин земли, которую снимали от помещика на тех же правилах и правах, как отдается земля в арендное содержание посторонним лицам.

Некоторые помещики пытались перейти к вольнонаемному труду, как средству заменить мало интенсивный крепостной труд. В этом отношении любопытен пример обработки помещичьей земли в 40-х годах в имении Зарайского предводителя дворянства Титова, своими же крестьянами, но «по найму, по вольному соглашению».

(Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», стр. 80—135.)

———

74. Барон Гакстгаузен.

1) Описание Ярославской губернии.

Вообще нужно иметь в виду, что Ярославская губерния разделяется на две части, существенно отличающиеся друг от друга: в одной части развиты всевозможные ремесла, а земледелие почти заброшено или ведется только для необходимого пропитания; в другой же преобладает земледелие, а ремесла развиты в гораздо слабейшей степени, чем в первой, и притом с целью вспомогательной для земледелия. Первая часть состоит из 5 западных, северо-западных и северных уездов. Они лежат далеко от больших городов, проезжих и купеческих дорог, но при водяном пути и вблизи необозримых лесов северо-восточной России, которые обусловливают множество ремесл и судоходство.

Пять остальных уездов (с южной частью Ярославского) лежат ближе к Москве, столь много потребляющей, — вдоль большой дороги между Москвой, Ярославлем и Костромой, невдалеке от Владимира, и, следовательно, поблизости Московско-Нижегородского тракта. В них незначительные леса и они мало связаны с могущественною Волгой, тиранически придающей свой характер всем местностям, по которым она протекает, и управляющей волей, ремеслами, потребностями и нуждами населения, потому что более трети жителей приволжских уездов получают от нее свою работу, — они могут быть названы крепостными Волги. Но сила ее не признается в этих 5 уездах; здесь поэтому процветает земледелие, значительное льноводство, хорошее садоводство, скотоводство, преимущественно с целью откармливания на убой и, наконец, птицеводство.

Я приведу сперва некоторые статистические данные[1]) от 1841 года, о вышеупомянутых 5 уездах Ярославской губернии: Пошехонском, Мологском, Рыбинском, Мышкинском и Угличском . . .

. . . .

[1]) Сведения эти довольно достоверны. Они собраны не полицией для представления высшему начальству (такие сведения обыкновенно совершенно неверны), но г. Лапп, который делал здесь топографические съемки для генерального штаба и работал с большим знанием дела, собрал эти данные на самом месте. К сожалению, у меня есть только его работа о 5 названных уездах и я не знаю, существует ли его же исследование о других 5 уездах.

Все пространство этих 5 уездов обнимает 1.686.471 десятину или 331 квадр. милю, с населением в 193.570 человек муж. пола, или круглым числом 390.000 человек обоего пола. На квадратную милю приходится 1.145 человек, впрочем, различно по уездам, а именно: в Пошехонском уезде 99 кв. миль, а на милю приходится 815 жителей, в Мологском 85 миль, а на милю 941 ж., в Рыбинском $45^1/_5$ миль, а на милю 1.350 ж., в Мышкинском $42^1/_2$ мили, а на милю 1.882 ж., в Угличском $58^4/_5$ миль, а на милю 1.452 ж.

Почти двадцатая часть площади земли не приносит никакой пользы. А так как половина лесов сведена и вместо леса остались только кустарник и выгоны, то можно признать, что $^1/_3$ всей площади не обрабатывается и совершенно бесполезна. Пашня и луга составляют несколько больше $^1/_3$ всей земли. Площадь лугов относится к площади пахотной земли, как $1 : 6\,^4/_{13}$. Лес, который более чем наполовину сведен, занимает $^5/_8$ всего пространства. Но эти отношения различны в каждом уезде. В Пошехонском неудобной земли приходится $^2/_5$ всей площади. Пашня и луга занимают $^1/_8$; луга относятся к пашне, как $1 : 4\,^{13}/_{14}$, лес составляет $^5/_8$ частей.

В Мологском уезде неудобной земли $^3/_8$, пашни и лугов $^1/_4$; луга относятся к пашне, как $1 : 40\,^{80}/_{91}$; леса занимают $^3/_4$ всей площади.

В Рыбинском $^3/_{11}$ неудобной земли, $^3/_8$ пахотной и лугов, отношение лугов к пашне, как $1 : 6\,^{13}/_{14}$, лес обнимает $^7/_{15}$ всей земли.

В Мышкинском $^4/_{11}$ неудобной, $^4/_7$ пахоты и лугов; отношение лугового пространства к пахотному, как $1 : 9\,^{51}/_{157}$. Пространства лесов не выше $^4/_{11}$, а хорошего леса только $^1/_{61}$ всей земли, так что здесь значительный недостаток в дровах.

В Угличском половина земли неудобна, $^1/_3$ пахотной и луговой; луга относятся к пашне, как $1 : 6\,^{79}/_{90}$, лес занимает $^{11}/_{19}$, хороший лес менее $^1/_9$ всего пространства.

В России не существует противоположностей между городом и деревней. Екатерина II основывала города только по имени, а собственно городом делалась деревня, в которой поселялась государственная власть. Но ремесла скоплялись все-таки в таких городах и большая

часть таких номинальных городов превратилась в действительные города. Там и сям деревня, по благоприятному положению или по внешнему побуждению, превращается в город и ждет, чтобы правительство даровало ему и права городов. В Ярославской губернии в таком положении находится Великое Село.

В то время, как в Пруссии на 5.077 кв. миль приходится 972 города, следовательно, 1 город на 5 миль, в этих 5 уездах при 330 кв. милях только 5 городов, следовательно, 1 город на 66 миль. Тогда как в Пруссии $^2/_7$ всего населения живет в городах, в этих 5 уездах городских жителей только $^1/_{20}$ всего населения [1]).

В этих 5 уездах 4.058 деревень, следовательно, 12 деревень на 1 кв. милю. Деревни должны быть малы, так как, по среднему выводу, на деревню приходится 13 дворов с 91 человеком жителей. Средним же числом на каждую деревню приходится 420 десятин. На каждую мужскую душу приходится $2^3/_4$ десятины пахотной земли, $^4/_9$ дес. лугов, 2 дес. хорошего леса и $3^1/_7$ дурного леса.

По уездам выходят следующие отношения:

НАЗВАНИЕ УЕЗДОВ	На квадратную милю приходится деревень.	Среднее число домов в деревне.	Среднее число жителей в деревне.	На каждую деревню приходится средним числом земли десятин.	На мужскую душу приходится средним число земли:			
					Пашни.	Лугов.	Хорошего леса.	Дурного леса.
					Д Е С Я Т И Н			
Пошехонский . .	9	13	83	525	$3^9/_{20}$	$^3/_4$	$3^3/_5$	$4^3/_5$
Мологский	8	16	124	668	$2^1/_4$	$^1/_2$	$3^9/_{20}$	$4^1/_8$
Рыбинский	21	11	63	235	$2^1/_2$	$^1/_3$	$2^1/_2$	$^3/_5$
Мышкинский	16	15	114	311	3	$^3/_{10}$	$^1/_{11}$	$1^4/_9$
Угличский	15	13	99	348	$2^1/_3$	$^1/_3$	$^4/_5$	$3^1/_2$

Отсюда видно, что земледелие в этой местности **не может прокормить людей**.

Это легко доказать. В Угличском уезде приходится на мужскую душу около $2^1/_3$ десятин пахотной земли; считая урожай в $2^1/_2$ зерна (что здесь приходится средним числом), выходит следующий расчет:

Около $^3/_4$ десятины засеяно ржи, собрано за вычетом семян	$9^1/_2$ четвериков.
Около $^3/_8$ десятины засеяно ячменем; за исключением семян, собрано .	$4^3/_4$ »
Итого:	$14^1/_4$ четвериков.

Овес, посеянный на $^3/_8$ десятины, идет на прокормление скота; $9^1/_2$ четвериков ржи дадут 387 фунтов хлеба; $4^3/_4$ четверика ячменя дадут 169 фунтов хлеба; все вместе составит 556 ф. хлеба.

Главная пища русского народа состоит из хлеба; картофель в большей части мест еще неизвестен, из овощей только капуста в большом распространении. Мясо, молоко, масло потребляются очень мало. В русской армии выдается на каждого солдата 2½ фунта хлеба в день и, кроме того, каша. Здоровый русский поселянин не может обойтись без 3-х фунтов хлеба в день; во время сильной работы он съедает 5 фунтов хлеба, а в Белоруссии едят по 7 фунтов хлеба в день. Если присоединить сюда же женщин, стариков, детей, то придется на каждого жителя кругом 1½ ф. хлеба в день.

---

[1]) Если же при этом взять в расчет еще и то, что бо́льшая часть городского населения состоит из крепостных людей и поселян, то будет понятно, как мало число собственно горожан, и как ничтожен зародыш буржуазии, как отдельного сословия в России. (Примеч. автора.)

Следовательно, на одного мужчину и на одну женщину выйдет средним числом в год 1.094 ф. хлеба. А поэтому в Угличском уезде на каждую пару людей недостает 538 фунтов хлеба, а на все население уезда нехватает 22.855.000 ф. хлеба. Дефицит этот покрывается покупкою привозного хлеба, а это может быть сделано только при помощи побочных ремесл и заработков.

Слабое плодородие почвы, легкость доставки по Волге из плодородных губерний нужного количества хлеба, нерасположение русских к трудной земледельческой работе, легкая возможность заработка при очень развитой промышленности были причинами отклонения народа от хлебопашества. Не только множество земли, теперь заброшенной, могло бы быть обращено, при прилежном труде, в доброкачественную почву, но и обрабатываемая земля приготовляется дурно, неэнергично, слабыми силами и недостаточным удобрением. Каково отношение рабочих рук, занимающихся земледелием, ко всему населению, указывают следующие цифры:

Занимаются хлебопашеством:

В уезде:	
Мологском при 39.927 душах населения, самое большое . .	14.500 чел.
Рыбинском при 31.126 душах населения, самое большое . .	12.500 »
Мышкинском при 39.965 душах населения, самое большое .	13.800 »
Угличском при 42.371 душах населения, самое большое . .	15.700 »

И бо́льшая часть людей, обрабатывающих здесь землю, принадлежит не к местным жителям уездов, но посторонние, нанятые работники из других губерний. В западной половине Угличского уезда, например, из 9.000 человек, пашущих землю, только 5.500 [1]) местных крестьян (именно хозяева), а 2.500 наняты в работники из соседней Тверской губернии.

(Исследования бар. Гакстгаузена, стр. 114—119.)

2) Описание Пензенской губернии.

. . . Впоследствии я получил некоторые сведения об отдельных деревнях этой губернии. Я помещаю эти сведения здесь, так как они обрисовывают все сельские отношения нагляднее и вернее, чем общие описания:

1) Деревня Кочелаево, в Норовчатском уезде, — 358 дворов, 1.298 м. душ и 1.471 ж. душ [1]). Пахотная земля, луга, выгоны и лес обнимают около 7.000 десятин. Следовательно, на каждую мужскую душу приходится около 5½ дес. Хозяйство трехпольное. Сеется в озимом поле рожь, в яровом — ячмень, овес, пшеница и полба. Скотоводство состоит из 996 лошадей, 500 коров и 1.965 штук мелкого скота. Жители заняты только земледелием, не ведут никакой торговли и не работают на фабриках. За последние пять лет, от 1838—1843 г.г., цены на хлеба колебались следующим образом: за четверть ржи от 7 до 21 р. асс., пшеницы от 10½ до 25 р. асс., овса от 1 р. 75 к. до 10½ р. асс., полбы от 5 до 10½ р. асс.; пуд сена от 20 до 30 к. сер. Подати — 3 р. 81 к. сер. подушных, 24 коп. сер. на содержание сельских властей, 6 к. сер. в общественный магазин, 3 коп. сер. на общественные постройки, 61¼ к. сер. мирских сборов, 21 к. сер. страхового сбора, всего 4 р. 96½ коп. сер. или 17 р. 36 коп. асс. В маленькой школе священника 8 учеников.

2) Деревня Каремша, в Нижнеломовском уезде, — 78 дворов, 300 м. душ и 332 женских. Они владеют 1.178 десятинами пахотной земли, 102 дес. лугов, 348 дес. леса. Хозяйство трехпольное, сеют рожь, ячмень, овес, гречу, полбу, коноплю и лен. Скота держат — 231 лошадь, 469 штук рогатого скота и 708 овец. Жители только земледельцы, торговли не ведут. Впрочем, часть их отправляется каждое лето на заработки в Саратовскую и Астраханскую губернии. Средняя цена в последние пять лет, от 1838—1843 годов, на четверть ржи была 10½ р. асс., а на яровые хлеба 5¼ р. асс.

3) Деревня Старая-Верхняя, в Инсарском уезде, — 63 двора, 227 м. душ и 291 женских. Они владеют 709 дес. пахотной земли, 40 дес. лугов, 8 дес. выгонов, 1.037 дес.

---

[1]) Вероятно, 6.500.

[1]) Отчего этот перевес женского населения над мужским во стольких деревнях, виденных мною? Не составляют ли частые рекрутские наборы долю причины этого? У немецких колонистов, освобожденных от рекрутства, мужское население превышает женское почти на 2%.

леса. Трехпольное хозяйство. Сеют рожь, овес, гречу, горох, коноплю и лен. Скотоводство: 130 лошадей, 132 штуки рогатого скота, 320 овец, 150 свиней. Жители, кроме земледелия, занимаются некоторой торговлей и зимним извозом.

Цены на хлебы.

Рожь за четверть:						
1839	год	14	руб.	98	к.	асс.
1840	»	21	»	98	»	»
1841	»	13	»	65	»	»
1842	»	12	»	25	»	»
1843	»	4	»	72½	»	»
Овес за четверть						
1839	»	4	»	97	»	»
1840	»	9	»	45	»	»
1841	»	3	»	85	»	»
1842	»	6	»	30	»	»
1843	»	2	»	97½	»	»
Греча за четверть:						
1839	»	16	»	97½	»	»
1840	»	5	»	98½	»	»
1841	»	6	»	65	»	»
1842	»	8	»	75	»	»
1843	»	3	»	50	»	»
Горох за четверть:						
1839	»	28	»	—	»	»
1840	»	7	»	98	»	»
1841	»	совсем не было в продаже				
1842	»	12	»	95	»	»
1843	»	5	»	95	»	»

Какое значительное колебание цен на земледельческие продукты в течение пяти лет — иногда разница достигает 400 и 500%! И какое неправильное отношение между различными сортами хлеба!

(Исследования бар. Гакстгаузена, стр. 385—386.)

3) Описание Воронежской губернии.

...Сведения, доставленные мною из Воронежской губернии, очень полны и составлены с большим старанием и заботливостью, чем сведения большинства прочих губерний. Особенно хорошо составлены сведения о земледелии и о цепах на сельские продукты.

1) Деревня Нижний-Студенец — 337 домов, 1.404 мужских, 1.587 женских душ, составляющих 280 семей. Земля: 5.299 дес. пашни, лугов нет, 322 дес. выгона, 1.820 дес. леса, 298 дес. неудобной земли. На каждую ревизскую душу приходится по 5½ десятин. Хозяйство трехпольное, в озимом поле сеется рожь, в яровом — овес, греча, просо, горох и конопель. Урожай сам-четверт. Скотоводство: 1.200 лошадей, 510 штук рогатого скота, 1.671 овца, 2.100 свиней. Кроме земледелия, жители несколько торгуют хлебом. Подати: 95 к. сер. подушных, 2 р. 86 коп. оброку, 34 коп. различных поземельных сборов (совершенно для меня непонятных), 6 коп. на общественный магазин, 56½ коп. сер. мирских сборов, всего на душу 4 р. 77½ коп. сер. или 16 р. 71¼ коп. асс. Три мельницы и один мост через Дон (постройка его обошлась в 4.572 р. сер.) дают 5.335 р. годового дохода. Священник держит школу с 16 учениками.

2) Деревня Дмитрашевка, в Землянском уезде,—302 двора, 1.161 м. и 1.193 ж. душ, 3.483 дес. пашни, 15 дес. луга, 285 дес. выгона, 50 дес. леса. На каждую ревизскую душу приходится три десятины с небольшим. Земледелие: рожь, несколько пшеницы, просо, греча, овес, ячмень, горох. Севооборот начинается с проса. Поле пашется перед посевом весной, около 9 мая и несколько позднее, затем еще раз пашется и боронится. В середине июня и июля всходы пропалывают для очистки от сорных трав. В конце августа просо поспевает и скашивается, его вяжут в снопы, складывают в скирды и затем молотят по мере надобности. После проса земля на следующий год остается в пару, в июле месяце пашется и осенью засевается рожью или пшеницей, затем еще раз пропахивается для очистки от сорных трав. На следующий год осенью, по уборке озимого хлеба, земля пашется, и затем весной засевается гречей, овсом, ячменем и горохом. Потом поле остается свободным всю зиму, целое лето и опять зиму, а с весны начинается опять тот же севооборот с проса. Следовательно, в 5 лет земля дает только 3 жатвы.

Греча сеется в конце мая или начале июня, а в середине августа косится овес; овес и ячмень сеются в первой половине апреля, и созревают одновременно с рожью. Горох сеется

в одно время с ячменем, но собирается только в конце августа. Гречишная и гороховая солома идут на покрышку зданий, остальная солома на корм скота. Озимый хлеб дает 3, яровой 4 зерна. Скотоводство: 720 лошадей, 420 штук рогатого скота, 1.500 овец, 418 свиней.

Очевидно, что при недостатке и дурнокачественности земли жители не могут существовать с земледелия, но они занимаются пчеловодством и имеют обширные каменоломни; они обделывают и приготовляют жернова, камни для памятников и т. д. На фабриках они не работают, потому что поблизости нет фабрик. Хлеб сбывается в города, которые ведут значительную хлебную торговлю.

Подати с души: 3 р. 81 к. сер. подушных и оброку 14 коп. поземельных (?), 15 коп. на постройку тюрем, 9 коп. на земскую полицию, 6 коп. на общественный магазин, 6 коп. на продовольственный капитал, 56½ коп. мирских сборов, всего 4 р. 87½ коп. сер. или 16 р. 6¼ коп. асс. Отсюда видно, что подати неравны даже в различных деревнях одной и той же губернии.

В селе мельницы и отдаваемые в наймы земли — все это приносит 374 р. 46¼ к. сер. дохода. Священник держит школу с 16 учениками.

3) Село Новая-Торостан, в Новохоперском уезде. Чтобы не утомлять читателя повторениями, я приведу только, что тут на ревизскую душу приходится с небольшим 4 дес. земли. Податей с души 16 р. 71½ коп. асс. Священник держит школу с 21 учеником.

4) Село Турово, в Нижнедевицком уезде, — 570 домов, 2.886 муж. и 2.955 жен. душ, 12.185½ дес. пашни, 1.743 дес. луга, 172 дес. выгона, 800 дес. леса, 445½ дес. неудобной земли. На душу приходится по 5⅓ дес.; скотоводство: 1.510 лошадей, 1.200 штук рогатого скота, 1.800 овец, 1.000 свиней.

Хлеб продается в Воронеже. Цены были:

На рожь за четверть

В	1839	г.	2	руб.	—	коп.	сер.
»	1840	»	5	»	—	»	»
»	1841	»	3	»	20	»	»
»	1842	»	2	»	—	»	»
»	1843	»	1	»	10	»	»

На крупу за четверть:

В	1839	г.	4	руб.	20	коп.	сер.
»	1840	»	6	»	—	»	»
»	1841	»	4	»	80	»	»
»	1842	»	2	»	65	»	»
»	1843	»	2	»	—	»	»

На овес за четверть:

В	1839	г.	—	»	85	»	»
»	1840	»	1	»	70	»	»
»	1841	»	—	»	90	»	»
»	1842	»	—	»	74	»	»
»	1843	»	—	»	65	»	»

Подати с души 16 р. 71 коп. асс. Священник держит школу с 20 учениками.

5) Село Пески, в Новохоперском уезде. На душу приходится 9 дес. земли. Озимый хлеб дает 6, яровой 5 зерен. Кроме земледелия, жители заняты извозом и торговлей и возят свой хлеб далеко в Борисоглебск, Москву и пр.

Цены были:

На пшеницу за четверть:

В	1839	г.	5	руб.	42	коп.	сер.
»	1840	»	5	»	72	»	»
»	1841	»	4	»	15	»	»
»	1842	»	5	»	29	»	»
	1843	»	2	»	68	»	»

На рожь, за четверть:

В	1839	г.	3	руб.	42	коп.	сер.
»	1840	»	3	»	45	»	»
»	1841	»	3	»	61	»	»
»	1842	»	1	»	10	»	»
»	1843	»	1	»	40	»	»

На овес за четверть:

В	1839	г.	1	руб.	72	коп.	сер.
»	1840	»	2	»	4	»	»
»	1841	»	1	»	71	»	»
»	1842	»	—	»	90	»	»
»	1843	»	—	»	80	»	»

На ячмень за четверть:

В	1839	г.	2	руб.	—	коп.	сер
»	1840	»	2	»	23	»	»
»	1841	»	2	»	29	»	»
»	1842	»	1	»	30	»	»
»	1843	»	—	»	93	»	»

На просо за четверть:

В	1839	г.	2	руб.	40	коп.	сер.
»	1840	»	2	»	62	»	»
»	1841	»	3	»	9	»	»
»	1842	»	3	»	—	»	»
»	1843	»	—	»	80	»	»

На гречу за четверть:

В 1839 г.	2 руб.	25 коп.	сер.		
» 1840 »	2 »	31 »	»		
» 1841 »	3 »	9 »	»		
» 1842 »	2 »	20 »	»		
» 1843 »	1 »	16 »	»		

Подати означены в этом селе по 14 р. 73 к. асс. с души, но, вероятно, это описка, а податей приходится тут по 16 р. 66½ коп. асс. с души. Две водяные мельницы приносят дохода 2.450 руб. асс., а 1.435 дес. земли дают 2.817 р. асс. арендных денег.

В другом селе, Острогожского уезда, были следующие цены:

На рожь за четверть:

В 1839 г.	1 руб.	2 коп.	сер.
» 1840 »	6 »	54 »	»
» 1841 »	2 »	75 »	»
» 1842 »	1 »	55 »	»
» 1843 »	1 »	25 »	»

На овес за четверть:

В 1839 г.	— руб.	51 коп.	сер.
» 1840 »	1 »	69 »	»
» 1841 »	1 »	44 »	»
» 1842 »	1 »	21 »	»
» 1843 »	— »	84 »	»

На просо за четверть:

В 1839 г.	2 руб.	60 коп.	сер.
» 1840 »	7 »	75 »	»
» 1841 »	4 »	62 »	»
« 1842 »	4 »	36 »	»
» 1843 »	2 »	38 »	»

На гречу за четверть:

В 1839 г.	2 руб.	54 коп.	сер.
» 1840 »	7 »	85 »	»
» 1841 »	5 »	50 »	»
» 1842 »	3 »	2 »	»
» 1843 »	2 »	20 »	»

На горох за четверть:

В 1839 г.	1 руб.	78 коп.	сер.
» 1840 »	— »	— »	»
» 1841 »	— »	— »	»
» 1842 »	1 »	71 »	»
» 1843 »	1 »	36 »	»

На льняное семя за четверть:

В 1839 г.	2 »	— »	»
» 1840 »	12 »	75 »	»
» 1841 »	9 »	15 »	»
» 1842 »	4 »	28 »	»
» 1843 »	1 »	92 »	»

На конопляное семя за четверть:

В 1839 г.	1 руб.	28 коп.	сер.
» 1840 »	9 »	— »	»
» 1841 »	7 »	— »	»
» 1841 »	7 »	50 »	»
» 1842 »	1 »	57 »	»
» 1843 »	1 »	28 »	»

Какая замечательная разница в ценах в местностях, отстоящих друг от друга не далее 140 верст!

6) Село Ласовое, в Новоскольском уезде, — 1.182 дома, 5.370 муж. и 5.410 жен. душ, 27.340 дес. пашни, 3.116 дес. луга, 2.875 дес. леса, на душу приходится с небольшим 6 дес. Хозяйство трехпольное. Озимый хлеб дает 6, яровой 7 зерен. Скотоводство: 3.133 лошади, 3.472 шт. рогатого скота, 14.074 овцы. Кроме земледелия, жители занимаются всевозможными промыслами, — тут есть кожевенные заводы, красильни кож, сапожники; крестьяне нанимаются также в бурлаки, но нейдут на фабрики и не извозничают. Здесь значительная хлебная торговля, цены за те же последние пять лет были следующие, за четверть:

	Высшая цена.	Низшая цена.
Ржи	3 р. 50 к.	1 р. 40 к. с.
Пшеницы . . .	5 » — »	3 » 10 » »
Ячменя . . .	1 » 60 »	— » 60 » »
Овса	1 » 80 »	— » 60 » »
Проса . . .	5 » — »	1 » 20 » »
Гречи	2 » — »	— » 60 » »

Подати с души:

Подушных и оброк . . .	3 р. 81	к. с.
На сельский долг	— » 29	» »
На общественный магазин . .	— » 6	» »
На измерение земли	— » 3	» »
На сельско-хозяйственный капитал (?)	— » 6	» »
На тюрьмы и устройства приказа	— » 5	» »
На содержание палаты госуд. имуществ	— » 14	» »
На мирские нужды	— » 24½	» »
На страховой капитал . . .	— » 3¼	» »
Губернские и уездные сборы	— » 1	» »
На постройку хлебного магазина	— » 8	» »
На пополнение податей за неплатящих	— » 24¼	» »
	5 р. 5	к. с.

Или 17 р. 67½ к. асс., следовательно, значительно более прочих деревень.

Казне принадлежат тут 5 водяных мельниц, 14 фруктовых садов, 18 огородов, 4 рыбных озера, которые особо сдаются в аренду (?).

Община особо арендует 550 дес. Священник держит школу с 59 учениками.

7) Село Большой Узмань, в Воронежском уезде, — 661 дом, 3.197 муж. и 3.365 жен. душ, 18.800 дес. пашни, 3.825 дес. луга, 520 дес. выгона, 965 дес. леса. На душу приходится по 7½ дес. Хозяйство трехпольное. Озимый хлеб дает 4, яровой 5 зерень. Скотоводство: 2.900 лошадей, 1.859 шт. рогатого скота, 8.250 овец, 6.200 мелкого скота (?). Жители занимаются земледелием, скотоводством, пчеловодством, огородничеством, но не торговлей и не ремеслами.

Средняя цена за последние пять лет за четверть ржи 1 р. сер., ячменя 1 р. 14½ к. сер., овса 85 коп., проса 1 р. 28¼ к., гречи 1 р. 42½ коп. сер.

Всех податей сходит с души 16 р. 82½ коп. асс. Община владеет фруктовым садом на 2 десятинах, приносящих дохода 31 р. 42¾ коп. сер. (в России это непомерно высокая выручка с земли (!)). Священник держит школу с 31 учеником.

(Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, барона Августа Гакстгаузена, стр. 114, 386, 415—421.)

---

75. А. Путилов. Шудская вотчина.

(Из вотчинных архивов.)

Шудская вотчина, расположенная в Варнавинском и Кологривском уездах, Костромской губ., на 1 января 1853 г. состояла из 12 деревень и занимала площадь в тридцать тысяч с лишним десятин, из коих крестьянской земли пахотной и огородной — 2.140 дес. 1.685 саж., луговой — 767 дес. 2.230 саж. и лесной — 5.894 дес. 512 саж. Ревизских душ мужских 624, женских 704. Со времени составления в 1850 году списков по 9 ревизии население увеличилось на 13 мужских и 12 женских душ. Запас хлебов в мирском магазине, в сельских запасных магазинах и по дворам у крестьян достигал, приблизительно, 36 пудов озимого и ярового хлеба на душу. Рогатого скота крупного — 1.264 голов, мелкого — 1.250, лошадей рабочих — 445, молодых — 89, т.-е. на каждое тягло: скота рогатого по ¾, мелкого по 4¾, лошадей рабочих по 1⅔ и молодых по ⅓.

Ниже приводятся выдержки из подворной описи, рисующие жизнь целого ряда отдельных семейств, из коих одни пользовались материальным достатком, другие же более слабо и даже вовсе не были обеспечены.

Крестьяне Варнавинского уезда платили чистого оброка в год с 252½ тягл — 4.341 руб. 42 коп. Они отбывали натурою разные работы в пользу помещика, употребляя на это около шестидесяти дней с тягла в год. Натуральная повинность, по урочному положению, утвержденному губернским присутствием, рассчитывалась:

летних мужских дней: при покосе — 1,250; по экономии — 250; при пахоте — 534, всего 2.034 дня, по 30 коп. за день — 610 руб. 20 коп.;

летних мужских дней: при покосе — 1.250; по экономии — 140; при уборке хлеба — 80; всего 1.220 дней, по 20 коп. за день—244 руб.;

для работ при доме (мытье полов и друг.) — зимних 140 дней по 10 коп. и для посылок конных — зимних и летних 52 дня по 40 коп. — 34 руб. 80 коп.;

вырубка и доставка в экономию по одной сажени дров с тягла: один летний день (25 коп.) ральную повинность всего на 1.052 руб. 80 коп.,

Таким образом крестьяне отбывали натуральную повинность всего на 1,052 руб. 80 коп., что вместе с денежным оброком составляло в год 5.394 руб. 22 коп.

В Кологривском уезде, где экономии не было и вся земля находилась в пользовании крестьян, никакой натуральной повинности в пользу помещика ими не отбывалось.

Владелец не жил постоянно в имении и хозяйством заведывал управляющий (по деревням бурмистры и старосты), который подробно доносил о своих распоряжениях и, повидимому, пользовался большими полномочиями, действуя именем владельца. Мы приводим некоторые извлечения из его докладов, заключающие в себе известный бытовой материал:

С 18 по 20 марта 1853 г. управляющий осматривал крестьянские лесные зимние выработки в Кологривском уезде, и по проверке

оказалось заготовленного крестьянами леса 3.307 бревен 5—6 саж. от 4 до 8 вершков в отрубе и 410 саж. дров. Бревна вывезены к разным пристаням двух небольших речек, по коим с величайшим трудом весеннею водою в продолжение 2 недель будут сплавляться малыми плотами в реку Унжу, где составляются большие плоты от 150 до 250 дерев, которые сплавляются к гор. Макарьеву, и вырученными от продажи леса деньгами крестьяне будут в состоянии уплатить оброк.

В мае управляющий донес, что с 19 на 20 в полночь, пожаром в деревне Прудовке истреблено 19 дворов. Крестьяне лишились всех своих запасов, одежды, сбруи, земледельческих орудий. Сгорел и мирской хлебный магазин, в котором находилось 140 пуд. хлеба. Так как многие крестьяне лишились даже дневного пропитания, то приказано было выдать им хлеб. Крестьяне, пострадавшие от пожара, не в состоянии будут не только платить оброк, но даже и податей. Для постановки новых изб указано место, где предполагается выстроить деревню в две линии, оставив в середине довольно большой и глубокий пруд; расстояние между двумя линиями оставляется в 110 саж., а между каждой избой по 15 саж. Хотя крестьянам этот порядок не правится, но «им приказано и объявлена на то воля господская». Лес будет возиться другими деревнями с тягла, но большинство крестьян без пособия построиться не могут [1]).

19 ноября контора имения сообщила, что через земскую полицию получено «печатное» объявление о новом денежном окладе, а именно: с удобных земель при населенных имениях на губернские повинности по одной копейке с десятины; со всех земель на частные повинности дворянских имений по полкопейки с десятины с души; на государственные повинности по 50 коп., на губернские по 20½ коп. Кроме этого, с каждой ревизской души податей по 35 коп., на содержание пансионов по 10 коп. и на народное продовольствие 3 коп. Поэтому с 1853 г. крестьяне обязаны вносить «разных повинностей в полтора раза больше, чем в прежние годы, а поэтому причитается взыскивать в год с тягла по 5 р. 20 к. (до этого по 3 р. 33 к.»).

Одновременно управляющий выразил опасение, что прием рекрут в текущем году очень строгий и «слишком разборчивый, да притом моложе 20 лет не принимают, а 34-летних воспрещают вводить в присутствие; поэтому очень трудно будет сдать тех, которые на худом замечании» [1]).

В 1855 году управляющий сообщил, что деревня Ахлябинина пострадала «от посещения тяжких болезней», которые произошли от частых переходов рекрутских партий, и потеряла многих людей; с этих семейств оброка не требовалось, что составляло за год 310 р. ассигнациями с $5^1/_6$ тягл; вдовам, престарелым и сиротам производится выдача хлеба из мирского магазина, «дабы из имения никто по миру не ходил». По проверке подворной описи убыло рабочих людей за полтора года мужского пола семь душ и женского — шесть. Деревни Кулигина крестьянин Семен Хромушев, 36 лет, зачислен кантонистом, на основании следствия, произведенного на месте 13 лет тому назад. Хромушев потребован на службу в батальон и управляющий опасается, что он будет через начальство просить «всю свою движимость, а по наущению вздумает требовать уплаченного в крестьянстве оброка».

В 1855 году урожай был следующий: рожь сам-семь с половиной, пшеница сам-семь, ядрица — три, ячмень — четыре с половиной. На 1 января 1856 года площадь имения осталась без изменения, население же со времени 9 ревизии уменьшилось на 14 душ мужского пола и на 12 душ женского, благодаря, с одной стороны, упомянутой выше эпидемии, а с другой — усиленному рекрутскому набору и сбору ополчения [2]). Это обстоятельство отразилось и на запасе хлеба у крестьян, уменьшившемся на 5½ пудов на каждую душу против 1853 г.

(«Архив Истории труда в России», кн. IV, ч. II, стр. 11—13.)

---

[1]) Владельцем сделано было распоряжение об оказании помощи с тем, чтобы до зимы все крестьяне построились и погорельцы были освобождены от платежа оброка на два года.

[1]) С подставными было намечено 11 человек, представлено 7, одного забраковали, 6 приняли совершенно годных, среднего роста, не старше 28 лет, из коих 4 неблагонадежного поведения.

[2]) В 1851 г. были сданы в рекруты 3 человека, в 1855 г. в рекруты — двенадцать, и в ополчение — четырнадцать.

76. Выдержки из подворной описи по Шудской вотчине.

ХОЗЯИН И ЧЛЕНЫ ЕГО СЕМЬИ.	Лета.	Тягла.	Строения,—чем крыты и их состояние.	СКОТ.	Наименование хлебов.	ЗЕРНОВОЙ ХЛЕБ. В посеве и отсыпано на посев.			Налицо.			Возов сена.	ПРИМЕЧАНИЕ. В каком состоянии находится хозяйство.
						Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.		
Петр Пестов	39	3	Изба с сенником и хлебный амбар крыты тесом; мякинница, овин и баня — дранью.	Рабочих лошадей 4, жеребят 1, коров 7, подтелков 3, овец 7, молодых 8, свиней 1, ульев 10	Ржи	4	—	—	13	—	—	55	В хорошем. От пожара осталась одна изба на другом конце деревни, а дом его со всеми пристройками сгорел; отстраивает, не требуя денежного пособия. Уволен на год от оброка и податей.
Его жена	41				Овса	6	4	—	20	—	—	—	
Их дети: Ненила	17				Пшеницы	—	3	—	1	6	—	—	
Елена	14				Ячменя	—	3	—	1	5	—	—	
Александра	8				Гороха	—	2	—	2	2	—	—	
Петра брат Иван	31				Сем. льняного	—	4	—	1	6	—	—	
Его жена Ирина	38				Конопли	—	—	2	—	—	—	—	
Их дети: Иван	8												
Пелагея	11												
Вдова брата Афимья	49												
Ее сын Алексей	20												
Его жена Марья	19												
Петра мать	66												
Андрей Ершов	23	2	Изба, сенник, амбар — соломой; овин — тесом; баня (ветхая).	Рабочих лошадей 2, коров 3, подтелков 2, овец 3, молодых 5.	Ржи	2	6	1	8	—	—	40	В бедном положении. От пожара строений и имущества лишился. При денежном пособии отстроил. Уволен на год от оброка и податей.
Его жена	24				Овса	3	4	—	8	6	—	—	
Их сын	2				Пшеницы	—	1	—	—	3	—	—	
Андрея брат Мартын	20				Гороха	—	2	—	1	6	—	—	
Мать Ершовых	45				Сем. льняного	—	2	—	—	6	—	—	
Ее дочь	18				Конопли	—	—	1	—	—	6	—	
Мартына жена	22												
Захар Кулев	44	1	Изба—соломой; овин—дранью.	Рабочих лошадей 2, коров 3, подтелков 1,	Ржи	1	4	—	4	6	—	20	В бедном положении. От пожара, исключая овина, строения и имущества лишился, на постройку выдается денежное пособие, а также на обзаведение. Уволен на год от оброка и податей
Его жена	34				Овса	2	7	—	6	—	—	—	
Их дети: Афиноген	13				Пшеницы	—	1	—	—	3	—	—	
Ульян	5				Гороха	—	2	—	1	2	—	—	
Федосья	19				Сем. льняного	—	2	—	—	7	—	—	
Ирина	16												

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	Строения,—чем крыты и их состояние.	Скот.	Наименование хлебов.	Зерновой хлеб. В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Наличо. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Возов сена.	Примечание. В каком состоянии находится хозяйство.
Александр Федотов	67	2	Изба—соломой; овин—дранью; баня.	Рабочих лошадей 3, жеребят 2, коров 2, подтелков 3, бык 1, овец 1. молодых 1.	Ржи	2	—	—	8	—	—	40	В бедном положении. От пожара по прошествии 3 лет в другой раз всего строения и имущества лишился. При денежном пособ. отстраивается. Уволена на год от платежоброка и податей. Иван отдан в ополчение.
Его дети: Иван	41				Овса	4	4	—	8	2	—	—	
Его дети: Афанасий	37				Пшеницы	—	3	—	1	2	—	—	
Ивана жена	40				Гороха	—	3	—	2	—	—	—	
Их дети: Дементий	18				Сем. льняного	—	2	—	—	6	—	—	
Их дети: Пахом	14												
Их дети: Трофим	8												
Их дети: Анна	12												
Афанасия жена	30												
Их сын 2 недель	—												
Дмитрий Угланов	51	—	Изба — соломой.	Коров 1.	—	—	—	—	—	—	—	—	Бедного состояния. От пожара строения и имущества лишился. Ему выдано денежное пособие.
Его жена	61												
После брата дочь Авдотья	20												
Никита Алексеев	55	$1\frac{1}{2}$	Изба с сенником и другая избушка (ветхая) — соломой; двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал и амбар — соломой; погреб — дранью (ветхий); овин вместе с братом.	Рабочих лошадей 3, жеребят 1, коров 4, подтелков 4, овец 6, молодых 5, свиней 2, ульев 5.	Ржи	2	6	—	10	6	—	32	В хорошем. По приказанию владельца 1/9 тягла убавлено по болезни Никиты.
Его дети: Данила	29				Овса	5	—	—	15	—	—	—	
Его дети: Анна	22				Пшеницы	--	2	—	1	2	—	—	
Его дети: Екатерина	15				Гороха	—	2	—	2	2	—	—	
Данилы жена	31				Сем. льняного	—	2	—	1	—	—	—	
Их дети: Савелий	9												
Их дети: Сампсон	6												
Их дети: Михаил	4												
Их дети: Иван	2												
Их дети: Матрена	10												
Емельян Смирнов	49	$1\frac{1}{2}$	Изба с сенником и другая ветхая избушка, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал, амбар и овин — соломой, мякинница — дранью.	Рабочих лошадей 2, коров 4, подтелков 3, овец 3, молодых 4, свиней 4.	Ржи	2	2	—	7	6	—	30	В посредственном. По приказанию владельца Емельяну по болезни глазной 1/2 тягла убавлено.
Его жена	47				Овса	3	4	—	9	—	—	—	
Их приемыш Григорий	27				Пшеницы	—	1	—	—	3	—	—	
Его жена	30				Ячменя	—	1	—	—	3	—	—	
Их дети: Егор	6				Гороха	—	1	—	—	6	—	—	
Их дети: Никита 2 недель	—				Сем. льняного	—	2	—	—	6	—	—	
Их дети: Соломонида	5				Конопли	—	—	1	—	--	3	—	
Их дети: Марина	3												
Арефий Шилов	34	2	Изба с сенником и клетью, хлев, хлебный амбар и погреб — соломой.	Рабочих лошадей 2, коров 3, подтелков 1, и бык 1.	Ржи	3	2	—	6	4	—	—	Бедного состояния. Ленивы, оба брата находятся под особым надзором Ахлебишинского старосты.
Его жена	31				Ячменя	—	2	—	—	6	—	—	
Их дети: Игнатий	11				Ярицы	—	6	—	1	4	—	—	
Их дети: Иван	7				Овса	5	6	—	10	4	—	—	
Их дети: Анна	9				Сем. льняного	—	1	—	—	1	4	—	
Их дети: Олимпиада	4				Гороха	—	2	—	—	6	—	—	
					Картофеля	—	7	—	1	3	—	—	

Хозяин и члены его семьи.	Лета	Тягла	Строения, — чем крыты и их состояние.	Скот.	Наименование хлебов.	Зерновой хлеб. В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Наличо. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Возов сена.	Примечание. В каком состоянии находится хозяйство.
Арефья брат Сергей	25		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Его жена	26												
Арефья сестра	50												
Кузьма Кожин	54	1/2	Изба с сенником, амбар, хлев, хлебный амбар — соломой, погребница, сенной сарай и овин — драныо.	Рабочих лошадей 1, к ров 2, подтелков 1, овец	Ржи	1	4	—	3	—	—	—	Впосредственном. Василиск Ионов за дурное поведение и буйство отдан в рекруты 1853 г. ноября 19. Его жена осталась в доме при своих детях.
Его жена	56				Ячменя	—	1	—	—	4	—	—	
Кузьмы зять Василиск Ионов	27				Овса	3	—	—	6	4	—	—	
Его жена	27				Сем. льняного	—	1	—	—	2	—	—	
Их дети: Егор	9				Гороха	—	1	—	—	4	—	—	
Их дети: Максим	7				Картофеля	—	7	—	1	2		—	
Афанасий Киселев	19	—	Изба и сени — соломой (ветхие).	Рабочих лошадей 1, к ров 2, подтелков 1, овец	Ржи	—	6	—	1	2	—	—	Бедного состояния. Отпускается по билету бить шерсть в зимнее время.
Его жена	19				Овса	1	2	—	2	7	—	—	
Его мать	51				Гороха	—	1	—	—	2	4	—	
Афанасья дедушка	56				Сем. льняного	—	—	2	—	—	6	—	
Его жена	56				Картофеля	—	5	—	—	1	2	—	
Филат Дорофеев	44	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Находится на фабрике князя Меньшикова со своим семейством.
Его жена	41												
Их сын Нефодий	24												
Его жена Аграфена	—												
Григорий Гаврилов	75	—	Изба и сени, дворик — соломой.	Коров 1.	Картофель	—	—	—	—	1	6		Бедного состояния. Для прожития хлеб получает из мирского магазина.
Его 3-я жена	67												
Василия Семенова, сосланного на поселение, жена	*) 41	—	В Москве.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Находится с семейством в Кинешемском уезде на фабрике госпожи Свечиной.
Его незаконнорожденный сын Федор	16												
Дочери: Настасья	23												
Дочери: Клавдия	21												
Дочери: Дарья	10												
Дочери: Натальи	8												

*) („Архив Истории труда в России". Кн. 4-я, ч. 2. Из вотчинных архивов, стр. 14—15 и 22—23

77. К. Д. Кавелин. Письма из деревни.

1860.

...Население в нашем краю, по пространству земли, чрезвычайно редкое; оттого, в рабочую пору, рабочие руки чрезвычайно дороги. В это время не хозяева строят цены, а рабочие, и если вы хотите видеть край, где хозяин связан по рукам и по ногам, а рабочий диктует ему свои условия, которые тот со смирением принимает, — приезжайте сюда во время жатвы.

Наем рабочих, особенно жнецов, — любопытнейшая вещь в нашем краю. Приспела жатва — и всюду начинается усиленная деятельность и необыкновенное столпление народа. Хозяева спешат на базары — пункты, где нанимаются жнецы; для нас таким базаром служит преимущественно Вольск, уездный город Саратовской губернии, в 70-ти верстах отсюда. В то же время рабочие тысячами идут в глубь степи искать работы. В последние годы наемные цены на жнецов страшно возвысились: с 3-х руб. сер. за сороковую десятину, как бывало прежде, они поднялись до 6, 6½ и 7 рублей. В третьем году жали по 8-ми, а в отдаленных местах по 10, 12 и даже по 15 целковых за десятину. Во все время работы вы должны кормить жнецов, и кормить хорошо — пирогами (как называются здесь пшеничные хлебы), с приваркоm, из пшена или гороха (иные не станут есть гороха), с салом, в постные дни — с маслом, иногда с бараниной. Если же вы наняли их не у себя, а на базаре, то издержки еще больше: вы должны доставить их к себе на своих лошадях и угостить водкой, по-здешнему дать могорычу, не говоря уже о пирогах во время ряды и в продолжение пути. А найма на базаре редко избежишь: рабочие могут и не притти когда нужно. Что тогда делать?

Вы видите, что издержки огромны, и при плате за землю деньгами они должны быть затрачены вперед. Хорошо, если жатва обильна или порядочна; а если плоха, расход легко может выйти равен приходу и превзойти его. Иногда пшеница стоит лес лесом, а зерна — ничего; или много намолотишь, да зерно легковесно; жара его сморщила; молотишь, молотишь, пока набьешь мешок, а из двух мешков с десятины и хлопотать нечего, особливо. если русак: мешок отдашь хозяину, мешок на семена, а жнецам платить не из чего.

Я еще не все сказал о жнецах и работниках. То, что они всем нужны в самую горячую пору, делает их требовательными, нахальными и своевольными в высшей степени; о римском праве они не имеют ни малейшего понятия, вероятно, потому, что не были в университете. Святость контракта, верность данному слову не существует даже по имени. Когда поспевает пшеница — все думают только о том, как бы зашибить копейку жнитвом. Вы нанимаете во время жатвы няньку; она вам преспокойно говорит: заплатите мне, сколько платят жнецам, а не то я пойду жать. Вы наняли работника еще с осени на год, и на условиях для него выгодных; но имели неосторожность не заплатить ему денег вперед, так, чтобы во время жатвы у него оставались незаработанные деньги: берегитесь, он у вас не останется, и вы в самое нужное время лишитесь его: он пойдет жать. Да если и вперед дадите, то и это вас не спасет: он все-таки уйдет жать. Пойдите, судитесь с ним, когда каждая минута рубля стоит. Одно только средство и есть закрепить за собою годового работника — позволить ему посеять на себя пшенички. Все здесь нанимает землю и сеет: и дворовый, и вдова, и пастух, и кучер, и кухарка, хоть десятину, да сеет. Кормите вы плохо — жнецы, не говоря ни слова, бегут с вашего поля — и делу конец; низок ваш хлеб и жать его трудно — тоже; идите опять искать жнецов за тридесять земель, тратьтесь, угощайте снова могорычем, покупайте снова пироги. И это еще не все: наняли вы жнецов очень дешево, а вдруг цены поднялись на них — и они вас бросят. Тут ни предусмотрительность, ни ловкость, ни ласка, ни угрозы — ничто не поможет. Зато хитростям с обеих сторон нет конца. У вас нет жнецов, а вам они очень нужны; вам не хочется ехать за 70, 100 верст и тратиться; вот вы и подсылаете кого-нибудь к соседу переманить его жнецов и предлагаете им цену немного повыше; если они мало нажали, тысячу вероятий против одного, что они его бросят и перейдут к вам. Но бывает и так, что сосед заметит эту штуку и, пожалуй, наколотит вам шею в то самое время, как вы собираетесь сманить его рабочих; может случиться

с вами и хуже этого: вас в самое хлопотное время остановят и продержат под приватным арестом до тех пор, пока обольщения ваши будут безвредны, потому что жнецы, между тем, много нажали хлеба и переходить им невыгодно . . .

Но не всегда коту масляница, придет и великий пост. Так и с жнецами. На первых порах жатвы их сторона берет, и они господа; потом настает черед и хозяев. Когда поля пообжались и рабочих прибывает, хозяева приосанятся, и сами диктуют условия рабочим. Простой народ не любит лицемерных выражений и называет это попросту «попритеснить жнецов». Оно так и есть на самом деле. С ними говорят уже не так ласково, как сначала, а сухо; объявляют, что рабочих-де будет довольно и кланяться им нет нужды; уйдут они — придут другие, и рабочие сдаются: нечего делать, потому что оно в самом деле так. Всего забавнее, что эти маневры, этот переход из ласкового тона в сухой повторяются регулярно каждый год, почти в одну и ту же пору. Грамоту эту от начала до конца наизусть знают и хозяева и жнецы. Кого же кто надувает? А между тем и завтра и послезавтра дело пойдет тем же порядком. Я помирал со смеху, когда мне рассказывал один из моих крестьян о своих отношениях к работнику в критическую пору жатвы. Никакими словами не передать этого рассказа, в котором мимика и интонация голоса играли важнейшую роль. Дело в том, что работник нанялся у него до жатвы, а в жатву не найдешь работника. Как быть! Надо как-нибудь умаслить его, чтобы он остался, и на прежних условиях; для этого надобно его разлакомить, чтобы он взял вперед деньги, — тогда дело в шляпе. И вот хозяин увивается за работником, говорит с ним ласково: «Не нужно ли тебе, Андрей, денег, — говорит он ему вкрадчиво, — послать жене». «Ту куришь, Андрей, я тебе папушку табаку куплю на свои деньги». А работник на него и не смотрит, ленится, встает поутру поздно; чуть не по нем — ругается непечатною бранью. Хозяин все это видит и сносит. На предложение денег работник ничего не отвечает: значит, думает, взять или не взять. Так проходит несколько времени. Наконец, приходит он к хозяину и просит денег, и с этой минуты роли переменяются: хозяин входит в свои права, и Андрей должен работать, рано вставать, слушаться и не смеет браниться непечатными словами.

(Соч. Кавелина, т. II. стр. 665—669.)

---

78. Хозяйственные заметки елецкого помещика-старожила И. В. Пушечникова.

За 30 лет (1842—1872 г.г.)

Часть первая.

1) Год I-й.

С 1-го сентября 1842 г. по 1-е сентября 1843 г.

Состояние погоды.

В первых числах сентября начались беспрерывные дожди, настал холод, а в конце месяца выпал снег, который впоследствии то стаивал, то снова нападал: такая ненастная и непостоянная погода продолжалась до наступления зимы. Застигнутые в поле хлеба урожая 1842 г. весьма много потерпели как в качестве, так и в количестве. Особенно значительные убытки потерпели те хозяева, которые не имели в запасе соломы для покрытия скирдов: можно наверное полагать, что $^1/_6$ всего урожая погибла, чему также способствовали бывшие в продолжение зимы 1842—1843 г. оттепели, которые до того затрудняли молотьбу хлеба, что владельцы, не имеющие риг, и крестьяне вынуждены были по нескольку дней кормить скот снопами. Несмотря на все убытки, урожай в 1842 году был так изобилен, что труд земледельца был бы вознагражден с избытком, если бы не встретилось препятствие к его сбыту, заключавшееся в кратковременности зимнего пути и в ненастной погоде, не дававшей возможности приготовлять и отправлять хлеб в торговые пункты.

Весна 1843 года, можно сказать, открылась в феврале: в половине этого месяца снег дочиста уже стаял. Озими открылись сначала очень веселы, но от бывших после того морозов наполовину пожелтели, однакоже, корень остался невредим. После 20-го марта было несколько ясных и теплых дней, а со 2-го апреля снова наступила холодная погода, сопровождавшаяся сильными ветрами, дождем и снегом.

11-го апреля, на утро Пасхи, была сильная вьюга и мороз около 11 градусов; весь апрель и до половины мая, при необыкновенном в это время года холоде, не проходило дня без дождя или снегу. Со второй половины мая до 20 июня стояла ясная и очень теплая погода, между 20 июня и 8-го июля стояла холодная и мрачная погода с перемежающимися дождями, а с 8-го июля установилась ясная и благоприятная погода для уборки хлеба.

Сев и уборка.

Сев озимых хлебов к 1843 году начался в августе и кончился в сентябре, позднее обыкновенного, по причине неблагоприятной погоды: бывшие в это время дожди мешали севу, но благоприятствовали всходам и росту. Сев овса некоторые хозяева, несмотря на холод, начали с 5-го апреля, а некоторые с 20-го апреля, т.-е. тогда, когда настала благоприятная погода; терпение их было вознаграждено хорошим урожаем, а у тех, которые поторопились и посеяли рано, овес был плох. Сев гречихи производился между 18 и 25 числами мая. Раннего посева гречиха оказалась как соломою, так и зерном лучше поздней. Деревья начали распускаться в последних числах мая.

Уборка хлеба началась 18-го июля, а к 1-му числу сентября весь хлеб был уже в гумне. Уборку сена затрудняли сначала дожди, но с наступлением ясной погоды убрано без ущерба в качестве. Удобного для полевых работ времени было в продолжение года 6 месяцев 17 дней.

Урожай 1842 года.

За исключением семян десятина дала зерна:

	Четверти.	Меры.
Рожь	11	2
Пшеница	9	4
Овес	13	—
Гречиха	11	—

Садовые фрукты и огородные овощи родились посредственно.

Цены продуктов.

Местные с доставкою в ближайшие города:

			Руб.	Коп.
Четверть ржи	вес. 9 п.	5 ф.	1	80
» овса	» 6 »	— »	—	70
» гречихи	» 8 »	— »	1	75
» пшеницы	» 10 »	— »	2	50

Торговля хлебом шла неуспешно; купцы, сделавшие подряды, по случаю бездорожья и краткости зимнего пути, не имели возможности своевременно доставить хлеб в срок и через то терпели убытки. Капиталисты остались без оборотов, а земледельцы без денег, но с большими запасами хлеба. Таким образом желание правительства о сбережении запасного хлеба, в количестве, обеспечивающем продовольствие в неурожайные годы, исполнилось само собою, тогда как принимавшиеся доселе с этою целью меры оставались тщетными.

Народное здоровье.

Продолжительная и сырая осень 1842 г., зимние оттепели, воздух, наполненный влажными испарениями, превращавшимися нередко в столь сильные туманы, что на близком расстоянии трудно было различать предметы, ранняя и ненастная весна имели весьма вредное влияние на народное здоровье. С открытием весны появились лихорадки и горячки, усилившиеся в продолжение лета до того, что целые селенья вдруг подвергались этим болезням, сводившим в гроб бедных крестьян, лишенных врачебной помощи и вынужденных необходимостью истощать последние физические силы тяжелым трудом, какого требуют обработка полей и уборка хлеба.

Разные предметы.

Комета. В апреле 1843 г. неожиданно явилась одна из величайших комет, которой приписывают изменения климатических условий в продолжение зимы и весны.

Причины плохого состояния земледельческого хозяйства. В числе разных причин нельзя не указать на то обстоятельство, что бо́льшая часть достаточных дворян находится на государственной службе или без всякого дела проживает в столицах, предоставляя управление имениями крепостным или наемным управителям, людям без всякого образования, не имеющим никаких понятий о долге человеколюбия и о пользе порядка и строгой справедливости, помышляющим единственно о собственных интересах и имеющим довольно ума, чтобы обманывать своих доверителей, совершенно незнакомых ни с сельским хозяйством, ни с положением их имений. В деревнях же остаются только помещики старого за-

кала, которые с раскольническим фанатизмом держатся прежних обычаев и понятий о хозяйстве; вся их деятельность устремлена на то, чтобы предупредить возможность полуголодным, полураздетым слугам украсть у них горсть зерен, вообще не заботятся о существенном улучшении их имений благоразумными распоряжениями. Хорошо бы сделало правительство, если б всех дворян, владельцев недвижимых имений, проживающих в столицах праздно, или занимающих должности только фиктивно, выслало в принадлежащие им имения, воспретив приезд в столицы без действительной необходимости. Этой цели можно было бы достигнуть без особых строгих мер, одним публичным, изъявленном презрения в высших правительственных сферах к подобным бездельникам и тунеядцам. «Позор действует сильнее, чем бич».

Равным образом правительству давно бы следовало обратить особенное внимание на дурное исполнение его предначертаний по управлению государственными крестьянами: чрезвычайное множество чиновников и сельских начальников вместо пользы обременяют государство содержанием их. Как вампиры, они высасывают из крестьян последние капли благосостояния. Нововведения, худо приноровленные к быту крестьян и следующие одно за другим с такою быстротою, что в результате оказываются только замешательство и беспорядок, составляют отличительную черту управления Киселева Министерством Госуд. Имуществ.

2) Вывод из десятилетних наблюдений собственного моего хозяйства.

(1842—1852.)

Водворившись на постоянное жительство в своем маленьком и обремененном казенным долгом имении, я нашел хозяйство, по всем отраслям, в самом жалком положении: господские строения обветшали и развалились; крестьяне, вследствие худого порядка и надзора, обеднели, дворовые без определенных занятий вели беспорядочную жизнь; готовых средств к устройству хозяйства не было. Но все это не могло меня огорчать, потому что я не ожидал найти ничего лучшего. Не быв в силах, по болезненному состоянию, продолжать государственную службу, требовавшую, по роду моей должности, усидчивого труда, я был рад новому роду деятельности и усердно принялся за хозяйство. Чтобы помочь своей неопытности и памяти, я принял за правило каждый вечер записывать все обстоятельства, касающиеся хозяйства, начиная от ежедневных работ до распоряжений правительства, имевших прямое или косвенное влияние на благосостояние земледельцев, а по прошествии года вписывал в книгу более замечательные случаи.

Десятилетние наблюдения привели меня к следующему выводу:

1) Дельный хозяин должен быть готов на всякий день, на всякий час к борьбе со стихиями и отнюдь не полагаться ни на какие приметы и на авось.

2) Торопливость в работах приносит более вреда, чем пользы; отчетливость в работах всегда вознаграждается с лихвою за медленность производства.

3) Только при строгой справедливости в разграничении интересов владельца с крестьянами и при умеренности труда можно ожидать добросовестного исполнения крестьянами их обязанностей.

4) Ласковое и дружеское обращение без полной фамильярности и слабости во взыскании за значительные проступки сильнее действует на нравственность крестьян, чем неумолимая строгость и преследование каждого неправильного шага.

5) При ведении экономического журнала, дающего возможность для контроля, хозяин невольно становится внимательнее, расчетливее и осмотрительнее в своих распоряжениях, и никакая ошибка не ускользает из его памяти.

6) Всякое нововведение в хозяйстве тогда только полезно, когда оно соответствует местному положению, потребностям времени и средствам имения; иначе самые рациональные системы хозяйства поведут к разорению, чему много видали примеров: из ста помещиков-новаторов и заводчиков, пускающихся в разные спекуляции без основательного изучения дела, девяносто сами разорились и крестьян довели до нищеты.

7) Должно всемерно стараться упрощать хозяйство. Чем оно малосложнее, тем более в нем порядка и вернее доход; усложнение приемов и умножение отраслей, без строгой расчетливости, обещает много, а дает мало.

8) Хотя ранние посевы надежнее поздних, однако, при посеве яровых хлебов, необходимо соображаться с состоянием погоды.

Руководствуясь этими правилами, я в течение 10 лет значительно улучшил собственное и своих крестьян состояние, наблюдая одинаково за своим и за их хозяйством. Соседние крестьяне завидовали моим крестьянам. Неоднократно мне приходилось слышать, как чужие говорили моим: «Вам жаловаться на барина и худо работать на него грех, он для вас лучше отца родного». Часто не только свои, но и чужие крестьяне приходили ко мне советоваться и разбираться в их семейных делах. Ближайшие соседи-помещики, хотя с предубеждением и насмешливостью смотрели на мое чисто-патриархальное обращение с людьми, приписывая успехи в хозяйстве счастию и добрым качествам людей, но сами, бессознательно уступая моим убеждениям, оправданным примером, становились внимательнее к благосостоянию своих крестьян. Признаюсь, это доставляло мне удовольствие и примиряло меня с моею судьбою, принудившею преждевременно покинуть служебное поприще, на котором, по свойственному всем людям самолюбию, я надеялся быть полезным деятелем.

3) Обзор десятилетних заметок.

В десятилетней сложности с 1-го сентября 1852 по 1-е сентября 1862 г.

Урожай.

За исключением семян десятина дала:

	Четверти.	Меры.
Рожь	7	3
Пшеница	6	4
Овес	11	—
Гречиха	5	2

Цена с доставкою в ближайшие города:

					Руб.	Коп.
Четверть:	Рожь	в 3 п.	5 ф.		2	80
»	Пшеница	» 10 »	— »		6	—
»	Овес	» 6 »	— »		1	50
»	Гречиха	» 8 »	— »		2	82

Десятина дала валового дохода:

Рожь	21	—
Пшеница	39	—
Овес	16	50
Гречиха	14	50

Урожай хлебов в этом десятилетии был почти тожественен с урожаем предшествующего десятилетия: процент урожая гречихи понизился, а процент урожая пшеницы повысился. При соображении доходности, приносимой тем или другим родом хлеба, должно принимать в расчет, что пшеница сеется по сильно удобренной, а рожь, за небольшим исключением, по пресной земле, овес по лучшей, а гречиха по самой плохой земле; потому что гречиха, как лиственное растение, менее истощает и более разрыхляет землю сравнительно с другими зерновыми хлебами, вследствие чего по гречишному полю озимые хлеба родятся лучше, чем по овсяному.

Удобного времени для полевых работ в десятилетней сложности причитается на каждый год по 6 месяцев и 14 дней.

Климатические условия заметно изменяются к худшему. Температура понижается, ветры усиливаются и бо́льшую часть года бушуют по обнаженным полям. С истреблением лесов реки мелеют, почва земли лишена возможности удерживать влажность, необходимую для питания растений. Пора, пора правительству обратить внимание на охранение лесов от хищнического хозяйства.

Отношение благополучных к тяжелым годам представляется в следующем виде:

Благополучных для нашего края	5
Тяжелых по неудовлетворительному урожаю и состоянию здоровья	3
Бедственных по причине войны и состоянию здоровья	2

Цены на зерновые хлеба в последнем десятилетии, сравнительно с предшествовавшим десятилетием, возросли на 90%, а с тем вместе и доходность земли; но так как в той же прогрессии возвысились цены и на предметы, покупаемые земледельцами, то трудно определить, насколько они выиграли от возвышения цен на земледельческие произведения.

В настоящее время, по случаю крестьянской реформы, все умы в слепом брожении, а дела в колеблющемся состоянии, и какое установится отношение труда к земле — нельзя еще определить.

Руководясь правилами, изложенными в обзоре предшествовавшего десятилетия, я не встречал особенного затруднения в ведении

моего маленького хозяйства после освобождения крестьян. Я думаю, если спокойствие не будет нарушено каким-либо внезапным взрывом, то, в продолжение двух—трех лет, все дела устроются соответственно новому порядку, а при благоразумном распоряжении доходы владельцев не уменьшатся; в нравственном же отношении они выиграли не менее крестьян: крестьяне получили независимость от произвола владельцев, а владельцы освободились от ответственной опеки над крестьянами. Для уяснения и более наглядного способа определения того состояния, в каком находились в данное десятилетие земледелие и хозяйство землевладельцев, я сделал таблицу прихода и расхода по моему имению, которое оставалось в том же составе, в каком было и в прошедшем десятилетии, т.-е. состояло из 250 десятин земли и 120 душ обоего пола крестьян...

Сличив таблицы данного десятилетия с предшествовавшим, мы увидим, что в общей сложности годовой доход имения с 668 р. возрос до 1.206 р., т.-е. почти удвоился; как в первом, так и в последнем десятилетии проценты, платимые в Опекунский Совет, причислены к чистому доходу. Доходность десятины земли в предшествовавшем десятилетии определялась в 2 р. 70 к., а в последнем — 4 р. 80 к. По мере возвышения доходности земли, возвышалась и продажная цена земли; назад тому 10 лет земля продавалась от 30 до 40 р. за десятину, а в настоящее время платят уже по 70 руб. и даже более. Доходность имения увеличилась преимущественно вследствие возвышения цен на зерновые хлеба и вообще на сельские продукты.

(«Русск. Архив», 1905, № 4.)

VII. Крепостное право.

79. О людях крепостного состояния.

По своду законов Российской Империи, изд. 1842 года, том XI, Законы о состояниях.

914. К крепостному состоянию принадлежат:

1) Крестьяне помещичьи.

2) Дворовые люди.

Улож., гл. XI; 1718, 1742, 1746, 1754, 1797, 1803.

. . . .

916. Потомственное крепостное состояние лица установляется:

1) Пожалованием, то-есть потомственным укреплением или того самого лица, или предков его, от верховной самодержавной власти в частную власть и обладание.

2) Запискою за помещика, то-есть причислением лица или предков его в крепостное состояние до запретительного указа 1781 г., июля 28.

3) Причислением к крепостному семейству приемыша, не помнящего родства, для призрения его и воспитания.

. . . .

917. Кроме трех видов укрепления, в предшедшей 916 статье означенных, никто из людей свободного состояния, какого бы рода, племени и закона ни был, и на каких бы землях ни имел водворение, не может быть обращаем в крепостное состояние или кем-либо укрепляем, хотя бы и сам он изъявил на то добровольное желание; всякие же о том договоры, условия, обязательства или акты должны быть признаваемы недействительными и ничтожными.

1765, 1770, 1773, 1775, 1780, 1781, 1783, 1785, 1802, 1803, 1810, 1826.

. . . .

933. Законные дети, рожденные в крепостном состоянии, признаются по отцу крепостными (а), хотя бы мать их была свободного происхождения (б).

а) Улож. гл. XI; XIX; XX — 1721, 1754, 1808; б) 1815.

934. Дети, рожденные после освобождения отца их из крепостного состояния, не признаются крепостными, хотя бы они зачаты были и прежде сего времени. Посему, сын крепостного человека, поступившего в солдаты и получившего чрез то свободу, не может быть обращен

в крепость к прежнему помещику его отца, и причисляется к военному ведомству, хотя бы мать была им беременна еще до поступления отца на службу (а).

а) 1764, 1807, 1808, 1816, 1822, 1815.

935. Дети сосланных в Сибирь по суду крепостных людей, прижитые ими до ссылки, остаются крепкими прежнему владельцу; но прижитые ими во время уже пребывания в Сибири не подлежат крепостному состоянию (а); если же крепостные люди отправляются в Сибирь по представлению самого помещика, без судебного приговора, то вместе с отцами должны быть отправлены и малолетние их дети мужеского пола до пяти, а женского — до десятилетнего возраста, с чем вместе они приобретают и свободу (б).

б) 1827.

. . . .

937. По матери крепостное состояние сообщается только незаконнорожденным ее в сем состоянии детям.

1815.

938. Браком ни в каком случае не сообщается крепостное состояние: и лица женского пола, вступившие в замужество за крепостных людей, хотя остаются в повиновении помещику по мужу, но не теряют чрез то вовсе свободного своего состояния, и по смерти мужа не могут быть обращаемы в число крепостных (а). Брак же крепостной вдовы или девки с вольным человеком освобождает оную от крепостного состояния (б).

а) 1808, февр. 18 (22830), п. 1 и 2: 1815, сент. 21 (25947), п. 7. б) Улож., гл. XX, ст. 27: 1754, мая 13 (10233), п. 21; 1780, окт. 5 (15070).

939. Когда муж по закону или по отпускной его владельца выйдет из крепостного состояния, то вместе с ним и жена его получает свободу.

1781, 1811, 1815.

. . . .

944. Все помещикам принадлежащие крестьяне и дворовые люди должны спокойно пребывать в их звании, быть послушными помещикам своим в оброках, работах и всякого рода крестьянских повинностях и исполнять в точности обязанности, законами на них возложенные.

1760, 1762, 1797, 1826.

945. Различие в вероисповедании владельцев с крестьянами не уменьшает обязанностей сих последних к своим господам; с своей стороны и владельцы не должны препятствовать крепостным своим людям в свободном и совершенном исполнении обязанностей их веры.

1826.

946. Крепостные люди обоего пола и всякого возраста обязаны владельцу своему беспрекословным повиновением во всем том, что не противно общим государственным узаконениям; если ж бы владелец стал понуждать крепостных своих людей к действиям противозаконным, и они бы таковое приказание исполнили, то за сие они подлежат наказанию, как соучастники в преступлении.

Улож. гл. XX. XXII; 1720, 1721, 1826.

947. При повиновении помещику крепостные люди исполняют с точностью и все обязанности их к государству, и вследствие того:

1) Несут службу государственную по распоряжениям правительства.

2) Платят государственные подати и исправляют все повинности, законом положенные.

3) Подлежат общей подсудности в уголовных преступлениях и свидетельствуют под присягою пред судом в повальных обысках, во всех следствиях и делах судных не иначе, как на правилах, означенных в Законах Уголовных.

4) Подлежат общей подсудности и пользуются защитою, в случае неправильного присвоения движимого имущества, не от помещика, но от лица постороннего.

См. ст. 1022—1033 сей главы.

948. Крепостные люди обязываются не только к совершенному своим владельцам послушанию, но и должны также, в случае нападения от кого-либо на помещика их или злоумышления на честь помещицы, оборонять их по всей возможности.

Улож. гл. XXII.

949. Запрещается помещику принуждать крепостных своих людей ко вступлению в супружество против их желания, назначая по неволе женихам невест и невестам женихов.

1722, апр. 12 (3963), п. 15; 1724, янв. 5 (4406).

950. Ежели крепостный человек, отложась от должного помещику своему послушания, подаст на него недозволенную жалобу, и в особен-

ности, если отважится подать таковую непосредственно императорскому величеству, то как челобитчик, так и сочинитель жалобы предаются суду и наказываются по всей строгости законов.

Улож. гл. II, ст. 13; 1767, авг. 22 (12966).

951. За явное неповиновение владельцам, или управителям их, приказчикам или старостам, сопряженное с сопротивлением против присланной для усмирения воинской команды, крепостные люди предаются военному суду и наказываются по всей строгости законов, со взысканием с них сверх того всех издержек, правительством по усмирению их понесенных.

1762, июня 19 (11577); июля 3 (11593): окт. 8 (11678); ноября 14 (11710); 1797, янв. 29 (17769); 1826, мая 12 (330); 1831, авг. 2 (4739).

952. Запрещается принимать от крепостных какие-либо на их владельца доносы, кроме: 1) об измене и покушении на жизнь государя (а); 2) о прописных в ревизию по имению их помещика душах (б).

а) Улож. гл. II, ст. 13. б) 1815, июня 20 (25882), § 17, п. 4; 1828, ноября 12 (2441), п. 5.

953. Запрещается крепостным людям самовольно переходить от одного владельца к другому или поступать в другое состояние, а равно и переселяться на другие земли без воли помещика.

1724, 1764, 1766.

954. Запрещается венчать крепостных вдов и девок с кем бы то ни было без точного на то дозволения их владельца.

1724, 1764, 1766.

955. Запрещается принимать крепостных людей без воли и согласия их владельца в военную службу.

1831. Рекрут. устав.

956. Беглые крепостные люди, по ясным доказательствам о их принадлежности, возвращаются владельцу по пересылке на счет приемщиков со всем их семейством и с имуществом (а). Законы о десятилетней давности на отыскание помещиками их беглых людей, буде только о побеге их поданы были в узаконенное время явочные прошения, не распространяются (б).

а) Улож. гл. XI, XIX, XX; 1655; 1658; 1683; 1724; 1743; 1754; 1765; 1766; 1775; 1807; 1817; 1828. б) 1810, 1832.

. . . .

964. Владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы они не претерпевали чрез сие разорения, и чтоб положенное законом число дней оставляемо было на исправление собственных их работ.

Улож. XIX, XX; 1716, 1781, 1797, 1826.

965. Крестьяне обязаны работать на своего помещика три дня в неделю (а); но он не может заставлять их работать на него в воскресные дни, а также: в двунадесятые праздники, в день верховных апостолов Петра и Павла, 9 мая и 6 декабря, во дни святителя и чудотворца Николая и в храмовые в каждом селении праздники. Строжайшее за сим наблюдение возлагается на губернские начальства чрез посредство местной полиции (б).

а) 1797, апр. 5 (17909). б) 1818, сент. 30 (27549); 1837, июня 3 (10303), § 34 и (10306), § 7 п 2.

966. От усмотрения владельца зависит переводить крестьян своих во двор, или дворовых людей на пашню, показывая их при ревизии в том или другом разряде, и изменять по своему усмотрению их повинности.

1722, 1798, 1811.

967. Владелец имеет право не только употреблять крепостных людей своих для личных его услуг и работ, но и отдавать их посторонним лицам в услужение, для обучения ремеслу или на воспитание, с соблюдением, однакоже, в точности особенных по сему предмету ограничений, постановленных в отношении к лицам недворянского состояния и в отношении к контрактам и верющим письмам на переуступку крепостных людей, и ниже сего в статьях 989—1010 изложенных.

1816, 1823, 1824.

. . . .

969. Взаимные споры и иски крепостных людей между собой разбираются и судятся владельцами их окончательно.

1728. 1806.

970. Владелец обязан воздерживать крепостных людей своих от всяких пороков, ссор, драк и тому подобных непорядков.

971. Для удержания крепостных людей в повиновении и добром порядке, он имеет право употреблять домашние средства исправления и

наказания по его усмотрению а), но без увечья, и, тем менее, еще с опасностью их жизни б).

а) 1754; мая 13 (10233), п. 3. б) Улож. гл. XX, ст. 92; и XXI, ст. 97.

972. Когда владелец не пожелает наказывать крепостных своих людей сам, или употребленные им способы наказания и исправления останутся безуспешными, то он может прибегнуть к правительству и просить законного с его стороны содействия.

1754, мая 13 (10233), п. 31.

973. В случае преступления уголовного со стороны крепостного человека, владелец отнюдь не должен присвоять себе судейской власти чрез домашнее следствие или наказание, но обязан представить виновного к суду, по приговору коего он подвергается наказанию, независимо от воли владельца.

1770, 1811.

974. За вины собственно против владельца или прав его, равно как и за проступки полицейские, крепостные люди по его просьбе подвергаются или полицейскому наказанию с возвратом на прежнее жилище, или содержанию в смирительных и рабочих домах, или в арестантских ротах гражданского ведомства, на правилах, изложенных в Уставах о предупреждении преступлений о содержащихся под стражей.

1811, июля 5 (24707).

975. Сверх полицейского наказания и обращения в смирительный или рабочий дом, или арестантские роты гражданского ведомства, помещику предоставляется отдавать крепостных своих людей за побег или другие проступки в рекруты, по его усмотрению, в зачет или без зачета, на основании Устава рекрутского.

1729, 1779, 1831.

976. Помещику предоставляется за продерзостные поступки и нетерпимое поведение крепостного своего человека удалить его навсегда от себя и из своего имения, предоставив его на сей конец в распоряжение Губернского Правления, которое в сем случае поступает по правилам, в Уставе о предупреждении преступлений изложенным.

1828.

977. Городские и земские полиции обязуются под собственною ответственностью строго наблюдать, дабы принадлежащие помещикам крестьяне и дворовые люди отнюдь не были допускаемы к проживанию без письменного вида у сторонних людей.

1828.

978. Крепостные люди могут отлучаться от своих жилищ не иначе, как с дозволения их владельца, или, за его отсутствием, с разрешения приказчика или старосты. По дозволению же владельца с узаконенными паспортами, они могут иметь пребывание во всем пространстве Империи.

Улож. XX; 1721, 1722, 1724, 1766, 1788, 1796, 1803, 1804, 1806, 1807, 1818.

. . . .

980. Помещик имеет право переселять крестьян своих, порознь или целыми селениями, с одних земель своих на другие, как в одном и том же уезде, так и в разных уездах и губерниях находящиеся.

. . . .

988. Перекрепление крепостных людей от одного владельца другому совершается на основании общих правил о переходе частной собственности, с соблюдением ограничений, изображенных в нижеследующих статьях.

989. Крепостных людей как в деревнях или с землею, так и без земли, приобретать могут те токмо лица, коим по состоянию их сие право в предшедших разделах именно предоставлено (а). Но людей обоего пола без земли лицам, имеющим право дворянское, не иначе дозволяется приобретать, как с приписскою их к собственным населенным недвижимым имениям; посему при совершении крепостных актов, предварительно требуется от лиц, приобретающих дворовых людей и крестьян без земли, точное показание, к какому недвижимому населенному имению их намерены они тех людей приписать, что и в купчих именно означается (б). Затем все другие лица, не имеющие прав дворянства, не только не могут владеть крепостными людьми, но запрещается отдавать им таковых и во временное владение (в); для отвращения же всяких в сем отношении подлогов, наблюдаются правила, в нижеследующих статьях изложенные.

а) См. др. статьи сей книги. б) 1833, 1841. в) 1800, 1829, 1836.

. . . .

998. Запрещается о продаже крепостных людей без земли в розницу публиковать в ведомостях.

1801, мая 28 (19892); 1822, 1823.

999. Запрещается продажа крепостных людей и уступка их по записям дарственным, рядным, раздельным или духовным завещаниям, в посторонние руки отдельно от семейств как с землею, так и без земли, считая семейством, не подлежащим раздроблению: отца, мать и из детей—сыновей неженатых и дочерей незамужних, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних, хотя бы они и не имели отца или матери (а). Запрещается равномерно продажа крепостных людей на ярмарках и торгах лично, поименно и без земли, и совершение на то какихлибо актов, сделок и верющих писем, в случае же нарушения сего запрещения, купленным таким образом людям даруется свобода, а купившие их подвергаются взысканию, определенному по законам за насильственное людьми владение (б).

а) 1833, мая 2 (6163), п. 3; 1841, янв. 2 (14152), п. 4. б) 1808, июля 14 (23157).

. . . .

1011. Обязанности владельца по обладанию крепостными людьми суть:

I. Попечение о их продовольствии и благосостоянии.

II. Попечение об исправлении ими государственных повинностей.

III. Ходатайство и ответственность за них в определенных законом случаях.

1012. Владелец, в случае неурожая или нужды, не сбивая крестьян с пашни, а дворовых людей со двора, обязан доставлять им способы пропитания, побуждая их к работе и воздерживая от нищенства. Порядок, коим в неурожайные годы может быть оказано пособие помещичьим крестьянам из общих запасов или капиталов продовольствия, означен подробно в Уставе о народном продовольствии.

Улож. гл. XX, ст. 41; 1734, 1735, 1822, 1834.

1013. Помещики должны пещись о содержании и призрении крепостных людей их, пришедших в невозможность кормиться работою, и не допускать их до нищенства.

1734, 1735, 1775, 1801, 1809, 1825, 1827

1014. Когда по неисполнению помещиком его обязанностей в отношении к продовольствию крепостных его людей, сии последние будут нищенствовать, то за каждого пойманного в прошении милостыни человека взыскивается с владельца штраф один рубль пятьдесят копеек серебром.

1772, 1774, 1840.

1015. Помещик должен пещись о приведении деревень и крестьян своих в лучшее состояние, стараясь, чтобы они не оставляли земли праздно, и давая им нужные к тому способы.

1727, 1734. 1761.

1016. Если земля, отдельно от поселенных на ней крестьян, будет помещиком заложена, и закладная будет просрочена, или же земля будет отдельно продана, и в том и другом случае останется у крестьян менее четырех с половиною десятин на душу, и к тому в течение года не будет помещиком приобретено и дано им другой земли, соразмерно числу душ, или же они не будут, на законном основании, проданы другим с обязанностью переселить их на собственные земли и наделить их вышеопределенным количеством земли, то крестьяне в сем случае берутся в казенное ведомство и водворяются на казенных землях по распоряжению правительства.

1814, ноября 27 (25737); 1827, февр. 15 (906).

. . . .

1018. Когда виною помещика деревня доведена будет до разорения, и крестьяне обременены будут безмерными и несносными тягостями, также в случае нетерпимой в управлении их жестокости, — местным главным начальникам губерний предоставляется наложить на имения таковых помещиков опеку. Порядок, коим опека в таковых случаях налагается, и правила, при сем к наблюдению предлежащие, содержатся в Общем учреждении губернском и в Уставе о предупреждении преступлений.

1719, 1775, 1817, 1822, 1825, 1827, 1829, 1837.

. . . .

1020. Последствия учреждения опеки по жестоким поступкам с крестьянами, заключаются в воспрещении помещику хозяйственного управления оными и приобретения людей и крестьян вновь покупкою.

1719, 1829, 1837.

1021. Помещики, изобличенные в жестоких с крепостными людьми своими поступках, сверх налагаемого на них прещения, по особенному

высочайшему усмотрению, могут быть предаваемы и уголовному суду.

1827. 1829.

1022. Помещикам, имения коих поступили в опеку, воспрещается как личное пребывание в оных, так и передача сих имений в постороннние руки, кроме продажи; распоряжение же собираемыми доходами и право вступления в долговые обязательства от них не отъемлется.

1719, 1825, 1829.

. . . .

1024. В исправном платеже податей и недоимок с помещичьих крестьян ответствует целое их селение.

1811.

. . . .

1028. На обязанности помещика лежит также наблюдение за точным исправлением следующей с крестьян его рекрутской повинности, на основании особого о сем Устава, и побуждать их к своевременному и исправному выполнению всех прочих повинностей государственных и земских, как-то: устройства дорог, поставки подвод и проч.

1766, 1831.

1029. За крепостных людей во всех гражданских делах право искать и отвечать предоставляется самим помещикам; но с дозволения сих последних крепостные люди могут быть на суде и сами за себя.

Улож. 1787.

1030. В делах уголовных помещики за крепостных своих людей не отвечают, но могут как при следствии, так и пред судом первых двух степеней ходатайствовать за них и объяснять все, что может открыть истину и оправдать невинного; но, для отвращения медленности по таковым делам, судебные места не обязываются ни призывать помещика, ни ожидать его явки.

Улож. 1828.

. . . .

1033. Помещик отвечает за своих крепостных и во всех казенных взысканиях, как-то: в штрафах, пошлинах и проч. Если он откажется от уплаты за людей своих таковых денег, то они подвергаются взысканию, в законах определенному, независимо уже от воли и распоряжения их помещика.

1681, 1688.

1034. Запрещается по взысканиям с помещиков отдавать крепостных людей их в работы.

1803.

1035. Запрещается по взысканиям с помещиков продавать дворовых людей и крестьян без земли с публичного торга.

1771, 1833.

. . . .

1047. Крепостные люди не могут приобретать в собственность никакого недвижимого имущества, а тем менее еще укреплять себе людей с землею или без земли. Земли, состоящие под селениями помещичьими, так как и домы крестьянские, на сих землях построенные, принадлежат помещику.

Улож. гл. XVII, п. 37, 41; гл. XIX; 1700, 1730, 1737, 1754, 1801.

. . . .

1049. Крепостным людям не запрещается учреждать фабрики и заводы, с соблюдением общих для сего правил и с дозволения помещика. Сие дозволение означается в особенных видах или свидетельствах, кои должны быть явлены у уездного предводителя дворянства и им подписаны.

1818, 1819.

1050. Крестьянам помещичьим и дворовым людям не запрещается равномерно, по дозволенным видам от помещиков, получать установленные свидетельства на торговлю и производить по оным торг и промыслы, купечеству предоставленные на правилах, в Уставе торговом означенных (а). Им также дозволяется вступать временно в цехи, производить ремесла в своих селениях и продавать изделия оных в городах (б).

а) 1822, 1824. б) 1797, 1785, 1799.

1051. Помещичьи крестьяне допускаются к торгам на содержание почтовых станций и к местным подрядам, когда представят свидетельства о согласии на то и ручательство в том их помещиков с соблюдением при сем правил, постановленных в законах гражданских.

1758, 1774, 1810, 1825, 1830, 1832, 1842.

1052. Крепостным людям не запрещается давать деньги свои другим лицам в заем и получать от них в том узаконенные обязательства; но с тем ограничением, что они не могут принимать в заклад ни деревень, ни крепостных людей с землею, или без земли, ни вообще такого

имения, коего приобретение и владение им запрещено.

Улож. гл. XIX; 1800.

1053. Крепостные люди без свидетельств на торговлю хотя и могут входить в денежные займы, или брать в долг товары, но не иначе, как по дозволению на то помещика и с поручительством его или людей иного звания. В противном случае данные ими обязательства признаются ничтожными, и взыскания по оным не производятся даже и тогда, когда имение тех крестьян поступит к наследникам, получившим от помещиков свободу.

Улож. гл. XI; 1761, 1799.

. . . .

1057. Владельцу предоставляется отпускать крепостных своих людей на волю как целыми селениями, так и порознь.

1058. Помещичьи крестьяне могут быть отпускаемы на волю целыми селениями не иначе, как в звание свободных хлебопашцев, или обязанных крестьян, с наблюдением правил, постановленных о сем в статьях 760—795 и 903—913.

1807, 1842.

1059. Крестьяне порознь и отдельно от селения, так, как и дворовые люди, могут быть отпускаемы владельцем на волю как с землею, так и без земли.

(Свод законов Российской империи повелением Государя Императора Николая Павловича составленный, т. IX, изд. 1842 г., стр. 173—208.)

---

80. Рескрипт на имя Мин. Нар. Просв. Шишкова.

(19 августа 1827.)

Александръ Семеновичъ! Вамъ извѣстно, что почитая народное воспитанiе однимъ изъ главнѣйшихъ основанiй благосостоянiя Державы, отъ бога мнѣ врученной, я желаю, чтобъ для онаго были постановлены правила, вполнѣ соотвѣтствующiя истиннымъ потребностямъ и положенiю государства. Для сего необходимо, чтобъ повсюду предметы ученiя и самые способы преподаванiя были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначенiемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ со здравыми, для всѣхъ общими понятiями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, прiобрѣталъ познанiя, наиболѣе для него нужныя, могущiя служить къ улучшенiю его участи, и не бывъ ниже своего состоянiя, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченiю дѣлъ ему суждено оставаться. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вашимъ занимающiйся устройствомъ учебныхъ заведенiй, призналъ сiю необходимость; но въ настоящемъ порядкѣ много противно предположенному имъ правилу.

До свѣдѣнiя моего дошло, между прочимъ, что часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназiяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякiй: съ одной стороны, сiи молодые люди, получивъ первоначальное воспитанiе у помѣщиковъ, или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сiи заведенiя; съ другой же, отличнѣйшiе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, прiучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятiямъ не соотвѣтствующимъ ихъ состоянiю. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніе предаются пагубнымъ мечтанiямъ или низкимъ страстямъ. Дабы предупредить такiя послѣдствiя, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, я нахожу нужнымъ нынѣ же повелѣть:

1) Чтобы въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, казенныхъ и частныхъ, находящихся въ вѣдомствѣ или подъ надзоромъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя, а равно и въ гимназiяхъ и въ равныхъ съ оными по предметамъ преподаванiя мѣстахъ, принимались въ классы и допускались къ слушанiю лекцiй только люди свободныхъ состоянiй, не исключая и вольноотпущенныхъ, кои представятъ удостовѣрительные въ томъ виды, хотя бы они не были еще причислены ни къ купечеству, ни къ мѣщанству, и не имѣли никакого иного званiя.

2) Чтобы помѣщичьи крѣпостные поселяне и дворовые люди могли, какъ и доселѣ, невозбранно обучаться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, и въ частныхъ заведенiяхъ, въ

коихъ предметы ученія не выше тѣхъ, кои преподаются въ училищахъ уѣздныхъ.

и 3) Чтобъ они также были допускаемы въ заведенія особеннаго рода, кои учреждены или впредь будутъ учреждаемы казною и частными людьми для обученія сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствамъ, нужнымъ для усовершенствованія, или распространенія земледѣльческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и въ сихъ заведеніяхъ тѣ науки, которыя не служатъ основаніемъ или пособіемъ для искусствъ и промысловъ, были преподаваемы въ такой же мѣрѣ, какъ и въ уѣздныхъ училищахъ.

(Клочковъ, № 119, стр. 183—184.)

---

81. О неповиновеніи крѣпостныхъ людей ихъ владѣльцу.

(Изъ Устава благочинія.)

308. Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ, помѣщикъ имѣетъ право употреблять домашнія средства исправленія и наказанія по его усмотрѣнію, но безъ увѣчья и тѣмъ менѣе еще съ опасностію ихъ жизни.

309. Когда владѣлецъ не пожелаетъ наказывать крѣпостныхъ своихъ самъ, или употребленные имъ способы наказанія и исправленія останутся безуспѣшными, то онъ можетъ прибѣгнуть къ правительству и просить законнаго съ его стороны содѣйствія.

311. За вины собственно противъ владѣльца или правъ его, равно какъ и за проступки полицейскіе, крѣпостные люди по его просьбѣ подвергаются или полицейскому наказанію, съ возвратомъ на прежнее жилище, или содержанію въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ на срокъ, самимъ владѣльцемъ опредѣленный.

(Клочковъ, № 130, стр. 213.)

---

82. Изъ Уложенія о наказаніяхъ.

1845.

I.

288. Возстаніемъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ, почитается и всякое возмущеніе крестьянъ или дворовыхъ людей противъ своихъ помѣщиковъ, владѣльцевъ или управляющихъ и противъ волостныхъ и общественныхъ управленій.

1907. Крѣпостные люди за возмущеніе противъ своихъ господъ, или же лицъ, которымъ имъ помѣщики передали на законномъ основаніи свою власть вполнѣ или съ ограниченіями, подвергаются

наказаніямъ, опредѣленнымъ въ статьяхъ 283—290 сего Уложенія, за возстаніе противъ властей правительствомъ установленныхъ.

1908. За всякое упорное неповиновеніе, хотя и безъ явнаго возстанія, господамъ своимъ, или лицамъ, которымъ отъ нихъ на законномъ основаніи передана ихъ власть, крѣпостные люди, въ случаѣ, когда владѣлецъ, не желая самъ употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, даетъ знать о томъ надлежащему начальству, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ сію вину,

наказанію розгами отъ двадцати до пятидесяти ударовъ.

Изъ сего исключаются лишь случаи, когда они не повиновались приказаніямъ противнымъ закону, и коихъ исполненіе сдѣлало бы ихъ самихъ участниками въ преступленіи.

1909. Крѣпостные люди за подачу на помѣщиковъ своихъ воспрещенной закономъ жалобы подвергаются

наказанію розгами до пятидесяти ударовъ.

II.

1901. Помѣщики, изобличенные въ жестокомъ со своими крѣпостными людьми обращеніи, сверхъ учрежденія опекъ надъ ними и всѣми населенными ихъ имѣніями, лишаются права имѣть въ услуженіи своихъ крѣпостныхъ людей и подвергаются:

заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ;

или же, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, заключенію въ семъ же домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года,

смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе

увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ.

1935. Если вслѣдствіе нанесенныхъ не по неосторожности, а съ намѣреніемъ, хотя и безъ умысла на убійство, побоевъ или иныхъ насильственныхъ дѣйствій, причиняющихъ кому-либо смерть, то виновный въ семъ приговаривается:

къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до трехъ лѣтъ, съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года,

смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину его;

сверхъ сего, если онъ христіанинъ, то предается церковному покаянію, по распоряженію своего духовнаго начальства.

Когда съ симъ преступленіемъ было соединено и злоупотребленіе власти, то виновный, сверхъ вышеозначеннаго наказанія, отдается, буде онъ помѣщикъ, вмѣстѣ со всѣми его населенными имѣніями, въ опеку, а если онъ токмо управлялъ имѣніемъ или домомъ по довѣренности, или же вслѣдствіе какой-либо сдѣлки, то ему также, сверхъ означеннаго наказанія, воспрещается навсегда управлять населенными имѣніями или же крѣпостными дворовыми людьми.

(Клочковъ, № 137 и 138, стр. 230—231.)

---

83. Изъ XV тома Свода Законовъ.

1846.

1680. — Тѣ изъ проступковъ и преступленій помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые не подвергаютъ ихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія, когда сіи преступленія или проступки учинены противъ помѣщика или его семейства, или противъ другихъ его крестьянъ, или дворовыхъ людей, подлежатъ расправѣ самого помѣщика или управляющаго имѣніемъ, и вѣдаются полиціями или судами лишь въ томъ случаѣ, когда самъ помѣщикъ, не желая употребить предоставленныхъ ему по закону домашнихъ исправительныхъ мѣръ, дастъ знать о томъ надлежащему начальству. Когда же проступки и преступленія учинены крестьянами и дворовыми людьми не противъ самого помѣщика ихъ или его семейства, или же крестьянъ или дворовыхъ людей, а противъ кого-либо другого, то дѣла о томъ могутъ подлежать расправѣ помѣщика или управляющаго въ такомъ лишь случаѣ, если самъ обиженный будетъ сего просить. Но если жалоба отъ него поступитъ къ мѣстному начальству, то дѣла сіи разсматриваются и рѣшаются въ полицейскихъ или судебныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи.

1680. — Примѣчаніе. Во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ на основаніи сей статьи право суда и расправы по преступленіямъ и проступкамъ крѣпостныхъ людей предоставляется помѣщикамъ, или управляющимъ ихъ имѣніями по довѣренностямъ, они могутъ подвергать его наказанію розгами до сорока или палками до пятнадцати ударовъ, или же аресту на время отъ одного до семи дней, а въ случаяхъ особенной важности и до двухъ мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы виновный былъ содержимъ въ сельской тюрьмѣ, сообразно съ правилами, вообще для тюремнаго заключенія постановленными. За преступленія и проступки еще болѣе важные, а равно и тогда, когда означенныя выше мѣры домашняго исправленія оказываются безуспѣшными, помѣщикъ можетъ отсылать крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ смирительные и рабочіе домы на время отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или же въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ одного до шести мѣсяцевъ. Если помѣщикъ, по какимъ-либо причинамъ, не пожелалъ употребить предоставленнаго ему закономъ права суда, или же признаетъ, что виновный заслуживаетъ наказанія болѣе строгаго, то можетъ отослать его въ полицію или судъ для разсмотрѣнія дѣла и поступленія съ виновнымъ по правиламъ Уложенія о наказаніяхъ. Впрочемъ, людей, совершенно неисправимыхъ и вредныхъ, помѣщикъ имѣетъ право удалять навсегда отъ себя и своихъ имѣній на основаніи статей 341, 342, 343 Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

(Клочковъ, № 139, стр. 231—232.)

ТАБЛИЦА А.

84. ОБЩАЯ ВЕДОМОСТЬ

о числе помещичьих крестьян в Европейской России и Сибири по 10-й народной переписи.

№№	ГУБЕРНИИ и ОБЛАСТИ.	НА ОБЩЕМ КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ. Крестьян. Муж. п.	Крестьян. Жен. п.	Дворовых людей. Муж. п.	Дворовых людей. Жен. п.	НА УСЛОВНОМ ПРАВЕ *). Муж. п.	Жен. п.	ВСЕГО. Муж. п.	Жен. п.	Обоего п.	№№
	Европейская Россия.										
1	Архангельская	—	—	6	14	—	—	6	14	20	1
2	Астраханская	5.722	6.126	268	311	—	—	5.990	6.437	12.427	2
3	Бессарабская обл.	2.481	2.441	3.005	2.917	—	—	5.486	5.358	10.844	3
4	Виленская	179.183	188.966	9.824	9.481	6.806	7.265	195.818	205.712	401.530	4
5	Витебская	208.868	220.824	5.989	5.914	1.704	1.699	216.561	228.437	444.998	5
6	Владимирская	313.818	348.723	12.877	13.004	—	—	326.695	361.727	688.422	6
7	Вологодская	99.135	108.404	3.670	3.943	—	-	102.805	112.347	215.152	7
8	Волынская	336.153	350.753	195	221	86.418	90.272	422.771	441.246	864.017	8
9	Воронежская	225.297	226.282	32.737	33.030	—	—	258.034	259.312	517.346	9
10	Вятская	16.850	18.596	773	839	—	—	17.623	19.435	37.058	10
11	Гродненская	162.909	173.054	6.925	6.282	1.977	2.011	171.811	181.347	353.158	11
12	Донского войска земля	140.802	140.307	2.461	2.586	—	—	143.263	142.893	286.156	12
13	Екатеринославская [1]	134.560	137.675	28.498	27.797	—	—	163.058	165.472	328.530	13
14	Казанская	95.242	101.666	7.846	8.097	—	—	103.088	109.763	212.851	14
15	Калужская	269.824	286.208	14.800	14.865	—	—	284.624	301.073	585.697	15
16	Киевская	530.629	549.792	3.560	3.743	16.632	16.706	550.821	570.241	1.121.062	16
17	Ковенская	159.350	173.119	7.439	7.166	8.226	9.346	175.015	189.631	364.646	17
18	Костромская	277.818	307.613	14.771	16.983	—	—	292.589	324.596	617.185	18
19	Курская	281.841	281.470	67.162	69.337	—	—	349.003	350.807	699.810	19
20	Минская	263.305	281.497	7.447	6.987	17.766	18.892	290.518	307.376	597.894	20
21	Могилевская	269.975	286.322	7.728	7.455	—	—	277.703	293.777	571.480	21
22	Московская	283.482	302.429	14.537	14.184	—	—	298.019	316.613	614.632	22
23	Нижегородская	337.974	373.909	9.418	9.182	—	—	347.392	383.091	730.483	23
24	Новгородская	187.647	205.293	12.820	14.095	—	—	200.467	219.388	419.855	24
25	Олонецкая	5.014	5.469	397	376	—	—	5.411	5.845	11.256	25
26	Оренбургская [2]	60.819	64.356	5.781	6.463	—	—	66.600	70.819	137.419	26
27	Орловская	307.675	313.045	43.075	44.283	—	—	350.750	357.328	708.078	27

[1] С Таганрогским градоначальством.
[2] С землями Оренбургского и Уральского казачьих войск.

*) В губ. бывших Королевства Польского и В. Кн. Литовского, и обязан. крестьяне по закону 1842 г.—с нек. особыми условиями владения ими.

№№	ГУБЕРНИИ и ОБЛАСТИ.	НА ОБЩЕМ КРЕПОСТНОМ ПРАВЕ.				НА УСЛОВНОМ ПРАВЕ.		В С Е Г О.			№№
		Крестьяне.		Дворовые люди.							
		Муж. п.	Жен. п.	Муж. п.	Жен. п.	Муж. п.	Жен. п.	Муж. п.	Жен. п.	Обоего п.	
	Европейская Россия.										
28	Пензенская	248.529	258.785	19.203	19.224	—	—	267.732	278.009	545.741	28
29	Пермская	171.900	195.388	6.326	7.826	—	—	178.226	203.214	381.440	29
30	Подольская	474.544	493.482	3.280	3.026	32.710	33.249	510.543	529.757	1.040.300	30
31	Полтавская	285.617	310.143	40.787	45.064	—	—	326.404	355.207	681.611	31
32	Псковская	175.111	185.528	9.427	10.099	—	—	184.538	195.627	380.165	32
33	Рязанская	357.400	364.325	34.680	34.559	—	—	392.080	399.384	791.464	33
34	Самарская	103.481	109.772	9.879	10.188	—	—	113.360	119.960	233.320	34
35	С.-Петербургская	114.910	124.838	6.312	6.654	1.228	1.408	122.450	132.900	255.350	35
36	Саратовская	301.252	312.193	22.148	21.952	—	—	323.400	334.145	657.545	36
37	Симбирская	202.008	214.865	12.912	12.670	—	—	214.920	227.535	442.455	37
38	Смоленская	343.433	366.073	23.682	25.332	—	—	367.115	391.405	758.520	38
39	Ставропольская	6.848	6.891	865	868	—	—	7.713	7.759	15.472	39
40	Таврическая [1])	17.876	17.766	2.723	2.673	—	—	20.599	20.439	41.038	40
41	Тамбовская	331.182	334.351	39.482	39.992	—	—	370.664	374.343	745.007	41
42	Тверская	341.381	372.294	20.321	21.112	—	—	361.702	393.406	755.108	42
43	Тульская	363.918	372.303	32.685	33.378	—	—	396.603	405.681	802.284	43
44	Харьковская	185.894	193.901	44.202	47.045	—	—	230.096	240.946	471.042	44
45	Херсонская [2])	129.597	131.163	31.076	29.414	—	—	160.673	160.577	321.250	45
46	Черниговская	240.721	259.279	25.689	27.933	—	—	266.410	287.212	553.622	46
47	Ярославская	243.643	279.623	13.653	14.573	—	—	257.296	294.196	551.492	47
	Итого	9.797.628	10.357.802	723.311	743.137	173.476	180.848	10.694.445	11.281.787	21.976.232	
	Сибирь.										
48	Енисейская	72	79	55	60	—	—	127	139	266	48
49	Забайкальская обл. [3])	—	—	4	7	—	—	4	7	11	49
50	Иркутская	—		4	9	—	—	4	9	13	50
51	Тобольская	1.109	1.275	263	353	—	—	1.372	1.628	3.000	51
52	Томская	129	137	56	82	—	—	185	219	404	52
53	Якутская обл.	—	—	2	5	—	—	2	5	7	53
	Итого	1.310	1.491	384	516	—	—	1.694	2.007	3.701	
	ВСЕГО	9.798.938	10.359.293	723.725	743.653	173.476	180.848	10.696.139	11.283.794	21.979.933	

[1]) С Керчь-Еникольским градоначальством.
[2]) С Одесским градоначальством.
[3]) С Кяхтинским градоначальством.

А. Тройницкий. «Крепостное население в России по 10-й народной переписи» (стр. 26—27).

85. ЧАСТНАЯ ВЕДОМОСТЬ

о распределении помещичьих крестьян мужского пола по имениям в Европейской России и Сибири.

№№	ГУБЕРНИИ и ОБЛАСТИ.	Беспоместные дворяне, владеющие крепостными людьми.		ПОМЕЩИКИ, ВЛАДЕЮЩИЕ ЗЕМЛЕЮ, НАСЕЛЕННОЮ КРЕПОСТНЫМИ ЛЮДЬМИ. До 21-й души.		От 21 до 100 душ.		От 101 до 500 душ.		От 501 до 1000 душ.		Более 1000 душ.		ВСЕГО.			№№
		Число дворян.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Общее число владельцев.	Общее число крепостных людей.	На одного владельца приходится крепостных людей.	
	Европейская Россия.																
1	Архангельская	3	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	6	2,00	1
2	Астраханская	50	133	11	133	9	441	13	2.441	2	1.121	1	1.718	86	5.990	69,65	2
3	Бессарабская обл.	27	277	176	1.481	59	2.245	9	1.483	—	—	—	—	271	5.486	20,24	3
4	Виленская	18	50	764	6.440	892	41.948	367	73.410	30	19.860	25	54.110	2.096	195.818	93,42	4
5	Витебская	42	136	462	3.873	566	29.751	431	90.317	44	29.967	26	62.517	1.571	216.561	137,85	5
6	Владимирская	24	68	779	8.734	1.103	56.796	639	115.846	71	48.822	43	96.429	2.659	326.695	122,86	6
7	Вологодская	8	35	451	4.866	544	26.302	231	44.369	21	17.135	6	10.098	1.264	102.805	81,33	7
8	Волынская	66	195	463	4.024	789	41.873	852	173.638	111	73.046	60	129.995	2.341	422.771	180,60	8
9	Воронежская	157	379	1.252	8.147	764	28.151	375	58.757	43	28.651	41	133.949	2.632	258.034	98,19	9
10	Вятская	19	45	21	171	40	2.142	22	4.778	2	1.867	2	8.620	106	17.623	166,25	10
11	Гродненская	41	69	576	4.811	577	29.716	341	68.694	49	33.833	21	34.688	1.605	171.811	107,05	11
12	Донского войска земля	—	—	1.913	11.887	681	31.237	232	48.843	41	27.803	14	23.493	2.911	143.263	49,21	12
13	Екатеринославская	151	706	854	7.115	973	41.296	420	79.036	40	21.055	10	13.850	2.448	163.058	66,61	13
14	Казанская	53	135	189	1.998	399	21.982	235	50.699	22	14.821	9	13.453	907	103.088	113,66	14
15	Калужская	22	57	569	6.094	1.132	56.940	626	128.700	65	42.677	26	50.156	2.440	284.624	116,64	15
16	Киевская	166	448	171	1.794	363	20.229	619	147.856	161	108.268	74	272.226	1.554	550.821	354,45	16
17	Ковенская	5	20	567	4.997	655	35.351	269	52.458	29	19.474	22	62.715	1.547	175.015	113,13	17
18	Костромская	17	56	1.411	12.009	1.178	57.002	556	116.372	77	52.460	25	54.690	3.264	292.589	89,64	18
19	Курская	112	351	3.284	23.622	1.384	62.729	591	110.238	65	43.491	39	108.572	5.475	349.003	63,74	19
20	Минская	89	271	562	4.521	736	35.853	481	103.894	56	38.281	43	107.698	1.967	290.518	147,70	20
21	Могилевская	142	342	820	5.623	602	30.716	497	112.976	70	47.468	34	80.578	2.165	277.703	128,27	21
22	Московская	140	431	455	5.106	1.123	59.895	624	120.493	61	45.631	36	66.463	2.439	298.019	122,19	22
23	Нижегородская	27	58	231	2.408	501	25.861	512	113.705	75	53.184	65	151,876	1.411	347.392	246,20	23
24	Новогородская	29	51	2.049	15.869	1.585	58.675	548	87.945	32	20.881	18	17.046	4.261	200.467	47,04	24
25	Олонецкая	11	26	153	1.372	44	1.872	11	2.141	—	—	—	—	219	5.411	24,71	25
26	Оренбургская	189	884	308	2.422	234	12.295	141	29.775	15	10.136	8	11.088	895	66.600	44,50	26
27	Орловская	91	218	1.245	8.916	1.410	54.040	919	143.878	102	55.243	56	88.455	3.823	350.750	91,75	27
28	Пензенская	60	145	571	4.388	671	25.587	588	101.632	84	46.942	55	89.038	2.029	267.732	131,95	28

№№	ГУБЕРНИИ и ОБЛАСТИ.	Беспоместные дворяне, владеющие крепостными людьми.		ПОМЕЩИКИ, ВЛАДЕЮЩИЕ ЗЕМЛЕЮ, НАСЕЛЕННОЮ КРЕПОСТНЫМИ ЛЮДЬМИ. До 21-й души.		От 21 до 100 душ.		От 101 до 500 душ.		От 501 до 1.000 душ.		Более 1.000 душ.		В С Е Г О.			№№
		Число дворян.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Число помещиков.	Число крепостных людей.	Общее число владельцев.	Общее число крепостных людей.	На одного владельца приходится крепостных людей.	
29	Пермская	35	129	6	49	11	557	5	1.319	2	1.478	9	174.694	68	178.226	620,97	29
30	Подольская	100	386	244	1.985	361	19.006	582	145.177	158	107.499	109	236.490	1.554	510.543	328,52	30
31	Полтавская	269	930	4.788	30.225	1.551	69.369	633	125.459	48	31.263	33	69.158	7.322	326.404	44,58	31
32	Псковская	25	54	671	6.137	798	39.735	391	82.947	54	37.019	13	18.646	1.952	184.528	94,54	32
33	Рязанская	81	160	2.298	14.456	1.693	68.405	964	157.703	126	65.425	53	85.931	5.215	392.080	75,18	33
34	Самарская	35	104	251	1.991	333	17.005	223	47.215	28	19.494	17	27.551	887	113.360	128,23	34
35	С.-Петербургская	170	450	463	4.714	546	26.328	297	59.145	24	17.341	9	14.472	1.509	122.450	81,15	35
36	Саратовская	129	362	739	5.895	934	36.102	597	106.238	102	47.219	91	127.584	2.592	323.400	124,76	36
37	Симбирская	25	92	463	3.538	567	25.415	459	85.692	80	42.977	31	57.206	1.625	214.920	132,26	37
38	Смоленская	99	766	2.557	20.240	1.813	85.335	718	149.150	56	40.111	25	71.513	5.308	367.115	69,15	38
39	Ставропольская	46	152	50	357	24	999	7	1.355	1	554	2	4.296	130	7.713	59,33	39
40	Таврическая	93	262	176	1.242	92	4.100	27	6.385	5	3.378	3	5.232	396	20.599	52,02	40
41	Тамбовская	101	405	1.151	10.291	1.200	58.787	668	142.774	[illegible]7	61.061	58	97.343	3.265	370.664	113,53	41
42	Тверская	37	66	1.105	11.498	1.460	72.688	775	148.413	91	60.635	39	68.402	3.507	361.702	103,14	42
43	Тульская	60	154	867	9.030	1.756	86.415	1.089	202.506	67	43.628	25	54.670	3.864	396.603	102,64	43
44	Харьковская	248	892	1.648	12.261	910	41.819	386	77.581	41	29.273	32	68.270	3.265	230.096	70,47	44
45	Херсонская	97	284	1.206	13.379	1.063	57.850	294	62.627	22	16.333	6	10.200	2.688	160.673	59,77	45
46	Черниговская	207	767	2.880	17.659	912	41.503	340	78.176	60	42.528	46	85.777	4.445	266.410	60,34	46
47	Ярославская	17	38	1.059	11.653	1.141	54.967	528	109.709	39	28.052	26	52.877	2.810	257.296	91,56	47
	Итого	3.633	12.045	42.959	339.421	36.179	1.697.310	20.162	3.973.945	2.462	1.597.691	1.396	3.074.033	106.791	10.694.445	100,13	
	Сибирь.																
48	Енисейская	3	17	—	—	2	110	—	—	—	—	—	—	5	127	25,40	48
49	Забайкальская обл.	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4	2,00	49
50	Иркутская	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—		—	2	4	2,00	50
51	Тобольская	40	146	14	137	11	405	3	684	—	—	—	—	68	1.372	20,18	51
52	Томская	21	68	5	28	1	89	—	—	—	—	—	—	27	185	6,25	52
53	Якутская обл.	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	1,00	53
	Итого	70	241	19	165	14	604	3	684	—	—	—	—	106	1.694	15,98	
	ВСЕГО	3.703	12.286	42.978	339.586	36.193	1.697.914	20.165	3.974.629	2.462	1.597.691	1.396	3.074.033	106.897	10.696.139	100,99	

86. ОБЩАЯ ТАБЛИЦА

крепостного населения в России, в 1859 году, с выводом крепостного процента.

№№	ГУБЕРНИИ и ОБЛАСТИ.	Помещичьих крепостных людей.			Крестьян разных ведомств.			Заводских и фабричных.			Всего крепостных людей.			Общее число [illegible] 1859 г.			[illegible]	№№
		Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Муж. п.	Жен. п.	Всего.	Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Муж. п.	Жен. п.	Итого.		
	Европейская Россия.																	
1	Архангельская	6	11	[illegible]	—		–	—	—	—	6	11	[illegible]	[illegible]	140.[illegible]	271.[illegible]	0,007	1
2	Астраханская	5.996	6.137	12.127	—		–	—	—	—	[illegible]	6.[illegible]	12.[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	2,60	2
3	Бессарабская обл.	5.486	5.358	10.844		–	—	—	—	—	5.486	5.358	10.844	[illegible]	438.525	[illegible]	4,17	3
4	Виленская	195.818	205.712	401.530	450	559	1.0[illegible]		—		196.[illegible]	206.271	402.549	397.197	[illegible]	[illegible]	45,95	4
5	Витебская	216.561	228.437	444.998	589	646	1.2[illegible]	—	—		217.150	229.083	446.233	391.361	583.780	[illegible]	57,08	5
6	Владимирская	326.695	361.727	688.422	1.685	1.798	3.5[illegible]	3.652	3.915	7.567	333.[illegible]	367.45[illegible]	[illegible]	584.927	622.951	1.2[illegible]	57,91	6
7	Вологодская	102.805	112.347	215.152	535	591	1.1[illegible]	691	808	1.499	104.031	113.746	217.777	[illegible]	495.177	[illegible]	[illegible]	7
8	Волынская	422.771	441.245	864.017	64	80	1[illegible]	—	—	—	422.835	441.326	864.161	754.215	774.118	1.52[illegible]	[illegible]	8
9	Воронежская	258.034	259.312	517.346	204	216	4[illegible]	1.170	1.310	2.480	259.408	260.838	520.246	[illegible]	971.[illegible]	1.950.[illegible]	26,94	9
10	Вятская	17.623	19.435	37.058	—	—	—	9.244	9.871	19.115	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1.116.617	2.123.904	2,64	10
11	Гродненская	171.811	181.347	353.158	3.961	4.183	8.1[illegible]	—	—	—	175.772	185.530	361.302	[illegible]	412.775	[illegible]	40,97	11
12	Донского войска земля	143.263	142.893	286.156		–	—	—	—	—	143.263	142.893	286.156	412.171	[illegible]	[illegible]	31,91	12
13	Екатеринославская	163.058	165.472	328.530	—	—	—	–	—	—	163.058	165.472	328.530	[illegible]	[illegible]	1.012.681	31,51	13
14	Казанская	103.088	109.763	212.851	—	—		754	816	1.567	[illegible]	110.579	214.418	759.813	784.031	1.543.844	13,89	14
15	Калужская	284.624	301.073	585.697	33	52	[illegible]	18.130	18.701	[illegible]	[illegible]	[illegible]	622.613	489.911	517.557	1.007.471	61,80	15
16	Киевская	550.821	570.241	1.121.062		—		–	—	–	550.821	570.241	1.121.062	972.026	[illegible]	1.944.[illegible]	57,76	16
17	Ковенская	175.015	189.631	364.646	—	—	—	—		—	175.015	189.631	364.646	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	17
18	Костромская	292.589	324.596	617.185				244	[illegible]	[illegible]	292.833	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	57,41	18
19	Курляндская	—	—	—			–	—	—	—	—	—	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	—	19
20	Курская	349.033	350.807	699.840	1.449	1.485	2.9[illegible]	10.842	10.973	[illegible]	361.324	363.265	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1.511.972	39.9	20
21	Лифляндская	—	—	—	—	–		–	—	—	—	—	—	[illegible]	459.286	[illegible]	—	21
22	Минская	290.518	307.376	597.894	609	657	1.2[illegible]	—	—	—	291.127	[illegible]	[illegible]	[illegible]	497.032	[illegible]	[illegible]	22
23	Могилевская	277.703	293.777	571.480	[illegible]	293	7[illegible]	—	–	—	[illegible]	[illegible]	572.209	430.985	453.655	[illegible]	[illegible]	23
24	Московская	298.019	316.613	614.632	956	1.147	2.1[illegible]	2.157	2.336	[illegible]	[illegible]	[illegible]	621.312	825.643	774.165	[illegible]	38,84	24
25	Нижегородская	347.392	383.091	730.483	—	—		5.914	[illegible]	[illegible]	[illegible]	389.457	742.793	[illegible]	[illegible]	1.259.666	58,97	25
26	Новгородская	200.467	[illegible]	419.855	104	103	20[illegible]	—	—	—	200.571	219.491	420.062	[illegible]	500.270	[illegible]	43,07	26
27	Олонецкая	5.411	5.845	11.256	79	126	2[illegible]	—	—	—	5.490	5.971	11.461	136.078	151.276	[illegible]	3,99	27
28	Оренбургская	66.600	70.819	137.419		—	–	47.215	[illegible]	[illegible]	113.815	123.159	236.974	995.014	1.012.061	2.007.075	11,81	28
29	Орловская	350.750	357.328	708.078	629	613	1.2[illegible]	7.185	7.518	[illegible]	[illegible]	365.461	[illegible]	[illegible]	770.842	1.532.0[illegible]	47,26	29
30	Пензенская	267.732	[illegible]	[illegible]	11	18	2[illegible]	1.888	[illegible]	3.960	269.631	280.099	549.730	[illegible]	595.401	1.188.535	46,25	30
31	Пермская	178.226	203.214	381.440	—	—	—	[illegible]	[illegible]	277.717	310.091	349.066	659.157	975.499	1.071.073	2.046.572	32,21	31
32	Подольская	510.543	529.757	1.040.300	380	371	7[illegible]	—	—	—	510.923	530.128	1.041.051	874.995	873.471	1.748.466	59,54	32
33	Полтавская	326.404	355.207	681.611	2[illegible]	39	[illegible]	–	—	—	326.426	355.246	681.672	890.307	[illegible]	1.819.110	37,47	33
34	Псковская	184.538	195.627	380.165	–	—	—	—	—	—	184.538	195.627	380.165	346.470	[illegible]	705.462	53,81	34
35	Рязанская	392.080	399.384	791.464	67	64	13[illegible]	7.049	7.751	14.800	399.196	407.199	806.395	713.783	713.516	[illegible]	56,50	35
36	Самарская	113.360	119.960	233.320	40	43	8[illegible]	505	545	1.050	113.905	120.548	[illegible]	747.502	782.527	1.530.029	15,32	36
37	С.-Петербургская	122.450	132.900	255.350	1.991	2.170	4.1[illegible]	383	398	781	124.824	135.468	260.292	633.043	450.048	1.083.091	24,03	37
38	Саратовская	323.400	334.145	657.545	2	6	[illegible]	—	—	—	323.402	334.151	[illegible]	[illegible]	827.289	[illegible]	40,19	38
39	Симбирская	214.920	227.535	442.455	14	15	2[illegible]	242	283	[illegible]	215.176	[illegible]	443.012	[illegible]	[illegible]	[illegible]	58,83	39
40	Смоленская	367.115	394.405	758.520	703	815	1.5[illegible]	551	598	1.149	368.369	392.818	761.187	537.106	564.970	1.102.076	69,07	40

№№	Губернии и области.	Помещичьих крепостных людей. Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Крестьян разных ведомств. Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Заводских и фабричных. Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Всего крепостных людей. Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Общее число жителей в Империи к 1-му янв. 1859 г. Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Крепостной процент.	№№
41	Ставропольская	7.713	7.759	15.472	—	—	—	—	—	—	7.713	7.759	15.472	336.460	304.279	640.739	2,41	41
42	Таврическая	20.599	20.439	41.038	11	11	2	—	—	—	20.610	20.403	41.063	371.931	315.412	687.343	5,97	42
43	Тамбовская	370.664	374.343	745.007	26	36	6	8.038	8.600	16.638	378.728	382.979	761.707	953.594	956.860	1.910.454	39,87	43
44	Тверская	361.702	393.406	755.108	—	—	—	—	—	—	361.702	393.406	755.108	717.191	774.236	1.491.427	50,63	44
45	Тульская	396.603	405.681	802.284	1.550	1.673	3.22	1.275	1.361	2.636	399.428	408.715	808.143	593.703	578.546	1.172.249	68,94	45
46	Харьковская	230.096	240.946	471.042	59	64	12	—	—	—	230.155	241.010	471.165	793.427	789.144	1.582.571	29,77	46
47	Херсонская	160.673	160.577	321.250	—	—	—	—	—	—	160.673	160.577	321.250	533.331	494.128	1.027.459	31,27	47
48	Черниговская	266.410	287.212	553.622	—	—	—	—	—	—	266.410	287.212	553.622	726.144	745.722	1.471.866	37,61	48
49	Черноморского войска земля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102.935	99.558	202.493	—	49
50	Эстляндская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148.305	155.173	303.478	—	50
51	Ярославская	257.296	294.196	551.492	2.651	3.212	5.80	56	107	173	260.013	297.515	557.528	454.091	522.775	976.866	57,07	51
	Итого	10.691.445	11.281.787	21.976.232	19.350	21.204	40.5	259.124	282.838	541.962	10.972.919	11.585.829	22.558.748	29.790.670	30.352.808	60.143.478	37,51	
	Сибирь.																	
52	Енисейская	127	139	266	—	—	—	—	—	—	127	139	266	160.676	142.590	303.266	0,09	52
53	Забайкальская область	4	7	11		—	—	—	—	—	4	7	11	180.065	172.811	352.876	0,001	53
54	Иркутская	4	9	13	—	—	—	259	229	488	263	238	501	169.026	150.904	319.930	0,06	54
55	Приморская обл. Вост. Сибири	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12.666	9.194	21.860	—	55
56	Семипалатинская область	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118.040	101.311	219.351	—	56
57	Сибирских киргизов область	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	149.131	128.320	277.451	—	57
58	Тобольская	11.372	1.628	3.000	—		—	72	77	149	1.444	1.705	3.149	504.105	517.161	1.021.266	0,31	58
59	Томская	185	219	404	—	—	—	—	—	—	185	219	404	358.204	342.797	701.001	0,06	59
60	Якутская область	2	5	7	—	—	—	—	—	—	2	5	7	115.110	107.423	222.533	0,003	60
	Земли киргизов Оренбургск. вед.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400.000	400.000	800.000	—	
	Итого	1.694	2.007	3.701	—		—	331	306	637	2.025	2.313	4.338	2.167.023	2.072.311	4.239.534	0,10	
	В Европейской России и Сибири	10.696.139	11.283.794	21.979.933	19.350	21.204	40.55	259.455	283.144	542.599	10.974.944	1.588.142	22.563.086	31.957.693	32.425.319	64.383.012	—	
	Владения Русской С.-А. компании	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5.179	4.803	[1]) 9.982	—	
	Закавказский край.																	
61	Дербентская с Прикаспийск. краем	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	269.315	265.024	[2]) 534.339	—	61
62	Кутаисское ген.-губернаторство	85.988	80.065	166.053	107.751	93.851	201.602	—	—	—	193.739	173.916	367.655	328.887	286.826	[3]) 615.713	59,71	62
63	Тифлисская с Джаробелаканским окр.	76.226	62.656	138.882	—	—	—	—	—	—	76.226	62.656	138.890	353.779	293.350	[4]) 647.129	21,46	63
64	Шемахинская	4	4	8	—	—	—	—	—	—	4	4	8	336.646	297.240	[5]) 633.886	—	64
65	Эриванская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	139.249	117.857	257.106	—	65
	Итого	162.218	142.725	304.943	107.751	93.851	201.602	—	—	-	269.969	236.576	506.545	1.427.876	1.260.297	2.688.173	18,84	
	ВСЕГО	10.858.357	11.426.519	22.284.876	127.101	115.055	242.15	259.455	283.144	542.599	11.244.913	11.824.718	23.069.631	33.390.748	33.690.419	67.081.167	34,39	

[1]) В этом числе не заключаются независимые туземцы, которых считается до 10.000 д. об. п.

[2]) Собственно в Дербентской губ. считается 241.030 д. м. п. и 236.513 д. ж. п., итого 477.543 д.; в землях же, составлявших Прикаспийский край: Шахмальстве Тарковском, Ханстве Мехтулинском и аулах по Сулаку 28.285 д. м. п., 28.511 д. ж. п. итого 56.796 д. об. п.

[3]) В Кутаисской губ. считается 177.517 д. м. п., и 153.911 д. ж. п. итого 331.438 д. об. п.; в подвластных землях, входящих в состав Кутаисского генерал-губернаторства: Мингрелии, Абхазии, Самурзакане, Сванетии и Цебельди 151.370 д. м. п., 132.915 д. ж. п., итого 284.285 д. об. п.

[4]) В Тифлисской губ.: 307.499 д. м. п., 246.720 д. ж. п., итого 554.219 д. об. п. В Джаробелаканском округе, входящем прежде в состав этой губернии: 46.280 д. м. п. и 46.630 д. ж. п., итого 92.910 д. об. п.

[5]) В этом итоге жителей Закавказья не заключаются бывшие непокорными горские племена, о численности которых нет положительных сведений.

(А. Тройницкий.—„Крепостное население России по 10 народной переписи“, стр. 45—50.)

87. Крепостные крепостных в Ивановской вотчине графа Шереметева.

К числу любопытных явлений в жизни Ивановцев крепостного периода нужно отнести существование у крепостных, в свою очередь, закрепощенных людей, притом не на посессионном праве, к покупку и продажу которых одного крепостного другому и людям свободного состояния. У крепостных имущество собственного, в силу крепостного права, не могло быть — крепостной целиком, со всем имуществом, принадлежал помещику и купля-продажа производилась им на имя и от имени помещика. В Иванове мы встречаемся с фактами, совершенно противоречащими этому основному параграфу крепостного права. Здесь крепостные покупали и имущества и людей на имя помещика, фактически владели ими на полной своей воле, отказывали наследникам по духовному завещанию и отчуждали или продавали в другие руки. Все акты подобного рода утверждались в вотчинной конторе, записывались в книге и с денежных сумм бралась пошлина, обыкновенно 5%. Представляем здесь несколько образцов различного рода актов, которые важны тем, что почти на всех их имеется свидетельство вотчинного правления.

В 1779 году управляющий графа Шереметева, в селе Иванове, Константин Есаулов, дал крестьянину этого села Ивану Матвеевичу следующего содержания письмо: «Иван Матвеевич, отдал я вам в вечное владение мальчика своего Алексея Ефимова, которого мне досталось — отец его Ефим Михайлов от тетки моей Дарьи Кузьминой, дочери Есауловой, в прошлом 1765 году и от нее купчая дана на оного Ефима на имя его сиятельства графа Петра Борисовича, который мальчик Алексей Михайлов рожденный от него Ефима после данной купчей в доме его сиятельства, которая купчая имеется только в доме его сиятельства, в чем и подписуюсь дому его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева домоуправитель (следует собственноручная подпись и остальная часть письма писана той же рукой) Константин Есаулов. 1779 июля 16 дня. Сие письмо владетельное на оного мальчика Алексея Ефимова дано Суздальской его сиятельства вотчины села Иванова крестьянину Ивану Гарелину». Таким образом мы видим уступку от одного крепостного человека другому, при чем указывает то обстоятельство, что купчая на Ефима Михайлова совершена была не на имя Есаулова, а на имя графа, таких же закрепощенных людей. Отдаются в вечное владение без всякого подозрения, что подобная сделка не имеет никакого значения.

Но это еще, так сказать, частная сделка между крепостными, а вот документы, имеющие официальный характер. Первым таким документом является поступное письмо на крепостную крестьянку: «Лета тысяча восем сот шестого октября 5 дня Шуйской округи вотчины его сиятельства графа Николая Петровича села Иванова крестьянин Яков Иванов сын Гарелин поступил брату своему родному Мефодию Иванову Гарелину, доставшуюся мне по разделу после покойного родителя моего Ивана Матвеева Гарелина, покупную на имя его сиятельства крестьянскую дочь девку Феклу Иванову, написанную по 5-й ревизии (пятая ревизия была в 1794 году) в сельце Таковицах деревне Васильевке, ценою за пятьдесят рублей, которая наперед сего мною иному никому не продана и не под каким претлогом нигде не укреплена, а состояла до ныне единственно за мною в бесспоримом владении моем, а ежели кто в оную девку будет вступаться, то должен я покупщика от всех вступщиков очищать и ни до каких убытков не доводить. При написании же сего поступного письма вышеписанные деньги пятьдесят рублей с брата моего Мефодия сполна я получил. К подлинному поступному письму Яков Иванов сын Гарелин руку приложил. Федор Полушин свидетелем был и руку приложил».

Затем идет характерное свидетельство: «1806 года октября 30 дня в Ивановском вотчинном его сиятельства графа Николая Петровича правлении сие поступное письмо явлено и с означенной цены пятидесяти рублей пошлины по пяти копеек с рубля взысканы два рубля пятьдесят копеек и в книгу неокладных доходов [illegible]. На подлинном подписали: Выборный Иван Борисов и Земский Осип Полушин».

. . . «Лета тысяча восемь сот двадцать первого июля в день Шуйской его сиятельства

графа Дмитрия Николаевича Шереметева вотчины села Иванова крестьянская вдова Палагея Естифеева Гарелина с детьми моими сыном Иваном, дочерьми Федосьей и Зинаидой Яковлевыми Гарелиными, по доброй нашей воле и по общему согласию, поступили мы того ж села Иванова деверю моему, а детей моих даде крестьянину Мефодию Иванову Гарелину — доставшееся покойному мужу моему Якову Иванову Гарелину после покойного ж родителя его Ивана Матвеева Гарелина недвижимое имение, которое значится по данному духовному завещанию помянутого свекра моего, а моих детей деда Ивана Матвеева Гарелина. Первое: фабрика, где я с детьми моими жительство имею, каменную двухэтажную светелку обветшавшую, длиною двадцать семь, а шириною семь сажен, со всем к ней принадлежащим, как-то: потолком, кровлею, печьми и что в ней и на ней есть без остатку. Второе: в сельце Спасском крестьян, что окажется по нынешней седьмой ревизии и после оной вновь рожденными, при фабрике нашей и при доме нашем мужеска и женска пола, тож все без остатку к оному ж сельцу принадлежащую пахатную и непахатную землю с лесы и с сенными покосы; словом, все, где б оного владения не было по данному завещанию вышеупомянутого свекра моего, а детей моих деда Ивана Матвеева Гарелина, как в общем с ним деверем моим Мефодием владении, а равно и в одиначном нашем, поступаем ему все без остатку в род наследникам его безвозвратно, — и за все вышеописанное наше недвижимое со крестьянами имение взяла я Гарелина с него деверя моего Мефодия денег восемь тысяч рублей, с них по домашним его сиятельства графа постановлениям пошлинные деньги в Вотчинное правление платить ему покупщику Гарелину, мне ж с детьми моими до оного дела нет; оное же наше недвижимое со крестьяны имение до написания сего нашего поступного письма иному никому не продано и не заложено, и ни по каким письмам и крепостям не укреплено, если ж кто в оное наше недвижимое со крестьяны имение будет почему ни есть вступаться, то мне, детям моим и по них наследниками моими его деверя моего Гарелина от тех вступщиков защищать, до убытков и хлопот ни до каких не доводить, а очищать мне своим коштом; при написании ж сего поступного нашего письма получила я от него Гарелина в числе вышеписанной договорной суммы, восьми тысяч рублей, тысячу рублей, да на стройку дома получить мне две тысячи рублей, еще получить по написании сего нашего поступного письма через шесть месяцев две тысячи рублей, а последние три тысячи рублей через год, т.-е. будущего тысяча восемь сот двадцать второго года в июне месяце. В чем сие поступное письмо при нижеподписавшихся свидетелях ему деверю моему Гарелину и дала. Принадлежащая вся земля при фабрике и что ни на есть все без остатку; из оного поступного письма выключить три девки Татьяну и Анну Егоровых и Аграфену Иванову.

К сему поступному письму крестьянская вдова Палагея Естифеева Гарелина подписуюсь собственноручно по чищенному верить. К сему поступному письму Иван Яковлев Гарелин своеручно подписуюсь. Зинаида Яковлева Гарелина а вместо ея подписуюсь сестра родная Федосья Яковлева Гарелина она писать не умеет. К сему поступному письму Федосья Яковлева Гарелина своеручно подписуюсь по чищенному верить. При сей купчей свидетелем был Михайло Иванов Ямановский руку приложил. При сей купчей свидетелем был Михайло Ефимов Гарелин руку приложил.

Сие поступное письмо в Ивановском вотчинном правлении явлено и в книгу под № 5 порядочно записано которое вследствие приказа главной канцелярии от 20 января сего года за № 257 сим утверждается и пошлинных с 8.000 рублей четыреста рублей приняты и в книгу № 3 на приход записаны. Февраля 3 дня. 1822 года. Выборный Иван Кубасов.

Таким образом сделки подобного рода признаны со стороны владельца совершенно законными и правильными; владения признавались доссиффимыми: взимались пошлинные деньги с суммы, показанной в акте, и по засвидетельствовании вносились в книгу. Приобретенное имущество, хотя бы и на имя помещика, считалось в крепостном владении никак не помещика, а того, кто платил деньги. В 1823 году дано было тому же Мефодию Ивановичу Гарелину поступное письмо на земли Агафьей Васильевной Гарелиной, которое дает нам понять, что духовные завещания крестьян утверждались главной канцелярией графом Шереметевых. Вы-

ражение в этом письме: «поступаю я ему в вечное и потомственное владение собственные свои земли, доставшиеся мне по духовному завещанию от родителя моего» . . ., показывает, что наследственные имущества считались полною собственностью наследников и могли быть ими отчуждаемы в полное и потомственное владение другим лицам, при чем говорится в сделках по этому поводу— «владеть ему (т.-е.) покупщику и наследникам его вечно и бесповоротно и никому не вступаться (т.-е. в продаваемое имущество)». Такое положение создано было обычным правом крестьян и утверждено помещиками, сначала в виде засвидетельствования выборными, затем таким же засвидетельствованием со внесением в книгу вотчинного правления и взиманием пошлины в пользу помещика, чем, в сущности, и ограничивалось право помещика на крестьянское имущество. Сборник «домовых» постановлений, изданный для руководства при управлении Ивановскою вотчиной во время опекунства над малолетним графом Дмитрием Николаевичем, дает нам понять, как смотрел помещик на свое право владения крестьянским имуществом. Два пункта § 54 этих постановлений следующего содержания. В пункте 9 говорится, что помещик имел право считать имение крестьянина владельца выморочным и обращать его в свою пользу, когда у того по смерти не окажется ни детей, ни родственников; пункт 10 говорит о духовных завещаниях и излагает подробно порядок раздела наследственных и благоприобретенных недвижимых и движимых имуществ на праве собственности, в первом случае (т.-е. в наследственном имуществе) по линии родства узаконенным порядком, а в последнем (т.-е. когда имение благоприобретено) по воле приобретателей с тем, что завещания их не могут уже быть нарушены никакими спорами.

Таким образом право собственности у крестьян возведено было в закон и поместье графов Шереметевых, в особенности село Иваново, представляло собой маленькое самостоятельное государство внутри России. При выходе на свободу крепостных совершались обыкновенно формальные отпускные в судебных учреждениях. Так, мы имеем отпускную от 1802 года, совершенную в Нерехотском уездном суде, коей гвардии поручик Сумароков отпускал на волю свою крепостную, крестьянскую вдову Устинью Тимофееву «вечно на волю, где она жить пожелает или в замужество за кого выйти похощет». Тут требовалась подпись самого помещика или его доверенного, затем свидетелей, а в конце скрепа чиновника с обозначением, что отпускная записана в книгу и взяты пошлины. Отпускная писалась на гербовой бумаге. В Иванове на этот счет было много проще — там прямо из главной домовой канцелярии графа Шереметева давалась квитанция в получении денег и тем довольствовались. Вот образец: «1809 года мая 11 дня в главной домовой его сиятельства графа Дмитрия Николаевича канцелярии принято села Иванова от крестьянина Мефодия Гарелина за выпуск дочери его Аграфены на сторону в замужество пять сот рублей. В чем ему сия квитанция и дана. Никита Александров. Казначей Алексей Ерунин». Тем и довольствовались. Подобная цена за выпуск не должна считаться особенно крупною, хотя и пять сот рублей были по тому времени деньги не маловажные. Помещики села Иванова не стеснялись с богатых брать и очень крупные суммы за выпуск на свободу. В очередной книге рекрутским отдачам, составленной помещичьим управлением, между прочим, под семействами №№ 120 и 624 значится, что за увольнение на свободу для выхода на сторону в замужество крестьянских девиц Сигклитикии Ямановской и Харитины Гандуриной взято помещиком за первую десять, а за последнюю семь тысяч рублей. Кроме того, за освобождение семейства крестьян Гандуриных от рекрутской повинности взыскано было с них тридцать тысяч рублей. Если брались такие деньги за освобождение от рекрутской повинности, то по скольку же брали за выпуск семейств на волю? До реформы 1861 года крестьянских семейств на волю выкупилось более пятидесяти. Выкупную сумму в Иванове можно смело положить в миллион рублей, не менее, так как выкуп возможен был для самых богатых и многие после этого выкупа захудали.

К величайшему удивлению владельцев домами и усадьбами при крепостном праве как невыкупившимися на волю, а получившим ее по манифесту 19 февраля, так и выкупившимся до реформы пришлось за свои дома и усадьбы платить выкуп вторично, хотя и имелись на эти владения купчие крепости и передаточные

письма, засвидетельствованные в вотчинном правлении со взятием пошлин.

(Я. Гарелин. «Город Иваново-Вознесенск», т. I, стр. 106—114.)

---

88. Приказ помещицы о сдаче рекрутов.

1817 г.

Деревни «Китаева» бурмистру Ваське Лютому.

ПРИКАЗ.

Уведомилась я, что с моей экономии скоро рекрутов брать будут, а по сему изволь, получив сие, немедля собрать сход и миром выбрать рекрутов; да чтоб выбирали из самых отпетых, ненадежных, питьем балующих, беглых, чем либо подмеченных и чтобы меж ими не попало человека хорошего, трезвого поведенія; а буде то — берегись Васька сам.

Прошку конюха сдать беспременно, а Гришку, беглого от Маера Юрасовского, заковать и под крепким караулом свезти в сдачу, понеже Маер Юрасовский уведомил меня письмом, что он от Гришки вовсе отступился и знать его совсем не хочет.

Обо всех выбранных в рекруты отпиши немедля ко мне и дай доказательство, что эти люди — дурные люди и что выбраны они не по наговкам мира; их же, особливо Гришку, свести в сдачу бережно, чтобы они с дороги не утекли и лиха никакого не учинили бы и тебе бы не пришлось, особливо за утечку их, в ответе быть.

Помещица ротмистерша Прасковья Михайловна Черникова.

В Орле 1817 года.

(«Русская Старина», 1896 г., № 7, (стр. 82.)

---

89. Письмо бурмистра к своим помещикам [1]).

1818 г.

«Государи милостивцы наши Петр Денисыч и Алексей Денисычи (Ю-ские) вашей вотчины бывшей бурмистр Ванька Зюрин челом бью, а что бью слухай. Нещастье приключилось какое страх. Таму назат ден с десят пройдучи авражек суряницкий обявилось тело, а тело то кому принадлежащее то неизвесно и зачем сюды явилось и то неизвесно. Видно что мужик не сиел расиух, кровью залился. Нарот сбежался глядит диву даеца. Налетел исправник мир пытать принялся. Чье сказывает тело. Признавайтесь сволочи. Я вас гаварит всех перепарю патаму все стоитя. Еще уведомился гаварит я што желоваца на меня вздумали к гаспадам стариков насылать слыш хатите. Найдите гаварит сперва найдите их. Петра вишь Денисыча сказывает и ни найдете патаму он уехавши сказывают либо за француженкой аль за арапкой какойто, а куда то неизвесно. А тебя батюшка Алексей Денисыч, ох и сказывать то баюсь ты гаварит кажись сдурел патаму лошадей все ищешь харошиx и па всей расси ни находишь па сибе, все ни хараши; а вот гаваришь есть хараши лашатки, то гавариш далече за морем. а в какой земле то не упомню и сказывают туды ты за теми лашатками и уехавши. Найдите гаварит сыщите ево пажалуйтес, а што вазьмете пасматрю. Нарот малчит, не признаеца. Тагда ох бох мой нещастье приключилось великое. Атазвал меня исправник в сборную избу да сказывает Ванька все это твои дела. Знаю даподлинно и сознанья твово в том ни надо, а надо сем рублев. Ты веть мужик сказывает из всех багатеющий. Давай их скарей и прав будешь. А ни то закую тебя и сашлю к.... А што дам и ума ни прилажу у самаво ничево. Государи милостивцы наши ни я прашу, малых пять дитей просют, жена просит, спаси их, спаси невинаво заступис за халапа сваво Ваньку, ни дай вабиду невинаво».

(«Русская Старина», 1896 г., № 4, т. 86, стр. 154.)

---

90. Записка помещика к уездному начальству о наказании крепостного.

2 генваря 1838 г., с. Щелканово.

Милостивой государь,
Владимир Иванович.

Проживающий в имении нашем крестьянин мой села Зубова мельник Прохор Филиппов, гнусным поведением, разными обманами и презрением к законам чести, соделался наконец и

[1]) С соблюдением орфографии подлинника.

мне известен неплатежем оброка — тягостным, а неисполнением гражданской обязанности, по большому числу состоящих в нем в недоимке государственных податей, — преступным! Вследствие чего покорнейше прошу, к восчувствованию этому негодяю и в пример другим, в истинное мне одолжение, приказать: дать ему Прохору Филиппову пятдесят лозонов по филейным частям, и сверх того остричь половину головы. Операция эта, без сомнения, вразумит подлого крестьянина, а меня вы крайне одолжите и обяжете приведя в исполнение искреннее мое желание.

С почтением пребыть честь имею

Милостивый государь

Ваш покорнейший слуга

И. Скобелев.

(«Русская Старина», 1895 г., март, стр. 112.)

91. Цена на людей в 1853 году.

В «Донских Войсковых Ведомостях» 1853 г., 7 октября, № 39, на стр. 296 напечатаны, в пункте 2, под рубрикою «о продаже имений», следующие объявления:

«От Черкасского Окружного Судного Начальства объявляется, что в присутствии оного будет продаваться с публичного торга, 12 октября сего 1853 года, с узаконенною чрез три дня переторжкою, крестьянская девка из дворян казачей жены Пелагеи Пименовой, Прасковья Игнатова, примет следующих: росту 2 ар. 2 вер., лицо чистое, глаза серые, нос продолговатый, 49 лет, — оцененная в 41 руб. серебр., за неплатеж казачей жене Марье Леоновой денег. Желающие купить приглашаются в Начальство, где по явке могут рассматривать бумаги, до продажи относящиеся. — 3.

«От Первого Донского Окружного Судного Начальства объявляется, что в присутствии оного будет продаваться с публичного торга 27 октября 1853 года, с узаконенною переторжкою, пара волов и конь, принадлежащие Багаевской станицы уряднику Василью Елкину, оцененных в 60 руб. серебр., за неплатеж им есаульской жене Анне Елкиной 30 руб. серебр. Желающие купить должны явиться в Начальство к назначенному сроку. — 1».

Примечание. Второе из этих объявлений приведено нами для сравнения цены на животных с ценностью женщины.

(«Русская Старина», 1871 г., т. IV, стр. 594 и 598.)

92. Изъ приказовъ бурмистру.

...Начинать сѣять сколько можно ранѣе, если можно будетъ даже до святой недѣли. Прошлаго года я вообще замѣчалъ, что овсы были очень рѣдки, въ сравненіи съ овсами у другихъ. Полагая, что это происходитъ отъ твоего недосмотра, ибо сѣмянъ отпускается довольно, — предписываю тебѣ въ нынѣшнемъ году непремѣнно посѣять весь овесъ при себѣ: чтобы лошадей сѣмяннымъ овсомъ не кормили и чтобы все отпущенное количество было посѣяно. Посланныя къ тебѣ сѣмена маdiи двѣ мѣры посѣять по окончаніи овсянаго посѣва, т.-е. въ половинѣ мая, на полудесятинѣ хорошей земли, подъ борону. Прежде я предписывалъ тебѣ посѣять маку 8 десятинъ, посѣй больше: если во-время успѣешь, то 10 десятинъ, только какъ можно раньше, только-что снѣгъ сбѣжитъ, и подъ борону.

Яровое поле засѣять все, не оставляя ни десятины и не отдавать въ наймы. Для сего гречиху начинай сѣять поранѣе, чтобы успѣть во-время отсѣяться, именно, начинай сѣять чрезъ недѣлю послѣ Николина дня (9 мая), т.-е. около половины мая, если морозы перестанутъ. Мѣру сѣмянъ маdiи посѣять гдѣ-нибудь на огородѣ на пространствѣ четвертой части десятины, и посѣять немедленно по полученіи сего приказа.

Посѣвъ озимого сдѣлать во время, не смотря ни на какую погоду, начинать посѣвъ 1 августа, и въ августѣ же постараться весь посѣвъ окончить. Сѣмена для посѣва готовить скорѣе, для чего брать четвертый день у крестьянъ. На землѣ, передвоенной съ осени, посѣй маку бѣлаго и сѣраго поровну; на лучшей затѣмъ землѣ посѣй проса десятокъ десятинъ; гороху посѣй столько, сколько сѣмянъ есть, и поближе къ маку, для общаго караула; картофеля десятину также близъ мака, для караула; пшеницы

засѣй всю ту землю, которая была приготовлена подъ пшеницу Иваномъ Дроновымъ въ озимомъ полѣ; да кромѣ того, въ саду, гдѣ былъ картофель. Овса посѣй столько, сколько останется земли, за исключеніемъ нужной подъ гречиху. Къ посѣву мака и овса приступить тотчасъ послѣ полой воды, какъ только соха пойдетъ въ землю. Овесъ непремѣнно на четвертый или на пятый день послѣ посѣва перепахивать. При посѣвѣ овса тебѣ отъ крестьянъ отнюдь не отлучаться до тѣхъ поръ, пока всѣ сѣмена разсѣютъ. Я буду судить о твоемъ надзорѣ черезъ сравненіе нашихъ хлѣбовъ съ сосѣдними хлѣбами, и вообще буду благодарить тебя, или наказывать, соображаясь съ доходами сосѣдей, не принимая въ оправданіе ни качества земли, ни качество хлѣба. Еще разъ повторяю: держи ухо остро, потому что я начинаю уже сомнѣваться въ твоемъ усердіи, и если ты не постараешься оправдать себя дѣлами, я отдамъ тебя въ солдаты . . .

(А. Повалишинъ, «Рязанск. помѣщики», стр. 81—82.)

---

93. Изъ записокъ сельскаго священника.

1.

Н. И—чъ унаслѣдовалъ отъ отца любовь къ пѣнію и музыкѣ до страсти. Съ чиномъ полковника онъ вышелъ въ отставку и изъ Петербурга пріѣхалъ въ свое имѣніе, село Б. Какъ артистъ, онъ, разумѣется, занялся прежде всего устройствомъ хора и оркестра. Отца его уже не было въ живыхъ, а мать тотчасъ уѣхала въ другую деревню и поселилась тамъ. Красавецъ собой, какъ бывшій придворный, съ утонченными манерами, всегда любезный, ласковый, говорящій всегда съ улыбкой на устахъ, гостепріимный до крайности, онъ всякаго обвораживалъ. Не полюбить и не привязаться къ нему всею душой было нельзя, — съ перваго разу, какъ вы познакомились съ нимъ. Вы, напримѣръ, пріѣхали къ нему и не застали обѣда. Вамъ отводятъ комнату и вы можете требовать, какихъ угодно блюдъ и какихъ угодно винъ. Хозяинъ не ужинаетъ; но вы идите къ себѣ и требуйте, что вамъ угодно.

Вечеромъ, въ извѣстный часъ, баринъ отправляется въ кабинетъ. Какъ только усядется за рабочій столъ, съ противоположной стороны двумя лакеями отворяется дверь и впускается статный, важный по виду и поступи, мужчина, въ черномъ фракѣ, накрахмаленный и раздушенный, съ портфелемъ подъ мышкой. Передъ глазами барина онъ отпираетъ портфель и подаетъ ему бумаги. Господинъ этотъ — это кухмейстеръ съ огромнымъ спискомъ всевозможныхъ яствъ. Баринъ внимательно просматриваетъ его, спрашиваетъ, совѣтуется, приказываетъ и противъ нѣкоторыхъ дѣлаетъ отмѣтку карандашомъ. Это значитъ, что онъ назначилъ обѣдъ на завтрашній день. Получивши обратно списокъ, уложивши его, на глазахъ барина, въ портфель, щелкнувши замкомъ, кухмейстеръ съ поклономъ уходитъ и представляетъ списокъ на утвержденіе барынѣ, когда уже Н. И—чъ женился. Та одно утвердитъ, другое зачеркнетъ, а третье прибавитъ и возвращаетъ обратно. Отъ барыни списокъ несется къ управляющему домомъ, тотъ отсылаетъ въ контору. Писаря въ нѣсколько рукъ бросятся дѣлать выписки: одни — для кухни, другіе — для гостей и вообще обѣдающихъ, а третьи — снова переписывать весь списокъ, чтобы на завтра представить и на просмотръ барину и на утвержденіе барыни чистый — безъ отмѣтокъ. Списки кушаній клались передъ каждымъ обѣдавшимъ. Дворни было человѣкъ до 100. Сколько бы ни было гостей, но за обѣдомъ непремѣнно стояло по лакею за каждымъ стуломъ, и все это во фракахъ, накрахмалено, раздушено, въ бѣлыхъ перчаткахъ, — словомъ, каждый лакей — модная картинка. Чистота, вѣжливость, выдержка, или, какъ выражались господа, дрессировка прислуги была неподражаема. Несмотря на множество прислуги, не было ни шуму, ни толкотни, ни суетни, а все это какъ-то, какъ машина, невидимо и неслышимо передвигалось и перелетало.

Все идетъ до того плавно, что вы совсѣмъ не замѣчаете этого множества народу, окружающаго васъ. Въ обыкновенные, рядовые, дни вся прислуга находилась въ домѣ по дежурству; въ дни экстренные, когда собиралось много гостей, прислуживали всѣ. Пріятный въ обращеніи со всѣми, Н. И—чъ чрезвычайно ласково обращался съ прислугой: взрослыхъ онъ назы-

валъ не иначе, какъ по имени и отчеству, напримѣръ, Виталій Ивановичъ, Дмитрій Петровичъ, а малолѣтковъ — Ваня, Федя, Феденька и т. п. и вдобавокъ самымъ нѣжнымъ, самымъ ласковымъ тономъ и съ улыбкой — непремѣнно.

Имѣніе Н. И—ча состояло изъ селъ Большого Б., Малаго Б. и деревеньки, дворовъ въ десять, Е. Барская усадьба его, въ Большомъ Б., была чуть не уѣздный городъ: около большого барскаго дома стояло нѣсколько домовъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ каменныхъ и множество деревянныхъ, и все это выкрашено вычищено, убрано на славу. На барскомъ домѣ стояло двѣ башни, одна высокая, другая пониже (башня, что пониже, поставлена, когда Н. И—чъ женился). На одномъ изъ сосѣднихъ домовъ развѣвался зеленый флагъ на длинномъ шестѣ; подъ нимъ на крышѣ, на большой доскѣ, надпись «главный управляющій». На слѣдующемъ домѣ на шестѣ желтый флагъ и внизу вывѣска «управляющій овцеводствомъ» (овецъ было около 3,000); на третьемъ — флагъ и вывѣска «управляющій конюшнями» (матокъ было штукъ 15 и штукъ 20 ѣзжалыхъ барскихъ); на четвертомъ — флагъ и вывѣска «управляющій мельницами» (два амбара и оба по 4 постава); далѣе: «управляющій винокуреннымъ заводомъ», «управляющій полями», «управляющій лѣсами» и, наконецъ, «завѣдующій хлѣбными магазинами», и все это — флаги и вывѣски, флаги и вывѣски... Потомъ слѣдовали однѣ только вывѣски: главная контора, главный конторщикъ, бухгалтеръ, контролеръ, птичница, главная больница, фельдшерская, аптека, кухня, людская, общая столовая, овчарня, конный дворъ, конюшня, птичій дворъ, рогатый скотъ и пр., безъ конца!.. Когда самъ владѣлецъ или жилецъ подъ флагомъ были дома, то флаги развѣвались; какъ только онъ оставлялъ свою резиденцію, хотя бы просто пошелъ къ сосѣду, то флагъ опускался, что означало, что жильца подъ флагомъ нѣтъ дома. Одинъ несчастный мужичонка только и зналъ, что перебѣгалъ отъ одного дома къ другому и поднималъ и опускалъ флаги.

2.

Въ 183* году уѣхалъ Н. И—чъ въ Петербургъ жениться. Мѣсяца через два—три получается извѣщеніе, что такого-то числа Н. И—чъ изволятъ прибыть со своею молодою супругою въ имѣніе. За нѣсколько дней до пріѣзда разосланы были курьеры на множество станцій. Вездѣ поднялась возня: чистка травы въ саду, по площади, у церкви, возка и посыпка песку, приготовленіе плошекъ, фонарей, ракетъ; шитье, чинка и штопанье фраковъ, крахмаленье и глаженье бѣлья; уборка дома, разстановка цвѣточныхъ кадокъ и горшковъ; сыгрыванье, спѣвка,— словомъ, адъ кромѣшный. Всѣ суетятся, бѣгаютъ и ждутъ, какъ будто, что вотъ-вотъ земля перекувырнется: просто всѣ ошалѣли, — всякій трясьмя-трясется за свою шкуру. Наконецъ, первый гонецъ скачетъ и кричитъ. «Н. И—чъ съ своею молодою супругою изволили благополучно прибыть въ г. П.» (200 вер. отъ Б.). Скачетъ другой: «Н. И—чъ изволили благополучно прибыть въ село Д.». А тамъ третій, четвертый... десятый! Наконецъ, карета показалась на послѣдней горѣ передъ селомъ. Начался благовѣстъ; лишь только въѣхала карета въ село, зазвонили во всѣ колокола. Старичокъ-священникъ, мой родной дѣдушка, вышелъ изъ церкви въ ризахъ, съ крестомъ въ ркуахъ, съ св. водой, съ иконами и хоругвями, и всѣ встали за оградой церкви. Н. И—чъ изволили благополучно прискакать къ церкви и выйти, супругу его благополучно фрейлины вынесли изъ кареты, и оба вмѣстѣ изволили приложиться ко кресту; дѣдушка мой окропилъ ихъ св. водой и пошелъ въ церковь, за нимъ пошли пѣвчіе и запѣли тропарь святителю Николаю; за пѣвчими послѣдовала молодая чета. Тотчасъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ благополучно прибывшей въ свои владѣнія молодой четѣ. Чтобы задать шику по всѣмъ частямъ, по окрестнымъ деревнямъ наняты были на этотъ день отставные солдаты, которые, въ своихъ сѣрыхъ шинеляхъ, составили кругъ и охраняли отъ давки.

Барскія палаты находились отъ церкви саженяхъ въ 100. По высланной изъ Петербурга программѣ церемоніала, Н. И—чъ съ супругою должны были изъ церкви до дому итти пѣшкомъ. Отъ входа въ церковь до дому всѣ, и начальство и подчиненные, встали въ двѣ шеренги; между этими рядами пошли господа. Первымъ отъ церкви всталъ главный управляющій, за нимъ управляющіе отдѣльными частями; тамъ: главный конторщикъ, главный казначей, глав-

ный контролеръ, главный аптекарь, главный лѣкарь; далѣе: канцелярскіе чиновники, камерь-лакеи, пѣвчіе, музыканты, повара, кучера и пр. и пр. Къ самому дому стали оборванные, испитые и избитые крестьяне, впрочемъ, наружу вытолкнули тѣхъ, кто одѣтъ былъ получше. Порядка въ совершенной точности, кто за кѣмъ стоялъ, я теперь не упомню, по приблизительно это было такъ. Но, кажется, тутъ и не въ этомъ дѣло. Молодые пошли. Всѣ съ жадностью бросились цѣловать ихъ руки, а въ это время супругъ представлялъ своей молодой супругѣ всѣхъ, и по-одиночкѣ и цѣлыя группы. На колокольнѣ между тѣмъ отжаривали во всѣ колокола . . .

3.

Н. И—чъ всегда былъ хлѣбосоломъ и гостей былъ всегда полонъ домъ, но теперь молодой женѣ, родившейся и выросшей въ Петербургѣ, развлеченія были необходимы. Иначе ей житье въ с—ской глуши, да еще въ деревнѣ, было бы хуже каторги. Поэтому гости, музыка, пѣніе, фейерверки, гулянья по лѣсамъ, пикники — каждый день! Пѣніе и музыку самъ хозяинъ любилъ до страсти, и любилъ похвастаться передъ другими. Музыка въ домѣ, пѣніе въ саду, музыка въ горахъ, пѣніе въ лѣсу, музыка и пѣніе днемъ, ночью, вблизи господъ, въ отдаленности и т. д. и т. д. безъ конца. Послѣ разнообразныхъ удовольствій — музыки, пѣнія, танцевъ, гуляній и пр. Н. И—чу нерѣдко приходило желаніе позабавить гостей обѣдней. Онъ обращается къ нимъ и говоритъ: «А какъ у меня пѣвчіе поютъ обѣдню! Не угодно ли послушать?» Гости, конечно, не прочь поразнообразить удовольствія. Н. И—чъ кричитъ лакею: «Дмитрій Ѳедоровичъ! сходи къ попу и вели ему завтра служить обѣдню».

Дѣло давно за полночь. Лакей бѣжитъ, стучитъ въ окно и кричитъ: «Батюшка, вставайте! Н. И—чъ приказали завтра служить обѣдню!» Дѣдушка мой, старичокъ за 75 лѣтъ, встаетъ и начинаетъ читать молитвы, читаемыя готовящимися къ причащенію. Благовѣстъ къ обѣднѣ начинался всегда въ 10 часовъ и продолжался часъ. В это время дѣдушка придетъ въ церковь, облачится, совершитъ проскомидію и сядетъ ждать Н. И—ча; посядутся и всѣ другіе и ждутъ. Н. И—чъ между тѣмъ въ это время изволитъ вставать по-барски, не торопясь, дастъ одѣть себя, умыть, побрить, напьется чаю, поиграетъ на скрипкѣ что-нибудь въ родѣ Паганини, походитъ по залу и посвиститъ какую-нибудь мазурку, потолкуетъ съ гостями на балконѣ и сдѣлаетъ распоряженіе о вечернемъ театрѣ. Во все это время сторожъ стоитъ на колокольнѣ и съ господскаго дома не спускаетъ глазъ. Вдругъ выбѣгаетъ лакей и машетъ платкомъ. Это значитъ, что баринъ изволятъ выходить. Послѣ часового благовѣста времени прошло уже съ часъ. Увидѣвши лакея, сторожъ бросается забирать веревки. Лишь только Н. И—чъ показалъ свои ясныя очи, сторожъ и начнетъ откатывать во всѣ, и старается выдѣлывать штуки, вродѣ трепака.

Н. И—чъ любилъ, чтобъ у него все было образцовое, и тутъ онъ хотѣлъ, чтобъ и онъ самъ и гости его, идя въ церковь, наслаждались колокольною музыкою. А для этого онъ посылалъ сторожа въ С—въ учиться звонить; при этомъ, само собой разумѣется, не обошлось безъ того, чтобы кучера не отзвонили разъ десять у него на спинѣ. Сторожъ, дѣйствительно, откалывалъ хватски. Въ церкви мгновенно всѣ встрепенутся и встанутъ на свои мѣста: станутъ пѣвчіе на клиросъ, дѣдушка мой противъ престола, станетъ діаконъ на амвонъ и поднимаетъ руку. Лишь только Н. И—чъ перенесетъ одну ногу черезъ порогъ церкви, регентъ шепчетъ діакону: «Начинай, начинай!». И діаконъ забаситъ: «Благослови, Владыко!» и обѣдня пойдетъ своимъ порядкомъ. Если обѣдня была не обыкновенная праздничная, а по заказу, какъ теперь, — на потѣху гостей, то Н. И—чъ бывалъ особенно внимателенъ къ пѣнію. Тогда, если кто, къ несчастью, чуточку сфальшивитъ, т.-е. вмѣсто діезной или бемольной нотки возьметъ простую, Н. И—чъ, пропуская мимо себя, послѣ обѣдни, пѣвчихъ, говаривалъ: «Ты, Саша, опять сфальшивила: въ «Достойно» ля-діезное, а ты, Даша, въ концертѣ, въ «Пріидите» — ди-фисъ». Нѣтъ нужды повторять въ десятый разъ, что это говорилось самымъ нѣжнымъ тономъ; даже иногда Н. И—чъ, улыбаясь, по подбородку погладитъ; но всѣ ужъ очень хорошо знали, что значили эти діезы и бемоли! Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вписывалъ и Сашѣ и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна діезовъ и бемолей была извѣстна — 25.

Вечером эти же и Саша и Даша должны были играть въ домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антрактѣ баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN. должна была держать себя съ большимъ достоинствомъ». И 15—20 мин. антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ!.. Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ.

(Сб. Мельгунова, стр. 28—35.)

---

94. Записки крепостной.

I.

Я крепостная девка господ Болотиных [1]). Наши господа были важные, — старый барин, Петр Георгиевич, своим дочерям часто рассказывал, что их дедушка, Георгий Николаевич, при царице Екатерине Алексеевне жил во дворце и был у нее в большой чести. После же царицыной смерти барин Болотин не захотел уже никому больше служить — приехал в свое село «Дубовое» и жил в нем до самой смерти. Перед смертью Георгий Николаевич церковь в селе выстроил в честь Георгия Победоносца и Екатерины Великомученицы, и до сих пор, каждое воскресенье, священник за заупокойной ектенией поминает строителя храма болярина Георгия. Дворовые же, древние старики, про барина Георгия Николаевича еще и другое рассказывали, что он был лют и порол не только своих крестьян, но и соседей помещиков. Полиция к нему на двор не смела и носа показать — для полицейских и для всех непрошенных гостей у него стояло на цепи два медведя и шесть охотничьих собак. Когда лакеи барину докладывали, что к нашим главным воротам становой или исправник подъехал, барин сейчас же приказывал выпустить на двор собак; а те были ученые—человека не укусят, но зато его до смерти напугают и платье на нем в клочья разорвут.

Перед смертью Георгий Николаевич начал о своих грехах сокрушаться и не мог помереть до тех пор, пока не призвал к себе всех своих крестьян и не попросил у них прощенья.

Наш старый барин, Петр Георгиевич, характером вышел не в своего папеньку — этот барин был тихий, боязливый и до крестьян жалостливый. Женился он уже не молодым, лет сорока, на черкесской княжне, Варваре Ивановне, из себя она была красавица, а сердце имела жестокое.

После своей женитьбы наш барин начал свою жену во всем слушаться и для наших крестьян жизнь пошла уже горькая.

По зимам (много лет) наши господа жили в Москве, а весной, когда расцветала черемуха, они со всеми своими детьми и прислугой приезжали в Дубовое и жили в нем до первых заморозков...

В господское село я была взята пяти лет. Мои родители были крестьяне; родилась я в деревне, в четырех верстах от господской усадьбы. Когда в одну неделю у меня померли отец с матерью, в нашу избу пришел староста, взял меня на руки, принес в господское село и отдал бабушке Устинье, которая жила на скотном дворе.

У наших господ был заведен такой порядок, что сирот, кто бы ты ни был: девкин ли подкидыш, или законный крестьянский ребенок, всех брали на господский двор и за ними присматривала бабушка Устинья. Бабушку я помню уже древней старухой, но еще работающей: летом и зимой она помогала скотницам обряжать господских коров; а когда в избе зажигали лучину, бабушка садилась на лавку и на прялке пряла господский лен, или же на веретене сучила нитки.

Изба наша разделялась низкой заборкой на две половины, на одной висела люлька на очепе, где спали маленькие ребятишки, а мы, которые были постарше, валялись на полу, на соломе; на другой половине избы стояли телята, их отпаивали на убой и отправляли господам в Москву. Мы, ребятишки, любили смотреть, когда бабушка одних телят поила молоком, а другие возле нее прыгали. Днем старшие ребятишки нянчили младших и жить нам было хорошо. На нас сирот шла месячина: мера ржи, мера гречневых круп и полагалось каждый день от господских коров две кринки парного молока.

Пока наши господа не жили в селе, мы бегали не только по всему двору, но и по господскому саду. Когда же весной наш управляю-

---

[1]) Фамилии все изменены. (Прим. автора).

щеп. Никанор Савельевич, отправлялся в барские покои, мы, бывало, обступим его и просим показать нам господские комнаты и так ему, в другой раз, надоедим, что он и скажет:

— Идите, сорванцы, за мной, только уговор лучше денег — ни до чего руками не касаться. — Никанор Савельевич был для нас, сирот, добрый; он и сам, на своем веку, много горя видел — лет пятнадцать при господах лакеем состоял, когда же от барыниных оплеух оглох, барин его прислал к нам управляющим. У нас же, ребятишек, от радости и уши на макушке, что Никанор Савельевич нам позволяет итти за ним, и когда со скотного двора мы попадали в барские хоромы, то уже думали, что попали прямо в рай. Господский дом был большущий, комнаты светлые, полы паркетные, в зале колонны мраморные и мебель вся золоченая.

Никанор Савельевич показывал нам не одни только комнаты: он выводил нас и на балкон, а их было целых четыре — с одного была видна, на горе, дубовая роща, а под горой вилась белой лентой неширокая река; с другого балкона была видна церковь с золотыми главами и поле, куда мы летом бегали за васильками, с третьего — большая дорога, усаженная дубняком; четвертый же балкон выходил на двор.

Наши господа, два лета подряд, в свое село не приезжали, на третье к управляющему от барина пришло письмо, что барин с барыней надумали совсем перебраться жить в Дубовое.

«Осмотри, Никанор, — писал барин, — хорошенько весь дом, чтобы в нем нам можно было жить не только летом, но и зимой». — Тут началась спешка. На наш двор нагнали мужиков и баб: мужики расчищали запущенный сад, а бабы, на дворе, травку выщипывали. Никанор Савельевич ходил по всему дому с молотком и все стены отстукивал; в кабинете заметил, что одна стена треснула и выдалась вперед; он, сейчас же послал в город нарочного за каменщиками; когда же те стали ломать стену, то увидели между кирпичами замуравленного человека. Каменщики испугались, побросали работу и прибежали к управляющему.

— Нужно, — говорят, — Никанор Савельевич, за священником послать. — Управляющий сам побежал к отцу Василию. Наш священник был древний старичок и помнил отца нашего барина.

Когда отец Василий увидел в стене человеческие кости, то перекрестился и стал молиться.

— Упокой, господи, убиенного раба твоего, имя его ты, господи, веси... — Потом указал нам на большой, в золотой раме, портрет красивого барина, с седыми кудрявыми волосами, и сказал:

— Это строитель нашего храма, болярин Георгий, я помню, как он своих крестьян до смерти засекал. Господь один ведает грехи людские; а мы, православные, помолимся за обоих — за убиенного и за болярина Георгия. — После панихиды священник приказал вынуть из стены кости, сложить их в один ящик и нести на кладбище; а сам, как был в ризе и с кадилом в руках, пошел впереди.

В этот же день Никанор Савельевич собрал нас всех дворовых и строго наказал, чтобы обо всем, сегодня случившемся, мы свои языки держали на привязи.

II.

Управляющий опять получил письмо, что наши господа приедут в Троицу.

К этому дню мы стали и готовиться. Накануне двор усадили нарезанными в лесу молодыми березками, а в Троицу, чтобы не прозевать приезда господ и успеть им поклониться, все наши калеки и старики с раннего утра высыпали на двор. В этот день из дворовых мало кто и к обедне ходил, пошли только те, у кого были деньги, чтобы подать за здравие барина, барыни и всех их сродников, а потом вынутые просфоры поднести господам.

Никанор Савельевич забрал нас всех, ребятишек, с собою в сад и каждому наломал по большому букету сирени, потом поставил нас по обеим сторонам господского крыльца, чтобы мы эти букеты подали нашей барыне, Варваре Ивановне, когда та выйдет из экипажа...

Господа наши приехали только после обеда.

Мы все еще стояли с цветами у крыльца, когда на двор влетели два экипажа, каждый из них был запряжен четверкой лошадей.

В одном экипаже сидели барин с барыней. Петр Георгиевич уже и тогда был старый, как лунь седой, да и барыня Варвара Ивановна была не молодая, хотя из себя еще видная, похожая больше на мужчину, чем на женщину — у нее были порядочные усы. Напротив старых го-

спод сидели молодой барин Егор Петрович и младшая дочь Софья Петровна, а старшая дочь, Прасковья Петровна, с гувернанткой Анной Васильевной и с няней Ольгой Ивановной, приехали в другом экипаже.

Когда мы, дети, подавали наши букеты барыне, Варваре Ивановне, она гладила нас по голове; и в это же время разговаривала с бабушкой Устиньей, на которой, по случаю праздника и приезда господ, был надет желтый панковый шугай, в котором она еще и венчалась.

Барыня расспрашивала бабушку, сколько у нее в эту зиму прибыло сирот и сколько осталось живых телят.

Старый барин приказал лакею вынуть из экипажа дорожный погребец и тут же, на крыльце, угощал дворовых мужиков водкой.

На старых господ я мало смотрела: занимали меня — молодые. Обе барышни были в соломенных круглых шляпках и желтых бурнусах.

Старшей барышне шел тогда четырнадцатый год, из себя она была худощавенькая, а только приятная и кланялась дворовым с умильной улыбочкой: она нам всем очень понравилась.

Младшей барышне Софье Петровне было девять лет, лицо у нее было все обметавши золотушкой: говорили, что она хворая и ее из экипажа лакей на руках вынес и поставил на крыльцо: барышня вдруг чего-то раскапризничалась и к ней подбежала немолодая гувернантка, Анна Васильевна; и было слышно, как она барышне сказала:

— Не хорошо, Сонечка, капризничать, — на вас ваши крепостные люди смотрят.

Барышня еще больше закапризничала, начала на нас, детей, плевать, а на гувернантку топала ногой.

Молодой барин, Егор Петрович, больше всех в экипаже замешкался; на них была надета черная курточка и фуражка с красным околышком, им тогда было шестнадцать лет, из себя барин был, что картина: высокий, тоненький, брови черные колесом, лицо продолговатое и розовое.

Мимо дворовых молодой барин прошел гордо, словно и не видел, что им весь народ кланяется, только раз обернулись, чтобы свистнуть своей лохматой собаке и, играя тросточкой, вошли в комнаты.

III.

С тех пор, как господа переехали в село, у нас и на дворе стало веселее.

Теперь я часто бегала в людскую, посмотреть на лакеев и на горничных, а также чтобы подслушать их разговор о наших господах. Барыню, Варвару Ивановну, прислуга не хвалила — на руку была очень дерзка и не только била сама прислугу, но и своего мужа ругала, зачем тот людей не колотит. Старый барин был тихий, драться не любил, а когда его жена на кого-нибудь науськает, он к тому человеку с клюкой выйдет, стучит ею об пол и кричит до тех пор, пока не охрипнет: а его никто и не боится — знают, что он только покричит, а драться не станет.

Барыню люди осуждали и за то, что она своих старших детей не любила, а только не наглядится на свою младшую дочь. Сын матери не боялся и спуску ей ни в чем не давал; мать даже сама Егора Петровича побаивалась, а старшую свою дочь, Прасковью Петровну, барыня, как крепостную девку, оплеухами кормила и все за то, что та заступалась за горничных девок. Младшую, Софью Петровну, вся прислуга ненавидела, — эта барышня была злая, капризная и при ней лишнего слова не скажи, — сейчас маменьке перескажет и людей под розги подведет. Молодого барина, Егора Петровича, горничные хоть и любили за красоту, а жаловались, что у него ласки тяжелые — если щипнет, так с вывертом, а хлыстом стегнет, так на теле кровавый рубец останется, и с простым народом молодой барин держал себя гордо, с горничными еще, бывало, посмеется, а лакей от него другого слова не жди, как «прими», да «подай». Когда раз шел разговор между прислугой о молодом барине, в него вмешался и наш управляющий.

— Лицом Егор Петрович, — сказал Никапор Савельевич, — похож, как две капли воды, на портрет своего деда, Георгия Николаевича, и характером он будет такой же, как его дед. Тот засекал людей до смерти; а этот, восьми лет от роду, со злости чуть меня не сжег. Тогда я был его дядькой и намучился же я с ним, я не смел ни остановить его, ни барыне на него пожаловаться. Раз, в девичьей, он под пяльцы залез и начал девкам босые ноги булавками колоть; девки плачут и не знают, что и делать — пожа-

ловаться барыне — не смеют, та сына не остановит и им оплеух надает. Тут я вошел в девичью, и девки мне взмолились:

— Возьмите, Никанор Савельевич, из-под пялец барченка, он нам все ноги в кровь исколол.

Я вытащил барченка из-под пялец и взял его за ухо.

— Идите, — говорю, — жальтесь на меня вашему папеньке и маменьке.

Потом я целый день ждал оплеух от барыни, а вышло — другое. В этот же день, в сумерки, я прилег в лакейской, на кожаный диван и вздремнул. К счастью, я скоро проснулся и чувствую, что голове моей горячо, а в комнате — смрад, словно от жженых волос. Схватился я за голову — она вся в огне, я скорей — с дивана подушку и ею огонь на голове и потушил. Потом думаю, откуда взялся у меня огонь на голове, оглянулся кругом и вижу, за шкафом стоит барченок, смотрит на меня и смеется; а у самого в руках коробка серянок.

После таких рассказов я стала молодого барина бояться, а смотреть на него мне все-таки хотелось; для этого я бегала к забору господского сада — спрячусь в кустах и смотрю, как в липовой аллее Егор Петрович учит свою собаку поноску носить. И помытарился же он над собакой!—В руках у молодого барина была плетка с железным концом, как этой плеткой хватит собаку, так кровавую полосу на бритом заду и оставит. Сохрани бог, если собака огрызнется или зубы покажет; тут Егор Петрович и начнет ее со всей силы полосовать; а собака только визжит и воет. Наконец барин устанет и плеть бросит на землю, с минуты две походит по дорожке, потом подзовет спрятавшуюся в кусты собаку и начнет ее ласкать.

Когда, бывало, молодой барин бьет собаку, у меня от страха ноги и руки трясутся, а от забора все же не отхожу и на другой день опять сюда прибегу и жду молодого барина.

Егор Петрович, другой раз, с ружьем в сад приходил птиц стрелять и больше любил подстрелить птицу, чем ее сразу убить: когда птица упадет на землю и еще трепещет крылышками, молодой барин наклонится к ней, смотрит на нее и смотрит так, словно любуется, потом схватит птицу за ноги, встряхнет ее и швырнет за забор. Так барин убил и моего кота . . .

Васька повадился бегать за мной к господскому саду; пока я стою у забора, кот на него заберется, сидит и греется на солнышке.

Сначала молодой барин Ваську верно не замечал и вдруг раз в мою сторону — прицелился и выстрелил. Кот, как сноп, свалился в сад, а мне показалось, что Васька соскочил с забора; когда же молодой барин поднял его за ноги и швырнул ко мне на двор, я догадалась что Васька убит, подбежала к нему.

Вижу, у кота глаза, как у рака, выпучены, я как заору во все горло.

Барин меня увидел и кричит:

— Иди сюда, хорошенькая девочка, иди ко мне!

Я схватила в подол кота и давай бог ноги и, не оглядываясь, добежала до скотного двора.

Вскоре после этого Егор Петрович уехал в Петербург, доучиваться, и лет семь или восемь в свое село «Дубовое» и глаз не показывал.

IV.

В первую же зиму, после приезда господ, меня взяли в комнаты.

Раз барышня, Софья Петровна, гуляла по двору со своей гувернанткой; я им попалась навстречу и поклонилась. Барышня подозвала меня к себе, спросила, где я живу и как меня зовут и тут же сказала своей гувернантке:

— Я с этой девочкой хочу играть у себя в комнате.

В этот же день вечером, когда бабушка Устинья еще пряла, а мы, ребятишки, набегавшись досыта по двору, уже крепко спали вповалку на полу, бабушка услышала, что кто-то в сенях рукой по стене шарит — дверь ищет.

Бабушка встала и отворила дверь.

В избу вошла, в большом платке, горничная Аксюта и сказала, что она прислана от барыни за сироткой Акулькой, которая сегодня полюбилась Софье Петровне, когда та гуляла по двору.

— Без твоей Акульки, — рассказывала Аксюта, — барышня и спать не ложится, капризничает и няньке все лицо в кровь исцарапала,— хочу, говорит, чтобы Акулька, как собачка, спала на полу, возле моей кроватки.

Бабушка сейчас же меня растолкала и на ноги поставила; я же, со сна, стою, как дура, и ничего не понимаю . . . Бабушка мне косу заплела, Аксюта достала из-под своего платка ба-

рышнино старенькое платье и вместе с бабушкой это платье на меня и надели.

Я как увидела, что на мне розовое платье с двумя оборками, так обрадовалась, что сон с меня сразу соскочил. Аксюта взяла меня за руку, и мы пошли из избы. Я слышала, как по мне завыла бабушка, словно по покойнице.

На дворе был мороз, а на мне, кроме ситцевого платья, ничего не было. Когда же Аксюта прикрыла меня своим большим платком, итти стало неловко и тогда мы, чтобы согреться, пустились бежать взапуски. От бегу мне даже жарко стало.

Когда мы пришли в господский дом, Аксюта ввела меня в комнату, к барышне Софье Петровне; та лежала в кровати и еще не спала; нянька стояла в ногах и уговаривала ее не капризничать. Барышня била ногами и руками по решетчатой заборке своей кровати и кричала:

— Приведи ко мне Акульку, приведи Акульку!

Когда я с Аксютой вошла, няня Ольга Ивановна барышне сказала:

— Посмотри, Сонечка, вот стоит и твоя Акулька.

Барышня поднялась на постели, взглянула на меня сонными глазами, и, не сказав ни слова, опять легла, обернув свое личико к стене. Теперь Ольга Ивановна уже шопотом со мной заговорила:

— Барышня сейчас заснет; а ты, Акулька сядь на стул и не шевелись.

Я села на стул, а нянька загасила свечку. Сидеть в темноте было скучно, и я стала прислушиваться к голосам в другой комнате, дверь которой была не плотно приперта, в щель был виден свет и мне было слышно, как в комнату вносили что-то тяжелое.

Вдруг из этой же комнаты кто-то закричал:

— Нянька, где губка, которую я тебе велела высушить?

Ольга Ивановна схватила с лежанки губку и сунула мне в руку.

— Снеси, — говорит, — барыне в спальню, вот в эту дверь.

Когда я вошла в спальню, мне бросилась в глаза большая зеленая ванна, стоявшая посредине комнаты. В ванну два лакея наливали из ведер воду. Недалеко от них, в кресле, сидела наша барыня, она была совсем голая, только с одной ноги еще не был снят чулок, и Аксюта, стоя перед барыней на коленках, развязывала тесемки от подвязки. Я барыне поклонилась, подала губку и уже хотела уйти из комнаты, когда Варвара Ивановна меня остановила.

— Акулька, — сказала она, — ведь ты с Устиньей нитки сучишь, верно, умеешь развязывать узлы; вот эта дура, — и барыня ткнула ногой в лицо Аксюты, — так узел затянула, что его придется разрезывать.

Я припала лицом к ноге барыни и в один миг зубами развязала узел. Когда я подняла голову, то в комнате увидела старого барина.

Барин был в бухарском халате, а в руках держал газету.

Лакеи тоже еще были в комнате и суетились возле ванны.

Барин, сморщившись, обвел глазами всю комнату, взглянул мельком на лакеев, на меня, потом глаза остановил на барыне и ласковым голосом сказал:

— Ты, Варвара Ивановна, хоть бы простыню на себя накинула.

— Зачем? в комнате тепло, — ответила барыня.

— Да, видишь ли, — замялся барин, показав глазами на лакеев, — тут на тебя мужчины смотрят.

— Какие мужчины?—удивилась барыня.— Здесь мои крепостные лакеи, разве они смеют на меня, на их барыню, смотреть! Они же для меня все равно, что вот эти два стула.

Барин пожал плечами, взял со стола свечку и пошел вон из комнаты.

И надо правду сказать, наша барыня, Варвара Ивановна, была бесстыжая — она при лакеях не только голая показывалась, а даже все при них делала . . .

V.

С этого вечера, я так и осталась жить в комнатах. Сначала играла в куклы с барышней Софьей Петровной, а когда ту начали учить грамоте и чтобы приохотить ее к ученью, и я с нею училась читать и писать; а по вечерам, когда в гостиной зажигали лампу, барыня со старшей дочерью сидели возле стола и работали; гувернантка Анна Васильевна учила Софью Петровну танцовать, тогда и меня с ней она заставляла стоять в позициях и выделывать па.

Софья Петровна учиться не любила и часто не знала своего урока, за это не ее наказывали, а меня. Барыня зажмет мою голову в своих коленках и сечет до крови. Прасковья Петровна из-за меня со своей матерью часто ругались. — Стыда, — скажет, — у вас, маменька, нет, — сестра Соня ленится, а вы Акульку сечете.

Барыня ей в ответ такую влепит оплеуху, что бедная барышня потом долго ходит с подвязанной щекой.

Гувернантка Анна Васильевна тоже меня жалела, а слово сказать за меня боялась, только когда барыня из комнаты уйдет, а я горькими слезами обливаюсь, гувернантка подойдет ко мне и потихоньку от Софьи Петровны сунет мне в руку конфетку или пряник.

Раз Софья Петровна это увидела и успела насплетничать своей маменьке, а та прибежала к Анне Васильевне и говорит:

— Вы меня не понимаете, я оттого Акульку секу, чтобы Сонечку за леность пристыдить, и этим я бужу в моей дочери благородные чувства.

Барыня неправду говорила, не потому она меня секла, чтобы моими слезами барышню пристыдить, а секла оттого, что сама любила до страсти сечь детей. Это все знали и видели — барыня, бывало, не даст подойти к забору ни одному мальчику, ни девочке, чтобы не придраться к ним, что они с кустов ягоды щиплют, прикажет садовнику детей в сад загнать и собственноручно до тех пор сечет, пока ребенок от крику посинеет, или, обомлевши, перестанет кричать. Зато ребятишки нашу барыню, как огня, боялись и из-за этого страха, раз такой вышел случай, после которого наша барыня и присмирела.

Дело было так: господская столовая окнами выходила в сад.

В хорошую погоду наша барыня любила пить чай у открытого окна и раз налила она себе чашку чаю, взяла со стола из корзинки сдобную булочку и села у открытого окна.

В это время, в саду, недалеко от дома, мальчик Сережка помогал садовнику пересаживать на клумбе «шток-розы». Садовник куда-то пошел, а Сережка один остался и смотрел, как барыня пьет чай. Сережка был сирота и жил на скотном дворе у бабушки Устиньи. С приездом в село господ, сиротам месячину убавили, и теперь они всегда были голодные; даже старшие дети в деревне по воскресеньям милостыню собирали, и Сережка, как, бывало, увидит меня в саду, так и просит:

— Принеси мне, Акулька, хоть корочку хлебца, — смерть есть хотца.

И теперь, когда барыня, на глазах у Сережки, ела сдобную булку и ее запивала чаем со сливками, он, как голодная собака, глаз с нее не спускал. Тут, как на грех, барыня из столовой зачем-то вышла и свою недопитую чашку и недоеденный кусок булки оставила на подоконнике. Сережке было видно, что в столовой никого нет, и что кусок булки лежит низко — из сада к нему стоило только руку протянуть.

Сережка подбежал к окну, схватил с подоконника булку и не успел еще положить ее в рот, как барыня опять вошла в столовую; а Сережка так испугался, что даже забыл спрятать булку — держит ее на виду в руках и сам на барыню смотрит, как дурак.

— Ты, дрянь, зачем мою булку украл? — спрашивает барыня.

Сережка молчит и от страха только трясется.

Тут барыня увидела садовника и закричала:

— Авдей, наломай мне розог!

Сережка только теперь опомнился и со всех ног бросился бежать.

А барыня из окна и кричит:

— Девки, люди, ловите мальчишку!

Окна девичьей, как и столовой, выходили в сад; мы видели из окна, как Сережка украл булку, а также видели, как он стрелой помчался вдоль аллеи.

Когда барыня закричала, чтобы мы его ловили, Аксюта (она всегда была готова к барыне подольститься) первая в сад из окна выскочила, а мы, чтобы от ней не отставать, тоже из окна повыскакали и все погнались за Сережкой, а тот не бежал, а летел, и перед нашими глазами только мелькали его голые пятки.

За ним мы гнались не одни, с нами бежал и садовник Авдей.

Вдруг Сережка свернул в сторону и пропал с наших глаз между деревьями.

И когда мы добежали до поворота, Сережки не было видно, только возле забора, в одном месте была смята высокая, еще не скошенная трава.

Девки смотрят на помятую траву и говорят:

— Уж не провалился ли Сережка на этом месте?

А дяденька Авдей чешет в затылке и говорит:

— Неужли, он, леший, в этом самом месте перелез через забор; тут у самого забора — колодец; я с ним еще сегодня из этого колодца на поливку огурцов воду черпал.

Потом Авдей обратился к нам, девкам, и говорит:

— Я черэз забор полезу, а вам, девкам, через забор не перелезть — бегите к колодцу кругом.

Мы еще до колодца не добежали, как Авдей уже нам навстречу попался — он со всех ног бежал за баграми и, не останавливаясь, нам крикнул: «Сережка сидит в колодце . . . ».

Последнее время все шли дожди, и в колодце вода стояла до самого верха; теперь на ней вскакивали пузырьки, вскочит пузырек и пропадет.

Пока багры принесли и пока Сережку вытащили, он успел и богу душу отдать.

Когда утопленника положили на холсты и начали качать, один из лакеев заметил, что у Сережки что-то зажато в кулачке, разжали его, а там кусочек булочки.

Тогда все дворовые плакали и в один голос говорили:

«Погиб человек из-за крошки булки».

(«Русская Старина», январь 1911 г. стр. 146—151).

---

95. Тени прошлого.

(По документам... З. А. Слезскинской, 1830-е г.г.)

Когда слышишь о настоящих ужасах аграрных беспорядков, когда безумная толпа крестьян уничтожает все, не разбирая правого и виноватого, невольно вспоминаешь о том прошлом, когда эта же толпа, в лице своих дедов и прадедов, была под ярмом крепостного права. Чего только ни приходилось переносить от жестокости, самодурства, развращенных инстинктов помещиков! Немногие оставили по себе добрую память. Стоит только заглянуть в какой-либо из архивов, и восстанут жалкие тени позорного прошлого.

Истязания неповинных людей, попрание человеческого достоинства, унижения, всего было вдоволь. Не только из уст болтливой старушки слышишь об этих ужасах, о них читаешь в официальных бумагах. В Новгородской губернии особенно много дел о помещиках и дворовых было в 30-х годах, при губернаторе Денфере, который, чуть только доходило до него известие о злоупотреблениях помещиков, возбуждал следствие и всегда старался добиться справедливого, гуманного обращения с дворовыми. Несмотря на его старания, он редко добивался цели.

Так, в 1834 г. также было возбуждено им подобное дело.

В Новгородском уезде жил в своей усадьбе Карпине помещик Александр Васильевич Литвинов. Он уже 15 лет нигде не служил и, вероятно, от безделья, придумывал самые разнообразные способы истязаний для своих крестьян и доводил их до того, что они решались бежать от владельца и делали это неоднократно.

В сентябре 1839 года пять человек дворовых были пойманы в Москве и, как беглые, арестованы при Пречистенской части. При допросе они рассказали всю свою ужасную жизнь у помещика. Чего только здесь не было?

Литвинов был вспыльчив до крайности. В припадках гнева он бил дворовых нагайкою и палками и, не довольствуясь этим, заставлял просиживать по 2—3 часа на снегу в самую холодную погоду, спустив нижнее платье, и тереть при этом лицо снегом до крови. За малейшую провинность ставил на несколько часов голыми коленами на крупный песок, приказывал ползать по толченому кирпичу на голых же коленах, или растирать ими камень.

Однажды один из бежавших осмелился сказать на глазах барина несколько слов своей жене и за это был поставлен класть земные поклоны несколько часов сряду, до полного изнеможения. Обыкновенным наказанием считалось обливание холодною водою.

На барскую работу крестьяне должны были являться ежедневно. Приказчик, по приказанию барина, или по собственной ретивости, вырывал у них на головах волосы. Дворовый Филипп Владимиров был закован в кандалы в течение семи месяцев, ноги несчастного были стерты и зияли ранами; его выгоняли на работу, не снимая кандалов.

Издевательства над женщинами и девушками были отвратительны. Это были положительно твари бессловесные, покорные воле властелина. Когда они впадали в немилость, их заставляли «есть навоз, пить мочу, тереть снегом детородные части».

При всем этом дворовые были лишены порядочной пищи: мясную они видели только иногда; обыкновенно, им давался хлеб, и то в малом количестве, и овсяная кашица.

В домашней жизни Литвинов доводил людей до нищеты. Хлеб по обмолоте складывался в особый амбар, покосы отбирались.

Так описывали дворовые свою жизнь у Литвинова. Казалось, дело должно было кончиться не в пользу помещика, но вышло совершенно обратное. Беглых перевели в острог, а в перспективе была Сибирь и каторга. Продержав пойманных некоторое время под арестом, сняли второй допрос. На этом допросе арестованные, участь которых была еще в руках хозяина, всячески старались смягчить первое показание; но работу в кандалах, при всем старании, нельзя было скрыть, равно нельзя было отрицать и общеизвестного обычая Литвинова бить по щекам, «когда рассердится, вспылит», а это случалось очень часто.

Потом допрошенных привели к барину. Было два исхода: или Сибирь, или помилование помещика. Крестьяне, ползая на коленях у ног Литвинова, просили прощения, и в результате ему дано было право наказать, при содействии земской полиции, виновных в побеге, «чтоб другим не повадно было». Так гласит конец дела. По отношению к Литвинову начальство ограничилось тем, что имело якобы негласный над ним надзор.

(«Русская Старина», 1910 г., т. 144, стр. 645 — 647.)

---

96. Отпускная на волю 1815 года.

(Печатается с соблюдением правописания подлинника.)

Я, нижеподписавшаяся, вдовствующая Генерал-Фельдмаршальша, Двора Их Императорских Величеств штатс-дама и кавалер, княгиня Анна, княж Михайлова, дочь Прозоровская, от пустила крепостного своего дворового человека Михаила Ильина сына Милославского вечно на волю, состоящего за мною по нынешней шестой ревизии владимирской губернии покровского уезда в селе Ивановском, до которого как мне, так и наследникам моим дела нет и нипочему впредь не вступатся, чего ради сия отпускная и дана ему; Милославскому за подписанием моим исприложением герба фамилии моей печати в С.-Петербурге, ноября девятаго дня тысяща восемьсот пятнадцатого года Кнегиня Анна Прозоровская.

Что сия отпускная точно подписана рукою Ея Сиятельства княгине Анне Михайловне Прозоровской в том свидетельствую и подписуюсь Тайный Советник, сенатор, действительный камер гер и ковалер Алексей Захаров сын Хитров. В том же свидетельствую, подписуюсь Двора Его Императорского Величества егермейстер и ковалер Василий Александров сын Пашков. В том же свидетельствую коллежский советник Николай Михайлович сын Лонгинов.

(«Русская Старина», 1916 г., июнь, стр. 463.)

---

97. Как я получил волю.

(По Никитенко.)

I.

Насталъ вѣчно памятный для меня день — 27 января 1824 года. Это былъ день перваго общаго собранія нашего сотоварищества (библейскаго). Его хотѣли обставить какъ можно торжественнѣе. Изъ уѣзда съѣхалось много помѣщиковъ. Въ залу засѣданія собрались почетные горожане и всѣ главныя чиновныя лица. Я выступилъ передъ собраніемъ съ отчетомъ, который составилъ къ этому дню, о дѣйствіяхъ и матеріальныхъ средствахъ товарищества, а въ заключеніе прочелъ рѣчь собственнаго издѣлія. Я говорилъ о высокомъ значеніи религіозныхъ истинъ, открытыхъ намъ Евангеліемъ, о благотворномъ вліяніи ихъ на частную и общественную нравственность и коснулся пользы, какую могутъ принести въ этомъ смыслѣ соединенныя усилія просвѣщенныхъ гражданъ посредствомъ распространенія книгъ св. писанія.

Мнѣ теперь кажется, что все достоинство моей рѣчи заключалось въ искреннемъ увлеченіи и юношескомъ пылѣ, съ какимъ я ее произнесъ. Это подкупило слушателей, большинство которыхъ къ тому же было ко мнѣ дружески расположено. Послѣдовалъ взрывъ энтузіазма, и мнѣ была сдѣлана настоящая овація. Собраніе

единодушно постановило представить мою рѣчь главному президенту библейскихъ обществъ въ Россіи, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и ходатайствовать о позволеніи напечатать ее.

Не знаю, питали ли мои друзья, приходя къ этому соглашенію, какія-нибудь надежды на мой счетъ. Но на меня оно произвело дѣйствіе живительнаго луча. Въ сердце закралось предчувствіе близкаго необычайнаго рѣшенія моей участи. «Теперь или никогда, — думалъ я: — если этотъ случай пройдетъ безслѣдно — тогда всему конецъ». Я отъ волненія лишился сна, аппетита, бродилъ какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя.

Такъ длилось около мѣсяца. Затѣмъ пришло письмо отъ князя Голицына на имя Астафьева. Князь писалъ, что «съ большимъ удовольствіемъ прочелъ доставленную ему рѣчь, которая свидѣтельствуетъ не только объ учености и талантѣ автора, но и о благородномъ образѣ его мыслей». При этомъ князь просилъ доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: «кто авторъ рѣчи, какого онъ званія, возраста и имѣетъ ли семейство?» Товарищество поспѣшило дать на все удовлетворительные отвѣты...

Получивъ требуемыя свѣдѣнія, онъ уже самъ отъ себя обратился къ графу (помѣщику, коему принадлежалъ авторъ). Онъ въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о моихъ способностяхъ и настаивалъ на необходимости дать имъ должное развитіе, чтобы онѣ могли быть употреблены на пользу общую. Одновременно князь писалъ вторично и Астафьеву; онъ извѣщалъ его о томъ, что вошелъ въ личныя по моему дѣлу сношенія съ графомъ.

Переговоры, сношенія, заявленія длились до апрѣля, а въ концѣ этого мѣсяца — меня вызвали въ Петербургъ!..

II.

Никогда еще, кажется, безусловная зависимость отъ чужой воли не представлялась мнѣ такъ назойливо-осязательно, какъ въ томъ относительно мелочномъ обстоятельствѣ, что я не могъ явиться къ вызывавшему меня князю Голицыну безъ предварительнаго разрѣшенія графа. Мамонтовъ взялся выхлопотать мнѣ его.

Но пока я, какъ жукъ или муравей, тянулся къ свѣту по кучамъ мусора, въ высшихъ общественныхъ сферахъ произошло передвиженіе, грозившее гибелью и тѣмъ немногимъ шансамъ на успѣхъ, какіе у меня были. Въ городе разнесся слухъ объ интригахъ, вслѣдствіе которыхъ князь Голицынъ будто бы лишился милостей государя. Говорили, что онъ уже больше не министръ, что его разжаловали въ главноуправляющіе почтовымъ вѣдомствомъ. Его значеніе, такимъ образомъ, сильно падало въ глазахъ толпы: мнѣ скоро пришлось въ томъ убѣдиться.

Я долго старался не вѣрить зловѣщимъ слухамъ. Въ канцеляріи увѣряли, что и надпись на домѣ князя, по Фонтанкѣ: «Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ», уже замѣнена другою: «Главноуправляющій почтовымъ департаментомъ». Я захотѣлъ удостовѣриться собственными глазами — и удостовѣрился. Едва вышелъ я на набережную рѣки, золотыя буквы еще свѣжей, очевидно, только что выведенной надписи острыми иглами вонзились мнѣ въ глаза. Боже мой! Только голодный, если бы у него вдругъ вырвали изъ рукъ кусокъ хлѣба, который онъ уже подносилъ ко рту, могъ бы понять то чувство отчаянія и безсильной ярости, внезапно охватившее меня. Чего еще ждать? Легкая зыбь на Фонтанкѣ такъ заманчиво рябила въ глазахъ... Я съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвелъ отъ нея глаза и съ понурой головой вернулся въ свой уголъ. Настала страшная безсонная ночь. Я метался, какъ въ горячкѣ, и лишь утромъ настолько овладѣлъ собою, что пришелъ къ заключенію: не прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, пока не услышу изъ устъ самого князя Голицына, можетъ ли онъ и хочетъ ли еще заняться мною.

Долго Мамонтовъ безуспѣшно добивался у графа для меня позволенія явиться къ князю Голицыну и, наконецъ, добился, только сославшись на порученіе, которое я имѣлъ отъ острогожскаго библейскаго сотоварищества.

— Пусть идетъ! — процѣдилъ сквозь зубы графъ. Потомъ, помолчавъ, съ усмѣшкою прибавилъ: — князю теперь не до него!

Я поѣхалъ въ Царское Село на зарѣ, 8-го іюня. Несмотря на дошедшіе до меня послѣдніе успокоительные слухи о собственныхъ дѣлахъ князя, я находился въ крайнемъ смущеніи. Видъ грандіозной императорской резиденціи, среди лабиринта липовыхъ и дубовыхъ аллей, въ конецъ уничтожилъ меня, провинціала. Я показался себѣ изъ рукъ вонъ слабымъ и оди-

покимъ. Блѣдный, худой, одѣтый острогожскимъ портнымъ, я былъ похожъ на захудалаго семинариста, а никакъ не на отважнаго борца за собственную честь и независимость.

Князь помѣщался въ одномъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Дорогу къ нему мнѣ показалъ первый попавшійся сторожъ. Робко вошелъ я въ пріемную его сіятельства. Тамъ засѣдалъ сѣденькій старичокъ-камердинеръ. Онъ такъ ласково принялъ меня, такъ охотно пошелъ доложить обо мнѣ, что я мгновенно почувствовалъ облегченіе. Двѣ минуты спустя я былъ въ кабинетѣ князя. Истый провинціалъ, я не иначе представлялъ себѣ вельможу, министра, какъ въ блескѣ и величіи его сана, со всѣми атрибутами подавляющаго превосходства. И вдругъ — передо мной другой старичокъ въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, съ болѣе утонченнымъ лицомъ и манерами, но и менѣе почтеннымъ и добродушнымъ видомъ, чѣмъ первый. Онъ окинулъ меня пытливымъ взглядомъ, потомъ съ ласковой улыбкой движеніемъ руки пригласилъ в глубь комнаты.

— Очень радъ съ вами познакомиться, — мягко заговорилъ онъ, — но не погрѣшили ли васъ такимъ внезапнымъ вызовомъ? Я думалъ, что человѣку съ вашими способностями не мѣсто въ глуши, и мнѣ захотѣлось открыть вамъ путь къ болѣе широкой дѣятельности. Только, какъ же это? Вы такъ молоды, вамъ надо еще учиться.

— Я самъ только объ этомъ и мечтаю, ваше сіятельство, — въ волненіи отвѣчалъ я, — получить настоящее серьезное образованіе... Вѣдь я прошелъ только одно уѣздное училище.

— Но, скажите, — снова началъ онъ, — какъ могли вы, такой еще молодой и безъ всякихъ средствъ, пріобрѣсти уже столько познаній и выработать себѣ литературный языкъ?

— Я читалъ все, что мнѣ попадало подъ руку, дѣлалъ выписки...

Ободренный участіемъ князя, я, какъ говорится, излилъ передъ нимъ душу. Я забылъ вельможу, сановника, видѣлъ только умнаго, добраго, опытнаго человѣка, который меня слушалъ съ явной симпатіей и готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи.

— Во всемъ этомъ, — сказалъ онъ, когда я кончилъ мою исповѣдь,—видна воля божія. Вы должны послѣдовать ея указаніямъ. Нашъ вѣкъ полонъ тревогъ и волненій, и мы всѣ должны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать благимъ результатамъ. Для этого необходимы люди даровитые и просвѣщенные. Вы должны присоединиться къ нимъ, но не прежде, какъ созрѣвъ въ мысляхъ и въ знаніи. Вамъ непремѣнно надо пройти университетскій курсъ.

— Но какъ этого достигнуть, въ моемъ положеніи, безъ подготовки?

— Ну, мы обо всемъ позаботимся. Я напишу графу, чтобы онъ не только васъ уволилъ, но и далъ вамъ средства окончить образованіе...

III.

[Потомъ] тучи на моемъ горизонтѣ опять сгустились. Не знаю, чѣмъ внушилъ я такую антипатію одному изъ графскихъ клевретовъ. Всего вѣрнѣе, онъ хотѣлъ прислужиться къ графу и предложилъ ему легкій способъ отъ меня отдѣлаться, а именно безъ дальнѣйшихъ церемоній спровадить меня въ Алексѣевку, съ запретомъ куда бы то ни было впредь отлучаться, или же, въ крайнемъ случаѣ, отправить школьнымъ учителемъ въ одну изъ подмосковныхъ вотчинъ. Уже и день моего отъѣзда былъ назначенъ, но отъ меня все это тщательно скрывалось, с цѣлью застать врасплохъ. Къ счастью, одинъ изъ многихъ канцелярскихъ друзей еще во-время меня предупредилъ. Я въ отчаяніи опять бросился къ князю Голицыну: въ немъ одномъ видѣлъ я спасеніе. Онъ около этого времени переѣхалъ изъ Царскаго Села на Каменный островъ, и мнѣ не трудно было до него добраться. Но на самомъ порогѣ его дома — новое неожиданное препятствіе.

— Его сіятельство собираются къ государю и сегодня никого не принимаютъ, — отвѣчалъ камердинеръ на мое заявленіе, что я желаю видѣть князя Александра Николаевича.

Но, вѣрно, его поразилъ мой растерянный видъ, потому что онъ вслѣдъ затѣмъ нерѣшительно прибавилъ: — Что вы... Развѣ ужъ такъ нужно? Нельзя отложить?

— Отложить, чтобы все пропало! — запальчиво воскликнулъ я, — это значитъ меня убить!

Добрый старикъ покачалъ головой, помялся на мѣстѣ, но въ заключеніе махнулъ рукой и пошелъ доложить. Я не успѣлъ опомниться, какъ меня позвали въ кабинетъ.

— Ваше сіятельство! — дрожа отъ волненія, торопливо заговорилъ я, — мнѣ грозитъ

страшная бѣда... И я разсказалъ ему о моемъ случайномъ открытіи.

Лицо князя омрачилось. Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Успокойтесь! Даю вамъ слово, что сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы рѣшеніе это было отмѣнено. Отправить васъ назадъ ни съ чѣмъ несообразно, потому что вы заслуживаете лучшаго, а, во-вторыхъ, потому, что, вытребовавъ васъ сюда, мы лишили васъ и того, что имѣли. Я сейчасъ же напишу графу и надѣюсь, — прибавилъ онъ съ значительною улыбкою, — что на этотъ разъ онъ не оставитъ меня безъ отвѣта.

Два дня спустя я узналъ, что планъ сбыть меня съ рукъ въ Алексѣевку или куда бы то ни было, оставленъ. Но ему на смѣну явился другой и на этотъ разъ такой почетный въ глазахъ графскихъ служителей, что взволновалъ всю канцелярію. Дѣло шло о томъ, чтобы приблизить меня къ графу, однимъ словомъ, хотѣли пожаловать меня въ его секретари. Эта блестящая мысль вошла въ голову дяди молодого графа, генерала, и онъ упорно на ней настаивалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ князя Голицына и его горячее заступничество возвысили мою цѣну въ глазахъ спесивыхъ баръ и усилили въ нихъ желаніе не выпускать меня изъ рукъ. Генералъ имѣлъ большое вліяніе на племянника и распоряжался его дѣлами, какъ своими.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ, разсчитывая своимъ властнымъ словомъ сразу положить конецъ моимъ «дерзкимъ притязаніямъ». Принятъ я былъ съ барской снисходительностью. Генералъ старался убѣдить меня, что я уже достаточно ученъ, что учиться мнѣ больше не слѣдуетъ, что я гораздо больше выиграю, не выходя изъ своего положенія.

— Все хорошо въ мѣру, — говорилъ онъ,— излишекъ въ просвѣщеніи также же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ. Я готовъ устроить ваше счастье,—въ заключеніе прибавилъ онъ,— и потому совѣтую вамъ ограничить ваши желанія. Графъ хочетъ оставить васъ при себѣ секретаремъ. Ему нужны способные люди. Онъ со временемъ займетъ важныя должности, и вы можете составить себѣ при немъ наилучшую фортуну. Что же касается свободы — я рѣшительно противъ нея. Люди, подобные вамъ, рѣдки, и надо ими дорожить.

Узелъ, слѣдовательно, еще больше затягивался. Теперь уже со мною не хотѣли разставаться, мною дорожили, я былъ нуженъ. То же подтвердилъ мнѣ и князь А. Н. Голицынъ, ѣздившій лично объясняться на мой счетъ съ молодымъ графомъ. Генералъ просилъ его, чтобы я «хоть малое время побылъ секретаремъ при молодомъ графѣ»...

IV.

Было у меня еще третье письмо, съ какимъ-то порученіемъ отъ Астафьева къ его родственнику по женѣ, К. Ѳ. Рылѣеву...

Кондратій Ѳедоровичъ посовѣтовалъ мнѣ изложить на бумагѣ главныя черты изъ моего прошлаго и принести ему, вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ сочиненій. Вооруженный этими документами, онъ сталъ вербовать новыхъ союзниковъ. Большую сенсацію, между прочимъ, произвела моя біографія въ кружкѣ кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей молодого графа. Рылѣевъ былъ очень друженъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они составили настоящій заговоръ въ мою пользу и положили сдѣлать коллективное представленіе обо мнѣ графу. Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовали два офицера, А. М. Муравьевъ и князь Е. П. Оболенскій. Неожиданный натискъ смутилъ графа. Онъ не захотѣлъ уронить себя въ глазахъ товарищей и далъ слово исполнить ихъ требованіе.

Чего лучше, казалось бы. И мнѣ такъ думалось. Я ожилъ, считая мое дѣло выиграннымъ. Но дни шли, не принося перемѣны. Въ канцеляріи, напротивъ, даже разнесся слухъ, что графъ, уступая требованіямъ дяди-генерала, готовитъ мнѣ рѣшительный отказъ. Новые страхи, новое уныніе!

Но заступники мои не дремали. Они собирали новыя силы. Слухи о моихъ превратностяхъ проникли въ великосвѣтскіе салоны. Мною заинтересовались дамы высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Чернышева, даже взялась лично атаковать за меня графа. Узнавъ о колебаніяхъ его, она прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ.

У ней въ домѣ было большое собраніе. Въ числѣ гостей находился и молодой графъ. Графиня Чернышева подошла къ нему, съ привѣтливой улыбкой подала руку и во всеуслышаніе сказала:

— Мнѣ извѣстно, графъ, что вы недавно сдѣлали доброе дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія добрыя дѣла ваши. У васъ оказался человѣкъ съ выдающимися дарованіями, который много обѣщаетъ впереди, и вы дали ему свободу. Считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ благодарить васъ за это: подарить полезнаго члена обществу — значитъ многихъ осчастливить.

Графъ растерялся, расшаркался и пробормоталъ въ отвѣтъ, что радъ всякому случаю доставить ея сіятельству удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе графа было затруднительное. Не умѣя самъ чего-нибудь сильно хотѣть или не хотѣть, привыкшій слѣдовать чужимъ внушеніямъ, онъ внезапно очутился между двухъ огней. Съ одной стороны его обычный руководитель, генералъ, съ другой — товарищи, великосвѣтскія дамы, общественное мнѣніе... Кому отдать предпочтеніе? Кавалергарды не пропускали ни одной встрѣчи съ графомъ безъ того, чтобы не говорить ему обо мнѣ. Бѣдный молодой человѣкъ не могъ ступить шагу безъ того, чтобы не услышать моего имени. Я, въ мою очередь, превратился въ его тирана. На выходѣ, во дворцѣ, завидѣвъ (А. М.) Муравьева и еще кого-то изъ товарищей, чтобы не слышать лишняго раза до смерти надоѣвшаго ему припѣва обо мнѣ, онъ поспѣшилъ самъ предупредить ихъ:

— Знаю, господа, знаю, — сказалъ онъ, — знаю, что у васъ на умѣ: все тотъ же Никитенко!

— Ты не ошибся, графъ, — отвѣчалъ Муравьевъ, — чѣмъ скорѣе ты съ нимъ раздѣлаешься, тѣмъ лучше.

Двадцать второго сентября товарищи графа всей гурьбой собирались къ нему справлять его именины. Они не преминули воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобы напомнить ему обо мнѣ. Графъ опять далъ и на этотъ разъ уже «категорическое и торжественное обѣщаніе отказаться отъ своихъ правъ» на меня.

Тѣмъ не менѣе, въ канцеляріи не дѣлалось никакихъ распоряженій, которыя предвѣщали бы близкій конецъ моимъ терзаніямъ. Тамъ ничего не знали о давленіи на графа моихъ покровителей и продолжали считать мою участь рѣшенною отрицательно. Я, изъ опасенія дубовскихъ наушничествъ, держалъ все въ строгой тайнѣ даже отъ Мамонтова.

V.

Прошелъ весь сентябрь и первая недѣля октября. «Категорическое и торжественное» обѣщаніе графа ничѣмъ не отличалось отъ прежняго, простого, не обставленнаго такими громкими словами... Нѣтъ, никакая перемежающаяся лихорадка не можетъ такъ истомить человѣка, какъ истомили меня эти поперемѣнные упадки и подъемы духа. Я не предполагалъ, чтобы графъ могъ совсѣмъ отказаться отъ своего слова, но недостойная игра его обѣщала затянуться надолго, а тамъ... кто могъ отвѣчать за будущее?

Я рѣшился во всемъ открыться расположенному ко мнѣ Мамонтову. Ему легче, нежели кому-либо, было вырвать у графа, вслѣдъ за обѣщаніемъ, и необходимый документъ съ его подписью. Слушая мой разсказъ о томъ, какъ графъ былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, какъ о погибшемъ, а теперь вдругъ увидѣлъ меня накапунѣ побѣды, и я къ нему обращался за окончательнымъ ударомъ. Очень добрый, онъ былъ также самолюбивъ. Ему польстило мое обращеніе къ нему въ послѣднюю минуту, и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе.

Насталъ великій для меня день 11-го октября 1824 г. Мамонтовъ, по обыкновенію, явился утромъ къ графу съ докладомъ и ловко навелъ рѣчь на меня. Едва произнесъ онъ мое имя, графъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ?— съ раздраженіемъ заговорилъ онъ, — я на каждомъ шагу встрѣчаю ему заступниковъ. Князь Голицынъ, графиня Чернышева, мои товарищи-офицеры, всѣ требуютъ, чтобы я далъ ему свободу. Я вынужденъ былъ согласиться, хотя и знаю, что это не понравится (дядѣ).

Мамонтовъ сталъ тонко, осторожно доказывать, что голосъ общественнаго мнѣнія сильнѣе единичнаго, хотя бы и принадлежащаго лицу близкому, и потому необходимо поскорѣе удовлетворить первое. Главное было склонить графа, чтобы онъ тутъ же, на мѣстѣ, ни съ кѣмъ больше не видясь и не совѣтуясь, приказалъ написать отпускную. Не безъ усилій, но

это удалось умному, доброму Мамонтову. Въ заключеніе графъ замѣтилъ:

— Однако, этому молодому человѣку все-таки надо хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шуму. Точно я не могъ самъ по себѣ сдѣлать того, что теперь дѣлаю изъ уваженія къ другимъ.

Мамонтовъ не заставилъ себѣ повторять приказанія на счетъ отпускной. Онъ немедленно ее выправилъ и представилъ къ подписи.

Я отказываюсь говорить о томъ, что̀ я пережилъ и перечувствовалъ въ эти первыя минуты глубокой, потрясающей радости... Хвала всемогущему и вѣчная благодарность тѣмъ, которые помогли мнѣ возродиться къ новой жизни!

(Никитенко. Дневникъ и записки, т. I, стр. 115—128.)

98. Памфлет Тарасовицкого Данилы.

(Записано в Могилев. губ. 1884.)

Послушайте, громада,
Какая нам была беда.
Тарасовицкий Данило
Помнит все, как прежде было.
Против прежних времен
Теперь много перемен:
Что было назад 40 лет,
Ничего уж теперь нет.
До 1842-го года
Была жизнь нам тяжелого рода:
До того все католики
Были сильны и велики,
Все они были панами,
Начальниками над нами
Они были и за судей,
Нас не чтили за людей,
Крепостными нас имели,
Сами смашно пили, ели,
Роскошничали, гуляли,
Нас на скотину меняли:
Генипровский Булгаку
3 души дал за собаку.
И все мы в большой нужде жили,
Панам пригон [1]) служили
По 3 дня в педелю с души.
Одни ели кулеши [2]),
А хлеб ели с одной мякины.
Мучили нас хуже скотины:
Не было березки,
С которой бы не ломали розги,
На нашу-то грешную спину
Ломали лозу и осину.
Эконома, старосты и войта [1])
Мы боялись хуже чорта.
Припомнить теперь аж дивно:
Они, бывало, беспрерывно
Бичами на нас махали,
Никогда мы не отдыхали,
Наготой, голодом морили,
Постоянно говорили:
«То есть пшеклента [2]) кровь хамска,
«Нех кажды зна воля паньска».
Вместо борща ели сытки;
Сорочки грубы, как рогожки,
А что касается сапог,
Мужик и думать о них не мог,
Ноги их вечно у лаптях гнили;
Тела грешного не мыли.
Кроме тяжкого пригона,
Служили панам еще згону,
Да еще служили гвалту, —
По очереди на варту [3])
Фальварок стеречь ходили.
И всю ночь дрова рубили
У кухню и паньски печи.
Спать нельзя было прилечи:
С пригону домой,
А тут плач и вой, —
Дети повстречают,
Плачут и голосят,
Пищи себе просят.
Им сказала мать,
Что нет чего дать,
Пока пошлет сына
Взять из магазина,
И так дети сохнут,
Животные дохнут:
Голодная кошка
Кричит, смотря в окошко,
Но не успеешь сести,
Пищи постной съести,
По закате солнца,

[1]) Барщина.
[2]) Род супа с крупой или мукой.

[1]) После управляющего главный распорядитель в помещичьем хозяйстве.
[2]) Проклятый.
[3]) Караул, стража.

Войт стучит в оконце:
«Мужчины с цепами,
«Женщины с серпами,
«Завтра на пригон:
«Гасите огонь».
Вставай до зары
Обедать вары,
Некогда прясти нитки
На сорочки и свитки,
Думай, чем одеваться
И где от беды деваться.
С голоду болевши,
Рубище надевши,
Водицы напись,
На пригон торопись,
До солнця приди
И цепом крути.
А тут войт эконому
Покажет солому,
Чуть зерно найдет,
Драть кожу кладет.
Все, что на пригон опоздали,
По одной сотне палок достали.
Серый вол захромал, —
Две сотни за то попал.
Павлюка заболели глаза,
И ему дали 123 раза.
Савки свинью волки схватили,
И за то лозой колотили.
40 лоз дали Денису,
Что продал корову лысу.
Грышка посек 5 берез, —
50 дали лоз,
И 123 лоз дали Харламу, —
На поли вырыв яму,
Хмельному бывши Михалку
Поломали на спине палку.
300 дали Емельяну,
Что не скоро снял шапку пану.
Данило поздно явился,
Обод колеса сломился, —
За то ему на том же месте
Улепили палок двести.
Беременные женщины на пригон ходили,
Пока там же и родили.
А оттуда, покрывши полой,
Тащи, больная, домой,
А из дому до недели
Таскай дитя в колыбели.
А в неделю окрести,
Да и нужно пану отнести,
Курыцу, или яйц,
Или поляниц
Корец, а не то хоть полотенца,
Да и запиши у книги младенца
Но на эту же душу
Не прибавит куляшу,
А жмет ему мать картошку,
У рот сует понемножку.
А чуть подрастет, —
У пана свиней пасет.
Без вины били, карали,
Насильно замуж отдавали:
Хоть как девица не хочет,
С ким захочет
Обвенчают. Молодые панычи
Чуть только 15 лет,
Каждая сама идет,
А если сама не явится,
Имея над нею власть,
Разов одну сотню за то даст.
Замужнию, когда захочет,
Каждую к себе волочет,
Мучит ее целую ночь,
А мужа отгоняет прочь.
Зато мужья и молодки
Носили на ногах колодки,
И в железы еще ковали,
Так-то сильно горевали.
Трудно было под панами:
Смеялись они над нами,
Терпели от боя боли
На руках были мозоли,
Не было из нас человека,
Чтоб без бою дожив до веку.
Бывало, в кровавом поте,
В сильный холод на болоте,
Меж купья, в воде по колено,
Для панов косили сено,
А бабы и девки рядами
Сгребали сено за нами.
Где лес рубили и косили,
Дети обед туды носили,
Верст за пять или за семь,
Голодные и холодные совсем.
Там волки их пожирали,
И, заблудившись, умирали.
Бывало, старого колека
И слабого человека,
Последнего работника с хаты.

Кого хотят, сдают в солдаты, —
К спасенью не было надежды.
Голодные, без одежды
Зимой дрова панам возили,
Руки и ноги морозили.
И как ничтожные рабы,
Сбирая ягоды и грибы,
Летом ими себя питали.
Об одежде хлопотали,
А для пищи во всю зиму
Давали гарцы с магазину,
В который сами же и мы сыпали,
А паны оным нас питали;
И только почти за это
Трудились мы зиму и лето.
Тогда мы были дурны,
Хаты были курны,
И в горьком дыму
Корчились в дому,
Панов боялись хуже чорта:
От них, бывало, без паспорта,
Куды видно, удерешь,
За труд платы не берешь,
Но как без письменного вида,
Просишь шляхтица или жида:
«Прими работать, паночек,
«Хотя за хлеба кусочек».
Но скоро паны найдут,
Сотни 3 за то дадут.
Не снимали закона и веры,
А жили хуже, хуже чем зверы,
Пока Александр 2-й государь,
Сделав нам великий дар:
Все мучение удалив,
Землею нас наделив.
А вы все, молодые ребята,
Позабыли трудное время и своего брата.
Конец и богу слава.

(К воле. Сборник Бродского.).

99. Дворовые люди.

(Записано в Смоленской губ. 1885.)

Уж мы сядем, посядем,
Посидим же мы, ребята,
До самого вечера,
Споем песню мы, ребята,
Да про наше про житье,
Да про горюшко свое:
Что в неволе все живем,
Крепостными век слывем.
Как и наши господа
Все немилостивые,
Нерассудливые:
На работу посылают,
Куском хлеба попрекают,
А крестьяне завидуют,
Что дворовому житью:
Он и пашеньки не пашет,
Сохи в руки не берет,
В оброк денег не кладет...
Ах, вы, глупые крестьяне,
Поживите-ка с нами.
Уж и нет хуже на свете,
Как дворового житья:
Куда крикнут — беги скоро,
Чтобы было дело споро.
Обернулся назад,
А мне палкою грозят.
У нас завтра, братцы, праздник,
Надо нам погулять:
Погуляли молодцы,
Что до утра, до зари.
Пришли домой по-утру,
Припас барин по кнуту.
Уж мы стали оправдаться,
А велят нам раздеваться;
Рубашечки скинем с плеч, —
Велит барин больно сечь.
«Ах ты, барская душа.
Али нет тебе суда»?!
Хоть и биты были больно,
Да погуляно довольно.
Хоть и спинушка больна.
Сударушка нажита.

(К воле. Сборник Бродского.).

100. Песни о крепостном праве.

1) (Записано в Псковской губ. 1862.)

Разорил нашу сторонку
Злодей, барин, господин,
Как повыбрал он, злодей,
Молодых наших ребят,
Молодых наших ребят
Во солдатушки,
А нас, красных девушек,
Во служаночки,
Молодых молодушек
Во кормилочки,

А матушек с батюшками
    На работушку.
Собрались наши ребятушки
    Что на круту горушку,
Отказали наши ребятушки
    Своему боярину-господинушке:
«Ты, злодей, наш господин,
    Мы тебе не солдатушки.
Красны девушки тебе
    Не служаночки,
Молодые молодушки
    Не кормилочки,
И батюшки с матушками
    Не работнички»

---

2) (Записано в Орловск. губ.)

Сирота ли, сирота,
Ты сиротушка.
Сиротец, удалец,
Горе вдовкин сын.
Да ты спой, сирота,
С горя, песенку.
— «Хорошо песни петь,
Да пообедавши;
Я и я ли молодец,
Лег не ужинал,
По-утру рано встал,
Да не завтракал;
Да плохой был обед,
Коли хлеба нет.
Нет ни хлеба, нет ни соли,
Нет ни кислых щей.
Я пойду ли, молодец,
С горя в темный лес,
Я срублю ли, молодец,
Я иголочку,
Я иголочку, я дубовую,
Да и ниточку
Я вязовую.
Хорошо иглой шить,
Под дорогой жить:
Уж и раз-то я стебнул,
Да я сто рублей,
А другой-то раз стебнул
Да я тысячу.
А как третий раз стебнул —
Казны сметы нет».
Сирота ты, сирота,
Ты сиротушка,
Где твоя казна?
— «Во сыром бору,
Под сосною;
Под сосною,
Под зеленою».

---

3) (В Тверской губ.)

Как во городе, во Устюжине,
Во деревне, во Денисовой,
У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция царя белого,
Царя белого, православного...
Подходили храбры воины,
Храбры воины гарнизонные.
Квартирушки порасписаны,
Солдатушки порасставлены,
Не на долгое время, — на два месяца.
И прошло красное лето,
Не явились ни одной душеньки.
Скрывались добры молодцы
По темным лесам;
Кинули свои хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен — на позор людской.
Вы терпите, малые детки,
Вы крепитесь, молодые жены,
Вы потерпите, после вам слюбится.
Собирайтесь в одно место,
Во остров, во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную;
Выберем мы себе ходока,
По имени Трифона Петровича.
«Ты ступай, наш родной брат,
«Не жалей тоски заботушки,
«Ты ступай во Петровский град,
«Во Петровский град, на Неву реку.
«На Неве реке там стоит дворец
«Царя белого, православного;
«Ты подай, подай просьбушку
«Царю белому, православному».

---

4) (В Саратовской губ.)

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито,

Нагишем за плугом спотыкалися,
До-пьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах вить посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
А теперь за бар мы богу молимся:
Божья церква — небо ясное,
Образа вить — звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес — то наши вотчины.
Тракт проезжий — наша пашенька,
Пашню пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим — слегою,
По дворянским по головушкам,
Да по спинушкам купеческим:
Свистнет слегушка — кафтан сошьет,
А вдругорядь — сапоги возьмет,
Свистнет в третий — шапка с поясом
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные;
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-Матушки,
До широкого раздольица —
Там смерти нет, ребятушки...

(К воле. Сборн. Бродского.)

101. Песни о крепостном праве.

1.

Как холопем на господ не сердиться?
Я думаю, скоро с досады станут беситься,
Чистую рожь купцам всю продают,
А нам уж, как свиньям, невейку дают.
Несытые господа и в пост мясо едят,
А холопем и в мясоед пустые щи варят. —
О, горе, братцы, наше:
Всегда нам, бессчастным, аржаная каша.
Господа пьют, веселятся,
А холопем не велят и рассмеяться.
Лягут спать на канопе, ни кричать,
Велят тихо ходить и ничем не стучать.
Если же кто небреженнем застучит,
Тот несносные побои получит.
Не выходит из голов господский страх,
Будто некакой сидит за плечами враг.
Сколько нам, братцы, ни рваться,
Знать, до смерти нам их бояться!
А когда холопей в яму покладут,
Тогда и вольный абшид в руки дадут.
Нет холопем никакой надежды,
Не выслужить нам себе хорошей одежды...
Только их и веселит с табаком рог,
Да в чистом поле зеленый горох.
Хотя бы выпил с горя чарку винца,
Да взять негде и кислого пивца.

2.

Погуляли молодцы,
Что до утра, до зари.
Пришли домой по-утру,
Припас барин по кнуту.
Уж мы стали оправдаться,
А велят нам раздеваться,
Рубашечки скинем с плеч,
Велит барин больно сечь.
«Ах, ты, барская душа!
«Али нет тебе суда?»

(Записано в Пензенской губ.)

3.

Сим письмом, пущенным в люзанском [1]) лесу,
Я моему барину повинную несу,
И всенижайше тебя уведомляю,
Что я доселе твоих милостев не забываю
И в скорости сам у тебя в гостях побываю.
Извини, что чернила у меня в лесу нету,
Чтобы оным написать тебе грамотку эту,
Только я из превеликой к тебе любови
Не пожалел своей горяченькой крови,
Кою ты из меня не всю высосал
И жилы из меня не все вытянул,
Что я тебе и на деле докажу,
Когда тебя на острый нож посажу,
А дом твой по ветру пущу,
Как ты меня без ничего оставил,
Когда под красную шапку поставил.
Остаюсь твой повар Никита.
В солдаты забритый,
И хоть лыком шитый,
Да вышел из меня купец именитый.

[1]) «Люзанский лес» — по объяснению Мордовцева, это лес около татарского селения Елюзани, где скрывался атаман.

Месяца и числа, живши в лесу волками, не знаю,
Год же сей последним в твоей жизни называю.

(Вел. Реформа, т. IV, стр. 14 — 20.)

— —

102. Две сказки о грешнике.

(Белорусская и украинская.).

Жил на свете очень большой грешник. Такой грешник, что не было того греха, какого б он не согрешил. Такой был злодей, какого и свет не видал: он и крал, и разбой чинил, губил людей без покаянья. Бога даже забыл, чорту душу продал; чаровал во время воровства, оборачивался волкодавом, пускал моровые поветрия — и не было счету его грехам. Пришлось ему помирать. Тут такой страх его обнял, что не могла его душа покинуть тело. Нет ему смерти, да и только. Вспомнил он тогда бога. Захотел исповедаться, душу очистить. Сколько ни приводили к нему попов, ксендзов, — как расскажет им свои грехи, — не дают отпущения. Такой он был грешник. А смерть все не приходит, а душа его мучится, с телом не может разлучиться. Роздал он свое богатство убогим и пошел по свету искать такого угодника, который замолил бы его грехи, разлучил душу с телом. Идет, расспрашивает . . . . Посоветовали ему люди доведаться к одному пустыннику, что целую жизнь жил в пустыне, постился, ел только хлеб с водой, молился — душу спасал и угоден был богу. И пошел он к нему. Приходит, — так и так, говорит, — я дюже великий грешник, спаси, говорит, меня, — исповедуй. Ты — угодный богу, — можешь отпустить мои грехи. Стал исповедываться. Выслушал его тот пустынник и сказал: «Ты такой грешник, что тебя смерть не возьмет, земля не примет, покуда ты свои грехи на этом свете не отстрадаешь, покуда ты не сделаешь столько добра, чтобы оно перевесило твои грехи. А до тех пор ты будешь мучиться на этом свете». — И пошел тот грешник заслуживать спасенья. Ходил он по обетам, ходил на коленях, морил голодом свое тело, нанимался к сердитым господам на работу, чтоб его били, ложился за других под розги, служил хворым и убогим, — смерть не приходит. Хотел на себя руки наложить: топился, вешался, резался — все нет ему смерти, только даром муки принимал.

И так прошло много лет. Раз идет он полем. Идет и проклинает свою долю. Взяла его злость, что нет ему смерти. «Доколе я буду мучиться?» — думает он. А был первый день пасхи. Идет он и видит много, много народу на поле — пашут, боронят. «Что ж бы это значило, — думает он, — первый день пасхи, такой святой день, что и птички празднуют — гнезд не вьют, а тут народ крещеный зорет». Подходит ближе — видит: войт похаживает между работниками; кричит и нагайкой их подгоняет. Те плачут, жалуются: «Что это, говорят. ты насмехаешься над нами? Неужто у тебя в сердце нет бога? Бьешь нас, мучишь в будни, да и в святой день не даешь отдыху . . . На вот, и сегодня, в великий день, выгнал на пригон!». А войт ревет, словно помешанный, лупит нагайкой. Глядел, глядел тот грешник: «Во, — думает, — окаянный, не хуже меня! Подумать, как народ-то он мучит!» Подошел он к войту и говорит: «Что ты это делаешь? За что ты людей мучишь?». А войт, ни слова не сказав, как хлыстнет его по лбу нагайкой. — аж искры из глаз посыпалися. Озверел наш грешник, схватил камень, да как пустит им в войта . . . И разбил ему череп. Войт и не вскрикнул — умер. А грешник на том месте сейчас же рассыпался; кончились его страдания, и пошла его душа на тот свет. —

Тот же мотив, только осложненный другими подробностями, встречается в небольшом м а л о р у с с к о м рассказе. Был разбойник, убивал все людей, годов, может, двенадцать. Пришел однажды к батюшке, поздоровался. «Хочу,—говорит,—открыть вам грехи: так и так—я 12 годов убивал людей, разбивал, а теперь пришел, чтоб вы спасли мою душу от грехов». Вот батюшка взял и наложил на него 12 камней. «Носи,—говорит,—эти камни, пока не отпадут, а как отпадут, тогда и грехи от тебя отпадут». Носил, носил тот камни, должно быть, лет 5; даже в тело врезались от тряски, так как были навешены поперек и сквозь. «Умру, должно быть, с этими камнями». Ходит день, ночь, все ходит; говорит: «Либо умру, либо отстрадаю грех; пойду в ночи, куда глядят очи; может, еще ночью отпадут». Идет и слышит—гам, крик раздается где-то. «Пойду туда,—думает,—подивлюсь; все равно умирать, один раз мать родила, однажды и умирать». Приходит на кладбище, а там спака пьяный напился, нагонявшись людей в селе на панщину, пришел еще и

мертвых колошматить. «Вставайте, — кричит, — таки-сяки души, будет лежать-то, идите на работу!» Да палкой стук, стук. «Да ты чего это? Гонял, гонял живых-то, еще и мертвых пришел?» Стали драться; то этот ударит того, то тот этого. Разбойник как ударит спаку камнем, так и убил его. А камни вдруг и отпадали от него. «Что же мне теперь делать?» — думает разбойник, а камни все отпадают. «Пойду к батюшке; что он мне скажет?» Приходит; так и так, говорит: «что мне теперь делать?» — «Ну, — говорит батюшка, — отпали от тебя твои грехи, перешли на другого, более грешного, чем ты . . . ».

(Вел. Реформа, т. IV, стр. 21—23.)

103. Некрасов. Крестьянский грех.

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век адмирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!

Адмирал-вдовец на столе лежит . . .
Дальний родственник хоронить катит . . .
Схоронил — забыл! . . Кличет старосту,
И заводит с ним речь окольную;
Все повыведал, насулил ему,
Горы золота, выдал вольную . . .
Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней,
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем, — что народу-то,
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Все прощает Бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе — вечно маяться!

(Некрасов. Стих., изд. 1920 г., стр. 335).

104. П. Аргунов. Сечение крестьянами помещиков.

(По архивным материалам.)

Действие происходило в имении, состоявшем всего из тридцати душ. Василий Сназин[1]), человек пожилой, отставной военный, сам ведет свое маленькое хозяйство. 25 августа 1838 года крестьяне работали у него на мельничной плотине: копали и возили землю. Крестьянин Алфимов не явился на эту работу, сославшись на нездоровье. Сназин велел привести Алфимова и тут же приступил к расправе: сначала прибил крестьянина кулаками, потом, свалив на землю, сел ему на голову и приказал сечь Алфимова розгами. После этого он отправил крестьянина на работу к плотине. Придя вскоре туда, Сназин застал высеченного крестьянина лежащим на земле; рассвирепев, Сназин схватил Алфимова за волосы и стал его таскать. Это произвело впечатление на других, работавших здесь, крепостных (между ними были и дворовые). Они начали просить пожалеть Алфимова, уверяя, что он лежал на земле по слабости здоровья. Но помещик их не слушал. Тогда, по выражению официального донесения, крестьяне «пришли в злобное исступление», и четверо из них бросились на Сназина с целью отнять у него Алфимова; завязалась борьба, кончившаяся победой крестьян; но уже не удовольствовавшись этим, крестьяне, «придя в совершенное бешенство», повалили помещика на землю, заворотили бывший на нем нанковый сюртук и лежавшими неподалеку прутьями нанесли Сназину каждый ударов по пяти, при чем «укоряли помещика в дурном их содержании, в жестоком с ними обращении и в насильственном (несколько лет назад) растлении четырех девочек». На крик старосты стали являться люди, и крестьяне оставили Сназина.

При расследовании описанного происшествия девки подтвердили слова крестьян о растлении, но помещик в этом насилии не сознался. По окончании же следствия, едва производившие его чиновники покинули имение, Сназин «весьма жестоко» высек трех девок из числа сделавших на него показания.

---

[1]) Архив министерства вн. дел, департамент полиции исполнительной, 1838 г., № 32/151. «О высечении вышневолоцкого Тверской губернии помещика Сназина его крепостными».

По первоначальному донесению тверского губернатора Бологовского, собранные показания о поведении Спазина «весьма разноречивы». Окрестные крестьяне дали ответ неопределенный: «жалоб от крестьян на Спазина не слышали». Уездный предводитель дворянства назвал поведение Спазина «добропорядочным», но бывший дворянский заседатель земского суда Постников отозвался иначе. По его словам, Спазин замечен в жестоком обращении с крестьянами и дурном их содержании. Не довольствуясь побоями, наносимыми крестьянам собственноручно, Спазин требовал от власти жестокого их наказания, при чем «по нетерпеливому и жестокому своему характеру бросался сам в то же время бить крестьян кулаками». Виновные в расправе, учиненной над Спазиным, были преданы суду, но поведение самого пострадавшего обрисовалось так определенно, что вызвало на донесении резолюцию государя: «имение Спазина взять в опеку, а его отдать под суд». Вскоре после этого Спазин умер, имение его было передано его сыну, о судьбе же привлеченных к делу крепостных наши материалы умалчивают. По аналогии с двумя нижеописываемыми, можно полагать, что крестьян постигло суровое наказание: битье шпицрутенами и ссылка в каторжные работы.

Крепостные дворовые люди капитана лейбгвардии Егерского полка Ш л и х т и н г а наказали своего господина розгами в самом Петербурге, в 1843 году [1]). По официальному изложению обстоятельств дела, «виновные, быв, по их словам, озлоблены против владельца (Шлихтинга) жестоким его обращением, дурною пищею и недостатком одежды, сговорились высечь его за это розгами, и в сем намерении 9 сентября вечером, во время ужина, повара положили в суп недоваренного цыпленка, и когда Шлихтинг, на другой день утром, пришел в кухню, чтобы сделать с виновных взыскание, подсудимые, собравшись в кухне, втащили Шлихтинга в темную комнату за кухней и высекли его там розгами, выпудив притом от него подписку об освобождении всех их на волю, с особым награждением и о том, что он об этом происшествии никому не объявит. Один из крепостных разорвал одну за другой две подписки Шлихтинга, находя их недостаточными, и угрозами возобновить сечение, добивался желательной для них подписки. У крепостных Шлихтинга не оказалось свидетелей, которые бы подтвердили их ссылку на дурное обращение с ними барина; вообще, были собраны сведения противоречивого свойства. Суд по всем пунктам жалоб крепостных дал отрицательные отзывы: «Ни на ком из подсудимых, по медицинскому свидетельству, следов наказания не найдено, хотя они, по распоряжению Шлихтинга, и были наказываемы за вины разновременно розгами в полиции, в лейбгвардии Егерском полку и на квартире, но наказание это было легкое и не превышало предоставленного помещику права». Относительно жалобы на дурную пищу, военный суд говорит: «они (т.-е. подсудимые) считают дурной пищей щи с говядиной и кашу с маслом», и ссылается на показания других дворовых, что в праздники им давали жаркое и пироги». Одежды у них, при осмотре следственной комиссией, найдено в избытке, а комнаты, в коих они помещались, весьма удобны». Самый поступок дворовых военный суд квалифицирует, как «возмущение, сопряженное с насильственными действиями, и дерзость в высшей степени против установленных властей», а потому приговорил двоих к наказанию шпицрутенами, прогнав через тысячу человек каждого по четыре раза, пятерых—прогнав через тысячу человек по три раза каждого, а затем всех сослать в Сибирь, в каторжные работы.

Вот эта-то мера наказания и была предложена в качестве образца, когда по делу помещика Б а з и л е в с к о г о возник вопрос, какому наказанию подвергнуть крепостных, виновных в насилии над помещиком, не предавая их суду, во избежание огласки.

Обстоятельства дела Базилевского с самого начала окружены какой-то тайной. До третьего отделения дошли слухи о том, будто статский советник и камергер Петр Андреевич Базилевский был высечен розгами дворовыми в своем имении Родионовка, Хорольского уезда, Полтавской губернии, но губернатор, которому послан был запрос, ответил, что никаких сведений о подобном

[1]) Справка об этом происшествии приведена в деле архива департамента полиции исполнительной. «О наказании камергера Базилевского его дворовыми людьми», 1849 — 1851 г.г., № 709.

происшествии не имеет. Эта таинственность объясняется взаимным обязательством сторон— дворовых и Базилевского — хранить молчание о случае, который впоследствии, в прошении министру вн. дел графу Л. А. Перовскому, Базилевский назвал «несчастным событием, приведенным в исполнение шестью крепостными дворовыми людьми, предавшимися пьянству и распутному буйству». И молчание, как мы увидим ниже, нарушено было вследствие неисполнения уговора, конечно, вынужденно, со стороны помещика.

Лишь два месяца спустя после происшедшего власти начали расследование. По данным временного отделения земского суда, случилось следующее. 1-го августа 1849 года, когда Базилевский лег в постель, в господский дом вошли лакей Серик, 30 лет, писаря экономии Прокопенко и Пусторнаков, оба 22 л., берейтор Коваленко, 20 л., камердинер Димченко - Галаган, 19 л., и кучер Гаврильченко, 45 лет. Последний оставался у дверей, а прочие вошли в спальню барина, вывели его оттуда и после краткого с ним разговора о жестоком его с ними обращении, положивши его на пол, наказали его теми самыми розгами, которые, по распоряжению Базилевского, приготовлены были в комнате для Серика и Коваленко. При этом дворовые потребовали от барина подписку, что он обязуется не наказывать своих крестьян, не отдавать в солдаты, а в случае виновности, отсылать к становому приставу, и о сделанном ему наказании никому не объявлять. Подписку такую Базилевский дал, подтвердив ее клятвой пред образом, но, в свою очередь, взял от своих крепостных расписку с клятвенным же обещанием впредь ему повиноваться и не разглашать о случившемся. На следующий день Базилевский уехал в Полтаву, а через некоторое время, по его распоряжению, Пусторнаков и Прокопенко были отданы в солдаты. Будучи уже рекрутами, проходя через Родионовку, они передали Коваленко имевшуюся у них подписку Базилевского.

Привлеченные к делу крепостные объяснили свой поступок жестоким обращением с ними Базилевского, указав на следующие обстоятельства. Базилевский во время пребывания своего в имении, куда он приезжал из Москвы только на летние месяцы, наказывал их за самые ничтожные вины по два и по три раза кряду. Так, Серик в июле 1849 г. был жестоко наказан в М. Вергунах, Серик и Коваленко, 28 июля 1849 г., наказаны столь же жестоко, и наказание предположено было повторить через два дня. Когда Серик, по приказанию владельца, был исполнителем наказания над другими крестьянами, то обязан был приводить к барину наказанных для осмотра, и если на них не было кровавых знаков, то его самого тотчас же подвергали наказанию. 28 июля Базилевский собственноручно бил по щекам Гаврильченко, а за несколько времени перед этим Димченко-Галагану дано 25 розог. На жестокое обращение дворовые не жаловались отчасти из страха подвергнуться более тяжким наказаниям, а также потому, что после наказания учреждаем был за ними строгий надзор, до тех пор, пока не изглаживались следы сечения; притом же, наказание исполнялось обычно в комнате владельца, а потому свидетельские показания посторонних были невозможны. Спрошенные по ссылке Серика и Коваленко лица, исключая Гаврильченко, прикосновенного к делу, показали без присяги, что те были действительно наказываемы по распоряжению помещика и в его присутствии, но наказание это вовсе не было жестоким. Базилевский показал, что шесть дворовых его нанесли ему бесчеловечные побои, и, приведя его в страх, заставили дать какую-то подписку, содержания которой он не помнит, потом заставили его клясться перед образом, что он об этом никому не объявит, угрожая, в противном случае, посягнуть на его жизнь. Будучи связан этой клятвой, опасаясь угроз, и зная, что разбойнический поступок крестьян сделается известным правительству, он отложил на некоторое время объявлять об этом с своей стороны. Что же касается подписки, данной ему крестьянами, то, не считая необходимым представлять ее к делу, так как виновные обнаружены, уничтожил ее.

По повальному обыску, о поведении привлеченных к делу крепостных были получены благоприятные отзывы. По вопросу о жестоком обращении Базилевского с крестьянами, не было собрано сведений ни от соседних владельцев, ни от местного предводителя дворянства.

Николай I приказал: «исследование о дерзком поступке крестьян произвести сколь возможно поспешнее, без излишних дознаний, возбуждающих превратные разглашения, а самого

Базилевского выслать из Москвы на жительство в Полтаву». Тогда же министру вн. дел было сообщено, что «Базилевскому следует воспретить въезд в его имение, как ему законно уже не принадлежащее» (передано сыну, студенту Александру Базилевскому, под попечительством матери, до его совершеннолетия). Базилевский выехал в Полтаву. Вскоре жена его возбудила просьбу о разрешении мужу переехать в Варшаву, так как пребывание в Полтаве «было бы тягостно и неприлично как для него, так и семейства его». Николай не согласился, но по окончании следствия разрешил Базилевскому избрать для жительства один из губернских городов, кроме Одессы и столиц. Базилевский избрал Ригу, и тут только военный губернатор, князь Суворов, поставил третьему отделению вопрос о причине высылки Базилевского и не следует ли отдать его под надзор полиции. В самом деле, за что Базилевского постигла административная кара? Сам он, в прошении на имя министра внутренних дел Перовского, указывал, что ему ставят в вину жестокое обращение с крестьянами: «От оправдания моего зависит и возможность выехать из Полтавы и располагать собою», — говорит он. Ответа на вопрос князя Суворова мы в деле не находим, если не считать черновика, заготовленного третьим отделением ответа Суворову, где причиной высылки Базилевского указывалось то, что «он допустил дворовых людей своих произвести необыкновенно дерзкий над ним поступок». По вопросу о надзоре над Базилевским, приготовлен был такой ответ: надзора полиции устанавливать не следует, но «надлежит лишь иметь Базилевского в виду, на случай, если бы он расположился переменить место своего жительства . . . ». Впрочем этот проект ответа не получил движения, и на нем помечено: «не нужно, по изменившимся обстоятельствам». Базилевскому разрешено было выехать для лечения на южный берег Крыма, а затем и за границу.

Что же сталось с его дворовыми? Земский суд затруднился определить для них меру наказания: в уложении о наказаниях «нет на этот случай прямого закона»: по составу и последствиям деяния могут быть применены статьи, определяющие наказание «за обиду побоями лица, которое, по званию своему, имело право на уважение», или «за дерзости подчиненных против начальников». Но, по наведении справки по делу о насилии над Шлихтингом, было решено применить ту же меру наказания, несмотря на то, что дело о крестьянах Шлихтинга рассматривалось военным судом, а о крестьянах Базилевского решено было покончить в административном порядке. Однако, высочайшим повелением (24 июня 1850 г.) наказание крестьянам Базилевского было смягчено: Прокопенко и Пусторнаков, сданные в рекруты, в виде наказания Базилевским, от дальнейшего наказания были освобождены, остальным определены шпицрутены: Серику и Коваленко — чрез 500 человек по два раза, остальным — по одному разу, и ссылка в каторжные работы на пять лет.

(«Архив истории труда в России», кн. 3, стр. 117—119.)

---

105. Как дворовые свою барыню высекли.

(Из мемуаров Тамбовского помещика.)

Прискорбный инцидент, бывший с известной богачкой, помещицей Марией Алексеевной Х—вой. В 40-х годах эта особа занимала видное место среди помещиков А—ского уезда. Х—ва была старая дева, 45 лет от роду, высокая, плотная, с жиденькими русыми волосами, одутлыми щеками и маленьким ртом, с тонкими губами. Мария Алексеевна отличалась своей строгостью с крепостными, строгостью, доходившей до жестокости. Всего больше доставалось от нее многочисленной дворне. За малейший проступок, не взирая на пол и возраст виновного, его раскладывали пред парадным крыльцом и истязали самым жестоким образом. Сначала били от затылка по спине и до пяток, потом перевертывали грудью кверху и производили то же самое — от горла до ступени. При истязании всегда присутствовала сама Х—ва. Бывали и такие случаи, что жертву клали на-бок, сначала на один, потом на другой, и секли. Таким образом, у истязуемого не оставалось уже ни одной части не иссеченной. Барышня Мария Алексеевна, всегда присутствовавшая при подобных экзекуциях, прекращала их лишь тогда, когда жертва уже переставала не только кричать, но даже стонать. Долго терпели крепостные Х—вой этот страшный лютый гнев помещицы;

наконец, терпение дворовых, которые более крестьян подвергались пыткам, — лопнуло, и произошел, как я сказал выше, самый прискорбный инцидент. Один раз, в мае месяце 1842 года, Х—ва отправилась в гости, верст за 30, к соседям. Для этого, разумеется, была запряжена коляска четверкой лошадей, которыми правил молодой парень-кучер, Антип Осипов; около него на козлах поместился лакей Тихон Иванов, также молодой парень, в коляску сели: барышня Мария Алексеевна и ее горничная, Марфа Петровна, или, как Х—ва называла ее, «Марфутка», несмотря на то, что в эту эпоху Марфутке было уже за 50 лет. Кстати заметим, что на обязанности последней лежало поить барышню Марию Алексеевну квасом, который имелся всегда в бутылке, засунутой в карман дверцы. Если Марфа Петровна не скоро исполняла эту процедуру наливания кваса в стакан, барышня Мария Алексеевна тут же собственноручно награждала ее пощечинами. Таким образом в сказанный день коляска помещицы выехала из усадьбы. Некоторое время экипаж катился среди полей, потом въехал в березовую рощу, роща эта была очень густая. Проехав версты $1\frac{1}{2}$, Антип Осипов вдруг остановил лошадей.

— Это что значит? — грозно вскричала барышня.

— А вот сама увидишь, что значит . . . — дерзко отвечал лакей, спрыгивая с козел.

— А ножик-то у тебя есть? — обратился последнему кучер.

— Есть. У меня в кармане лежит, складной, — отвечал Тихон.

Девица Х—ва, слыша эти речи, обмерла от ужаса. Она вообразила, что ее хотят зарезать. Однако, вышло совсем иное, именно то, чего уж никак не могла ожидать строгая помещица. Лакей Тихон Иванов достал из кармана складной нож и направил свои шаги к развесистым березам. Выбрав самые длинные ветви, он нарезал несколько пучков розог, которые тщательно связал лычками, очистив розги от листьев, потом подошел к коляске и обратился к Х—вой с такой речью:

— Ну, матушка-барышня, выходи на расправу. Долго мы терпели твою лютость, пора и тебе отведать березовой каши.

Х—ва, разумеется, не трогалась с места. У нее от страха язык отнялся. «Слезай, Антип,— обратился он к кучеру, — лошади будут стоять смирно, а то так вот привяжем коренников к березе . . . ».

— Зачем? лошади и так не тронутся с места, — отвечал Антип, спрыгивая на землю. Таким образом злосчастную барышню Марию Алексеевну кучер и лакей вытащили из коляски и разложили посреди луга. Тихон Иванов весь ребронт и юбки Х—вой завернул ей под голову, обнажил, сел на грудь, и сечение началось. Его производил кучер Антип Осипов. При первых ударах барышня завизжала на весь лес и стала дрыгать ногами.

— Да не дрыгай ногами-то, чорт тебя забери, — придерживая левой рукой ноги барышни, а правой нанося ей розгами удары по обнаженному телу.

Сечение продолжалось долго. Мария Алексеевна кричала все громче и громче. Наконец крики ее стали слабее и затем совсем уже стихли.

— Будет, провалиться ей, — смеясь, сказал кучер; — я уж и руку всю отмахал, — смеясь говорил Антип.

Лакей освободил свою жертву, оправил насколько возможно ее туалет и полуживую «барышню» Х—ву уложили в коляску. Экипаж, разумеется, повернул обратно в усадьбу. Такое неожиданное возвращение помещицы привело в великое недоумение дворню. Все шопотом спрашивали друг друга, что это значит.

— Барышне маленько не поздоровилось, — смеясь говорил Тихон Иванович: — несите ее на постель . . .

Горничные бросились к коляске, вынули оттуда полуживую Х—ву, отнесли ее в спальню и положили на постель. Не более, как через четверть часа барышня слабым голосом отдала приказание тотчас же позвать к ней старосту Егора Самсонова. Приказание это помещицы, само собой разумеется, тотчас же было исполнено, и староста Егор Самсонов вошел в спальню барышни.

— Тотчас же заковать Тишку и Антипку и завтра рано утром отправить их со стариками в Т., где сдать в солдаты в счет будущих наборов.

— Слушаюсь, — почтительно отвечал староста: — приказание вашей милости будет исполнено.

Между тем герои этого происшествия — лакей Тихон Иванов и кучер Антип Осипов уже пришли в застольную, где мало-по-малу стала собираться многочисленная дворня: садовники, разные мастера, лакеи, повара, конюхи, кружевницы и прочий люд. Когда застольная уже достаточно была наполнена домочадцами, лакей Тихон Иванов, как видно было, большой балагур и остроумник, повел к присутствующим такую речь:

— Вы, православные, на себе испытали всю лютость нашей помещицы, барышни Марьи Алексеевны Х—вой, а потому вы должны понять, что мой с кучером поступок с ней вполне законный. Дело в том, часу в 1-м утра, в березовой роще, близ села Мосолова, мы отодрали Марию Алексеевну, как говорится, на все корки. Простите, православные, — прибавил Тихон, — терпенью нашему пришел конец. Я и мой товарищ Антип не думаем отрицать совершившегося и готовы принять наказание: Сибирь так Сибирь.

Все с немым ужасом слушали эту речь лакея. В это время в застольную отворилась дверь, и вошел староста Егор Самсонов, в сопровождении двух крестьян: Забродина и Пехтерева. Выражение лица старосты было какое-то неопределенное: не то грусть выражало его лицо, не то ироническую улыбку; увидав старосту с кандалами в руках, Тихон Иваныч вскричал:

— Что, Самсон, знать, велела отправить нас в губернский острог?

— Нет, — отвечал, продолжая грустно улыбаться, Егор Самсонов: — приказала на заре отправить в Т. и сдать в солдаты, в зачет будущих наборов.

— Ай, — радостно вскричал Тихон Иванов: — первый сорт. Стало быть, матушка барышня дает нам вольную. Что же, будем служить царю-батюшке, все же не хуже, чем рабствовать помещице Х—вой. Куй, милый человек, — продолжал Тихон Иванов, засучивая шаровары и протягивая ноги.

Оба парня были закованы в железы.

— А что, Егор Самсоныч, — не унимался Тихон Иванов, — надо бы на радостях-то пропустить по маленькой.

— Ну, парень, на этот счет ты не взыщи, — отвечал староста: — на вино ничего не дала.

— Эх, куда ни шло, у меня завелся билетик, — балагурил Тихон Иванов: — слетай, миляга, в кабак, — обратился он к казачку Алексею, — купи штофик зелена вина.

— Это уже дело твое, — сказал староста и вышел из застольной.

Вскоре казачок Алеша принес вино, и попойка началась. Откуда-то явилась гармоника, на которой очень искусно Гаврило-садовник наигрывал «барыню» и «плясовую». Балагур и остряк Тихон Иванов, приподняв железо поясным ремнем, ударился в пляс. Многие из присутствовавших запели песню. В это самое время в застольную вошла горничная Марфа Петрова.

— Что вы, черти . . . — вскричала она: — такой садом подняли, аль очумели? Помилуй бог, еще услышит барышня, нам всем не миновать беды.

Но горничную никто не хотел слушать; пляска и пение продолжались. Угрюмый кучер Антип Осипов также развеселился, припевая:

«Ходи изба, ходи печь, хозяину негде лечь».

Сам музыкант заиграл «барыню»: «Ах барыня, барыня, сударыня барыня, по печке елозила» и т. д. Оргия продолжалась до самого рассвета, когда приехали подводы и вошли старики, назначенные в проводники и сдатчики. На одну из подвод сел лакей Тихон Иванов, рядом с ним поместился сдатчик, а на другую подводу посадили Антипа Осипова, также с проводником. На этот раз не было воя и плача, все дворовые точно на праздник провожали рекрут. Никто из дворовых не печалился, что лакей и кучер будут отданы в солдаты на 25 лет. Каждый из провожавших в душе был убежден, что военная служба не в пример лучше ярма крепостничества.

(«Русская Старина», 1906 г., т. 125, стр. 163—167.)

---

106. Жизнь русских крестьян.

(Идиллия крепостного права.)

(Из крепостнического журнала 1817 г.)

1817.

Рассмотрим теперь положение наших крестьян, которое нам докажет, что они в своей неволе благоденствуют. — Сперва стану говорить о тех, которые на пашне; ибо сношения их с помещиками гораздо ближе, и они потому более могут получать от них вспомоществования. —

Крестьянин, по закону, работает на помещика три дня в неделю, и более — ничего. За то помещик дает ему потребное количество земли, которую он обрабатывает, вроде собственности, уверен будучи, что ее у него никогда не отнимут; он имеет собственный дом, двор, и всякое хозяйственное заведение; он тут родился, тут же и умереть надеется, посреди своего семейства, зная, что его никто не прогонит; следовательно, он смело может заводиться прочным образом, и даже иметь разные излишества, которые жизнь его сделают приятнейшею. Он хотя живет действительно на чужой земле, по ему и на ум не придет считать ее таковою. При том он пользуется всеми выгодами местного положения: буде есть в его селе рыбная ловля, он ею пользуется для собственного обихода; если господская мельница, то обыкновенно помещик с него берет менее за помол, нежели с постороннего; а многие мужики имеют и собственные свои мельницы. Буде есть лес, то ему позволяется пользоваться дровами на отопку безденежно; даже и строевого лесу часто дают ему безденежно, ежели помещик имеет оного довольное количество в своих дачах. Ежели крестьянин занеможет, то помещик старается подать ему всякую помощь, также безденежно. Многие помещики даже держат домовых врачей и учредили в деревнях своих хорошие больницы. Случится ли несчастие от пожара? — помещик помогает ему, сколько может, и освобождает его на время от господской работы, чтоб дать ему более способов поправиться; случится ли голодный год? — помещик, видя его нужду, дает хлеба до будущего урожая — без процентов [1]); случится ли ему нужда в деньгах для покупки скотины или каких других изворотов: к кому придет крестьянин? — к своему помещику, который редко ему в том откажет. Мне случалось им давать от сотни и до тысячи рублей в подобных случаях, без письменного обязательства и, разумеется, без процентов, будучи уверен, что крестьянин исправно выплатит. Останется ли вдова с малолетними детьми без призрения? — обыкновенно помещик призирает их, кормит, одевает и дает обучать разным мастерствам или рукоделиям; таковые уже называются дворовыми людьми; дворовые же люди, дожившие до дряхлой старости и не в силах будучи служить своим господам, все-таки получают от них содержание по самую смерть. К тому же помещик защищает своих крестьян от всяких обид: и сия статья весьма немаловажна. Словом, помещик бережет своих крестьян, как собственность свою, как источник своего богатства, и смело можно сказать, как членов своего семейства; ибо милости и вспомоществования, которые помещик беспрестанно имеет случай оказывать своим крестьянам, ежедневное участие, которое он принимаетъ в различных его нуждах и печалях, заставляют его смотреть на своих крестьян, как на детей своих. В простой своей благодарности они, обыкновенно, называют помещика своего батюшкою, а помещицу — матушкою, в доказательство, что чувствуют отеческую их к себе любовь. Старинное обыкновение, которого и до сих пор держатся, что мужик, идучи к своему господину за какою-либо нуждою, приносит ему десяток яиц, курицу, утку, или другую малую домашнюю сего рода безделицу, происходит не от того, будто бы он думал тем купить милость господина или что господин его без того не примет; но, чувствуя отеческую любовь его, крестьянин хочет хоть чем-нибудь доказать свою благодарность; и ежели бы господину вздумалось не принять его хлеб-соль, то, наверное, мужик опечалится, подумав, что господин либо сердится на него, либо его презирает. Ежели скажет ему: «Зачем ты это принес? Ты бы лучше сам съел с своим семейством; ведь ты знаешь, мне в этом нет нужды; я бы и без приноса твою просьбу удовлетворил . . .». Что ж мужик на это отвечает? — «Мы это знаем; да ведь ты наш отец, мы все — твои дети, как же нам не показать тебе наше усердие за все твои милости?» Вот каковы сношения между нашими крестьянами и их помещиками . . .

Из всего вышеописанного неоспоримо явствует, что наши крестьяне живут, как пословица говорит, как у Христа за пазухою, и кто же из русских, знающий и любящий свое отечество, вздумает оспаривать сию истину? . .

Мы любим и слушаемся царя, как богом данного нам властителя и отца; и мужики так же нас любят и слушаются в таком же отноше-

[1]) Я знаю помещиков, которые в подобном случае снабдив своих мужиков хлебом заимообразно, подарили им оный после, награжденны будучи в следующий урожай изобильною жатвою.

ции. На что разрывать сию общественную связь и делать всех эгоистами?..

Итак, возблагодарим милосердное провидение, благоволившее продлить в любезном отечестве нашем сей древний патриархальный и самый естественный образ гражданского благоустройства, и сохраним залог сей, вверенный отеческому попечению нашему, согласно благотворным намерениям премудрых наших монархов, для общего нашего и подданных наших благополучия.

Русский дворянин Правдин.

(«Дух журналов», 1817, № 49.)

---

107. Из «Былого и дум» Герцена.

Дворовые.

Ни сенатор [1]), ни отец мой не теснили особенно дворовых, т.-е. не теснили их физически. Сенатор был вспыльчив, нетерпелив и именно потому часто груб и несправедлив; но он так мало имел с ними соприкосновения, и так мало ими занимался, что они почти не знали друг друга. Отец мой докучал им капризами, не пропускал ни взгляда, ни слова, ни движения и беспрестанно учил: для русского человека это хуже брани и побоев.

Телесные наказания были почти неизвестны в нашем доме, и два-три случая, в которые сенатор и мой отец прибегали к гнусному средству «частного дома», были до того необыкновенны, что об них вся дворня говорила целые месяцы, сверх того, они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовых в солдаты; наказание это приводило в ужас всех молодых людей; без роду, без племени, они все же лучше хотели остаться крепостными, нежели двадцать лет тянуть лямку. На меня сильно действовали эти страшные сцены: являлись два полицейские солдата, по зову помещика, они воровски, невзначай, врасплох брали назначенного человека; староста, обыкновенно, тут объявлял, что барин с вечера приказал представить его в присутствие, и человек сквозь слезы куражился, женщины плакали, все давали подарки и я отдавал все, что мог, т.-е. какой-нибудь двугривенный, шейный платок.

Помню я еще, как какому-то старосте, за то, что он истратил собранный оброк, отец мой велел сбрить бороду. Я ничего не понимал в этом наказании, но меня поразил вид старика, лет шестидесяти; он плакал навзрыд, кланялся в землю и просил положить на него, сверх оброка, сто целковых штрафу, но помиловать от бесчестия.

Когда сенатор жил с нами, общая прислуга состояла из тридцати мужчин и почти стольких же женщин; замужние, впрочем, не несли никакой службы, они занимались своим хозяйством: на службе было пять-шесть горничных и прачки, не ходившие наверх. К этому следует прибавить мальчишек и девчонок, которых приучали к службе, т.-е. к праздности, лени, лганью и к употреблению сивухи.

Для характеристики тогдашней жизни в России, я не думаю, чтоб было излишним сказать несколько слов о содержании дворовых. Сначала им давались 5 рублей ассигн. в месяц на харчи, потом 6. Женщинам — рублем меньше; детям, лет с десяти — половина. Люди составляли между собой артели, и на недостаток не жаловались, что свидетельствует о чрезвычайной дешевизне съестных припасов. Наибольшее жалование состояло из 100 руб. асс. в год, другие получали половину, некоторые 30 руб. в год. Мальчики лет до восемнадцати не получали жалования. Сверх оклада людям давались платья, шинели, рубашки, простыни, одеяла, полотенца, матрацы из парусины, мальчикам, не получавшим жалования, отпускались деньги на нравственную и физическую чистоту, т.-е. на баню и говение. Взяв все в расчет, слуга обходился руб. в 300 асс., если к этому прибавить дивиденд на лекарство, лекаря и на съестные припасы, случайно привозимые из деревни и которые не знали, куда деть, то мы и тогда не перейдем 350 руб. Это составляет четвертую часть того, что слуга стоит в Париже или в Лондоне.

Плантаторы, обыкновенно, вводят в счет страховую премию рабства, т.-е. содержание жены, детей помещиком и скудный кусок хлеба где-нибудь в деревне под старость лет. Конечно, это надобно взять в расчет, но страховая премия сильно понижается, — премией страха телесных наказаний, невозможностью перемены состояния и гораздо худшего содержания.

---

[1]) Дядя Герцена.

Я довольно нагляделся, как страшное сознание крепостного состояния убивает, отравляет существование дворовых, как оно гнетет, одуряет их душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуют личную неволю, они как-то умеют не верить своему полному рабству. Но тут, сидя на грязной залавке передней с утра до ночи, или стоя с тарелкой за столом, — нет места сомнению.

Разумеется, есть люди, которые живут в передней, как рыба в воде, люди, которых душа никогда не просыпалась, которые вошли во вкус и с своего рода художеством исполняют свою должность.

В этом отношении было у нас лицо, чрезвычайно интересное, наш старый лакей Бакай. Человек атлетического сложения и высокого роста, с крупными и важными чертами лица, с видом величайшего глубокомыслия, он дожил до преклонных лет, воображая, что положение лакея— одно из самых значительных.

Почтенный старец этот постоянно был сердит или выпивши, или выпивши и сердит — вместе. Должность свою он исполнял с какой-то высшей точки зрения, и придавал ей торжественную важность; он умел с особенным шумом и треском отбросить ступеньки кареты, и хлопал дверцами сильнее ружейного выстрела. Сумрачно и на-вытяжке стоял на запятках, и всякий раз, когда его потряхивало на рытвине, он густым и недовольным голосом кричал кучеру «легче», несмотря на то, что рытвина уже была на пять шагов сзади.

Главное занятие его, сверх езды за каретой, занятие, добровольно возложенное им на себя, состояло в обучении мальчишек аристократическим манерам передней. Когда он был трезв, дело еще шло кой-как с рук, но когда у него в голове шумело, он становился педантом и тираном до невероятной степени. Я иногда вступался за моих приятелей; но мой авторитет мало действовал на римский характер Бакая, он отворял мне дверь в залу и говорил: «Вам здесь не место, извольте итти, а не то я на руках снесу». Он не пропускал ни одного движения, ни одного слова, чтобы не разбранить мальчишек, к словам передко прибавлял он и тумак или «ковырял масло», т.-е. щелкал как-то хитро и искусно, как пружиной, большим пальцем и мизинцем по голове.

Но рядом с этими дилетантами рабства, какие мрачные образы мучеников, безнадежных страдальцев печально проходят в моей памяти.

У сенатора был повар необычайного таланта, трудолюбивый, трезвый, он шел в гору. Сам сенатор хлопотал, чтоб его приняли в кухню государя, где тогда был знаменитый повар француз. Поучившись там, он определился в английский клуб, разбогател, женился, жил барином, но веревка крепостного состояния не давала ему ни спокойно спать, ни наслаждаться своим положением.

Собравшись с духом и отслуживши молебен Иверской, Алексей явился к сенатору с просьбой отпустить его за пять тысяч асс. Сенатор гордился *своим* поваром, точно так, как гордился *своим* живописцем, а вследствие того денег не взял и сказал повару, что отпустит его даром после своей смерти.

Повар был поражен, как громом, погрустил, переменился в лице, стал седеть и... русский человек — принялся попивать. Дела свои он повел спустя рукава, английский клуб ему отказал. Он нанялся у княгини Трубецкой, княгиня преследовала его мелким скряжничеством. Обиженный раз ею через меру, Алексей, любивший выражаться красноречиво, сказал ей с своим важным видом, своим голосом в нос: «Какая непрозрачная душа обитает в вашем светлейшем теле!». Княгиня взбесилась, прогнала повара и, как следует русской барыне, написала жалобу сенатору. Сенатор ничего не сделал, но, как учтивый кавалер, призвал повара, разругал его и велел ему итти к княгине просить прощения.

Повар к княгине не пошел, а пошел в кабак. В год времени он все спустил: от капитала, приготовленного для взноса, до последнего фартука. Жена побилась, побилась с ним, да и пошла в няньки куда-то в отъезд. Об нем долго не было слуха. Потом как-то привела полиция Алексея, обтерханного, одичалого, его подняли на улице, квартиры у него не было, он кочевал из кабака в кабак. Полиция требовала, чтобы помещик его прибрал. Больно было сенатору, а может и совестно; он его принял довольно кротко и дал комнату. Алексей продолжал пить, пьяный — шумел и воображал, что сочиняет стихи; он, действительно, не был лишен какой-то беспорядочной фантазии. Мы были тогда в

Васильевском. Сенатор, не зная, что делать с поваром, прислал его туда, воображая, что мой отец уговорит его. Но человек был слишком сломлен. Я тут разглядел, какая сосредоточенная ненависть и злоба против господ лежит на сердце у крепостного человека, он говорил со скрипом зубов и с мимикой, которая особенно в поваре могла быть опасна. При мне он не боялся давать волю языку, он меня любил и часто, фамильярно трепля меня по плечу, говорил: «добрая ветвь испорченного древа».

После смерти сенатора, мой отец дал ему тотчас отпускную; это было поздно, и значило сбыть его с рук, он так и пропал.

Рядом с ним не могу не вспомнить другой жертвы крепостного состояния. У сенатора был, вроде письмоводителя, дворовый человек, лет 35. Старший брат моего отца, умерший в 1813 году, имея в виду устроить деревенскую больницу, отдал его мальчиком какому-то знакомому врачу для обучения фельдшерскому искусству. Доктор выпросил ему позволение ходить на лекции медико-хирургической Академии; молодой человек был с способностями, выучился по-латыни, по-немецки и лечил кой-как. Лет двадцати пяти он влюбился в дочь какого-то офицера, скрыл от нее свое состояние и женился на ней. Долго обман не мог продолжаться; жена с ужасом узнала, после смерти барина, что они крепостные. Сенатор, новый владелец его, нисколько их не теснил, он даже любил молодого Толочанова, но ссора его с женой продолжалась; она не могла ему простить обмана и бежала от него с другим. Толочанов, должно быть, очень любил ее, он с этого времени впал в задумчивость, близкую к помешательству, прогуливал ночи и, не имея своих средств, тратил господские деньги; когда он увидел, что нельзя свести концов, он 31 декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома. Толочанов взошел при мне к моему отцу и сказал ему, что он пришел с ним проститься и просит его сказать сенатору, что деньги, которых недостает, истратил он.

— Ты пьян, — сказал ему мой отец, — поди и выспись.

— Я скоро пойду спать надолго, — сказал лекарь, — и прошу только не поминать меня лихом.

Спокойный вид Толочанова испугал моего отца, и он, пристальнее посмотрев на него, спросил:

— Что с тобою, ты бредишь?

— Ничего-с, я только принял рюмку мышьяку.

Послали за доктором, за полицией, дали ему рвотное, дали молока . . . когда его начало тошнить, он удерживался и говорил: «Сиди, сиди там, я не с тем тебя проглотил». Я слышал потом, когда яд стал сильнее действовать, его стон и страдальческий голос, повторявший: «Жжет, — жжет! огонь!». Кто-то посоветовал ему послать за священником, он не хотел и говорить Кало [1]), что жизни за гробом быть не может, что он настолько знает анатомию. Часу в 12 вечера он спросил штаб-лекаря, по-немецки, который час, потом, сказавши: «вот и новый год, поздравляю вас» — умер.

Утром я бросился в небольшой флигель, служивший баней, туда снесли Толочанова, тело лежало на столе, в том виде, как он умер, во фраке, без галстука, с раскрытой грудью, черты его были страшно искажены, и уже почернели. Это было первое мертвое тело, которое я видел; близкий к обмороку, я вышел вон. Игрушки и картинки, подаренные мне на новый год, не тешили меня, почернелый Толочанов носился перед глазами, и я слышал его «жжет — огонь!».

(Соч. Герцена. «Былое и Думы».)

108. П. Крапоткин.

Крепостное право.

Крепостное право доживало тогда последние годы. Все это было еще так недавно, — точно вчера, — а, между тем, немногие в России ясно сознают, чем было крепостное право. Большинство, конечно, знает, что тогдашние условия были плохи; но как сказывались эти условия, физически и нравственно, на живых существах, едва ли многие понимают. Просто поразительно видеть, как быстро было забыто учреждение и общественные условия, порожденные им, едва только учреждение перестало существовать. Так быстро меняются обстоятельства и люди. Постараюсь поэтому рассказать, как жили при крепостном праве. Буду передавать не то, что слышал, а то, что сам видел.

[1]) Француз-камердинер.

Ключница Ульяна стоит в коридоре, ведущем в кабинет отца, и крестится. Она не смеет ни войти, ни повернуть назад. Наконец, она прочитывает молитву, входит в кабинет и едва слышным голосом докладывает, что запас чая почти на исходе, что сахара осталось всего лишь фунтов двадцать, и что остальная провизия также скоро вся выйдет.

— Воры! Грабители! — кричит отец. — А ты заодно с ними!

Голос его гремит на весь дом. Мачеха послала Ульяну, чтобы на ней разразилась гроза.

— Фрол! позови княгиню!—кричит отец. — Где она! — И когда мачеха входит, он встречает ее таким же образом.

— И ты заодно с хамовым отродьем! Ты заступаешься за них, — и так далее, в продолжение целого получаса, а иногда и больше.

Затем отец принимается проверять счеты. При этом он вспоминает о сене. Посылается Фрол перевесить, сколько осталось его; мачехе приказывается присутствовать при взвешивании, а отец вычисляет, сколько должно быть сена на сеновале. Выходит, повидимому, что исчезло много пудов, а Ульяна не может сказать, как израсходовано несколько фунтов такой-то провизии. Голос отца становится все более грозным. Ульяна трепещет. Теперь зовут к допросу кучера. На нем разражается гроза. Отец бросается на него и принимается бить. Кучер твердит одно: «Ваше сиятельство изволили ошибиться».

Отец снова принимается считать. На этот раз выходит, что на сеновале больше сена, чем следовало. Крики продолжаются. Теперь отец ругает кучера за то, что он задает лошадям меньше корма, чем надлежит; но кучер призывает в свидетели всех святых, что лошади получают корма сколько следует. Фрол призывает в свидетельницы богородицу, что кучер говорит правду.

Но отец не желает угомониться. Он призывает настройщика и поддворецкого Макара и высчитывает ему все недавние проступки и прегрешения. Макар на прошлой неделе напился и, наверное, был пьян также вчера, потому что разбил несколько тарелок. В сущности, разбитые тарелки и были перво-причиной тревоги. Мачеха сообщила об этом отцу утром; в силу этого Ульяна была встречена большею бранью, чем обыкновенно в подобных случаях; в силу этого состоялась проверка сена. Отец продолжает кричать, что хамово отродье заслуживает всяческого наказания.

Внезапно наступает затишье. Отец садится за стол и пишет записку: «Послать Макара с этой запиской на съезжую. Там ему закатят сто розог».

В доме ужас и оцепенение.

Бьет четыре. Мы все спускаемся к обеду, но ни у кого нет охоты есть. Никто не дотрагивается до супа. Нас за столом десять человек. За каждым стоит скрипка или тромбон, с чистой тарелкой в левой руке, но Макара нет.

— Где Макар? — спрашивает мачеха. — Позвать его.

Макар не является, и приказ отдается снова. Входит Макар, бледный, с искаженным лицом, пристыженный, с опущенными глазами. Отец глядит в тарелку. Мачеха, видя, что никто из нас не дотронулся до супа, пробует оживить нас.

— Не находите ли вы, дети, — говорит она по-французски, — что суп сегодня превосходный?

Слезы душат меня. После обеда я выбегаю, нагоняю Макара в темном коридоре и хочу поцеловать его руку; но он вырывает ее и говорит, не то с упреком, не то вопросительно: «Оставь меня, небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь?».

— Нет, нет, никогда!

А, между тем, отец мой был не из жестоких помещиков. Наоборот, слуги даже и мужики считали его хорошим барином. Но то, что я только-что описал, происходило всюду, часто в гораздо более жестокой форме. Сечение крепостных входило в круг обязанностей полиции и пожарных.

Один помещик раз спросил другого: «Почему это в вашем имении число душ так медленно прибывает? Вы, по всей вероятности, мало следите за тем, чтобы люди женились».

Через несколько дней после этого генерал возвратился в свою деревню. Он велел принести себе список всех крестьян, отметил имена всех парней, достигших восемнадцати лет, и девушек, которым исполнилось шестнадцать, т.-е. всех тех, которых, по закону, можно уже венчать. Затем генерал отдал приказ: «Ивану

жениться на Анне, Павлу на Парашке, Федору на Прасковье» и т. д. Так он наметил пять пар. «Пять свадьб, — гласил приказ, — должны состояться в воскресенье, через десять дней».

Вой поднялся по всей деревне. В каждой избе вопили женщины, молодые и старые. Анна надеялась выйти за Григория, Павловы старики уже сговорились с Федотовыми насчет их дочери, которая скоро входила в возраст. На придачу время было пахать, а не свадьбы играть! Да и как можно приготовиться к свадьбе в десять дней. Десятки крестьян приходили, чтобы повидать барина. Группы баб, с кусками тонкого полотна в руках, дожидались у черного входа барыни, чтобы заручиться ее заступничеством. Но все было напрасно. Помещик заявил, что свадьбы должны быть через десять дней; так оно и быть должно.

В назначенный день свадебные процессии, скорее напоминавшие похороны, направились в церковь. Женщины вопили и причитывали, как по покойникам. Одного из лакеев командировали в церковь, чтобы доложить, когда обряд совершится. Скоро, однако, лакей прибежал, бледный и расстроенный, с шапкой в руках.

— Парашка упрямится, — доложил он. — Она не хочет выходить за Павла. Когда батюшка спросил: «Согласна ты?» — она громко крикнула: «Нет, не согласна!». Помещик рассвирепел. — «Ступай и скажи ему, долгогривому, что если он не обвенчает Парашку, я донесу на него архиерею, он — пьяница. Как смеет он, мерзавец, не слушаться меня! Скажи, что я его сгною в монастыре. Парашкиных же родителей сошлю в степную деревню».

Лакей передал приказ. Парашку обступили поп и родные. Мать на коленях молила дочь не губить всех. Девушка твердила: «Не хочу», но все более и более слабым голосом, потом шопотом; наконец, совсем замолчала. Ей возложили венец... Она не сопротивлялась. Лакей помчался в барский дом с докладом: «Повенчали!»

Полчаса спустя, у ворот помещичьего дома забрячали бубенчики свадебных поездов. Пять пар слезли с телег, перешли двор и вошли в переднюю. Помещик принял их и велел поднести по рюмке водки. Родители, стоявшие позади плакавших дочерей, велели им кланяться в ноги барину.

Свадьбы, по приказу, составляли такое обычное явление, что среди наших дворовых, молодые люди, не любившие друг друга, но предвидевшие, что их велят обвенчать, обыкновенно, кумились. По закону, венчание становилось невозможным. Хитрость, обыкновенно, удавалась; но раз она-таки закончилась трагедией. Портной Андрей полюбил девушку, принадлежавшую соседнему помещику. Он надеялся, что отец отпустит его на оброк, и что, работая усердно, он сможет скопить денег на вольную для девушки. Иначе, выйдя замуж за отцовского крепостного, она тоже стала бы крепостной отца. А так как Андрей предвидел, что ему могут приказать обвенчаться с одной из наших горничных, он решил заранее покумиться с нею.

Случилось именно то, чего они опасались. Раз их позвали в кабинет к отцу и отдали приказ повенчаться.

— Мы всегда рады выполнить вашу волю, — ответили они, — да несколько недель тому назад мы вместе крестили. — Андрей также сообщил о своем намерении... Кончилось тем, что его сдали в солдаты.

При Николае I не было всеобщей воинской повинности, как теперь. Дворяне и купцы не были обязаны служить. Когда объявляли новый набор, помещики должны были доставить известное число рекрут. Обыкновенно, в каждой деревне крестьяне сами вырабатывали черед, но дворовые зависели всецело от произвола помещика. Если барин был недоволен дворовым, он отправлял его в воинское присутствие и получал рекрутскую квитанцию, которая представляла значительную денежную стоимость, так как ее можно было продать одному из тех, кому предстояло итти в солдаты.

Солдатская служба в то время была ужасна: она продолжалась двадцать пять лет. Стать солдатом, значило навсегда оторваться от родной деревни и от родных и находиться в полной власти у командира. Побои розги, палки сыпались каждый день. Жестокость при этом превосходила все, что можно себе представить. Даже в кадетских корпусах, в которых воспитывались дети дворян, присуждалась иногда тысяча розог, в присутствии всего корпуса, за папиросу. Доктор стоял возле истязаемого мальчика и останавливал наказание только тогда, когда пульс почти переставал биться. Окровавленную жертву, в обмороке, уносили в госпиталь. Великий князь Михаил,

начальник военных училищ, быстро удалил бы директора, у которого не было бы хоть одного или двух подобных случаев в течение года. «Дисциплины нет!» — сказал бы он.

С простыми солдатами поступали, конечно, еще хуже. Если кто попадал под военный суд, приговор был почти всегда — прогнать сквозь строй. Тогда выстраивали в два ряда тысячу солдат, вооруженных палками, толщиною в мизинец (они сохранили свое немецкое название шпицрутены). Осужденного проволакивали сквозь строй три, четыре, пять и семь раз, при чем каждый солдат отпускал каждый раз по удару. Унтер-офицеры следили за тем, чтобы солдаты били изо всех сил. После одной или двух тысяч палок, харкающую кровью жертву уносили в госпиталь, где ее лечили только для того, чтобы наказание могло быть доведено до конца, как только солдат немного оправится. Если он умирал под палками, окончание приговора производилось над трупом, привязанным к тачке. Николай и брат его Михаил были безжалостны; никакое смягчение наказания не было даже возможно.

«Я тебя прогоню сквозь строй. Я тебе шкуру спущу под палками!», — такова была обычная угроза в то время.

Мрачный ужас охватывал весь наш дом, когда становилось известно, что кого-нибудь из прислуги отправляют в военное присутствие. Его заковывали и сажали в контору под караулом, чтобы помешать ему наложить на себя руки. Затем к дверям конторы подъезжала телега, и сдаваемого выводили в сопровождении двух караульных. Все дворовые окружали его. Он кланялся всем низко и просил каждого простить ему вольные и невольные прегрешения. Если родители сдаваемого жили в деревне, они приходили также, чтобы проводить. Тогда он клал родителям земной поклон, при чем мать и родственницы начинали причитывать, как по покойнику: «На кого ты нас покинул? Кто порадеет о нас на чужой сторонке? Кто нас, сиротушек, от людей злых да укроет?».

Таким образом Андрею предстояло двадцать пять лет тянуть солдатскую лямку. Все его мечты о счастьи рухнули сразу.

Свадьба одной из горничных, Пелагеи, или Поли, как ее звали, была еще более трагична. В детстве ее сдали в магазин, где она в совершенстве изучила тонкое вышивание. В Никольском ее пяльцы стояли в комнате сестры Лены. Она, обыкновенно, принимала участие в разговорах между Леной и жившей в той же комнате сестрой мачехи. Как по разговору, так и по манерам, Поля скорее была похожа на барышню, чем на горничную.

С ней случилось несчастие: она убедилась, что должна скоро стать матерью. Тогда она рассказала все мачехе, которая разразилась упреками: «Не хочу больше иметь в доме эту тварь! Не допущу подобного стыда в моем доме. Бестыдница, дрянь!» и т. д. На слезы Лены не обратили внимания. Поле отрезали косу и сослали на скотный двор. Но так как она как раз в то время вышивала удивительную юбку, то работу приказано было кончать на скотном, в грязной избе, у крошечного оконца. Поля закончила работу и сделала еще много других тонких вышивок, в надежде получить прощение. Но оно не приходило. Отец ребенка, дворовый нашего соседа, молил о разрешении жениться. Но так как у него не было денег, чтобы выкупить Полю, то разрешение не дали. «Дворянские манеры» Поли приняли, как отягчающее вину обстоятельство и ей приготовили горькую долю. Среди наших дворовых был один, который, за малый рост, ездил форейтором. Звали его Филька-Косолапый. В детстве его жестоко зашибла лошадь, и он не рос больше; ноги у него были колесом, ступни вывороченны вовнутрь, нос сломан и согнут в сторону, а челюсть обезображена. За этого-то урода решили отдать Полю, и отдали, выдали ее силой. Новобрачных послали на крестьянскую работу, в Рязанскую деревню.

Человеческие чувства не признавались, даже не подозревались в крепостных. Когда Тургенев написал «Муму», а Григорович—свои романы, в которых заставлял публику плакать над несчастием крепостных, для многих читателей то было настоящим откровением. «Возможно ли это? неужели крепостные любят, совсем, как мы!»,— восклицали сентиментальные дамы, которые, при чтении французских романов, горько оплакивали злосчастия благородных героев и героинь.

Образование, которое давали иногда помещики своим крепостным, являлось для них новым источником несчастий. Отец мой раз выбрал в крестьянской избе одного способного маль-

чика и отдал его в фельдшерскую школу. Мальчик был прилежный и через несколько лет сделал значительные успехи. Когда он вернулся из учения, отец купил все необходимое для хорошей аптеки, и ее устроили очень удобно в одном из флигелей, в Никольском. Летом «С а ш а - д о к т о р», как звали в доме молодого человека, усердно собирал и сушил различные целебные травы. В короткое время он стал очень любим в Никольском и во всей округе. Больные крестьяне приходили из соседних деревень и отец очень гордился успехом своей аптеки; но это продолжалось недолго. Раз зимой отец приехал в Никольское, прожил здесь несколько дней и уехал. В ту же ночь Саша-доктор застрелился, — нечаянно, как говорили. Но причиной была любовная история. Он любил девушку, на которой не мог жениться, так как она была крепостная другого помещика.

Судьба другого молодого человека — Г е р а с и м а К р у г л о в а, которого отец отдал в московское земледельческое училище, была почти так же печальна. Он блестяще окончил — с золотой медалью. Директор училища употребил все усилия, чтобы убедить отца дать Круглову вольную и открыть ему доступ в университет, куда крепостных не принимали. «Круглов, наверное, будет замечательным человеком, — говорил директор, — быть может, — гордостью России. Вам будет принадлежать честь, что вы оценили его способности и дали такого человека русской науке».

— Он мне надобен в моей деревне, — отвечал отец на настойчивые ходатайства за молодого человека. — В действительности, при первобытном способе ведения хозяйства, от которого отец ни за что не отступил бы, Герасим Круглов был совершенно бесполезен. Он снял план имения, а затем ему приказали сидеть в лакейской и стоять с тарелкой в руках за обедом. Конечно, на Герасима это должно было сильно подействовать. Он мечтал об университете, об ученой деятельности. Его взгляд выражал страдание; мачеха же находила особое удовольствие оскорблять Герасима при всяком удобном случае. Раз осенью порыв ветра открыл ворота. Она крикнула проходившему Круглову: «Гараська, ступай, запри ворота!». То было последняя капля. Герасим резко ответил: «На то у вас есть дворник», и пошел своей дорогой.

Мачеха вбежала с плачем в кабинет к отцу и принялась ему выговаривать: «Ваши люди оскорбляют меня в вашем доме!».

Герасима немедленно заковали и посадили под караул, чтобы сдать в солдаты. Прощание с ним стариков-родителей было одною из самых тяжелых сцен, которые я когда-либо видел . . .

На этот раз судьба, однако, отмстила. Николай I умер, и военная служба стала менее тяжелой. Замечательные способности Герасима были скоро замечены и через несколько лет он стал одним из главных письмоводителей, и, в сущности, душой одного из департаментов военного министерства. Случилось так, что мой отец, человек абсолютно честный, никогда не бравший взяток — и это в такое время, когда взятками все наживали состояния, — нарушил, однако, правила службы и раз допустил неправильность, чтобы угодить своему корпусному командиру — генералу Гартунгу. Он записал в разряд «неспособных» одного из солдат, служившего у корпусного за управляющего. Отцу это едва не стоило генеральского чина, который должны были дать ему при выходе в отставку. Главная и единственная цель его тридцатипятилетней службы была в опасности. Мачеха помчалась в Петербург, чтобы уладить историю. После долгих хлопот ей сказали, наконец, что единственно, что остается, это обратиться к одному из письмоводителей такого-то департамента. — «Хотя он лишь простой главный писарь, — сказали ей, — но в действительности он руководит всем и может сделать все, что захочет». Зовут его — Герасим Иванович Круглов.

— Представь себе, — рассказывала мне потом мачеха, — наш Гараська! Я всегда знала, что у него большие способности. Пошла я к нему и сказала о деле, а он мне в ответ: «Я ничего не имею против старого князя и сделаю все, что могу, для него».

Герасим сдержал слово: он сделал благоприятный доклад, и отца произвели. Наконец-то он смог надеть так давно желанные красные штаны, шинель на красной подкладке и каску с плюмажем.

Таковы были дела, которые я сам видел в детстве . . .

(П. Крапоткин. Зап. революционера. ч. I, гл. VIII.)

VIII. Помещичья жизнь.

109. Дворянская улица въ Пензѣ.

(По Вигелю.)

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянской. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма высокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно в дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно такъ же, какъ лѣтомъ в деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, господскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единообразіе. Невысокая лѣстница, обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо, и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ ощипаны, всѣ оборваны; одни лежа на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣниваго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресолѣ. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, несмотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ—двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашенаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебелей видна была только бережливость пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мужчины тѣснились въ залѣ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гипесеѣ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налево стоящимъ мужчинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мужчина обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ тамъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, нѣсколько горячихъ, потомъ нѣсколько жареныхъ и нѣсколько хлѣбенныхъ являлись по очереди, а между ними неизбежные два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на-двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанья и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-

офицерскаго чина отмѣнно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, коихъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подъезжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора.

Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія изъ нихъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проѣздомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

(Записки Ф. Вигеля, т. I, ч. I, стр. 216 — 218.)

---

110. Въ дворянской семьѣ въ Москвѣ.

(По Н. Давыдову.)

Семейный домъ обычно дѣлился на двѣ части: мужскую и женскую. На женской половинѣ, въ дѣвичьей, всегда почти одна или двѣ горничныя гладили приносившимися дѣвочками изъ кухни утюгами какую-нибудь принадлежность дамскаго туалета, всего чаще юбки, разложивъ этотъ предметъ на положенной между двумя столами, а то и на особыхъ козлахъ, гладильной доскѣ, обтянутой сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и холстиной, и энергично прыская на бѣлье набранной въ ротъ водой. Тутъ же въ дѣвичьей у особаго стола и за пяльцами сидѣли несколько дѣвушекъ за шитьемъ или иной женской работой, а на столѣ возвышалась «болванка», — сдѣланная изъ картона въ натуральную величину голова съ шеей и плечами, имѣвшая раскрашенное, наподобие женскаго, лицо. На этой болванке отдѣлывались и примѣрялись чепчики, куафюры и шляпы; при этомъ голова болванки бывала вся истыкана булавками, а носъ подшибленъ благодаря паденіямъ болванки, а иногда шалостямъ дѣтей. Въ дѣтскихъ, гдѣ-нибудь на мезонинѣ, на женской половинѣ и въ людскихъ жглись еще сальныя свѣчи въ виду дороговизны стеариновыхъ, «калетовскихъ», такъ звавшихся по фамиліи фабриканта, производившаго ихъ. Въ жилыхъ комнатахъ, мало провѣтривавшихся зимою, такъ какъ форточекъ было немного, а въ иныхъ домахъ ихъ и совсѣмъ не полагалось, а объ искусственной вентиляціи никто въ Москвѣ и понятія не имѣлъ, — курили для освѣженія воздуха «смолкой», конусообразнымъ предметомъ изъ бересты, туго набитымъ внутри приправленной чѣмъ-то вроде ладана смолой, которая разжигалась уголькомъ и давала изрядный и сильно пахучій дымъ. Парадныя комнаты тоже освѣжались, но или раскаленнымъ кирпичемъ, положеннымъ въ мѣдный тазъ съ мятой, обливаемой уксусомъ, или особымъ раскаливавшимся круглымъ инструментомъ съ ручкой, на который лили какіе-нибудь духи.

Домашняя жизнь московской интеллигентной семьи, обладающей извѣстнымъ достаткомъ, внѣшне протекала въ строго опредѣленномъ порядкѣ, который рѣдко нарушался. Рано утромъ, пока господа почивали, многочисленная, особенно на женской половинѣ, прислуга — (дворецкій, камердинеръ, дядька, буфетчикъ, ламповщикъ, выѣздной, буфетный мужикъ, поваръ и поварята, швейцаръ, истопникъ, дворникъ, мальчикъ, экономка, бонна, няня, горничныя разныхъ категорій, швеи, кухарка, поломойка, дѣвочки) — чистила и убирала остальныя, кромѣ спаленъ, комнаты, причемъ чистка эта была достаточно поверхностная и основательно производилась только передъ большими праздниками. Но зато во время этой предпраздничной чистки все въ домѣ ставилось кверху дномъ, и въ комнатахъ дня два или три царилъ отчаянный безпорядокъ. На мужской половинѣ чистились ваксой сапоги (ботинки тогда носились въ видѣ исключенія), а одежда — вѣниками, въ сѣняхъ у «чернаго входа» или въ кухнѣ ставился самоваръ, а въ столовой накрывался столъ для утренняго чая и кофе, къ которому подавались горячіе филипповские калачи и соленые бублики. Къ 8½ час. вся младшая часть семьи въ сопровожденіи педагогическаго персонала обязательно собиралась за чайнымъ столомъ, и тутъ происходили пререканія и раздоры изъ-за права на

ручку отъ калача и пѣнки отъ сливокъ. Затѣмъ наступалъ дѣловой день: отецъ семьи уѣзжалъ по службѣ или по дѣламъ, барыня предавалась хозяйственнымъ или туалетнымъ занятіямъ, а дѣтей уводили наверхъ, — дѣвочекъ гувернантки, а мальчиковъ гувернеры, и засаживали за уроки.

Дѣти тогда, повидимому, не менѣе любимые родителями, чѣмъ теперь, не вызывали, однако, столькихъ заботъ, особенно въ отношеніи гигіены, и не составляли безусловно преобладающаго элемента въ жизни семьи; имъ отводились комнаты наверху, въ мезонинѣ, часто низенькія, совсѣмъ не провѣтривавшіяся. Особой діэтѣ ихъ не подвергали, да и самое дѣло воспитанія въ значительной степени предоставляли наставникамъ и наставницамъ, слѣдя лишь за общимъ ходомъ его, а непосредственно вмѣшивались въ дѣтскую жизнь лишь въ сравнительно экстренныхъ случаяхъ. Во многихъ вполнѣ почтенныхъ семьяхъ розга примѣнялась къ дѣтямъ младшаго возраста, а затѣмъ была въ ходу вся лѣстница обычныхъ наказаній: безъ сладкаго, безъ прогулки, ставленіе въ уголъ и на колѣни, устраненіе отъ общей игры и т. п. Если попадались хорошіе наставники (что было не рѣдко), то дѣтямъ жилось, несмотря на воспрещеніе шумѣть при старшихъ, вмѣшиваться въ ихъ разговоры, и пріученіе къ порядкамъ и хорошимъ манерамъ, легко и весело...

Въ 12 часовъ дня подавался завтракъ, опаздывать къ которому, такъ же какъ къ обѣду, никому не дозволялось, послѣ чего дѣтей вели гулять, а старшіе проводили время тоже въ прогулкѣ или выѣздахъ за покупками, съ визитами и т. п. Обѣдали обычно въ 5 часовъ. Къ этому времени, кромѣ живущихъ въ домѣ, приходили несколько полу-гостей, то-есть, хотя и не принадлежащихъ къ семьѣ лицъ, но такъ или иначе близкихъ ей и пользовавшихся постоянно ея гостепріимствомъ, — остатокъ приживальщины, которая проявлялась еще и категоричнѣе, такъ какъ при семьѣ нерѣдко проживали бездомные старики и старушки, а иногда, но уже временно, до пріисканія мѣста, и люди не старые. Въ 9 часовъ вечера сервировался въ столовой же общій чай, затѣмъ дѣти шли спать, а кромѣ того, часовъ въ 11 подавался чай уже въ гостиную или кабинетъ для взрослыхъ и гостей. Ужина не полагалось. Кушанья были не особенно изысканныя, но питательныя и вкусныя.

Вечерами, въ кабинетѣ или диванной, а то въ «угловой», устраивалась для старшихъ карточная игра, большею частью вистъ, а домашняя молодежь, къ которой присоединялись часто приходившіе въ семейные дома запросто, «на огонекъ», юные гости обоего пола, — веселилась въ залѣ и гостиной отъ души и тоже запросто, устраивая шарады (чаще по-французски) и другія игры, а иногда и танцуя подъ аккомпаниментъ кого-либо изъ своихъ. Угощеніе тутъ полагалось самое простое: яблоки, иногда апельсины и домашнія сласти, впрочемъ, фигурировали и конфеты отъ входившаго въ моду Эйнема, пряники (bâtons de roi) отъ Педотти и «Studentenfrass» или «les quatre mendiants» [1] — изюмъ, чернословъ, фисташки и миндаль. Устраивались также музыкальные вечера, въ которыхъ обычно принимала участіе, играя на фортепьяно, хозяйская дочка, а представителями струнныхъ инструментовъ бывали въ то время еще молодые музыканты: Герберъ, Клямротъ, Безекирскій и Шмидтъ. Исполнялась классическая камерная музыка: Бетховенъ, Гайднъ; часто устраивалась игра на двухъ фортепьяно въ восемь рукъ, а изрѣдка учинялись и домашніе спектакли; въ нихъ, помню, принимали участіе любители и знатоки этого дѣла А. М. Сухотинъ. В. Б. Бѣгичевъ, И. Н. Лашкевичъ.

Военной молодежи было въ Москвѣ немного и на домашнихъ вечерахъ собиралось всего больше студентовъ московскаго университета. Я помню въ числѣ молодежи, бывшей у насъ въ ту пору, Н. Г. Рубинштейна, Ю. Давидова, графа Е. А. Саліаса, П. А. Капниста, графа В. А. Тизенгаузена, И. Н. Павлова, А. И. Гольденберга, В. П. Бѣгичева, Свербеевыхъ, Лопухиныхъ, Евреиновыхъ, Чичериныхъ, Воейковыхъ, Хомяковыхъ. Давались и настоящіе балы съ оркестромъ музыки (Сакса) и ужиномъ, но несравненно проще и менѣе роскошные, чѣмъ теперь; въ качествѣ прохладительнаго фигурировали почти исключительно оршадъ, лимонадъ и клюквенный напитокъ.

(Н. В. Давыдовъ. «Изъ прошлаго», стр. 17 — 22.)

---

[1]) «Студенческое жранье» или «четверо нищихъ».

111. Въ барскомъ домѣ.

(Изъ «Картинъ русскаго быта въ старину». — Н. Сушкова.)

1. Обѣдъ.

Въ домѣ почетнаго барина назначенъ обѣдъ, по случаю радостнаго дня рожденья пятидесятилѣтней подруги его. Наканунѣ, съ вечера, поваръ призванъ въ столовую на совѣщаніе.

Баринъ. Завтра у насъ гости.

Барыня. Надо постараться, чтобы не стыдно было чужихъ людей.

Поваръ. Кажется, всегда у насъ всего вдоволь.

Барыня. Горячее: супъ и уха.

Баринъ. Именинный пирогъ — въ полтора аршина, подать съ одной стороны, а кулебяку — съ другой.

Поваръ. На холодное что прикажете?

Баринъ. На холодное — погорячее говядину, въ перекладку съ ветчиной.

Барыня. Потомъ блюдо рыбы.

Баринъ. Ну, а соусы — обыкновенное дѣло: красный соусъ, бѣлый соусъ, пуддингъ подъ ромомъ. Послѣ жаркаго хлѣбенное. Знаешь, этакъ, покозырнстѣе. Вотъ это, что къ верху топырится балдахиномъ, съ обливными бисквитами, съ миндальнымъ печеньемъ, марцыпанами, съ сахарными вычурами...

Поваръ. Знаемъ-съ! сердечки изъ леденца, лавровые вѣнки изъ миндаля, грибки шоколадные, вензеля барыни и барышень...

Баринъ. Въ заключеніе — бламанже и желе.

Барыня. Теперь, поди съ богомъ!..

Поваръ ушел. Господа легли почивать. На зарѣ они отправились къ заутренѣ, потомъ къ ранней обѣднѣ, потомъ отдохнули часокъ, другой, потомъ отслужили дома молебенъ съ водосвятіемъ и со слезами, въ полномъ смиреніи, отъ чистаго сердца, благодаря бога за всѣ его милости къ недостойнымъ рабамъ и неключимымъ грѣшникамъ. Тутъ баринъ и барыня пріодѣлись по-праздничному и сѣли другъ противъ друга въ гостиной на жесткомъ канапе, принимать поздравителей и подарки, за которые придется послѣ въ свой чередъ отдариваться. Вотъ скоро первый часъ. Столъ накрытъ покоемъ и установленъ зеркальными, серебряными и стальными плато, съ фонтанами и фарфоровыми куколками: маркизы съ собачками, китайцы съ зонтиками, пастушки съ посошками, пастушки съ овечками и барашками и т. д. Лѣтомъ скатерть должна быть усыпана цвѣтами: астры, васильки, желтыя шапки, ноготки, барская спѣсь и т. п. Люди умыты и причесаны. Долгополые сюртуки починены и почищены. Руки только не такъ бѣлы, какъ снѣгъ — всегда въ работѣ; а перчатокъ въ старину и господа не носили.

Съѣзжаются гости. Они не киваютъ головой кой-кому мимоходомъ, не отдѣлываются полупоклономъ отъ хозяйки и пожатіемъ руки у хозяина; каждый гость и каждая гостья кланяются или присѣдаютъ, при входѣ въ пріемную, на востокъ и западъ, на полдень и полночь; потомъ мужчины подходятъ къ ручкѣ хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ барынь и барышень — и уносятъ сотни поцѣлуевъ на обѣихъ щекахъ; барыня и барышни, расцѣловавшись съ хозяйками и удостоивъ хозяина ручки, въ свой чередъ лобызаются между собою. Послѣ такихъ трудовъ, хозяинъ приглашаетъ гостей, для подкрѣпленья силъ пофриштикать, или, какъ чаще говорилось тогда, перекусить до обеда и глотнуть для возбужденія аппетита. Графины, штофы, бутылки съ водками, настойками, запеканки и закуски — чего хочешь, того просишь! «ѣшь — не хочу!..» просто — роскошь Лукулла! разница только въ томъ, что древніе обжоры возлежали съ своими амфорами за трапезой, а новѣйшіе лакомки на ногахъ одолѣваютъ хоть какой завтракъ.

Столовый дворецкій важно провозглашаетъ: «кушать поставлено». Всѣ встрепенулись, засуетились и двинулись изъ гостиной длиннымъ польскимъ, по-парно, чинно, въ столовую. Тутъ мужчины отправились на одну сторону, а барыни и барышни — на другую. Мѣста заняты по лѣтамъ, чинамъ и значенію. Домашней прислугѣ за всѣми не поспѣть, даромъ что тогда не сдавали съ опорожненной тарелкой прибора, а все кушали, и сладкое, и горькое, одною ложкою и вилкою, только ножи обтирая о корку хлѣба. Домашняя прислуга бѣгаетъ изъ буфета въ кухню, изъ кухни въ буфетъ, да обноситъ кругомъ стола кушанье и вино, всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ на-

званій; а за спинами гостей стоятъ и зѣваютъ съ тарелками ихъ же собственные люди, прибывшіе за возками, санями и пошевнями. Хозяинъ и хозяйка радушно и упрямо — стоитъ Демьяновой ухи — угощаютъ всѣхъ и каждого; а музыка съ хоръ, или изъ угла заглушаетъ всѣ молительные пожалуйте, покушайте!.. покорно благодарю!.. да отвѣдайте!.. мочи нѣтъ!.. хоть немножечко... пьютъ для друга, ѣдятъ для себя... так хлебните рябиновки... еще не прикажете-ли?.. а музыка-то гремитъ — трещитъ — бурлитъ — и только стукотня стульевъ съ концомъ обѣда и шумъ возсоединенія разлученныхъ столомъ паръ, для обратнаго шествія въ пріемную, покрываютъ трескотню и пискотню домашнихъ скрипачей, барабанщиковъ и духоборцевъ: фаготъ, волторны и т. п. Между тѣмъ въ гостиной передъ главнымъ канапе столъ усеянъ лакомствами: варенья, смоква, шептала и т. д.

Одолѣвъ три трапезы, надо отдохнуть — и начались опять рукоприкладства, ланитолобзанья, шарканья и присѣданья, съ поговорками: «не худо теперь на боковую»; «время къ Храповицкому...», «и сытъ и пьянъ...», «пора гостямъ со двора...», «гость до обѣда соловей, а послѣ обѣда воробей...».

2. Балъ.

Въ старину и на балы сбирались, какъ на простые вечера: въ 6 часовъ двѣ плошки уже теплятся у крыльца, продувной фонарь озаряетъ дорогу отъ воротъ къ дому, на лѣстницѣ, по стѣнкамъ, горятъ, или правильнѣе сказать, таютъ сальные огарки, въ прихожей цѣльная свѣча перемѣстилась изъ будничной бутылки съ разбитымъ горлышкомъ въ жестяной подсвѣчникъ, въ пріемныхъ покояхъ стеклянныя, на проволокахъ, подвѣски блестятъ отъ огня дрожащихъ и оплывающихъ въ люстрахъ свѣчей-аплике (сало, налитое въ восковой чехолъ), жирандоли ярко отражаются въ покрывающихъ простѣнки зеркалахъ, а на окнахъ маканыя (сальныя, толстофитильныя) свѣчи воткнуты въ деревянные, некрашенные треугольники, съ тремя жестяными горлышками по концамъ и на верхнемъ углу.

Открывается балъ. «Длинный польскій» потянулся извивистой змѣей по всѣмъ горницамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, спутницы ихъ въ этой чинной прогулкѣ, выкидываютъ разныя продѣлки: то щеголевато кланяясь и присѣдая, то миловидно изгибаясь и повертываясь, то важно скользя и подшаркивая, то замысловато покачиваясь и приискакивая на одну ножку. Вотъ начинается отбой: непопавшіе въ польскій мужчины, одинъ за другимъ, останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму; кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются слѣдующимъ, переходя отъ одной къ другой; а кавалеръ послѣдней пары остается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется въ боскетъ или къ одному изъ карточныхъ столовъ, отдохнуть отъ своего подвига; а иной, преследуемый обидными со всѣхъ сторонъ словами: усталъ! въ отставку! на покой! — отчаянно бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданныя-нежданныя встрѣчи, извиненья, шутки, прибаутки весело кончаютъ длинный польскій, къ общему удовольствію...

Нельзя пройти молчаніемъ ручки и ножки нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Ручки обыкновенно выгибались дугообразно, поднимались съ особенною важностію, опускались тихо, мерно и никогда не висѣли плетью, а всегда держались полукружіемъ, вродѣ непатянутаго тетивою лука. Что до ногъ: онѣ такъ были вывернуты, что, при первой постановкѣ танцующихъ пятки казались сросшимися близнецами. Не понимаю, какъ такія ножки ходили, танцовали, даже бегали и прыгали, да еще на превысокихъ каблукахъ!..

Вотъ длинный польскій превратился въ круглый, со всѣми затѣями, попарными ходами, выходами и обходами, большими и малыми кругами, крестами, цѣпью и т. д. Вотъ рисуется важно - плавно - скучно-безсмысленный м и н а в е т. Вотъ выстраивается въ два ряда экосезъ или англезъ. Потомъ начинаются кадрили, не нынѣшнія, французскія, а простыя, препростыя кадрили съ вальсомъ; за ними — манимаска или краковьякъ, пергурдинъ или матрадура. Въ заключеніе — горлица или мятелица. Послѣ ужина — тампетъ или попури.

лѣтъ тридцать назадъ все это было поглощено безконечнымъ котильономъ, вѣтреннымъ гросфатеромъ и стукотливой мазуркой. Теперь угрожаетъ всѣмъ прежнимъ и новѣйшимъ танцамъ нашествіе полекъ: полекъ скачущихъ и кружащихся, полекъ покачивающихся и трясущихся, полекъ змѣей изгибающихся и со стороны на сторону кидающихся, полекъ.... да всѣхъ видовъ, ухватокъ и прелестей полекъ не уловить! Кто бывалъ въ Польшѣ, тотъ на себѣ это знаетъ...

(Сб. «Раутъ» на 1852 г., стр. 449—471.)

---

112. Возы пріѣхали.

(По Водовозовой.)

— Возы, возы пріѣхали! — вдругъ начинали кричать братья и сестры. При этихъ крикахъ мы, дѣтишки, стремглавъ бросались къ окнамъ, и намъ было видно, что узенькая уличка, на которой стоялъ нашъ домъ, вся запружена нашими деревенскими возами...

Шумно и торжественно вносили крестьяне въ домъ кадки, бочки и бочонки съ квашеной капустой, съ солониной, масломъ, творогомъ, сметаной, съ замороженными сливками. Наконецъ, все разставлено по полу во всѣхъ комнатахъ, которыя принимаютъ видъ безпорядочного базара самой разнообразной снѣди. Выходныя двери закрываютъ, и начинается распаковка: ящики взламываютъ, узлы и мѣшки развязываютъ, рогожи разрѣзаютъ и оттуда извлекаютъ банки съ вареньемъ, горшки съ маринадами, мочеными яблоками, соленою рыбою, съ медовыми сотами, съ солеными и маринованными грибами и огурцами, вытаскиваютъ мороженыхъ куръ, поросятъ, индѣекъ, гусей и всякую дичину. Затѣмъ постепенно начинаютъ все это сортировать, что относятъ въ погребъ, что въ кладовушки и боковушки...

Если бы наша семья не могла получать изъ деревни провизіи, а также холста и кожъ, если бы крѣпостные не обшивали бы насъ съ ногъ до головы, если бы мы не жили въ деревнѣ по нѣскольку мѣсяцев въ году, мы не могли бы существовать, а тѣмъ болѣе жить на барскую ногу, какъ это было при отцѣ...

(Восп. Водовозовой. Сб. Мельгунова, «Крест. жизнь», стр. 14—16.)

---

113. Кн. Вяземскій. Обозъ.

...Покажется декабрь, и тысяча обозовъ
Изъ пристаней степныхъ пойдутъ за барышемъ,
И путь, уравненный отъ снѣга и морозовъ,
Начнутъ коверкать непутемъ.
Несутъ къ столицамъ ненасытнымъ
Что цѣлый годъ росло, а люди въ день съѣдятъ:
Богатства русскія подъ видомъ первобытнымъ
Гречихи, ржи, овса и мерзлыхъ поросятъ,
И сельскихъ прихотей запасъ разнообразный,
Ко внукамъ бабушекъ гостинцы изъ села
И городскимъ властямъ невинные соблазны:
Соленые грибы, наливки, пастила.
Какъ муравьи они копышатся роями,
Какъ муравьямъ имъ счета не свести;
Какъ зміи длинные, во всю длину пути
Перегибаются лѣнивыми хребтами.
То разрываютъ снѣгъ пронзительнымъ ребромъ,
И застываетъ слѣдъ, прорѣзанный глубоко;
То разгребаютъ снѣгъ хвостомъ,
Который съ бока въ бокъ волочится широко.
Ужъ хлѣбосольная Москва
Ждетъ сухопутныя флотильи,
Въ гостепріимномъ изобильи
Ея повысились права.
Всю душу передавъ заботливому взору,
Къ окну разъ десять въ день подходитъ бригадиръ,
Глядитъ и думаетъ: придетъ ли помощь въ пору?
Задастъ ли съ честью онъ свой именинный пиръ?
Съ умильной радостью, съ слезой мягкосердечья,
Ужъ исчисляетъ онъ гостей почетныхъ съѣздъ,
И сколько блюдъ и сколько звѣздъ
Украсятъ пиръ его въ глазахъ Замоскворѣчья.
Ужъ предначертанъ планъ, какъ дастся сытный бой,
Чтобъ быть ему гостей и дня того достойнымъ;
Ужъ въ тѣсной залѣ столъ большой
Рисуется предъ нимъ покоемъ безпокойнымъ.
Просторъ локтямъ! изрекъ французской кухни судъ,
Но намъ онъ не указъ: благодаримъ покорно!
Другъ друга поприжавъ, намъ будетъ всѣмъ просторно;
Вѣдь люди въ тѣснотѣ живутъ.
И хриплымъ голосомъ и брюхомъ на виду,

Рожденный быть вождемъ въ служительскихъ
фалангахъ,
Дворецкій съ важностью въ лицѣ и на ходу
Разноситъ кушанья по табели о рангахъ.
Дверь настежь: съ торжествомъ, какъ витязь на
щитахъ,
Толпой рабовъ осетръ выносится картинно,
За нимъ салфеткою спеленутую чинно
Несутъ вдову Клико, согрѣтую въ рукахъ...

(Соч. кн. Вяземскаго, томъ IV, стр. 29—30.)

114. П. Крапоткин. Старая Конюшенная [1]).

Москва — город медленного исторического роста. От того различные ее части так хорошо сохранили до сих пор черты, наложенные на них ходом истории. Замоскворечье, с его широкими, сонными улицами и однообразными, серыми невысокими домами, ворота которых накрепко заперты и днем и ночью, осталось и поныне излюбленым местом купечества и твердыней суровых, деспотических, преданных форме старообрядцев. Кремль и теперь еще является твердыней государства и церкви. Громадная площадь перед ним, застроенная тысячами лавок и лабазов, с незапамятных времен представляла настоящую торговую толчею и до сих пор является сердцем внутренней торговли обширной империи. На Тверской и Кузнецком Мосту издавна сосредоточены главные модные магазины; тогда как заселенные мастеровым народом Плющиха и Дорогомиловка сохранили те самые черты, которыми отличалось их буйное население во времена московских царей. Каждая часть составляет сама по себе отдельный мирок, со своей собственной физиономией и живет своей особой жизнью. Даже склады и мастерские, тяжело нагруженные вагоны и паровозы железных дорог, когда последние вторглись в древнюю столицу, — и те сосредоточились отдельно, в особых центрах, на окраинах старого города.

Из всех московских частей, быть может, ни одна так не типична, как лабиринт чистых, спокойных, извилистых улиц и переулков, раскинувшийся за Кремлем, между Арбатом и Пречистенкой, и известный под названием Старой Конюшенной.

Около 50 лет тому назад тут жило и медленно вымирало старое московское дворянство, имена которого часто упоминаются в русской истории до Петра I. Эти имена исчезли мало-по-малу, уступив место именам новых людей, «разночинцев», призванных на службу основателем русской империи. Чувствуя, что его оттеснили при Петербургском дворе, родовитое дворянство удалилось на покой, либо в Старую Конюшенную, либо в свои живописные подмосковные. Оттуда оно глядело с некоторым презрением и с тайной завистью на пеструю толпу, занявшую высшие правительственные должности в новой столице на берегах Невы.

В молодые годы большинство из них тоже пытало счастье на государственной, большею частью, военной службе; но в силу тех или других причин, вскоре оставляло ее, не добравшись до высоких чинов. Наиболее счастливые (мой отец был в числе их) получали какую-нибудь покойную почетную службу в родном городе; большинство же просто выходило в отставку. Но в какой бы дальний угол России их ни забрасывала служба, родовитые дворяне все как-то ухитрялись доживать старые годы в собственном доме в Старой Конюшенной, вблизи той самой церкви, где их когда-то крестили, и где отпевали их родителей.

Старые корни пускали новые побеги. Некоторые из них более или менее отличались в различных концах России; иные приобретали более роскошные, в новом стиле, дома в других частях Москвы или в Петербурге; но истинной представительницей рода считалась все же та ветвь, какое бы ни было ее положение в родословном древе, которая жила возле зеленой, желтой, розовой или коричневой церкви, ставшей дорогой по семейным событиям. К старомодному представителю рода относились с большим уважением, хотя, должен сознаться, не без некоторой примеси легкой иронии, даже те молодые представители рода, которые покинули свой город и сделали блестящую карьеру в гвардии или же при дворе: старик являлся для молодых олицетворением рода и его традиций.

В этих тихих улицах, лежащих в стороне от шума и суеты торговой Москвы, все дома

[1]) Написано в 90 годах XIX века.

были очень похожи друг на друга. Большею частью они были деревянные, с ярко-зелеными железными крышами; у всех фасад с колоннами, все выкрашены по штукатурке в веселые цвета. Почти все дома строились в один этаж, с выходящими на улицу семью или девятью большими светлыми окнами. Второй этаж допускался лишь в мезонине, выходившем на просторный двор, обстроенный многочисленными службами: кухнями, конюшнями, сараями, погребами и людскими. Во двор вели широкие ворота, и на медной доске над калиткой значилось обыкновенно: «Дом поручика или штабс-ротмистра и кавалера такого-то». Редко можно было встретить «генерал-майора» или соответственный гражданский чин. Но если на этих улицах стоял более нарядный дом, обнесенный золоченой решеткой с железными воротами, то на доске, наверное, уже значился «коммерции советник», или «почетный гражданин» такой-то. То был народ непрошенный, втершийся в квартал, и поэтому не признаваемый соседями.

Лавки в эти улицы не допускались, за исключением разве мелочной или овощной лавочки, которая ютилась в деревянном домике, принадлежавшем приходской церкви. Зато на углу уже наверное стояла полицейская будка, у дверей которой днем показывался сам будочник, с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходящим офицерам. С наступлением же сумерек он вновь забирался в свою темную будку, где занимался или починкой сапог, или же изготовлением какого-нибудь особенно забористого нюхательного табаку, на который предъявлялся большой спрос со стороны пожилых слуг из соседних домов.

Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мере, на посторонний взгляд, в этом Сен-Жерменском предместье Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Попозже можно было видеть барынь в парных санях, с лакеем на запятках, а то в старомодных, громадных и просторных, на высоких, висячих рессорах, каретах, запряженных четверкой, с форейтором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или танцующими. В те дни «идеи» еще не были в ходу; еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или же ночным посещением жандармов. Пятьдесят лет тому назад никто не думал ни о чем подобном. Все было тихо и спокойно, по крайней мере, на поверхности...

(П. Кропоткин. Записки революц., ч. I, гл. I.)

---

115. П. Кропоткин. Старое барство.

В то время богатство измерялось числом «душ», которыми владел помещик. «Души» означали крепостных мужского пола; женщины в счет не шли. Мой отец считался богатым человеком. У него было около 1.200 душ в трех различных губерниях и еще большие земли, и он жил соответственно своему положению. Это значило, что его дом был открыт для гостей, и что отец держал многочисленную дворню. В семье нас было восемь человек, иногда десять или двенадцать; между тем пятьдесят человек прислуги в Москве, и около шестидесяти в деревне не считалось слишком большим штатом. Тогда казалось бы непонятным, как можно было обойтись без четырех кучеров, смотревших за двенадцатью лошадьми, без трех поваров для господ, и кухарок для «людей», без двенадцати лакеев, прислуживавших за столом во время обеда (за каждым обедающим стоял лакей с тарелкой) и без бесчисленных горничных в девичьей.

В то время заветным желанием каждого помещика было, чтобы все необходимое в хозяйстве изготовлялось собственными крепостными людьми. Все это вот для чего. Если кто-нибудь из гостей заметит:

— Как хорошо настроен ваш рояль. Ваш настройщик, вероятно, Шиммель?

То истинный барин отвечал:

— У меня собственный настройщик.

— Что за прекрасное пирожное! — бывало воскликнет кто-нибудь из гостей, когда к концу обеда появлялось своего рода художественное

произведение из мороженого и печений. — Признайтесь, князь, это от Трамбле (модный кондитер того времени).

— Нет, это делал мой собственный кондитер, ученик Трамбле. Я позволил ему сегодня показать свое искусство.

Заметным желанием каждого богатого и знатного помещика было иметь мебель, сбрую, вышивки, — словом, все, от собственных мастеров. Когда детям дворовых исполнялось десять лет, их отдавали на выучку в модные мастерские. Пять или семь лет они выметали лавку, получали бесчисленные колотушки и состояли, главным образом, на побегушках. Я должен сказать, что немногие выучивались в совершенстве ремеслу. Портные и сапожники могли шить платье и сапоги только на прислугу; когда же нужно было действительно хорошее пирожное, его заказывали у Трамбле, а наш кондитер играл в это время на барабане в крепостном оркестре. Этот оркестр был другим пунктом тщеславия моего отца; почти каждый дворовый, помимо своего ремесла, состоял еще басом, тромбоном или кларнетом в оркестре. Настройщик Макар, он же помощник дворецкого, играл также на флейте. Портной Андрей играл на валторне. Обязанностью же кондитера было вначале бить в барабан; но он так усердствовал, что оглушал всех. Тогда ему купили чудовищную трубу, в надежде, что, быть может, легкими он не будет в состоянии производить такой шум, как руками. Но когда и эта надежда не оправдалась, его сдали в солдаты. Что же касается рябого Тихона, то помимо бесчисленных обязанностей в доме, в роли ламповщика, полотера или выездного лакея, он еще не без пользы помогал в оркестре, сегодня на тромбоне, завтра на контр-басе, а не то и как вторая скрипка.

Две первые скрипки составляли единственное исключение из правила. Они были только скрипками. Отец купил их за большие деньги, с семьями, у сестер (он никогда не покупал крепостных у посторонних и не продавал людей чужим). И вот по вечерам, когда отец не уезжал в клуб или когда у нас бывали гости, играл оркестр из двенадцати или пятнадцати музыкантов, и играл очень недурно. На наш оркестр был большой спрос, когда соседи, в особенности в деревне, устраивали вечера с танцами. Каждый раз, конечно, в подобных случаях нужно было спросить разрешение отца...

Один из наших ближайших родственников, назову его Мирским, провел молодость в Петербурге, где служил в гвардии. Иметь крепостного портного или мебельщика его не занимало. Дом его был великолепно убран, а платье он носил от лучшего петербургского портного. Он не любил карт и играл лишь с дамами; зато его слабостью была еда, на которую он тратил невероятные деньги.

В особенности развертывался он во время поста и пасхи. Постом он погружался всецело в изобретение тонких рыбных блюд. С этой целью он перерывал лавки в обеих столицах; а из вотчин командировались специальные гонцы к устьям Волги, чтобы доставить оттуда на почтовых (железных дорог тогда еще не было) громадного осетра или какой-нибудь необыкновенный балык. Когда же наступала пасха, его изобретательности не было конца...

Всю пасхальную неделю в зале стоял накрытый стол, и гости приглашались закусить. И в этом случае, бывало, князь Мирский развернется. Даже когда он встречал пасху в Петербурге, гонцы одинаково привозили ему из деревни нарочито приготовленный творог для пасок, из которого повар мастерил своего рода художественные произведения; а другой нарочный скакал в новгородскую деревню за медвежьим окороком, который специально коптился для княжеского пасхального стола.

Княгиня была всю страстную неделю в очень удрученном настроении, посещая с двумя дочерьми самые суровые монастыри, где каждая всенощная длилась по три и по четыре часа, и съедая только кусок черствого хлеба в промежутках между службами и посещением православных, католических и протестантских проповедников. А муж ее, в это время, каждое утро объезжал знаменитые Милютины лавки, где гастрономы находят деликатесы со всех концов земли. Здесь князь выбирал для пасхального стола все самое дорогое и тонкое. Зато во время пасхальной недели сотни гостей являлись к нему, и их просили «только отведать» ту или другую диковинку.

Кончилось тем, что князь ухитрился буквально проесть свое значительное состояние. Его роскошно омеблированный дом и прекрасное

имение продали и на старости лет у князя и княгини ничего не осталось: не было даже своего угла. Они должны были жить у детей.

Так шла жизнь в наших краях, и нечего удивляться поэтому, что после освобождения крестьян почти вся Старая Конюшенная разорилась. Но я забегаю вперед...

(П. Крапоткин. Записки революц., ч. I, гл. VI.)

---

116. П. Крапоткин. Оброки.

Содержать такую многочисленную дворню, как у нас, было бы накладно, если бы приходилось всю провизию покупать в Москве. Но во время крепостного права все устраивалось очень просто. Когда наступала зима, отец садился за стол и писал:

«Бурмистру моему, села Никольского, Калужской губ., Мещовского уезда, что на реке Спрене, от князя Алексея Петровича Крапоткина, полковника и кавалера — приказ:

«По получении сего, как только установится санный путь, предписывается тебе отправить в мой дом, в город Москву, двадцать пять крестьянских парных подвод, по лошади от двора, да по человеку и по дровням от другого; нагрузить столько-то четвертей овса, столько-то ржи, а также кур, гусей и уток, которые должны быть убиты в эту зиму, хорошо замороженны, хорошо упакованы и препровождены при описи с верными людьми», — в том же духе шли две страницы, до первой точки. Далее шло перечисление наказаний, которые постигнут виновников, если провизия не прибудет во-время и в хорошем состоянии в дом номер такой-то, на такой-то улице.

Незадолго до рождества двадцать пять крестьянских саней, действительно, въезжали в ворота и заполняли весь громадный двор.

Как только докладывалось отцу об этом важном событии, он начинал звать громко:

— Фрол! Кирюшка! Егорка! Где вы там? Все раскрадут! Фрол, ступай принимать овес! Ульяна! ступай принимать птицу! Кирюшка! зови княгиню!

Во всем доме начиналось смятение. Слуги метались, как угорелые, во все стороны, из передней во двор, а из двора опять в переднюю, но, главным образом, в девичью, чтобы сообщить Никольские новости: «Паша выходит замуж после рождества. Тетка Анна отдала богу душу», и т. п. Прибывали также и письма из деревни. Вскоре которая-нибудь из горничных уже пробиралась наверх в мою комнату.

— Петенька, вы одни? Учителя нет?

— Нет, он в университете.

— Так ты, пожалуйста, прочитай письмо от матери.

И я принимался читать наивное письмо, которое неизменно начиналось словами: «Родители шлют тебе свое благословение, навеки нерушимое». Затем следовали уже новости. Тетка Афросинья больна, ноют у нее все кости. Братан еще не женился, но уповаем женится на красную горку. Тетки Степаниды корова пала на всех святых». За новостями шли две страницы поклонов. Братец Павел посылает поклон и сестрицы Марья да Дарья шлют поклон и еще низкий поклон от дяди Митрия», и т. д. Несмотря на монотонность перечисления, каждое имя вызывало какое-нибудь замечание. «Значит, еще жива, бедная. Вот уже девять лет, как она лежит пластом»... Или: «ишь, не забыл меня. Значит вернулся к рождеству. Славный парень. Вы напишите мне письмецо. Тогда и его не забыть бы». Я обещал, конечно, и в должное время писал письмо точно в таком же роде.

Когда сани бывали разгружены, передняя наполнялась крестьянами. Они стояли в армяках, поверх полушубков, и дожидались, покуда отец позовет их в кабинет, чтобы расспросить их о том, каков снег выпал и каковы виды на урожай. Они робели ступать по навощенному паркету, и немногие решались присесть на краешек дубовой скамьи. От стульев они наотрез отказывались. Так они дожидались целыми часами, глядя с тоской на каждого, входившего или выходившего из кабинета. Несколько попозже, обыкновенно на другой день, кто-нибудь из слуг украдкой пробирался в нашу классную комнату.

— Князинька, вы одни?

— Да.

— Так бегите скорее в переднюю. Мужики хотят вас видеть, гостинцы привезли от кормилицы.

Когда я спускался в переднюю, кто-нибудь из крестьян вручал мне узелок с гостинцами:

несколько ржаных лепешек, полдюжины крутых яиц, несколько яблок. Все это было завязано в пестрый ситцевый платок.

— Вот это тебе гостинцы от кормилицы Василисы. Уж не замерзли ли яблоки? Авось, нет. Я их всю дорогу держал за пазухой. Да уж не дай бог, какой мороз! — И широкое бородатое лицо сияло от улыбки, а из-под густой стрехи усов сверкали два ряда ослепительных зубов.

— А это для братца от его кормилицы Анны, — прибавлял другой, вручая мне такой же узелок: — бедный, — сказала она, — поди никогда недоест-то там, в корпусе.

Я краснел и не знал, что ответить. Наконец, я бормотал: «Скажи Василисе, что я целую ее; то же самое скажи Анне от брата». При этом лица у крестьян еще более расцветали.

— Да, ужо передам, само собой.

Кирилл, который караулил у дверей отцовского кабинета, начинал шептать: «Бегите скорее наверх, папаша сейчас выйдут. Не забудьте платок, они хотят его взять обратно», — шептал он, догоняя меня на лестнице; и когда я тщательно складывал поношенный платок, мне сильно захотелось послать Василисе что-нибудь. Но у меня ничего не было, не было даже игрушек. Никогда нам не давали карманных денег.

(П. Крапоткин. Записки революц., ч. I, гл. VII.)

---

117. П. Крапоткин. В деревню.

Лучшее наше время было, конечно, в деревне. Как только проходила пасха и троица, все наши мысли были сосредоточены на Никольском. Но время шло. По нашим соображениям сирень должна была отцвести в деревне, а, между тем, тысяча дел все еще задерживала отца в городе. Наконец, во двор въезжало пять или шесть крестьянских телег, чтобы забрать все необходимое для деревни. Выкатывались и еще раз осматривались старинная карета и другие экипажи, в которых мы должны были ехать. Начинали укладывать сундуки. Учение наше подвигалось медленно. Ежеминутно мы прерывали учителей вопросами: следует ли с собой взять ту или другую книгу? Гораздо раньше остальных, мы начинали укладывать наши книги, аспидные доски и самодельные игрушки. Наконец, все готово: возы нагружены необходимой для деревни мебелью, ящиками с кухонной посудой и бесчисленными пустыми банками для варенья и соленья. Мужики целыми часами ждут ежедневно в передней. Но приказ тронуться в путь еще не отдавался. Отец все писал по утрам в кабинете, а вечером уезжал в клуб. Наконец, вмешивалась мачеха, так как ее горничная решалась доложить, что мужикам давно пора домой: близится сенокос.

На следующее утро звали в кабинет Фрола и первую скрипку, Михайлу Алеева. Дворецкому вручался мешок с кормовыми деньгами для 40—50 человек, которые должны были сопровождать нас в Никольское, и «реестр». В нем перечислялись все: оркестр в полном составе, затем повара и поваренки, прачки и подпрачка, наделенная шестью ребятишками, Полька Косая, Домна Большая, Домна Малая... Никто не был забыт.

Первой скрипке вручался маршрут. Я помню его хорошо, потому что отец, видя, что сам никогда не управится, всегда, бывало, велит мне переписать маршрут в книгу «для исходящих бумаг».

«Моему дворовому, Михайле Алееву, от князя Алексея Петровича Крапоткина, полковника и кавалера — п р и к а з:

«Предписывается тебе тронуться с моим обозом 29 мая, в шесть часов утра, из города Москвы в деревню мою Никольское, Калужской губернии, Мещовского уезда, что на реке Сирене, в 230 верстах от сего дома; смотреть за хорошим поведением людей, порученных тебе, а если кто-либо из них провинится в пьянстве или неповиновении, то ты должен доставить виновного к начальнику гарнизонной службы, вместе с приложенным циркулярным письмом, и просить о наказании оного (первая скрипка понимал уже кого) в пример другим.

«Приказывается тебе в особенности смотреть за целостью вещей, доверенных тебе, и ехать согласно маршрута: первый день остановиться в такой-то деревне покормить лошадей; второй день ночевать в городе Подольске». И так далее; точно было указано, как провести все семь или восемь дней в пути.

На следующий день в десять, вместо шести, — точность не в числе русских добродетелей («слава богу, мы не немцы») — обоз трогался в путь. «Дворовым» предстояло итти пешком. Лишь ребятишкам уступалось место где-нибудь в ванне или же в ящике на самом верху нагруженного воза, да женщины иногда могли присесть на край телеги. Остальные шли пешком все двести тридцать верст. Покуда шли Москвой, соблюдалась дисциплина: безусловно было запрещено запрятывать панталоны в сапоги и опоясываться поясом. Но когда, дня через два, мы обгоняли обоз, в особенности если было известно, что отец останется в Москве, мы находили несколько иную картину. Мужчины и женщины, в каких-то невероятных армяках, подпоясанных платками, шагали, подпираясь палками, вырезанными в лесу, по дороге. Загорелые от солнца, или же промоченные дождем, они походили скорее на кочующий цыганский табор, чем на дворовых богатого помещика. Так странствовали в то время дворовые всех барских домов. Когда мы видели толпу проходивших по одной из наших улиц, мы знали уже, что Апухтины или Прянишниковы перебираются.

Обоз выезжал, а семья наша все еще не трогалась. Нам всем страшно надоело ожидание. Но отец все писал бурмистрам приказы, а я тщательно переписывал их в книгу «исходящих бумаг». Наконец, отдавалось приказание тронуться в путь. Нас всех сзывали вниз. Отец громко прочитывал маршрут «княгине Крапоткиной, жене князя Алексея Петровича Крапоткина, полковника и кавалера». В бумаге подробно перечислялось, где следует останавливаться в продолжение пятидневного путешествия. Нужно сказать, что приказ был на 30 мая, и отъезд назначался в шесть часов утра. Между тем май прошел, и выезжали мы в полдень, что расстраивало все вычисления. Но, как и всегда бывает в военных приказах о походе, это обстоятельство было предусмотрено и оговорено в следующем параграфе: «Если же, паче чаяния, отъезд вашего сиятельства не состоится в назначенный день и час, вы уполномочиваетесь поступать согласно собственному усмотрению, дабы привести оное путешествие к благополучному окончанию».

Затем вся семья и прислуга садились на минуту, крестились и прощались с отцом. «Умоляю тебя, Алексис, не ходи в клуб», — шептала мачеха. Большая карета, запряженная четверкой, с форейтором впереди, дожидалась у подъезда. Подножка лесенкой откидывалась. Места наши в карете были точно указаны маршрутом, но так как все не умещались, то мачехе тут же приходилось распорядиться «согласно собственному усмотрению». Наконец, к всеобщему удовольствию, мы трогались...

(П. Крапоткин. Записки революц., ч. I, гл. VII.)

---

118. Из «Былого и Дум» Герцена.

Оброки натурою.

Всякий год, около масленицы, пензенские крестьяне привозили из-под Керенска оброк натурой. Недели две тащился бедный обоз, нагруженный свиными тушами, поросятами, гусями, курами, крупами, рожью, яйцами, маслом и, наконец, холстом. Приезд керенских мужиков был праздником для всей дворни, они грабили мужиков, обсчитывали на каждом шагу и притом без малейшего права. Кучера с них брали за воду в колодце, не позволяли поить лошадей без платы, бабы за тепло в избе; аристократам передней они должны были кланяться, кому поросенком и полотенцем, кому гусем и маслом. Все время их пребывания на барском дворе шел пир горой у прислуги, делались селянки, жарились поросята, и в передней носился постоянно запах лука, подгорелого жира и сивухи, уже выпитой. Бакай последние два дня не входил в переднюю и не вполне одевался, а сидел в накинутой старой шинели, без жилета и куртки, в сенях кухни. Никита Андреевич видимо худел и становился смуглее и старше. Отец мой выносил все это довольно спокойно, зная, что это необходимо и отвратить этого нельзя.

После приема мерзлой живности, отец мой — и тут самая замечательная черта в том, что эта шутка повторялась ежегодно — призывал повара Спиридона и отправлял его в Охотный ряд и на Смоленской рынок узнать цены. Повар возвращался с баснословными ценами, меньше чем в половину. Отец мой говорил, что он дурак и посылал за Шкуном или

Слепушкиным. Слепушкин торговал фруктами у Ильинских ворот. И тот и другой находили цены повара ужасно низкими, справлялись и приносили цены повыше. Наконец, Слепушкин предлагал взять все огулом, и яйца, и поросят, и масло, и рожь, «чтобы вашему-то здоровию, батюшка, никакого беспокойства не было». Цену он давал, само собой разумеется, несколько выше поварской. Отец мой соглашался. Слепушкин приносил ему на сбрыски апельсинов с пряниками, а повару — двухсотрублевую ассигнацию.

(Соч. Герцена. Былое и Думы, гл. V.)

119. Из «Былого и Дум» Герцена.

День в доме отца Герцена.

Чтобы дать полное понятие о нашем житье-бытье, опишу целый день с утра; однообразность была именно одна из самых убийственных вещей, жизнь у нас шла как английские часы, у которых убавлен ход, тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду.

В десятом часу утра камердинер, сидевший в комнате возле спальной, уведомлял Веру Артамоновну, мою экс-нянюшку, что барин встает. Она отправлялась приготовлять кофей, который он пил один в своем кабинете. Все в доме принимало иной вид, люди начинали чистить комнаты, по крайней мере, показывали вид, что делают что-нибудь. Передняя, до тех пор пустая, наполнялась, даже большая ньюфаундлендская собака, Макбет, садилась перед печью и не мигая смотрела на огонь.

За кофеем старик читал «Московские Ведомости» и «Журналь де Сан-Петерсбур». Не мешает заметить, что «Московские Ведомости» было велено греть, чтобы не простудить рук от сырости листов, и что политические новости мой отец читал во французском тексте, находя русский неясным. Одно время он брал откуда-то «Гамбургскую Газету», но не мог примириться, что немцы печатают немецкими буквами, всякий раз показывал мне разницу между французской печатью и немецкой, и говорил, что от этих вычурных готических букв с хвостиком слабеет зрение. Потом он выписал «Журналь де Франфор», а впоследствии ограничивался отечественными газетами.

Окончив чтение, он примечал, что в его комнате уже находится Карл Иванович Зоненберг.

Приметив Карла Ивановича, отец мой тотчас же начинал небольшие военные действия против него. Карл Иванович осведомлялся о здоровьи, старик благодарил поклоном и потом, подумавши, спрашивал, например:

— Где вы покупаете помаду?

При этом необходимо сказать, что Карл Иванович, пребезобразнейший из смертных, был страшный волокита, считал себя ловеласом, одевался с претензией и носил завитую золотисто-белокурую накладку. Все это, разумеется, давно было взвешено и оценено моим отцом.

— У Буйс, на Кузнецкой мост, — отрывисто отвечал Карл Иванович, несколько пикированный, и ставил одну ногу на другую, как человек, готовый постоять за себя.

— Как называется этот запах?

— Нахт-фиолен, — отвечал Карл Иванович.

— Он вас обманывает, виолет — это запах нежный, c'est un parfum [1]), а это какой-то крепкий, противный, тела бальзамируют чем-то таким; куда нервы стали у меня слабы, мне даже тошно сделалось, велите-ка мне дать одеколонь.

Карл Иванович сам бросался за стклянкой.

— Да, нет, вы уже позовите кого-нибудь, а то вы еще ближе подойдете, мне сделается дурно, я упаду.

Карл Иванович, рассчитывавший на действие своей помады на девичью, глубоко огорчался.

Опрыскавши комнату оде-колонью, отец мой придумывал комиссии: купить французского табаку, английской магнезии, посмотреть продажную по газетам карету (он ничего не покупал). Карл Иванович, приятно раскланявшись и душевно довольный, что отделался, уходил до обеда.

После Карла Ивановича являлся повар; что бы он ни купил, и что бы ни написал, отец мой находил чрезмерно дорогим.

— У-у, какая дороговизна! что это, подвозов, что ли, нет?

— Точно так-с, — отвечал повар, — дороги оченно дурны.

— Ну, так знаешь, пока их починят, мы с тобой будем поменьше покупать.

---

1) Это духи.

После этого он садился за свой письменный стол, писал отписки и приказания в деревни, сводил счеты, между делом журил меня, принимал доктора, а, главное, ссорился со своим камердинером. Это был первый пациент во всем доме.

Камердинер обыкновенно при таких проделках что-нибудь отвечал, но когда не находил ответа в глаза, то, выходя, бормотал сквозь зубы. Тогда барин том же спокойным голосом звал его и спрашивал: что он ему сказал?

— Я не докладывал ни слова.

— С кем же ты говоришь? Кроме меня и тебя никого нет ни в этой комнате, ни в той.

— Сам с собой.

— Это очень опасно, с этого начинается сумасшествие.

Камердинер с бешенством уходил в свою комнату возле спальной, там он читал «Московские Ведомости», и тресировал волосы для продажных париков. Вероятно, чтобы отвести сердце, он свирепо нюхал табак; табак ли был у него силен, нервы носа, что ли, были слабы, но он вследствие этого почти всегда раз шесть или семь чихал.

Барин звонил, камердинер бросал свою пачку волос и входил.

— Это ты чихаешь?

— Я-с.

— Желаю здравствовать. — И он давал знак рукой, чтоб камердинер удалился.

В последний день масленицы все люди, по старинному обычаю, приходили вечером просить прощения к барину; в этих торжественных случаях мой отец выходил в залу, сопровождаемый камердинером. Тут он делал вид, будто не всех узнает.

— Что это за почтенный старец стоит там в углу? — спрашивал он камердинера.

— Кучер Данило, — отвечал отрывисто камердинер, зная, что все это одно драматическое представление.

— Скажи, пожалуйста, как он переменился! Я, право, думаю, что это все от вина люди так стареют! Чем он занимается?

— Дрова т а с к а е т в печи.

Старик делал вид нестерпимой боли. — Как это ты в тридцать лет не научился говорить?.. Таскает, — как это таскать дрова? Дрова носят, а не таскают. Ну, Данила, слава богу, господь сподобил меня еще раз видеть. Прощаю тебе все грехи за сей год и овес, который ты тратишь безмерно, и то, что лошадей не чистишь, и ты меня прости. Потаскай еще дровец, пока силенка есть, ну, а теперь настает пост, так вина употребляй поменьше, в наши лета вредно, да и грех. — В этом роде он делал общий смотр.

Обедали мы в четвертом часу. Обед длился долго и был очень скучен. Спиридон был отличный повар, но с одной стороны экономия моего отца, а с другой — его собственная, делали обед довольно тощим, несмотря на то, что блюд было много. Возле моего отца стоял красный глиняный таз, в который он сам клал разные куски для собак, сверх того, он их кормил со своей вилки, что ужасно оскорбляло прислуг и, следовательно, меня... Почему? Трудно сказать...

Но настоящие souffre douleur'ы [1]) обеда были разные старухи, убогие и кочующие приживалки княгини М. А. Хованской (сестры моего отца). Для перемены, а долею для того, чтобы осведомиться, как все обстоит в доме у нас, не было ли ссоры между господами, не дрался ли повар со своей женой, и не узнал ли барин, что Палаша или Ульяша с прибылью — приваживали они иногда в праздники на целый день. Надобно заметить, что эти вдовы еще незамужними, лет сорок, пятьдесят тому назад, были п р и б е ж н ы к дому княгини и княжны Мещерской и с тех пор знали моего отца; что в этот промежуток времени между молодым шатанием и старым кочевьем, они лет двадцать бранились с мужьями, удерживали их от пьянства, ходили за ними в параличе, и снесли их на кладбище. Одни таскались с каким-нибудь гарнизонным офицером и охабкой детей в Бессарабии, другие состояли годы под судом с мужем, и все эти опыты жизненные оставили на них следы повытий и уездных городов, боязнь сильных мира сего, дух уничижения и какое-то тупоумное изуверство.

С ними бывали сцены удивительные.

— Да ты что это, Анна Якимовна, больна что ли, ничего не кушаешь? — спрашивал мой отец.

Скорчившаяся, с поношенным и вылинявшим лицом старушонка, вдова какого-то смот-

---

1) Мученики.

рителя в Кременчуге, постоянно и сильно пахнувшая каким-то пластырем, отвечала унижаясь глазами и пальцами:

— Простите, батюшка, Иван Алексеевич, право-с уж мне совестно-с, да так-с, по старинному-с, ха, ха, ха, теперь спажинки.

— Ах, какая скука, набоженство все! Не то, матушка, сквернит, что в уста входит, а что из-за уст, то ли есть, другое ли — один исход; вот что из уст исходит — надобно наблюдать... пересуды да о ближнем. Ну, лучше ты обедала бы дома в такие дни, а то тут еще турок придет — ему пилав надобно, у меня не герберг à la carte[1]).

Испуганная старуха, имевшая в виду сверх того попросить крупки да мучки, бросалась на квас и салат, делая вид, что страшно ест.

Но замечательно то, что стоило ей или кому-нибудь из них начать есть скоромное в пост, отец мой (никогда не употреблявший постного) говорил, скорбно качая головой:

— Не стоило бы, кажется, Анна Якимовна, на несколько последних лет менять обычай предков. Я грешу, ем скоромное, по множеству болезней, ну, а ты по твоим летам, слава богу, всю жизнь соблюдала посты, и вдруг... что за пример для них. — Он указывал на прислугу. И бедная старуха снова бросалась на квас да на салат.

Сцены эти сильно возмущали меня; иной раз я дерзал вступаться и напоминал противоположное мнение. Тогда отец мой привставал, снимал с себя за кисточку бархатную шапочку, и держа ее на воздухе, благодарил меня за уроки и просил извинить забывчивость, а потом говорил старухе:

— Ужасный век! Мудрено ли, что ты кушаешь скоромное постом; когда дети учат родителей. Куда мы идем? Подумать страшно! Мы с тобой, по счастью, не увидим.

После сенатора, отец мой отправлялся в часа на полтора. Дворня тотчас рассыпалась по полпивным и по трактирам. В семь часов приготовляли чай, тут иногда кто-нибудь приезжал, всего чаще сенатор; это было время отдыха для нас. Сенатор привозил обыкновенно разные новости, и рассказывал их с жаром. Отец мой показывал вид совершенного невнимания, слушая его; делал серьезную мину, когда тот был уверен, что морит со смеху, и переспрашивал, как будто не слыхал в чем дело, если тот рассказывал что-нибудь поразительное.

Сенатору доставалось и не так, когда он противоречил или был не одного мнения с меньшим братом, что, впрочем, случалось очень редко, а иногда без всяких противоречий, когда мой отец был особенно не в духе. При этих комико-трагических сценах, что всего было смешнее, это—естественная запальчивость сенатора и натянутое, искусственное хладнокровие моего отца. «Ну, ты сегодня болен», — говорил нетерпеливо сенатор, хватал шляпу и бросался вон. Раз в досаде он не мог отворить дверь и толкнул ее что есть силы ногой, говоря: «что за проклятые двери!». Мой отец спокойно подошел, отворил дверь в противоположную сторону и совершенно тихим голосом заметил: «дверь эта делает свое дело, она отворяется туда, а вы хотите ее отворить сюда и сердитесь».

При этом не мешает заметить, что сенатор был двумя годами старше моего отца и говорил ему «ты», а тот, в качестве меньшего брата, «вы».

После сенатора, отец мой отправлялся в свою спальню, всякий раз осведомлялся о том, заперты ли ворота, получал утвердительный ответ, изъявлял некоторое сомнение и ничего не делал, чтобы удостовериться. Тут начиналась длинная история умываний, примочек, лекарств, камердинер приготовлял на столике возле постели целый арсенал разных вещей: стклянок, ночников, коробочек. Старик обыкновенно читал с час времени Бурьена, мемориал св. Елены и вообще разные записки, за сим наступала ночь.

Так я застал в 1834 году наш дом, так застал его в 1840 году, и так все продолжалось до его кончины в 1846 году...

(Соч. Герцена. Былое и Думы, гл. VI.)

---

120. Театр графа Каменского в Орле в 1827 и 1828 г.г.

(Из записок графа М. Д. Бутурлина.)

...Любопытнее всего были в Орле дом и публичный театр графа Сергея Михайловича Каменского (сына фельдмаршала), состоявший из его крепостных людей, с платою за вход,

[1]) С подачей «по карте».

с печатными афишками, и с полным оркестром также из крепостных. Таковыми же были живописцы, декорации и машинисты. В театре давались комедии, водевили, слезливые драмы, даже опера и балеты доморощенными, бесталанными и безголосными графскими артистами; они не отваживались только на трагедии. Театр с домом, где жил граф, и все службы занимали огромный четыреугольник, чуть ли не целый квартал на Соборной площади. Строения были все одноэтажные и деревянные с колоннами, с отвалившейся на них штукатуркой, и уже при мне здания все начинали гнить. Внутренняя отделка театра была еще изрядная, с беньурами, двумя (помнится мне) ярусами лож и с райком; кресла под номерами, передние ряды дороже остальных. В этом театре могло поместиться столь же почти многочисленная публика, как в Московском Апраксинском театре, где в то время имелась итальянская опера. Были при театре капельдинеры (как следует) в ливрейных фраках с разными воротниками. При однообразии жизни в губернском городе, театр этот был не малым развлечением для нас, военных. В числе опер имели дерзость давать «Двухдневное приключение» известного Керубини, «Жан-де-Пари» и «Красную шапочку» не менее известного в то время Боальдье, «Жоконду» (Николо д'Изуара) и «Сандриллиону» (Боальдье или Штебелдта, хорошо не помню), а всего чаще подчивали нас «Русалкою»; до Моцарта и Россини, однакоже, не доходили. Первый тенор, чистый холоп, по имени Кравченко, пел с шиком, столько же носом, сколько горлом, не расставаясь никогда с носовым платком, который он комкал в руках и в который поминутно плевал. Второй будто бы тенор, Миняев, более шевелил губами и махал руками, нежели выпускал звуки из уст, и потому трудно было определить, к какой категории принадлежал его голос. Чего либо похожего на бас (голос повсеместно встречаемый в России) в труппе решительно не было, хотя лицо, предназначенное для басовых партиций, силилось реветь брюхом.

Дворовая девка, дурнолицая примадонна, обладала пронзительным, пискливым голосом, была превысокого роста и имела также свой особенный шик, состоявший в почти беспрерывном поворачивании головы к одному плечу. Но в балетах особенно был хорош первый танцор Васильев, ростом с покойного Каратыгина, в телесно-цветном трико, с плохо-бритою бородою, пускавшийся в грациозности и позы. Когда он совершал прыжки, называемые «антреша», голова его уходила почти в облака сцены. Сам хозяин всегда сидел в первом ряду кресел, а семейство его в средней (помнится мне) ложе, вроде царской. Был в мое время для продажи билетов кассир; но рассказывали, что в былое время граф сам сидел у кассы с своим георгиевским 2-й степени крестом (за взятие Базарджика) и продавал билеты, по поводу чего юнкер граф Мантейфель (служивший в кирасирской дивизии ген. Дуки, которая стояла в Орле в начале 20-х годов), известный своими шалостями, привез раз в кассу огромный мешок с медными деньгами в уплату ложи бель-этажа; пересчитывать потребовалось много времени, так что должно было остановить раздачу билетов, а отказать было жалко, по цене бель-этажной ложи. Менее смешными в комедии были две сестры Кобазины в ролях «первые любовницы», но не потому, что в них таилась искра драматического таланта, а потому только, что они были девки без претензий на барство, говорили и жестикулировали как следует скромным горничным и прачкам. О туалете артистов обоего пола нечего и говорить, хотя иные костюмы, относящиеся к прошлым столетиям, были порядочными, и не даром сиятельный хозяин разорялся на свою затею: театр был редко пуст. Справедливость требует прибавить, что оркестр был весьма сносным. Из репертуара драм помню, что нередко давалась одна плачевная и усыпительная, под именем «Фальшивая Сидония», из комедий: «Полубарские затеи», а из водевилей: «Суженого конем не объедешь», Хмельницкого, что тогда было новизною.

Многолюдная прислуга при доме и капельдинеры были в ливрейных фраках с белыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими разряд и степень их должности, и по мере заслуг переводились из одного цвета в другой, о чем возвещалось в ежедневном вечернем графском приказе по дому, как водится в полках. В том же приказе напоминалось о беспорядках, усмотренных графом в течение дня; например, делалось графине замечание за до-

пущение ею того, что при входе ее в лакейскую, люди или не вставали со своих мест, или не оказали должной ей почтительности...

...Один из наших офицеров, Телесницкий, и я попытались было завести письменную интрижку с двумя вышесказанными сестрами Кобазиными через лакеев с разноцветными воротничками, но радужные воротники брали деньги и нас надували, и ничего из того не вышло, кроме того, что слухи дошли до графа, у которого разлилась желчь, вследствие чего он (помнится мне) распорядился патриархально с тою из сестер, к которой мы писали, т.-е. высек ее, и грозил жаловаться на меня моему отцу во Флоренцию. Вероятно, и разноцветный воротник, замешанный в этом деле, поплатился своею шкурою...

(«Русс. Архив», 1896 г., стр. 1707—1711.)

121. Учение в благородном пансионе.

(1830—39 г.г.).

Я учился въ Благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ (позднѣе 1 гимназія). Передъ этимъ я былъ помѣщенъ въ высшее училище (позднѣе 2 гимназія), въ которомъ я пробылъ только двѣ недѣли... Я умолялъ, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотѣлъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми разночинцевъ и ремесленниковъ. Въ 12 лѣтъ, несмотря на совершенное ребячество, я уже былъ глубоко проникнутъ чувствомъ своего дворянскаго достоинства. Мольбы мои взять меня изъ высшаго училища нашли не только совершенно основательными, но даже нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ людей разсказывали объ этомъ своимъ знакомымъ съ гордостію: — «Дитя, а какія высокія чувства!» — и я выигрывалъ этимъ въ глазахъ родныхъ и знакомыхъ.

Эти благородные пансіоны существовали единственно только для дѣтей привиллегированнаго класса, родителямъ которыхъ казалось тогда обременительнымъ и безполезнымъ подвергать своихъ избалованныхъ и изнѣженныхъ дѣтокъ излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравнѣ съ какими-нибудь разночинцами и семинаристами. Курсъ благородныхъ пансіоновъ едва ли былъ не ниже настоящаго гимназическаго курса, а между тѣмъ эти пансіоны пользовались равными съ университетомъ привиллегіями. Нѣкоторые профессора университета и учителя не скрывали по этому поводу своего негодованія и высказывали его очень рѣзко, особенно на экзаменахъ. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замѣчали, что награждать университетскими привиллегіями такихъ неучей, какъ мы — вопіющая несправедливость. Объ этом намъ особенно часто повторялъ учитель латинскаго языка, преподававшій этотъ языкъ также и въ высшемъ училищѣ. Онъ с какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ нападалъ на насъ. Неблаговоспитанность его доходила до крайнихъ предѣловъ. Если кто-нибудь изъ насъ не зналъ урока и повторялъ подсказываемое ему сзади товарищемъ, — то учитель, насупивъ свои густыя брови, восклицалъ, обыкновенно:

— Коли будешь слушать чужія рѣчи, то тебѣ взвалять осла на плечи.

При такихъ грубыхъ выходкахъ оскорбленные ученики поднимались со своихъ скамеекъ и въ одинъ голосъ говорили:

— Покорно прошу обращаться съ нами вѣжливѣе. Здѣсь не высшее училище. Мы дворяне.

— Ах, вы, пустоголовые дворяне! — возражалъ учитель: — ну какой въ васъ толкъ? Да у меня въ высшемъ училищѣ последній ученикъ, сынъ какого-нибудь сапожника, без одной ошибки проспрягаетъ глагол amo, покуда я его держу на воздухѣ за ухо...

Профессоръ математики, экзаменовавшій насъ, обыкновенно повторялъ съ злобою:

— Нѣтъ, никуда вы не годитесь... развѣ только въ гусары либо въ уланы.

Впрочемъ, нѣкоторые профессора и учителя, самые неумолимые, строгіе и грубые, оказывались не только снисходительными, даже нѣжными къ тѣмъ изъ насъ, которые передъ экзаменомъ адресовались къ нимъ съ просьбою о приватныхъ урокахъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и неблаговоспитанный учитель латинскаго языка.

Когда ученик являлся к нему, передъ экзаменами, съ просьбою о приватныхъ урокахъ, учитель латинскаго языка обыкновенно пріятно ухмылялся и говорилъ: — Я предупреждаю

васъ, что беру за уроки дорого . . . 25 р. за урокъ. Шесть уроковъ для васъ будетъ довольно. Это будетъ стоить вам 150 р., — и деньги покорнѣйше прошу впередъ.

Ученикъ отдавалъ ему деньги. Учитель являлся на первый урокъ, объявлялъ ему то, что именно онъ спроситъ его на экзаменѣ, и затѣмъ уже болѣе не являлся на остальные пять уроковъ, отговариваясь неимѣніемъ времени или болѣзнью.

Къ такимъ наставникамъ мы не могли питать уваженія; къ тому же ихъ рутинное, пошлое, устарѣлое преподаваніе по самымъ жалкимъ курсамъ — не могло не только заохотить насъ къ ученью, но просто отвращало насъ отъ этой мертвой науки, — и принуждали себя учиться только для того, чтобы получить извѣстный классъ (по службѣ) . . . Наши умственныя способности нисколько не развивались; онѣ, напротивъ, тупѣли, забитыя рутиной. Безсмысленное заучиванье наизусть, слово въ слово по книгѣ, было основой ученія, и потому самые тупые ученики, но одаренные хорошей памятью, всегда выходили первыми.

(Литературные восп. И. Панаева, стр. 121—123. «Современник», ч. 85, отд. 1).

IX. Крестьянские движения.

122. Крестьянские волнения при Александре I.

(По Авалиани.)

Малороссийские крестьяне Курской губернии, Льговской округи, п-цы Анненковой, проданные пом. Денисову, вышли из повиновения в 1815 г. 27 сент.: губернатор распорядился командировать военную силу до 100 человек; Губернское Правление в свою очередь послало надв. сов. Гаврилова, который «краткими и благоразумными советами» должен был привести в послушание «заблудшихся». Гаврилов приступил к действию со 2 октября, команда была оставлена в соседнем с сл. Кожлей и дер. Загряжской селе Тарасово. Явившись в дер. Загряжскую и сл. Кожлю, Гаврилов застал «громаду народа, собравшегося около церкви»; все попытки «увещания» со стороны Гаврилова оказались тщетными, он получал от крестьян «ответы . . . глупые и вольномысленные», вроде того, что они «на все готовы». Военная команда вступила, наконец, с Гавриловым и земским судом в сл. Кожлю; команда должна была преградить крестьянам вход на колокольню, чтобы крестьяне не ударили в набат и не «сделали возмущения в народе». Крестьяне отвечали на все уговоры категорически, что «до получения разрешения на всеподданнейшее их прошение никакому помещику принадлежать и служить не могут». Тогда Гаврилов забрал 19 человек, как главных зачинщиков; это действие произвело смятение, крестьяне бросились на понятых, сбили их с ног, ударили в набат, и «посыпались с гор мужчины и девки с разным дрекольем»; ввиду буйства со стороны крестьян команда была усилена еще на 100 чел., и губернатор дал приказ Гаврилову не допускать крестьян «совокупляться и делать невозможным их усмирение средствами, менее для них самих вредными». Советник Гаврилов открыл, что крестьянами руководил волостной голова того же уезда Дурново и поверенный крестьян Сем. Котлев, однодворец Обемяшев, а сочинителем прошения был живущий в Курске кол. рег. Зубков.

8-го октября команда, под начальством майора Данилова и поручика Лизогуба, вступила в с. Кожлю вторично, но как только стали приближаться к ней, то «за 3 версты слышан был в оной набатный бой, который то переставал, то опять возобновлялся»; команда Лизогуба заняла колокольню, сняли у колоколов языки; солдаты уже окружили толпу, но крестьяне «кричали с азартом, что если кого из них тронут, то примутся за свои запасы, и без смерти дело не обойдется», начальники команды дознали, что во дворе Барабанова приготовлены разные «смертоносные» орудия, как-то: «насаженные прямиком на самых длинных шестах косы, цепы, топоры, пики, копья и дубины», поэтому команда вынуждена была приступить к решительным

действиям еще и потому, что крестьяне не только не смягчались, но «день ото дня приходили в самое отчаянное ожесточение, которое ясно оказали в течение недели со дня прихода к ним воинской команды»; крестьяне «на возвышенных местах около слободы поставили караулы», которые при малейшем движении поднимали тревогу. Команды, наконец, окружили двор Барабанова, где был «собравшийся в драке народ всего мужского и женского пола боле 500 душ, кроме находившихся по дворам в готовности»; крестьяне, «учиня выстрелы из пистолета», кинулись на солдат с криком: «бей всех до смерти»; убито во время этих действий было 2 м., 2 ж., ранено 5 м. и 1 ж. Тогда же были арестованы главари волнения.

Дознание показало, что священник той слободы Николаевский «подкреплял их к упорности, как-то: служил для общества их молебны, дозволял бить в набат, пред евангелием и крестом друг за друга клясться, и советовал стоять дружнее, обнаруживая, что они по каким-то указам будут свободными»; уликой против священника послужило то, что он «запер снутри ворота замком и по требованию не отпер», не вышел по приказанию советника, требуя «письменного виденья»; священник был взят силой, «имея на себе епитрахиль», в комнатах его оказались спрятанными бунтовщики. Крестьяне избрали ходатаем по своему делу жителя с. Котлева Обомяшева, обложили 10-рублевым сбором каждое тягло и обязались уплатить 2 тыс. руб. поверенному, из которых Обемяшев получил уже 300 рублей. Обемяшев успокаивал крестьян, что «стрелять их не станут, а только стращать, заверяя притом, что разве у него голова на плечах не станет, тогда только он не отыщет им вольность». Крестьянин Коротенков, по совету Обемяшева, ездил в августе месяце с товарищем Ковтуновым в окольные казенные селения и «отбирали от жителей руки, что они не крепостные и что при Кожле и Загряжской земли казенные», в удостоверение чего и получили свидетельства, писанные в дер. Роговой губерн. рег. Позняковым, подписанные волостным головой Дурново и писарем Жмакиным. По усмирении крестьян полковник Денисов был введен во владение. Впечатление, вынесенное губернатором от всего хода волнения крестьян, свелось к убеждению, что «закоснелость в упорность сих крестьян могла быть изгнана только силой военного оружия».

Весьма характерным должно быть признано волнение заводских крестьян Пашкова в Оренбургской губернии. — 13-го июня 1813 года крестьяне Пашкова жаловались верхоуральскому земскому исправнику на притеснения заводского управляющего Полянского. «В заводе нередко собирались человек по 200 и по 300 и более», производя «вздорные крики» на управляющего. В ноябре крестьяне уже успокоились, но в конце 1814 года вспыхнуло новое волнение, которое вызвало вмешательство властей. Обнаружилось угнетенное состояние крестьян Пашкова, своевольные его распоряжения, несообразные с законами и распоряжениями властей. Высшая администрация оказалась бессильной положить предел своеволию и беспорядкам на заводе. Следствие, произведенное чиновником Оренбургской гражданской палаты Благушиным, подтвердило основательность крестьянских жалоб на притеснения. В первую очередь Благушин распорядился, чтобы «на заводе мастеровые и рабочие люди не были наказываемы безвинно и жестоко». Крестьяне раскрыли Благушину печальную картину своего положения на заводе: крестьяне не получали платы за работу, «за неимением нужной одежды, обуви и хлеба, не имеют возможности сносить голода, холода, и видя притом наказание, чинимое от приказчиков, представили крестьянина, «закованного в рога», других с «выстриженными головами», просили хлеба и соли, смены управляющего Полянского и приказчиков Возмилкина и Валавина.

5 декабря 1813 г. в Верхнеуральск явилась толпа в 386 человек с требованиями «утвердить на основании горного учреждения о заводских крестьянах и их на таком положении в работах и в произвождении им платы» и «по общему желанию» просили поручить управление заводом крестьянину Домнину, жаловались на невозможность работать «по обременительному от управляющего Полянского и несоразмерному с силами человеческими налогу и уроками в работах». В результате исследования Благушин мог в декабре 1814 г. представить комитету министров общую картину состояния крестьян на заводе Пашкова, а именно: «крестьяне, на все заводские работы употребляемые,

в продолжение 4 лет не только не получали определенной за работы платы, но и с них, хищным образом, делаемы были под разными предлогами вычеты за пережженный уголь и чугун, вместо положенного вдвое, и тем начли на каждого рабочего значительную сумму», и крестьяне доведены до совершенного разорения. Пашков между тем вместо того, чтобы рассеять выдвигаемые против него обвинения, просил не удалять Полянского, ввести крестьян в повиновение «силою законов», поручить расследование «надежным чиновникам», удалить Благушина и его помощников, — первого он обвинял в потворстве крестьянам. Министр финансов, в ответ на жалобу Пашкова, послал чин, Мерзлякова, не подчиненного Благушину. С другой стороны, как бы признавая основательность следствия, губернатор вместо Полянского управляющим назначил Никифорова, и в сообщении от 21 января 1815 г. он мог говорить о том, что среди крестьян открытого волнения нет, только ропот «от крутого управления служителя Полянского».

Таким образом 13 марта 1815 г. комитет министров слушал записку о восстановлении порядка на заводе Пашкова с объяснениями Оренбургского военного губернатора касательно причин волнения, совпадающими как с данными следствиями Благушина, так и с жалобами крестьян. Правда, губернатор указывал, что сведения собирал «частно». Поводов к неповиновению, по мнению губернатора, у крестьян было достаточно и довольно серьезных: 1) суровое управление Полянского; 2) «несовершенная выдача им (крестьянам) заработанных денег и хлеба»; 3) «употребление их в работы без всякой платы»; 4) «3 года чинимы были непомерные вычеты за недоработку своих уроков в ковке железа, в жжении, в возке угля и пр.»; 5) у некоторых крестьян, как будто для завода, брали их собственные деньги, что значится в конторских книгах; 6) народ трудолюбивый, но от безделия после прекращения работ «начали делать небольшие скопища и, по сходному простолюдинам легкомыслию, между собою рассуждениями, от коих заразились разномыслием до такой степени, что впадали в заблуждения», предлагали свой план реформ заводского управления и работ; поэтому губернатор решил «обуздать их слабоумие» при помощи команды в 800 чел., учинив над некоторыми из крестьян «умеренное понуждение». Признавая серьезные нарушения на заводе со стороны управляющего, которые и вызвали волнения среди крестьян, губернатор тем не менее виновными признал крестьян, над которыми было учинено еще «понуждение».

К началу мая 1816 г. на заводе совершенно были успокоены волнующиеся крестьяне. Комиссия, заседавшая на заводе 24 мая 1817 г., постановила для предупреждения буйства и волнения, а также для окончательного водворения спокойствия и «для утверждения в крестьянах должного начальства и помещику послушания» наиболее своевольных, бросивших работы в числе 450 чел., виновных в возбуждении неповиновения и в других «законопротивных поступках» подвергнуть наказанию: 2 — кнутом, 52 — плетьми, 16 — ссылке в Иркутск на поселение, 15 — на Екатеринбургские золотые промыслы в горную работу на год. Таков был финал дела, начатого в 1813 г. и оконченного в половине 1818 г.

(Авалиани. «Волнения крестьян в царствование имп. Александра I», стр. 42—67.)

---

123. Крестьянские бунты при Николае I.

(По Середонину.)

Крестьяне Ярославской вотчины, помещицы Щ—вой, хотя бунта и не произвели, но упорно отказывались платить оброк и высказали неуважение начальству, даже самому гражданскому губернатору. Комиссия приговорила: 5 человек главных виновных наказать кнутом и сослать в Сибирь на поселение, одного, имеющего более 70 лет, сослать же, не наказывая кнутом; остальных 89 наказать плетьми и батогами и оставить в вотчине, при чем, как только крестьяне при производстве наказания изъявят раскаяние, то наказание приостановить и объявить крестьянам всемилостивейшее прощение; всего в вотчине было 441 душа мужского пола. Комитет заменил наказание кнутом главным пяти виновникам, определив прогнать их два раза сквозь строй через 1.000 человек. Положение комитета было утверждено.

Крестьяне гродненских помещиков Ю—в за неповиновение приговорены были ко-

миссией: главные виновники — к наказанию плетьми и ссылке в Сибирь на поселение, менее виновные — к наказанию плетьми; комитет положил заменить наказание плетьми прогнанием сквозь строй чрез 500 человек по одному разу, что и было утверждено.

В другой раз комиссия приговорила 10 крестьян **Ярославской вотчины** З—ва лишить живота; губернатор смягчил приговор, определив: троих, более виновных, наказать 30—40 ударами кнута и сослать в Сибирь, а остальных наказать плетьми и оставить в вотчине. Комитет не только согласился с приговором губернатора, но и положил сделать строгий выговор членам комиссии за ее приговор. Положение комитета было утверждено.

В 1845 году крестьяне наследников Д—ва (**Подольской губ.**), недовольные управлением иностранца Шмидта, которому была вверена вотчина, после ночных совещаний в доме священника, не только оказали неповиновение, но и не позволяли работать тем крестьянам, которые не участвовали в их заговоре. Потребовалось вмешательство войск, крестьян в вотчине числилось 2.700 душ. и только после наказания 32 выдававшихся бунтарей население успокоилось. При следствии некоторые крестьяне оговаривали священника, будто он склонял их домогаться установления двухдневной барщины, но следствие обнаружило также и то, что экономия вотчины требовала с крестьян работы сверх указанной трехдневной барщины. Комиссия военного суда приговорила: 1 крестьянина к наказанию 30 ударами плетьми, клеймению и каторжным работам на 4 года; 14 крестьян — к наказанию 80 ударами розог и арестантским ротам на 4 года; 29 человек — к наказанию 50 ударами розог; местного священника комиссия оставила в сильном подозрении, а управителя вотчины оштрафовала; один член военно-судной комиссии подал отдельное мнение: по его мнению, «возмущения» не было ни до приезда исправника, ни после его прибытия; между тем 37 крестьян было захвачено и посажено в тюрьму, и из них 18 человек умерло в остроге; губернатор на последнее замечание объяснил, что столь значительная смертность произошла от того, что престарелые крестьяне в изнурительном состоянии подверглись вдруг перемене воздуха и лишены были всякого движения. Генерал-губернатор Бибиков дал такое заключение: волнение между крестьянами было; они, вне сомнения, обнаружили непозволительную дерзость, но, во-первых, покорились власти скоро, а, во-вторых, самое волнение между ними возникло от того, что они терпели несправедливости, о которых хотели спокойно объяснить сыну умершего их владельца, но последнему неугодно было выслушать их, тогда крестьяне искали защиты у посторонних, поэтому участь их заслуживает облегчения. На основании такого заключения министр внутренних дел предложил комитету назначить такие наказания крестьянам: одного, главного виновного, подвергнуть 80 ударам розог и сослать на поселение в Сибирь, остальных, наказав розгами, оставить на месте в вотчине: комитет согласился с этим определением, положив еще священника, подозреваемого в соучастии с крестьянами, перевести на другое место. Положение комитета утверждено было государем.

Крестьянки имения Д—кого (**Тамбовской губ.**) убили управляющего и изуродовали его труп. Не отрицая факта, крестьяне показывали, что покойный управляющий необыкновенно жестоко наказывал их, особенно женщин: следствие подтвердило показание крестьян: оказалось, что крестьяне и раньше жаловались и обращались с просьбами о защите, но за это были наказываемы: управляющий не отпускал их даже к исповеди без того, чтобы отлучающиеся не представили вместо себя другого работника. Сенат, постановив приговор, определил ходатайствовать о смягчении участи преступниц: комитет положил: зачинщицу преступления, наказав плетьми, сослать на каторгу на 18 лет, девять крестьянок, подвергнуть наказанию плетьми и сослать на каторгу от 6 до 12 лет, и 11 человек наказать розгами. Кроме того, положено было Комитетом, что подлежат строгому взысканию — уездный предводитель дворянства, земская полиция и помещик Д—ой, державший такого управляющего. Государь написал: «**исполнить, но, кроме первой, прочих, приговоренных к каторге, отослать на поселение**».

Один **псковский** помещик Н. и его жена изобличены были в крайне жестоком

обращении с крестьянами и отягощении их работами. Сенат, при разборе дела, потребовал отзыва от предводителя дворянства, но тот отозвался, что он не получал ни от кого жалоб на этого помещика; Комитет положил: сделать предводителю выговор, а помещика и жену его предать суду. Резолюция: «справедливо, а их судить арестованными».

(Середонин. «Ист. обозр. деят. Ком. мин.», т. II, стр. 333—360.)

---

124. Бунт удельных крестьян (1838 г.).

(По воспоминаниям Стогова.)

Возвращаясь из Саратова в Симбирск, я поехал по берегу Волги; это было в конце вербной недели. Проезжая Сызранский уезд, узнаю— бывшие казенные, теперь удельные, крестьяне бунтуют; по рассказам, уже тысяч до восьми не повинуется. Такие бунты разливаются, как пожар. Я к губернатору Хомутову; оказалось, что он ничего не знает. Я предложил и торопил Хомутова, чтобы он обделал дело на страстной, пока народ весь трезв. Хомутов упросил меня ехать с собою. С ним отправился правитель его канцелярии, Раев.

Приехали в главную бунтующую деревню, названия не помню. Народу очень много. Ловкий мой жандарм, чрез какого-то родню, отставного солдата, узнал, что главный бунтовщик Федька и указал мне его. Мужиченко небольшой, плотный, лет 35-ти. в синем кафтане, красный кушак, сапоги с напуском и новая шапка из мерлушек. Стоит козырем, около него кучка народа.

Рано утром, через сотских, я приказал собраться крестьянам, что им будет читать закон губернатор. Послушались, собрались и стали вроде фронта. Я сказал губернатору, что, проходя по ряду, против главного коновода Федьки я кашляну, но советую не трогать: при массе и бранить не должно, а всякое действие опасно. Проходя — Федька стоял в середине ряда — я только кашлянул, как губернатор остановился, вызвал Федьку и молодцом крикнул:

— Кнутьев! Вот я покажу тебе как бунтовать! Разлоть его!

Только тронулись за Федьку, как вся масса гаркнула и бросилась выручать Федьку. Мой храбрый губернатор — бежать, Раев за ним. Толпа с криком гналась за ними и губернатора с правителем выгнали за околицу. Я остался на месте: крик, шум, я только указываю, чтобы не дотрагивались до меня, никто не дотронулся; напирают задние, около меня падают, смотрят на меня добро и смеются. Разошлась толпа, я нашел губернатора в постели. болен, кровавая дезинтерия.

Вижу, дело очень плохо; послал за солдатами с боевыми патронами и приказал явиться 12-ти жандармам без коней. Целую ночь придумывал, какую бы штуку выкинуть, а без штуки нельзя, потому что силы нет. У татар вывезли меня богатые торговцы, а тут нет богатых и нет трех-четырех жен у них. Проклятые русопятки, преупорные и озлобленные, а что еще хуже, раскуражились победою над губернатором. На всякий случай приказал исправнику собрать поболее понятых и отставных.

Против церкви стояло отдельно пять домов, по обыкновению, рядом с крытыми дворами, внутри разгороженными плетнем; плетни выломать и образовался один крытый двор из пяти. Понятых спрятать ночью во дворе. Заготовить веревок и розог.

Рано утром приехали команды. Спиною к домам, в одну шеренгу выстроил 40 солдат, между церковью и солдатами собрал бунтовщиков, сказал им убедительную речь и спросил: повинуются ли? В один голос: нет, не повинуемся! — «Вы знаете, ребята, по закону, я должен стрелять». — Стреляй, батюшка, пуля виноватого найдет; кому что бог назначил. — «Слушайте, братцы», — я снял шляпу и с чувством перекрестился на церковь, — «я такой же православный, как и вы, стрелять никогда не поздно, мы все под богом; может, найдется неповинный, то убивши его, дам строгий ответ богу, пожалейте и меня, а чтобы не было ошибки, я каждого спрошу, и кто не покорится, тот сам будет виноват». Обратился к первому:

— «Повинуешься ты закону?»

— Нет, не повинуюсь.

— «Закон дал государь, так ты не повинуешься и государю?»

— Нет, не повинуюсь.

— «Государь — помазанник божий, так ты противишься богу?».

— Супротивляюсь.

Крестьянина передал жандарму со словами: «ну, так ты не пеняй на меня!». Жандарм передал другому; жандармы были расставлены так, что последний передавал во двор, там зажимали мужику рот, набивали паклей, кушаком вязали руки, а ноги веревкою и клали на землю.

Я имел терпение каждому мужику сделать одни и те же вопросы и от каждого получил одинаковые ответы, и каждого передал жандармам, и каждого во дворе вязали и клали. Процедура эта продолжалась почти до вечерень. Последние десятка полтора мордвы и русских покорились, их отпустил домой. Ночь не спал, не пил, не ел, сильно устал, но в таких делах успех зависит от быстроты.

Пришел во двор, все дворы устланы связанными бунтовщиками. «Розог! — давайте первого». Выводят старика лет 70-ти. — «Повинуешься?» — Нет! — «Секите его». Старик поднял голову и просит: батюшка, вели поскорее забить. Неприятно, да делать нечего, первому прощать нельзя, можно погубить все дело. Наконец, старик умер, я приказал мертвому надеть кандалы. Один за другим, 13 человек засечены до смерти, и на всех кандалы. 14-й вышел и говорил: я покоряюсь. «Ах, ты негодяй, почему ты прежде не покорился? Покорились бы и те, которые мертвы, розог! Дать ему 300 розог».

Это так подействовало, что все лежащие заговорили: мы все покоряемся, прости нас. — «Не могу, ребята, простить, вы виноваты против бога и государя». — Да ты накажи, да помилуй.

Надобно знать русского человека: он тогда искренно покорен и спокоен, когда за вину наказан, а без наказания обещание его ничего не стоит, он тревожится, ожидает, что еще с ним будет, а в голове у него — семь бед, один ответ, того и гляди, наглупит. Наказанный — боится быть виноватым вновь и успокаивается.

Приказал солдатам разделиться на несколько групп и дать всем бунтовщикам по 100 розог, под надзором исправника. Потом собрал всех, составил несколько каре и объявил: «я сделал, что мне следовало сделать по закону, простить их может только губернатор; он может всех в тюрьму, там сгниете под судом». — Батюшка, будь отец родной, заступись; как бог, так и ты, перемени гнев на милость. Я поставил их на колени, научил просить помилования и дал слово, что буду ходатаем за них, но губернатор очень сердит. Кричат: заступись, батюшка, выручи!

Прихожу к губернатору, лежит болен, не знает, что я делал. Мне доложили, что засеченные ожили, их обливали водою, и я повеселел. Говорю губернатору: «пойдемте прощать».

Не верит.

— Только прошу, долее сердитесь, не прощайте, а простите только под моим ручательством за них.

Подходя к фронту, губернатору, хотя и штатскому, — «на караул!», барабанщик две дроби, «здравия желаем вашему превосходительству!» — все для эффекта. Подходим к группам, я снял шляпу и почтительно, низко кланяюсь, представляю раскаявшихся. Виновные в один голос: помилуй, ваше превосходительство! — «Не могу, вы так виноваты, что вас следует судить». А мужики, кланяясь в землю, твердят: помилуй, ваше превосходительство, ни впредь, ни после того не будет. А я-то униженно, без шляпы, кланяюсь и прошу миловать. Губернатор гневно сказал, что он бунтовщикам верить не может и согласится тогда, если кто за них поручится.

Я обернулся к мужикам: ручаться ли за них?

Как заорут в один голос: ручайся, отец, небось, не выдадим, ручайся, батюшка. — «Ребята, смотри, чтобы мне не быть в ответе за вас». — Отец ты наш, вот-те пресвятая! положим жизнь за тебя, ручайся! — Я поручился. Губернатор умилостивился, простил.

Я распустил всех по домам, приказал сотским накормить солдат и жандармов. Откуда что взялось: снесли столы, зажгли лучины, явились десятками горшки щей, каши, кисели с сытой, все постное; вероятно, было готово для мужей, но им не удалось поесть, съели солдаты. В тюрьму пошел только один Федька

(«Русс. Старина», 1878, декабрь, стр. 692 — 695.)

———

125. Крестьянские волнения при Николае I.

(По Игнатович.)

Особенного напряжения протесты против крепостного права, слухи и толки о грядущей воле достигли ко времени падения крепостного права, т.-е. к концу 50-х годов XIX столетия. Одних только жалоб за 34 года (от 1828 по 1854 г.), ближайшие ко времени отмены крепостного права, было подано 319 в министерство внутренних дел и 33 всеподданнейших. Чтобы оценить значение этих цифр, нужно помнить, что крестьяне должны были подавать жалобы под страхом суровых наказаний как со стороны властей, согласно закону, так и со стороны помещиков, в виде мести: известно, что по Уложению 1845 г. крепостные подвергались за подачу жалобы наказанию розгами до 50 ударов. Эти цифры, кроме того, неполны, и в перечень вошли лишь жалобы, получившие движение; а сколько жалоб признавалось местными властями «неосновательными» и оставались под сукном. Крестьяне жаловались на обременительность оброка, барщины, жестокое обращение, недостаток продовольствия. Как ни трудно и опасно было подавать жалобы, как ни легко было помещику увильнуть от ответственности даже при жалобе на явное злоупотребление помещичьей властью, тем не менее количество имений, взятых в опеку вследствие злоупотреблений помещичьей власти, увеличивалось с каждым годом. Это указывает на то, что крестьяне стали энергичнее подавать жалобы, с большим нетерпением сносить злоупотребления помещичьей властью (вряд ли последние стали чаще перед реформою). В царствование Николая I все учащались и учащались случаи побегов крепостных, доходя до громадных размеров. Крестьяне бежали от крепостного ига на Кавказ, в Новороссию, Бессарабию, за границу и т. д. Правительству приходилось энергично бороться с этими побегами, возвращая крестьян помещикам, наказывая их, употребляя в дело войско.

Для этого требовались с его стороны затраты людьми и деньгами, а в то же время подобная борьба с незаконными переселениями сильно затрудняла заселение пограничных мест, что было необходимо в государственных целях. Бегство крестьян било по карману и помещиков, оставляя их в нужное время без работников; даже в тех местах, где не было побегов, помещики должны были считаться с их возможностью, что затрудняло правильное ведение сельского хозяйства. Оставаясь на местах, крестьяне также не сидели спокойно. Числа поджогов было больше всего в местностях с густым сельским населением. Не оставляли крестьяне в покое и личности своих господ. Так, они подвергали их телесным наказаниям; эти случаи особенно участились к началу 50-х годов, как указывает на то Самарин в своей записке, относящейся к 1854—1856 г.г. С 1836 г. по 1854 г. было 75 случаев покушений на убийство помещиков (по 4 в среднем в год). Убийств помещиков было с 1835 по 1854 г.—144, в среднем ежегодно по 29. Только за 9 лет (1835—1843) было сослано в Сибирь за убийства помещиков 416 человек (298 мужчин и 118 женщин). Причинами убийств или покушений на них были чаще всего крайняя требовательность помещиков, страх перед наказанием или месть за него, разврат помещика при сдаче в рекруты, при введении общественной запашки, из-за опасения переселений, при насильственном возвращении из бегов, при желании избавиться от услужения в господском доме, получить свободу и проч. Наиболее же яркой и внушительной формой протеста крестьян против крепостного права были волнения, рост которых ясен из нижеследующей таблички:

С 1826—1829	г.	было	41	волнение
» 1830—1834	»	»	46	»
» 1835—1839	»	»	59	»
» 1840—1844	»	»	101	»
» 1845—1849	»	»	172	»
» 1850—1854	»	»	137	»

Всего за 29 лет было 556 волнений, т.-е. по 19 волнений в среднем ежегодно.

Волнения достигали больших размеров. Из 261 волнения 132 были подавлены с помощью воинских команд, при чем за усмирением следовала обыкновенно экзекуция. В остальных случаях крестьяне усмирялись сечением и преданием суду зачинщиков. В 1848 году были волнения в 54 имениях в 27 губерниях; $^{2}/_{3}$ этих волнений были усмирены при помощи военных отрядов. В 1849 г. было 24 волнения в 15 гу-

берниях, $^2/_3$ крестьян были усмирены воинскими чинами. В Курской губернии при этом в волнении приняли участие крестьяне нескольких имений в количестве 10.000 человек, для усмирения которых потребовалось 4 эскадрона кавалерии. В 1852 г. в Черниговской и Тамбовской губерниях крестьяне оказали сопротивление губернатору и войску.

Причины этих волнений были разнообразны и распадались на протесты против крепостного права в целом и на протесты против отдельных сторон крепостного ига. Так, из 275 волнений (1836 — 1849 г., 1851 — 1854) — 132 произошло от того, что крестьяне или считали себя уже вольными, или домогались свободы на каком-либо казавшемся им справедливом основании; в 12-ти случаях волнения возникли вследствие слухов о возможности освободиться от крепостного права или о предстоящем освобождении; с другой стороны, в 73-х случаях причинами были притеснения, т.-е. обременение барщиною, жестокость помещика или управляющего и т. п.; в 11-ти (1848 г.) вследствие введения инвентарей (правила, регулировавшие крепостные повинности крестьян в юго-западных губерниях); в 10-ти вследствие «подстрекательств» и т. д. Как представляли себе волю, во имя которой столько и так упорно волновались крестьяне, по имеющимся под рукою сведениям об этих волнениях и протестах, трудно судить. Известно, что в 1826 г. между крестьянами стали распространяться слухи (в Вологодской губ. и др. губ.), что они будут взяты в казну. В 1845 г. крестьяне Подольской губ. при волнении заявили свое желание быть казенными; то же желание крестьян неоднократно отмечали современники. Из этого можно видеть, что, мечтая о воле, крестьяне прежде всего мыслили ее, как полное прекращение всяких крепостных отношений к помещикам. Имеется сведение, что в Киевской губ. одно время распространились слухи, что нужно будет итти истребить всех панов, т.-е. здесь народное изображение создавало радикальнейшее средство избавиться от своих господ.

Крестьянские волнения 1854 года.

...Резче проявлялось отрицание крестьянами помещичьей власти. Ее они отрицали безусловно и безотносительно. С записью в казаки они относились к помещикам и всем экономическим властям так же, как и к прочим равным себе обывателям. «Мы (с выходом указа о воле) все свободны, мы все дворяне», говорили крестьяне с. Поповки Черкасского уезда некоему Колешову, сообщая ему, что объявился указ о воле, и желая этими словами, очевидно, показать, что теперь они равны в правах с дворянами. На замечание же Колешова, что они такие же дворяне, как он князь, крестьяне ответили: «поздоров же, боже, вас да нас, то вы таки у нас и князь». Крестьяне, очевидно, хотели сказать, что в силу личных достоинств (Колешов пользовался уважением и авторитетом среди местного населения) они могут его почитать, как князя. Отказываясь от всякого повиновения экономическим властям, крестьяне в то же время были вполне корректны с ними, вежливы. Громада не отказывала даже в услугах им, но это были простые соседские услуги, а не исполнение крепостных обязанностей. По удостоверению Громеки, за все время волнений не было ни одного случая, чтобы крестьяне позволили себе оскорбить помещика или члена его семейства, а тем более учинить над ними какое-либо физическое насилие. «Мы до вас ни якой жали не маемо» (мы к вам не имеем никакой претензии), говорили крестьяне в ответ на увещания помещиков; «вы були для нас добрым паном, да теперь есть у нас другой пан — в Петербурзи: идит соби своею дорогою, куда знаете, а мы — будем служить богу, да царю нашему». Имущество помещиков осталось неприкосновенным. «Во всей губернии, говорит Громеко, в течение 3-месячного волнения не было тронуто крестьянами ни соломинки. Помещики, бежавшие в Киев и в уездные города, возвращаясь в имения, нашли все свое имущество целым и неприкосновенным. Ни одна вещь в их домах не была передвинута с места на место». Не касаясь ни личности, ни имущества помещиков, крестьяне лишь прекращали какие бы то ни было крепостные отношения к помещикам, были ли то панщина в поле, на фабрике, заводе, или какие-либо другие повинности. Они снимали дворовых, понуждая последних иногда побоями подчиняться решению громады прекратить какие бы то ни было работы на помещиков. Это свое решение крестьяне проводили стойко и твердо, не поддаваясь ни на какие увещания и заявляя, что они готовы лучше

умереть, чем итти на панщину. Впрочем, в некоторых местах крестьяне, под влиянием увещаний, соглашались отбывать панщину «до певного часу», т.-е., очевидно, до крайнего срока объявления воли. Лишь жестокие экзекуции, солдатские пули и штыки принудили крестьян к покорности помещикам, но не из убеждения в правоте начальства, а из простой необходимости подчиниться грубой физической силе.

Взамен правительственных и вотчинных властей в Киевской губ. сильно выдвинулась власть «громады», великороссийского «мира».

Громада решала все дела, устанавливала порядки, наказывала нарушителей их. Каждый отдельный крестьянин слепо подчинялся велениям громады и в них видел оправдание своих поступков. «Громада — великий человек —был на устах у всех», говорит Громека. Когда II. Лебединцев, убеждая крестьян с. Шкаровки Васильковского уезда в ложности слухов о казачестве, упомянул о их невежестве, то это его замечание «чуть не вызвало бурю в толпе, закричавшей: «то оце громада дурна? То оце так». «Едва успокоил я, говорит Лебединцев, задетое их самолюбие». Есть известия, что громады выбирали новых начальников над собою, и эти начальники пользовались уважением. Так, Громека, рассказывая о своих наблюдениях в с. Трушках, замечает, что громада «управляемая выборными атаманами, составляла нераздельную единицу». В Каневском уезде некий «рыжий» Василий из с. Бровак, пользовавшийся, видимо, большим авторитетом среди волновавшихся крестьян Каневского уезда около Корсуни, говорил Ант. Ковальскому — «що у нас уже все начальство нове» и назвал секретарем крестьянина Корнилия Самуиловича, по прозвищу Кудлик.

Когда Ковальский при обыске в Корниловской церкви обратился к этому Кудлику на «ты», то один крестьянин воскликнул: «як ты смеешь нашего благородного человека Корнилия Самуиловича называть «ты»; ты его не стоишь; перепроси в наших очах». Поднялся шум в церкви; но Кудлик отозвался: «я им прощаю, воны ще не знают, ще я за человик».

И нужно сказать, что крестьяне отлично справлялись без помещиков и чиновников. Несмотря на естественное возбуждение умов и страстей во время волнений, крестьяне поддерживали образцовый порядок у себя. «Памятуйте, хлопцы, що мы не бунтовщики», говорила громада (в с. Трушках), внушая каждому необходимость вести себя смирно.

Малейший проступок отдельных лиц наказывался громадою без всякой пощады. Громека указывает, что «во время самого сильного волнения, кабаки и здесь (Сквирский уезд), как и везде, где народ записывался в казаки, были запечатаны громадою, и всюду (у заводов, амбаров и везде, где было нужно) были расставлены ею караулы, чтобы никто не смел тронуть помещичьей собственности». Как указывалось выше, за время волнений не было ни одного случая грабежа или воровства в помещичьих имениях. Неприкосновенными остались собственность священников и личность их жен и др. членов семейств, хотя против священников крестьяне были особенно сильно возбуждены.

Вводя у себя захватным путем самоуправление, отказывая в повиновении полицейским чинам, помещикам, отказываясь от всяких крепостных отношений и повинностей, крестьяне таким образом на фактах показывали, что такое «воля» в их представлении.

Интересно выяснить, как разрешали киевские крестьяне краеугольный камень своего существования при «воле», вопрос о своем экономическом обеспечении, что равнялось при почти исключительно земледельческих промыслах населения — вопросу о земле. К сожалению, именно эта сторона крестьянского движения наименее ясна, но все же из некоторых указаний современников можно наметить точку зрения крестьян. Так, Лебединцев говорит, что из бесед с крестьянами с. Шкаровки (Васильковского уезда) он узнал, что крестьяне не хотели работать барщины и платить податей, под предлогом готовности служить богу и государю, и хотят быть вольными казаками в надежде, что им будут даны земли. В с. Малой Березне (Сквирского уезда) крестьяне, приведя сюда из нескольких сел священников и приступая к ним в последний раз с требованием объявить грамоту, говорили: «вот вы посоветуйтесь между собой и решайтесь — написать нас всех вольными казаками, дать нам присяги, что мы уже не панские, что поля и луга — наши, и все, что есть у панов — наше ж. Оно и есть так, ибо мы и наши предки за все

это уже отработали». При бегстве из Таганчи комиссии члены ее встретили по дороге в Корсунь группу молодых рекрут из крестьян, направлявшихся в Таганчу. На вопрос наш, — рассказывает П. Лебединцев,—зачем идут в Таганчу, они отвечали: «а як же, там, кажуть, приехали паны од губернатора и од митрополита дилыть поля; то, може, и нам выдилять по який десятыни». Из этих кратких черточек можно сделать заключение, что, по крайней мере, в некоторых местах крестьяне признавали необходимость отчуждения всех земель и всего панского имущества в пользу крестьян. Должны ли быть вознаграждены помещики за это отчуждение или нет — неизвестно; судя по тому, что крестьяне признавали свое право на панское имущество, исходя из этого, что они уже отработали за него, крестьяне считали, что, во всяком случае, им не придется платить за то, что должно принадлежать им по праву. Земли, судя по другому вышеприведенному свидетельству, должны быть поделены между крестьянами, — на каких началах неизвестно. Из слов же рекрут можно сделать заключение, что распределение земли должно было быть произведено начальством, но не громадою. При почти полном отсутствии земельной общины в малороссийских губерниях, такое ограничение власти громады вполне понятно и может служить объяснением, и почему крестьяне так бережно охраняли от самих себя господское имущество. Они, вероятно, смотрели на него, как на будущее громатское достояние, а потому и желали, может быть, до дележа или иного распределения господского имущества, сохранить его для себя же в целости и неприкосновенности.

(«Минувшие годы», 1908, май—июнь, стр. 95—114.)

---

126. Крестьянские волнения.

(По Игнатович.)

Волнения, известные в той или другой мере, за период времени от 1826 по 1854 г., происходили в 674 имениях, т.-е. ежегодно в среднем волновалось по 23 имения; если же присоединить сюда случаи волнений, указанные в официальных отчетах м-ства вн. дел за 1850 — 1854 г.г., то ежегодно волновалось по 24 имения. Эти волнения происходили в 43 губерниях, при чем на каждую губернию приходится более 15 волнующихся имений. Только в одной Саратовской губ. было более 40 волнений, да и эта цифра объясняется наличностью исследования Мордовцева, использовавшего многие дела архива саратовского губернского правления, в силу чего сведения о волнениях в Саратовской губернии отличаются большею полнотой. Вообще же можно отметить, что от 31 до 40 волнений было только в 3 губерниях, от 21 до 30 волнений — в 6 губерниях, от 11 до 20 — в 17 и до 10 волнений — в 16 губерниях.

За этот промежуток времени в пятилетие от 1826 по 1829 г. было 85 волнений, в 1830 — 1834 г. — 60 волнений, в 1835 — 1839 г. — 78, в 1840 — 1844 г. — 138 волнений, в пятилетие от 1845 г. по 1849 г. количество волнений повысилось до 207 и, наконец, в пятилетие 1850 — 1854 г. упало до 106. Из этих цифр видно, что за исключением первого пятилетия (1826 — 1829 г.), когда на количество волнений сильно повлиял первый год царствования Николая I, обильный волнениями отчасти по поводу слухов о воле, — количество волнений растет до конца 40-х годов и затем резко падает в первое пятилетие 50-х годов. К этому факту падения нужно относиться с большой осторожностью, и по некоторым соображениям его должно счесть лишь кажущимся. Прежде всего вследствие вышеуказанных причин, цифра волнений начала 50-х годов (106) крайне не полна. Дополнив эту цифру по отчетам м-ства вн. дел, за это время мы получим 141 волнение.

Не должно забывать также, что в предыдущее пятилетие были особые причины крестьянских волнений, которые или исчезли, или ослабели в начале 50-х годов. Так, в юго-западном крае в пятилетие 1845 — 1849 г. количество волнений резко повысилось сравнительно с предыдущим. С 7 количество волнений поднялось до 26, т.-е. увеличилось почти в 4 раза. Зато в следующее пятилетие (1850 — 1854 г.) в этом районе не зарегистрировано ни одного волнения. Это явление станет нам вполне понятным, если мы вспомним, что в указанное пятилетие в юго-западном крае происходила усиленная подготовка к введению инвентарей и, наконец, произошло самое введение их; то и другое сопровождалось волнениями крестьян. Наконец, в этом крае могли отразиться на спокой

ствии крестьян слухи о галицийской резне 1846 года, польско-демократическая агитация и, наконец, толки и слухи по поводу перевода казенных крестьян на оброк.

Из 423 имений, причины волнений в которых более или менее известны, в половине из них (210) причинами было стремление крестьян — на основании слухов о воле или же на основании ложных или действительных прав на волю — освободиться от крепостной зависимости.

Экономические причины отмечены в 208 волнениях, т.-е. эта группа волнений равняется группе, связанной со стремлением крестьян к воле. Среди этих экономических причин наибольшее количество волнений (47) вызвала барщина; сюда же нужно отнести 9 волнений, вызванных переводом крестьян на барщину, и к этой же группе, вероятно, нужно отнести те волнения, где причиною служило «обременение работами» (39 имений). Оброчная система служила причиной волнений в 26 имениях, а различные меры взыскания оброчной недоимки — в 9 имениях. Не мало страдали крестьяне и от продовольственной нужды, которая вызвала волнения в 30 имениях. Переселения крестьян дали 17 волнений, и, наконец, уменьшение количества крестьянской земли послужило причиною волнений в 13 имениях. Не останавливаясь далее на причинах волнений, приведенные цифры, думается, подтверждают связь волнений с экономическими причинами и громадное значение барщинной системы в истории крестьянских волнений.

Судя по этим сведениям (а более крупные волнения, как сказано, вероятно, попали сюда), волнения даже по отношению к крепостным порядкам отличались значительною мирностью. Отметим некоторые факты. Лишь в 22 имениях крестьяне сменили вотчинных начальников, а в 11 установили даже самоуправление. Насильственные же действия против вотчинных властей отмечены в 24 имениях, угрозы и буйство против них — в 9 имениях; против же самого помещика (или помещицы) насильственные действия встретились лишь в 3 имениях, а угрозы и буйство — в 8. Замечательно, что за все 29 лет лишь в 9 имениях крестьяне самовольно распорядились господским имуществом.

За все 29 лет известны 80 случаев предания крестьян такого рода военным судам, при чем большая половина их относится к периоду 1826 — 1834 г.г.

Военные команды за этот период времени были введены в 228 имениях (всего же, присоединив общие указания отчетов министерства внутренних дел, — в 259 имениях). Но применить огнестрельное оружие пришлось за 29 лет только в четырех случаях, при чем 2 из них относятся к 20 годам; холодное оружие пустили в ход в 4 имениях.

Но если, повидимому, волнения крепостных не отличались силой, и неповиновения быстро прекращались без резкого сопротивления со стороны крестьян, то нельзя не отметить, что, быстро потухая, эти вспышки нередко возобновлялись. Несмотря на неполноту имеющегося материала, есть указания на 68 имений, где волнения повторялись от 2 до 5 раз, при чем в счет не вводятся отдельные вспышки волнений, иногда 2 и 3 раза на протяжении одного года.

В одном случае такого рода волнение тянулось 37 лет (с 1811 г. по 1848 г., имение Закашевской, Волынской губ.), в течение какового времени крестьяне более или менее сильно волновались 5 раз, имение переходило от помещика к помещику, и, в конце концов, в 40 годах владельцы, в руки которых досталось разоренное таким волнением имение, просили правительство купить его в казну; кажется, покупка не состоялась, и волнение прекратилось само собою с введением инвентарей 1848 г. Не обременяя читателя подробностями, укажем лишь, что брожения, продолжавшиеся в общей сложности от 10 до 30 лет, известны в николаевское время в 14 имениях, от 3 до 9 лет — в 29 имениях, и в течение 2 лет — в 24 имениях.

Не то представляет собою витебское движение в 1847 г. Главной причиной его было тяжелое экономическое положение крестьян Витебской губ., обостренное трехлетними последовательными неурожаями. Неурожаи подкосили не только крестьянское хозяйство, но разорили и многих помещиков. Продовольственная нужда голодающего населения или совсем не удовлетворялась, или удовлетворялась крайне плохо. На

эту почву упали слухи о готовящейся воле, ему дала повод подготовка инвентарей. Набор рабочих на строившуюся Николаевскую железную дорогу породил слух, что поступившие на эту работу получат свободу от крепостного состояния. Распоряжение о переселении казенных крестьян из Витебской губ. в другие отдаленные в народном воображении распространилось и на помещичьих крестьян. Появилась версия, что Витебскую губернию, как неплодородную, решено зарастить лесом, а крестьяне должны переселиться в лучшие губернии на условии дарования воли и выдачи на переселение паспортов, денег и подвод. Еще слух говорил, что в великороссийских губерниях уже дают волю и нужно спешить туда. Эти слухи жадно ловило измученное население и, наконец, тронулось с родных мест в надежде на волю в других губерниях и на защиту царя, раз они ему покажут, чем кормят их паны. Крестьяне продавали за бесценок скот, имущество и целыми сотнями двигались в путь. Движение, начавшееся в Себежском уезде весной 1847 г., быстро охватило Дризенский и Невельский уезды. Вскоре их примеру готовы были последовать крестьяне всей Витебской губ. В Дризенском уезде крестьяне, видимо, готовились к сопротивлению, ибо перед походом покупали ружья, порох, лили пули, перековывали лемеши на пики. На пути толпы крестьян в 100, 300 и даже 500 человек оказывали сопротивление военным отрядам, пытавшимся остановить ту или другую толпу, при чем несколько человек крестьян было убито. В Великолуцком уезде, Псковской губ., одна партия в 500 человек избила незначительную военную команду, вышедшую против нее, разогнала бывших при том понятых, избила исправника и захватила в плен станового пристава. Общее количество волновавшихся простиралось до 10.000 человек, а из побега принятыми мерами было возвращено более 6.000 человек, да около 600 человек не было разыскано. Правительству пришлось употребить против крестьян значительную военную силу: в усмирении участвовал 1 пехотный полк, 1 батальон, 2 роты из двух других полков, витебский гарнизонный батальон и инвалидные команды. Усмирением руководил выехавший на места волнения витебский, смоленский и могилевский ген.-губернатор кн. Голицын и 2 командированных флигель-адъютанта. Помимо применения довольно значительной военной силы, правительству пришлось оказать и денежную помощь голодающему населению. После первых же известий о витебском движении, в распоряжение кн. Голицына было командировано несколько чиновников м-ства вн. дел с деньгами на продовольствие, в размере 10.000 р. Нечего и говорить, что военною силою движение было подавлено и расправа за него была сурова. Военному суду было предано 95 человек, а по другим известиям — 114. Менее виновные были наказаны розгами, при чем число наказанных простиралось до 4.000 человек.

Движение по поводу призыва в морское ополчение относится к весне и лету 1854 г. Хотя поступление в морское ополчение для крепостных крестьян было обусловлено согласием помещиков, при чем их разрешение должно было подтверждаться каждые 5 месяцев, хотя в ополчение принимались жители только С.-Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской губерний, но слухи о призыве в ополчение распространились во многих губерниях. Быстро создалась версия, что поступление в ополчение ведет за собою освобождение от крепостной зависимости как для охотников, так и для их семейств, для поступления же согласия помещиков якобы не требуется. Толпами потянулись крестьяне из различных имений в уездные и губернские города, даже в Петербург и Москву, для заявления своего желания поступать в ополчение. Это движение наблюдалось, по сведениям департамента полиции исполн., в 10 губерниях, между прочим в Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Новгородской. Правительству пришлось силою подавлять беспорядки: на места были посланы войска для задержания крестьян и возвращения их на места жительства. Туда же были командированы 2 флигель-адъютанта. Мерами строгости удалось подавить это движение, но уже самая необходимость для правительства силою подавлять горячий отклик крепостного населения на свой призыв была известным банкротством для правительства.

Подавленное в 1854 г., это движение возобновилось в 1855 году с еще большею силою уже по поводу призыва населения в государственное ополчение.

Движение 1855 г. проявилось в 6 великорусских губерниях (Воронежской, Саратовской, Казанской, Пермской, Самарской и Симбирской) и одной юго-западной (Киевской). Киевское и великорусское движения несколько отличались одно от другого, отличалось и отношение правительства к ним. И здесь и там по поводу призыва в государственное ополчение быстро распространились слухи в различных вариациях, что поступление в ратники освобождает от крепостной зависимости как поступивших, так и их семейства. Народ стал массами изъявлять желание поступить в ополчение. Но в Киевской губернии это стремление к воле осложнилось и углубилось историческими воспоминаниями о казачестве, казацком самоуправлении, независимости и т. д. Поэтому население здесь резче заявляло свои права на самоуправление с уничтожением крепостной зависимости, что являлось, по их мнению, следствием записи «в казаки», т.-е. в ополчение.

Не имея возможности подробно характеризовать то и другое движение, отметим лишь, что в киевском движении волнение выразилось, с одной стороны, в требованиях от священников царского указа о записи в казаки и освобождении в силу этого от крепостной зависимости, при чем эти требования сопровождались иногда побоями и истязаниями священников, обысками церквей и т. п. С другой стороны, крестьяне, записавшись в казаки, признавали себя вольными, прекращали исполнение господских повинностей, вводили самоуправление и вообще, не делая никаких насилий помещикам и вотчинным властям, прекращали всякие крепостные отношения, устанавливая обыкновенные соседские отношения равных между собою людей. Господское имущество нигде не было тронуто; напротив, в некоторых местах громады принимали на себя охранение его неприкосновенности. Правда, среди крестьян циркулировало мнение, что все имущество господ, вся земля должны перейти к крестьянам, но практического решения этого вопроса они, видимо, ждали от правительственной власти. Движение это, резко проявившись в Сквирском, Васильковском и Каневском уездах, наблюдалось также в Таращенском, Черкасском, Уманьском, Чигиринском и других. При усмирениях военною силою в нескольких местах произошли кровавые столкновения военных команд с крестьянами. Наиболее крупными из них были столкновения в с. Мал. Березне, Сквирского уезда, с. Быковой Гребле, Васильковского уезда, и в селах Таганче и Корсуне, Каневского уезда. При усмирениях, по официальным сведениям, в Киевской губ. было убито до 36 крестьян и ранено 57. Эти цифры, несомненно, следует считать уменьшенными, ибо многие крестьяне скрывали свои раны, боясь ответственности за участие в движении, и умирали от них по дороге и дома. Всего для усмирения в Киевской губ. в волнующиеся местности пришлось двинуть 16 эскадронов кавалерийской дивизии, 2 рота сапер, резервный батальон Белевского егерского полка и 1 дивизион. Для усмирения в места волнений выехал сам ген.-губернатор кн. Васильчиков, а из Петербурга был командирован с тою же целью ген.-адъютант Яфимович.

В великороссийских губерниях движение было подавлено с большею легкостью и с меньшими затратами военной силы. Но и здесь, в Воронежской губ., в с. Масловке, Бобровского уезда, произошло кровавое столкновение военной команды с населением, в результате которого было 9 раненых, из них 5 тяжело.

Движение на юге России в 1856 г. также тесно связано со слухами о воле и отчасти с крымскою войною. Весною 1856 г. по всей южной России пронесся слух о вызове помещичьих крестьян для заселения разоренных мест Крымского полуострова, при чем переселенцам выдавалось якобы пособие и, сверх того, значительная поденная плата за казенные работы. Этот слух видоизменялся и принимал местами более легендарную форму о раздаче воли самим царем. Так, в Харьковской губ., в Изюмском у., говорили, что где-то за Днепром, в Херсонских степях сидит на горе царь и раздает волю. В Екатеринославской и Херсонской губ. также шел слух, что в Перекопе «в золотой шапке сидит царь и всем пришедшим раздает волю, а неявившиеся или опоздавшие остаются по-прежнему в панской неволе». Под влиянием этих слухов крепостной люд тронулся со всем своим скарбом и семействами в поиски за этим легендарным царем или с целью сделаться вольными через поселение в Крыму. Уходили целые деревни, сохраняя обыкновенно вполне дружелюб-

ные отношения к помещикам, являясь иногда к ним перед уходом прощаться и благодарить за заботы о них. Только в одном случае в Екатеринославской губ. уход сопровождался буйством. «Собравшись с кольями, крестьяне ворвались в господский дом, начали грабить, что попало, с похвальбою убить наемного приказчика и делали угрозы самой помещице . . .; наконец, забрав все свое имущество и экономический скот, и выбив в домах окна и двери, они бежали». Движение «в Таврию, за волей» началось в Екатеринославской губ. В одних только Верхнеднепровском и Екатеринославском уездах число бежавших доходило до 9.000 человек. Затем движение проникло в Херсонскую губ., где уже в июне месяце число беглецов доходило до 3.000 человек. С меньшею силой это движение проявилось в Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Орловской губерниях. Подавление движения также потребовало вмешательства военной силы. В помощь земской полиции были назначены военные команды. Переправы через Днепр и Днестр были подчинены строгому наблюдению; на Перекопском перешейке были учреждены военные разъезды. В губерниях, прилегающих к Новороссии, начальникам губерний было поручено энергично разъяснить ложность означенных слухов. Из Петербурга для усмирения был командирован ген.-майор граф Адлерберг. При усмирении и возвращении беглецов в Херсонской и Екатеринославской губерниях произошло несколько кровавых столкновений между толпами крестьян и военными командами. Так, в Екатеринославской губ. одна партия беглецов с косами бросилась на конвой и на понятых и намеревалась избить станового пристава; против крестьян было пущено в ход оружие, при чем один крестьянин был убит. В другой раз беглецы частью Екатеринославской, частью Херсонской губ. в числе 3.000 человек, будучи остановлены в Херсонской губ. ротою солдат, с дубинами в руках бросились на последних. По крестьянам был открыт огонь, в результате чего один крестьянин был убит и трое ранено. В трех других случаях столкновений екатеринославских крестьян с солдатами был убит 1 крестьянин и ранено 33. Наконец, известен еще 6-й случай столкновения херсонских крестьян с военною командою, при чем убито было 2 и тяжело ранено 14. Итого, по официальным данным, в Екатеринославской и Херсонской губерниях произошло 6 кровавых столкновений, при чем 5 человек было убито и 50 ранено. Только к концу года удалось восстановить спокойствие в этих двух губерниях: движение, начавшееся в мае, наиболее сильно проявлявшееся в разгар полевых работ, постепенно затихло под влиянием суровых репрессий, убеждений и разочарования в правильности слухов. В других из указанных губерний это движение проявлялось с меньшей силой, быстрее было подавлено и более мирными средствами. По крайней мере, по официальным сведениям, для успокоения крестьян оказалось достаточным «внушений и вразумлений»; впрочем, имеется свидетельство одного современника относительно Харьковской губ., что крестьянам этой губернии пришлось в своих странствиях также ознакомиться с действиями военной силы и испытать на себе телесные наказания.

Эти массовые движения 1854, 1855 и 1856 г.г., связанные со слухами о воле, представляют собою резкое отличие от волнения на почве слухов о воле в 1826 г. При воцарении Николая I каждое движение было изолировано от другого, и слухи скорее являлись поводами или сопутствующими явлениями. Почти в каждом таком волнении 1826 г. можно вскрыть более частную и в то же время сильнее действующую правовую или экономическую причину. В 1854—1855 и 1856 г.г., наоборот, крестьяне волновались, уходили из родных мест независимо от того, каковы были отношения между ними и помещиками; как было указано, в движении «в Таврию, за волей» крестьяне являлись даже с благодарностью к владельцам, расставались с ними вполне мирно и дружелюбно. Одни и те же цели, одни и те же интересы двигали в одном направлении тысячи крестьян без всякого сговора между собою, без какой бы то ни было агитации, кроме ложных слухов и толков о воле. В воздухе как будто бы носилась зараза, заставлявшая крестьян покидать родные места, разоряться и двигаться с семьями в поисках желанной воли, как то было в 1856 г., или готовиться жертвовать собою на поле брани из желания доставить волю своим родным и близким, а при благополучном окончании похода — и себе, как то мы видим в движении 1854 — 1855 г.г. Эти массовые движения на почве слухов о воле, эта

восприимчивость народных масс к слухам и переход их к активным действиям, несомненно, были опасными признаками как для правительства, так и для дворянства. Отчет министерства внутренних дел за 1858 г. не даром ставит движения 1855 и 1856 г.г. в непосредственную связь, и на основании этих движений говорит: «Видно было, что мысль о вольности крепостных людей возбуждена в народе, что они не совсем терпеливо выжидают таких обстоятельств, с которыми, по их понятию, удобно могло бы быть соединено освобождение их из крепостного состояния. Все это заставило опасаться, что обнародование во всеобщую известность предположений об улучшении быта помещичьих крестьян могло послужить поводом к нарушению между ними порядка и повиновения владельцам».

Нельзя забывать также, что, на ряду с указанными особыми движениями 1854, 1855 и 1856 г.г., продолжались и обычные крестьянские волнения. Правда, в 1856 г. их официально известно лишь 10 (волнения, связанные с государственным ополчением, в этот счет не идут), в 1856 г. их число повышается до 25, в 1857 — до 40. В 1855 г. в 4 имениях крестьяне были усмирены при помощи полицейских наказаний, в 3 — для усмирения употреблена была военная команда. В 1856 г. военная команда употреблялась в 9 имениях, а в 10 — крестьяне усмирены при помощи полицейских наказаний; в 1 имение был даже командирован фл.-адъютант кн. Сумароков-Эльстон. Наконец, в 1857 г. военные команды были введены в 24 имения, а в 16 порядок восстановлен был «местными полицейскими мерами».

(«Вел. Реформа», т. III, стр. 46 — 64.)

III. Буржуазный либерализм.

X. Либеральное движение.

127. Изложение учения Адама Смита.

1804.

Великая истина, обильнейшая следствиями, и от коей все начала науки происходят, постигнута *Смитом* и открыла ему все тайны составления и разделения богатств. Сей великий человек познал, что всеобщий источник богатств есть *работа*, и прилепился к изысканию причин, кои производят и умножают ее.

Главнейшее различие, которое находится между учениями Смита и экономистов, есть та точка, от коей идут они оба к следствиям. Последние находили в земле источник богатства, а первый принял за основание работу, яко всеобщего производителя богатств. С первого взгляда на сие видно, какое преимущество имеет учение профессора эдинбургского перед экономистами в отношении опытной пользы и приложения начал его.

Работа есть сила, производимая человеком; умножение силы сей имеет неопределенную доселе границу ума и промышленности человеческой; сила сия, равно как и способности человека, может направляема быть добрыми советами и усовершена размышлением.

Земля же, напротив, если отнять от нее влияние, которое имеет работа на существо и количество ее произведений, находится совершенно вне власти человеческой, по причине пространства, положения и физических свойств своих.

Итак, наука экономии политической, по мнению французских экономистов, входит в число наук естественных; следуя же Смиту, она есть наука *нравственная*, которая стремится к улучшению предмета своего и к возвышению его до возможной степени совершенства.

Учение Смита можно изложить в кратких словах.

Сила, помощию коей народ производит все богатства свои, есть *работа*. Чем более она возрастает, тем более умножаются ее произведения.

Она умножается двумя способами: *усилением* и *пространством*.

Работа умножается *усилением*, когда одинаковое количество ее приносит большее число произведений, нежели прежде. Разделение частей работы, изобретение машин, сокращающих работу или помогающих ей, суть два главные способа, через кои работа усиливается и кои производящую ее способность усовершенствуют.

Работа умножается *пространством*, когда число работников увеличится соразмерно числу потребителей. Умножение сие происходит от увеличения капиталов и от их употребления.

Что должно делать правительство для постепенного доведения работы до совершенства, силы и пространства?

Разделение работ, изобретение и усовершенствование машин умножаются с пространством торга, то-есть с умножением обменов и удобностью оных. Итак, правительство должно стараться распространять торг. Дороги покойные и безопасные, добрая система монет и ручательство за верное исполнение контрактов, суть меры необходимые и всегда достаточные для достижения объясненной цели. Чем более правительство усовершенствует *три* предмета сии, тем более пространства даст оно народному торгу. Первый предмет важнее прочих, ибо его ничем заменить не можно.

Постепенное умножение капиталов происходит от усовершения работы, усовершает потом оную с своей стороны и делается уже причиною ее улучшения. Усиление капиталов умножает работу в пространстве ее числом работников, или количеством народной работы.

В сем отношении обязанность правительства весьма легка. Оно не должно действовать; ему надлежит только не вредить ему должно только покровительствовать естественную свободу промышленности, открыть ей все каналы, в которые устремится она по собственному склонению, оставить ее в принятом ею движении, и не обращать стремления ее ни в одну сторону предпочтительно: ибо безошибочный инстинкт, ее руководствующий, и частная выгода во сто раз знающее всех законодателей в выборе пути своего.

Итак, пусть оставит правительство все системы запрещений и одобрения; пусть не связывает оно промышленности постановлениями своими и не думает усилить ее награждениями; пусть оставит оно самому свободному соревнованию и направление работы, и употребление капиталов; да ограничит оно действие покровительства своего удалением препятствий, коими корыстолюбие и невежество стеснить могут неограниченную свободу промышленности и торговли: и тогда капиталы раскроются сами собою, собственным движением своим, самым выгодным и для капиталистов, и для умножения народного богатства.

(«СПБ. Журнал», 1804 № 9.)

---

128. Ив. Пнин. О собственности и равенстве.

1804.

Франция, совершив ужасный переворот своего преобразования, терзая собственную свою утробу и алкая повсеместно крови, вместо того, чтобы возвратить нужные силы государству, по словам ее, в долговременном изнурении находившемуся, вместо того, чтобы укрепить его и дать всему твердое основание, призвала к себе на помощь мнимых мудрецов своих, которые, явясь в лице законодателей или, вернее сказать, истребителей, мгновенно разрушив все прежде бывшие государственные постановления, на сих печальных развалинах положили основание зданию своей толико ужасной по действию и соблазнительной по правилам конституции; но опыт показал, сколь основание сие было худо, сколь легко было оное ниспровергнуть, ибо жребий их отечества находится уже в руках иноземца...

Но как настоящее положение Франции есть последствие ее революционной конституции, которая, возжегши пламень раздоров в самом сердце Франции, бросала пагубные искры свои даже в пределы других держав, то посему не бесполезно будет рассмотреть, каким образом сословие мужей, известных своею ученостью и просвещением, могло толь несообразное положить основание законам, на которых должны покоиться общая безопасность и счастье.

Сия их конституция заключает в себе более метафизических рассуждений, нежели простых вразумительных истин. И потому неудивительно, что народ не мог разуметь оной, поелику она превышала его понятия. Сумнительно, чтобы и сами законодатели хорошо разумели оную, когда основанием сей конституции приняли во-первых: права человека, потом вольность, потом равенство и, наконец, собственность, как бы из сих прав уже истекающую. Какое разительное противоречие! Какая нелепость даже в самом основании законов! Сии законодатели метафизики, желая из естественного источника почерпнуть законы, почерпнули оные из своего воображения...

Но сего не довольно. Сии законодатели, дабы явить конституцию свою во всем ее совершенстве, включили еще в основание оной равенство, стоящее им столько крови и уничтожающее всякое право собственности.

Вот поистине достойный плод насажденного ими древа вольности! Дух безначалия, перемешавший все гражданственные состояния, вооруживший развращенное тунеядство противу добродетели, леность противу трудолюбия, своевольство противу порядка, поправший священные права собственности и, наконец, заглушивший чувствование сердца, восстал против самого бога; опровергнув святые алтари и храмы, воздвигнутые на прославление его величия и в которых несчастный находил единственную свою отраду.

Откуда призвали они сие **равенство**, сие исчадие раздоров? Я не нахожу оного ни в истории протекших веков, ни в недрах природы. Какой счастливейший народ по их мнению, управлялся безначалием? Когда природа во младенчестве человеческих обществ являла примеры сего равенства, которое упоевало их души?

Нет, если бы они хотели последовать природе, то конечно узнали бы, что не сие гибельное их равенство, но что неравенство сил человеческих соединило и сохраняет людей. По сей-то причине самые бессильные соединились между собою для защищения своего от нападения сильных и соглашением частных сил своих составили общую силу или, что все равно, закон, долженствовавший сохранять общее в оных равновесие и предупреждать всякое в оных злоупотребление. Следовательно от неравенства сил человеческих произошли общества, от обществ произошли законы, от законов стали зависеть гражданственное благосостояние и твердость...

Сколь ни многоразличны государственные постановления, совсем тем, все оные стремятся к сему только единственному предмету, то-есть к сохранению собственности и личной безопасности гражданина. Собственность — священное право, душа общежития, источник законов, мать изобилия и удовольствий. Где ты уважена, где ты неприкосновенна, та только благословенна страна, там только спокоен и благополучен гражданин. Но ты бежишь от звука цепей. Ты чуждаешься невольников. Права твои не могут существовать ни в рабстве, ни в безначалии; поелику ты обитаешь только в царстве законов. Собственность, где нет тебя, там не может быть и правосудия...

(Пнин. «Опыт о просвещении в отн. России».)

---

129. О свободе хозяйства и обеспечении собственности.

1819.

...Не довольно того, чтоб ободрять земледелие и способствовать заготовлению первых материалов, необходимых для промышленности; надлежит еще, чтобы правительство обеспечивало собственность граждан как внутри, так и вне государства...

Смит, не обинуясь, говорит, что в Англии уверенность каждого в том, что он может свободно пользоваться плодами трудов своих и что правительство не смеет коснуться имущества граждан — сия уверенность сделала больше пользы государству, нежели сколько ложные меры правительства причинили оному вреда.

Но для обеспечения собственности частной не довольно того, чтобы правительство наказывало хищничество и насилие, уважало и заставляло свято уважать контракты и всякого рода сделки и каждому давало суд правый и скорый; надлежит еще, чтобы оно дало полную свободу всем заниматься тою промышленностью, какую кто считает для себя выгоднейшею; чтобы фабрикант мог работать свои изделия, как он считает для себя полезнее, и располагать оными по своему произволу.

Собственность бывает обеспечена только там, где правительство почитает себя рабом данного слова. Когда кто решается на какое-либо предприятие, то делает сие, основываясь на существующих узаконениях, или на обещаниях правительства. Переменить узаконения, или не сдержать данного слова есть то же, что и отнять насильственно собственность гражданина, обмануть его доверие и истребить всякую предприимчивость.

Собственность бывает обеспечена по мере того, как законы тверды и постоянны. Правительство не может ни увеличить, ни уменьшить пошлин без того, чтоб сие не было одним в пользу, а другим во вред. Такая переменчивость расстраивает все расчеты промышленников, возбуждает недоверчивость и отнимает охоту к предприятиям. Лучше в тысячу раз держаться одного закона, хотя не самого лучшего, нежели переменять беспрестанно по своенравию министров или для выгод казны; по крайней мере тогда знали бы фабриканты и негоцианты, чего им держаться, и не оставались бы в беспрестанном страхе от новых перемен. Еще в свежей у всех памяти те бедственные времена, когда законы беспрестанно переменялись по видам политики. Тогда торговые и мануфактурные операции были не что иное, как игра случая.

(«Дух журналов», 1819, № 22.)

---

130. Проф. Шторх. Влияние рабства на развитие хозяйства.

(Из «Курса полит. экономии» изд. на франц. языке 1815 г.)

Так как раб составляет часть богатства своего господина, последний может пользоваться им двумя способами: или заставляя его оказы-

вать ему непроизводительные услуги, или заставляя его работать для производства других богатств. В первом случае раб принадлежит к фонду потребления своего господина; во втором он составляет часть его капитала. В этом уже порок рабства, и порок весьма тяжкий, что непроизводительными услугами он неминуемо ведет к роскоши. В тех странах, где существует рабство, класс слуг бесконечно многочисленнее, чем это вызывается потребностями. Дома богатых кишат бездельниками, то, что в других местах составляет обязанность одного человека, становится здесь работою пяти или десяти рабов; сильные руки, которые при другом порядке вещей работали бы производительно, обречены на бездействие и потребляют вместо того, чтоб производить. Хозяева держат рабов для удобства или для забавы, содержат их из-за чванства. Иной рабовладелец имеет свою труппу актеров, музыкантов, шутов, как и свою свору собак. Рабство ведет к потреблению в самом дурном смысле этого слова, и это наблюдение подтверждалось повсюду, где рабство существовало, в древнем Риме, как и в Персии, у европейцев в Индии, как и у нас в России...

Раб, исполняющий подневольный труд, для своего ли господина, для другого ли лица, которому его отдают внаймы, составляет часть постоянного капитала своего господина; его содержание есть, наоборот, капитал, находящийся в обращении. Когда господин воспитывает молодых рабов не для того, чтоб оставить их у себя, а для того, чтоб их продать, как это часто практикуется у народов Азии, Африки, сами эти рабы составляют часть оборотного капитала.

Всякий постоянный капитал, когда его отдают взаймы, дает доход, следовательно и рабы тоже приносят этот доход. Он состоит из тех же составных частей и следует тем же правилам, как и доход от всякого постоянного капитала. Когда господин отдает своего раба внаймы, ежегодная плата, которую он должен потребовать за использование способностей этого раба, заключает в себе по необходимости следующие статьи: 1) проценты с суммы, потраченной им на покупку раба, или употребленной им на его воспитание, усовершенствование его способностей; 2) расходы на его содержание, если только наниматель не возьмет на себя эти издержки; 3) постепенное погашение капитала, исчисленное по вероятной продолжительности времени, в течение которого раб сможет служить; 4) страховую премию на его жизнь; 5) расходы по управлению или траты, вызываемые надзором за рабом и другими заботами, связанными с владением им. Все эти статьи составляют необходимый доход, приносимый рабом, или наемную плату, которую господин должен исчислить, если не хочет быть в убытке; причем наемная плата раба в ее совокупности определяется в каждом данном случае законом спроса и предложения...

Отдает ли рабовладелец своих рабов внаймы другим лицам, пользуется ли он сам их трудом; наемная плата всегда должна приниматься в расчет, когда хотят выяснить расходы по их работе. А так как наемная плата соответствует заработной плате свободного рабочего, то необходимо сравнить их между собой; здесь разрешение важной проблемы, который из этих двух видов труда обходится дороже, труд ли раба, или труд вольного рабочего?

Мы только что видели, каковы составные части необходимой наемной платы раба; заработная плата рабочего состоит из тех же приблизительно составных частей. Содержание одинаково входит как в первую, так и во вторую, ибо вольного рабочего надо кормить, как и раба. Если этот последний куплен или воспитан на средства своего господина, то дети вольного рабочего точно так же содержатся на счет предпринимателя, дающего заработок их отцу, и в каждом из этих случаев эти авансы образуют капитал, проценты с которого должны быть выяснены рабовладельцем или предпринимателем. Постепенное погашение капитала тоже содержится в большей или меньшей степени в заработной плате, смотря по тому, дороже или дешевле обошлось воспитание работника. Остаются, значит, не включенными в необходимую заработную плату только страховая премия и траты по управлению, и эти две статьи мало внесли бы различия между этой заработной платою рабочего и расходами по содержанию раба, еслиб можно было предположить одинаково хорошую хозяйственность в управлении и тем и другим.

Но этого предположить нельзя. Если даже поставить на один уровень безусловно необходимые потребности раба и вольного рабочего, все же всегда будет дороже удовлетворять пер-

вые, чем вторые. Содержание раба находится в заведывании господина, мало внимательного к делу, или же нерадивого надсмотрщика; содержанием вольного рабочего заведует сам рабочий. В заведывание первым проникает беспорядочность, царящая вообще в делах богача, и наоборот, в заведывании вторым устанавливаются строгая умеренность и мелочно-внимательная бережливость бедняка. Наконец к беспорядочности господина и нерадивости надсмотрщика присоединяются обычно недостаток доброй воли со стороны раба, и все это вместе ведет к тому, что содержание его обходится дороже, чем содержание вольного рабочего. Раб потребляет больше, чем этот последний, не потому что он больше ест и пьет, а потому что крадет, бросает добро на ветер, портит его и плохо хозяйничает. Какое ему дело до чужих интересов? Всякий труд, от какого он только может избавиться, есть для него выигрыш; все, что пропадает у него в руках, есть потеря лишь для его господина. Раб ничего не имеет против того, чтоб эти потери дали почувствовать господину, что рабство влечет для него за собой также и неудобство. Таким образом и необходимые расходы по содержанию раба, уже сами по себе более крупные, чем заработная плата вольного рабочего, оказываются еще более повышенными вследствие того способа, каким их производят.

Ввиду того, что наемная плата за раба в совокупности определяется теми же обстоятельствами, как и заработная плата, т.-е. соотношение между предложением рабочих и спросом на них, сначала может показаться, что в данное время и в данном месте эти две статьи должны бы быть равноценны, но существенную разницу вносит в них следующее обстоятельство. Вольный рабочий предлагает себя сам, раба предлагает его господин; у первого необходимая и настоятельная потребность наняться у господина нет такой нужды отдать внаймы своих рабов: скажем лучше, он вовсе не нуждается в этом, так как может пользоваться ими сам. Наконец не все имеют право владеть рабами, в некоторых странах эта привилегия предоставлена одному только классу граждан, и наименее многочисленному. Из всего этого следует, что рабовладельцы проявляют некоторого рода монополию по отношению к нанимателю рабов, монополию, принуждающую нанимателей оплачивать труд рабов дороже, чем они оплачивали бы труд вольных рабочих, если только они не живут в таком месте, где конкуренция вольных рабочих уравнивает обе платы...

Раб, работающий постоянно для других и никогда для себя, ограниченный необходимым содержанием и не видящий никакой перспективы для улучшения своей участи, утрачивает все, что составляет человека труда; он становится машиной, и машиной зачастую весьма упрямой и весьма трудно управляемой. Человек, не получающий вознаграждения, соответствующего исполняемой им работе, работает насколько возможно меньше: это — общепризнанная истина, подтверждаемая повседневным опытом. Заставьте вольного рабочего работать поденно: он будет лениться; платите ему сдельно: он часто будет переутомляться и разрушит свое здоровье. Если это наблюдение верно по отношению к вольному рабочему, оно должно быть бесконечно вернее по отношению к рабу, ибо первого побуждают работать лучше три стимула, отсутствующие у второго.

1. Излишек работы, исполняемый вольным работником, не остается без вознаграждения. Наиболее ловким и деятельным платят лучше, чем остальным; те, которые отличаются, имеют более постоянный заработок, и им всегда оказывают предпочтение, ставя их на наиболее прибыльную работу: это — действительная награда, сопровождающая их усилия.

2. У вольного работника, как и у всякого другого человека, есть чувство чести. В свободной стране, репутация ленивого и неумного работника считается позорной, и так как в этом отношении к глазам работодателя приходится прибавить глаза товарищей по работе, то эта кара налагается в бесчисленных случаях судьями, не имеющими никакого интереса щадить ленивца. Таким образом они взаимно надзирают друг за другом и движутся соревнованием. Но этот двигатель имеет гораздо меньше силы для рабов. Обхождение, принятое по отношению к ним, делает их мало чувствительными к столь утонченному наказанию, а так как они не могут не сознавать, как несправедливо работать в пользу других без всякого вознаграждения, то рабы и не стыдятся признаваться друг

другу в общем для них всех отвращении к труду.

3. То, что вольному работнику представляется прибылью, есть верная прибыль: все, что он может приобрести, принадлежит ему, и никто никогда не будут в праве коснуться его достояния; но мы видим, что для раба действительной уверенности в этом быть не может . . .

Мы только что видели, что труд раба ниже труда вольного рабочего в количественном отношении, легко понять, каким он должен быть и по качествам.

У раба нет никакого интереса вкладывать в работу умственную энергию и затрачивать силы, могущие обеспечить ее успех, он не высказывает изобретательности в выборе приемов, совершенствующих и умножающих продукты его труда. Ему совсем невыгодно развернуть во всю ширь свои способности, он только повысил бы меру своих обычных обязанностей. Зачем ему придумывать новые способы делать больше или делать лучше? Для совершенствования нужно размышлять, а размышление есть труд, на который никто не пойдет без побудительной причины. Человек, униженный до степени рабочего скота, никогда не поднимется выше слепой рутины; поколения будут следовать одно за другим без малейшего прогресса. Силой можно принудить людей работать, но нельзя сделать их изобретательными. Наиболее выгодные для промышленности приемы, облегчающие и сокращающие труд, будут ли то машины, или порядки организации, были все изобретены людьми свободными . . .

Только что конченный нами анализ должен был заранее убедить читателей, что эти успехи могут быть лишь весьма медленны и что рабство должно в конце концов совершенно остановить промышленность, в тот момент, когда ей будет нужен самый могучий подъем. Этот результат наших изысканий подтверждается также и опытом . . .

Современная Европа представляет нам более точные данные для сравнения дохода с земли, когда она обрабатывается рабами и когда ее возделывают люди свободные. Граф Бернсторф, отпустив на волю своих крестьян, приказал составить таблицы урожая на своих землях до и после этой эпохи; они показали следующий результат. До освобождения рожь родилась сам 3, ячмень—сам 4, овес—сам $2^2/_3$. После освобождения крестьян рожь родилась сам $8^1/_3$, ячмень—сам $9^2/_3$, овес—сам 8. Годовой доход с этого поместья увеличился, благодаря улучшению обработки на сумму в 17 698 рикедалеров.

В. Кокс рассказывает в своем путешествии по Польше, что земли графа Замойского, на которых он отпустил своих крестьян на волю, до такой степени улучшились с этого времени, что семнадцать лет спустя приносили ему тройной доход против того, который он получал, когда его хлебопашцы были рабами.

Этих примеров будет достаточно, чтоб доказать, что земледелие никогда не достигает высокой степени совершенства, когда землю возделывают рабы или крепостные. Если же рабство является препятствием для успехов земледелия, то с тем большим основанием должно оно быть таковым для мануфактурного производства. Мы видим, как механические ремесла незаметно рождаются рядом с полевыми работами и как они совершенствуются, отделившись от них. А так как рабство препятствует этому отделению, то оно удерживает ремесла в состоянии вечного детства, ибо разделение труда, которое одно только и может усовершенствовать их, становится невозможным там, где человек прикреплен к земле.

Эпоха полной отмены рабства в Европе есть заря всех великих открытий, делающих честь человеческому уму и облагораживающих человеческое существование, которое, благодаря им, становится более легким и приятным. Все успехи, сделанные Европой в науках и искусствах, в управлении и в промышленности, успехи, обеспечивающие ей столь славное главенство над другими частями света, ведут начало лишь с этого великого и благодетельного переворота; и нет сомнения, что, еслиб он не состоялся, Европа коснела бы еще в таком же приблизительно варварстве, каким она была окутана в течение стольких веков.

Будем говорить об одной только промышленности; посмотрите, какие усилия делались в ее пользу, как щедро поощряли ее в течение двух веков в тех странах, где рабство еще существует. А каковы же были последствия стольких забот со стороны правительства? Сделало ли успехи разделение труда? Умножилось ли число фабрик? Ведется ли с помощью промышленности

и национальных фондов торговля? Посмотрите на мощный подъем промышленности за последние пятьдесят лет в Соединенных Штатах Америки и в Ирландии и сравните с ним слабые успехи, сделанные ею в России, в Польше, в Венгрии, в Дании и всюду, где существует рабство, хотя эти страны гораздо раньше начали заниматься фабричным делом и торговлей. Соединенные Штаты имели в 1800 г. народонаселение в 5.300.000 душ. В последующие три года они вывозили ежегодно, по средней оценке, на сумму в 98.550.000 рублей. Россия имела в 1800 г. около 40 миллионов душ, в последующие три года она вывозила ежегодно, по средней оценке, на сумму в 58.125.500 рублей. Таким образом народонаселение России в $7\frac{1}{2}$ раз превосходило народонаселение Соединенных Штатов, между тем как ее вывозная торговля равнялась лишь шести десятым вывозной торговли Соединенных Штатов.

Вывоз и ввоз Ирландии поднялся в 1808 г. до 118 миллионов рублей. По официальным таблицам, опубликованным в России, торговля этой империи представляла в 1802 г. стоимость в 120 миллионов руб. ассигнациями, а в 1803 г. 123 миллиона, что составляет в серебряных рублях для первого года 86 милл., а для второго 98 милл. Такого процветания нашей торговли, как в эти два года, в России давно уже не было; однако, итог обмена с заграницей, если его сравнить с итогом такого же обмена у Ирландии, ниже, чем у нее, в первом году на 32 миллиона, во втором — на 20. Заметьте при этом, что народонаселение России в восемь раз превышает народонаселение Ирландии. Половина почти теперешнего вывоза Ирландии состоит из произведений мануфактурных, тогда как Россия вывозит только сырье, если и получающее какую-либо обработку, то лишь самую грубую. Один уже вывоз ирландских полотен представляет в настоящее время сумму в 32 миллиона с лишним рублей. Россия же, снабжающая льном всю Европу и производящая самые лучшие его сорта, продает лишь парусину; тонких полотен, фабрикуемых ею, далеко не хватает для потребления ее жителей. Между тем фабрики, и в особенности полотняные, поощряются в ней с царствования царя Алексея.

Вот факты, говорящие сами за себя. Если, несмотря на поощрение, щедро оказываемое промышленности в течение полутора столетий, она сделала у нас так мало успехов; если нам недостает, не скажу фабрик, ибо для того, чтобы они появились, нужно, чтоб капитал России возрос еще больше, но мастеровых для самых обычных и самых необходимых ремесел, если разделение труда сводится почти к нулю, если наши рабочие по большей части работают еще несовершенными орудиями, если, наконец, их промышленные изделия уступают иностранным и по количеству, и по качеству, то винить в этом следует главным образом рабство.

(Storch. «Cours d'économie politique», t. IV.)

---

131. Ответ на задачу Вольного Экономического Общества, в 1812 году предложенную, сочиненный Коллежским Советником и Кавалером Людвигом Якобом и удостоенный высочайше пожалованного на сию задачу награждения золотой медали во сто червонных

1814.

Желая исчислить издержки, употребленные владельцем на обрабатывание полей его крепостными людьми, должно наперед предложить следующее:

1) Капитал, употребленный на покупку крестьян.

2) Потерю доходов с земли, занимаемой крестьянами для доставления им пропитания.

3) Цену дров ежегодно ими употребляемых на отопление и постройки.

4) Пособия им делаемые владельцем в несчастных случаях, когда, например, они потерпели вред от пожара, болезней, скотского падежа, неурожая и прочее.

5) Убытки от рекрутства или потерю на счет владельца уменьшением числа работников его.

6) Вред, причиняемый ему в лесах или вообще по хозяйству.

Невозможно всему тому сделать такого общего исчисления, которое бы могло относиться ко всякому месту и ко всякому времени. Не только многие из упоминаемых статей по разному местоположению и другим обстоятельствам

весьма бывают различны, но не менее того и полезное устройство имений у одного владельца состоит в том, а у другого в ином чем-либо. Между тем однако ж, можно бы несколько приблизиться и к истине, сделав такой счет, который бы относился к обыкновеннейшим случаям. Опытные хозяева увидят, что следующие положения во многих местах и во многих случаях не весьма удалены от оной.

Если в каком-либо имении находится 100 душ мужеска пола, то можно предположить:

1) Что покупная цена их (не считая земли) составляет около 5.000 четвертей ржи, следовательно, она господину приносит убытка, потерею ежегодно 6 проц. . . . 300 ч. ржи.

2) Для прокормления дается им на всякую душу по крайней мере 2 десятины земли. Владелец лишается чистого дохода с оных; ибо, отдав оные на откуп, получил бы за всякую десятину одну четверть ржи, и таким образом теряет он ежегодно

3) На всякую мужескую душу для корму рабочего скота, полагается 2 десятины сенокосу и пастбищ: во многих местах России сенокосы доставляют более дохода, нежели пашни, однако мы предполагаем доход из них в половину меньше против того, который получается от пахотных полей, и так владелец ежегодно лишается по крайней мере . . . 100 » »

4) Цена леса, ежегодно употребляемого крестьянами на разные постройки и орудия, и цена дров на отопление домов их составляют . . . . 300 » »

5) Пособия во время пожара и других несчастных случаев, как-то: неурожая, скотского падежа, также поддержание упадшего крестьянина, убытки от ссуд, пополнение податей за тех, кои от непорядочного жития недостаточны, издержки на лекарей и проч., полагая на каждую душу по 2 четверти . . . . 200 ч. ржи.

6) Ежегодный убыток от рекрутства . . . . 100 » »

7) Истребление лесов, убытки, причиненные воровством и разного рода оплошностью . . . 100 » »

Итого . . 1.300 ч. ржи.

Итак, владельцу всякая мужеская душа стоит ежегодно по крайней мере 13 четвертей ржи, или, полагая в равном числе мужеский и женский пол, всякая душа обходится ему в 6½ четвертей хлеба. Если предположить, что в числе 200 находится 50 душ работников (полагая две женщины или четверо детей за одного работника), то ежегодно всякий работник стоит владельцу 26 четвертей ржи; но поелику почитают справедливым и законы требуют, дабы всякий крепостной человек в пользу двора работал три дня в неделю, то со 100 мужеских душ владелец имеет поденных работников только 25, следовательно, всякий из них по сложности стоит ему ежегодно 52 четверти ржи. Удивительно великая цена; приняв в уважение и то, что здесь разумеется работник с одною лошадью; ибо по конюшням пару годных и великих земледельческих лошадей весьма удобно можно содержать 40 четвертями овса, 40 четвертями сечки и 200 пудами сена; сии же стоят: 40 четвертей овса, полагая оный

	Четверти.	Четверики.
противу ржи как 16—9 . .	22	3
40 четвертей сечки . .	1	
200 пудов сена . . .	3	
Проценту от капитала, состоящего в лошадях (полагая цену одной лошади в 10 четв. ржи) по 10 на 100	2	
Процент и издержки на содержание конюшни . . .	2	
Содержание разных снастей и орудий	2	5
Один работник платежем ему и издержками на него, полагая весьма достаточно, стоит	16	
Итого . .	49 четвертей.	

Всякой хозяин должен признаться, что предположенное здесь содержание одной пары великих и годных крестьянских лошадей стоит еще менее, но не более; но предположим, что они стоили бы более, например, от 60 до 70 четвертей ржи; то цена произведению их была бы дешевле цены работы одних только крепостных людей; ибо две годные, хорошо вскормленные лошади, с одним вольным человеком, вырабатывают более противу 4 — 5 обыкновенных крестьянских лошадей с 4 — 5 крепостными людьми; итак, если один крепостной человек с лошадью стоит ежегодно владельцу 52-х четвертей ржи, то работа упоминаемого числа крепостных людей противу вольного и охочего человека с господскою упряжью, отправляемой за 49 четвертей, обойдется ему в 204—205 четвертей, или если предположить их крепостных людей с 4 лошадьми, по крайней мере 104 четверти ржи.

Однако владельцы мало думают и заботятся о том, сколь дорого им стоят крепостные их люди; ибо, не имея больших денежных издержек, не исчисляют действительных вещественных убытков и поелику у них случайные перемены по хозяйству скорее могут уменьшить, нежели умножить настоящие доходы их, то и воображают, что род хозяйства их для России не может уже улучшиться.

Несмотря однако ж, если крепостной человек действительно владельцу стоит 52-х четвертей ржи, то едва ли он получает от того великую пользу. Многие крестьянские семьи, от ежедневного через целый год труда одного работника, довольны тем, буде получают за то платеж от 10 — 15 четвертей [1]), большая часть даже чрезмерно семейных, крестьян не более приобретают, как сколько нужно к пропитанию себя и к платежу государственных податей, крестьянин же не имеет никакой прибыли от покупки его и от рекрутства во сколько оно обходится владельцу его.

. . . .

Итак, для обработания одной десятины дворовой земли и для укошения несколько сена, князь выделил своим крестьянам 5 десятин пашни и 3 десятины сенокосу и выгона; сверх того дозволяет им употреблять лес на отопление, на разные постройки и земледельческие снасти: но не менее того и истребление лесов его крестьянским скотом не может быть маловажно; следовательно обработание 362 десят. дворовой засеянной земли [1]) ежегодно стоит:

	Четверти.
1) Годового процента от капитала, состоящего в крестьянах, полагая на всякую душу по 50 четвертей, составляющего 34.650 четвертей ржи, по 6 со 100	2.079
2) Потери откупных денег за 18 десятин крестьянской пашни	1.810
3) Потери откупных денег за 1.086 десят. сенокосу и выгону, коими пользуются крестьяне, полагая за всякую десятину по ½ четверти	543
4) Цены лесов, употребленных на разные постройки и отопление в 180 домах, полагая на всякий дом по 3 четв. .	540
5) Лекарств, пособий и проч. . .	1.386
6) Рекрутства	693
7) Убытков, причиненных в лесу и проч.	693
Итого . .	7.744

Поелику в сем имении, за вычетом посева, собирается около 1.800 четвертей ржи, то по верном и точном исчислении легко заметить можно, что господину всякая собранная четверть стоит $4^{1}/_{6}$ четверти.

Где хозяйство производится **вольными людьми** на счет владельца, там полагают, что двое таких людей с 4 лошадьми удобно обработать могут 36 — 40 десят. земли, следовательно, для обработания 470 десятин дворовой земли, или из того оставляя $^{1}/_{3}$ часть под пар, а около 320 десят. под посев, довольно бы было 16 таких работников и 32 лошади; итак, из вышепоказанных издержек составится такой счет:

	Четверти.
1) На наем 16 вольных работников и на издержки на них, полагая ежегодно на всякую душу по 16 четв. . . .	256

[1]) Тайный советник граф Стройновский, в своем сочинении о условиях и проч., предполагает, что одна крестьянская семья, из 5 — 6 душ состоящая, в день удобно может прокормиться 1½ гарнцем ржи. (Прим. автора).

[1]) За исключением пара, действительно остается земли под посев 362 десят. (Прим. автора).

	Четверти.
2) На содержание 32 лошадей; на проценты от капитала, употребленного на покупку их; на разные починки и земледельческие снасти и проч. . . .	528
3) Во время жатвы за наем, сверх сказанного, трех лошадей, полагая со всякой десят. по четверти	235
4) За молотьбу	260

Итак, примерный счет издержкам на свободное обработание земли, составляет около 1.279

Сии издержки весьма увеличены, но хозяин по своему усмотрению может оные уменьшить; при посредственном хозяйстве по вычете семян (разумея всегда ржи) всякая десятина пахотной земли может доставить 6 четвертей, а если прибавить к тому прибыль от сенокоса, то издержки увеличатся; итак, получить можно:

	Четв. ржи.
1) От 320 десятин посеянной земли, полагая со всякой по 6 четвертей . .	1.920
2) От 150 десятин сенокосу, со всякой по 100 пуд., то около 15.000 пуд. сена разною ценою [1])	750
Итого . .	2.670

ныне по сложности выигрывает князь (заменяя все на рожь) по вычете посева, только 4 четверти со всякой десятины; а потому, считая в особенности доходы его, имеет он от 470 десят. пашни и 150 десят. сенокосу в цене около 1.800 четв. ржи.

Если бы князь при посредственном хозяйстве обрабатывал свою землю совершенно вольными людьми, то по вычете означенных издержек получил бы:

	Четверти.
1) С своей собственной земли 620 десятин чистого дохода	1.391
2) Доход с земли, занимаемой крестьянами его.	2.353
3) Прибыли с процента от капитала, обращенного на покупку крестьян, и прибыли со всех издержек, ежегодно на них употребленных	7.744
Итак, весь доход состоял бы из	11.488
Но ныне он не составляет и . . .	2.000

[1]) Можно бы, например, предложить, что ценою равняются: 2 четверти пшеницы 3-м четвертям ржи; одна четверть ржи — двум четвертям овса или 20-ти пудам сена; а потому, если на одной десятине собирается 10 четвертей овса, то я полагаю оный ценою наравне противу 5 четвертей ржи; равномерно и одна десятина сенокоса, с коей получается 200 пуд. сена, может быть заменена 10-ю четвертями ржи и проч. (Прим. автора).

В самом деле, если таким образом хозяйство должно быть устроено, то нужен большой капитал для построек и снабжения себя нужным скотом; но заметить должно, что настоящие чистые доходы всегда превышать будут прежние.

Об обработывании земли вольными людьми.

Весьма ошибаются те, кои думают, что довольно одной свободы для лучшего обработания земли; к тому потребно знание хозяйства и капиталы, но не менее того приверженность к порядку и прилежание, кои не всем свободным людям свойственны; итак, весьма бы было бедное то мечтание, что в России одно доставление свободы крестьянам может довести земледелие до лучшего состояния.

Казенные и помещичьи оброчные крестьяне хотя довольно свободны, однако, во многих местах хозяйство и состояние их хуже противу хозяйства и состояния таких частных крестьян, кои управляются богатыми владельцами. Все колонисты, поселенные на Волге, также в Екатеринославской, Таврической и С.-Петербургской губерниях свободны, имеют подаренную землю, и пользуются великими преимуществами, однако, хозяйство многих из них в худом состоянии: по сей причине можно сказать, что не одна только свобода делает хорошее хозяйство, и если земледелие должно доставлять больше произведений, то к свободе должны присоединиться еще другие обстоятельства . . .

Он может исправлять полевые работы наемниками. Работа дневных работников в тех местах, где в них нет недостатка, дешевле противу работы крепостных людей. Там, где существует крепость на людей, хотя владелец, за одну только одежду и пропитание заставляющий работать своих крестьян, издерживает на них в половину менее того, чего стоят наемники, однако, должно заметить: а) что крепостной едва в половину выработает противу вольного наемника; б) что вольный должен сам содержать своих детей, больных и стариков; в) что воль-

ный обязывается вознаградить за причиненный им вред; г) что если вольный ленив и ведет себя непорядочно, то владелец в одно мгновение может его удалить, а на место его взять лучшего; д) что владелец с вольными работниками поступает бережливее и что он изыскивает самые лучшие способы работы, дабы с меньшим числом работников, помощью машин и проч. произвести самой большее количество чего-либо. Сообразив все сии обстоятельства, удобно усмотреть можно, что вольная работа при точном разделении оной, вообще дешевле, нежели принужденная. Соображение произведений вольных работников в Англии с произведениями крепостных людей в нашем государстве тем ощутительнее открывает нам сию истину.

В имении князя Мещерского 650 душам определяется 16 — 17 дней для сжатия хлеба на 110 десятинах; напротив, в Англии, по словам Артура Юнга, такое ж число вольных работников и в одинакое время могут пожать 1.050 десятин. Один работник и в один день в Англии может сжать ячменя или овса на ½ — 1 десятинах земли, напротив, у нас по большой мере на половине десятины. Около Москвы 650 мужчин и женщин в один месяц (24 дня) собрали сена 1.206.000 пуд., следовательно, всякой из них 184 пуда; в Мидльсекском же графстве один человек ежедневно укошивает 1½ — 2 акров, то есть 1.360 — 1.780 квадратных саженей; всякий акр приносит 63 — 126 пуд., следовательно, один человек ежедневно укошивает сена 95 — 252 пуд., то-есть в месяц (24 дня) 2.280—6.048 пуд. Накосить и собрать сена на одной десятине стоит в Лондоне на двух косцов 3½ четверика пшеницы, следовательно один работник получает ежедневно около 70 фунтов оной; напротив, российскому владельцу стоит крепостной его работник в содержании и пропитании не более, как 12 фунтов пшеницы или 18 ржи. Таким образом кажется работа его дешевле, но если рассмотреть, что работник около Лондона доставляет ежедневно владельцу 200, а московский крепостной человек около 8 и наиболее 20 пуд., то укошение 200 пуд. сена около Москвы стоит гораздо более, нежели около Лондона; ибо, разделив 70 фунтов на 200 пуд., выйдет на всякий пуд около 11 лотов пшеницы; напротив, если разделить 12 фунтов на 8 — 20 пуд., то достанется на всякий пуд 1¼ фунта или, по крайней мере, 20 лотов; или же в обоих сих местах, полагая пшеницу в равной цене, то-есть по 10 руб. четверть (400 фунтов), то укошение пуда сена стоит господину около Москвы 3 — 4 копейки, а около Лондона только 1½ коп. Также едва ли не можно в Лондоне купить сена гораздо еще дешевле, нежели в Москве.

Впрочем, где работа обыкновенно производится крепостными людьми и где наемники редки, там сие различие в работе наемника и крепостного человека не столько ощутительно. Вольные работники часто находят легкие упражнения и такие, кои не подобны грубой работе. Они работают еще ленивее, нежели крепостные люди, поелику знают, что без них обойтись не можно.

Однако около Москвы и около других больших городов поля обрабатываются также и наемниками, и тут платеж им стоит менее, нежели издержки на крепостного человека, состоящие в земле.

Обработание наемниками 10 десятин земли около Москвы стоит:

Два раза пахать и боронить	2.800	фун. ржи.
Семя	3.500	» »
Жатие 10 человек через 7 дней по 40 фунтов ежедневно	2.800	» »
Возка 10 человек с 10 лошадьми через три дня . . .	1.960	» »
Сушение и молотьба хлеба.	2.400	» »
Навоз и унавожение . .	4.000	» »
Возка на рынок	3.600	» »
Итого . .	21.060	фун. ржи.

Итак, полагая четверть ржи в 250 фунтов, издержки обработания около Москвы наемниками 10 десятин земли составляет $60^{5}/_{36}$ четвертей, напротив, произведения составили бы:

Со всякой десятины по $7^{1}/_{5}$ четвертей, со всех 10-ти десят.	$75^{1}/_{3}$	четв.
40 коп. соломы равняются . .	10	
Итого. .	$85^{8}/_{36}$	четв.
Отняв издержки	$60^{5}/_{36}$	»
Остается . .	$25^{13}/_{36}$	четв.

Если бы владелец стал обрабатывать сию землю крепостными людьми, то по крайней мере должен бы иметь для сего три постоянных работника с лошадьми; но поелику, как выше сказано, всякой крепостной человек стоит ему ежегодно 65, то по сему земледельческие издержки составили бы 195 четвертей ржи, то-есть он в своем хозяйстве потерял бы 109½ четвертей, но он сей потери не замечает, ибо не считает своей земли, отданной крестьянам.

Что сии предположения точны, то приведенные примеры ясно сие доказывают; ибо для заселения 3-х крестьянских семей должно им выделить пашни по крайней мере по 5 десятин; но поелику всякая десятидесятинная земля, обрабатываемая наемниками, доставляет владельцу $25^{13}/_{36}$ четвертей ржи, то он с своей земли лишается чистого дохода $37^{5}/_{6}$ четвертей. Прибавив к тому проценты от капитала, обращенного на покупку крестьян, также цену дров и пособий, доставляемых им, то означенная сумма потери тем более еще увеличится.

Один благоразумный и проницательный владелец в Московском уезде, обрабатывающий одну часть своей земли крепостными, а другую — наемными лдюьми, сообщил мне о том следующий счет.

I.

Годовые издержки на работу одного тягла крепостных людей.

Проценты от капитала, употребленного на покупку крестьян одного тягла около 2 мужеских душ	6	четверт.	ржи.
Потеря доходу от 6 десятин земли	6	»	»
Потеря доходу от 12 пуд. сена	2	»	»
Лес на постройки и отопление	4	»	»
Убытки в лесу, причиненные воровством и скотом . .	2	»	»
Пособия, делаемые крестьянам и проч.	1	»	»
Итого . .	21	четверть	ржи.

Произведения сего одного тягла по вычете семян, полагая оные в самой большой цене, составляют:

4½ четверти ржи . .	4½	четверти ржи.
10 » овса . .	5	» »
120 пуд. сена	6	» »

II.

Годовые издержки на вольную работу одного мужчины и одной женщины.

Годовой наем мужчины и женщины	18	четв.	ржи.
Проценты от капитала, состоящего в конской сбруи и земледельческих снастях, также содержание строений и прочее, полагая на всякую десятину по 120 фунт.	2½	»	»
Итого . .	20½	четв.	ржи.

Произведения сих двух работников следующие:

От 2-х десятин ржи по вычете семян, по 7 четвертей . .	14	четв.	ржи.
От 2 дес. овса (по 14 четв.) 28 четв.	14	»	»
От 2 дес. сенокосу 300 пуд. сена, которые равняются . .	15	»	»
Итого . .	43	четв.	ржи.

Из сего очевидно явствует, что работа наемников (где имеются оные), если только надлежаще употреблена, дешевле, нежели работа крепостных людей.

(«Тр. Вол. Эк. О-ва», т. 66, 1814 г.)

132. Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян.

(Около 1820 г.)

Вопрос. Как можно согласить выгоды помещиков со свободою крестьян?

Ответ. Мне кажется, что это весьма легко. Вот как бы я полагал. Я бы уступил поселянам дворы их с землею под поселением и общим выгоном, оставил себе всю прочую землю, поселян же освободил от крепостного состояния.

Вопрос. Что же крестьяне сим выигрывают?

Ответ. Не трудно доказать выгоды, от сего происходящие для крестьян. Личная их

свобода и собственность их обеспечены. Собственность же крестьян в России состоит не в земле, ибо она везде общая, но в имуществах, состоящих в дворах их. Отношения, остающиеся между владельцами земель и крестьянами, равно выгодны и для того и для другого — первым выгоднее отдавать землю свою обрабатывать крестьянам, уже живущим подле оной; а крестянам выгоднее нанимать землю, возле жилья их находящуюся, чем другую. Чрез освобождение же свое крестьяне вовсе не лишаются средств нанимать землю. Помещик будет получать тот же оброк, но только в другом виде; вольные, уверенные в своей собственности и в своей личной свободе, будут работать прилежнее, приобретать более и следственно могут платить более. Многие фабрики и теперь действуют посредством наемных людей. Сверх того, сим постановлением, благотворная связь крестьян с помещиками, потеряв все то, что было в ней противно нравственности и правам человечества, изменив существо свое, останется невредимою и сохранит все то, что в ней полезно было.

Вопрос. Но помещик заставит платить крестьян за землю все, что он только захочет?

Ответ. Во-первых: помещики теперь пользуются сим же правом и возможностью, кроме того, располагают и самими крестьянами, берут их во двор, заставляют их работать на фабриках, в рудниках, меняют их и торгуют ими, и так даже, что в том случае, когда бы сие возражение было справедливо, состояние поселян все бы сим утрачено не было. Во-вторых: в случае, еслиб помещик затруднил наем земли, осталась бы поселянам возможность нанимать землю у соседей, наниматься самим на работу, ходить на промысел, извоз и так далее, между тем как земли помещика останутся пустыми или наняты будут верно ниже той цены, которую б ему дали поселяне, живущие на оных. Не надобно забыть при том, что первые, послику работники со стороны, должны будут или бивакировать в поле, или платить за ночлег туземцам; кроме того, что одна решительная прибыль могла их вызвать из собственных жилищ, будучи в домах своих обеспечены от насилий и притеснений помещика, которому остается токмо, как английскому королю, одна возможность делать им добро.

Казенные поселяне или однодворцы, имеющие иногда одну четверку земли, хотя предоставлена им возможность переходить на другие земли, не делают того, по многим причинам:

1. По привязанности к месту рождения или жительства.

2. По затруднениям, которые бы им представились в переселении от перевозки малолетних детей.

3. Им должно продавать дворы за низкую цену.

4. Некоторые имеют скотоводство, должны также прекратить оное на время и терять выгоды, от того происходящие.

5. Привычка к известным, неизвестность других мест, где по большей части (т.-е. в южных губерн.), если земля и обещает более плодов, то зато почти везде недостаток в воде или в лесе.

6. Издержки нераздельные с таковым переселением. Одна крайность может понудить поселян к сему поступку.

Те, которые полагают, что они не будут заниматься земледелием, забывают, что у них есть на то все потребные орудия, что они привыкли с давнего времени к сему занятию, и что употреблен уже ими на то некоторый капитал. Надобно заметить, что в тех губерниях, где наиболее промышленности, земли не остаются праздными и что даже в оных, возьмем, напр., Ярославскую, земли обработаны с бо̀льшим тщанием, чем в тех губерниях, где мало промышленности. Те помещики, у коих крестьяне находились на пашне, должны взять в рассуждение, что они давали часть своей земли даром, для того, чтобы им обрабатывали барщиною остальную. По освобождении же они в состоянии будут отдавать всю землю в наем, избавляя себя притом от тягостного присмотра и строгих произвольных мер.

Подати освобожденных крестьян будут обеспечиваться целым обществом, наподобие мещан, однодворцев и ныне существующих вольных хлебопашцев.

Вопрос. Как же можно будет выходить из сего состояния?

Ответ. С дозволения правительства, которое, вероятно, положит за то выкуп в пользу общества, которое по нынешним постановлениям несет до следующей ревизии тягости

за выбывшего члена. Итак, этого возмездия требует сила справедливости.

Желательно также, чтобы сим обществам поселян предоставлено было право принимать к себе людей из других сословий, которым покажется выгоднее пристать к оным, чем итти в мещане.

Желательно, чтобы общества сии не платили в казну более казенных крестьян и были в сем отношении уравнены с ними.

Чтобы им предоставлено было также право покупать земли целым обществом.

Управление сих обществ остается, по народному обыкновению, избирательное. Староста и головы распоряжаются в ежедневных случаях, в важных решает мир или громада.

Казна может позволить освобождать крестьян и тех имений даже, которые заложены в банк или в ломбард, назначив над сим имением опеки до заплаты казенного долга.

Общественное владение поселян имеет некоторые неудобства, конечно, но имеет также большие выгоды. Все частные действия направлены духом общественности, и при оном не может быть почти нищих. Всякой сохраняет свое право на участок земли, как бы ни увеличилось население, а тунеядцев общественная власть принуждает к работе.

Выгода помещиков будет состоять в том, чтобы сии общества защищать от неправильных и беззаконных притязаний земских властей.

(«Русс. Архив», 1865 г., стр. 1373—1378.)

---

133. Записка декабриста Якушкина.

1. Русское общество послѣ 12 года.

Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, если бы народъ по-прежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы. По рязанской дорогѣ, направо и налѣво, поле было покрыто пестрой толпой, и мнѣ теперь еще помнятся слова шедшаго около меня солдата: «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!». Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.

Императоръ Александръ, оставившій войско прежде витебскаго сраженія, возвратился къ нему въ Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда послѣ не былъ онъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ. Россія была спасена, но для императора Александра этого было мало; онъ двинулся за границу съ своимъ войскомъ для освобожденія народовъ отъ общаго ихъ притѣснителя. Прусскій народъ, втоптанный въ грязь Наполеономъ, первый отозвался на великодушное призваніе императора Александра; все возстало и вооружилось. Въ 13-мъ году императоръ Александръ пересталъ быть царемъ русскимъ и обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 14-мъ году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ Александръ спасъ ее; предоставилъ даже ей избрать родъ правленія, какой она найдетъ для себя болѣе удобнымъ, съ однимъ только условіемъ, что Наполеонъ и никто изъ его семейства не будетъ царствовать во Франціи. Когда увѣрили императора Александра, что французы желаютъ имѣть Бурбоновъ, онъ поставилъ въ непремѣнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обезпечивающія до нѣкоторой степени его независимость. Хартія Людовика XVIII дала возможность французамъ продолжать начатое ими дѣло въ 89-мъ году. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіями своего царственнаго питомца.

Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ . . .

Мы ушли отъ нихъ (отъ стариковъ) на 100 лѣтъ впередъ...

2. Дѣятельность Якушкина въ его имѣніи.

Вскорѣ послѣ этого (въ 1816 г.) я уѣхалъ изъ Петербурга въ 37-й егерскій полкъ. Заѣхавъ по пути къ дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, я ему объявилъ, что желаю освободить своихъ крестьянъ. Въ это время я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ; но, имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Мое предложеніе дядя выслушалъ даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ; онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума...

Въ 19-мъ году, поѣхавъ изъ Москвы повидаться съ своими, я заѣхалъ въ смоленское свое имѣніе. Крестьяне, собравшись, стали просить меня, что такъ какъ я не служу и ничего не дѣлаю, то мнѣ бы пріѣхать пожить съ ними, и увѣряли, что я буду уже имъ тѣмъ полезенъ, что при мнѣ будутъ менѣе притѣснять ихъ. Я убѣдился, что въ ихъ словахъ много правды, и переѣхалъ на житье въ деревню. Сосѣди тотчасъ прислали поздравить съ пріѣздомъ, обѣщая каждый скоро посѣтить меня; но я черезъ посланныхъ ихъ просилъ передъ ними извиненія, что теперь никого изъ нихъ не могу принять. Меня оставили въ покоѣ, но, разумѣется, смотрѣли на меня, какъ на чудака. Первымъ моимъ распоряженіемъ было уменьшить на половину господскую запашку. Имѣніе было на барщинѣ, и крестьяне были далеко не въ удовлетворительномъ положеніи; многіе поборы, отяготительные для нихъ и приносившіе мало пользы помѣщику, были отмѣнены...

Чтобы сблизиться сколько возможно скорѣе съ моими крестьянами, я всѣхъ ихъ и во всякій часъ допускалъ до себя и, по возможности, удовлетворялъ ихъ требованія; скоро отучилъ я ихъ кланяться мнѣ въ ноги и стоять передо мной безъ шапки, когда я самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они не иначе наказывались, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ.

Почва вообще въ Смоленской губерніи не плодотворна; при недостаткѣ скота мои крестьяне не могли достаточно удобрять своихъ полей. Обыкновенно урожаи бывали очень скудны, такъ что собираемаго хлѣба едва доставало крестьянамъ на продовольствіе и посѣвъ. Единственные ихъ промыслы были зимою: извозъ и добываніе извести; и то и другое доставляло незначительную прибыль. Съ этими средствами они, конечно, не ходили по міру, но нельзя было надѣяться этими средствами улучшить ихъ состояніе, тѣмъ болѣе, что, привыкнувъ терпѣть нужду и не имѣя надежды когда-нибудь съ нею разстаться, они говорили, что всей работы никогда не переработаешь и потому трудились и на себя и на барина, никогда не напрягая силъ своихъ. Надо было придумать способъ возбудить въ нихъ дѣятельность и поставить ихъ въ необходимость прилежно трудиться. Способъ этотъ, по тогдашнимъ моимъ понятіямъ, состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего поставить ихъ въ совершенно независимое положеніе отъ помѣщика, и я написалъ прошеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, Козодавлеву, въ которомъ изъявилъ желаніе освободить своихъ крестьянъ и изложилъ условія, на которыхъ желаю освободить ихъ. Я предоставлялъ въ совершенное и полное владѣніе моимъ крестьянамъ ихъ дома, скотъ, лошадей и все ихъ имущество. Усадьбы и выгоны въ томъ самомъ видѣ, какъ они находились тогда, оставались принадлежностью тѣхъ же деревень. За все за это я не требовалъ отъ крестьянъ моихъ никакого возмездія. Остальную же всю землю я оставлялъ за собой, предполагая половину обрабатывать вольнонаемными людьми, а другую половину отдавать въ наемъ своимъ крестьянамъ.

Молодое же поколѣніе, мнѣ казалось, необходимо было прежде всего сколько-нибудь осмыслить и потомъ доставить имъ болѣе вѣрныя средства добывать пропитаніе, нежели какія до сихъ поръ имѣли отцы ихъ. Для этого я на первый разъ взялъ къ себѣ 12 мальчиковъ и самъ сталъ учить ихъ грамотѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ раздать ихъ въ Москву въ ученіе разнымъ мастерствамъ. Но наборъ мальчиковъ совершился не совсѣмъ съ добровольнаго согласія крестьянъ; они сперва были увѣрены, что я беру ихъ дѣтей къ себѣ въ дворовые, и тѣмъ болѣе это могло имъ казаться вѣроятнымъ, что вся

моя дворня состояла из одного человѣка, который былъ со мной въ походѣ, и наемнаго отставного унтеръ-офицера. Скоро однакожъ отцы и матери успокоились за своихъ дѣтей, видя, что они учатся грамотѣ, всегда веселые и ходятъ въ синихъ рубашкахъ. Въ это время заѣхалъ ко мнѣ мой сосѣдъ Лимохинъ, чтобы поговорить объ устройствѣ мельницы на рѣкѣ, раздѣляющей наши владѣнія. Не видя у меня никакой прислуги и замѣтя стоявшихъ вдали мальчиковъ, онъ спросилъ: «Что они тутъ дѣлаютъ?». Я отвѣтилъ что они учатся у меня грамотѣ. «И прекрасно, возразилъ онъ, поучите ихъ пѣть и музыкѣ, и вы, продавши ихъ, выручите хорошія деньги».

Такія понятія моего сосѣда, сами по себѣ отвратительныя, между тогдашними помѣщиками были не диковинка. Въ нашемъ семействѣ былъ тогда примѣръ. Покойный дядя мой, послѣ котораго досталось мнѣ Жуково, былъ моимъ опекуномъ; при небольшомъ состояніи были у него разныя полубарскія затѣи, въ томъ числѣ музыка и пѣвчіе. Въ то время, когда я былъ за границей, сблизившись въ Орлѣ съ графомъ Каменскимъ, сыномъ фельдмаршала, онъ ему продалъ 20 музыкантовъ изъ своего оркестра за 40.000; въ числѣ этихъ музыкантовъ были два человѣка, принадлежавшіе мнѣ. Когда я былъ въ 14-мъ году въ Орлѣ и въ первый разъ увидѣлся съ Каменскимъ, графъ очень любезно сказалъ мнѣ, что онъ мой должникъ, что онъ заплатитъ мнѣ 4.000 за моихъ людей, и просилъ безъ замедленія совершить на нихъ купчую. Я отвѣчалъ его сіятельству, что онъ мнѣ ничего не долженъ, потому что людей моихъ ни за что и никому не продамъ. На другой день оба они получили отъ меня отпускную.

Мальчики мои понемногу начали читать и писать, что очень забавляло ихъ родителей. Желая привести въ совершенную извѣстность всю мою дачу, я каждый день съ моими учениками ходилъ на съемку: они таскали за мной всѣ нужныя для этого принадлежности; скоро научились они таскать цѣпь и ставить колья по прямому направленію. Я показывалъ имъ, какъ наводить діоптръ и насѣкать углы на планшетѣ: все это ихъ очень забавляло, и они съ каждымъ днемъ становились смышленѣй.

Наконецъ вяземскій дворянскій предводитель получилъ предписаніе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ потребовать отъ меня показаніе, на какихъ условіяхъ я хочу сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами, и означить, сколько передаю я земли каждому изъ нихъ; потомъ допросить крестьянъ моихъ, согласны ли они поступить въ вольные хлѣбопашцы на предлагаемыхъ мною условіяхъ, словомъ, поступить совершенно по учрежденію для крестьянъ, поступающихъ въ вольные хлѣбопашцы, обнародованному въ 1805 [1]) году, февраля 20. Изъ этого было очевидно, что въ министерствѣ не обратили ни малѣйшаго вниманія на смыслъ моей просьбы. Оставалось только мнѣ ѣхать самому въ Петербургъ и изустно объясниться съ министромъ, но прежде мнѣ хотѣлось знать, оцѣнятъ ли мои крестьяне выгоду для себя условій, на которыхъ я предполагалъ освободить ихъ. Я собралъ ихъ и долго съ ними толковалъ; они слушали меня со вниманіемъ, и, наконецъ, спросили: «Земля, которую мы теперь владѣемъ, будетъ принадлежать намъ или нѣтъ?». Я имъ отвѣчалъ, что земля будетъ принадлежать мнѣ, но что они будутъ властны ее нанимать у меня. — «Ну такъ, батюшка, оставайся все по-старому; мы ваши, а земля наша». Напрасно я старался имъ объяснить всю выгоду независимости, которую имъ доставитъ освобожденіе. Русскій крестьянинъ не допускаетъ возможности, чтобъ у него не было хоть клока земли, которую онъ пахалъ бы для себя собственно. Надѣясь, что мои крестьяне со временемъ примирятся съ условіями, на которыхъ я предположилъ освободить ихъ, въ началѣ 20 года я отправился въ Петербургъ...

(Записки Якушкина, гл. I.)

---

134. Из книги Гр. Стройновского об условиях помещиков с крестьянами.

Рабство должно быть уничтожено тамъ, гдѣ оно еще остается.

22. По границѣ Россіи съ Европейской стороны нѣтъ уже почти нигдѣ подданства и рабства земледѣльцевъ, въ разсужденіи помѣщиковъ. Ибо въ Венгріи хотя нѣтъ торжественнаго отреченія владѣльцевъ, но опека прави-

[1]) Ошибка: въ 1803 г.

тельства вовсе власть ихъ ослабила. И такъ остается въ Россіи узнать свою пользу, должно ли съ выгодою послѣдовать примѣру всей Европы, и освободить земледѣльцевъ отъ крѣпостного состоянія? или Россійское дворянство должно удержать надъ ними право собственности?

23. Бытописанія народовъ показываютъ, что въ какихъ странахъ земледѣльцы были прежде увольнены отъ подданства, тамъ народы болѣе успѣли въ образованіи себя въ размноженной людности, въ улучшеніи земледѣлія, въ доставленіи себѣ изобилія и богатства. Таковыя доказательства суть не одного только разсужденія, но утверждены на опытахъ, что всеобщая личная свобода людей составляетъ народную пользу. Рабы не почитаются гражданами государства, и взираютъ на дворянство, имѣющее право угнетать ихъ, какъ на орудіе своего нещастія. Они видятъ малое противу себя число онаго: а примѣры научаютъ насъ, что нетерпѣливость перенесенія угнетающей тягости многократно побуждала земледѣльцевъ свергнуть с себя оную; что не однажды имъ то удавалось; что даже неудача не ослабляла въ нихъ духа ропота и усилій содѣлаться свободными. Извѣстно, сколь таковыя внутреннія возмущенія насильственны и по своей жестокости ужасны, они бы должны научить, что для собственнаго нашего блага и спокойствія надлежитъ помыслить о семъ единожды на всегда и освободиться отъ возмущенія крестьянъ, съ насильственностію коего и съ жестокостью мученій онаго ничто сравниться не можетъ.

24. Не будемъ таить сами предъ собою, что земледѣльцы угнетены излишнею барщиною, податью, наказаніями; словомъ, совершеннымъ своеволіемъ каждаго помѣщика. Какъ же полагать судя по человѣчески, чтобъ каждый владѣлецъ, коихъ число столь велико, былъ совершенно справедливъ, когда выбирая сами для себя въ судьи изъ людей просвѣщеннѣйшихъ, при всемъ томъ часто видимъ много ихъ несправедливостей; даже не рѣдко жалуемся на нихъ правильно, хотя они, судя чужія, а не свои собственныя дѣла, не имѣютъ ни побужденія, ни корысти быть несправедливыми. Можемъ ли думать, что всѣ помѣщики изъяты отъ пороковъ сродныхъ человѣчеству? что они справедливѣе въ томъ, въ чемъ всегда съ другимъ рѣшаютъ о собственной своей пользѣ? Мы иногда слышимъ похвалы доброму господину, и сіе тотчасъ производитъ въ насъ пріятное чувствіе, какъ будто бы отзывалась въ насъ къ нему благодарность за человѣколюбіе его къ своимъ подданнымъ. Что жъ насъ удерживать можетъ отъ того, чтобъ всѣмъ помѣщикамъ сдѣлаться добрыми господами? отречься от своеволія нашего надъ сочеловѣками? и уничтожить ихъ рабство? Теперь свою совѣсть владѣлецъ бережетъ самъ; но кто только занимался когда-нибудь лично домашнимъ хозяйствомъ, то легко признается, что надобно имѣть точныя и непоколебимыя правила, а притомъ непрерывное на самого себя обращать вниманіе, чтобъ всегда будучи судьею между собою и своим подданнымъ, и имѣя въ томъ неограниченную власть, не сдѣлать какой-нибудь несправедливости, если не по намѣренію, то по крайней мѣрѣ по ошибкѣ. Знаю, что найдутся добрые господа, милосердые, справедливые, которые даютъ приказанія своимъ управителямъ, наблюдать болѣе пользу подданнаго: но могутъ ли они быть всегда увѣрены, что желанія ихъ будутъ исполнены? Я увѣряю ихъ, что они въ томъ ошибаются, и увѣряю по опыту: ибо я старался проникнуть сіе съ точностію.

25. Владѣльцы, имѣющіе вѣрныя и основательныя правила человѣколюбія, желающіе блага государству, или отечеству и своимъ потомкамъ, не могутъ воспротивиться увольненію земледѣльцевъ отъ подданства; ибо здѣсь нѣтъ отреченія отъ своего дохода, какой надлежитъ которому помѣщику; а притомъ говорится о утвержденіи и обезпеченіи онаго, и даже о умноженіи, какъ о томъ ниже сего предложу съ изъясненіемъ способовъ. Но дѣло идетъ о томъ, чтобъ оставить людей при ихъ природномъ правѣ личной вольности, съ обезпеченіемъ ихъ собственности; чему не можно быть безъ уничтоженія ихъ рабства и подданства. Сему примѣру послѣдуютъ и тѣ, кои сами на себя не полагаютъ, и сами собою не могутъ удостовѣриться, что такой поступокъ не только имъ не вреденъ, по цѣлому государству приноситъ пользу. А наконецъ ради всеобщаго порядка и отъ стыда приступятъ къ уничтоженію рабства и тѣ, которые по жадности своей хотятъ выжимать для себя корысть изъ чужой бѣдности и нужды. Подавая сей совѣтъ, я въ то же время увольняю

самъ отъ рабства и подданства нѣсколько тысячъ крестьянъ, живущихъ въ моихъ вотчинахъ со всѣмъ ихъ потомствомъ...

Какимъ образомъ должны договариваться помѣщики съ крестьянами-земледѣльцами.

29. Владѣлецъ земли по справедливости можетъ требовать части дохода отъ оной, и сія часть правильно принадлежитъ ему; для того, что она остается отъ всѣхъ иждивеній, какія употреблены были для воздѣланія оной трудами земледѣльцевъ. Работники, употребленные для воздѣланія ея, награждены или деньгами, или хлѣбомъ, или землею, данною имъ во временное владѣніе, отъ коей имѣютъ они содержаніе себя и всего хозяйства.

30. Послѣ увольненія крестьянъ отъ подданства слѣдуетъ съ ними, какъ съ людьми уже свободными, каждому помѣщику сдѣлать договоръ, на основаніи котораго онъ удостовѣрился бы въ своемъ доходѣ, и взаимно, дабы земледѣлецъ былъ обезпеченъ въ томъ, сколько онъ изъ участка земли, доставшагося ему, долженъ помѣщику...

(Стройновскій. Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, стр. 33—42.)

135. Дух времени. — —

1819 г.

«Чего ж требует дух времени? Чего желают народы?»

Пускай мечтатели вымышляют несбыточные проекты обновления государств и возрождения народов. Народы не льстятся химерами: они желают существенного. — Утомленные опустошительными войнами, они вздыхают о мире и спокойствии, на прочном основании утвержденном; — гонимые за разноверие испрашивают свободы совести, терпимости вер; — обремененные налогами желают облегчения, которое само собою последует от сокращения излишних расходов, от простейшего распорядка дел государственных, всего же более от уравнительной раскладки налогов; — стесненные в правах личности и собственности ищут неприкосновенности прав сих; — не находя в судах защиты от притеснения сильного и богатого, но встречая везде лицеприятие, мздоимство, подлоги и коварство, они просят о правосудии строгом, нелицеприятном, скором и гласном. И все сии желания можно совокупить в одном, всеобъемлющем в л а д ы ч е с т в е з а к о н о в!

Так, народы желают в л а д ы ч е с т в а з а к о н о в! — коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равно обязательных и для властей и для подвластных; при которых самовластие места иметь не может, и которых столь же невозможно было бы ниспровергнуть, как и уклониться от них. Спросите у всех христианских народов, во всех частях света: они другого желания не имеют. Сие одно имели в виду в продолжительных войнах; для сего проливали кровь, терпели столько бедствий, перенесли неслыханные тягости: — чтобы дети их, внуки и правнуки блаженствовали под сенью в л а д ы ч е с т в а з а к о н о в! Вот д у х в р е м е н и! цель всеобщих желаний — не всеми ясно понимаемая, но истинная, единственная цель!

Однакож и сего блага должны ожидать народы ни от кого более, как от трона. Тщетно ослепленная буйством нация, называвшая себя просвещеннейшею, хотела насильственно поставить законы на место престола. Тридцать лет переходя от своевольства и необузданности черни к тиранству коварных народоводителей и, наконец, к тягостнейшему деспотизму, сия несчастная нация испытала все бедствия незаконного правительства и гражданских неустройств, не познавши счастия, быть управляемой законами. Вся Европа вооружилась против сего — л о ж н о г о д у х а в р е м е н и — и одолела его. Если бы он был истинный, то никакая сила не была бы в состоянии подавить его. Успокоясь от волнения буйных страстей, Франция приняла наконец сей Палладий будущего своего благосостояния из рук своего монарха.

Сами государи восчувствовали необходимость поставить в л а д ы ч е с т в о з а к о н о в на незыблемом основании; они сами один перед другим ревнуют даровать народам своим сей залог отеческого об них попечения, сей памятник мудрости своей, и надежнейшее ручательство будущего их благоденствия — г о с у д а р с т в е н н о е у л о ж е н и е!

Но уложение на бумаге есть только мертвая буква: оно так же может быть устранено, перетолковано, брошено, как тысячи других

узаконений. — Чтоб оно было всегда в силе, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытие и учредить при нем блюстителей.

Многочисленными опытами дознано, что всякое сословие, под влиянием правительства состоящее, не может быть надежным охранителем государственного уложения. Природные блюстители оного суть народные представители. Они суть верные охранители его неприкосновенности, преследователи нарушителей его, советники государей и соучастники в законодательстве; — без них никакой новый закон не может быть издан, никакой налог наложен, никакое важное предприятие предпринято; — через них народ имеет свой голос, который есть тогда поистине глас божий; — при них личность и собственность каждого остается неприкосновенною, разве по силе закона; — при них никакое злоупотребление власти не укроется, никакое нарушение прав не останется безнаказанным; — при них правосудие недреманно; сильный не смеет положить на весы руки своей, ниже богатый злата, чтоб наклонить их к угнетению невинного; — все тогда делается гласно и пред очами всех: ибо правда и доброе дело не имеют нужды скрываться в тайне. Такое устройство сильно укрепляет дух народный, и ускоряет преуспеяние всего истиннополезного. А что всего важнее, вся машина государственного управления, сообразно потребностям времени, легко поправляется и совершенствуется, без внезапных потрясений; никогда не препинается в ходе, но всякий раз, когда нужно, заводится вновь, и идет всегда ровно, единообразно и благоустройно.

И вот чего требует дух времени! чего желают народы! и в чем государи сами предупреждают их желания!

(«Дух журналов», 1819, № 1.)

---

136. Из письма бар. Штейнгеля о развитии свободомыслия в России.

(11-го января 1826 г.)

(Из крепости.)

Штейнгель энергически настаивает на том, что прежние порядки продолжаться не могут. Царствование императора Александра он делит на три периода: 1) либерализма и филантропии, 2) мистицизма и 3) «противных мнений и действий тому и другому». При первых министрах начато много полезного, «по крайней мере обнаружено явное намерение готовить государство к восприятию конституционных начал». Далее автор указывает на различные вредные мероприятия правительства, как, например, введение казенной заготовки и оптовой продажи вина казною, вызвавшее страшное взяточничество губернской администрации и приведшее к миллионным недоборам, на увеличение сборов с паспортов, на возвышение цены на соль, на жестокое выколачивание недоимок; беспрестанные выгоны крестьян для исправления дорог довершили их разорение. Судопроизводство отличается бесконечною волокитою, неправосудием и повсеместными злоупотреблениями. Особенно энергично клеймит Штейнгель учреждение военных поселений. Предполагаемого при этом облегчения народа от тяжелой рекрутской повинности было бы легче достигнуть уменьшением срока службы, по примеру Пруссии, до 8 или 12 лет. Штейнгель замечает, что военные поселения внутри государства могут привести также к совсем нежелательным для правительства последствиям и ссылается на мнение о них Веллингтона: «видно, что русское правительство не боится штыков».

Изложенное выше дает Штейнгелю право сказать, что, «все расстроив, правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные, и особенно народ, в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не прислушивалось к народному мнению и не входило в его нужды; повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы от того все разорилось... Должно ли после сего удивляться, что правительство потеряло доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное общее желание перемены в порядке вещей!»

Переходя далее к причинам развития свободомыслия, Штейнгель, между прочим, указывает на поощрение переводов печатанием «с высочайшего дозволения книг, дающих понятие о новых идеях относительно оснований государственного

блага; так напечатаны: конституция Англии де-Лольма, творения Монтескьё, Бентама и других». Упомянув об ослаблении цензуры, о некоторых либеральных мерах по крестьянскому вопросу, о первоначальной терпимости относительно масонских лож, Штейнгель говорит, что не следует удивляться после этого основанию тайного общества, подобного прусским и германским. В речи на варшавском сейме (1818) государь упомянул, что готовит такие же учреждения для России, и эта речь была напечатана в газетах. Происшествия в Испании и Пьемонте и восстание греков произвели решительный перелом в намерениях государя и в то же время воспламенили умы людей, мечтавших о свободе России. Предоставление греков своей судьбе, уничтожение масонских лож и некоторые мероприятия по духовному ведомству раздражили общество. Таким образом, по мнению Штейнгеля, правительство само в течение 24 лет питало юношество либеральными идеями. Преследовать теперь за свободомыслие не только несправедливо, но и бесцельно, так как, сколько бы ни оказалось членов тайного общества или лиц, знавших о нем, сколь многих ни лишили бы свободы, останется еще большее число людей, разделяющих те же идеи и чувства

«Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают газеты, а в газетах пишут, что говорят в палате депутатов в Париже[1]). Не первая ли мысль: «почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности?» — родится в голове каждого. Большая часть профессоров, литераторов, журналистов должны всею душой желать конституционного правления, ибо свобода тиснения сопряжена с личною выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконец все те, кои бывали в иностранных государствах, а иные и образовались там, все те, кои служили в гвардии и теперь служат, не того ли же образа мыслей? Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал или не увлекался сочинениями Пушкина, дышащего свободою; кто не цитировал басни Дениса Давыдова: «Голова и ноги» . . . Чтобы истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование». Но так как это невозможно, то остается победить сердца милосердием и увлечь умы решительными преобразованиями. В заключение автор перечислил несколько реформ, которые он считал необходимыми; он советовал «водворить правосудие учреждением лучшего судопроизводства, преобразовать города введением гражданских прав, подобных другим государствам . . ., улучшить состояние земледельцев, уничтожить унизительную для нации продажу людей» и принять еще некоторые другие меры. Это замечательное письмо, несомненно, лучшее из всех произведений Штейнгеля.

(Общественное движение в России в первую половину XIX в., т. I, стр. 298 — 302.)

---

1) В доносе на французском языке, доставленном Александру I в 1821 г., сообщалось, что в Петербурге вообще много говорят о конституции и что особенно это заметно среди русских купцов Гостиного двора. Они собираются группами, человек до восьми, с газетами в руках, и рассуждают о необходимости конституции. «Они говорят, что если в стране есть конституция, то государь не может постоянно покидать свое государство, так как для этого нужно дозволение нации . . . Постыдно, что он лично едет туда, куда другие государи отправляют только посланников . . . Если ему не нравится Россия, зачем он не поищет себе короны где-нибудь в другом месте? . . На что нужен государь, который совершенно не любит своего народа, который только путешествует и на это тратит огромные суммы? Когда же он дома, то постоянно тешит себя парадами. Все знают, что уже давно в судах совершаются вопиющие несправедливости, дела выигрывают те, кто больше заплатит, а государь не обращает на это внимания. Нужно, чтобы он лучше оплачивал труд состоящих на государственной службе и менее разъезжал. Только конституция может исправить все это, и нужно надеяться, что бог скоро дарует нам ее . . . Некоторые говорят, что если бы русское население Петербурга и Москвы единодушно пожелало этого, то министры не посмели бы этому противиться». «Госуд. Арх.», I. В., № 12, л. 66.

(Прим. автора.)

XI. Либеральные реформы и проекты реформ.

137. Мемуары кн. Ад. Чарторижского.

О неофициальном Комитете (при Александре I).

Взгляды и чувства Александра, казавшиеся мне столь прекрасными в русском великом князе, по существу не изменились и теперь; но когда, при императоре Павле, Александр ближе стал к делам управления, а затем получил в свои руки неограниченную власть самодержавного монарха, его взгляды и чувства должны были получить иной оттенок. Однако, он по-прежнему сохранял их в глубине своего сердца. То было нечто вроде многолетней тайной страсти, которую человек не решается открыть равнодушному и неспособному понять свету, но которая неотступно держит человека в своей власти, готовая увлечь его при первой возможности. Я еще часто буду иметь случай возвращаться к этой черте, столь важной для выяснения характера Александра. Проникнутый сознанием своего могущества и тех обязанностей, которые оно на него возлагало, Александр временами походил на человека, любящего потешаться забавами детства и лишь с сожалением оставляющего любимое развлечение для обязательных занятий текущей жизни.

О прежних либеральных мечтаниях, доведенных до крайних пределов, не было больше речи. Император уже не заговаривал со мной ни о своем намерении отказаться от престола, ни о составленном мною по его требованию манифесте, которым он тогда остался так доволен. Я даже не знаю о дальнейшей судьбе этой бумаги. Но обо всем, что касалось проведения в жизнь практических идей, — о преобразовании суда, раскрепощении масс, о реформах, удовлетворяющих социальной справедливости, о введении либеральных учреждений, — обо всем этом он не переставал думать и заботиться: в размышлениях об этих предметах он находил внутреннее удовлетворение. Он понимал теперь, какие непреодолимые препятствия стоят на пути даже самых элементарных преобразований в России; но ему хотелось доказать своим близким друзьям, что его прежние, когда-то высказываемые им стремления нисколько не изменились, несмотря на перемену, происшедшую в его положении; что он не считает возможным обнаруживать эти стремления и открыто выставлять их перед публикой только потому, что общество слишком мало способно оценить их по достоинству и всего скорее приняло бы их с чувствами изумления и страха.

Тем временем правительственная машина продолжала действовать по старой рутине, и император вынужден был принимать участие в этой текущей работе. Чтобы найти исход этому тяжелому внутреннему разладу своей души, Александр составил нечто вроде тайного совета из лиц, которых считал своими друзьями и единомышленниками: молодой граф Павел Строганов, Новосильцов и я — составили первоначальное ядро этого совета.

Мы уже давно были близки между собою, но с этих пор наши отношения сделались более серьезными. Необходимость сгруппироваться вокруг императора и не оставлять его одного в борьбе за желанные реформы связывала нас еще сильнее. Несколько лет уже мы служили примером тесной, постоянной и непоколебимой дружбы. Девизом нашего союза было — стоять выше всяких личных интересов и не принимать ни отличий, ни наград. Девиз этот совершенно не согласовался с обычаями страны, но он соответствовал идеям императора, и это внушало Александру особое уважение к его друзьям. Я оказался единственным истинным носителем этого девиза. Правда, он и подходил больше всего к моему исключительному положению; товарищам же моим наш девиз не всегда приходился по вкусу, а в конце концов и сам император стал тяготиться сотрудниками, желавшими выделяться отказами от наград, к которым все так жадно стремились.

Выше было уже указано, каким образом возник наш союз в Москве во время коронования императора Павла. Впрочем, еще задолго до этого, мы уже коротко знали друг друга, благодаря нашим ежедневным встречам у старого графа Строганова.

Четвертым членом, допущенным императором в тайный совет, был граф Кочубей. Кажется, я уже упоминал, что он ранее всех нас познакомился с великим князем Александром.

мы пользовались в то время привилегией являться к столу императора без предварительного приглашения. Наши тайные собрания происходили два или три раза в неделю. После кофе и короткого общего разговора император удалялся, и в то время, как остальные приглашенные разъезжались, четыре человека отправлялись через коридор в небольшую туалетную комнату, непосредственно сообщавшуюся с внутренними покоями их величеств, куда затем приходил и государь. Там обсуждались различные преобразовательные планы: не было вопроса, который бы не затрагивался в этих беседах. Каждый нес туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства. И хотя эти собрания долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имевших практических результатов, все надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в России в царствование Александра, которые не зародились бы на этих именно тайных совещаниях. . . . .

Тем временем настоящее правительство, — сенат и министры, — продолжали управлять и вести дела по-своему, потому что стоило лишь императору покинуть туалетную комнату, в которой происходили наши собрания, как он снова поддавался влиянию старых министров и не мог осуществить ни одного из тех решений, которые принимались нами в неофициальном комитете. Можно было подумать, что эта комната была масонской ложей, по выходе из которой люди возвращались к своей обычной мирской жизни. . . . .

Наши таинственные собрания не могли ускользнуть от внимания двора и вскоре стали всем известны. Нас прозвали «партией молодых людей». Члены неофициального комитета начинали уже выказывать нетерпение и громко выражать неудовольствие на то, что их роль сводилась к нулю, что до сих пор они не добились никаких практических результатов. Они торопили императора с приведением в исполнение высказанных им взглядов и тех предложений неофициального комитета, которые были им одобрены и признаны необходимыми. Раз или два хотели убедить его приступить к энергичным действиям, заставить себе повиноваться, устранить людей с устарелыми взглядами, служивших помехой всяким преобразованиям, и заместить этих людей молодежью. Но подобные настояния оказывались безуспешными по той причине, что император, вообще склонный к уступчивости и не умевший итти к своей цели иначе, как путем частичных соглашений и осторожных попыток, кроме того еще и не чувствовал себя настолько господином положения, чтобы отважиться на мероприятия, казавшиеся ему слишком решительными.

В нашем комитете самым пылким был Строганов, самым рассудительным — Новосильцов, наиболее осторожным и искренно желавшим принять участие в делах — Кочубей; я же был самым бескорыстным и всегда старался успокоить слишком сильное нетерпение других.

Те, кто побуждал императора принять немедленно энергичные меры, мало знали его. Такие настояния всегда вызывали в нем стремление отступить, поэтому они были совершенно нецелесообразны и только могли колебать его доверие. Но все же, ввиду того, что император жаловался на своих министров и ни одним из них не был доволен, неофициальный комитет, оставив пока в стороне вопрос о смене министров, занялся обсуждением способов, при помощи которых можно было бы выйти из области мечтаний и твердыми шагами вступить на почву практических мероприятий. Решено было, что Строганов возьмет на себя обязанности прокурора первого департамента правительствующего сената. Новосильцов был назначен секретарем императора.

(Мемуары кн. Чарторижского, т. I, стр. 231—236.)

---

138. Извлеченія изъ протоколовъ неофиціального комитета

(составленныхъ гр. Строгановымъ).

1.

Въ октябрѣ Комитетъ не собирался. Засѣданія 4-го, 11-го, 18-го ноября, всѣ три были посвящены крестьянскому вопросу, и гр. П. А. Строгановъ записалъ довольно подробно ходъ преній по этому предмету.

Сегодня (4-го ноября), — пишетъ онъ, — мы возобновили наши конференціи послѣ продолжительнаго перерыва. Е. в. часто выражалъ намъ желаніе снова приступить къ нашимъ работамъ, и потому, собравшись къ нему, мы послѣ обѣда перешли въ его кабинетъ. Вотъ, каковъ былъ ходъ нашего совѣщанія.

Въ послѣднее время, многія лица, и въ особенности Гг. Лагарпъ и Мордвиновъ, преимущественно же послѣдній, говорили императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго положенія, не имѣя никакого гражданскаго существованія. Это могло быть исправлено не иначе, какъ постепенно, незамѣтно, и первымъ шагомъ къ тому, по мнѣнію Мордвинова, могло быть позволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

Императоръ былъ согласенъ съ нимъ, но желалъ, чтобъ эти люди имѣли право покупать не только земли, но вмѣстѣ съ землями и крестьянъ, и чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись постановленіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами (esclaves) своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ государь шелъ далѣе Мордвинова, дозволяя мѣщанамъ покупать крестьян. На это мы сдѣлали слѣдующія замѣчанія.

Прежде всего намъ казалось, что будетъ слишкомъ много — позволить разночинцамъ вдругъ пріобрѣтать и земли, и крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами, съ меньшею властью надъ ними покупателей, представятъ имъ и менѣе выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, тѣмъ более, что помѣщики никогда не захотятъ продавать своихъ крестьянъ по пониженной цѣнѣ, имѣя возможность продать ихъ выгоднѣе полноправнымъ лицамъ (дворянамъ), слѣдовательно — такая мѣра не осуществится въ практикѣ. Напротивъ того, множество людей, сдѣлавшись собственниками ненаселенныхъ имѣній, увеличитъ цѣну земли, и направитъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы извлекать выгоды изъ своихъ имѣній независимо отъ крѣпостныхъ людей, что послужитъ въ пользу промышленности.

Повидимому с. в. сочувствовалъ этимъ соображеніямъ. За тѣмъ зашла рѣчь о личной продажѣ крѣпостныхъ людей и о необходимости отмѣнить такой варварскій обычай. Императоръ снова обратился къ проекту Зубова по сему предмету и прочелъ его въ цѣлости.

Въ этомъ проектѣ Зубовъ говоритъ о дворовыхъ особо отъ крестьянъ: предлагая запретить продажу людей безъ земли, онъ считаетъ полезнымъ записать дворовыхъ въ цѣхи (les corps de metiers), и потомъ, если собственники пожелаютъ продавать ихъ, то выкупать ихъ на счетъ казны, опредѣливъ цѣну выкупа, а при раздѣлѣ наслѣдства не раздѣлять членовъ одной и той-же семьи. Казалось — для выкупа онъ указалъ не слишкомъ достаточныя средства; на такой предметъ потребовались-бы отъ казны огромные расходы. Записка дворовыхъ въ цѣхи также показалась намъ неудобною и несообразною съ духомъ народа, который вслѣдствіе того получилъ бы весьма ложныя понятія о повиновеніи дворовыхъ людей господамъ ихъ; могли подумать, что первые ничѣмъ не обязаны въ отношеніи къ послѣднимъ, и это повлекло-бы за собою съ одной стороны опасныя крайности, а съ другой — слишкомъ большое неудовольствіе для перваго шага къ освобожденію крѣпостныхъ людей. Тѣмъ не менѣе е. в. принялъ начала запрещенія личной продажи (la vente individuelle) и дозволеніе мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность. Вообще-же онъ приказалъ гр. Кочубею составить проектъ указа по симъ двумъ предметамъ, на основаніи идей Зубова, исключивъ только то, что было признано неудобнымъ.

Въ слѣдующее засѣданіе 11-го ноября, надлежало выслушать помянутый проектъ, но различныя обстоятельства не позволили членамъ Комитета явиться въ обычное время, а графъ Кочубей, заключивъ изъ того, что совѣщаніе было отложено, уѣхалъ, но когда собрались прочіе члены, государь приказалъ Новосильцову прочесть свои замѣчанія по этому предмету. По его мнѣнію, надлежало, въ началѣ проекта, указать, что причиною такихъ мѣръ было желаніе развить народное богатство. Допуская, подобно Зубову, выкупъ дворовыхъ, онъ, для облегченія казны

въ уплатѣ денегъ, предложилъ, чтобы департаментъ финансовъ производилъ ее, въ теченіе шести мѣсяцевъ, рекрутскими квитанціями, либо наличными деньгами. Но даже и въ такомъ случаѣ, если-бы не стало дѣло за деньгами, надлежало рѣшить вопросъ: что дѣлать съ выкупленными дворовыми людьми? Оставаясь праздными, не сдѣлаются ли они бродягами? На предложеніе выселить ихъ отвѣчали: такое переселеніе требуетъ большихъ средствъ, а всѣмъ извѣстно, что у насъ переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ плохихъ чиновниковъ, которымъ вынуждены мы повѣрять такія предпріятія, имѣющія большею частью самыя неудовлетворительныя послѣдствія. Переселять дворовыхъ — значило-бы обречь этихъ несчастныхъ вѣрной гибели.

Е. в. желалъ знать мнѣніе своихъ сотрудниковъ — не лучше-ли исполнить предлагаемыя мѣры отдѣльно одну отъ другой, т.-е. удовольствоваться на первый разъ предоставленіемъ разночинцамъ права покупки земель. Ему отвѣчали, что какъ каждая изъ этихъ мѣръ могла возбудить неудовольствіе, то лучше покончить дѣло вдругъ. Но государь остался при своемъ мнѣніи, и выразилъ желаніе, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался съ гг. Лагарпомъ и Мордвиновымъ и далъ въ первое засѣданіе отчетъ, какъ они думаютъ: объявить ли о помянутыхъ двухъ мѣрахъ вмѣстѣ или отдѣльно?

Въ слѣдующее засѣданіе, ноября 18-го, Новосильцов читалъ свой докладъ о совѣщаніи съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ: оба они нашли необходимымъ привести въ исполненіе отдѣльно предположенныя мѣры, отложивъ на время выкупъ крѣпостныхъ людей, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ. Графъ Мордвиновъ весьма одобрялъ свободную покупку земли и даже думалъ, что она поведетъ къ личному выкупу. Новосильцовъ соглашался съ ихъ мнѣніемъ, полагая, что «выкупъ дворовыхъ людей могъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ». По словамъ его, «уже и безъ того ходили слухи, тѣмъ болѣе опасные, что общественное мнѣніе считало государя слишкомъ склоннымъ къ освобожденію» (d'être trop porté pour la liberté). Императоръ согласился отсрочить личный выкупъ, но «гр. Кочубей, кн. Чарторижскій и я — пишетъ гр. Строгановъ — мы были иного мнѣнія».

Графъ Кочубей полагалъ, что было бы несправедливо и неблагоразумно дать новыя льготы свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу крѣпостныхъ, кои живутъ бокъ-о-бокъ съ первыми, нерѣдко ихъ друзьями и родными, и видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе станутъ тяготиться своимъ положеніемъ. Дворяне — говорилъ Кочубей — будутъ также недовольны рядомъ отдѣльныхъ мѣръ, очевидно клонящихся къ освобожденію крестьянъ, находясь постоянно въ опасеніи новыхъ распоряженій: изъ всего этого онъ выводилъ заключеніе, что лучше рѣшить предложенные вопросы однимъ разомъ.

Князь Чарторижскій, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его, да и всѣ опасенія по сему предмету были неосновательны. Графъ Кочубей къ тому замѣтилъ, что запрещеніе личной продажи крестьянъ вовсе у насъ не новость, что «въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, Лифляндіи Эстляндіи и Финляндіи никогда не было отдѣльной продажи крѣпостныхъ людей, и что стоитъ только теперь распространить это постановленіе на всю Россію».

Что касается до меня — пишетъ гр. П. А Строгановъ — то вотъ какимъ образомъ я оспаривалъ мнѣнія тѣхъ господъ (Лагарпа Мордвинова и Новосильцова).

Главнымъ доводомъ ихъ служила мысль, что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять общепринятыя убѣжденія, изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію. Этотъ доводъ такъ очевиденъ, что нельзя не согласиться съ нимъ, но, всматриваясь ближе въ причины, могущія привести къ подобнымъ последствиямъ, убѣдимся, что нѣтъ необходимости въ отдѣльномъ исполненіи двухъ помянутыхъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, что может быть причиною опаснаго волненія? . . —

Изъ фактовъ нашей исторіи графъ Строгановъ выводилъ заключеніе, что если надлежитъ бояться чьего-нибудь неудовольствія, и затѣмъ возстанія, то, конечно, со стороны крестьянъ, а не дворянъ; касательно же опасенія, что мо-

гутъ найтись низкіе люди, которые, злоупотребляя милостями правительства, станутъ волновать народъ, чтобы произвести смуты. графъ сослался на ближайшее время, когда, несмотря на общее неудовольствіе и на повсемѣстное разстройство, никто не могъ вооружить народъ противъ верховной власти.

Рѣчь гр. П. А. Строганова заключилась обстоятельнымъ развитіемъ мысли, прямо противоположной мнѣнію Новосильцова, именно графъ доказывалъ, что если въ этомъ дѣлѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія.

2.

Засѣданіе 9-го декабря открылось случайнымъ вопросомъ, возбужденнымъ по поводу замѣщенія князя Гагарина въ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Графъ Кочубей спросилъ у государя, кого онъ намѣренъ назначить на открывшуюся вакансію директора банка. Императоръ колебался въ выборѣ между графомъ Сергѣемъ Румянцовымъ и Колычевымъ, только что возвратившимся изъ Парижа; государь еще назвалъ Державина, но члены Комитета, отдавая справедливость уму Румянцова и Державина, считали ихъ неуживчивыми и склонили императора въ пользу Колычева, на что онъ, повидимому, и согласился. Затѣмъ, по порядку дѣлъ (à l'ordre du jour), графъ П. А. Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената.

Я началъ, — говоритъ графъ, — историческимъ изложеніемъ предмета и напомнилъ е. в. весь ходъ этого дѣла почти въ слѣдующемъ смыслѣ. Императору больно видѣть сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ попалъ въ послѣднее время, и потому е. в. считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу (voyant dans ce corps contrepoid qui devrait exister au pouvoir absolu), желаетъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его. Императоръ, полагая, что подобный трудъ могъ выполнить лучше всѣхъ самъ сенатъ, поручилъ ему, именнымъ указомъ 5-го іюля, изслѣдовать причины своего упадка и средства къ своему возстановленію. Сенатскій докладъ заключалъ въ себѣ изложеніе правъ, въ различныя времена дарованныхъ сенату, и кои, не будучи отмѣнены, потеряли силу; предлагая утвердить эти права, сенатъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя постановленія о порядкѣ веденія дѣлъ. Хотя этотъ докладъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ мыслямъ государя, однакоже онъ приказалъ Трощинскому извлечь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мнѣній, приложенныхъ къ докладу, одобренныя его величествомъ статьи и дополнить ими докладъ сената. Между тѣмъ князь Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся государю. Императоръ приказалъ принять въ соображеніе и эти проекты при составленіи новаго доклада. Проектъ кн. Зубова отличался отъ проекта Державина тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе, и потому предполагалось ограничиться державинскимъ проектомъ. Но молодые сотрудники государя доложили ему, что они сочли нужнымъ отклониться отъ идей, заключавшихся въ обоихъ проектахъ, съ тѣмъ, чтобы во-первыхъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и во-вторыхъ, поставить сенатъ, въ отношеніи къ судебной части, въ большую независимость отъ его канцеляріи, что не можетъ подать поводъ къ опасеніямъ, ибо у насъ будетъ высшее судилище.

3.

Какъ не было указано никакого предмета для засѣданія 20-го генваря, то оно началось общею бесѣдою. Г. Новосильцовъ сказалъ, что два лифляндскихъ помѣщика подали ему проекты, на счетъ опредѣленія правъ господъ надъ ихъ крестьянами: одинъ изъ нихъ изъявилъ желаніе, чтобы его проектъ былъ утвержденъ высочайшимъ указомъ; другой просилъ только утвердить частный договоръ, заключенный имъ съ своими крестьянами. Въ Лифляндіи, отъ времени до времени, созывались дворянскія собранія (Landtag), для совѣщанія о финансовыхъ и прочихъ дѣлахъ страны. По случаю предстоявшаго вскорѣ такого собранія, лифляндскіе дворяне желали,

чтобы имъ было дозволено заняться улучшеніемъ быта ихъ крестьянъ, увѣряя въ согласіи на то большей части своихъ сочленовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы о такомъ дозволеніи заявлено было рижскому военному губернатору, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ, по всей вѣроятности, тому препятствовать.

По вопросу — дозволить ли, или нѣтъ ландтагу совѣщаться объ этомъ дѣлѣ — голоса раздѣлились. Новосильцовъ полагалъ, что слѣдовало дать желаемое разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что — рано или поздно — придется сдѣлать первый шагъ къ освобожденію крестьянъ; вездѣ начинали его помѣщики; если же подастъ тому примѣръ цѣлая область, то это будетъ имѣть вліяніе на всю Россію, и ежели сами помѣщики желаютъ улучшить положеніе своихъ крестьянъ, то препятствовать имъ въ томъ было бы нарушеніемъ права собственности, на основаніи котораго они могли заключать съ своими крестьянами всякія сдѣлки, не нарушающія общественнаго порядка, и потому слѣдовало приступать къ такому дѣлу не иначе, какъ съ общаго согласія владѣльцевъ. По мнѣнію Новосильцова, Государь долженъ былъ, не вмѣшиваясь формально во взаимныя отношенія обоихъ сословій, дозволить помѣщикамъ заняться этимъ дѣломъ. Князь Чарторижскій изъявилъ такое-же мнѣніе.

Напротивъ того, графъ Кочубей считалъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ весьма щекотливымъ и требующимъ основательнаго обсужденія. Онъ полагалъ, что, при сильномъ общественномъ убѣжденіи въ наклонности государя къ освобожденію крестьянъ, было бы опасно обратить вниманіе на этотъ предметъ въ одной изъ областей, откуда движеніе могло бы распространиться на прочія, и потому слѣдовало внести это дѣло на обсужденіе въ Совѣтъ. Ему возразили, что: во 1-хъ, тамъ, по всей вѣроятности, не одобрятъ такого предложенія, и тогда будетъ неудобно не послѣдовать мнѣнію Совѣта; во 2-хъ, что какъ только это дѣло поступитъ въ Совѣтъ, то молва о томъ разнесется по всему городу, въ такомъ видѣ, что государь самъ отъ себя приступилъ къ этой мѣрѣ, и потому лучше обсудить дѣло въ небольшомъ комитетѣ.

«Что касается меня, — пишетъ графъ Строгановъ, — я изъявилъ рѣшительно несогласіе на дозволеніе ландтагу заниматься этимъ предметомъ». По мнѣнію графа, не слѣдовало запрещать автору проекта привести его въ исполненіе у себя, но самое дѣло долженствовало быть разсмотрѣно здѣсь, а не въ многочисленномъ собраніи, подобномъ ландтагу. Онъ удивлялся увѣренности составителей проектовъ въ общемъ сочувствіи лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, извѣстнаго строгостью къ своимъ крестьянамъ; если ландтагъ отвергнетъ эти предположенія, то они не могутъ быть приведены въ исполненіе, не смотря на представляемую ими пользу. Изъ всего сказаннаго онъ вывелъ заключеніе, чтобы это дѣло обсудить у себя (que la chose soit examinée à la maison), позволить то, что окажется безопаснымъ и запретить остальное, не допуская вмѣшательства ландтага. Какъ члены комитета оставались при своихъ мнѣніяхъ, то государь рѣшилъ, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался о томъ съ нѣсколькими лицами, и въ числѣ ихъ съ графомъ Воронцовымъ.

(Богдановичъ. Исторія Александра I, т. I, прилож., стр. 49—62.)

139. Первыя мѣры въ пользу крестьянъ.

1. О предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ пріобрѣтать покупкою землю.

1801 г. декабря 12.

Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной соразмѣрно способамъ, какіе Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признали мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ недрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И въ слѣдствіе того предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою со-

вершеніемъ купчихъ каждому отъ своего имени въ учрежденныхъ на то мѣстахъ законнымъ порядкомъ, собственность ихъ ненарушимо ограждающимъ. Правительствующій сенатъ, сходственно сему, не оставитъ учинить надлежащія распоряженія.

(Н. Клочков. Пам. истории крестьян, № 102, стр. 163.)

2. Объ отпускѣ помѣщикомъ крестьянъ своихъ на волю по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ.

1830 г., февраля 20.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сергѣй Румянцовъ, изъявивъ желаніе нѣкоторымъ изъ крѣпостныхъ его крестьянъ при увольненіи ихъ утвердить въ собственность продажею или на другихъ добровольныхъ условіяхъ участки изъ принадлежащихъ ему земель, испрашивалъ, чтобъ условія таковыя, добровольно заключаемыя, имѣли то же законное дѣйствіе и силу, какое прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ присвоено, и чтобъ крестьяне такимъ образомъ уволенные, могли оставаться въ состояніи свободныхъ земледѣльцовъ, не обязываяся входить въ другой родъ жизни.

Находя съ одной стороны, что по силѣ существующихъ законовъ, какъ то, по Манифесту 1775 и указу 12 декабря 1801 годовъ увольненіе крестьянъ и владѣніе уволеннымъ землею въ собственность, дозволено; а съ другой, что утвержденіе таковое земель въ собственность можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства: мы считаемъ справедливымъ и полезнымъ, какъ ему графу Румянцову, такъ и всѣмъ, кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ, распоряженіе таковое дозволить; а дабы имѣло оно законную свою силу, находимъ нужнымъ постановить слѣдующее:

1) Если кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ отпустить благопріобрѣтенныхъ или родовыхъ крестьянъ своихъ по одиночкѣ, или и цѣлымъ селеніемъ на волю, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить имъ участокъ земли или и цѣлую дачу; то сдѣлавъ съ ними условія, какія по обоюдному согласію признаются лучшими, имѣетъ представить ихъ при прошеніи своемъ чрезъ губернскаго дворянскаго предводителя къ министру внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія и представленія намъ; и если послѣдуетъ отъ насъ рѣшеніе, желанію его согласное: тогда предъявятся сіи условія въ Гражданской Палатѣ и запишутся у крѣпостныхъ дѣлъ со взносомъ узаконенныхъ пошлинъ

2) Таковыя условія, сдѣланныя помѣщикомъ съ его крестьянами и у крѣпостныхъ дѣлъ записанныя, сохраняются какъ крѣпостныя обязательства свято и ненарушимо. По смерти помѣщика законной его наслѣдникъ, или наслѣдники, вступаетъ во всѣ обязанности и права, въ сихъ условіяхъ означенныя

3) Въ случаѣ неустойки той, или другой стороны въ сихъ условіяхъ присутственныя мѣста по жалобамъ разбираютъ и чинятъ взысканія по общимъ узаконеніямъ о контрактахъ и крѣпостяхъ, съ таковымъ при томъ наблюденіемъ, что если крестьянинъ, или и цѣлое селеніе не исполнитъ своихъ обязательствъ: то возвращается помѣщику съ землею и семействомъ его во владѣніе по прежнему.

4) Крестьяне и селенія отъ помѣщиковъ по таковымъ условіямъ съ землею отпускаемые, если не пожелаютъ войти въ другія состоянія, могутъ оставаться на собственныхъ ихъ земляхъ земледѣльцами и сами по себѣ составляютъ особенное состояніе свободныхъ хлѣбопашцовъ.

5) Дворовые люди и крестьяне, кои доселе отпущаемы были лично на волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, могутъ въ положенный законами срокъ вступать въ сіе состояніе свободныхъ земледѣльцовъ, если пріобрѣтутъ себе земли въ собственность. Сіе распространяется и на тѣхъ изъ нихъ, кои находятся уже въ другихъ состояніяхъ и перейти въ земледѣльческое пожелаютъ, пріемля на себя и всѣ обязанности онаго.

6) Крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю и владѣющіе землею въ собственность, внесутъ подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправляютъ рекрутскую повинность натурою, и, исправляя наравнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности, оброчныхъ денегъ въ казну не платятъ.

7) Они вѣдаются судомъ и расправою въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и казенные крестьяне;

по владеніямъ же землею разбираются по крѣпостямъ, как владѣльцы недвижимой собственности.

8) Какъ скоро исполненіемъ условій, крестьяне таковые получатъ землю въ собственность: они будутъ имѣть право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однакожъ участковъ менѣе 8 десятинъ; равно имѣютъ они право вновь покупать земли; а потому и переходить изъ одной Губерніи въ другую; но не иначе, какъ съ вѣдома Казенной Палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности.

9) Поелику крестьяне таковые имѣютъ недвижимую собственность: то и могутъ они входить во всякія обязательства; и указы 1761 и 1765 годовъ, запрещающіе крестьянамъ безъ дозволенія ихъ начальствъ вступать въ условіи, на нихъ не простираются.

10) Въ случаѣ, ежели бы крестьяне, отпущаемые помѣщикомъ на волю съ землею, состояли въ казенномъ или частномъ залогѣ, они могутъ съ дозволенія казенныхъ мѣстъ и съ согласиемъ частныхъ кредиторовъ принимать на себя долгъ, на имѣніи томъ лежащій, вносить его въ условія; а во взысканія сего долгу, на себя ими принимаемаго, поступать съ ними, какъ съ помѣщичьими.

На семъ основаніи Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить всѣ нужныя распоряженія.

(Клочков, № 104, стр. 165—7.)

3. О поступаніи съ крѣпостными людьми, представляемыми помѣщиками ихъ для исправленія худого поведенія на основаніи узаконеній, состоявшихся послѣ указа 1765.

1809, марта 10.

На основаніи указа 8 Генваря 1765 года, присланъ въ 1807 году въ Государственную Адмиралтействъ-Коллегію изъ Новгородскаго чрезъ Санктпетербургское Губернское Правленіе крестьянинъ Козьма Сергѣевъ, имѣющій отъ роду 49 лѣтъ, для употребленія по просьбе помѣщицы его Козляниновой, въ каторжную работу на 20 лѣтъ, для воздержанія отъ продерзостныхъ его поступковъ. Коллегія испрашивала отъ Прав. Сената разрѣшенія: должен ли указ 1765 года имѣть свою силу и действіе, за состоявшимися послѣ оного высочайшими узаконеніями?

1-й Департамент Прав. Сената, заключая, что означенный указъ остается въ непремѣнной его силѣ, 22 Апрѣля 1807 года опредѣлилъ: предписать Адмиралтействъ-Коллегіи, чтобъ она въ пріемѣ и употребленіи крестьянина Сергѣева въ каторжную работу, поступила по точной силѣ того указа.

Государь императоръ по разсмотрѣніи сего опредѣленія, изволитъ находить, что съ изданіемъ Учрежденія о Губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ узаконеній, означенный указъ 1765 года не можетъ уже имѣть своего дѣйствія: ибо для исправленія людей худаго поведенія устроены смирительные и рабочіе домы; напротивъ того, каторжная работа опредѣлена единственно для важныхъ преступниковъ, какъ-то: смерто-убійцъ и прочихъ; за меньшія же преступленія назначена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговору судебныхъ мѣстъ; по симъ уваженіямъ е. и. в. высочайше указать соизволилъ: послѣдовавшее въ Прав. Сенатѣ о крестьянинѣ помѣщицы Козляниновой опредѣленіе, отмѣнить, съ тѣмъ, чтобъ въ подобныхъ случаяхъ поступаемо было на основаніи послѣднихъ узаконеній.

(Клочковъ, № 108, стр. 171.)

4. Объ остановленіи публикацій въ сенатскихъ объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли.

1822, сентября 29.

Правительствующій Сенатъ слушали:

1. Предложеніе г. министра юстиціи, что е. и. в. высочайше повелѣть соизволилъ публикаціи въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли, остановить впредь до воспослѣдованія о семъ положенія въ Государственномъ Совѣтѣ. О таковой высочайшей волѣ, онъ, г. министръ юстиціи предлагалъ Прав. Сенату для надлежащего исполненія.

2. Предложеніе оберъ-прокурора Маврина, что г. министръ юстиціи находитъ нужнымъ, объ означенномъ высочайшемъ повелѣніи дать знать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ, безъ чего они не остановятся представленіемъ въ Прав. Сенатъ объявленій о продажѣ людей безъ земли и будутъ напрасно ожидать разрѣшеній.

О чемъ онъ г. оберъ-прокуроръ и предлагаетъ Прав. Сенату.

Приказали: о высочайшей е. и. в. волѣ, дабы публикаціи въ Сенатскихъ Объявленіяхъ, о продажѣ людей безъ земли, были остановлены, согласно заключенію г. министра юстиціи, дать знать всѣмъ Губернскимъ Правленіямъ указами, съ тѣмъ, чтобъ они представленіями въ Правительствующій Сенатъ по сему предмету остановились впредь до особаго разрѣшенія . . . —

(Клочковъ, № 114, стр. 178.)

---

140. Публикаціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1823 г. объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженіе.

1. Отпускается въ услуженіе человѣкъ 20 лѣтъ, собой видной, способной во всякую должность, а паче въ лакейскую, поведенія весьма добраго. Тутъ же продается количество тонкихъ пяти-четвертныхъ нынѣшняго года тканыхъ и бѣленыхъ полотенъ за сходную цѣну. Спросить близъ Тверскихъ воротъ, идя отъ церкви Димитрія Селунскаго, по булевару къ Мясницкимъ воротамъ второй домъ, діакона оной церкви, у нанимающаго.

2. Отпускается въ услуженіе дворовая дѣвка 20 лѣтъ, собою видная и способная ходить за барынею, шить тонкое бѣлье, гладить и крахмалить, также и бѣлую и черную работу способна исправлять. Спросить Прѣсненской Ч. 1 кварт. въ домѣ Ивана Тимофеева Федорова, подъ № 29.

3. Отпускается въ услуженіе дѣвка, умѣющая шить бѣлье и вышивать, также и прачешную должность исправлять можетъ. Спросить объ ней въ Голицынской Больницѣ у смотрителя галлереи.

4. Отпускается въ услуженіе дѣвка 23 лѣтъ, умѣющая хорошо мыть и гладить всякое бѣлье, Хамовнической Ч., въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Госпожи Покровской.

5. Отпускаются за излишествомъ разнаго мастерства люди, видные собой и хорошаго поведенія: сапожникъ, онъ же и башмашникъ, токарь, маляръ, столяръ, обойщикъ, шорникъ, оффисіантъ, знающій читать, писать и играть на флейтѣ. Желающіе могутъ спросить въ домѣ купца Нестерова за Каменнымъ мостомъ, въ приходѣ Козьмы и Даміана у нанимающаго.

6. Отпускается въ услуженіе садовникъ, которой научился отъ извѣстного мастора г. Леващева. Спросить въ домѣ Тверской Ч. 5 кварт. подъ № 409. близъ Пречистенскихъ воротъ, на валу.

7. Отпускается въ услуженіе хорошаго поведенія лакей, помѣсячно, или въ годъ, которой можетъ исправлять и оффисіантскую должность, знающій читать и писать, играетъ на віолончели и скрыпкѣ, да другой ткачь, умѣющій ткать салфетки и полотна, и можетъ исправлять на дворѣ должность дворника. Спросить объ оныхъ близъ Пречистенскихъ воротъ, въ приходѣ Покрова, что на Грязи, въ домѣ подъ № 61, у самого господина.

8. Отпускается въ услуженіе берейторъ, которой можетъ обучать учениковъ выѣзжать лошадей и быть при заводѣ. Спросить на Пречистенкѣ въ домѣ господина Самсонова, у служителя Ивана Семенова Казанова. Тутъ же продается хорошей доброты сыръ, съ обожданіемъ денегъ.

9. Отпускается въ услуженіе горничная дѣвка 18 лѣтъ, знающая разныя рукодѣлія, добраго поведеля. Спросить въ домѣ г-жи Васильевой, въ Оружейной улицѣ, близъ Смоленскаго рынку.

10. Отпускается въ услуженіе поваръ, онъ же знаетъ отчасти и кандитерское, съ женою, дочерью и сыномъ. Спросить Хамовнической Ч. въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Пояркова, у нанимающихъ. Въ ономъ же домѣ продается Холмогорской быкъ.

(Великая реформа, т. III, стр. 113.)

---

141. План государственного преобразования гр. М. Сперанского.

Введение к Уложению государственных законов.

1809.

Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена отрывками и по большей части среди жестоких политических превращений.

Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдох-

новению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и иметь все способы дать ему самые правильные формы.

Царства земные имеют свои эпохи величия и упадка, и в каждой эпохе образ правления должен быть соразмерен тому степени гражданского образования, на коем стоит государство. Каждый раз, когда образ правления отстает или предваряет сей степень, он испровергается с большим или меньшим потрясением.

Сим вообще изъясняются политические превращения, кои в древние времена и во дни наши прелагали и изменяли порядок правлений.

Сим изъясняются также и те неудачи, коими не редко были сопровождаемы самые благотворные усилия политических перемен, когда образование гражданское не приуготовило еще к ним разум [1]).

Итак, время есть первое начало и источник всех политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемощного его действия устоять не может.

Посему первый и главный вопрос, который в самом преддверии всех политических перемен разрешить должно, есть благовременность их начинания.

История государственных перемен и настоящее положение нашего отечества представляют к разрешению сего вопроса следующие истины.

Три великие системы издревле разделяли политический мир: Система республик, система феодальная и система деспотическая.

Первая под разными именованиями и формами имела то отличительное свойство, что власть державная умерялась в ней законом, в составе коего граждане более или менее участвовали.

Вторая основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не законом, но вещественным или, так сказать, материальным ее разделением.

Третья ни меры ни границ не допускала.

Примеры первой системы мы видели в республиках греческих и особенно в римской.

Вторая система основалась на Севере и оттуда распространилась по всей Европе.

Третья утвердила свое владычество на Востоке.

Все политические превращения, в Европе бывшие, представляют нам непрерывную, так сказать, борьбу системы республик с системой феодальной. По мере как государства просвещались, первая приходила в силу, а вторая в изнеможение.

Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспаляло только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома. Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа [1])

Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества.

Удельные владения князей образуют у нас первую эпоху феодального правления, и, что весьма замечательно, переход от сей первой эпохи во вторую, т.-е. к самодержавию, точно подобные имел причины. Вместо Крестовых походов были у нас походы татарские, и хотя предмет их был не одинаков, но последствия равные. Ослабление удельных князей и победы царя Ивана Васильевича, действуя соединенно с духом сего сильного государя, испровергли удельный образ правления и утвердили самодержавие.

С того времени до дней наших напряжение общественного разума к свободе политической

---

[1]) Таков был общий разум всех почти политических превращений, коих целью была перемена образа правления. Примеры первого рода представляют древний Рим, Англия и в последние времена Франция. Примеры второго рода можно видеть в тщетных усилиях Иосифа II, в замыслах политических систем, бывших в России во времена имп. Анны и особенно имп. Екатерины II. (Прим. автора.)

[1]) Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях; чтобы страсти двигались и переменялись, а предметы их, желания свободы, оставались бы в одном положении; чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободою. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться. (Прим. автора.)

всегда более или менее было приметно; оно обнаруживалось разными явлениями. Следующие можно особенно здесь заметить.

Петр Великий во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы, но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Без точного намерения дать своему государству политическое бытие, но по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил.

Настало царствование Екатерины II. Все то, что в других государствах введено было, для образования генеральных штатов; все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы; наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для открытия последней революции, — все почти было ею допущено при образовании Комиссии законов. Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия, — словом, все было устроено, чтобы дать ему и в лице его России, бытие политическое, но все сие столь было тщетно, столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятий и блеск деяний последующих едва могли только сохранить сие установление от всеобщего почти осуждения. Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания и обозреть все его пространство.

Таким образом, громада сия, усилием одного духа, без содействия времени составленная, от собственной своей тяжести пала, оставив по себе одну долголетнюю и горестную укоризну всем подобным сему предприятиям.

Два последствия из них извлечь можно.

1) Что начинания, при императрице Анне и Екатерине II сделанные, очевидно были преждевременны и потому никакого не имели успеха.

2) Что в общем движении человеческого разума государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, т.-е. в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе.

Но на сем обширном поприще, каким образом определить истинную точку расстояния и какими признаками можно в ней удостовериться?

Удостоверение сие весьма важно и оно одно может разрешить вопрос, выше предложенный, о времени политических преобразований.

Следующие признаки кажутся достоверны:

1. П е р е м е н а в п р е д м е т а х н а р о д н о г о у в а ж е н и я. Не разумом, но силою воображения действует и владычествует ими правительство на страсти народные. Для сего установленны между прочим чины и почести. Доколе сила воображения поддерживает их в надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются уважением. Но как скоро по стечению обстоятельств сила сия их оставит, так скоро и уважение исчезает.

Основание сему очевидно: когда разум начинает распознавать цену свободы, он отметает с небрежением все детские, так сказать, игрушки, коими забавлялся в своем младенчестве.

II. О с л а б л е н и е в л а с т и. Различать должно два рода власти: одну физическую, другую моральную.

Если физическая власть осталась в прежнем положении, то моральная, без сомнения, весьма ослабела. Какая мера правительства не подвержена ныне осуждению? Какое благотворное движение не искажено и не перетолковано?

Одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления.

III. Н е в о з м о ж н о с т ь ч а с т н ы х и с п р а в л е н и й. Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно исправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый

день могут быть разбиты о первый камень самовластия? — Жалуются на запутанность финансов. Но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? — Жалуются на медленность успехов просвещения и разных частей промышленности, но где начало, их животворящее? К чему послужит народу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения.

IV. Наконец, сие всеобщее неудовольствие, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое, как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка. Войны и политические происшествия, без сомнения, занимают тут свое место. Но были и тягости, были войны, и дух народный не был однако же подавлен ими до такой степени, как ныне. Неужели дороговизне сахару и кофе можно в самом деле приписать начало сих неудовольствий? Уменьшилась ли от них роскошь? Обеднел ли в самом деле народ? Где те жестокие несчастия, кои его на самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойство иначе, как совершенным изменением мыслей глухим, но сильным желанием другого вещей порядка.

Таковы суть главные признаки, по коим можно определить место, которое Россия ныне занимает на лестнице гражданского образования. По сим признакам можно, кажется, с достоверностью заключить, что настоящая система правления несвойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее, основать новый вещей порядок.

Но, приступая к сей важной перемене, должно со всей зрелостью размыслить и определить разум сего преобразования, как вообще, так и особенно в частях его.

Об общем разуме преобразования.

Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на непременяемом законе.

Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его.

Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении.

Из троякого порядка государственных сил возникает троякий порядок сих установлений. Одно из них должно действовать в образовании закона, другое — в исполнении, третье — в части судной. Разум всех сих установлений может быть различен.

Первое и главное различие происходит от самой силы установлений и внешних их форм.

Два различные устройства с первого возрения здесь представляются.

Первое состоит в том, чтобы облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия.

Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом.

В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из сих двух устройств. Избрание сие определяет истинный его разум.

Если будет избрано первое устройство, тогда все установления так должны быть соображены, чтобы они в мнении народном казались действующими, но никогда не действовали бы на самом деле.

Главные черты сего устройства состоять могут в следующем:

1) Установить сословие, которое бы представляло силу законодательную, свободную, но на самом деле было бы под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной.

2) Силу исполнительную так учредить, чтобы она по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима.

3) Власти судной дать все преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе

своем всегда состояла во власти самодержавной [1]).

Если, напротив, предпочтено будет второе устройство, тогда все сии установления расположены быть должны на следующих правилах:

1) Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное.

2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтобы в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и одни только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежали правительству.

3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно поставить ее в ответственности власти законодательной.

Таков есть общий разум двух систем, коим можно следовать в составлении коренных законов.

Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая — самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить. Первая издалека готовит сама себе прекращение, а другая, при благоприятных обстоятельствах, может утвердиться, долгое время без важных перемен постепенно следовать за гражданским усовершением; первая может быть оправдана в народе своевольном, непостоянном, преклонном ко всем новым умствованиям и особливо тогда, как народ сей выходит из анархии с превратными привычками; но вторая одна может быть свойственна народу, который имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно обольстить, но легко убедить простою истиною, — словом, она может быть более свойственна такому народу, коего нет нужды прельщать и обманывать по добронравию его и некоторой лености, всем народом северным природной.

Определив сим образом общий разум коренных законов, свойственных настоящему положению России, нужно приложить его к разным частям, государственное уложение составляющим.

О разуме законов в правах подданных.

Здесь представляются два важные вопроса к разрешению: 1) должно ли в России допускать разделение состояний; 2) в чем должно состоять сие разделение.

Причины разделения состояний.

Выше было примечено, что Россия стоит ныне во второй эпохе феодального состояния, — в эпохе, когда власть самодержавная, соединив в себе все силы государственные, обладает свободою подданных, как политическою, так и гражданскою.

Но обладание сие имеет у нас три степени:

Первый и самый высший степень обладания падает на ту часть народа, которая не имеет ни политической ни гражданской свободы. В сем положении находятся крестьяне помещичьи.

Второй степень обладания простирается на тех подданных, кои имеют гражданскую свободу, но не имеют политической. В сем положении находятся у нас так называемые лица свободного состояния: купцы, мещане и государственные крестьяне.

Третий степень обладания относится к тем, кои хотя и не имеют прав политических, но, имея право гражданское, сверх того разделяют с державною властью право обладания в первой степени. В сем положении находится дворянство.

Таким образом, народ российский разделяется ныне на три класса.

Два только могут быть источника всех разделений: права гражданские и политические.

Первый источник. Права гражданские, то-есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Противно природе человека предполагать, чтобы

---

[1]) На сих трех главных правилах основано настоящее политическое устройство Франции.

(Прим. автора.)

кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены.

Рабы однакоже всегда и везде существовали. В самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях.

Не должно однако из сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Конституция древних республик и нравы века были причиною сего установления. Мы видим, напротив, государства обширные и многонаселенные, в коих рабство сего рода мало-по-малу уничтожилось.

Нет никакого основания предполагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры.

Но чтобы меры эти были действительны они должны быть постепенны.

О правахъ политическихъ.

Всѣмъ ли вообще подданнымъ россійскимъ должны принадлежать равно права политическія?

Съ тѣхъ поръ какъ основалась въ европейскихъ государствахъ система выборовъ, или народнаго представленія, участіе народа въ силахъ государственныхъ раздѣлилось на два главныя дѣйствія: право избиранія и право представленія. Слѣдовательно и вопросъ о принадлежности правъ политическихъ имѣетъ два вида: въ первомъ опредѣляется, всѣ ли вообще подданные должны имѣть право избиранія; во-втором — всѣ ли могутъ имѣть право представленія.

Къ разрѣшенію вопроса въ первомъ видѣ представляются слѣдующія уваженія:

Законъ составляется въ защиту лица и собственности. Слѣдовательно, положивъ право личное равнымъ, тѣмъ болѣе человѣкъ пріемлетъ участія въ собственности, тѣмъ естественно болѣе печется онъ о ея охраненіи. Сверхъ сего, самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ общемъ исчисленіи человѣкъ, имѣющій собственность, по уваженію собственныхъ своихъ пользъ, болѣе пріемлетъ участія въ добротѣ закона и болѣе соединяетъ вѣроятностей къ правильному его усмотрѣнію, нежели человѣкъ безъ собственности или бобыль [1]).

Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что люди, имѣющіе собственность, всѣ безъ различія должны быть допускаемы къ участію въ правахъ политическихъ.

Но если вмѣстѣ съ ними допустить къ сему участію и людей, собственности не имѣющихъ, тогда голосъ и сужденіе сихъ послѣднихъ по числу ихъ, безъ сомнѣнія, возьметъ перевѣсъ, и, слѣдовательно, всѣ избирательныя силы народа перейдутъ въ руки тѣхъ самыхъ, кои наименѣе въ добротѣ сихъ выборовъ имѣютъ участія и наименѣе способовъ къ правильному ихъ усмотрѣнію [2]).

На семъ-то основано то важное правило, по коему во всѣхъ государствахъ, въ самой Франціи среди революціи, право выборовъ ограничено было только тѣми людьми, кои имѣютъ собственность.

Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ тому же правилу должно слѣдовать и потому постановить, что въ составленіи выборовъ никто не можетъ участвовать, кто не имѣетъ недвижимой собственности, или капиталовъ промышленности въ извѣстномъ количествѣ.

Сверхъ сего, есть въ обществѣ положенія, кои по образу жизни и воспитанія не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ими (sic) занимающихъ, къ участію въ составленіи закона. Таковы суть состоянія домашнихъ слугъ, ремесленныхъ и рабочихъ людей и поденщиковъ, хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ состоящую.

Къ разрѣшенію вопроса во второмъ видѣ представляются тѣ же уваженія. Если собственность должна быть принята основаніемъ въ правѣ выборовъ, то кольми паче она должна быть предпочтена въ правѣ представленія. По симъ-то причинамъ во всѣхъ государствахъ по-

---

1) Какая, напримѣръ, нужда человѣку безъ собственности ограничивать законъ о податяхъ вещественныхъ, когда законъ сей на него не падаетъ. (Прим. автора.)

2) Сіе состояніе общества называется охлократія. (Прим. автора.)

лагается извѣстный доходъ для права представленія, и доходъ сей долженъ быть выше, нежели окладъ для выборовъ.

Права состояній.

1. Права дворянства.

1. Дворянство пользуется всѣми гражданскими правами, подданнымъ россійскимъ вообще принадлежащими.

2. Сверхъ сихъ общихъ правъ, дворянство имѣетъ то особенное право, что оно свободно отъ личной службы очередной, но обязано непремѣнно отправлять оную въ гражданскомъ или воинскомъ званіи не менѣе 10-ти лѣтъ по своему выбору, но безъ перехода, исключая случаевъ, особеннымъ закономъ опредѣленныхъ.

3. Дворянство имѣетъ особенное право пріобрѣтать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону.

4. Дворянство имѣетъ политическія права въ выборѣ и представленіи, но не иначе, какъ на основаніи собственности.

5. Всѣ свободные промыслы, дозволенные закономъ, открыты дворянству. Оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія . . .

2. Права средняго состоянія.

1. Среднее состояніе имѣетъ права гражданскія общія, но не имѣетъ особенныхъ.

2. Личная служба людей средняго состоянія опредѣляется по ихъ званіямъ и промысламъ особеннымъ закономъ.

3. Лица средняго состоянія имѣютъ политическія права по ихъ собственности.

4. Всѣ свободные промыслы имъ открыты, и изъ одного въ другой переходятъ они свободно, исполнивъ возложенныя на нихъ повинности.

5. Они достигаютъ личного дворянства службою, когда вступятъ въ оную по своему выбору, но не прежде, какъ исполнивъ службу, закономъ на нихъ возложенную.

3. Права народа рабочаго.

1. Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ.

2. Переходъ изъ сего класса въ слѣдующій всѣмъ отверзтъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, коими обязанъ былъ по прежнему состоянію.

Составъ сего класса.

3. Къ классу рабочаго народа причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги

Государственная Дума.

Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе, подъ именемъ государственной думы.

Государственная дума государственныхъ силъ есть мѣсто, равное сенату и министерству.

Государственная дума собирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ.

Дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою его до будущаго года; 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ.

Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ.

Увольненіе производится таковымъ же актомъ, но съ означеніемъ въ немъ же новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ.

Кромѣ общаго увольненія, члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертію или опредѣленіемъ верховнаго суда.

Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ.

Предсѣдатель государственной думы есть канцлеръ по самому своему званію.

Особенный чиновникъ опредѣляется ему въ помощь подъ именемъ секретаря государственной думы.

Въ первыхъ собраніяхъ государственная дума образуетъ слѣдующія законодательныя коммисіи . . . — (6 ком.).

Каждая изъ сихъ коммисій имѣетъ своего предсѣдателя и секретаря по выбору думы

Дѣла государственной думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта . . .

(Планъ государств. преобразованія Сперанскаго, стр. 15 — 79.)

———

142. Великое Княжество Финляндия.

Грамота Вел. Княжеству Финляндскому

15 марта 1809.

Произволением всевышнего, вступив в обладание Великого Княжества Финляндии, признали мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимой и непреложной их силе и действии; в удостоверение чего и сию грамоту собственноручным подписанием нашим утвердить благоволили.

Речь Александра I при открытии сейма в Борго. 1809 года.

Я обещал сохранить вашу конституцию, ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний. Это собрание составит эпоху в вашем политическом существовании; оно имеет целью укрепить узы, привязывающие вас к новому порядку вещей, пополнить права, предоставленные мне военным счастием, правами, более дорогими моему сердцу, более сообразными с моими принципами, теми правами, которые дают чувства любви и привязанности.

Речь Александра I при закрытии сейма в Борго. 1809 года.

...Несите в глубину ваших провинций, запечатлейте в умах ваших соотечественников то же доверие, которое господствовало здесь при ваших трудах. Внушите им то же убеждение, ту же уверенность относительно главнейших предметов вашего политического существования, — сохранения ваших законов, личной безопасности, ненарушимого уважения к вашей собственности. Этот храбрый и лойяльный народ благословит провидение, приведшее к настоящему порядку вещей. Заняв отныне место в ряду народов, под властию своих законов, он будет вспоминать о прежнем господстве лишь для того, чтобы развивать дружественные отношения, когда мир их восстановит.

Из манифеста о присоединении Финляндии. 1809 года.

...«По непреложным судьбам вышнего, благословляющего оружие наше, присоединив навсегда Финляндию к России, с удовольствием мы зрели те торжественные обеты, обывателями сего края принесенные на верное и вечное их скипетру российскому подданство. Вместе с сим восприяли мы на себя священную обязанность хранить сие достояние, промыслом нам врученное, во всей его незыблемости и в непременном и вечном с Россиею единстве.

«В чреде народов, скипетру российскому подвластных и единую Империю составляющих, обыватели Финляндии с сего времени восприяли навсегда свое место. От сего великого состава противу воли и предопределений вышнего ничто отторгнуть их не может. То же самое провидение, которое споспешествовало храброму воинству нашему в обладании сея страны, будет покровительствовать нам в неразрывном ее соблюдении.

«Обыватели Финляндии! Да напечатлеются истины сии неизгладимо в сердцах ваших. Под сению престола нашего покоются многочисленные народы; судьбы их равно сердцу нашему драгоценны; вступив в состав Империи нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними. Сверх древних установлений, стране вашей свойственных и свято нами хранимых, новое поле вашей деятельности и трудолюбию открывается.

«Под сильным щитом России земледелие ваше, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния, восприимут новую жизнь и расширение. Мы познаем вскоре все ваши нужды и не умедлим простереть вам руку помощи и облегченья. Оружие наше оградит пределы ваши от всякого к вам прикосновенья и отразит все покушения врагов, если бы когда-либо возмутить спокойствие ваше они дерзнули. Приверженность, единство и непоколебимая верность есть единое возмездие, коего мы за все сие от вас требуем и ожидаем несомненно.

«Обыватели Финляндии! Да не колеблется внимание ваше слухами и обольщениями, если бы враги наши паче чаяния рассеивать их между вами покусились. Судьба страны вашей решена невозвратно. Всякое разглашение о восстановлении шведского над вами владычества было бы тщетное заблуждение, единственно во вред вам устремляемое. Всякая непреклонность и приобщение обывателей к та-

новым внушениям повлекли бы на себя неминуемую их гибель и разорение.

«Нам известно, что некоторые соотечественники ваши теперь еще служат в войсках шведских, против вас самих вооруженных. Доселе ожидали мы с терпением раскаяния их и покорности. Долговременное коснение их полагало уже конец ожиданию нашему; но снисходя к судьбе семейств, оставленных ими без призрения, мы еще готовы принять их как верных подданных наших и заблуждения их навсегда изгладить из памяти нашей, если в течение шестинедельного срока, считая со дня обнародования сего манифеста нашего, поспешат они возвратиться. Да престанут они отныне работать чуждой власти. Да возвратятся в недра своего отечества; но да возвратятся немедленно в назначенный срок. По прошествии оного и раскаяние их не будет уже у места.

«Верные обыватели Финляндии! Будьте тверды и непоколебимы в преданности вашей к России. Слово наше о сохранении вас в единстве есть непреложно, и мы всегда императорскою нашею милостию пребудем вам благосклонны».

Состав сейма в Борго 1809 г.

(По Ордину.)

Представители сословий собрались на сейм далеко не в большом количестве. Если на выборы петербургской депутации прошлого года они и не явились, находя ее незаконною, то в настоящем случае, казалось, этого предлога уже не было. В сущности воздержанием их руководило, несмотря на все крики официальных лиц о горячей преданности финляндцев России и ее государю, полное нерасположение и недоверие к новому порядку вещей... — Из двух графских фамилий не явилось на открытие сейма никого. Лишь позднее в комиссиях упоминается граф Крейц. Из 27 баронов записалось только 8, из 202 дворян всего 48. Таким образом из 231 члена дворянского сословия налицо было только 56, немного более одной четверти. От духовенства 9 человек: епископ Тенгстрем и по 3 от обеих епархий; кроме того, секретарь и один нотариус. Горожан было 21, в том числе от Або двое и от 19 городов по одному; от Поденгаля не было никого; крестьян было 28 человек.

Из манифеста об учреждении финляндского сената 1816 г.

1816.

«Быв удостоверены, что конституция и законы, к обычаям, образованию и духу финляндского народа примененные и с давних времен положившие основание гражданской его свободе и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отменяемы без нарушения оных, мы, при восприятии царствования над сим краем не только торжественнейше утвердили конституцию и законы с принадлежащими, на основании оных, каждому финляндскому гражданину особыми правами и преимуществами, но, по предварительном рассуждении о сем с собравшимися земскими края сего чинами, и учредили особенное правительство, под названием правительствующего совета, составленного из коренных финляндцев, который доселе управлял гражданской частью края сего и решал судебные дела, в качестве последней инстанции, не завися ни от какой другой власти законов и сообразующейся с оными монаршей нашей воли. Таковыми мерами оказав наше доброе расположение, которое имели и впредь будем иметь к финляндским верноподданным нашим, надеемся мы, что довольно утвердили на все грядущие времена данное нами обещание о святом хранении особенной конституции края сего под державою нашею и наследников наших».

(Ордин. Покорение Финляндии, т. II, стр. 136—137, 331.)

---

143. Изложение Финляндской конституции.

В законодательных актах императора Александра I нет указаний на то, какие именно законы утверждаются в качестве коренных, или, как стали называть их впоследствии, основных законов Великого Княжества. По мнению финляндских юристов, а с ними и некоторых иностранных писателей, коренными или основными должны считаться те законы, которые в эпоху присоединения Финляндии определяли государственное устройство Шведского королевства, а именно: Форма правления 1772 г., служащий дополнением

к ней — **Акт соединения и безопасности** 1789 г. и отчасти сохранивший силу Королевский отдел земского уложения 1442 г.

Издание обоих актов — формы правления 21 августа 1772 г. и акта соединения и безопасности 21 февраля и 3 апреля 1789 г. — имело целью усиление королевской власти, ослабленной предшествовавшей конституцией, так называемых времен свободы. «Узнав по несчастному опыту, что под именем благородной вольности разные из сограждан возвышались до владычества, сделавшегося тем несноснее, что оно происходило от своеволия, утверждалось корыстью и жестокостью и, наконец, поддерживаемо было чужестранною силою к несчастию целого общества, советники и чины шведского государства «помышляли об утверждении своей вольности таким образом, чтобы она не могла быть обижаема честолюбивым и о государстве неблагомыслящим государем или согражданами тщеславными, корыстолюбивыми и изменническими, равно злобными и надменными неприятелями», и потому установили новую форму правления, почитая «за превосходнейшее счастие наше, честь и выгоду, что живем вольными, независимыми, законодательными, но законоповинующимися чинами под управлением могущественного, но законами ограниченного короля».

Форма правления состоит из 59 статей, акт соединения — из 9. Из числа статей первой — 12, относящиеся до вероисповедания короля, отсутствия его из страны, престолонаследия и регентства, управления германскими провинциями, содержания двора, прав членов королевского дома и проч., потеряли силу вследствие присоединения Финляндии к России; 3 — отменены актом 1789 г.; 12 относятся до устройства высших органов управления — государственных коллегий (они заменены учреждением правительствующего совета). Из остальных статей одна относится до прав церкви, две до судоустройства, одна до губернского управления и две — безразличного содержания. За этими исключениями осталось с небольшим 20 статей, определяющих, вместе с актом соединения, права верховной власти и народа.

Последние представляются в следующем виде:

а) **Права и обязанности короля.** Король самодержавно властен управлять государством, пекшись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать мир и союзы с чужестранными владениями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имение; по благоусмотрению распоряжаться всеми государственными должностями, которые имеют быть замещаемы только природными шведами, наблюдать законы, в судах хранить порядок и во всех других народных делах употреблять способы, признанные королем полезнейшими. (Акт 1789 г. ст. I). Он управляет, согласно с королевским законом, уложением государства (1734 г.), и сим образом правления (Обр. пр., ст. 2 и 5); один он дает дворянское достоинство (II); ему принадлежит главное начальство над военною силою (19), право бить монету (44). Ограничение королевской власти состоит в том, что он «да не касается ничьей жизни, чести, тела, ниже благосостояния без произнесенного судом осуждения» (2); он не может издать новых законов, ниже старых уничтожить, а также наложить на подданных новых поборов и податей без ведома и согласия государственных чинов (40 и 45), которые обязаны собираться по воле государства и короля в такое время и в том месте, где его величество заседание назначить пожелает, для советований с его королевским величеством о тех делах, по коим его величество их созывает (38), причем в течение сейма чины должны заниматься только теми предметами, кои предлагаются королем (Акт. соед., 6).

б) права **подданных**. Нация «признает себя подданными, вольностию наслаждающимися, подверженными законам и безопасностию пользующимися под законноувенчанным королем, который, согласно с постановленными законами Швеции, нами управляет. В качестве подданных, равную вольность имеющих, мы должны все пользоваться под осенением законов одинакими преимуществами», посему верховный суд должен быть составлен из дворян и недворян (А. соед., 2); все сословия должны иметь равные права, владеть и приобретать земли в общем их отечестве (3); «поелику истинная вольность состоит в том, чтобы непринужденную приносить подать, которая необходимою признана будет для содержания

государства, то народ имеет неоспоримое право рассуждать об оном, с королем соглашаться, отказывать, или вновь делать условия» (5). Права и преимущества отдельных сословий подтверждены Актом соединения в том виде, как они установлены привилегиями, данными им в прежнее время (дворянству в 1723 году, духовенству тогда же и в 1789 г., городам и городскому сословию 23 февраля и крестьянскому 4 апреля 1789 г. Важнейшим из политических прав, предоставленных этими привилегиями и сословиями, было право представительства в собрании государственных чинов.

(Финляндия. Сб. Протопопова, стр. 44—53.)

---

144. Изложение конституции Царства Польского.

1815 г.

Основания конституции Царства Польского император Александр подписал в Вене 25 мая 1815 г. Для составления ее проекта он назначил комиссию, состоявшую из одних только поляков, между которыми находился князь Адам Чарторижский, Томаш Вавжецкий и Тадеуш Матушевич. В ноябре того же года Александр первый раз приехал в Варшаву, как король (царь) польский, встреченный с радостью, пленивший всех благосклонностью и приветливостью. 27 ноября он подписал в варшавском замке **конституционный устав** следующего содержания:

Католическая религия будет предметом особенного покровительства правительства, без ущерба для других вероисповеданий, последователи которых могут без всяких ограничений публично отправлять свое богослужение. Все граждане равны перед лицом закона; им обеспечена свобода печати и старинное право.

Арест гражданина может произойти только в формах и в случаях, предусмотренных законом. Причины задержания должны быть тотчас же сообщены арестованному, который не позже, чем по истечении трех дней, должен быть подвергнут судебному следствию. Никто не может подвергнуться наказанию без судебного приговора. Приговоренный к наказанию отбудет его в Царстве Польском и ни в каком случае за его пределами. Обеспечивается святость и неприкосновенность собственности. Во всех государственных делах — административных, судебных и военных — будет употребляться польский язык. Государственные должности — как гражданские, так и военные — занимают только поляки. На вечные времена королевству (царству) обеспечено народное представительство в сейме, состоящем из короля (царя) и двух палат (изб) — сенаторской и посольской.

Королевство (царство) польское навсегда соединено с Российской империей, с которой у него общая внешняя политика. Русский император — наследственный король (царь) польский. На случай своего отсутствия он назначает своего наместника из князей царствующего дома или же призывает на этот пост поляка.

Король (царь), особа которого священна и неприкосновенна, совершает особую коронацию в Варшаве и приносит присягу конституции. Он определяет степень участия королевства (царства) в войнах, которые будет вести Россия, и в трактатах с другими государствами; назначает духовных сановников и гражданских чиновников, замещает военные должности; он обладает **исполнительной властью** во всем объеме.

Исполнение законов возложено на его министров: 1) вероисповеданий и народного просвещения, 2) юстиции, 3) внутренних дел и полиции, 4) военного министра и 5) министра финансов (приходов и скарба). Один из них подписывает королевские (царские) распоряжения (указы) и отвечает за скрепление своей подписью указов, противных конституции. Каждый из министров председательствует в особой Правительственной Комиссии, как-то: юридической, военной и т. п. Есть еще министр-статс-секретарь, постоянно находящийся при императоре, который через него присылает наместнику свои постановления и принимает представления, касающиеся королевства (царства).

В отсутствие короля (царя) его власть принадлежит **Государственному Совету**, состоящему из наместника, министров, советников и референдарей (докладчиков).

Государственный Совет делится на Административный Совет и Общее Собрание.

Административный Совет, состоящий из наместника, пяти министров и других лиц, обладает исполнительной властью. На-

местнику принадлежит решающий голос, членам только совещательный. Решение наместника в Административном Совете скрепляет своей подписью один из министров. В случае смерти наместника, его обязанности исполняет назначенный королем (царем) президент Административного Совета. В присутствии короля (царя) власть наместника подлежит временному прекращению.

Общее собрание Государственного Совета составляет проекты законов, контролирует действия Правительственных комиссий, разрешает споры между административными и судебными властями, привлекает к ответственности чиновников и т. п.

Край делится на восемь воеводств (краковское, сандомирское, калишское, люблинское, плоцкое, мазовецкое, подляшское, августовское), на 77 поветов и 51 гминный округ. В каждом воеводстве для исполнения приказов Правительственных Комиссий существует Воеводская Комиссия, состоящая из президента и комиссаров. В городах функционируют муниципальные власти, в каждой гмине — войт, как последнее звено администрации края.

Органы самоуправления — Воеводские Советы, состоящие из выбранных жителями членов, представляющие правительству кандидатов на административные должности и исполняющие разные дела экономического характера.

Законодательная власть сосредоточивается в сейме, созываемом каждые два года на период в 30 дней и состоящем из короля (царя) и палат сенаторской и посольской. В сенаторской палате заседают: князья императорско-королевской (царской) крови, епископы латинские и один униатский, воеводы и каштеляны. Посольская палата составляется из 77 послов, выбранных на сеймах шляхтичами — земельными собственниками, и из 51 депутата от гминных общин. В ней председательствует маршалок, назначенный королем (царем). Члены посольской палаты исполняют свои обязанности в течение шести лет, обновляясь в одной трети состава каждые два года. Состав выходящих членов посольская палата устанавливает баллотировкой. Члены Государственного Совета заседают в обеих палатах, но не имеют права голоса, если они не сенаторы, не послы и не депутаты.

Сейм публично обсуждает всякие проекты, присылаемые королем (царем) чрез Государственный Совет. Проекты послов и депутатов рассматриваются сеймом только тогда, когда присылаются ему чрез Государственный Совет. Члены посольской палаты имеют право представлять непосредственно сейму только петиции к трону. Для обсуждения проектов в каждой палате будут выбраны три отдельные комиссии: в сенаторской — из трех членов, в посольской — из пяти, для законов: 1) финансовых, 2) гражданских и уголовных, 3) органических и административных. Эти комиссии по вопросам о правительственных проектах сносятся с Государственным Советом. Одни только члены Государственного Совета и комиссий могут говорить речь в сейме по листку; остальные — только на память. Голосование — явное, решение выносится большинством голосов. Проект, принятый одной палатой, отсылается в другую, которая утверждает его без изменений или же отвергает. Проект, принятый обеими палатами, представляется для санкции королю (царю). Если царь дает свою санкцию, проект становится законом. В соединенных палатах читается общий отчет о положении края, составленный Государственным Советом. Каждая палата рассматривает отчет при помощи соответственных комиссий и представляет королю (царю) свое мнение о нем.

Судебная власть поставлена независимо: судьи имеют право выражать свое мнение при постановлении приговора, не подчиняясь органам исполнительной власти. Судьи пожизненны и несменяемы. Суд — общий для всех жителей, без различия сословий и религии. Кроме гражданских и уголовных магистратур разных степеней, учреждается сеймовый суд, состоящий из всех членов сенаторской палаты, призванный решать дела о государственных преступлениях и о преступлениях высших должностных лиц королевства (царства), как, например, министров, которых может привлечь к ответственности король (царь), или, вместо него, наместник, или же посольская палата.

Количество местного войска, которое сохраняет народный костюм, определяет король

(царь), соразмерно с доходами, указанными в бюджете. Польское войско никогда не будет употреблено в дело за границами Европы. В остальном управление военной силой во время мира и войны зависит исключительно от царя (короля).

Были сохранены польские ордена: Белого орла, св. Станислава и военного креста.

Конституционный устав королевства (царства) был либеральнее конституции Варшавского княжества. Он не создал, правда, самостоятельного правительства, однако, удовлетворил бы моральные и материальные потребности народа, если бы только исполнялся. К несчастию, он возник среди самых фатальных условий, не суливших ему уважения и прочности.

(Влад. Гребеньский. История польского народа, стр. 445—448.)

---

145. Речь Императора Александра Павловича при открытии Польского сейма.

1818 г.

Представители царства Польского!

Надежды ваши и мои желания совершаются. Народ, который вы представлять призваны, наслаждается, наконец, собственным бытием, обеспеченным созревшими уже и временем освященными установлениями.

Одно забвение прошедшего могло произвесть ваше возрождение. Оно непреложно постановлено было в мыслях моих с того времени, когда я мог надеяться на средства к приведению оного в исполнение. Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело еще новую. И действительно, Россия после бедственной войны, воздав по правилам христианской нравственности добром за зло, простерла к вам братские объятия, и из всех преимуществ, даруемых ей победою, предпочла единственно честь — восстановить храбрый и достойный народ.

Содействуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убеждению, коему сильно вспомоществовали события. Я исполнил долг, начертанный сим одним внушением, тем драгоценнейший моему сердцу.

Образование, существовавшее в вашем крае, дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние, надеюсь я, при помощи божией, распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости.

Поляки! Освободясь от гибельных предубеждений, причинивших вам толикие бедствия, от вас ныне самих зависит дать прочное основание вашему возрождению.

Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законодательною хартиею, ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы: благо драгоценное, которого она долгое время вотще искала, среди самых жестоких испытаний.

Представители Царства Польского! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначения. Вы призваны дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры.

Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления, коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов.

Вам подлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину. Да будет взаимное согласие душою вашего собрания, а до-

стоинство, хладнокровие и умеренность да ознаменуют ваши прения.

Руководствуясь единственно любовию к отечеству, очищайте мнения ваши от всех предубеждений, освобождайте их от зависимости частных или исключительных выгод, выражая их с простотою и прямодушием, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова.

Наконец, да не покидает вас никогда чувство братской любви, нам всем предписанной божественным законодателем.

Таким образом ваше собрание приобретет одобрение и признательность отечества и то общее уважение, которое подобное сословие заставляет к себе ощущать, когда представители народа свободного не обезображивают священного звания, на них возложенного.

Первейшие чиновники государства, сенаторы, послы, депутаты! Я изъяснил вам свою мысль, я показал вам ваши обязанности.

Последствия ваших трудов в сем первом собрании покажут мне, чего отечество должно впредь ожидать от вашей преданности к нему и привязанности вашей ко мне; покажут мне, могу ли, не изменяя своим намерениям, распространить то, что уже мною для вас совершено.

(«Русский Архив», 1905 г., № 10, стр. 201—204.)

---

146. Государственная Уставная грамота Российской Империи.

(Проект Новосильцова 1818 г.)

...9. Корона Российско-императорского престола есть наследственная; она переходит по порядку, установленному в бозе почивающим родителем нашим императором Павлом.

10. Основания державной власти и образ действия оной определяются сею государственною уставною грамотою, жалуемою нами любезным нашим верноподданным на вечные времена.

11. Державная власть нераздельна: она сосредоточивается в лице монарха.

12 Государь есть единственный источник всех в Империи властей: гражданских, политических, законодательных и военных.

Он управляет исполнительною частию во всем ее пространстве. Каждое начальство исполнительное, управительное и судебное, им одним постановляется.

13. По законодательной власти государю содействует государственный сейм, о котором ниже упомянуто будет, на основании уставной грамоты и особенных учреждений.

14. Особа государя священна и неприкосновенна.

15. Государь есть верховная глава общего управления Империи. Он печется о внутренней и внешней безопасности государства. Он бдит о своих правах и владениях.

16. Право объявлять войну и заключать договоры и условия всякого рода принадлежит одному государю.

17. Предводительство военною силою сухопутною и морскою, как в мирное, так и в военное время, равно как и назначение главнокомандующих и производство генералов и офицеров принадлежит монарху без исключения.

18. Государь назначает послов, посланников и других уполномоченных чиновников для переговоров политических и торговых.

19. Государь на все места гражданские, управительные и судебные назначает непосредственно или чрез тех, коим вверяет он таковую власть.

20. Как верховная глава православной греко-российской церкви, государь возводит во все достоинства духовной иерархии.

21. Право помилования принадлежит исключительно государю. Он может преступника простить или облегчить его наказание.

22. Дела по всем судебным и всяким другим присутственным местам производятся и приговоры оным, равно как и всякого рода публичные акты, объявляются именем его императорского величества.

23. Учреждения орденов, постановления оным статутов и награждение военными и гражданскими орденами принадлежит государю, равно как и право возведения на степень дворянства и высшего оного достоинств, принятие в подданство и пожалование в чины и классы.

24. Государь располагает доходами государства сообразно с утвержденными им частными расписаниями доходов и расходов (бюд-

жетами) наместничество и с общим расписанием доходов и расходов всего государства.

25. Первое же общее расписание доходов и расходов, имеющее быть составлено в силу настоящей грамоты, на основании ли частных расписаний доходов и расходов наместничества, или по соображениям министерств, предоставляется в особенности единственному распоряжению государя императора...

Ручательства державной власти.

78. Православная греко-российская вера будет навсегда господствующей верою империи, императора и всего императорского дома. Она непрестанно будет обращать на себя особую попечительность правительства, без утеснения однакож свободы всех прочих вероисповеданий. Различие христианских вероисповеданий не производит никаких различий в правах гражданских и политических.

79. Священнослужители всех исповеданий вообще состоят без исключения под покровительством и надзором законов и правительства.

80. Закон без всякого различия покровительствует равно всем гражданам.

81. Коренной российский закон: «Без суда никто да не накажется» и освященное Учреждением о губерниях правило (§ 401) «чтобы никто без объявления ему вины и снятия с него допроса, в течение 3-х дней по задержании, не лишался свободы и не содержался в тюрьме», распространяется на всех жителей вообще в следующей силе.

82. Никто не может быть взят под стражу, обвинен и лишен свободы, как только в случаях, законом определенных и с соблюдением законом предписанных на сей конец правил.

83. Всякое самопроизвольное задержание вменяется в преступление, подвергающее наказанию, означенному в уголовном праве.

84. Взятому под стражу должно немедленно объявить причину его задержания.

85. Каждый задержанный должен быть представлен в течение 3 (в редких же токмо случаях, в которых взыскание потребовало бы отсрочки не позднее 6) суток—в то присутственное место, до которого он принадлежит, для снятия с него допроса или суждения узаконенным порядком. Всякое отступление от сего вменяется в злоупотребление власти. Ежели обвиняемый оправдается при первом следствии, то немедленно освобождается.

86. Во всех случаях, законом неизъятых, обвиняемый отпускается на поруки.

87. Никто не должен быть наказан как в силу закона постановленного и обнародованного до соделанного преступления и по приговору того суда, которому он принадлежит.

88. Право просить о помиловании предоставляется лицам, осужденным на смертную казнь, на вечную и свыше 15 лет продолжиться имеющую ссылку, заточение и каторжную работу.

89. Свобода тиснения обеспечивается. Закон излагает правила к обузданию злоупотреблений.

90. Каждому российскому подданному вольно переселиться в другое государство и вывезти свое имение, лишь бы соблюл законом предписанные на таковые случаи правила.

91. Да будет Российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственная дума), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует сенат, а вторую под именем посольской палаты, земские послы и депутаты окружных городских обществ.

92. Государственные должности, как гражданские, так и военные, иначе возлагаемы быть не могут, как на российских подданных.

93. Каждый иностранец, предъявивший законные виды, будет пользоваться наравне с другими жителями государства покровительством законов и выгодами, законами обеспеченными. Ему вольно будет, на основании учрежденных правил, жить в государстве, выезжать из оного, возвращаться и приобретать в нем недвижимые имения.

94. Каждый иностранец, укорененный, при беспорочном поведении и после пятилетнего пребывания, научась российскому языку, может допущен быть к отправлению государственных должностей.

95. Один государь, по собственному выбору, или по представлению государственного совета может, в отмену сего правила, допустить к отправлению государственных должностей иностранцев, превосходными дарованиями отличающихся.

96. Все государственные чиновники, по части правительственной, отрешаются от должно-

стей тою же властию, которая их определяет, с соблюдением законом предписанных на таковой конец правил. Все без исключения подвержены ответственности в отправлении своих должностей.

97. Всякая собственность, на поверхности ли земли находящаяся или в недрах оной сокровенная, какого бы рода ни была, в чем бы ни состояла и кому бы ни принадлежала, признается священною и неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предметом посягнуть на нее не может. Посягающий на чужую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия.

98. Правительство имеет, однако, право по справедливом и предварительном вознаграждении требовать от частного лица пожертвования его собственностью. Закон определит особенные случаи употребления сего права и правила, имеющие оным руководствовать.

О народном представительстве.

О Государственной Думе или сейме.

99. Представительство народное образуется, как выше сказано (ст. 91).

О частных думах или сеймах наместнических областей.

102. Сеймы наместнических областей составляются из государя и двух палат. Первая под именем высшей палаты образуется из одного департамента сената, присутствующего в главном местопребывании наместнического начальства. Вторая, под именем земской посольской палаты, составляется из двух третей избранного в области наместничества числа послов и депутатов, государем утвержденных.

О общем государственном сейме.

114. Общий государственный сейм составляется из государя и двух палат. Первую под именем высшей палаты образует сенатский департамент, присутствующий в одной из двух столиц, с присовокуплением к нему единственно на время сейма и по назначению государя из двух департаментов известного числа сенаторов, образовательным учреждением определенного. Вторая — под названием палаты земских послов — составляется, по назначению государя из половинного числа послов и депутатов, в каждой наместнической области посольскою палатою из среды своей избранных.

115. Общий государственный сейм, по сообщении от имени государя чрез государственный совет, рассматривает все проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, коих действие распространяется на всю империю. Он рассуждает по предложениям, вносимым по высочайшему же повелению, о прибавлении и уменьшении налогов, податей, сборов и всякого рода общественных повинностей, о удобнейших и справедливейших раскладках, о уравнении налогов и податей по всему государству по мере силы и возможности каждой наместнической области, о составлении главного расписания доходов и расходов (бюджет), на основании представленных ему на рассмотрение частных расписаний доходов и расходов, составленных в каждой области наместничества, равно как и о всех других предметах, на рассуждение по воле государя ему отсылаемых.

116. Общий сейм рассуждает еще по наблюдениям, которые государю благоугодно было бы повелеть сделать по предметам, заключающимся в общем государственном отчете, коего составление возложено на общее собрание государственного совета в силу ст. 42. Наконец общий государственный сейм, изложив свое мнение по всем сим предметам, приступает к рассмотрению наказов, земским послам и депутатам от их избирателей данных и заключающих в себе их замечания, представления и прошения, касательно всего того, что относится до их пользы. Из сих наказов делается самое верное извлечение, которое препровождается в государственный совет, а от оного предоставляется государю императору, на высочайшее разрешение и для принятия тех мер, к коим таковые представления могли подать повод...

Постановления общие, касающиеся как до государственных общих, так и до частных сеймов.

126. Право созвать, распустить, отсрочить и продлить сеймы как обыкновенные, так и чрезвычайные, принадлежат одному государю. Заседание сеймов продолжается тридцать дней.

127. Сеймы должны заниматься токмо теми предметами, кои заведыванию их представлены или находятся означенными в созывной грамоте.

128. Никто из членов сеймов во время продолжения оных не может быть ни задержан, ни судим уголовным судом без ведома той палаты, которой он принадлежит.

О сенате.

136. Сенат составляется из великих князей императорского дома и всех особ, кои, удовлетворив требуемым условиям, возведены на сенаторское достоинство государем. Звание сенатора сохраняется по смерть.

137. Число сенаторов определяется государем. Оно не должно превосходить четвертой доли числа земских послов и депутатов всего государства.

138. Сенат разделяется на несколько департаментов, из коих один присутствует в С.-Петербурге, а другой в Москве. Сверх сего назначается для каждого наместничества по одному департаменту, присутствующему в главном местопребывании наместнического начальства.

139. На достоинство сенатора может быть возведен токмо тот, который имеет не менее 35 лет от роду, выдержал в нижних чинах предписанные испытания, отправлял с похвалою должности по части военной и гражданской и получает ежегодного дохода с недвижимого имения, собственно ему принадлежащего, не менее 1,000 рублей серебряною монетою. Из сего правила по необходимости исключаются первоначальные назначения, имеющие последовать в силу сей грамоты.

140. Великие князья императорского дома, по совершению 18 лет, заседают в сенате и имеют голос.

141. Сенат во время сейма образует высшую палату и содействует купно с посольскою палатою законодательной власти государя.

Распоряжения общие всем посольским палатам.

155. В члены посольской палаты может быть избран токмо тот, которому исполнилось уже 30 лет, кто пользуется правами гражданина и платит поземельные и всякие другие подати не менее той суммы, которая во всякой наместнической области будет для сего определена, смотря по местным обстоятельствам и народонаселению.

156. Никакой чиновник ни военный, ни гражданский не может быть избираем в члены посольской палаты, не получив предварительного на то согласия от своего начальства.

157. Если кто из послов и депутатов до избрания своего не находился при должности на казенном жалованье и примет оную уже по избрании, то таковой должен быть замещен новым членом.

158. Государь или вследствие высочайшего повеления его наместник имеет право распустить посольские палаты. В таком случае палаты расходятся и по последовавшим созывам приступают к новым выборам.

О дворянских собраниях или сеймах.

159. Дворяне каждого уезда, владеющие собственными недвижимыми имениями, составляют между собою дворянские собрания, на которых избирают трех земских послов. После чего приступают к другим выборам, особенными учреждениями им предоставленным.

160. Дворянские собрания не иначе съезжаться могут, как в силу созыва, по высочайшей воле последовавшего. В сем созыве означается день съезда, время продолжения собрания и предмет его занятий.

161. Никто из дворян не может иметь голоса в дворянском собрании, буде не записан в дворянскую книгу своего уезда, не пользуясь правами гражданина, не достиг 25 лет и не владеет недвижимым имением.

О собрании окружных градских обществ.

165. Градские общества в силу городового положения собираются каждые три года для учинения выборов и представления губернатору о своих нуждах и пользах, имеют составить окружное градское общество на основании как нижеследующих статей, так и образовательного учреждения, для выбора от окружного общества трех депутатов на сейм.

166 К выбору депутатов от окружного градского общества допускаются: 1) Настоящие обыватели города, имеющие в нем дома или иные строения, место или земли, равно как и обыватели не из дворян, жительствующие вне го-

рода, но в том же уезде, к которому город принадлежит, и имеющие в сем уезде дом или другую недвижимую собственность. 2) Все состояния, известные под именем именитых граждан, как-то: ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники трех главных художеств, архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры и капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первых двух гильдий и 4) цеховые мастера.

167. Все евреи, не исключая и тех, кои записаны в гильдии или имеют недвижимую собственность, участия в собраниях окружных градских обществ не имеют.

(«Русский Архив», 1905 г., № 9, стр. 105—125.)

---

147. Пушкин. Сказки (Ноэль) [1].

(По поводу Варшавской речи Александра I, 1818 г.)

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот,
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает: —
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь!
Вот бука, бука, русский царь»! —
— Царь входит и вещает: —
— «Узнай, народ российский
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: — Я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.
«Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон поставлю вам на место я Горголи [1])
И людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли». —
— От радости в постели
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?» —
А мать ему:—«Бай, бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!». —

(Соч. Пушкина. Изд. Брокгауза и Ефрона, том I, стр. 451.)

[1]) Впервые напечатано в «Полярной Звезде» Герцена в 1859 г., в России впервые в 1907 г. В списках имела большой успех тогда же, и «распевалась чуть не на улице».

[1]) Лавров, Соц и Горголи — директор департамента в мин. полиции, секретарь цензурн. комитета, Спб. обер-полицеймейстер.

XII. Реакция 20-х годов.

148. Записка Карамзина о древней и новой России.

(1811 г.)

Два мнѣнія тогда были господствующими въ умахъ: одни хотѣли, чтобъ Александръ, къ вѣчной славѣ своей, взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ, — другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатеринина царствованія, столь щастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе въ Россіи, не ослабивъ спасительной царской власти? Умы легкіе не затрудняются отвѣтомъ и говорятъ: «можно; надобно только поставить законъ еще выше государя». Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату ли? Совѣту ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые государемъ или государствомъ? Въ первомъ случаѣ, они угодники царя; во второмъ, захотятъ спорить съ нимъ о власти. Вижу аристократію, а не монархію. Далѣе, что сдѣлаютъ сенаторы, когда монархъ нарушитъ уставъ? Представятъ о томъ его величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ? Всякое доброе русское сердце содрогается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти государственныя

[1]) Впервые напечатано в «Полярной Звезде» Герцена в 1859 г., в России впервые в 1907 г. В списках имела большой успех тогда же, и «распевалась чуть не на улице».

въ одной державѣ суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга; а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистію къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!»... Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы монаршей власти какой-нибудь уставъ, основанный на правилахъ общей пользы, и скрѣпилъ бы оный святостію клятвы. Сія клятва безъ иныхъ способовъ, которые всѣ или невозможны, или опасны для Россіи, будетъ ли уздою для преемников Александровыхъ? Нѣтъ, оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіи власти: да царствуетъ благодѣтельно, да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ государей въ предѣлахъ законной власти; чемъ? — страхомъ возбудить всеобщую ненависть, въ случаѣ противной системы царствованія... —

Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія [1]) и видя их незрѣлость, добрые россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. «Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть перемѣнены», говоритъ умный Махіавель, «то удержите хотя имя ихъ для народа». Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія, вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ-то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около 1,000 лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ. Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иноземнымъ державамъ, то она въ наше время не будетъ ли еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны? Во Франціи? Правда, тамъ есть государственный совѣтъ, государственный секретарь, охранительный сенатъ, министры внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи, исповѣданій; правда, что Екатерина II не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ; но гдѣ видимъ гражданское общество, согласное съ истинною цѣлію онаго, въ Россіи ли при Екатеринѣ II, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія; гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая, такъ сказать, оныя постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка. Гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности сенату, нежели дать важ-

[1]) Рѣчь идетъ о реформахъ Сперанскаго.

честь нынѣшнему совѣту въ глазахъ будущаго преемника Александрова: новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ главныхъ причинъ неудовольствія россіянъ на нынѣшнее правительство есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною . . . —

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? Дать имъ волю жить гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая (въ чемъ не можетъ быть и спора) есть собственность дворянская. Они или останутся у помѣщиковъ съ условіемъ платить имъ оброкъ, обрабатывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно, — однимъ словомъ, для нихъ работать, какъ и прежде, или, недовольные условіями, пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ. Напишутъ контрактъ, и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы! Во второмъ случаѣ, будѣ крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе? Не останутся ли многія поля необработанными, многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго, безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ, — какое разореніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ земскихъ судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать, — какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему государству, содѣйствуютъ монарху въ храненіи тишины и благоустройства; отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ, какъ Атласъ, возьметъ себѣ Россію на рамена . . . Удержитъ ли? Паденіе страшно!! Первая обязанность государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость государства; благотворить состояніямъ и лицамъ — есть уже вторая. Он желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для государства? И будутъ ли земледѣльцы счастливы, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикам и судьямъ безсовѣстнымъ? . . . —

Мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во-время свободу, къ которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ и страшные успѣхи пьянства служатъ ли тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: «Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ . . .». —

Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности; отъ того изобрѣтеніе разныхъ министерствъ и учрежденіе совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть министерства и совѣтъ существуютъ, — они будутъ полезны, если въ министерствѣ и совѣтѣ увидимъ только мужей знаменитыхъ разумомъ и честью. Итакъ, первое наше доброе желаніе есть: да способствуетъ богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе сената съ коллегіями ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Феофана и

Остермана, славныхъ въ нашей государственной исторіи...

(Н. Карамзин. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.)

143. Из писем масона Поздеева 1816 — 1817 года.

О крестьянском вопросе.

К графу Алексею Кирилловичу Разумовскому.

Из Москвы. Сентября 27 дня. 1816.

...Что надлежит до зла, то разве господь стал бездействен? Разве ему все не видно? Разве гений государства оставлен? Взгляните на времена при Екатерине: при начале ее царствования она сначала дышала желанием сделать народ свой вольным, не зная наперед, что должно сообразоваться богу: ибо цари земные — образы царя небесного. Он печется высвободить человеков от страстей, кои суть истинные тираны, а не от начальств, кои он сам же установил. А ныне Баденский герцог утешается, что будет править народом свободным, до чего еще и сам бог не достиг: ибо истинная, паки говорю, есть свобода от страстей, а не от начальств. И ему хорошо это разговаривать в уголку, в маленьком семействе своего народца; а как говорит, слышу, граф Стройновский, что хорошо бы это в России, чтобы привести в то состояние, как была Россия за 200 лет, — то он не ложно говорит, что для поляков было бы это хорошо, ибо они ходили в сие время свободно по России, брали, что хотели, жен и дочерей у Руских и разные человеколюбия показывали, даже и в Вологодской стороне сажали младенцев на колья; — то Полякам не худо желать привести Россию в такое положение, когда они и сами умным своим правлением магнатов подошли под Россию.

Россия не то, что Польша еще. Россия все еще татарщина, в которой должен быть государь самодержавный, подкрепляемый множеством дворян, а в отсутствие их, таковых же почти дворян, их прикащиков, кои малейшие искры неповиновения, неплатежа податей и поставки рекрут, воровства, грабежа, разбоев и всякого насильства, — тушат в начале эти искры, не давая им возгореться до того, что и никакие войска в этакой обширной империи с крестьянами не сладят, а особливо при внешней войне, когда почти все принуждено бывает выслать за границу. Да и соседи государства, узнавши, что в России возгорелись бунты, не дадут отделить полков для потушения пожара, а займут столько войною, что не упустят внутренних бунтовщиков подкрепить и ободрить деньгами и подкупить кочующих народов, както киргизцов и прочих, войти в Россию, так что ежели и поведут войска с границы, то они не успеют, где тушить возгоревшийся пожар бунта. У нас это больше ведают, нежели Баденский герцог и граф Стройновский.

В России Пугачев, ведая это, везде рассевал, что если бы в России подпоры подрубить, то забор сам упадет, а потому и восстал на дворян, зачал крестьян делать вольными; и будучи сам из раскольников, подкрепляем будучи деньгами и всем, и от крестьян посажен был в императоры; так и назывался, и указы рассылал. Кто же тогда вступился за трон? За государя? Дворяне, из коих никто к нему не пристал, а раскольники и крестьяне все, и многие восстали явно, а другие все были готовы, кабы скоро приблизился только к Москве. То граф Стройновский мыслит и проповедует одно с раскольниками, кои весьма умножаются. И теперь, хотя не надобно сект гнать и тем их за невежество их раздражать, но спокойными глазами на размножение их смотреть; а допущением их во все подряды обогащать—опасно, ибо они уже раз посадили своего царя; и тогда их была 10-я часть государства, а теперь несравненно больше; посадят грамотного, да если бы случился какой и безграмотный, то уже теперь чужой сосед сыщет, научит, который будет годиться в советники. Покойная государыня, увидя опытом сама, в ком состоит сила государства, уже после Пугачевского бунта перестала думать о вольности крестьян, а зачала разными привилегиями утверждать право и собственность дворян и усиливать их, коих под владением Пугачева, орудия раскольников, истреблено не персон, а фимилиев дворянских девять сот. Тако несчастными случаями своими и государя научаются, како править народами: ибо, не разумея, о какой свободе должно печись, принимаются за слово. По сему-то недоразумению слова свободы и законов устре-

шился несчастный Людовик Шестнадцатый, — и где после получил свободу? Пить кровь его на эшафоте свободно без препятствия, кто хотел?

Говорит святое писание: «О, царие! Научитесь премудрости, да не падете!» Магнаты французские старых законов не читали и их не знали, то давай новые. А соседям-то и на руку. А шалуны из дворян, путешествующие, проматывая чужие деньги в иностранных землях, хвалят, что там хорошо, там законы хороши, и давай новые сочинять. Вот Людовику и сочинили гильотину. Покойная Екатерина уже не подумала собирать наши государственных чинов. Россия такова, что эту татарщину исправниками, да палками не усмиришь. Ныне и в полках, думаю, раскольников весьма размножилось. До сих пор бог Россию по единому милосердию не оставляет и избавляет. Надежда на него.

Соседи наши, конечно, все завиствуют на Россию и рады бы привести Россию так, как она была за 200 лет. А где же будет император? Ведь его тогда не было. Кто отвечает, что те, кои стараются развести связи государственные (чрез кои Россия столько лет торжествует над соседями), не подкуплены? Что они, очаровывая ложно понятым словом свобода, хотят все связи, суставы государства, развести и Россию погубить, яко государство, какое крайне они завиствуют и на власть императора и на подкрепление его дворянами: ибо все дворяне и называются, потому что они люди двора государева. А что они имеют собственности, то не в натуре одному иметь собственности, одному, а другие чтобы не имели, — кто же? И за что его одного подкреплять станут, как ни за то, что он подкрепляет их собственности? Прежние государи это ведали и приобретением себе земель и народов с своими сотрудниками делились, потому-то так Россия и возросла. Потому-то и Екатерина, покоря Польшу, разделила столько тем, кои живот свой за нее клали, за ее деспотство; она и им уделяла из своего. Тако и все прежние деспоты делали, и Россия процветала . . .

К С. С. Ланскому.

С заводу. От 28 марта 1817 года.

. . . Что надлежит до освобождения крестьян, о чем вы пишете, то, видно, хотят взять с циркумференции, или округности, да так и дойти до центра, до Москвы. Чрез это освобождение всякие крепости, купчие, сделки, капиталы и плата процентов рушатся: ибо не земля платит, а люди с земли платит. Словом сказать, дворяне будут сравнены с крестьянами, и должно будет дворянам с крестьянами судиться у крестьян же, так как у Эстляндских это написано . . . Не можно себе представить, какая каша будет из воли нижнего состояния; так как ежели бы дать волю солдатам в полках, то что из этого ожидать? Кем их принуждать? А без принуждения кто станет дело делать, и кто станет служить? И выйдет хуже, нежели во Франции.

Вы пишите, что Толстой привез эту весть в Москву об вольности; но Николай Алексеевич пишет, что это генерал граф Толстой, а не тот, которого вы знаете из брр. И представить себе не можно, какая из этого выйдет каша; так как бы солдатам в полках дать волю, то что из этого выйдет? Кто станет слушаться? А что надлежит до крестьян, то это рассадная школа для приготовления в солдаты: они тут научаются повиноваться: ибо повиновение не есть малость; к этому надо много приучать человека, ибо вдруг в этакое повиновение войти, как повинуются солдаты, не скоро можно и не вдруг введешь. Видно следствия этого кровавые должны научить тех, которые не хотят разуметь: словом сказать, это общая беда. Те, которые весьма разумеют следствия этого, должны весьма молиться, чтобы господь эту бурю отвратил. Ибо при этой воле кто станет унимать от грабежей и убийства? Ибо полиция уездная теперь у помещиков и у приказчиков их, а тогда уже не будет; то кто станет унимать? Исправниками одними 40 тысяч уезду, которые их же грабят и за пользу их никакой не имеют нужды стоять? Их не уймешь тем и паче, давши всем вдруг волю, разорвав все связи повиновения. Ведь войсками одними этакое обширное государство, какова Россия, не охватишь, которые (т.-е. войска) из тех же мужиков, да только научены повиноваться, а тут и они свои связи разорвут. Невозможно себе представить, какие это выйдут беспорядки? Это завистники целости России, которые хотят ее совсем в корень разорить, тех это дело. Нельзя иначе думать, как это дело все иллю-

минатов. Они и во Франции эту же кашу произвели, а здесь тот же дух действует. Богу надо притти на помощь и отвратить это несчастие: ибо всем известно, что народ в России крайне развратился пьянством ... и обманами. А в простом народе еще меньше стыда и меньше морали, то-есть дается воля, это значит — делай всякие беспорядки, грабежи и убийства, так как поляки говорили: «наша золотая вольность есть та, что вольно всякому нас за волосы драть», и кончилось тем, что соседи всю Польшу по себе разделили...

К нему же.

Из сельца Чистякова. От 25-го сентября 1817 года.

...Что надлежит до вольности, о которой вы пишете, то воля государева; мы рады все исполнить, что государь прикажет. И потому (и) называются дворяне, что они двора государева и должны помогать, чтобы воля его исполнялася; а крестьяне, которыми мы управляем, повиновением помещиков приготовляются к повиновению в войсках, когда они будут; ибо вдруг ли грубого человека поставишь на эту ногу повиновения, как в войсках требуется? А если они от зависимости дворян освобождены будут, следовательно, останутся под зависимостью непривыкшей власти, то-есть под одними исправниками; то они войдут в такое своевольство и такое распутство, что тем начнется, что зачнут всех грабить, резать, то кто с ними сладит? Земская полиция весьма слаба для этого, и это же пастыри, им же не суть овцы своя. А дворяне — они чиновники же государевы, кои об них пекутся, как отцы во время их страстного и болезненного состояния; а как скоро они из-под этой зависимости будут выведены, то это будут самые несчастные люди. Тогда будет на деле видно; но уж после налаживать будет трудно, и не через что Россия не придет в слабость и беспорядок, ежели эту зависимость не только отнять, но даже и ослабить опасно. Это я не для себя говорю, ибо я уже одной ногой в гробу стою и по летам моим и по болезненному состоянию; мне все равно от той ли руки умереть или от другой. И на постели умереть ведь не легче. Уже опыт многих лет, правление многих прежних государей, укрепление и распространение России уже это доказало. Дворяне в государстве, так как пальцы у рук. Высвободи вожжи, то лошади куда понесут и самого седока. А кто седок, уже сами разумейте. Так и во Франции недавно это было.

Мне по старости лет моих и многим опытам видно, что больше всех желают этого завистники целости России и иллюминаты, кои все хотят переворотить. По моей опытности у меня нет надежды ни на кого, кроме бога.

Вдобавок к прежнему о вольности скажу: Во время бывшего бунта против Пугачева в 74 году, когда граф Панин был послан для усмирения, я при нем тогда правил дежурство, то мне все эти дела известны. Наши русские мужички таковы, что они младенца из утробы матерней вырезывали, то судите — это паче, нежели звери. Да кем их усмирять? Солдатами? Да солдаты ведь из тех же? То кем усмирять? Ведь внутренняя война хуже внешней, страшнее: тогда и с кем идешь усмирять, и того страшись. С бригадира Толстого под Казанью кожу содрали. То вот что наши мужички, как им дать вольность. Россия не то что Прусския или Немецкия земли. А раскольники, те дремать не станут. Хорошо, что при входе Наполеона в Москву голова беспоповщины, Илья Алексеев, уже умер. Я его знал; он бы весьма захотел бы, да и дал бы Наполеону совет, чтобы раздробить Россию, и сделать его царем какой-нибудь части. То, что не сделалось при Пугачеве, боже сохрани, ныне станут делаться этакие варварства, — то где будет эта слава? Ведь наши мужики не тише могут катать человечьими головами, как и Французы в Париже. Внутренняя война везде страшнее и опаснее внешней.

[Кроме воспоминаний своей молодости и службы при графе П. И. Панине во время Пугачевщины, Поздеев в мнении об уничтожении крепостной зависимости помещичьих крестьян был пристрастен уже потому, что собственные его Вологодские крестьяне бунтовали, и потребовалась военная сила для их укрощения.)

(«Русский Архив», 1872 г., стр. 1878—1866.)

---

150. Трактатъ Братскаго Христіанскаго Союза.

(1815 г. сент. 14/26.)

Во имя пресвятыя и нераздѣльныя троицы.

Ихъ величества: императоръ австрійскій, король прусскій и императоръ россійскій, въ слѣдствіе великихъ происшествій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наипаче же въ слѣдствіе благодѣяній, которыя божію провидѣнію было угодно излiять на государства, коихъ правительства возложили свою надежду и упованіе на единаго бога, возчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній, подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ бога спасителя.

Объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніями ихъ единственно къ частной жизни, долженствуютъ напротивъ того непосредственно управлять волею царей и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее их несовершенства.

На семъ основаніи ихъ величества согласились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Ст. I. Соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, три договаривающіеся монарха пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, и почитая себя какъ бы единоземцами, они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи къ подданнымъ и войскамъ своимъ, они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, которымъ они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды.

Ст. II. По сему единое преобладающее правило да будетъ, какъ между помянутыми властями, такъ и подданными ихъ, приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго; поелику три союзные государя почитаютъ себя аки постановленными отъ провидѣнія для управленія тремя единаго семейства отраслями, а именно: Австріею, Пруссіею и Россіею, исповѣдуя такимъ образомъ, что самодержецъ народа христіанскаго, коего они и ихъ подданные составляютъ часть, не иной подлинно есть, какъ тотъ, кому принадлежитъ держава; поелику въ немъ обрѣтаются сокровища любви, вѣденія и премудрости безконечныя, то-есть богъ, нашъ божественный спаситель Іисусъ Христосъ, глаголъ всевышняго, слово жизни. Соотвѣтственно съ симъ, ихъ величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ, со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ божественный спаситель, аки единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ.

Ст. III. Всѣ державы, желающія торжественно признать изложенныя въ семъ актѣ священныя правила, и кои почувствуютъ, сколь нужно для счастія колеблемыхъ долгое время царствъ, дабы истины сіи впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ, могутъ всеохотно и съ любовію быть приняты в сей священный союзъ.

Написанъ втройнѣ и подписанъ въ Парижѣ, въ лѣто благодати 1815 г., 14/26 сентября.

(П. С. З., т. 33, № 25943, стр. 279—280.)

---

151. Записка Магницкаго [1]).

О просвѣщеніи.

...Слово просвѣщеніе никѣмъ еще основательно не опредѣлено. Всѣ, кои его произносятъ, разумѣютъ подъ его названіемъ, нѣкоторое извлеченіе изъ собственныхъ своихъ о немъ

[1]) Былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

понятій, и оттого происходятъ споры и недоразумѣнія, оттого его злоупотребленіе: ибо часто добрымъ именемъ симъ закрываютъ отъ правительствъ люди неблагонамѣренные начинанія самыя вредныя и гибельныя.

Просвѣщеніе въ государственномъ смыслѣ не можетъ быть ничто иное, какъ полное собраніе всѣхъ положительныхъ наукъ, съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, ввѣренное надежному, по его нравственности, сословію ученыхъ и распредѣляемое имъ, подъ дѣйствительнымъ надзоромъ, согласно съ религіею, съ образомъ правительства, — разнымъ классамъ гражданъ, въ нужной для каждаго изъ нихъ мѣрѣ.

Науки можно раздѣлить на точныя и положительныя, таковыя суть: богословскія, юридическія, естественныя, математическія; и на мечтательныя, каковы: философскія и, проистекающія отъ нихъ, нравственныя и политическія; ибо основанія ихъ не только произвольны, но каждыя двадцать лѣтъ перемѣняются и въ одно и то же самое время, въ разныхъ государствахъ, различны и даже противоположны, между тѣмъ какъ положительныя науки имѣютъ ту всемірность, которая есть единственный признакъ земной истины.

Лжеименное просвѣщеніе, то есть когда мечтательныя науки портятъ положительныя, заражая ихъ своими заблужденіями, всегда было вредно: слѣдовательно, нужно охранить науки неприкосновенными къ сей заразѣ и въ полезной чистотѣ ихъ точныхъ началъ. Такъ, напримѣръ, на что допускать въ геологію вредныя гаданія о невозможности потопа, когда она должна просто разсматривать ту шеститысячную часть земного радіуса, далѣе коей проникнуть человѣкъ не можетъ, которая собственно есть ничто иное, какъ самая поверхностная кора земли? На что къ наукѣ правъ положительныхъ придѣлывать вредныя гаданія о происхожденіи властей отъ подразумѣваемаго договора и прочее?

Россія имѣетъ свой собственный характеръ: въ религіи, въ правахъ, въ образѣ правленія. Слѣдовательно, и просвѣщеніе ея должно быть соображено съ сими отличительными ея свойствами; ибо, иначе, всякое его противодѣйствіе непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе, сперва нравственное, потомъ гражданское и, наконецъ, политическое.

Мы заимствовали просвѣщеніе отъ земель иностранныхъ, не приспособивъ его къ нашему положенію (не обрусивъ), и сверхъ того въ самую неблагопріятную минуту, въ XVII и началѣ XVIII столѣтія, то есть во время опасной его заразы. Мы пересадили ядовитое растеніе сіе въ нашъ холодъ, гдѣ оно вредитъ медленно, ибо растетъ худо. По счастію, равнодушіе къ нему управляющихъ и національная лѣнь нашихъ ученыхъ остановили его на одной точкѣ.

Надобно, однакоже, сдвинуться съ нея руководствомъ учителей, осторожнѣйшимъ образованіемъ учениковъ, пересмотромъ классическихъ книгъ, кои, и по духу и по ограниченности ихъ, никуда негодны и даже отъ своего времени отстали; очищеніемъ литературы народной, въ которой нѣтъ еще листа сносной прозы, а все дурное, отъ «Жизни Ваньки Каина» до Вольтерова «Кандида», готово уже для развращенія грамотной черни.

Сіе небольшое число истинъ, самыхъ неоспоримыхъ, по совѣсти, лучшему моему разумѣнію и согласно съ мнѣніемъ отличнѣйшихъ геніевъ и ученыхъ, отъ Бакона и Кеплера до Роллена и Боссюэта, поставивъ себѣ руководствомъ, старался я, при разныхъ случаяхъ, передать ихъ моимъ сочленамъ въ Главномъ Правленіи Училищъ . . .

(П. Бартеневъ. XIX вѣкъ, томъ 1, стр. 242—244.)

---

152. Деятельность Магницкого.

(По Никитенко.)

Читал любопытную вещь: подлинное дело главного правления училищ о Магницком в 1826 году. Был, по высочайшему повелению, отправлен генерал-майор Желтухин в Казань, для исследования действий Магницкого и вообще состояния тамошнего университета. Когда он возвратился, донесение его велено было рассмотреть главному управлению училищ. Это и повело к раскрытию многих поступков Магницкого. Так, например, он ввел в университет следующую дисциплину: во время обеда (кстати, очень плохого) читались молитвы; студент, в чем-нибудь провинившийся, назывался грешником; его отводили в ком-

нату уединения, где не было ничего, кроме распятия и картины страшного суда. К нему посылали священника, перед которым он должен был принести покаяние; затем его приобщали. Студенты, во время общих молитв, молились за грешника.

Двух молодых людей Магницкий отдал в солдаты, несмотря на отличный о них отзыв университета: одного за то, что от него пахло вином, другого за то, что он, действительно, раз напился. Директора университета произвел в IV класс. Назначенные для учебных пособий пять тысяч рублей украл. Отчетов никаких не мог представить. Вообще действовал совсем произвольно, ни на что не испрашивая даже разрешения министра, а когда тот однажды дал ему предписание, по делу Жобара, он не послушался его и отвечал дерзко. Профессоров сменял и определял помимо совета, по своему личному усмотрению. Определенный им профессор из учителей семинарии, преподаватель латинского языка, Кориблинов, так понравился Магницкому, что он поручил ему кафедры: политической экономии, дипломатики, истории философии, логики, а латинского языка само по себе. Дал инструкцию ректору университета, которою во многом противоречил уставу. Там, между прочим, говорилось следующее: «Власть монархов нисходит от бога в законном наследии и в тех пределах, кои возрасту и духу каждого народа свойственны»; далее: «цель гражданства есть жертвовать счастьем всех одному».

В своем отношении о профессоре Куницыне Магницкий, между прочим, писал, что видит в нем «орудие врага божия, потрясающее Неаполь, Мадрид, Турин, Лиссабон, внушающее Канингу политическую исповедь его и вооружающие до 200.000 штыков и 200 линейных кораблей».

В проекте об уничтожении в наших учебных заведениях философии, Магницкий говорит, что преподавание этой науки невозможно без пагубы религии и престола. Год спустя, однако, он уже считал преподавание ее возможным, только с некоторыми ограничениями. Это мнение Магницкого было передано на обсуждение главного управления училищ. Все члены подали голос за философию и против Магницкого. Наиболее умные письменные отзывы по этому делу дали: (Н. М.) Муравьев-Апостол, (И. Ф.) Крузенштерн и (И. И.) Мартынов; самые нелепые (З. Я.) Карнеев, бывший харьковский попечитель, и (С. А.) Ширинский-Шихматов, брат нынешнего товарища министра. Карнеев, например, осуждает философию за то, что она ни во что ставит чорта и волшебников, как бы отрицая их существование, тогда как, по мнению его, Карнеева, чорт и колдун много бед производят на свете. Однакоже, и он допускает логику и психологию, только не жалует метафизики. Князь Ливен, бывший после министром народного просвещения, объявил себя также на стороне философии. Все защитники ее, между прочим, опирались на то, что злоупотребления философии не должно смешивать с самой философией: ибо чего нельзя употребить во зло? Самая религия разве не подвергалась ужаснейшим злоупотреблениям? Еще в высшей степени ни с чем несообразно мнение Штера.

Магницкий напал также на логику И. И. Давыдова, которою тот руководился при преподавании ее в московском благородном пансионе. Некоторые члены главного правления училищ видели в ней даже безбожные мысли, другие находили ее только темною и неудобною для преподавания и потому решено было исключить ее из числа учебных книг и не печатать вновь, а цензуре сделать выговор за пропуск ее.

(Дневник и Записки Никитенко, т. I, стр. 387.)

---

153. Цензор Красовский.

Особенною религиозною ревностью отличался цензор Красовский. Так, рассматривая одну лирическую пьесу, говорящую о любви, помеченную внизу поэтом — «9-го марта 1823 г.» и представленную в цензуру редакциею «Сына Отечества», Красовский заметил: «9-го марта 1823 г., т.-е. в один из первых дней великого поста, весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой, когда говорят о материнской любви и смерти. Притом же «Сын Отечества» читают люди степенные и даже духовные». Стоя на такой точке зрения, Красовский в другой раз остановил печатание какого-то романса о французском рыцаре в том же «Сыне Отечества»: «сии стихи, писал Красовский (вместо

№ 11) приличнее будет напечатать в № 18 или 19 С. О. Теперь сыны и дщери церкви молят бога, с земными поклонами, чтобы он дал им дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, совсем другой, нежели какова победившая француза-рыцаря». Печатание стихотворения было отложено. Вот еще подробный разбор Красовским одного стихотворения поэта Олина: «Стансы к Элизе». Привожу после отдельных стихов из стансов замечания цензора.

1. Улыбку уст твоих небесную ловить.

«Слишком сильно сказано: женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесною».

2. И молча на тебе свои покоить взоры.

«Тут есть какая-то двусмысленность».

3. И поняла, чего душа моя искала.

«Надо объяснить чего именно, ибо здесь дело идет о душе».

4. Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной.

«Сильно сказано; к тому ж во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно».

5. О, как бы я желал пустынных стран в тиши
Безвестный близ тебя к блаженству приучаться.

«Таких мыслей никогда рассеивать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы быть всегда с своей любовницей; сверх сего, к блаженству можно только приучаться близ евангелия, а не близ женщины».

6. О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать.

«Чтож останется богу?»

7. У ног твоих порой для песней лиру строить.

«Слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины».

8. Тебе лишь посвящать, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье,
И сердцем близ тебя, друг милый, обновясь...

«Все эти мысли противны духу христианства, ибо в евангелии сказано: кто любит отца своего или мать паче мене, тот несть мене достоин».

(Розенберг и Якушкин. Русс. Печать и Цензура, стр. 40—41.)

---

154. Пушкин.

Первое послание цензору.

1822.

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой,
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной —
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.
Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Тот английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея, да кряхтя.
Иной трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет, а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни, а после подпишися.
Так — цензор мученик! Порой захочет он
Ум чтеньем освежить: Руссо, Вольтер, Бюффон,
Державин, Карамзин манят его желанье —
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля...
Да связь утратя в них, ищи ее сначала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань —
Учтивых остряков затейливую дань.
Но цензор — гражданин, и сан его священный.
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мненья не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов —
Не преступает сам начертанных уставов;
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине путей не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает;
Он — друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.
А ты, глупец и трус! что делаешь ты с нами?
Где должно-б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;

Ты черным белое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилем, поэзию — развратом,
Глас правды — мятежом, Куницына —
Маратом.
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебе, не видим книг доселе?
И если говорить задумаешь о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи, поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы...
О, варвар! кто из нас, владелец русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз:
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца «Пиров», столь чистый,
благородный,
Ничто не трогает души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, неверный взгляд,
Подозревая всех — во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд нимало не похвальный.
Парнас — не монастырь и не гарем печальный.
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? Поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство и нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему,
Тот не знавал тебя — мы знаем почему, —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од к тебе не посылал;
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали —
Что нужды? их и так иные прочитали!
Но ты свое несешь — и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты «Наказ» Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем;
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос — два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры.
Хемницер истину с улыбкой говорил.
Наперсник «Душеньки» двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что же хмуришься? Признайся, в наши
дни
С тобой не так легко-б разделались они!
Ты в этом виноват. Перед тобою зерцало —
Дней Александровых прекрасное начало:
Проведай, что в те дни произвела печать!
На поприще ума нельзя нам отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечества назвать,
И в рабстве ползали и люди, и печать!
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя;
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец.
Исправься-ж, будь умней и примирися с нами.
«Все правда», скажешь ты, не стану спорить
вами;
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно, а я нередко плачу,
Читаю, да крещусь — мараю наудачу...
На все есть мода, вкус. Бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Миллот попался в наши сети.
Я — бедный человек; к тому-ж жена и дети».
— Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них все скверное у нас произошло.
Но делать нечего. Так если невозможно
Домой тебе скорей убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

(Пушкин. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 150—152.)

Второе послание цензору.

1824.

На скользком поприще Тимковского наследник,
Позволь обнять тебя, мой прежний собеседник.
Недавно тяжкою цензурой угнетен,
Последних жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно;
Потешил языка бранчивую свербеж;
Но извини меня, мне было невтерпеж.
Теперь, в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая

(А благо мне читать теперь большой досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мысли образ новый;
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил, по милости чудесной,
Заветные слова: божественной, небесный;
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж господа-Христа
Но что же вдруг тебя, скажи, переменило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою;
Но, подразнив тебя, я переменой сею,
Приятно изумлен, гордиться не посмею;
Отнесся я к тебе по долгу моему:
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия;
Обдумав наконец намеренья благия,
Министра честного наш добрый царь избрал —
Шишков уже наук правленье восприял:
Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
От хлада наших дней сберег он лавр единый
Осиротелого венца Екатерины.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Али приняв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно заглушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок
И вот за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были ввержены, печальные науки,
Цензура! вот кому подвластна ты была:
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я, с переменою несчастного правленья,
Отставки цензоров, признаться, ожидал;
Но, сам не знаю как, ты, видно, устоял.
И так я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить
Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб все законные преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной
И если ты в плодах досужнаго пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

1821 г.

(Пушкин. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. II, стр. 219—222.)

---

155. Солдатская жизнь.

1. Муштровка.

Муштровка войск, по словам одного официального историка этой эпохи, доводилась до поэтического восторга. Войска выводились на ученье задолго до назначенного часа. Измученные долгим ожиданьем, изнемогая под тяжестью ранца и кивера, с колыхущимся от ветра почти аршинным султаном, затянутые «до удавления» туго застегнутым воротником и скрещенными на груди ремнями, солдаты с напряженным вниманием исполняли команды, требовавшие от них бодрости и быстрого исполнения.

— Смотри веселей... Больше игры в носках... Прибавь чувства в икры... — кричали начальники.

Ученья зимой были еще сносны, но с наступлением весны они производились с 9 часов утра до 2-х часов пополудни, при чем маленькая ошибка вызывала жестокую расправу.

Дальше мы встретимся с генералом Левашевым, которому его бесчеловечное обращение с солдатами именно не мешало получать чины, награды и даже титула. Отмечу еще одну солдатскую песню, текст которой сообщил в феврале 1821 года корпусный командир И. В. Сабанеев дежурному генералу главному штаба А. А. Закревскому:

Знать судьба наша такая,
Что обижают нас до края,
Всегда мучают и бьют

И спокою не дают...
Хоть и сам того не смыслит,
А по зубам небось славно чистит...
Не от добра идешь, от напасти,
Но не здесь только пропасти...»

Текст этой нескладной, но многокуплетной песни оставил с письмом на имя фельдфебеля солдат, решившийся бежать в соседнюю Румынию от тягостей военной службы. «Стихи глупы, — пишет Сабанеев, типичный служака аракчеевского времени, но человек прямой и правдивый, — но справедлива жалоба солдата».

Современники рассказывают в своих записках и воспоминаниях про многие случаи смерти под ударами палок и розог. Многие офицеры, как передает граф Ланжерон, сам сторонник строгого обращения с солдатами и телесного наказания для них, находили в этих истязаниях особое удовольствие и велели наказывать солдат, виновных и невиновных, во время обеда или чаепития.

Солдаты сложили тогда еще сказку, изображающую гнет и ужас их жизни. Солдат в этой сказке продал свою душу черту, чтобы последний выслужил за него срок; но скоро черту от палок, розог и солдатской службы пришлось так жутко, что он бросил к ногам солдата амуницию и отказался от его души, чтобы только самому освободиться от службы...

2. Порядки в Семеновском полку.

Шварц начальствовал Калужским гренадерским полком. Известно было, что он приказывал солдатам снимать сапоги, когда бывал недоволен муштровкой, и заставлял их голыми ногами проходить церемониальным маршем по скошенной, засохшей пашне; кроме того, наказывал солдат нещадно и прославился в армии погостом своего имени, т.-е. обширным кладбищем для солдат, замученных им до смерти во время фронтового ученья.

Шварц оправдал выбор высшего начальства и сразу принялся за выколачивание дури из голов семеновцев. Он «принялся за наш полк по своему соображению, — рассказывает М. И. Муравьев-Апостол. — Узнав, что в нем уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но, недовольный ученьем, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; из всех 12 рот поочередно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их, для своего развлечения, у себя в зале, разнообразя истязания: им приказывали стоять неподвижно по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр.

Кроме физических страданий и изнурений, он разорял их, не отпуская на работы. Между тем беспрестанная чистка стоила солдатам денег, это отозвалось на их пище, и все в совокупности породило болезни и смертность. К довершению всего Шварц стал переводить красивых солдат, без всяких других заслуг, в гренадерские роты, а заслуженных старых гренадер, без всякой вины, перемещал в другие, и тем лишал их не только денег, но и заслуженных почестей...».

Шварц сам иногда признавал превосходные качества семеновцев и говорил: «Я недостоин командовать Семеновским полком; полк отличный, мне нечего исправлять в нем». Однако, в соответствии с задачами, поставленными ему Аракчеевым и великим князем, Шварц ревностно взялся за «выколачивание дури» из семеновцев — офицеров и солдат. Никто не видел от него внимания, — пишет Карцов, — ни один солдат не слыхал приветливого слова начальника... Он охотно сознавал свои недостатки, но... как только являлся перед фронтом, забывал и сознание и свои обещания» (вести себя прилично).

Генерал М. И. Богданович пишет, что «полковник Шварц соединял в себе грубое невежество с необыкновенною вспыльчивостью и крутым характером. Он ничего не знал, кроме фронта; зато перед фронтом являлся в виде фанатика. На ученьях он выходил из себя, бранился, ревел диким голосом, бросал шляпу о земь, топтал ее ногами; нередко случалось ему ложиться на землю, чтобы лучше видеть, хорошо ли солдаты вытягивают носки — игру носков.

Не проходило в полку ни одного ученья без палок; не довольствуясь тем, Шварц бил солдат своеручно, дергал их за усы, заставлял их плевать в лицо один другому и томил беспрестанными ученьями, даже в воскресные дни и праздники... Заставлял нижних чинов изводить их скудное жалованье на фабру для усов; те солдаты, кои не имели усов, должны были

наклеивать фальшивые каким-то составом, от которого на лице делались болячки и чирьи.

А полковник Шварц бил до свирепости, до неистовства. Он даже наказывал солдат за то, что они кашляли во фронте, увязывал солдат в ремни для выправки талии. Шварцу надо было добиться павло-аракчеевской мертвой неподвижности. По одним только официальным приказам Шварца была составлена справка, из которой видно, что за время с 1 мая по 3 октября 1820 г., т.-е. в течение 5 месяцев, по приказу командира были наказаны в Семеновском полку 44 человека и дано им в общей сложности 14.250 ударов. Конечно, в действительности, и число наказанных и количество ударов значительно превышали эти цифры.

3. Бунт Семеновского полка.

Возмущение прорвалось 16 октября 1820 г. В этот день, согласно подлинным словам военно-судного дела, во время ученья, когда не был еще сведен полк и роты учились отдельно, 2-я рота, кончив ружейные приемы, стояла вольно. Ротный командир, увидя приближающегося начальника, скомандовал: «смирно»; при этом один из рядовых (Бойченко) стал во фронт, не успев застегнуть мундир. Тогда Шварц подбежал к нему, плюнул ему в глаза, потом взял за руку и, проводя по фронту первой шеренги, приказывал рядовым на него, Бойченко, плевать. Сверх того, некоторых из нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена, он наказывал тесаками.

Сначала семеновцы надеялись на улучшение своего положения с ожидавшимся возвращением царя из-за границы, но еще за неделю до 16-го октября, узнав, что приезд царя отложен, — солдаты решили жаловаться, и уговорились поддержать ту роту, которая первой заявит о необходимости облегчить им тяготы службы. Возвращаясь 16 октября с ученья в казармы, первая рота первого батальона, так наз. рота его величества, решилась, наконец, заявить жалобу, для чего предполагалось воспользоваться вечерней перекличкой. Фельдфебель отменил перекличку, надеясь этим предотвратить нарушение дисциплины, но солдаты в конце 9-го часа вечера вышли в коридор и послали за своим ротным командиром, капитаном Н. И. Кашкаровым.

Явившись в роту, Кашкаров спросил солдат, почему они собрались самовольно. Солдаты стали его просить об отмене предстоявшего на другой день в воскресенье, так наз., десяточного смотра. (По 10 человек от каждой роты должны были приходить на квартиру Шварца, где он особенно истязал их придирками и жестокостью во время ученья). Сначала кап. Кашкаров указывал солдатам на грозящее им наказание за всю эту историю, но потом обещал довести просьбу до сведения начальства. После этого солдаты, по требованию ротного командира, беспрекословно разошлись по своим отделениям.

Прибыв в казармы, начальство велело выстроиться солдатам первой роты по взводам в разных коридорах, но солдаты стали выражать неудовольствие на это разделение, и пришлось свести их в одно место. Здесь солдаты повторили то же, что говорили ротному и батальонному командирам, заявив, что полк. Шварц их тиранит, требует много ненужной службы, нещадно бьет их. Бенкендорф прикрикнул на солдат и потребовал, чтобы они выдали зачинщиков. В это время полк. Вадковский доложил ему, что три остальные роты первого батальона также неспокойны, и можно опасаться, что они последуют примеру роты его величества.

В полночь вернулся из отпуска рядовой второй роты Павлов, который сообщил своему товарищу Чистякову об аресте первой роты. Чистяков выбежал в коридор и закричал: «выходи на перекличку». Люди стали собираться, а Павлов кричал: «нет государевой роты, она погибает». Явившемуся ротному командиру солдаты заявили, что государева рота погибает напрасно, так как они столь же виноваты, сколько и те солдаты, о чем и просят доложить начальству. Тем временем волнение началось и в первой фузелерной роте, которая также заявила своему командиру, что желает разделить участь государевой роты.

Пока начальство принимало свои меры, солдаты двух возмутившихся рот соединились и бросились в помещение третьей роты, выломали там ворота, оттолкнули часовых и подняли на ноги всех солдат. По прибытии в третью роту батальонного командира, полковника Вадковского, все солдаты заявили ему,

что они не могут быть спокойны без государевой роты, что к караулу они будут своевременно готовы не иначе как с головой, т.-е. с ротой его величества, так как без нее им «не к чему пристраиваться». Солдаты выражали удивление по поводу отсутствия их полкового командира, и Вадковский отправился за ним. Но Шварц, узнав о волнении в батальоне, скрылся из дому и, как оказалось после, всю ночь бродил вокруг места расположения полка, не решаясь показаться разгневанным солдатам.

По уходе Вадковского, в третью роту прибыл ее командир, капитан С. И. Муравьев-Апостол, тогда уже член тайного общества, а впоследствии главный устроитель восстания на юге, казненный 13 июля 1826 г. По данным следствия, Муравьев-Апостол успокаивал роту, просил не буйствовать, напоминая солдатам о грозящем им наказании и ссылаясь на то, что за 4-х-летнее командование ротой он мог заслужить любовь и доверие солдат. Солдаты 3-й роты смущенно молчали, но люди из других рот кричали: «не расходись, третья рота, да что за третья рота, здесь нет третьей роты, здесь весь батальон, государева рота погибает, а третья рота пойдет спать и отстанет от своих братьев, мы не разбойничать хотим, а хотим все вместе просить по начальству». Все толпой бросились в помещение других рот, чтобы и их увлечь за собой, но Муравьев-Апостол уговорил их успокоиться, и солдаты остались в помещении его роты, обсуждая в группах положение вещей . . . —

Вскоре возвратились в казармы солдаты другой роты, державшие караул в городе. Собравшиеся в помещении третьей роты солдаты первого батальона, не узнав в темноте товарищей-однополчан, подумали, что те пришли арестовывать их. Все с шумом бросились на полковой двор, крича: «караул идет и заберут нас здесь; ежели хотят хватать, пусть хватают, один конец». Полковник Вадковский снова отправился к Бенкендорфу, который отослал его к корпусному командиру. На вопрос генерала Васильчикова, что делать, Вадковский посоветовал освободить первую роту, что сразу успокоит всех солдат. Но Васильчиков, посоветовавшись с Бенкендорфом, решил арестованных из крепости не выпускать.

Наконец сам Васильчиков отправился среди ночи к военному генерал-губернатору столицы графу М. А. Милорадовичу, сподвижнику Суворова и любимцу солдат. Милорадович прибыл в Семеновский полк, но и его уговоры были безуспешны. Также безуспешно пытался, по соглашению с Васильчиковым, успокоить волнующихся солдат их бывший командир Я. А. Потемкин

Волнение в полку развивалось, как передает К. Ф. Рылеев, в следующем виде: «В одно время все роты на ногах . . . Весь полк нестройными, но единодушными толпами вбегает на площадь и собирается перед госпиталем. Тут удивленные и обрадованные неизвестною дотоле свободою, они предаются вполне своему восхищению: друг друга поздравляют, целуют.

Но возбуждение продолжалось не долго. Вскоре вспомнили они цель своего сборища и стали заниматься способами освободить своих товарищей или, в противном случае, разделить их участь, наказать Шварца и не показаться бунтовщиками. Они сначала решились не итти в назначенный на завтрашний день караул, ежели не отдадут им государевой роты, под тем предлогом, что им пристроиться не к чему — головы нет. К тому же они почитали государя обиженным, которого роту без него посадили в крепость.

Сею дипломатическою хитростью, вероятно, надеялись они заслужить милость царя. По сей причине не взяли они оружия, которое в сем случае им лучше послужило бы, нежели одни слова с правдою. Легко, впрочем, быть может, что они были уверены в душе, что царь не обвинит их, потому что они правы; они же государя, который лично давно ими командовал, любили, думая, что его обманывают, и не единого оскорбительного слова против его лица во все время волнения сказано не было.

Потом прехладнокровно отрядили 130 человек убить Шварца, но его не нашли. Он, как будто желая оправдать всеобщее к себе презрение, спрятался в навоз. В доме ничего не тронули, кроме семеновского мундира, от которого оторвали воротник, говоря, что Шварц недостоин носить его. Мальчик, у него воспитанный, которого почитали его сыном, попался им; они бросили его в воду, но один унтер-офицер его вытащил, говоря, что он невинен —

вырастет, да в отца будет, тогда еще успеем сладить.

Никакого буйства и излишества не было, хотя некоторые и были пьяны. Хотели было освободить арестантов, но Преображенского полка офицер, который стоял на карауле, попросил их отойти и они не покушались более».

Выйдя на улицу, солдаты «стали толпой перед казармами, — пишет очевидец, офицер Семеновского полка. — Против них привезена была артиллерия и приведены войска. Лейб-егеря пришли первые и дали знать семеновцам, что они в них стрелять не будут. Когда пушки привезены были ближе, то семеновские солдаты пригласили офицеров, не хотевших оставить их, несмотря на их просьбы, стать посреди их толпы, чтобы своею грудью защитить их от выстрелов».

«В городе волнение и тревога не переставали, — пишет Рылеев. — Полки ходили беспрестанно; пушки везли, снаряды готовили, адъютанты скакали, народ толпился; в домах было недоумение, не знали, что придумать и что предпринять, опасаясь бунта, и даже мудрено, как страх мнимой опасности не произвел настоящей». «Против сих фуражных и шинельных бунтовщиков вооружился весь петербургский гарнизон, — читаем в письме кн. В. Мещерского (оно приводится здесь по рукописи в дополненном виде) начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву. — Из двенадцати передках забрали боевых патронов с картечами из лаборатории на 30 пушек. Кавалергардов и конную гвардию посадили на коня. Орлов (Алексей Федорович, впоследствии граф и шеф жандармов) говорил речь: как за бога, царя, военную дисциплину и Шварца надо стрелять и рубить хорошенько семеновских солдат... Послано за драгунами в Петергоф...». «Народ все их проказы видел ясно», — добавляет Мещерский по адресу начальства, желавшего придать всему этому походу против безоружных семеновцев вид, будто происходит учение стягиваемых войск.

4. Приговор.

Резолюцией царя, только написанной рукой Аракчеева, — в чем сказалось обыкновение двуличного Александра прятаться за спину своего без лести преданного друга, — было приказано: восемь солдат прогнать по 6 раз сквозь строй через батальон и отослать на работу в рудники; всех остальных разослать в армию — в Сибирь и на Кавказ, — при чем они должны присутствовать при наказании товарищей, наказании, представлявшем худший вид смертной казни.

При этом Александр Павлович, продолжавший перекраивать на конгрессе карту Европы под указку хитрого, кругом его обошедшего австрийского министра Меттерниха, — поручил кн. П. М. Волконскому установить такой порядок наказания мятежных семеновцев, чтобы возможно больше ухудшить их положение. — Его величество изволит полагать, — писал Волконский в Петербург А. А. Закревскому, — что наказание сие произвесть в новом Семеновском полку, дабы оное могло послужить примером для оных. Касательно тех, кои будут наказываться плетьми на Конной, то нужно взять обыкновенно употребляемые на то меры с большею осторожностью, и также полагаю, что не нужно наказание сие производить вдруг в один день, ежели преступников будет много, а в несколько дней». В одном из предшествовавших писем к Закревскому князь Волконский уже предупреждал, что царь будет недоволен судом в случае мягкости наказания, и предписывал, от имени государя, порядок расправы с самым судом. При этом предлагалось мягкий приговор послать на утверждение государя, а суровый привести в исполнение немедленно. Так, через пять лет поступил и Николай Павлович, подсказав Верховному Уголовному Суду степень и вид наказания декабристов.

5. Прокламации.

В конце октября 1820 года на дворе Преображенских казарм была найдена прокламация следующего содержания:

«Божиим благословением приношу жалобу от Семеновского полка Преображенскому полку за притеснение оных начальниками.

Господа воины Преображенского полка! Вы почитаетесь первый полк российский, потому вся российская армия должна повиноваться вам.

Смотрите на горестное наше положение. Ужасная обида начальников довела весь полк до такой степени, что все принуждены оставить

орудие и отдаться на жертву злобе сих тиранов, в надежде, что всякий из воинов, увидя невинность, защитит нас от бессильных и гордых дворян. Они давно уже изнуряют Россию чрез общее наше слепое к ним повиновение.

Ни великого князя, ни всех вельмож не могли упросить, чтоб выдали в руки тирана своего начальника, для отомщения за его жестокие обиды; из такового поступка наших дворян, мы, все российские войска, можем познать явно, сколь много дворяне сожалеют о воинах и сберегают тех, которые им служат; за одного подлого тирана заступились начальники и весь полк променяли на него. Вот полная награда за наше к ним послушание. Истина: тирана тиран защищает. У многих солдат от побоев переломаны кости, а многие и померли от сего. Но за такое мучение ни один дворянин не вступился. Скажите, что должно ожидать от царя, разве того, чтобы он нас заставил друг с друга кожу сдирать? Поймите всеобщую нашу глупость и сами себя спросите, кому вверяете себя и целое отечество, и достоин ли сей человек, чтоб вручить ему силы свои да и какая его послуга могла доказать, что он достоин звания царя? И если рассмотрите дела своего царя, то совершенно не вытерпите, чтобы публично не наказать его.

Александр восстановлен на престол тиранами, теми, которые удавили отца его Павла. Войско, или вы, в то время были в таких же варварских руках, в каких и ныне находится. Граждан гоняли к присяге в признании государя Александра, но присяга сия невольная, а потому бог от народа оную не принимает, ибо всякий гражданин и солдат для избежания смерти обязан принять присягу. Следственно, государь никто иной, значит, как сильный разбойник. Он не спрашивает народа, что желают ли его признать государем, или не желают; а военную силу побуждает называть себя государем, — поныне берет в жертву наши головы и угнетает отечество; точно так и разбойник поступает со встретившимся путешественником. Он его грабит, и великая милость, если ограбленного оставит живого.

Неужели и вы, господа воины, должны просить государя, как разбойника, о помиловании себя тогда, когда он без вашей силы не в состоянии обидеть вас? Страшитесь, чтоб он не приказал вам самих себя пересечь кнутом. Не напрасно дворяне почитают воинов скотами, ибо воины себя не спасают от несчастья, а сами себе соделывают оное. Удивительное заблуждение наше! У государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом. Потому войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь. Царь же значит приставник или сторож всеобщего имущества и спокойствия; но вы, воины, почитаете его не только полным владетелем имущества, но и жизни нашей хозяином. Жалуйтесь, что солдатская жизнь несносна; но жалуйтесь себе и на себя, ибо от самих вас бедствие происходит. Беспечность и слабость к царю навлекла на вас великое несчастие; если и еще продолжите не радеть о своем благе, то сделаетесь виною своей погибели.

Бесчестно Российскому войску содержать своими силами государя-тирана. Вы, гвардейские воины, противу напольных полков имеете двойное продовольствие, но хотя бы имели весьма хорошую жизнь, то и тогда должны несчастным подать руку помощи. Нет христианской веры там, где друг другу помощи не творят. Честно истребить тирана и вместо его определить человека великодушного, который бы всю силу бедности народов мог ощущать своим сердцем и доставлять средства к общему благу. Бедные воины, посмотрите глазами на отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. Чудная слепота народов.

Хлебопашцы угнетены податьми: многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных? Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но оная всякому безотменно нужна; семейство терпит великие недостатки; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его, для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их, и вас содержать в таком худом положении?

Для счастья целого отечества возвратите Семеновский полк, он разослан — вам неизвестно куда. Они, бедные, безвинно избиты, изнурены. Подумайте, если бы вы были на их месте и вышедши из терпения, бросп оружие, у кого стали бы искать помощи, как не у войск? Спасите от разбойников своего брата и отечество.

Не было примера, чтоб виновник сам себя винил. Дворяне указы печатают о делах с похвальбою к себе и с затмением их варварских поступков. По-ихнему называется возмутителем тот, который ищет спасения отечеству: ибо от сих показанных мною неоспоримых истин они все должны трепетать, чтоб их власть не учинилась безвластно.

Кровь моя должна быть пролита рукою тиранов, но я почитаю, что на поле против врага умереть не столь важно, сколь важно в отечестве за правду, которая сокрыта от народа, и за оное дни свои кончить ужаснейшими мучениями...

Ищу помощи бедным, ищу искоренить пронырство тиранов и полагаюсь на ваше воинское правосудие и на вашу великую силу. Вы защищаете отечество от неприятелей, а когда неприятели нашлись во внутренности отечества, скрывающиеся в лице царя и дворян, то безотменно сих явных врагов вы должны взять под крепкую стражу и тем доказать любовь свою друг другу. Вместо сих злодеев определить законоуправителя, который и должен отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам, а не самовластителем быть.

Взамен государя должны заступить место законы, которые отечеством за полезные будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах. Примерно сказать: служа рядовым солдатом десять лет и не быв в сражении, не должен быть начальником роты; здесь солдат беспорочно служит двадцать лет и покрыт ранами, не попадет в чиновники. Малолетний дворянин не может понимать о солдатских трудах, но командует стариком таким, который весь военный регул выучил еще до рождения сего надутого скота. Стыдно и посрамительно солдатам держаться такой глупости и смотреть на нестоющего стоющим...

Не знать той важной причины, от которой жизнь людей безвременно отнимается, значит не иметь разума; вам бог дал разум, и вы по своему разуму должны сберегать жизнь свою и отечество, и не разумом тиранов управлять собой; но следует истреблять врага и в руки им не отдаваться, а злодеев в руках у себя должны держать крепко».

В то же время была найдена другая любопытная прокламация, в которой говорится:

«Воины, дворяне из Петербурга рассылают войска, дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния. Но я советую, призвав бога в помощь, учинить следующее:

1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть.

2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих.

3) Вновь выбранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступили также, а командированные посланные полки возвратить в Петербург. Когда старые начальники по всем полкам будут сменены и новые учреждены, то Россия останется по сему случаю без пролития крови. Если сего не учините и станете медлить в сем случае, то вам и всему отечеству не миновать ужасной революции.

Спешите последовать сему плану, а я к вам явлюсь по зачатии сих действий.

Во славу бога отдаю себя вашему покровительству.

Любитель отечества и сострадатель несчастных.

Единоземец.

1820 г., октября дня».

(С. Я. Штрайх. Брожение в армии при Александре I. К столетию заговора декабристов, стр. 16—42.)

---

156. Возмущение в старом Семеновском полку.

(По Рылееву.)

Семеновский полк достался Шварцу и против него взбунтовался — если можно только назвать бунтом справедливые и законные требования людей, притесненных безрассудным начальником. Шварца нельзя, впрочем, строго судить, нельзя предположить, чтобы человек в здравом уме мог быть столько жесток, несправедлив и низок.

Генерал-майор Потемкин, отлично служивший в прошедшую войну, любимый солдатами, уважаемый офицерами, был душою и командиром полка. Васильчиков удалил его под тем предлогом, что полк распущен. Шварц, начальник армейского полка, в котором оставил по себе незабвенную память (погост (?) назвали его именем), незадолго перед сим произведенный в лейб-гренадеры, ученик Желтухина, любимец великого князя, по выбору Васильчикова, назначен был преемником Потемкина. Шварцу не для чего было стараться не походить на Потемкина. Он, по собственному убеждению, стал поступать совершенно противным образом: ученья пред прежним устроены были не соображаясь даже с силою людей, и множество больных было следствием сего первого распоряжения; но полк, видимо, начал маршировать лучше и Шварца хвалили старшие, извиняли младшие. Он перестал пускать солдат на работу, говоря, что они, выправленные на ученьи, поработав, теряют солдатскую стойку. Он не боялся причину сию говорить громко. Ее приняли, как утончение военного искусства; однакож доходы солдата уменьшались, а расходы постоянно прибавлялись, потому что чистоплотный полковник требовал необыкновенной чистоты и опрятности, и в два месяца 1-я рота употребила свои артельные деньги, на говядину определенные, на щетки и мел. Изнурение и бедность произвели всеобщее неудовольствие, только страх заграждал уста. Шварц, неистощимый в притеснениях, кажется, взялся быть мерилом терпения русского солдата. Он приказал, чтобы всякий день роты поочередно присылали к нему по 10-ти дежурных, что было названо десятками. Их учил он для развлечения от дневных трудов в зале и они были мучениками его бешеного сумасбродства. Их раздевали донага, заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и вилками, рвали усы, плевали в глаза, — одним словом, делали все то, что выдумывал полковник, который в это время лежал навзничь на полу и стучал ногами и руками в землю, и презренные с ненавистью делили чувства победителей Кульма и Бородина!

Наконец, верх безрассудства повенчал жестокости. Гренадерские роты были составлены из людей, отличных заслугами и покрытых ранами. Они имели пред прочими ротами особые права и получали двойное жалованье. Из природы вещей проистекающее разнообразие в сих ротах не понравилось, и красивых людей стал переводить, без всяких других заслуг, в гренадерские роты, — заслуженных и старых гренадер, без всякой вины, перемещать в другие, и тем лишал их не только денежных выгод, но и заслуженных почестей, столь драгоценных солдату, ибо они — цена крови.

(К. Ф. Рылеев. Возмущение ст. Семеновского полка, стр. 2—3.)

---

157. Военные поселения.

Правила для руководства при выборе в кавалерийских полках, воинских чинов, в состав поселенных эскадронов.

1817.

Важность предоставляемых поселенным эскадронам выгод и происходящих оттуда обязанностей их требует, чтобы способности чинов, оные эскадроны составляющих, обеспечивали собою точное сих обязанностей исполнение; а иначе правительство не достигнет цели своей, улучшить состояние воинов, для чего собственно и даруется им оседлость.

I. О выгодах оседлости.

Воинские чины поселенных эскадронов кавалерийского полка, наделяясь от казны землею, домами, земледельческими орудиями, домашним скотом и упряжью, довольствуясь жалованьем и обмундированьем, получая в первые годы поселения провиант на себя, на жен и детей своих и имея, сверх того, особенное к со-

державно детей пособие, избавляются навсегда от похода и от необходимости переносить разные неизбежные с тем неудобства и недостатки, нередко в предметах первейшей потребности, но будут жить в своих домах неразлучно с своими семействами, иметь всегда свежую и здоровую пищу и другие удовольствия жизни, и обращая в свою собственность все то, что от самих их зависит приобресть рачительным возделыванием земли и разведением скота, умножать тем, год от года, состояние свое и упрочивать оное своим детям. Чины действующих эскадронов, в мирное время, также станут жить в домах сотоварищей своих, чинов поселенных эскадронов, и разделяя с ними упражнения их, пользоваться тою пищею, какую сами они употребляют; а, выступая в поход, не будут уже заботиться об участи жен и детей своих и о целости своего имущества, потому что все сие в поселенных эскадронах будет и без них призрено, успокоено и сбережено их товарищами, так точно, как бы самими ими.

II. О обязанностях поселяемых эскадронов.

Сии самые выгоды возлагают на чинов поселяемых эскадронов следующие главнейшие обязанности, именно:

1-е. Твердое знание всего касающегося до военной экзерциции.

2-е. Доброе хозяйство.

3-е. Воинскую полицию.

4-е. Призрение военных кантонистов и детей женского пола нижних воинских чинов; и

5-е. Призрение оставляемых действующими эскадронами, при выступлении в поход, жен, и сбережение имущества их.

III. О способностях чинов поселяемых.

Дабы правительство могло надежно ожидать, что сии обязанности будут в точности исполнены поселяемыми эскадронами, для того чины, в оные эскадроны выбранные, должны быть следующих способностей:

Офицеры.

Командир в поселенных эскадронах должен знать совершенно фронтовую часть, чтобы образовать людей, поодиночке, и вместе, в экзерциции, и во всех оборотах пешего и конного учения, и чтобы показать им способ быть опрятными, удерживать всегда свойственный солдату вид и сберегать амуницию и оружие.

Желательно, чтобы имел некоторое познание в хозяйстве и скотоводстве, дабы посредством первого мог утвердить в оном подчиненных своих, объясняя им способы, служащие к улучшению, необходимость и пользу содержания в порядке дома, земледельческих орудий, упряжи, домашней посуды и рабочей одежды и обуви, и посредством последнего мог устроить конский завод, на правилах для него предписанных, и тем удостоверить пользу казны и своего полка и, если возможно, чтобы соединял в себе некоторые сведения о науках, дабы наблюдать за нравственным и учебным образованием военных кантонистов и детей женского пола. Нужно, чтобы он был кроток, терпелив, справедлив и человеколюбив, дабы излишнею иногда торопливостью в приказаниях не затруднял исполнения их, и дабы, сколько по обязанности служебной, столько и по собственному подвигу, мог надежно призреть, успокоить и сохранить все оставленное при поселенных эскадронах чинами действующих эскадронов. Должен быть деятелен, чтобы видеть упражнения нижних чинов, относительно воинской обязанности, полевых и других по хозяйству работ, домашнего и полицейского устройства, как-то: чистоты в избах, на дворах и улицах; исправность дорог, мостов, граничных знаков и готовности каждого чина и на пожарный случай. Если командир поселяемых эскадронов не уверится, что фронтовой солдат может быть вместе и земледельцем, то сие сомнение сделает его неспособным к командованию теми эскадронами, ибо уже тогда не будет он иметь нужной твердости и постоянства духа, содействовать благодетельным видам правительства и приохотить к хозяйству подчиненных своих, доказав им на опыте, что хозяйственные и земледельческие труды их никому не принесут столько пользы, сколько самим им. Что труды сии отнюдь не требуют ослабления приличных воину бодрости и осанки, и что нельзя, равным образом, ослабеть при них и в военной экзерциции, имея на повторение ее довольно такого времени, которое отделяется от занятий по хозяйству, без всякого расстройства для сих последних.

Наконец, командиру поселяемых эскадронов поставляется обязанностию, ежели бы приступив к начальным распоряжениям по устройству поселения увидел, что, назначенные в поселяемые эскадроны, эскадронные командиры и частные в эскадронах начальники не имеют приличных способностей к отправлению должностей своих, или будут иметь предосудительные званию их склонности, могущие служить соблазном для прочих чинов, представить о том немедленно полковому командиру, для перемены сих офицеров, и когда бы полковой командир не обратил внимания на то, тогда в праве донести и бригадному начальнику; но если не озаботит себя вникнуть сейчас в качества эскадронных своих командиров и частных в эскадронах начальников, и упустит время сделать помянутое представление или донесение, и если чрез сие встретится какой-либо по поселенным эскадронам беспорядок, в таком случае он приемлет непосредственно уже на себя всю ответственность за беспорядок сей.

2) Эскадронные командиры и частные начальники должны способностями своими ответствовать способностям, в командире поселяемых эскадроном предполагаемым, дабы сообразно предлежащему каждому из них, по их званию, могли, постигая цель правительства и основанные на оной распоряжения командира поселяемых эскадронов, приводить их с точностию в исполнение. Один он, как бы, впрочем, ни был попечителен, не возможет достигнуть желаемых успехов по всем предметам обязанности своей, если эскадронные командиры и частные в эскадронах начальники будут слабо ему содействовать.

Нижние чины.

3) Старшие вахмистры и унтер-офицеры, не получающие оседлости, должны быть отличные в поведении, расторопные, попечительные и совершенно знающие фронтовую службу.

С сими только качествами могут они быть исправными помощниками эскадронных командиров и частных в эскадронах начальников, и потому выбирать их преимущественно из солдатских детей, выпущенных из учебного кавалерийского эскадрона.

4) Рядовые должны быть выбраны в военные поселяне-хозяева: 1) преимущественно женатые; 2) поступившие на службу из той губернии, где назначен округ поселения полка; 3) служащие беспорочно и довольно долговременно, и 4) доведенные до совершенного познания экзерциции и движений, словом, всего до фронтовой части принадлежащего.

Все они должны быть хорошего поведения, дружелюбные, избегающие личных негодований и раздоров, готовые помогать один другому, не подверженные продолжительным или закоренелым болезням и упражнявшиеся до вступления в службу в земледелии; почему и не позволяется назначать таких, кои отданы из купцов, мещан или дворовых людей, по причине, что они едва ли могут иметь познания, нужные военному поселянину-хозяину.

Желательно, чтобы служба людей, выбранных в поселяемые эскадроны, была не менее 6-ти лет, дабы сие время службы давало им право на уважение сотоварищей, которые из действующих эскадронов будут у них постояльцами. Но когда бы на укомплектование поселяемых эскадронов не доставало людей, прослуживших 6 лет, то помещать, хотя и моложе службою, но преимущественно из старших по полку; а младших, в такой только крайности, если бы некоторые из старших уступали сим младшим своими способностями по фронту и достоинствами по поведению. Каждый из них должен основательно понять объясненные выше выгоды состояния военных поселян-хозяев, и обязанности с тем соединенные, и что он может точным оных обязанностей исполнением расширить и упрочить сии выгоды для себя и детей своих, и потому должен считать земледельческие и все прочие по хозяйству занятия свои равные важностию и ответственностию, как бы службе во фронте, а доброправное обхождение в кругу своего семейства, как бы порукою по себе начальству в хороших качествах; посему он должен быть попечительный отец детей и родственников, в семействе его находящихся, или сирот, порученных ему для воспитания; добрый муж и надежный друг и сотоварищ своих постояльцев, умеющий, обходясь почтительно с тем из них, если который превосходил его временем службы, заставить и сего старшего себя сохранять взаимное к себе, яко хозяину дома, почтение и уважение.

Правила о переходе коренных жителей в военное поселение округа военного поселения кавалерии.

1) Коренные жители округа военного поселения назначаются в военные поселяне особливым именным высочайшим указом гражданскому губернатору той губернии, в которой поселяется полк, за собственноручным его императорского величества подписанием.

2) Как скоро поселяемый полк займет округ своего поселения, а полковое управление откроет свое действие, то посредством сего управления делается перепись коренным жителям мужского пола, и приводятся в известность их лета и способности.

3) Перепись сия должна иметь четыре главные отделения: 1-е, о малолетних детях, имеющих не более 7-ми лет; 2-е, о детях среднего возраста, имеющих от 7-ми до 12-ти лет, и большего, от 12-ти до 18-ти лет; 3-е, о людях способных для службы, от 18-ти до 36-ти и от 36-ти до 45-ти лет, и 4-е, о стариках, от 45-ти лет и о тех, кои по телесным недостаткам неспособны к службе.

4) Совершив сию перепись, полковое управление исполняет следующее распоряжение: о первоначальном составе поселенных и резервных эскадронов.

5) В военные поселяне-хозяева сих эскадронов назначаются: во-первых, все солдаты, служащие в действующих эскадронах поселенного полка, кои, поступя на службу в округа военного поселения, имеют право на хозяйство. по учреждению о военном поселении кавалерии; потом, для пополнения недостающего числа хозяев, избираются в военные поселяне люди, годные для службы из коренных жителей того округа, составляющих 3-е отделение переписи.

6) Коренные жители, входящие в состав поселенных эскадронов, должны иметь свое хозяйство, быть женатыми и совершенно беспорочного поведения.

7) Каждый из них, поступя в поселенные эскадроны, сверх жалованья и других преимуществ, званию военных поселян-хозяев предоставленных, пользуется следующими выгодами: 1-е, он сохраняет свое хозяйство, т.-е. все, что имеет: дом, землю и прочее, для сына или зятя своего, кои по выслуге узаконенных лет должны оное наследовать; 2-е, хотя для порядку службы он должен носить военный мундир, но не требуется от него, на первое время, того ученья, каким настоящие солдаты обязаны; 3-е, он делается непременным жителем своей родины, никогда не выходит из поселения, но всегда остается в нем с своим семейством, с своими родными, при всех своих домашних занятиях.

8) В помощники резервных эскадронов поступают из того же отделения переписи коренных жителей, люди холостые, или хотя и женатые, но неимеющие отдельного своего хозяйства и такие, кои бы впоследствии времени могли поступить на службу в действующие эскадроны.

9) Ежели в одной семье находятся два коренных жителя, равно способные для службы, то дабы при новом устройстве сохранить, елико возможно, настоящее их положение, один из них определяется в поселенные, другой в резервные эскадроны, и последний должен быть помощником первого.

10) По наполнении, таким образом, поселенных и резервных эскадронов, остающиеся затем в округе военного поселения, из коренных жителей, люди и способные к фронтовой службе, по 3-му отделению переписи, поступают на укомплектование действующих эскадронов поселенного полка; а взамен того, сверх-комплектные отсылаются из сих эскадронов в другие полки, по распоряжению главного над поселением начальства; но не те, кои поступили на службу в округа военного поселения и уезда или губернии, в которой оный находится.

О детях коренных жителей.

11) Дети коренных жителей считаются военными кантонистами, принадлежащими на укомплектование поселенного полка.

12) Все дети среднего и большого возраста записываются в военную школу, как скоро полковое управление откроет свое действие.

13) Малолетние дети, по достижении среднего возраста, записываются также на военную службу

14) С того времени все они получают от казны провиант и одеяние, на правилах о военных кантонистах предписанных.

15) Вновь родившиеся после всей переписи у всех коренных жителей дети, мужского пола,

принадлежат также полку и поступают, равным образом, в военные кантонисты.

О кантонистах малого возраста.

16) Кантонисты округа военного поселения, не достигшие еще семилетнего возраста, остаются, на основании учреждения о военном поселении, в распоряжении своих родителей.

17) Определенный на них тем учреждением провиант отпускается таким только родителям, которые, по ближайшему усмотрению полкового управления, окажутся не в состоянии, без сей помощи, прокормить сыновей своих, или по бедности или по многому их числу.

18) Круглые же сироты, сего же возраста, в округе военного поселения найтиться могущие ни к кому непристроенные, отдаются для воспитания военным поселян-хозяевам, с производением на них содержания, по учреждению о военном поселении; но что касается до положенных там, в единовременную воспитателям награду, 10 рублей, то оные деньги отпускать за таких только сирот, кои поступят на воспитание моложе пяти лет от роду, а кои старее, т.-е. на шестом уже году, на тех не отпускать.

О кантонистах среднего возраста.

19) Кантонисты округа военного поселения, имеющие от роду от 3-х до 12-ти лет, остаются, по-прежнему, при своих родителях и воспитателях, и провиант, на них определенный в учреждении о военном поселении, производится родителям, с таким же рассмотрением, как сказано в § 18-м, а воспитатели решительно получают провиант и деньги на сирот.

20) Сии кантонисты среднего возраста обмундировываются немедленно по открытии действий полкового управления, принятого вообще в войсках порядка; срок обмундирования их считается с 1-го января предстоящего тогда года, с которого, равномерно, считать и средний возраст, т.-е. восьмой год кантонистам, несмотря, что некоторые из них будут несколько старее.

21) На ответственности командира поселяемых эскадронов лежит наблюдение, чтобы мундирные вещи сшиты были опрятно, но просторно, дабы не препятствовали свободному движению, и с таким запасом, чтобы по мере роста кантонистов, между истечением срока, могли быть расставовляемы в случае узкости, или короткости.

22) Кантонисты среднего возраста обучаются грамоте, читать и писать, закону божию и началу арифметики, применяясь к порядку, изложенному подробно в учреждении о военном поселении, сколько то позволит возможность, при первом приступе к устройству оного поселения.

23) По сей самой причине, предоставляется ближайшему усмотрению полкового управления и приспособление сих кантонистов к обучению рукодельям.

24) В каждой деревне округа военного поселения отводится удобная изба для школы, в которую кантонисты и собираются в назначенные дни и часы.

25) Для обучения грамоте и прочему, избираются способные к тому унтер-офицеры поселенного полка.

О кантонистах большого возраста.

26) Кантонисты округа военного поселения, имеющие от роду от 12-ти до 18-ти лет, получают провиант полною дачею и жалованье, по учреждению о военном поселении.

27) Сии кантонисты большого возраста разделяются на 3 разряда: в 1-м разряде будут — 13-ти, 14-ти и 15-ти-летние, во 2-м разряде будут 16-ти, 17-ти и 18-ти-летние, но в обоих способные к строевой службе; в 3-м разряде будут от 12-ти до 18-ти лет, неспособные к строевой службе, по телесным недостаткам.

28) Во все время кантонисты большого возраста, оставаясь при своих родителях, вспособляют им в работах и сами приучаются к хозяйству.

29) По прошествии 3-х лет, все кантонисты большого возраста 2-го разряда, по произведении им осмотра на основании учреждения о военном поселении, поступают 1-го числа генваря в резервные эскадроны своего полка.

30) Засим перемещаются во 2-й разряд кантонисты 1-го разряда.

О детях женского пола военных поселян.

31) Удобнейший распорядок в учении детей женского пола военных поселян, применяясь, сколько возможно будет на первый случай, к правилам, предписанным в учреждении о военном поселении, доколе учебные заведения при-

ведены будут в свойственное им устройство. — предлагается на ближайшее усмотрение главного управления.

С.-Петербург. 11-го мая 1817 года.

На сем правиле, собственною его императорского величества рукою написано: «Одобряется».

(Граф Аракчеев и военные поселения, изд. «Рус. Стар.», стр. 224—232.)

---

158. Взгляд на военные поселения.

1826.

Вашему императорскому величеству благоугодно было доставить мне счастие сопровождать вас в военные поселения и дозволить мне замечания мои об устройстве оных довесть до высочайшего сведения вашего величества.

Исполняя сию священную для меня волю вашу и будучи твердо убежден в том, что военные поселения принадлежат к числу тех предприятий, коих влияние на политическое существование государства столь великое, что суждение по сему предмету, требуя больших соображений и ясного изложения, не может быть представлено в кратком разговоре: а потому я долгом почел представить оное письменно, на благоусмотрение вашего императорского величества. При сем случае, я осмеливаюсь предварительно испрашивать у вашего величества великодушного снисхождения, если я, в рвении моем к благу отечества и верноподданнической преданности к вам, всемилостивейший государь, не мог сокрыть тех бедствий, кои предусматриваю от дальнейшего распространения военных поселений.

Предмет военных поселений представляется к рассмотрению в двух видах: политическом и хозяйственном.

В политическом отношении военные поселения есть предприятие, по мнению моему, опасное. Ибо можно ли, при настоящем брожении умов и при явно вероломных покушениях на ниспровержение престолов, равнодушно видеть целые селения вооруженные, состоянием своим недовольные и под командою офицеров угнетенных, — видеть все сие у ворот, так сказать, столицы, и спать спокойно . . .

. . . Теперь, государь, позвольте мне обратить внимание вашего величества, на хозяйственную часть в поселениях.

Кроме благоденствия солдат, при учреждении поселений, император Александр имел также в виду и государственные выгоды; полагая возможным продовольствовать полки без всяких от казны расходов и даже пополнять убыль в действующих батальонах кантонистами, т.-е. детьми поселян-хозяев. Следует рассмотреть, какие меры приняты к достижению сей цели.

Основанием сего рода поселений должно быть плодородие земель, потребное количество оных и соразмерное число коренных жителей. Без сих необходимых способов поселения существовать не могут, но при устроении поселений в Новгородской губернии, ни которое из сих начал не принято в соображение.

Земли тощи, количеством недостаточны, к плодородию неспособны, и расчистка полей не только затруднительна, но требует неимоверных усилий и значительных капиталов. Для прокормления одного тягла, во всех степных местах, следовательно, плодороднейших определяется, по меньшей мере, по 5 десятин одной пахотной земли и 3 десятины лугов.

В поселениях же Новгородской губернии, для прокормления семейства и двух постояльцев, назначается только $4\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли и $1\frac{1}{2}$ десятины лугов и паств. Из сего сравнения явствует, что продовольствие не только действующих батальонов неминуемо останется навсегда на счет казны, но и поселяне-хозяева едва ли в состоянии будут прокормить свои семейства. Но, если обратить внимание на строения в военных поселениях и расположение оных, тогда уже никакого сомнения не останется в том, что земледелие было совершенно забыто, и что все сделано было для глаз, а для пользы ничего. Я умалчиваю о непрочности строения, невзирая на огромность употребленных уже на сей предмет капиталов, равно как и о предстоящих вскоре новых расходах на возобновление тех строений, а ограничу свое суждение предметами, относящимися собственно до земледелия.

Известно каждому, что для успешного хода хлебопашества нужно, чтобы поля были сколько возможно сближены к селениям. В военных поселениях, напротив того, роты выстроены в одну линию, на протяжении от двух до трех

верст, и если теперь уже, когда не все еще положенное количество земель расчищено, часть полей отстоит от селений от 4-х и более верст, то что будет тогда, когда вся пропорция земли поступит в удел хозяина?

Известно также, что для удобрения полуторы десятины в Новгородской губернии, по самой меньшей мере, нужно 300 возов навозу, и полагая по две лошади на каждого хозяина, он вывезет навозу 6 возов в сутки; ибо в три поездки изнуренная худым кормом лошадь его сделает до 80 верст; следовательно, в 50 дней едва ли он успеет вывезть необходимый навоз; равные сему затруднения предстоят при уборке с полей хлеба, и если к сему присовокупить отдаленность паств для скота, дурное качество трав на оных и недостаток в воде — тогда уже никакого сомнения не останется в том, что хлебопашества, даже посредственного, в поселениях быть не может.

Изложив причины неспособности строений в военных поселениях, в отношении к земледелию, я осмеливаюсь обратить внимание вашего императорского величества на сии же строения и в отношении к выгодам поселян.

В каждом доме живут 4 хозяина и 8 постояльцев. Если хозяевам определено не иметь ничего, то я постигаю возможность такового распоряжения. Но, напротив того, если они будут содержать скот, птиц и другие разного рода хозяйственные избытки, то не предвижу, каким образом возможно было бы отвратить ежечасные между ними распри и ссоры, как неминуемое последствие многих хозяев в одном доме. И не будет ли начальство крайне и беспрестанно затруднено разбирательствами самых мелочных взаимных несогласий? Сверх того, дворы тесны и помещения для скота недостаточны, а требуемая чистота в комнате столько для солдата обременительна, что одна непомерная строгость в силах оную удержать.

Для женатых постояльцев вовсе нет помещения. Действующего баталиона солдат, войдя свое жилище, удостоверяется, что ему определено остаться холостым, если кто из коренных жителей не выберет его в наследники. Здесь невозможно опять воздержаться, всемилостивейший государь, от вопроса: в чем же состоит благоденствие, обещанное сему может быть израненному воину? Он живет в казарме, в которой требуется от него непомерная чистота, он женщин не знает, он не имеет никакой собственности, он несет все бремя строевой службы, и, сверх того, исправляет другие тяжкие работы, как-то: роет каналы, возит каменья, расчищает поля, делает дороги, помогает хозяину в полевых работах, и если пользуется хорошею пищею, то не иначе, как с пожертвованием части получаемого им жалованья. Вот, государь, положение действующего солдата: оно представлено в сущей справедливости, и если вашему величеству благоугодно будет спросить людей беспристрастных и незастращенных, то они, конечно, подтвердят все вышеизложенное.

Предложение укомплектовывать поселенные полки кантонистами есть дело несбыточное. В поселениях 1-й гренадерской дивизии коренных жителей числится в каждом полку — 1.500 душ, следовательно, женатых 750; ежегодная убыль в полку умершими, неспособными и выходящими в отставку простирается до 200 человек. А как умножение народонаселения в Новгородской губернии состоит как 1 к 70, то из сего расчета ясно видно, что едва ли 6-я часть убыли может быть пополнена кантонистами.

Из всего вышеизложенного, всемилостивейший государь, усмотреть изволите, что при устроении поселений не достигнуто ни единой черты из благодетельных намерений в бозе почивающего императора Александра. Коренные жители, если не могли быть довольными переменою своего состояния, то могли сохранить свое имущество. Они разорены. Действующих батальонов солдаты несчастнее прежнего. Рабочие баталионы измучены, строение солдатское худо построено и не соответствует цели своего назначения; расходы на содержание полков значительно увеличены. Надежда на избавление губернии от рекрутской повинности сделалась пустою мечтою. Осталось одно неоспоримое — предстоящая опасность . . .

(Гр. Аракчеев и военн. поселения, изд. «Русс. Старины», стр. 194—202.)

159. Отзывы военных поселян о своем положении.

1826 г.

Из разговоров с поселянами чрезвычайно наглядно определяется вся невыносимость жизни

в военных поселениях. Вот что показали поселяне:

а) Императора австрийского и гр. Аракчеева полков:

1) «Вначале поселения, жители, будучи зажиточными, и постояльцы ходили в мужицкой одежде на работу; ныне же поравнялись: житель не более имеет, как и поселенный; — то и принуждены ходить в казенных шинелях, от чего оные изнашиваются и пачкаются до того, что нет способа оную, с наилучшею бережливостью, поддерживать в исправности, за что редкий солдат не был наказан; даже очень многие лишились нашивок.

2) В болотистых, лесных и каменистых местах копают канавы; но урки (уроки) задают не по силам, то-есть на каждого человека в день 15 сажен маховых в длину, на 1 аршин в глубину и ширину; а кто не выработает, должен в праздничные дни доканчивать, почему и не имеет отдохновения.

3) Роты обыкновенно собираются в баталионный штаб на трое суток для ученья; ходят всегда на таковые с одним только хлебом, без всякого приварка.

4) На ученье выходят поутру в 6 часов и продолжают до 11-ти часов; а после обеда с 2-х до 10-ти часов. Между ученьем метут тротуары и чистят канавы перед строениями.

b) Короля прусского полка:

1) Жители, вошедшие в поселение, и будучи достаточнее других, ныне обеднели, потому что вначале к таковым становили постой от 7-ми до 9-ти человек, и приказано довольствовать их харчем; некоторые имели прежде до 17-ти скотин, ныне 7, много 9 штук.

2) Вначале учреждения поселения мужикам выдавали хлеб во всякое время, когда имели недостаток в оном; также и скот, ежели падает или утонет, выдавали другой, и записывали на счет полка; ныне же вычитают оные деньги из рабочей суммы поселенных солдат.

3) Сказывают, что только хорошему поселянину достает провианту по 25-е число, а прочим и до 23-го не хватает. Причина тому, что при осмотре полкового, баталионного и ротного командиров требуется строго, чтобы скот был в хорошем теле; в противном случае наказывают их примерно, отчего и подкармливают скот мукой.

4) Без соли бывают часто дней по 10-ти. Пища варится у поселян — щи с капустою, забеленные молоком или постным маслом; с мясом же никогда, а кто имеет картофель, также варит оный.

5) В лагере пища лучше, нежели у поселян, потому что харчается на сумму, отпускаемую из полкового комитета, в которую вычитают, при каждой трети, с человека по 2 рубля. Получают на руки 1 руб. 30 коп., чего недостаточно на расходы требуемые; заработать также нельзя.

6) За баню каждый раз платят с человека по 4 коп., без веника: деньги сии собираются в полковой комитет.

7) Когда приезжал государь император смотреть поселения, то связи две или три убирались на счет комитета; поделали к окнам занавески, и кушанье хорошее; а ежели в другие связи взойти, то совсем другое.

с) 1-го и 2-го карабинерных полков:

1) Сказывают, что им противу прочих полков гораздо лучше: только имеют отягощение во время летнего расположения; выходят в апреле месяце на бивуаки, обрабатывать для хлебопашества самые худые поля: болотистые, лесистые и каменистые. Урки задают не в силу: на 120 человек полосу, длиною 120, шириною 100 сажен печатных. С работы ежедневно возвращаются в 11 часов вечера, а в 2 часа поутру идут на работу.

2) Обуви на работе не имеют сапожной, а в лаптях; ноги и руки намазывают дегтем, для того, что невозможно спастися от погоды — все тело трескается.

3) На бивуаках люди стоят до октября 10-го или долее. На урках все люди бывают считаны здоровыми, даже и слабые. Когда приходят с работы, то все вещи оборвавшись и не имеют времени починиться. Заставляют ночью плести лапти к будущему дню.

4) В пятницу и субботу производится ученье, разводы в штабах, в ранцах; выводят людей в манеж, как только свет появится, и учат до 2-х часов после обеда.

5) Праздничных дней, во все летнее время, не имеют; в сих днях дорабатывают остав-

шиеся недоработки от четырех дневных уроков.

6) Сказывают, что все поселяне изнурены так, что похожи больше на тени, нежели на людей.

7) Многие говорили, что очень неохотно идут обратно в поселение.

По получении приказа следовать в С.-Петербург, начали сортировать людей, подбирая таковых, кои казались плотнее, что продолжалось целые 6 дней. С целого полка выбран и составлен один гренадерский взвод.

Кивера, султаны и ранцы на сводном батальоне были полка гр. Аракчеева: этишкеты на всех людях — полка императора австрийского».

(Гр. Аракчеев и воен. поселения, стр. 203—206.)

160. Разсказъ поселянина о военныхъ поселеніяхъ.

Когда въ первый разъ прислали къ намъ солдат въ деревню [1]) и у каждаго хозяина поставили по одному солдату, мы себѣ думаемъ, да и слухи-то идутъ, что и насъ сдѣлаютъ солдатами. Солдаты пришли, а зачѣмъ? Мы не знаемъ. Они намъ ничего не говорятъ, живутъ себѣ нѣсколько времени; должно быть, они и сами-то ничего не знали; так время и бредетъ.

Вдругъ, однажды, въ полночь десятскій стучитъ подъ окномъ и кричитъ: «въ Божонку [2]) на сконъ». Наши мужички собрались и стали совѣтоваться, думаютъ, съ какой стати въ Божонку на сконъ? Это какая-нибудь новость пришла! Слухи-то идутъ, что сдѣлаютъ солдатами, да и солдатовъ-то нагнана цѣлая деревня, такъ ужъ вѣрно есть что-нибудь новенькое, небывалое, а иные говорятъ: да ужъ недаромъ ночью требуютъ, вѣрно дня-то мало. Не пойдемъ, говорятъ, въ Божонку на сконъ, туда уже не за добромъ зовутъ, а пойдемте лучше въ монастырь, будемъ просить строителя, чтобы онъ насъ на это время скрылъ въ монастырѣ, а там впередъ, что богъ дастъ, «что міру, то и бабину сыну». Пришли мы в монастырь . . .

А въ деревню Эстьяны нагнали солдатовъ — ужасть сколько: вездѣ дневальные, во всѣхъ переулкахъ и заулкахъ, около домовъ — вездѣ все дежурные да караульные, такъ что тутъ никакъ нельзя скрыться. Прежде еще было объявлено, что кто самъ пожелаетъ бриться, тому жалуютъ шестьдесятъ рублей ассигнаціями денегъ. Вотъ какъ понасидѣлись наши мужички взаперти на дворѣ, какъ пошло уже на десятыя-то сутки, одинъ какой-то удалецъ, говорятъ, вылѣзъ на крышу и кричитъ: бриться желаю! Его сейчасъ сняли съ крыши тую же минуту, покормили, обрили, шинель надѣли и шестьдесятъ рублей денегъ ему дали. На него глядя, еще никакъ человѣкъ пять пожелали бриться, и тѣмъ тоже выдали по шестидесяти рублей. А прочіе сидѣли, сидѣли, а, наконецъ, надо же что-нибудь дѣлать; хоть сколько ни сиди, все тому же быть, да еще и слухи-то пошли, что какъ двѣнадцать сутокъ отсидитъ, да не сдадутся, то разстрѣляютъ. Всѣ сдѣлались такіе смирненькіе, что, говорятъ, вѣрно делать нечего, надо повиноваться; вѣрно время-то пришло, надо времю повиноваться! Ну, и сдались. Всѣхъ их обрили, шинели на них понадѣвали и — готовы.

Вотъ и до насъ слухи дошли, что они сдались бриться. И мы стали думать то же самое: сколько ни живи въ монастырѣ, а все надо являться домой.

Когда я пришелъ домой, то у насъ было семнадцать постояльцевъ. Вотъ мы и живемъ дома дня два или три, хорошенько не помню, намъ ничего отъ солдатовъ нѣтъ худаго. Вдругъ черезъ нѣсколько дней къ намъ въ деревню привезли два воза шинелей. Насъ всѣхъ собрали въ одну избу и стали раздавать каждому по шинели толстой простого солдатского сукна да по шинели тонкаго сѣро-нѣменкаго сукна; это, говорятъ, австрійскій король отпустилъ на всю армію тонкаго сукна. Роздали намъ шинели, а сшиты онѣ были на живую нитку, ни крючков, ни пуговокъ. Надѣли на насъ эти шинели: волосы у насъ не стрижены, бороды не бриты: такъ-то некрасиво, какъ поглядишь со стороны, какъ чучелы какія! Такъ опять живемъ съ недѣлю и не знаем, что намъ будетъ.

Вдругъ въ самую полночь стучитъ десятскій подъ окошкомъ: «Къ шинелямъ крючки пашивать, завтра къ начальнику на смотръ!» Тутъ, братъ, некогда зѣвать, принялись за ра-

1) Власьево, въ 13 верстахъ отъ Новгорода.
2) Селеніе въ 22 верстахъ отъ Новгорода.

боту; у иного еще крючковъ-то и въ вѣстяхъ нѣтъ, сейчасъ разыскалъ проволоки кусокъ, загнулъ кой-какіе крючки, и ладно. На другой день пріѣхалъ какой-то начальникъ, осмотрѣлъ насъ всѣхъ и говоритъ: ахъ! вотъ отлично, вотъ такъ молодчики! Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Такъ это дѣло шло да брело, мы волосы-то носили отъ зимняго Николы до Троицы, а потомъ передъ Троицей повѣстили насъ на ротный дворъ. Ротный дворъ у насъ былъ въ Губаревѣ; туда насъ и согнали, добрыхъ молодцовъ, да тамъ намъ и бороды, и волосы очистили, а потомъ насъ отпустили. Пришли мы домой, наши бабы какъ завоютъ, заголосятъ; иная и мужика своего не узнала. Съ этихъ поръ стали выдавать намъ помаленьку муницу (амуницію): когда галстучекъ, когда набрюшничекъ, когда-что, все это помаленьку выдавали да насъ постепенно пріучали кой къ чему. Потомъ, наконецъ, уже выдали и ружья, да и стали насъ уже поучивать, какъ въ караулѣ стоять, какъ ружья въ сошки становить да выбѣжать, когда поѣдетъ и пойдетъ мимо караула начальникъ и какъ ему честь отдавать.

Дождались мы своего праздника покрова, и въ самый-то покровъ насъ первый разъ нарядили въ караулъ. У насъ праздникъ: гости стали уже скопляться, а мы идемъ въ караулъ. Пришли туда, такъ ротный и говоритъ: сегодня поѣдетъ графъ, такъ его надо встрѣтить и честь ему отдать, а потомъ, когда графъ проѣдетъ, я васъ отпущу. Пришли мы въ караульный домъ, посидѣли маленько, ну, говорятъ, теперь пора заступать, скоро графъ поѣдетъ. Такъ съ полчаса постояли, и ѣдетъ графъ. У насъ былъ одинъ за ундера; какъ только графъ до насъ доѣхалъ, то остановился, сошелъ съ коляски, подошелъ къ намъ и смотритъ: а мы стоимъ, вытянувшись, мундиры новые, просто молодцами. Подошедши къ намъ, графъ и говоритъ: «Что это, никакъ новенькіе! Вотъ молодцы, видишь, какъ хорошо, ай да дружки, — спасибо! Адъютантъ, подай-ка сюда шкатулку». Адъютантъ — такой хватина, бравый офицеръ, чистый, бѣлый, высокій. Сейчасъ притащилъ большую шкатулку. Графъ отворилъ ее, а она полнешенька наклादена бумажками. Вотъ и даетъ онъ прежде ундеру красненькую — десять рублей: а потомъ каждому по синенькой — пять рублей — далъ и говоритъ: «Вотъ я вамъ дарю. старайтесь заслужить еще больше, желаю вамъ заслужить чины и вѣчный хлѣбъ. Да смотрите, этихъ денегъ сержантамъ не довайте, своимъ дядькам-то, а то они любятъ молодыхъ-то посасывать. Ну, молодцы, я васъ велю сейчасъ смѣнить и вы ступайте домой: у васъ праздникъ: гуляйте, веселитесь!» — и уѣхалъ. Какъ только уѣхалъ, насъ и отпустили домой. Мы идемъ домой съ бумажками въ рукахъ, а люди на насъ глядятъ-дивуются. Эва, говорятъ, графъ-то подарилъ по пяти рублей!

Какъ окончился нашъ праздникъ, насъ погнали на ротный дворъ въ Губарево, тутъ намъ выдали это чертовы краги и полную муницу. Да какъ принялись за насъ, какъ начали насъ, добрыхъ молодцовъ, гонять каждый день на ученье, да не одинъ разъ, а два, да потомъ еще иди въ караулъ., такъ намъ небо съ овчинку показалось. Какъ одѣнемся въ полную-то муницу, какъ стянутъ меня, такъ просто не пыхнуть (вздохнуть). Когда муницу надѣвать, уже не подумай чего-нибудь закусить, а послѣ, когда одѣнемся, возьмешь — закусишь чего-нибудь, пока еще воротникъ не застегнутъ, — такъ вотъ было время! Одному самому себя и не подумай, чтобы затянуть. Мы трос другъ дружку затягивали веревочкой или дратвиной на колѣно. Муница эта проклятая такъ сушила, что не дай богъ! Бывало, какъ поставятъ въ караулъ, то ужъ не подумай сѣсть, въ иномъ мѣстѣ и можно бы сидѣть, такъ нѣтъ, — эти краги натянешь себѣ на колѣни, то ноги у тебя такъ вытянутся, что ни за что не согнешь, буде вотъ только прислонишься къ стѣнкѣ маленько вмѣсто того, чтобы сидѣть. Что теперешнимъ солдатамъ! Имъ надо день и ночь богу молиться за царя; погляди, теперь у нихъ муница, какъ у мужика: шинели-то на нихъ, который не штуковатый (форсистый, франтоватый), такъ хуже бабы въ теперешней шинели, а прежде было всѣ морщинки-то тебѣ расправятъ. А хуже всего были проклятые краги. Мазали их ваксой, а штаны были бѣлаго сукна — мѣлили мѣломъ, такъ если кто чуть неопрятно тряхнетъ, одѣваясь, мѣлъ попадетъ на краги, — вотъ и бой, да бой-то какой: какъ поднимутъ тебѣ фалду, да палками или тесаками такого дадутъ жару, что долго будешь помнить. Ни одно ученье бывало не прой-

деть, чтобы по драли кого, а все человѣкъ пять, десять, да такъ выдерутъ, что просто первымъ номеромъ, а за что? — просто за какую-нибудь бездѣлицу. У насъ былъ ротный капитанъ Безрадецкій, хохолъ; ему бывало ужъ не молись, хоть богомъ назови, но только, если что онъ задумалъ, такъ исполнитъ, — такой былъ дракунъ, не тѣмъ будь помянутъ.

Пошли строгости да чистота въ избахъ, пока еще не перешли въ связи[1]). Печку чтобы топили до свѣту, въ избѣ, чтобы было чисто, не было чего висячаго, какъ въ господской горницѣ. Печка чтобы была бѣла какъ снѣгъ, а чуть что не поправится, то сейчасъ бабѣ трепка. Чтобы вечеромъ, какъ теперь, зажечь лучину, — чистая бѣда, — какъ будто бы ночной тутъ и стоялъ, али дневальный, — сейчасъ къ тебѣ въ избу и, ничего тебѣ не говоря, хватитъ — да и на ротный дворъ; а ужъ туда стащитъ, такъ добра маленько; оттуда которая баба воротится, такъ закажетъ другу и недругу лучину жечь. Это все еще было по деревнямъ, а потомъ, когда насъ перевели въ связи, тутъ еще тошнѣе стало, зимой снѣгъ такъ донималъ, что любо. Зимы-то были морозныя, снѣжныя. Двѣ линіи надо было чистить: заднюю, по которой ѣздили постоянно всѣ, и переднюю — противъ оконъ. Съ этой передней линіи-то зимой только и знали, что снѣгъ чистили, да лѣтомъ чистоту водили: по ней ѣздило только высокое начальство — графъ или какой-нибудь генералъ. Если въ хозяйствѣ баба была одна, такъ она только и знай, что за чистотой смотри, другаго дѣла и справлять некогда. Утромъ вставай съ полночи да все чисти, чтобы къ утру былъ полъ вымытъ, печка выбѣлена и все въ исправности. А какъ подходитъ время къ смотру, то еще хуже донимаютъ . . .

(«Ист. Вѣстникъ», 1886 г., т. XXV, стр. 352 — 356.)

161. Бунт 1831.

. . . Император Николай дозволил пожилым поселянам выбрать себе в помощники по хозяйству одного из сыновей, — после разрешалось и бездетным брать в помощники кого-нибудь из родственников. Воля государя была оглашена к великой радости народа.

Полковые командиры, не приводя в исполнение высочайшего распоряжения, представили прежде всего генералу Клейнмихелю, что выбором кантонистов на хозяйство баталионы должны будут уничтожиться сами собою. Время проходило, ответа не было. Клейнмихель промолчал, полагая, что все тем и кончится. Но народ не мог забыть дарованной ему милости и начал роптать: «Батюшка царь хочет нам добра, а начальство делает нам притеснения!».

Тысячи жертв, окончившие жизнь в страшных конвульсиях холеры, произвели на народ страшное впечатление. Не понимая физических причин явления, они относили все к отраве, распространяемой начальством и поляками. Неизвестные проезжающие говорили: — «мы кольями выгнали холеру из столицы».

Большая часть священников стояла на самой низкой степени образования и отличалась от поселян одною только одеждою. Руководимые корыстью, они потакали безрассудным мнениям и продавали Христа за деньги. Могли ли они быть наставниками, когда от водки в праздники едва держались на ногах. Мой батарейный командир, Белич, найдя в канаве пьяного священника с крестом в руках, должен был отправить его в село Ефремово. Раскольники это видели и, указывая собратьям на проповедника слова божия, говорили: «Вот ваш путь к спасению души!».

Войска в это время находились в Польше, резервы — в лагере под Княжьим двором, на Шелони. Ропот черни перелился в негодование.

В Старой Руссе командир X-го рабочего баталиона заботился о своем кармане, — посылал солдат на вольные работы, а жалованье их удерживал в свою пользу. В казармах баталиона невозможно было свободно дышать от курева против холеры. Солдат, уходивших спать на двор, наказывали, как ослушников. Проклиная начальство и медиков, нижние чины начали верить отраве. Раз увидя, что полицейский чиновник вывез из города на почтовых какого-то офицера, батальон взволновался и пустил по городу слух, что из города вывезли отравителя. А это был армейский офицер ре-

---

1) Избы въ 2 половины, крестьянскую и солдатскую.

зервного батальона, закутившийся в городе, — полиция отправила его в баталион.

Неблагоразумное распоряжение начальства о приготовлении могил и гробов для будущих умерших еще более укоренило в народе пагубную мысль — о несомненности отравы.

На городской площади в Старой Руссе накануне праздничного дня собралось много народу. Молва об отравителе рассказывалась с прибавлениями. Голоса возвышались, толпа увеличивалась, говор перешел в крики.

Генерал Мевес, оставаясь старшим в Руссе, оделся в парадную форму, благословил свое семейство и, не слушая остережений, отправился на площадь увещавать народ. Один пьяный мещанин ударил его палкою сзади по голове. Первая жертва пала, кровь — пролита. Этого было довольно, чтобы подняться «во имя царя» на истребление дворян-отравителей. Можно судить о жестокости черни, когда она даже верховую лошадь генерала, выведя на улицу, мучила до тех пор, пока та не издохла.

Полицеймейстер полковник Манжос два дня скрывался, наконец, был пойман мещанами, убит и выброшен на улицу для поругания, как заклятый враг раскольников. Ему размозжили голову каменьями, — старики приходили потоптать его труп ногами. Раскольники не могли забыть, как Манжос водил их, вместе с старшиною Цебриковым, по улицам города под конвоем с барабанным боем.

Один штаб-офицер, проезжая чрез Старую Руссу, поспешил в Шелонский лагерь (49 верст) для извещения генерала Леонтьева. Тот потребовал форменного донесения. Пока выполнялись канцелярские порядки, прошел день, и только к вечеру другого дня войска успели прибыть в город.

Кое-как удалось уговорить поселян. Из столицы получено повеление — действовать мирными средствами.

Рабочий батальон, опасаясь расследования, разбежался по окрестным округам и начал поджигать к новым беспорядкам.

Леонтьев держал в городе войска в сборе, бивуаками на улицах. Четыре орудия резервной роты капитана Е. П. Грязнова поставлены были против моста; картечь приготовили из камней (плетеную).

Нестерпимая жара, духота в улицах и подговоры мещан поколебали солдат; они согласились действовать в пользу поселян. Толпы не замедлили подступить к городу, рабочий баталион устроил чрез реку мостки, дабы миновать орудия. В округах образовались скопища; зачинщики, разъезжая по деревням и полям, выгоняли жителей на общее дело.

Движение по округам началось одновременно; у бунтовщиков явились списки всех начальников и служащих.

Леонтьеву представляли о необходимости решительных мер. Артиллерийские офицеры просили разрешения — открыть огонь. Тот ни на что не соглашался. Его страшил пример генерала Коровкина, который в южном поселении остановил мятеж при первой вспышке.

Леонтьев был малодушен. Ответственность за пролитие крови нескольких возмутителей, чтобы тем спасти сотни невинных людей от истязаний и смерти, — наводила ужас на генерала. У него недостало духа на такое самопожертвование, — недоставало решительности Коровкина, зато он и поплатился дорого.

Все его увещавания остались бесполезными. Орудия обойдены и захвачены, но солдаты артиллерийские не выдали поселянам капитана Грязнова и офицера Путятина, которых перерядили в свои шинели.

В баталионах солдаты воткнули штыки в землю и спокойно смотрели, как поселяне вытаскивали из фронта офицеров. Леонтьева — забили шомполами. Мятежники рассыпались по городу для новых злодейств и грабежа, руководимые подпоручиком рабочего баталиона Соколовым.

В с. Каростыне даже старые солдаты не хотели стрелять и канониры вырвали пальник из рук офицера Вульферта, отряженного с двумя орудиями от роты Грязнова.

В Шелонском лагере полковник Нейман с несколькими офицерами погиб в неравной борьбе со скопищем поселян, которые осматривали обоз и офицерские палатки, отыскивая яд. Они были уверены, что вода в реках и колодцах, даже хлеб на корне в полях — были отравлены. Захваченные офицеры должны были пробовать из каждого пузырька, банки и жестянки, — приходилось пить чернила, ваксу и горчицу... Прапорщика Н. В. Кузнецова за-

ставили вылизать тушь с блюдочка, приготовленную для черчения планов.

Толпы поселян нахлынули во все окружные штабы, пощады не было никому. Офицеров пытали — кто отравляет, где спрятан яд?.. Несчастные умирали в истязаниях, какие только могла придумать неистовая чернь... Убитых складывали в кучи, отмечали по спискам и нередко приходили поверять, не сохранил ли кто признаков жизни?

В артиллерийских округах, в Каровичине засекли капитана Осташкевича. Прапорщику Циско 2-му переломили обе ноги, поднимали на вилы, потом затоптали лошадьми. Казначея Ломанского, избитого до полусмерти, спас какой-то добрый поселянин, взявши к себе в дом.

В Ефремове капитан Скуфьев вышел к злодеям с иконою, но те спокойно отложили святыню в сторону, а его избили палками из церковного частокола, — после привязали ногами к хвосту лошади и таскали по горе, которую он заставлял крестьян мостить камнем.

В Семкиной-Горушке — избили поручика Немова; при чем участвовал и сам хозяин его квартиры Мыло, оправдавший себя тем, что привез в больницу еле дышащего своего постояльца.

В Ляховицах, после истязаний майора Борщевского, привели его в комитет совершенно обнаженного и там убили.

Капитан Бернадский долго защищался в своей квартире, — его изрубили в куски.

Генералу Эмме разбили голову об стену.

Только к одной Анне Яковлевне Гербель поселяне сохраняли полное уважение, поставили свой караул к ее дому, дабы не допускать бесчинств. Она воспользовалась этим случаем и дала убежище нескольким офицерам, несмотря на угрозы поселян.

В Демянском уезде крестьяне собрались около домов своих помещиков, чтобы при первом удобном случае поднять все на воздух. Набат гремел по селениям, бунт поселенный охватил все пространство от Новгорода до Холма и Демянска и готов был переброситься в Тверскую губернию.

Бунтовщики рассылали записки, когда и где будут. Они собирались навестить и Аракчеева, с благодарностью за преобразования, но граф успел ускакать в Юрьевскую обитель. Губернатор Денфер отказался дать ему караул в городе...

(Гр. Аракчеев и военн. поселения, стр. 9—15.)

---

162. Объ упраздненіи военныхъ поселеній.

1856 г.

(Изъ личныхъ воспоминаній Д. Столыпина.)

По окончаніи Крымской войны и заключеніи мира, въ 1856-мъ году, состоя адъютантомъ при военномъ министрѣ Николаѣ Онуфріевичѣ Сухозанетѣ, я получилъ предписаніе ѣхать въ военныя поселенія. Въ предписаніи было выражено, чтобы я представилъ докладную записку «о бытѣ поселенцевъ, взглядъ на положеніе края и меры къ улучшенію онаго...».

Докладная записка о военныхъ поселеніяхъ новороссійскаго края.

(8-ми первыхъ округовъ.)

Бытъ военныхъ поселянъ.

Бытъ военныхъ поселянъ бѣденъ. Большая часть не имѣетъ рабочаго скота. Изъ свѣдѣній Статистическаго Атласа Новороссійскаго Военнаго Поселенія къ 1-му генваря 1850 года слѣдуетъ: въ 1-мъ кавалерійскомъ округѣ хозяевъ 1-го разряда 735; 2-го разряда 1062; нехозяевъ 3.781. Въ общей сложности 8-ми округовъ, большая половина безъ рабочаго скота.

Скотоводство, сравнительно, по числу душъ Новороссійскаго поселенія, скудно.

Садоводства мало. Прежде были крестьянскіе фруктовые сады, дававшіе до 250 и 300 рублей ассигнаціями доходу, но при постройкѣ деревень они большею частію истреблены.

Народонаселеніе.

Народонаселеніе со времени поселенія округовъ въ 20-хъ годахъ увеличилось безъ малаго въ половину. Но такъ какъ рабочій скотъ уменьшился въ то же время, то увеличилась и бѣдность. Изъ выводовъ сравнительной вѣдомости слѣдуетъ: при поселеніи округовъ состояло 65.563 души, нынѣ прибавилось 28.340. Рабочаго скота состояло: воловъ 44.838; прибавилось 1.774: около $1/_{25}$-ой части, но вмѣстѣ съ тѣмъ убавилось лошадей 4.522.

Доходъ.

Доходъ, получаемый съ Военныхъ Поселеній, не значителенъ. Въ общей сложности 5-ти округовъ, на одинъ эскадронъ приходится для продовольствія фуражемъ около 2.000 душъ и 13.729 десятинъ земли удобной и 1.376 неудобной, всего 15.105 десятинъ. На одинъ эскадронъ широкимъ, круглымъ счетомъ слѣдуетъ въ годъ овса 3.000 четвертей, 12.000 пудовъ сѣна и 5.000 пудовъ соломы. Полагая въ общей сложности четверть овса 1 рубль 30 копѣекъ серебромъ, пудъ сѣна 10 копѣекъ серебромъ и пудъ соломы 5 копѣекъ серебромъ, составитъ деньгами въ годъ 5.350 рублей серебромъ. Что касается до поддержанія выведенныхъ построекъ и содержанія окружныхъ штабовъ, то какъ они требуютъ ежегодныхъ издержекъ, то и должно на нихъ смотрѣть, какъ на утраченный капиталъ.

Общій обзоръ.

Выводы эти изъ офиціальныхъ свѣдѣній вполнѣ подтверждаются при обозрѣніи на мѣстѣ. Со времени поселенія округовъ, поселяне постепенно бѣднѣли. Въ коммерческомъ отношеніи округа не выгодны. Доходы не значительны, поселяне въ разоренномъ положеніи.

Въ нравственномъ отношеніи люди весьма упали духомъ. Есть общее мнѣніе между мѣстнымъ начальствомъ, что поселенія не достигаютъ своей цѣли. Между поселянами большая вѣра, что будетъ сдѣлана перемѣна, и это мнѣніе особенно укрепилось въ послѣднее время. Движеніе крестьянъ въ Полтавской губерніи не имѣло на нихъ вліянія. Если же будутъ какія-либо движенія въ поселеніяхъ, то конечно этимъ можетъ затрудниться вопросъ о перемѣнѣ...

Въ самый день коронаціи [1]) было объявлено о предстоящемъ упраздненіи военныхъ поселеній: это была первая по времени, въ ряду прочихъ, реформа.

(«Русс. Архивъ», 1874 г., кн. I, стр. 765–771.)

[1]) Имп. Александра II.

XIII. Революция декабристов.

163. Записка Бенкендорфа о тайных обществах в России.

В 1814 году, когда войска русские вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было, что они напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания получили не наклонность, но, лучше сказать, страсть заводить подобные тайные общества у себя. Некоторые из оных не имели в виду никакой определенной цели; другие, напротив того, мечтали лишь о политике и о том, как возыметь влияние на правительство. Явная цель сих мнимыхъ свободомыслящих была введение конституции, или собственно такого образа правления, под которым своеволие ничем не было бы удерживаемо, а пылким страстям, неограниченному честолюбию, желанию блистать предоставлена была бы полная воля. Разумеется, что вместе с тем они надеялись занять высшие места в правительстве и, не опасаясь потери (потому что не имели ничего), воспользоваться выгодами переворота. С поверхностными, большею частию, сведениями, воспламеняемые искусно написанными речами и мелкими сочинениями корифеев революционной партии, не понимая, что такое конституция, часто не смысля, как привести собственные дела в порядок и состоя, большею частию, в низших чинах, мнили они управлять государством. Для прикрытия сколько-нибудь своего невежества, бросились они к изучению политических наук и стали посещать частно преподаваемые курсы, где поверхностно ослепляли их блеском выражений и глушили громкими, но пустыми словами. Слабый умственный желудок их, не имея предварительных оснований в вспомогательных науках, не сваривал сочинений лучших писателей, отчего и все их просвещение было мишурное.

Стремление сие особенно заметно было в столице, где представляется более удобностей доставить правительством запрещаемые, но вред-

ным правилам, сочинения. Может быть, способствовало сему близкое нахождение вместе множества офицеров, какое-то взаимное соревнование и влияние людей, кои скрытно подкрепляли сие брожение умов.

Само собою разумеется, что необычайное воспаление не могло быть продолжительно. Лета, развлечение, занятия и переходы по службе охладили и развлекли многих; заведенные между ними разные общества рушились; сохранившееся же долее прочих и с которым некоторые слились, было общество, под названием «Союза Благоденствия». Правила оного составляли особую книгу, названную по цвету обертки «Зеленою Книгою». Она разделялась на две части, а последняя — на четыре отделения. Написанная темным, мистическим слогом, она составляла смесь из правил разных тайных обществ, с весьма нескладным применением к отечественному. Краткая первая часть давалась для прочтения принимаемым, по взятии от них подписки—не открывать ничего; вторая часть сообщалась посвященным уже в тайны. Главные правила относились к попечению об усовершенствовании наук, художеств, всех ветвей государственного хозяйства, судопроизводства и пр. Таким образом, даже и для самых членов, менее опытных, прикрыта была тайная цель главных руководителей — возыметь влияние на все отрасли правительства, чего частные лица отнюдь присвоивать не могут. Средства к тому избраны: запускаемые слухи, рассказы в обществах, сочинения, особенно журнальные статьи, как более и скорее расходящиеся, дабы дать направление общему мнению и нечувствительно приготовить все сословия. Есть многое, до чего, как до больного места, чтоб не почувствовать, не должно прикасаться: но частые напоминания и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о рабстве, цепях, неволи, тиранстве, ненаблюдении правосудия и пр., врезываясь в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порядка и желания перемен. Первым шагом для привлечения низшего состояния почитались: освобождение крестьян, к чему каждый член был обязываем, и распространение училищ взаимного обучения. Научивши простой народ и нижних воинских чинов одному только терпению, скорее подействовали бы приготовленными в духе и по смыслу их маленькими сочинениями, начав самыми невинными сказками, повестями, песнями, [illegible]ениями и пр., чтобы их заохотить к чтению. Сему и сделаны опыты.

Главные члены составляли Коренную Управу и избирали из себя на каждые 4 месяца: председателя, блюстителя (тоже, что прокурор) и 4 председателей отделений. Они собирались еженедельно для совещаний и, по крайней мере, однажды в месяц созывали всех наличных членов сей Управы. Общество имело свою печать (улей со пчелами) и архив, кои хранились у блюстителя; а сумма (взнос членами десятой доли дохода) — в ломбарде. Переписка производилась темным слогом, чрез нарочно посылаемых. Члены, приготовляемые мало-по-малу для Управы или долженствовавшие только служить орудиями, составляли Побочные Управы, под председательством одного члена Коренной, назывались для прикрытия разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и, под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ, собирались как можно чаще. Принятие новых членов сходствовало, вообще, с наблюдаемыми в тайных обществах, с меньшими только обрядами. Если кто вновь предлагаем был одним членом или кого желали, то, по довольном испытании, давали ему глухое понятие об обществе и, никогда не открывая вдруг всех членов, уверяли об участии многих сильных лиц, дабы тем более привлечь и устрашить. После сего предлагаемо было в Коренной Управе, и для принятия требовалось согласие всех членов оной.

Председатели Побочных Управ получали от Коренной наставление: чем занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения, какие разглашать слухи и выдумывать карикатуры, кого из знатных стараться чернить в общем мнении, как судить о действиях правительства и пр. Люди, неодинаково с ними мыслившие, известны были под названием: «бабушкина веку», т.-е. мысливших как было при покойной государыне Екатерине II, «раболепствующих», тоже, что испанские serviles. Для большей удобности и успеха в действиях положено было иметь не менее 8 и не более 12 членов в Побочных Управах: когда число их возрастало, отделялась новая Управа. Каждый член обязан был доводить до сведения своей Управы обо всем, что только мог узнать. Председатели

представляли о том Коренной Управе. В необходимую также обязанность поставлялось отыскивать и привлекать в свое общество всех людей с дарованиями, в особенности пользующихся доверенностию тех особ, кои занимают важные места. Таким образом надеялись знать все тайны правительства и, во всяком случае, быть в безопасности: ибо члены таковые тотчас бы предостерегли их. Из войск положено было набрать самое большое число приверженцев в гвардии; в армии же иметь на своей стороне только несколько полковых командиров, решительных и на все готовых, дабы, побуждением их и примером гвардии, слепо увлечь всю армию. Цензором всех действий сначала был Петербург, после избрана Москва, для привлечения живущего там дворянства. Главу положено было избрать, когда было бы уже все готово, из вельмож, уважаемых войском и народом и недовольных правительством. Самая большая надежда возлагалась на находящихся во Франции и на графа Воронцова, на которого действовали Тургеневы. Общество с нетерпением ожидало, что в Пруссии последует насильственный перелом правления, после чего Польша не укоснила бы тому последовать; и таким образом надеялись подать руку с Севера беспокойному Югу. Они не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе, и готовы были бы на все, чтобы принудить государя возвратиться скорее и не допустить иметь близкое деятельное участие к успокоению Европы.

Первоначальные члены общества были почти все молодые гвардейские офицеры: Муравьевы (три Главного Штаба, полковник Александр, вышедший в отставку после того, как в Москве посажен был под арест; его брат безногий, Никита, вышедший также в отставку, когда не был произведен в следующий чин, и 4-й, бывший в прежнем Семеновском полку); Пестель, бывший адъютант графа Витгенштейна; князь Трубецкой, бывший в Семеновском полку и теперь за границею; Бибиков, адъютант его императорского высочества великого князя Михаила Павловича: князь Долгорукий 2-й, гвардейской артиллерийской бригады, бывший адъютант графа Аракчеева; два Фон-Визина (один бывший полковым командиром, приготовлял офицеров своего Егерского полка); Перовский, теперь обер-квартирмейстер 1-го резервного кавалерийского корпуса; Шипов — настоящий полковой командир полка наследного принца прусского; Новиков, надворный советник, бывший в Саксонии при генерал-адъютанте Репнине и после правителем канцелярии его же, Малороссийского военного губернатора, теперь в отставке. Из них Перовский и Шипов мало-по-малу, в 1819 году, отстали; о Пестеле утвердительно неизвестно.

Действия сего общества в 1818 году получили новую деятельность, и число членов возросло более двух сот. Мало-по-малу привлечено множество офицеров Главного Штаба, из полков же наиболее в Измайловском, бывшем Семеновском, Егерском, Московском, Конной Гвардии и Гвардейской Артиллерии. Примечательнейшие по ревности: Бурцов, Фон-дер-Бриген, два Колошина, Оленин, Капылов, Кутузов, Горсткин, Нарышкин, Корсаков и другие; из посторонних: Николай Тургенев, полковник Глинка и Семенов (молодой человек в канцелярии министра, князя Голицына, занимавший место секретаря в обществе и руководимый Тургеневым и Глинкою).

По выходе полковника Муравьева в отставку и назначении Бурцева адъютантом к генералу Киселеву, Коренная Управа разделилась на три ветви, имевшие постоянную связь. В Петербурге приняли управление Тургенев, Фон-дер-Бриген и Глинка (из них у последнего и у Калошина бывали заседания); в Москве—Муравьевы, в Тульчине — Бурцев. Влиянием их и Фон-Визина вступили в общество М. Орлов, Граббе, Реад, Юшневский, Прижевский и пр. Орлов брался вовлечь Мамонова; Тургенев, Фон-дер-Бриген и Глинка — молодых графов Шереметева и Кушелева-Безбородку, для лучшего успеха, над которыми полагали приставить способных наставников. То же предполагалось и с другими богатыми, особенно молодыми помещиками. Тургенев, дававший главное направление, брался с профессором Куницыным издавать журнал, по самой дешевой цене, для большого расхода, полагая издержки насчет общества, в котором бы помещать статьи, к цели общества относящиеся. Содействовать сему обязаны были все члены: также брались: Чаадаев (испытывавшийся еще для общества), Кюхельбекер (молодой человек с пылкою головою, воспитанный в Лицее, теперь за границею с На-

рышкиным) и другие. В одной из отдаленных деревень кого-либо из членов намеревались завести типографию и как литеры, отлив на старинный шрифт, так и все нужное выписать из-за границы... Глинка и Тургенев полагали успешнейшим, чрез находящихся за границею членов, литографировать в Париже, особенно каррикатуры и, ввозя чрез них же, распускать в народе, на толкучем рынке, рассылать в армию и по губерниям. Тургенев настаивал преобразовать общество совершенно по системе Вейсгаупта и, сходно с тем, членам назваться между собою другими именами.

Несмотря на все сие, ревность многих ослабевала, другие, вовлеченные, не постигая всей цели, понявши оную, отставали; некоторые отделялись и заводили между собою общества. К числу последних принадлежат князь Долгорукий и Бибиков, основавшие особое общество на Охте. Неосторожность и неуместные рассказы сие более расстраивали и подавали повод к опасным происшествиям. Из них примечательнее случившееся в Москве, где, принятый Муравьевым секретарь Правительствующего Сената Хавский требовал денег, угрожая открыть все.

Сие заставило ревностнейших членов составить, в конце прошедшего и начале настоящего года, чрезвычайное заседание в Москве. Там были из главнейших, кроме Муравьевых, Н. Тургенев, Глинка (которому общество выдало на путевые издержки 1.000 р.), М. Орлов, два Фон-Визина и Тургенев. Мнения о приведении в порядок дел были несогласны. Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению; настаивал об учреждении «Невидимых Братьев», которые бы составляли центр и управляли всем; прочих разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому. Несмотря на признаваемую нелепость сих требований, сделанных, может быть, Орловым для того, чтобы найти предлог отстать от общества (ибо, по несовместности, невозможно было ожидать принятия), кажется, что они бы еще сладили, как Граббе объявил, что в разговорах с бригадным генералом Васильчиковым слышал: «Генерал, говоря с Краснокутским, жалел, что нет между офицерами дружеских обществ; последний отвечал, что есть очень большое и имеющее значительных членов. Вероятно, что такой странный ответ возбудил подозрение генерала, и он расспрашивал подробнее у Граббе, не знает ли чего о сем обществе». Известие сие потревожило собравшихся в Москве: они полагали, что генерал Васильчиков сообщит, наверно, о сем своему брату, командующему Гвардейским Корпусом, и, таким образом, правительство, имея в руках своих нить, может сделать некоторые открытия. После сего сожжены все бумаги, и общество закрыто. Н. Тургенев, возвратясь в Петербург, рассылал через Семенова к членам письменное о сем объявление, в котором, между прочим, сказано: «Общество действовало для доброй цели и употребляло одни благородные средства. Правительство, подозрительное, особенно после новейших происшествий в Европе, не разбирает средств, готово всем пожертвовать, и не удивительно, если откроет».

Таким образом кончилось существование Союза Благоденствия. Конечно, большая часть членов оного были обольщены наружностью и вступили, не постигая цели; но некоторых из них, кажется, никогда не должно упускать из виду. Весьма вероятно, что они желают лишь освободиться от излишнего числа с малым разбором навербованных членов, коим неосторожно открыли все, составить скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее.

Кажется, что наиболее должно быть обращено внимание на следующих людей:

1) Николая Тургенева, который нимало не скрывает своих правил, гордится названием якобинца, грезит гильотиною и, не имея ничего святого, готов всем пожертвовать, в надежде выиграть все при перевороте. Его-то наставлениями и побуждениями многим молодым людям вселен пагубный образ мыслить.

2) Федора Глинку. Слабый человек сей, которому некоторые успехи в словесности и еще более лесть совершенно вскружили голову, который помешался на том, чтобы быть членом всех видимых и невидимых обществ, втирается во все знатные дома, рыскает ко всем видным людям, заводит связи, где только можно; для придания себе важности, рассказывает каждому за тайну, что узнал по должности или по слабости начальника; посещает все открываемые курсы; посылает во все журналы статьи, из коих многие не весьма внимательно рассмотрены

цензурою; и как в разговорах, так и на письме кстати и не кстати, при[illegible]ает политику, которой вовсе не постигает, но блеском выражений и заимствованными мыслями слепит неопытных.

3) Фон-дер-Бригена, по короткой связи с Тургеневым, приобретенной совместным учением в немецких университетах. Кажется, что связи по женитьбе долженствовали бы его несколько образумить.

4) Всех Муравьевых, недовольных неудачею по службе и жадных возвыситься.

5) Фон-Визины и Граббе, судя по рассказам имеющих с ними короткие связи и по действиям их в обществе, готовы на все.

6) Михайло Орлов, кажется, после женитьбы своей начал отставать от того образа мыслить, которым восхищались приверженцы в его речи Библейского Общества, переписке с Бутурлиным и пр.

7) Бурцев, при добрых правилах и рассудке, более, каж[illegible]. вовлечен и под добрым надзором мог бы еще [illegible]правиться.

При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем обществе: бумаги оного истреблены, и каждый для спасения своего станет запираться; но правительство легко может удостовериться в истине, поручивши наблюдение за сими людьми, их связями и пр., и вследствие [illegible]ого принять на будущее время на[illegible]лежащие меры. Необходимо, однакож, при сем сказать, что сего наблюдения вовсе не можно поручить настоящему господину С.-Петербургскому военному генерал-губернатору, который окружен людьми, участвующими в обществе или приверженными им.

В закл[illegible]ение должно сказать, что буйные головы обманулись бы в бессмысленной надежде на всеобщее содействие. Исключая столицу, где, как и во всех других, много найдется способного воспламениться при обольстительных средствах; исключая Остзейские губернии, лучшее дворянство которых, получая воспитание за границею, мало имеет отечественного, утвердительно можно сказать, что внутри России и не мыслят о конституции. Дворянство, по одной уже привязанности к личным своим выгодам, никогда не станет поддерживать какой-либо переворот; о низших же сословиях и говорить нечего: чернь всегда и везде была и будет чернью. Если бы нашлись, против чаяния, люди с добрыми даже правилами, кои, ослепляясь скрытным честолюбием и не ве[illegible]ая собственной гибели, стали споспешествовать беспокойным затейникам, то таких очень немного. Русские столь привыкли к образу настоящего правления, под которым живут спокойно и счастливо и который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, что и мыслить о переменах не допустят. Отрицать, впрочем, не возможно, что есть зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии, прильнувший, так сказать, от иноземцев во время нахождения за границею и поддержанный стечением разных обстоятельств; но войска сами по себе ни на что не решатся, а могли бы разве послужить оружием для других, как пагубные новейшие примеры в других странах доказали. При бдительном надзоре и кротких, но постоянных мерах, сие может быть постепенно отвращено. Между прочим, весьма не худо бы, казалось, чтобы офицеры, как люди, до поступления еще на службу, совершенно приготовившиеся, перестали посещать частно преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых, без предварительных прочных оснований и без пособия других наук, наносит величайший вред. Сие полупознание поставляет в такое сомнительное положение, в котором воображение воспламенено, дух встревожен, а ум, блуждая во мраке без руководителя, ищет того, чего не видит и не постигает, и кончает тем, что или еще более возрастает, или же приводит на скользкий путь заблуждений.

(Лемке. Николаевские жандармы, прилож., стр. 575—581.)

164. Письмо А. Бестужева к императору Николаю I об историческом ходе свободомыслия в России.

Ваше императорское величество.

Уверенный, что вы, государь, любите истину, я беру дерзновение изложить перед вами исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря. Я буду говорить с полной откровенностью, не скрывая худого, не смягчая даже выражений, ибо долг подданного есть го-

ворить монарху правду без прикрас. Приступаю.

Начало царствования императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредит, войска служили без труда, ученые учились чему хотели, все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего. К несчастью, обстоятельства до того не допустили, и надежды состарились без исполнения. Неудачная война 1807 года и другие, многостоющие, расстроили финансы, до того еще не замеченные в приготовлениях к войне отечественной. Наконец, Наполеон вторгся в Россию и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России. Правительство само произнесло слово: «Свобода, освобождение». Само рассевало сочинение о злоупотреблении неограниченной властью Наполеона, и клик русского монарха огласил берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь домой, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа». Войска от генералов до солдат, пришедшие назад, только и толковали, как хорошо в чужих землях. Сравнение со своим, естественно, произвело вопрос: почему же не так у нас? Сначала, покуда говорили о том беспрепятственно, это расходилось на ветер, ибо ум, как порох, опасен только сжатый. Луч надежды, что государь император даст конституцию, как он то упомянул при открытии сейма в Варшаве, и попытка некоторых генералов освободить рабов своих, еще ласкали многих. Но с 1817 г. все переменилось. Люди, видевшие худое или желавшие лучшего, от множества шпионов принуждены стали разговаривать скрытно, — и вот начало тайных обществ. Притеснение начальством заслуженных офицеров разгорячало умы. Предпочтение немецких фамилий перед русскими обижало народную гордость. Тогда-то стали говорить военные: «для того ль освободили мы Европу, чтобы наложить цепи на себя? для того ль дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» Уничтожение нормальных школ и гонение на просвещение заставило думать, в безнадежности, о важнейших мерах. А как ропот народа, от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей происшедший, грозил кровавою революцией, то общество вознамерилось отвратить меньшим злом большее, и начать свои действия при 1-м удобном случае. Теперь я опишу положение, в каком видели мы Россию.

Войска Наполеона, как саранча, оставили за собой надолго семена разрушения. Многие губернии обнищали, и правительство медлительными мерами или скудным пособием дало им вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другие края. Устройство непрочных дорог занимало руки трети России, а хлеб гнил на корню. Злоупотребления исправников стали заметнее обедневшим крестьянам [1]), а угнетения дворян чувствительнее, потому что они стали понимать права людей [2]). Запрещенное винокурение отняло во многих губерниях все средства к сбыту семян, а размножение питейных домов испортило нравственность и разорило крестьянский быт. Поселения парализовали не только умы, но и все помыслы тех мест, где устроились, и навели ужас на остальные. Частые переходы полков безмерно тяготили напутных жителей; редкость денег привела крестьян в неоплатные недоимки, одним словом, все они вздыхали о прежних годах, все роптали на настоящее, все жаждали лучшего до того, что пустой слух, будто даются места на Аму-Дарье, влек тысячи жителей Украины — куда? не знали сами. Не-

1) О притеснениях земских чиновников можно написать книгу. Малейший распорядок свыше дает им повод к тысяче насилий и взяток. То сберут крестьян в сенокос или жатву и месяц ничего не делают. То дадут сделать и потом ломают, говоря, что это не по форме. Назначают на работу ближних в даль и наоборот, чтобы взять за увольнение несколько рублей с брата. Да и кроме того, собирают прибавочные налоги, без всякого вида, так что с души сходит втрое противу указанных податей и проч.

2) Поведение русских дворян в этом отношении ужасно. Негры на плантациях счастливее многих помещичьих крестьян. Продавать в розницу семьи, похитить невинность, развратить жен крестьянских считается ни во что и делается явно. Не говорю уже о барщине и оброках, но есть изверги, которые раздают борзых щенков для выкормления грудью крестьянок. К счастию человечества такие примеры не часты, но к стыду оного, они существуют.

лые селения снимались и бродили наугад, а многочисленные возмущения *барщины* ознаменовали 3 последние года царствования Александра.

Мещане, класс почтенный и значительный во всех других государствах, у нас ничтожен, беден, обременен повинностями, лишен средств к пропитанию. В других нациях они населяют города, у нас же, как города существуют только на карте[1]) и вольность ремесл стесняют в них цехи, то кочуют, как цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадок торговли отразился на них сильнее, по их бедности, ибо они зависят от купцов, как мелкие торгаши, или как работники на фабриках.

Купечество, стесненное гильдиями и затрудненное в путях доставки, потерпело важный урон: в 1812 г. многие колоссальные фортуны погибли, другие разорились. Дела с казною разорили множество купцов и подрядчиков, а с ними их клиентов и вверителей, затяжкою в уплате, учетами и неправыми прижимками в приеме. Лихоимство проникло повсюду. Разврат мнения дал силу потачки вексельному уставу[2]). Злостные банкруты умножились и доверие упало. Шаткость тарифа привела в нищету многих фабрикантов и испугала других, и вывела правительство наше из веры, равно у своих, как и чужеземных негоциантов. Следствием сего стал еще больший упадок нашего курса (т.-е. внешнего кредита), от государственных долгов происшедший и всеобщая жалоба, что нет наличных. Запретительная система, обогащая контрабандистов, не поднимала цены на наши изделия, и следуя моде, все платили втридорога за так называемые конфискованные товары. Наконец, указ, чтобы мещане и мелкие торговцы или записывались в гильдии, или платили бы налог, нанес бы решительный удар торговле, и удержание исполнения не удержало их от ропота. Впрочем, и без того упадок торговли был столь велик, что на

[1]) От чего города наши пустеют, решить не трудно. Нижние инстанции не имеют решительного голоса, и тяжущиеся едут в столицу. По сей же причине лучшее дворянство уклоняется от неуважепных должностей и за крестами спешит ничего не делать в какой-нибудь министерской канцелярии. На кого же там работать ремесленнику? Да и кому? ибо дворянство наше держит доморощенных мастеровых.

[2]) Устраняя прежнее право на личность банкрота (contrainte par corps).

главных ярмарках и в портах мена и отпуск за границы уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцев, особенно англичан, которые, вопреки уставу[1]), имеют по селам своих агентов, и, скупая в первые руки сырые произведения для вывозу за границу, лишают тем мелких торговцев промысла, а государство — обращения капиталов.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбыт своих произведений, дороговизну предметов роскоши и долготою судопроизводства. Оно разделяется на 3 разряда. На просвещенных, из коих большая часть составляет знать, на грамотных, которые или мучат других, как судьи, или сами таскаются по тяжбам; и, наконец, на невежд, которые живут по деревням, служат церковными старостами, или уже в отставке, послужив, бог знает как, в полевых. Из них-то мелкопоместные составляют язву России: всегда виноватые и всегда ропчущие и желая жить не по достатку, но претензиям своим, мучают бедных крестьян своих нещадно. Прочие разоряются на охоту, на канели, на столичную жизнь или от тяжеб. Наибольшая часть лучшего дворянства, служа в военной службе или в столицах, требующих роскоши, доверяют хозяйство наемникам, которые обирают крестьян, обманывают господ, и, таким образом, $^{9}/_{10}$ имений в России расстроено и в закладе.

Духовенство сельское в жалком состоянии. Не имея никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьян, и оттого принуждено угождать им, впадало само в пороки, для удаления коих учреждено. Между тем, как сельское нищенствовало в неуважении, указ об одеждах жен священнических привел в волнение и неудовольствие богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому учениями, чисткою, караулами; офицеры — на скудность жалования и непомерную строгость, матросы — на черную работу, удвоенную по злоупотреблению[2]), морские офицеры — на бездействие.

[1]) Им позволено только заниматься оптовою куплею, не вступаясь в мелкие сделки.

[2]) Напр., в Петербургском и Кронштадтском Адмиралтействе положено, в 1-м 90 лошадей для таскания бревен, во 2-м не знаю числа. Но дело в том, что ни одна лошадь не работает, а возит по гостям разных чиновников. Вместо же их запрягают несчастных матросов. Брат мой Николай и К. Л. Торсон могут дать подробнейшее сведение о многом множестве злоупотреблений по флоту.

(Все прим. автора).

Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности, ученые — на то, что им не дают учить молодежь, на препятствия в учении. Словом, во всех углах виделись недовольные лица, на улицах пожимали плечами, везде шептались—все говорили, к чему это приведет? Все элементы были в брожении. Одно лишь правительство беззаботно дремало над вулканом, одни судебные места блаженствовали, ибо только для них Россия была обетованною землею. Лихоимство их зашло до неслыханной степени бесстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышение цены взяток отличало вышние места, так что в столице, под глазами блюстителей, производился явный торг правосудием. Хорошо еще платить бы за дело, а то брали, водили и ничего не делали.

Вашему императорскому величеству, вероятно, известны теперь сии злоупотребления, но их крыли от покойного императора. Прибыльные места продавались по таксе и были обложены оброком. Централыность судебных мест, привлекая каждую безделицу к верху, способствовала аппеляциям, справкам, пересудам, и десятки лет проходили прежде решения, т.-е. разорения обеих сторон. Одним словом, в казне, на судах, в комиссариатах, у губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал. Везде честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

(Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 128—133.)

---

165. Проект конституции, найденный в бумагах кн. С. П. Трубецкого.

(Вступление к проекту Н. Муравьева.)

Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для общества; что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства — произвол одного человека — невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне законов — вне человечества. Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным, или они не справедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других? Все народы европейские достигают законов и свобод. Более всех их народ русской заслуживает и то и другое. Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают добычею соседей и не пользуются независимостью, но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств — страждут от своего бессилия. — Федеральное или союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан.

Под надзором государя одно законодательное собрание находится в столице и делает все распоряжения общие, для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей, — предоставлены областным законодательным собраниям, образованным наподобие столичного, и, таким образом, доставляется благосостояние целого и частей.

(Довнар-Запольский. Мемуары декабристов, стр. 96—97.)

---

166. Проект конституции Никиты Муравьева.

Глава I. О народе русском и правлении.

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя.

Глава II. О гражданах.

3. Гражданство есть право в определенном в сем Уставе порядке участвовать в об-

щественном управлении: посредственно, т.-е. выбором чиновников или избирателей, и *непосредственно*, т.-е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по *законодательной, исполнительной или судебной власти*.

4. *Граждане* суть те жители Российской Империи, которые пользуются правами, выше определенными.

5. Чтобы быть гражданином, необходимы следующие условия:

1) Не менее 21 года возраста.

2) Известное и постоянное жительство.

3) Здравие ума.

4) Личная независимость.

5) Исправность платежа общественных повинностей.

6) Непорочность перед лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствующий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства Российского у Судебной власти, отказавшись непременно от Правительства, под властью которого прежде находился.

8. Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи, никто, не обучившийся русской грамоте, не может быть признан гражданином.

Глава III. О состоянии, личных правах и обязанностях русских.

10. Все русские равны перед законом.

13. Крепостное состояние и рабство *отменяются*. Раб, прикоснувшийся к земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо* по воле Божией, все рождены *для блага* и все *просто люди*: ибо все слабы и несовершенны.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению граждан перед судом и подлежат *присяжным*.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбною ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею* и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 р. с.), поступает на суд присяжных.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа под ответственностью тех, которые его задержали, должно ему объявить письменно о причине его задержания, — в противном случае он немедленно освобождается.

20. Задержанный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него *порука*.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона, обнародованного *до преступления* и правильно и законным образом приведенного в исполнение.

22. Устав сей определит, каким чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право писать законные приказания *задержать* кого-либо из граждан, *сделать домовый обыск, забрать его* бумаги и *распечатать письма его*. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки.

23. Право собственности, заключающее в себе *одни вещи*, священно и неприкосновенно.

24. Земли помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим.

25. Крестьяне экономические и удельные будут называться *общими владельцами*, равно как и ныне называющиеся *вольными* хлебопашцами, поелику земля, на которой они живут, представляется им в *общественное* владение и признается их собственностью. Удельное Правление уничтожается.

28. Военные поселения немедленно уничтожаются.

Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание *общих владельцев*.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные у немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского.

Названия и сословия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием гражданина же русского.

31. Кочующие племена не имеют прав гражданских.

Право участвовать в выборе волостного старшины предоставляется однакож и оным.

32. Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только бы действия оных не были противузаконными.

37. Подземелья и казематы крепостные, вообще, все, так называемые, государственные темницы уничтожаются; никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах.

40. Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности.

Глава V. О внутреннем устройстве волостном и уездном или поветовом.

44. В каждом уезде граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1.000 рублей серебром, собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год.

1) Те, которые пользуются землями в общественном владении, не суть владельцы и, следовательно, сюда не принадлежат.

46. Чтобы быть тысяцким, должно иметь, по крайней мере, 21 год от рождения, непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра (30.000 рублей серебром) или движимого не менее 3.000 фунтов чистого серебра (60.000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню 100 фунтов чистого серебра (2.000 рублей).

47. Должность тысяцкого состоит в следующем:

1) Он созывает граждан для выборов представителей, выборных членов дум, Держав, и пр. и председательствует в их собраниях

2) Исполняет определения судей, посылает вызовы к суду, объявляет определения правителей Держав, составляет список присяжных.

3) Собирает доходы общественные.

4) Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний.

5) Охраняет судей во время отправления ими их должности, представляет требования уезда, говорит всегда от его имени, берет под стражу нарушителей порядка: в сем случае каждый обязан ему повиноваться и вспомоществовать при востребовании.

6) Составляет два списка тех из граждан уезда, кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1.500 фунтов чистого серебра или движимым, ценою не менее 3.000 фунтов чистого серебра: 2-й — тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов или движимым не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (если притом отвечают прочим условиям) избраны в члены Верховной Думы, Правители Держав, Наместники Державных правителей, тысяцкие и члены Державных Дум и члены Державных судов.

Граждане второго списка могут быть присяжными и избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами и второго списка.

Граждане, коих имена не внесены в сии списки, не лишены тем прав остальных граждан.

Глава VI. О народном вече

59. Народное Вече, состоящее из верховной Думы и Палаты народных представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII. О палате представителей, о числе и выборе представителей.

60. Палата представителей составлена из членов, выбранных на два года гражданами Держав.

64. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50,000 обывателей мужеского пола посылают в палату представителей одного представителя. В числе сих 50,000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

72. Палата представителей сама избирает своего председателя, она одна пользуется правом предавать суду сановников Империи.

Глава VIII. О Думе Верховной.

73. Верховная Дума состоит из трех граждан каждой Державы, двух граждан Московской области и одного гражданина Донской области. Всего — 42 члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и областей, т.-е. обеими соединенными в одно место палатами выборных и Державными Думами.

75. Условия, необходимые, чтобы быть членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той державе, которая его избирает, недвижимого имения ценою на 1.500 фунтов чистого серебра или движимого на 3.000 фунтов чистого серебра.

76. Дума избирает сама своего председателя, наместника председателя и прочих своих чиновников. Председатель наблюдает за порядком рассуждений, но не имеет права голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии.

77. Верховной Думе принадлежит суд над министрами, верховными судьями и всеми прочими сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только $^2/_3$ голосов всех присутствующих членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить подсудимого виновным и лишить его занимаемого им места и звания. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению верховного блюстителя (генерал-прокурора, который лично ответствует суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный судом государственный сановник подвергается казни, определенной законами.

Дума участвует вместе с императором в заключении мира, в назначении судей верховных судебных мест, главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и верховного блюстителя. Для сего потребно большинство $^2/_3$ членов Думы.

Глава IX. О власти, преимуществах народного веча и составлении законов.

83. Члены Верховной Думы и представители получают из общественной казны вознаграждение за свое служение, за каждый день, в котором они присутствовали на заседаниях, равное 21 золотнику чистого серебра (5 рублей серебром).

За каждые сто верст которые им нужно проезжать от своего местопребывания до столицы и обратно к себе, получают они также вознагражденья, равные сорока трем (43) золотникам чистого серебра (10 рублей серебром).

Ни в каком случае, кроме измены, преступления и нарушения общественного порядка, нельзя брать под стражу членов Народного Веча ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их.

84. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей Палате, и никто не в праве требовать от них объяснений речей их, там произнесенных. Член Палаты, уличенный в преступлении, до приговора судебного исключается Палатой своею.

85. Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть членом ни той, ни другой Палаты, пока он будет сохранять свою должность.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед рассуждаемо в Палате Представителей, но Дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах только тогда становятся действительными, когда Палата Представителей оные допустит.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты Представителей, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона. Если император одобряет предложение, то подписывает оное, еж[illegible] отсылает со своими заме-

чаниями в ту Палату, в которую оно сначала поступило. Палата записывает в свой журнал все замечания императора против сего предложения и вновь открывает об этом рассуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении $^2/_3$ членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями императора в другую палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых большинство одобряет оное; оно становится уже от того законом. В подобных сему случаях члены палаты должны подавать свои голоса через одно выражение да или нет, и в журнале каждой Палаты записываются имена всех членов, подававших голоса в пользу или против сего предложения.

90. Ежели император по прошествии 10 дн. (исключая воскресного), не возвратит представленного ему проекта, то оный получает силу закона. Если же Народное Вече отсрочит, между тем, свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение, или прокламация и манифест, требующие содействия обеих Палат (исключая рассуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено императору и утверждено им, чтобы быть приведенным в исполнение. Если же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято $^2/_3$ обеих Палат, сходно с правилами, выше означенными.

91. Проект, отвергнутый одной из Палат, может быть вновь представлен только в следующий съезд Народного Веча.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то-есть:

1) Издать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное, уставить Учреждения по благочинию и правила судопроизводства и внутреннего управления присутственных мест.

2) Объявлять законом, в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под военными законами.

3) Обнародовать закон о всепрощении.

4) Распускать правительственные собрания Держав, в случае, если бы оные преступали пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам.

5) Объявлять войну

6) Устройство, содержание, управление, расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск и внутренняя стража зависят от узаконений Народного Веча.

7) Налоги, займы, поверки расходов, пенсии, жалования, все сборы и издержки, одним словом, все финансовые меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, нежели на два года.

8) Все меры правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждения ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков.

9) Покровительствует наукам и полезным искусствам, дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями. Имеет право предлагать Держ. Прав. собраниям повсеместное преподавание закона божия, языка российского, общественного устава и военных наук, но отнюдь не может ограничивать в сем смысле свободы оных и частного преподавания.

10) Постановления правил вознаграждения для гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства.

11) Получа донесение министра, в случае болезни телесной или нравственной императора, кончины или отречения, объявляет регентство или провозглашает наследника императором.

12) Избирает правителей Держав.

93. Народное Вече не имеет власти учреждать новых конституционных законов, ни отменять существующих, одним словом, не имеет права издавать постановлений ни о каком предмете, не помещенном в сем исчислении прав его.

98. Народное Вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо вероисповедание, или раскол. Вера, совесть и мнения граждан, пока оные не обнаруживаются противузаконными действиями, не подлежат власти Народного Веча. Но раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присутственными местами, на основании общих постановлений. Народное

Вече не имеет власти нарушать свободы речей книгопечатания.

Глава X. О Верховной исполнительной власти.

101. Император есть: верховный чиновник российского правительства. Его права и преимущества суть:

1) Власть его наследственная по прямой линии от отца к сыну, но от тестя она не переходит к зятю.

2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную власть.

3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона.

4) Он верховный начальник сухопутной и морской силы

7) Ведет переговоры с иностранными державами и заключает мирные трактаты, с совета и с согласия Верховной Думы, лишь только две трети присутствующих Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число Верховных законов.

8) Он назначает посланников, министров и консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными Державами. Он назначает всех чиновников, о которых не говорено в сем уставе

10) Назначает судей верховных судебных мест с совета и согласия Верховной Думы.

15) Не может употреблять войска во внутренности России, в случае возмущения, не сделав о том предложения Народному Вечу, которое немедленно обязано удостовериться, посредством следствия, в необходимости военного положения.

23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

«Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного устава России».

103. Особы, составляющие семейство императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию правительства, как и все прочие, и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

(В. Якушкин. Проект конституции Н. Муравьева.)

167. Проект Никиты Муравьева.

Глава

1. О народѣ русскомъ и правленіи.

[3. Правленіе Россіи есть уставное и союзное].

Глава II.

О гражданахъ.

5. Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: 1. (Лѣта) не менѣе 21 года возраста. 2. (Мѣстопребываніе) извѣстное и постоянное жительство. 3. Здравіе ума. 4. Личная (и по имѣнію) независимость. 5. Исправность платежа общественныхъ повинностей. 6. Непорочность передъ лицомъ закона. [7. Собственность отдѣльная на свое имя, а оной: 1-е недвижимой на 500 руб. сер., или 2-е движимой (вещей или капитала) на 1.000 руб. сер.].

Глава III.

О состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ.

10. Всѣ Русскіе равны передъ закономъ (лицомъ закона).

13. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются. Рабъ, прикоснувшійся земли Русской, становится свободнымъ. Раздѣленіе между благородными и простолюдинами не принимается поелику (оно изображеніе гордости и высокомѣрія и) противном (христіанской вѣрѣ, по которой всѣ люди братья, всѣ рождены (на) благо (ибо рождены) по волѣ божьей, всѣ рождены для блага и всѣ просто люди: ибо всѣ (предъ нимъ) слабы и несовершенны.

14. Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя (ихъ) посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. (Вредныя) книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ (другимъ преступленіямъ), подвержены обвиненію граждан и (преслѣдуются) передъ судомъ и подлежатъ присяжнымъ.

19. Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными Уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали, должно ему объявить пись-

мению о причинѣ его задержанія, — въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ въ темницу, кромѣ въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ и въ образѣ онымъ учрежденнымъ. Каждый кто испрашиваетъ, привиняетъ или исполняетъ произвольное велѣніе долженъ быть наказанъ. Но каждый человѣкъ, котораго призываютъ или берутъ въ силу существующаго закона, обязанъ повиноваться немедленно — и становится виновнымъ если воспротивится.

23. Право собственности, заключающее въ себѣ однѣ вещи, священно и неприкосновенно.

(Церковныя земли остаются навсегда за ними.)

24. Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ съ огородами онымъ признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ.

(Земли помѣщиковъ остаются за ними, особый законъ опредѣлитъ вознагражденіе, которое обязаны имъ сдѣлать поселяне, которые вздумаютъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, за временное прерваніе въ порядкѣ полученія доходовъ съ воздѣлываемой этими поселянами земли.)

32. Граждане имѣютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія, ни утвержденія: лишь только бы дѣйствія оныхъ не были противузаконными.

35. Никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшій противузаконное повелѣніе.

42. Никто не можетъ быть безпокоиваемъ въ отправленіи своего богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушалъ законовъ природы и нравственности.

Глава VI.

О народномъ вѣчѣ.

59. Народное Вѣче, состоящее изъ верховной Думы и Палаты народныхъ представителей, облечено всей законодательной властью.

Глава VII.

О мѣстѣ представителей, о числѣ и выборѣ представителей.

60. Палата представителей составлена изъ Членовъ, выбранныхъ на два года гражданами (жителями) Державъ [1]).

Глава VIII.

О думѣ верховной.

75. Условія, необходимыя, чтобы быть Членомъ Верховной Думы, суть: 30 лѣтъ возраста, 9 лѣтъ гражданства въ Россіи для иностранцы и жительство во время избранія въ той Державѣ, которая его избираетъ, недвижимаго имѣнія цѣною на 1.500 фунтовъ чистаго серебра или движимаго на 3.000 фунтовъ чистаго серебра.

(Проектъ Н. Муравьева, изд. библ. декабристов.)

---

108. Русская правда Пестеля.

Гл. I, § 4.

Россия есть государство единое и нераздѣлимое.

Государства бывают или нераздѣлимые или федеративные.

Нераздѣлимыми называются те, в коих все части или области, государство составляющие, одну общую Верховную Власть, один образ правления, одни законы имеют и признают и в коих ни одна область не имеет права частно для себя издавать законы и постановления.

Федеративными же называются те государства, в которых области, их составляющие, хотя и признают общую над собой Верховную власть и обязываются совокупно действовать во всех сношениях внешних, но при всем том право свое сохраняют законы делать и постановления издавать для собственного своего внутреннего гражданского и политического образования и устраивать свое правление по частному своему усмотрению.

---

1) Округовъ, на которые дѣлится по проекту Россія.

Главная разница посему между неразделимыми и федеративными государствами состоит в том, что право издавать законы, образовать общественные учреждения и распоряжать государственными делами находится в неразделимом государстве в одной только Верховной Власти, а в федеративном государстве разделяется между общей Верховной Властью и частными областными властями. С первого взгляда может федеративное устройство государства показаться удобным и приятным: ибо каждой области возможно дается действовать по своему усмотрению и своей воле, но при внимательнейшем рассмотрении, легко убедиться можно в решительном преимуществе неразделимого образования государства над федеративным; особенно применяя оные в России при обширном ее пространстве и при большом количестве племен и народов, ее населяющих.

Общие невыгоды федеративного образования государства суть между многими прочими следующие четыре: 1) Верховная власть, по существу дела, в федеративном государстве не законы дает, но только советы: ибо не может иначе привести свои законы в исполнение, как посредством областных властей, не имея особенных других принудительных средств. Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надобно междуусобную войну завести: из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится семя к разрушению. 2) Особые законы, особый образ правления и особые, оттого происходящие понятия и образ мыслей еще более ослабят связь между разными областями. На Верховную же власть будут области смотреть, как на вещь нудную и неприятную, и каждое областное правительство будет рассуждать, что оно гораздо лучше устроило бы государственные дела в отношении к своей области без участия Верховной власти. Вот новое семя к разрушению. 3) Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без усердия к общему составу государства, особенно, если неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах. Частное благо области, хотя и временное, однакоже, все-таки сильнее действовать будет на воображение ее правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, может быть, в то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государево при таком образовании будет слово пустое, ибо никто нигде не будет видеть государства, но всякий везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться любовью к одной своей области.

Что же в особенности касается до России, то, дабы в полной мере удостовериться, до какой степени федеративное образование государства было бы для нее пагубно, стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное государство составлено. Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных различное происхождение имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому, ежели сию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими или главными государствами. Она тогда снова испытает все бедствия и весь неизъяснимый вред, нанесенный древней России удельной системой, которая так же не что иное была, как род федеративного устройства государства; и потому, если какое-нибудь другое государство может еще сомневаться во вреде федеративного устройства, то Россия уже никак сего сомнения разделять не может: она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за свою ошибку в прежнем ее государственном образовании. А посему, соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется коренным законом Российского государства, что всякая мысль о федеративном для него устройстве отвергается совершенно, яко пагубнейший вред и величайшее зло. Избегать надлежит всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно к такому устройству государства вести бы могло.

Вследствие всего здесь сказанного объявляется Российское государство, в пределах, выше обозначенных, единым и нераздели мым, отвергающим притом совершенно всякое федеративное образование, устройство и существование государства.

Гл. II, § 16.

Все племена должны слиты быть в один народ.

Из всего содержания главы сей явствует, что при всех мероприятиях временного Верховного правления в отношении к различным народам и племенам, Россию населяющим, беспрестанно должно непременную цель иметь в виду, чтобы составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские. К сей цели ведут многоразличные способы, могущие на два рода быть разделены: на средства общие и средства частные. Средства общие состоят главнейше в том, чтобы, во-первых, на целом пространстве российского государства господствовал один только язык российский; все сношения тем самым чрезвычайно облегчатся, понятия и образ мыслей сделаются однороднее; люди, объясняющиеся на одном и том же языке, теснейшую связь между собой возымеют и однообразнее составлять будут один и тот же народ. Во-вторых, так как ныне существующее различие в названиях народов и племен, Россию населяющих, всегда составлять будет из жителей Российского государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимого совершенного в России единородства, то, чтобы все сии различные имена были уничтожены и везде в общее название русских воедино слиты. В-третьих, чтобы одни и те же законы, один и тот же образ управления по всем частям России существовали и тем самым в политическом и гражданском отношениях вся Россия на целом своем пространстве являла бы вид единородства, единообразия и единомыслия. Опыты всех веков и всех государств доказали, что народы везде бывают таковыми, каковыми их соделывают правление и законы, под коими они живут.

Вот главные средства общие. Что же касается до частных, то было о них упомянуть выше сего в отношении к каждому народу или племени особенно. Соединяя общие средства с частными, можно будет с полной уверенностью ожидать, что цель будет достигнута и что все различные племена, в России обретающиеся, к общей пользе, совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень благоденствия, величия и могущества.

Гл. II-я, § 5.

Племя финское.

Когда в прошедшем столетии часть Финляндии была Россиею приобретена, тогда введены были законы, правление и язык российский, так что народ, в оной обитающий, в скором времени почти совсем обрусел. С приобретением остальной Финляндии, в нынешнем столетии, была старая Финляндия к новой присоединена и обеим дарованы законы и правление, особые от прочих областей российских. Первый опыт доказал удобство, с которым Финляндия может сделаться истинной частью России. Присоединяя к сему соображению решительное отвержение всякого федеративного устройства и непременное введение политической единообразности, обязывается Верховное Правление ввести во все части Финляндии те законы и тот образ правления, которые для самих губерний российских приуготовляются. Сей новый порядок будет для Финляндии благодетельнее и приятнее не только нынешнего российского, но и нынешнего финляндского. Что же касается до языка, то надлежит ввести в Финляндии российский язык, устраивая нужные для сего училища и принимая другие, к той же цели ведущие, меры, по усмотрению Верховного Правления.

Гл. II-я, § 11.

Кавказские народы.

Принимая к тому в соображение, что все опыты уже доказали неоспоримым образом невозможность склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными, разрешается Верховное Правление: 1) решительно

покорить все народы, живущие, и все земли, лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутою между Россией и Персиею, а равно и Турцией, в том числе и приморскую часть, ныне Турции принадлежащую; 2) разделить все сии кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренности России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям; и 3) завести в кавказской земле русские селения и сим русским переселенцам раздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом сгладить на Кавказе даже все признаки прежних (т.-е. теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную, благоустроенную область русскую. Все подробности сего мероприятия предоставляются распоряжению временного Верховного Правления.

Гл. II-а, § 14.

Евреи.

Принимая все сии обстоятельства в полное соображение, ясным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве, так сказать, своеособенное, совсем отдельное государство и при том ныне в России пользуются большими правами, нежели сами христиане. Хотя самих евреев нельзя винить ни в том, что они сохраняют столь тесную между собой связь, ниже в том, что пользуются столь большими правами, которое даровало им прежнее правительство, не менее того не может далее длиться такой порядок вещей, утвердивший неприязненные отношения евреев к христианам и поставивший их в положение, противное общественному порядку в государстве. Для приведения сего порядка вещей в надлежащее состояние открываются два способа. Первый состоит в совершенном изменении сего порядка: изменение сие должно относиться до всех тех предметов, которые в теперешнем их положении и устройстве вредны и злоупотребительны. Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для христиан влияния тесной связи, евреями между собой содержимой или противу христиан направленной и от всех прочих граждан их совершенно отделяющей. Для сего может Верховное временное правление ученейших раввинов и умнейших евреев созвать, выслушать их представление и потом мероприятия распорядить, дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим коренным правилам, имеющим служить основанием политическому зданию Российского Государства. Ежели Россия не выгоняет евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к христианам. Российское правительство, хотя и оказывает всякому человеку защиту и милость, но однакоже, прежде всего, помышлять обязано о том, чтобы никто не мог противиться государственному порядку, частному и общественному благоденствию. Второй способ зависит от особенных обстоятельств и особенного хода внешних дел и состоит в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую, и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство. Но так как сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно гениальной предприимчивости, то и не может быть оно поставлено в особенную обязанность временному Верховному Правлению, и здесь упоминается только для того об нем, чтобы намеку представить на все то, что можно бы было сделать.

Гл. III, § 3.

Аристократия богатств.

Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлею, совершенно отвергнуто политической экономией, доказавшею неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься той отраслью промышленности, от которой наиболее

ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать к усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которая, напротив того, мешает повсеместному преуспеянию народного богатства. Сверх того, надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся через распределение частных лиц по отраслям промышленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытья богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, соделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах. Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого другого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные, до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во время коей начинает возникать аристократия богатств, гораздо вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может, и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит в них орудие для своих выгод, противу коих общее мнение совершенно бессильно, и посредством коих оно приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такового распределения народа не допускать, но даже все меры принимать, дабы таковые сословия отдельно от массы народной составлением сами собою бы не устанавливались и не образовывались; а, тем более, обязано их уничтожить, ежели они где-либо существуют.

Гл. III, § 4.

Все должны быть перед законом равны.

Все вышеупомянутые сословия составились в разные времена и при разных обстоятельствах и, разделив народ на разные классы, произвели большие различия и разнородности в гражданском положении людей, принадлежащих к одному и тому же государству. Различия сии целью имеют не лучшее устроение государственного порядка, коего нельзя посредством их достигнуть, и не удобнейшее доставление общественного блага всему народу, но единственно дарование некоторым людям больших преимуществ против массы народной и подавление сей последней в пользу и в корысть малейшего числа. Гражданские общества, а, следовательно, и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых, за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковые права на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законов, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным. Сверх того, нарушают сии различия добрую между гражданами связь, разделяя их на несколько отделений, имеющих совсем различные виды и выгоды, а, следовательно, и образ мыслей. Сколь же добрая связь между гражданами важна для благоденствия государства, ясно доказано было в предыдущей главе, и точно также нарушается различием сословий, как и разнородством племен. Сословия тем еще пагубнее, что они только одним пристрастием дышат, что некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы, что для пресыщения корысти нескольких людей жестокую оказывают несправедливость против наибольшей части народа, и

что противны цели государственного существования, состоящей не в пристрастии к малому числу, но в елико возможно большем благоденствии много[чис]леннейшего числа людей в государстве. А из всего вышесказанного следует, что учреждение сословий непременно должно быть уничтожено, что все люди в государстве должны составлять только одно сословие, могущее называться гражданским, и что все граждане в государстве должны иметь одни и те же права и быть перед законом все равны.

Изложив, таким образом, коренные соображения о сословиях вообще, приступить теперь можно к изложению мероприятий, коим каждое из них в особенности подвергнуться имеет.

Гл. III, § 6.

Дворянство есть то отдельное от массы народное сословие, которое свои особенные имеет преимущества, состоящие в следующих пяти предметах: 1) Дворянство обладает другими людьми, как собственностью своею, называя их своими крепостными, и право имеет составлять майораты с разрешения правительства; 2) дворянство никакой подати не платит и никаких вкладов в пользу общую не вносит; 3) дворянство не подлежит телесным по суду наказаниям, подобно прочим россиянам, ниже за самые ужаснейшие преступления; 4) дворянство не подлежит рекрутскому набору и всякие звания и должностные места в государстве замещает, за исключением прочих россиян, и 5) дворянство называется сословием благородным, имеет гербы и присоединяет к сему различные титла. Сии пять преимуществ составляют дворянство, в отношении к коему употреблено здесь слово преимущество, а не слово право, потому что упомянутые выгоды, коими пользуется дворянство, ни на какой предшествующей обязанности не основаны, ниже для исполнения какой-либо обязанности нужными не бывают, почему и не могут правами быть признаны; тем более, что сии выгоды не только не основаны на предшествующих обязанностях, но даже, напротив того, от обязанностей избавляют и потому должны быть признаны преимуществами, а не правами. Рассмотрим теперь, должны ли таковые преимущества в благоустроенном государстве отдельному сословию быть дарованы.

Что же касается до майоратов, то должны теперешние непременно быть уничтожены и составление новых на будущее время совершенно быть запрещено: ибо дети должны быть все наделены равными участками от родительского наследства и установление майоратов есть столь же гнусная, как и явная несправедливость. Уничтожение теперешних майоратов предоставляется распоряжению временного Верховного Правления.

Второе. Гражданское общество составлено для возможного благоденствия всех и каждого. Сие благоденствие достигается разными средствами и действиями, в числе коих находится необходимость и подати собирать. А поелику все члены имеют равное право на благоденствие, то все члены имеют точно также равную обязанность содействовать водворению оного. Сверх того, одно только зловластие может все тягости возлагать на одних, а других всеми выгодами осыпать. Честный человек, без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних, без всякого с своей стороны возмездия или сочувствия. А потому и не может дворянство от податей быть освобождаемо. Оно должно со всеми прочими россиянами разделять не только все государственные выгоды, но, равным образом, все государственные тягости. Временное Верховное Правление обязывается, при введении новой государственной финансовой системы, подвергнуть дворянство податям, наравне с прочими россиянами.

Третье. Род наказания должен соответствовать роду преступления, а не сословию преступника, ибо преступление есть произведение злых качеств у человека, а не причисления его к тому или другому сословию, и хотя утверждают, что одинаковое наказание для человека образованного и человека без воспитания будет большее страдание для первого, нежели для второго, но одинаковое преступление, соделанное человеком образованным и человеком без воспитания, заставляют предполагать более разврата и более унижения в первом, нежели во втором, а, следовательно, и должен первый быть наказан сильнее второго, чем равновесие и восстановится. К тому же, цель наказаний не есть страдание преступника, но есть исправление его, а

еще более, удержание других, посредством примера, от подобных деяний. Посему и должно быть наказание соображено преимущественно с действием на посторонних людей. Из чего и явствует необходимость, чтобы за одинаковые преступления налагаемы были одинаковые наказания, тем более, что нет возможности сообразить наказание со степенью чувствительности наказываемого, и что люди даже одного и того же сословия, столь же различны в отношении к сей чувствительности, сколько и люди различных сословий. А посему и должно дворянство наравне со всеми прочими россиянами, за одинаковые преступления одинаковым подлежать наказаниям, и ежели телесные наказания будут признаны необходимыми, то должны оным быть подвергнуты дворяне так точно, как и все прочие люди. Временное Верховное правление обязывается распорядить приведение сего в исполнение безупустительно с самого начала вступления своего в должность.

Четвертое. Набор ратников в войско есть учреждение, необходимое для государственной безопасности, а, следовательно, и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. Но поелику польза, от военной силы происходящая, на всех членов гражданского общества распространяется одинаковым образом, то и должны все сословия одинаковым образом в составлении сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребием, как то объяснено будет в главе осьмой, т.-е. одинаковыми для всех россиян правилами на сей счет. А посему не может дворянство от сей личной повинности быть освобождаемо и должно сие преимущество его быть уничтожено. Главнейшее средство к избежанию рекрутства будет состоять в выдержке положенного экзамена, по которому право приобретется будет вступать в службу не рядовым, но уже офицером. Сие право распространено быть имеет на все сословия и на всех, вообще, россиян одинаковым образом. О сем будет пространнее упомянуто в главе осьмой. Само собою разумеется, что имеющий ныне какой бы то ни было офицерский чин, по какому бы то ни было ведомству, уже более рекрутству подлежать не может и не будет. Что же касается до исключительного права дворян замещать все должностные места, то сие право распространяется на всех россиян вообще и перестает быть исключительным преимуществом одного дворянства. Кто по своим познаниям, способностям и достоинствам окажется заслуживающим право на должностные места, тот и будет сим правом пользоваться, на основании общих правил, без всякого внимания на его происхождение или сословие. Временное Верховное правление обязывается привести всю статью сию в полное и совершенное исполнение, без всякого послабления.

Пятое. Люди все рождены во благо: ибо они все суть творение всевышнего и потому несправедливо называть благородным одно только сословие — дворян. Вследствие сего должно быть уничтожено преимущество дворянства именоваться сословием благородным.

Из всего до сих пор сказанного явствует, что все пять родов преимуществ, коими дворянское сословие поныне пользовалось, должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены. А так как дворянское достоинство ничто иное есть, как итог сих пяти родов преимуществ, то и следует из сего, что и само звание дворянства должно быть уничтожено: члены оного, поступая в общий состав российского гражданства, на основании общих правил, ниже сего изложенных, и долженствуя, подобно всем прочим россиянам, по волостям быть расписаны.

Гл. III, § 7.

Купечество. В нынешних постановлениях о купечестве, считающемся отдельным сословием, обретаются большие несправедливости, противоречия и злоупотребления, многоразличными препонами и затруднениями гибель торговле наносящие. Известно, что лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать, состоит в даровании свободы, обращая внимание правительства на промышленность народную, с тою только целью, чтобы распространять познания и сведения, необходимые для промышленности, и, вообще, просвещение, и чтобы устранять препятствия, частные способы превышающие. Из сего явствует, что свобода есть главная необходимость для народной промышленности.

Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1) чтобы каждый гражданин имел право и

позволение заниматься той или теми отраслями промышленности, которые он заблагорассудит избрать, лишь бы честен был и к законам исполнителен; 2) чтобы каждому дозволено было любой заниматься промышленностью не только в одних городах и назначенных местах, но, равным образом, и в селениях всякого рода и вообще везде, где только пожелает, и 3) чтобы сама промышленность была освобождена, елико возможно более от всяких затруднений и препятствий, производимых иногда не только худо-обдуманными постановлениями, но и посторонними действиями и причинами, так, чтобы она находила в распоряжениях правительства не препоны своему преуспеванию, но, напротив того, защиту и содействие.

Дворянские крестьяне. Весьма различно положение, в котором находятся различные дворянские крестьяне. У самых добрых господ они совершенным благоденствием пользуются; у самых злых — они в совершенном злополучии обретаются. Между сими двумя крайностями существует многочисленное количество разнообразных степеней злополучия и благосостояния. Различие сие происходит оттого, что участь крепостных людей в полной мере зависит единственно от мысли и воли их господ, и что никакого не существует определительного постановления, взаимные их отношения, обязанности и права устанавливающего, и положение крестьянского состояния ясно определяющего. Сие доказывает необходимость такого постановления, дабы дурные помещики принуждены были следовать примеру добрых помещиков, и дабы положение крестьян, елико возможно, было улучшено и на твердых началах и правилах положительным образом основано.

Для составления такового постановления имеет Верховное правление возложить на вышеупомянутые грамотные дворянские собрания обязанность представить ему проекты об оном и потом из всех сих проектов выбор сделать, целое составить и оный в ход и действие привести. Все же предварительные меры, нужные для составления и введения сказанного постановления, обязывается Верховное правление, по своему усмотрению, неукоснительно и решительно принять, не останавливаясь никакими побочными соображениями.

Успехи общего просвещения, повсюду более и более распространяющиеся, лучшие понятия о взаимных отношениях всех членов и частей государства, дух времени, стремящийся к свободе, на законах основанной, — все сие заставляет желать, чтобы рабство было совершенно в России уничтожено, и чтобы полезное сословие крестьян не было забыто, особливо в то время, когда Россия стремится к установлению прочного законного порядка, и всем прочим сословиям и частям улучшение положения и состояния их приобретает.

Сверх того, надобно также и о том в совести своей помышлять, что право обладать другими людьми, как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей, наподобие вещей, употреблять их по своему произволу, без предварительного с ними соглашения и единственно для своей прибыли, выгоды и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, законам естественным, святой вере христианской и заповедной воли всевышнего творца, гласящего в священном писании, что все люди перед ним равны, и что одни деяния их и добродетели разницу полагают. Поелику таковое важное предприятие требует зрелого обдумания и весьма большую произведет в государстве перемену, то не может оное иначе к успешному окончанию приведено быть, как введением постепенным. О сем предмете должно Верховное правление потребовать проекты от грамотных дворянских собраний и по оным мероприятия распорядить, руководствуясь следующими тремя главными правилами: 1) освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян дохода, ими от поместий своих получаемого; 2) освобождение сие не должно произвести волнений и беспорядков в государстве, для чего и обязывается Верховное правление беспощадную строгость употреблять против всяких нарушителей спокойствия; 3) освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать.

Гл. IV, § 9.

О гражданском разделении земель много было рассуждаемо, при чем все сии рассуждения разделялись на два главные мнения. Первое мнение объясняется таким

образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит все то сама, что к пище человека служить может. Следовательно земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми, за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием земли не пользуется, то воля всевышнего и закон природы совершенно нарушены и права естественные человека устранены насилием и зловластием. На сем соображении был основан известный поземельный закон римский, который устанавливал частое разделение земель между всеми гражданами. Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должны на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать соглашается, который в полной своей собственности землю иметь будет; что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено. Сии два мнения совершенно друг другу противоречат, между тем как каждое из них много истинного и справедливого содержит. Сие происходит оттого, что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А дабы ясно усмотреть можно было, в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком каждое ложно, надлежит следующими правилами руководствоваться: 1) человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать, следовательно земля есть собственность всего рода человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен; 2) с учреждением гражданских обществ сделались сношения между людьми многообразнее и возникло понятие о собственности. Охранение сего права собственности есть главная цель гражданского быта и священная обязанность правительства; 3) законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные, а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь перевес перед первыми, ибо они поставлены от бога и природы и суть неизменны, между тем, как политические поставлены от людей и часто переменяются; 4) наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия. На первое каждый человек имеет неоспоримое право, потому что он человек; на второе имеет право только тот, который сам оное приобрести успеет; 5) установив возможность для каждого человека пользоваться необходимым для его жития, не подвергая его, для приобретения оного, зависимости от других, надлежит только дать обеспечение и совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия. Соображая сии коренные правила с выше изъясненными двумя мнениями, можно легко приступить к изысканию средств для соглашения обоюдных выгод и преимуществ и устранения обоюдных несправедливостей.

Гл. IV, § 10.

Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины, по угодьям, как то в предыдущей главе объяснено было, в статье о казенных крестьянах. Одна половина получит наименование земли общественной, другая — земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам, без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полною свободою и право имеющим делать из оной что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия. Земля общественная будет удовлетворять справедливым заключениям первого обществен-

ного мнения, а земли частные — второго мнения. Сим средством будут оба мнения совершенно соглашены, все пять коренных вышеописанных правил в полной мере соблюдены, каждый в необходимом обеспечен и полная свобода к приобретению изобилия дана тем, которые в состоянии найдутся оным пользоваться. Ежели при первом взгляде покажется введение такового порядка сопряженным с большими трудностями, то надлежит только вспомнить, что сие постановление может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже привыкли к подобному разделению земли на две части.

Гл. IV, § 13.

Когда государства так еще были малы, что все граждане на одном месте или небольшом поле собираться могли для общих совещаний о важнейших государственных делах, тогда каждый гражданин имел голос на вече и участвовал во всех совещаниях народных. Демократия существовала тогда. Сей порядок должен был измениться с увеличением государства, когда уже нельзя было всем гражданам собираться на одном месте. Демократия тогда была уничтожена. Многоразличные государственные превращения совокупились с сею причиною и произвели, наконец, то, что одни только богатые или военные начали съезжаться для участия в государственных делах. Тогда возникла аристократия, а потом и феодальная система, со всеми ужасами и злодеяниями. Много других причин содействовали к введению и укреплению феодального порядка вещей, но главная оного опора всегда состояла в невозможности всему народу собираться на одном месте и совокупным действием в государственных делах участвовать. Таким образом, аристократия и вся вообще феодальная система много веков свирепствовала над несчастной Европою, заставляя народы переходить все степени злополучия и угнетения. Время, которое всегда, наконец, памятники неправды и злосчастья пожирает, привело равным образом в упадок и сии порядки или, лучше сказать, беспорядок вещей. Великая мысль о представительном правлении возвратила гражданам право на участие в важных государственных делах. Пользоваться же стал народ сим правом не так, как прежде оным пользовался непосредственным образом, поелику не могли все граждане на одном месте быть собраны, но посредством своих представителей, коих из своей среды назначал на определенное время. Из сего явствует, что представительное правление решило великую задачу государственного управления и согласило невозможность собраться всем гражданам на одно место с неоспоримым правом каждого участвовать в государственных делах.

Неудивительно посему, что все народы с таким пламенным желанием стремятся к установлению представительного порядка и к избавлению себя от нетерпимого ига аристократов и богатых. Действие народов, в сем случае, есть действие оборонительное, ибо они не налагают ига на аристократов и богатых, но только себя от их ига избавить хотят. Таким образом, решено, что представительный порядок непременно существовать должен и что народные представители, образуя особое правительствующее место, в состав Верховной власти входить должны

Гл. IV, § 14.

Сей вопрос, будучи решен, возник новый вопрос, *каким образом* должны народные представители быть *выбираемы* и *назначаемы*?

Порабощающая сила аристократов и богатых вмешалась в сие дело и превратно представила толкование, вследствие коего во многих представительных государствах предоставлено участие в избрании представителей одним только богатейшим людям, за исключением большинства граждан. Таким образом, заменяет в тех государствах аристократия богатства аристократию феодализма, и народы не только ничего не выиграли, но даже, напротив того, в некотором отношении еще в худшее приведены политическое положение, ибо в насильственную связь поставлены зависимость от богатых. Все не могут быть богатыми, малейшая часть граждан изобилием пользоваться может, а с тем вместе при таковом устройстве представительства народится в государстве отдельное от массы народной сословие богатых, о котором в сей же главе доказано, что оно есть самое пагубное и зловред-

ное. Богатые всегда будут существовать и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества, за исключением бедных. А посему и возлагается непременная обязанность на Верховное правление, описанное в сем параграфе, затруднение разрешить посредством представительного порядка и в полной мере всякую даже тень аристократического порядка, хоть феодального, хоть на богатстве основанного, совершенно устранить и навсегда удалить, дабы граждане ничем не были стесняемы в своих выборах и не были принуждаемы взирать ни на сословия, ни на имущество, а единственно на одни способности и достоинства и руководствоваться одним только доверием своим к избираемым ими гражданам.

Гл. V, § 7.

Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества.

Гл. V, § 9.

В отношении ко всем сим родам договоров и различным оных оттенкам, обязывается Верховное правление полные и точные правила постановить, имея всегда в виду, что мало статей столь сильное и ежевременное имеет влияние на благосостояние граждан, как установление правил для договоров, ибо на оных основаны все почти частные действия и предприятия. Тут два главные правила должны непременно быть строго соблюдаемы. Первое состоит в елико возможно сильнейшем утверждении святости всяких договоров, в отношении к исполнению оных. Второе состоит в даровании полной свободы к заключению всяких договоров, лишь бы они не были противны общественному благу и порядку и не наносили бы вреда другим гражданам.

Гл. V, § 10.

Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие сего постановляются следующие неизменные правила: 1) Никто из граждан не должен свободы быть лишен и под стражу посажен иначе, как законным образом и законным порядком. Всякое действие, сему противное, наводит строжайшую ответственность на нарушителей.

Гл. V, § 16.

Правила, утверждающие свободное книгопечатание и определяющие нравственные действия, касаются трех предметов: 1) воспитания, 2) нравственности, 3) книгопечатания. Воспитание детей разделяется на общественное и частное. Первое устраивается правительством, второе предоставляется частным людям. Правила в отношении к воспитанию юношества суть следующие: 1) Каждый отец семейства может, по своему произволу, детей своих или воспитывать у себя в доме, под собственным своим надзором, или отдавать их в общественные учебные заведения, от правительства учрежденные. 2) Поелику ничто столь сильно не действует на благоденствие царств и народов, как воспитание, то и обязывается Верховное правление учебные заведения устроить таким образом, чтобы они в полной мере всевозможную пользу приносили. 3) Частные лица не должны иметь право заводить ни пансионов, ни других учебных заведений, куда бы граждане детей своих отдавали, потому что правительство обязано о воспитании юношества много заботиться и неупустительно над оным надзирать, хотя и может оное родителям предоставить и на их старание в полной мере положиться. Но коль скоро родители не имеют времени, средств, или охоты оным заниматься, то должно правительство их место заступать и не дозволять, чтобы сие было предоставлено посторонним людям, ибо нельзя иметь к сим последним достаточной доверенности, дабы им поручить многотрудное исполнение

священной сей обязанности, тем более, что надзор правительства за таковыми частными заведениями всегда будет слаб и недостаточен.

Гл. V. § 17.

Нравственность утверждается в народе совокупностью духовных, естественных и политических законов. Все на нее влияние имеет и потому составляется она совокупностью правильного действия граждан по всем сим разнообразным соотношениям. Из сего явствует, что целое содержание «Русской Правды» неминуемо на нее распространяется и ее укрепляет. Не менее того надлежит здесь следующие правила в особенности изложить: 1) Всякое учение, проповедывание и занятие, противное законам и правилам чистой нравственности, а тем еще более разврат и соблазн вводящие, должны быть совершенно запрещены. Но поелику таковое запрещение весьма легко может перейти в зловластие, то и обязывается Верховное правление поставить правила на сей счет таким образом, чтобы зло было отвращено и притом гражданская свобода не была стеснена 2) Всякие частные общества с постоянной целью учреждаемые, должны быть совершенно запрещены, как открытые, так и тайные, потому что первые бесполезны, а вторые вредны. Первые потому бесполезны, что они таких только предметов касаться могут, которые входят в круг действия правительства и для которых правительство уже учреждено со всеми отраслями, частями и подразделениями, особенно при существовании волостных обществ. Вторые же потому вредны, что они только таких касаться могут предметов, которые не могут быть сделаны гласными, а таковые предметы не могут быть иначе признаны, как зловредными, ибо государственный порядок, в сей «Русской Правде» постановляемый, не только ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже, напротив того, все средства дает на их введение и обнародование законным порядком и к объявлению таких предметов и статей дружески и благосклонно всех и каждого приглашает. Следовательно скрывать нечего добро. 3) Увеселения и забавы дозволяются всякого рода, как частные, так и общественные, лишь бы оне не были противны чистейшей нравственности и не заключали бы в себе разврата и соблазна. За сим обязано правительство бдительный и строгий иметь надзор. Весьма полезно заводить народные празднества, для усиления народного духа и укрепления гражданской, дружеской связи. Сия статья предоставляется мудрому обдуманию Верховного правления. Наконец, 4) Верховное правление обязывается все средства употребить, какие заблагорассудит избрать для прекращения поединков, хотя бы постепенными мероприятиями то было исполнено.

Гл. V. § 18.

Коренные правила в отношении к свободе книгопечатания постановляются следующие: 1) Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, с тем только, чтобы его имя было на его сочинении выставлено. От сего исключаются одни только личные ругательства, которые никогда допускаемы быть не должны. 2) Каждый гражданин пользуется правом иметь типографию, с тем только, чтобы о том было предварительно правительство извещено и чтобы на каждой печатной вещи находилось имя хозяина типографии. 3) За мнения и правила, в сочинении изложенные, отвечает каждый писатель, на основании вышеупомянутых правил об учении и проповедывании противных законам и чистой нравственности и судится общим судебным порядком. 4) Ежели в сочинении излагаются какие-нибудь происшествия или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязан оные доказать, если к суду обиженною стороною призван будет. Если же доказать не может, то подвергается уголовному наказанию и суду присяжных, судясь обыкновенным порядком, и 5) Сему распорядку подлежат все сочинения, большие и малые, все переводы, все ведомости и срочные издания, все живописи, гравировки и, одним словом, все то, что какого бы ни было рода сочинение составляет. Верховному правлению разрешается: все подробности по своему усмотрению постановить; срочные же сочинения должны быть издаваемы не иначе, как по предварительному извещению правительства о сем намерении.

Гл. V, §19.

Коренные правила в отношении к **свободе вероисповедания** и духовных действий состоят в следующем: 1) Христианская православная, греко-российская вера признана быть должна господствующей верою великого государства Российского. 2) Все прочие христианские исповедания, равно как и все инородные веры, дозволяются в России, если только не противны оне российским законам, духовным и политическим правилам, чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека. 3) Церковное богослужение есть наружный знак, — посредством коего человек обращается к существу всевышнему и стремится с оным войти в сношение по влечению внутреннего его убеждения и потому должно быть всегда оказываемо совершенное высокопочитание к церковному богослужению всякого исповедания и всякой веры. 4) Внутренняя вера или понятие о боге и различных догматах веры находится в св. писании и есть дело между человеком и существом всевышним, в которое никто, следовательно, вмешиваться не имеет права, иначе как посредством просвещения и истинного убеждения. А потому инквизиция не должна никогда и никакого рода существовать. Внутренняя вера есть неограниченная собственность каждого человека, как существа разумного, не имеющего ни малейшей обязанности давать в том отчет кому бы то ни было, но, вместе с тем, и не имеющего права от других такого отчета требовать. Просвещение, убеждение, пример в соединении с точным исполнением церковного богослужения суть действительнейшие и, сказать можно, естественнейшие средства к укреплению и утверждению внутренней веры.

(«Русская Правда», Пестеля.)

---

169. С. И. Муравьев-Апостол.

Православный катехизис.

Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос: Для чего бог создал человека?

Ответ: Для того, чтобы он веровал в него, был свободен и счастлив.

Вопрос: Что значит веровать в бога?

Ответ: Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам святое свое евангелие. Веровать в бога — значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем заповедей.

Вопрос: Что значит быть свободным и счастливым?

Ответ: Без свободы нет счастия. Святой апостол Павел говорит: «ценою крови куплены есте, не будете рабы человекам».

Вопрос: Для чего же русский народ и русское воинство несчастны?

Ответ: От того, что цари похитили у них свободу.

Вопрос: Стало быть, цари поступают вопреки воли божией?

Ответ: Да, конечно; бог наш рек: «Болий в вас да будет ваш слуга», а цари тиранят только народ.

Вопрос: Должно ли повиноваться царям, когда они поступают вопреки воле божией?

Ответ: Нет! Христос сказал: «не можете богу работати и мамоне»; оттого-то и русский народ и русское воинство страдают, что покоряются царям.

Вопрос: Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ: Раскаяться в долгом раболепствии, и, ополчась против тиранства и нечестья, поклясться: да будет всем один царь на небеси и на земли — Иисус Христос.

Вопрос: Что может удержать от исполнения святого подвига?

Ответ: Ничто. Те, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшие души свои нечестию, и горе им, лицемерам, яко страшное наказание божие постигнет их на сем свете и на том.

Вопрос: Каким же образом ополчиться всем чистым сердцем?

Ответ: Взять оружие и следовать за глаголющим во имя господне, помня слова спасителя нашего: «Блажени алчущие и жаждущие правды, яко те насытятся», и, низложив неправду и нечестие тиранства, восстановить правление, сходное с законом божиим.

Вопрос: Какое правление сходно с законом божиим?

Ответ: Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными, сошедши на землю, избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей.

Вопрос: Стало быть, бог не любит царей?

Ответ: Нет! Они прокляты суть от него, как притеснители народа, а бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд божий о царях, книги Царств, главу 8-ю: «собравшася мужи израилевы и придоша к Самуилу и рекоша ему: ныне постави над нами царя, да судит ны: и бысть лукав глагол сей перед очами Самуиловыми, и помолися Самуил ко господу, и рече господь Самуилу: «послушай ныне гласа людей, якоже глаголят тебе, яко не тебе уничтожиша, но мне уничтожиша, яже не царствовати ми над ними, но возвестиши им правду цареву». И рече Самуил и вся словеса господни к людям, просящим от него царя, и глагола им: «Сие будет правда царева: сыны ваша возьмет и дщери ваша возьмет и земли ваши одесятствует, и вы будете ему раби и возопиите в день он от лица царя вашего, его же избрасьте себе, и не услышит вас господь в день он, яко вы избрасьте себе царя...» Итак, избрание царей противно воле божией, яко един наш царь должен быть Иисус Христос.

Вопрос: Стало, и присяга царям богопротивна?

Ответ: Да, богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для погубления его; не призывай всуе имени господня; господь же наш и спаситель Иисус Христос изрек: «аз же глаголю вам, не клянитеся всяко», итак, всякая присяга человеку противна богу, яко надлежащая ему единому.

Вопрос: Отчего упоминают о царях в церквах?

Ответ: От нечестивого приказания их самих, для обмана народа, и ежечасным повторением царских имен оскверняют они службу божию, вопреки спасителя веления: молящие не меньше глаголят, яко же язычники.

Вопрос: Что же, наконец, подобает делать христолюбивому Российскому воинству?

Ответ: Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и видимо покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А кто отстанет, тот — яко Иуда — предатель, будет анафема проклят. Аминь» [1]).

(Той же идеей единства христианской веры и революции проникнуто и его «Воззвание»).

ВОЗЗВАНИЕ.

Бог умилосердился над Россией, послал смерть тирану нашему. Христос рек: «не будете рабами человеков, яко искуплены кровью моею». Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страдания наши тронули всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасение. Братья! Раскаемся в долгом раболепствии нашем и поклянемся: да будет нам един царь на небеси и на земли Иисус Христос. Все бедствия русского народа проистекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертью тирана бог ознаменовал волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви, не покусимся ни на какие злодеяния, и, без распрей междоусобных, установим правление народное, основанное на законе божием, гласящем: «да первый из вас послужит вам». Российское воинство грядет восстановить правление народное, основанное на святом законе. Никаких злодействий учинено не будет. Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умоляет всевышнего в скорейшем совершении святого дела нашего. Служители алтарей, доныне оставленные в нищете и призрении злочестивым тираном нашим, молят бога о нас, восстановляющих во всем блеске храмы господни».

(Берсенев. Муравьев-Апостол, стр. 55 — 59.)

---

170. Общество соединенных славян.

(Из записок неизвестного.)

... Общество имело главною целью освобождении всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение

---

[1]) Впервые мысль о «Катехизисе» возникла у Никиты Муравьева, но признав свою попытку неудачной, он вскоре от нее отказался.

всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностию определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений. Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические, нравственные и умственные: посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах, и для достижения возможного благосостояния требует промышленности, отвращающей бедность и нищету; нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и, наконец — просвещения, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое делает разумнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три остальные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина. Он должен был, по возможности, истреблять предрассудки и порочные наклонности, изглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточительными; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости, без вреда для себя и других, пользоваться оными. Убеждение в сих правилах заставляло Славян выводить следующие заключения: никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему, прежде всего, должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются. Славяне, убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали, не хотели терять времени в пустых и невозможных усилиях, но вознамерились делать все, что зависит от них и ведет хотя медленно к предпринятой цели. В исполнение сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей, стараться заводить или способствовать заведению небольших сельских и деревенских училищ, внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина, и, таким образом, возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и пр.

Не взирая, однакож, на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии: от одних своих друзей, от одного оружия Славяне ожидали исполнения своих желаний: мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения.

Сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянского Общества, во многом отличается от духа Южного Общества, и что даже, в некоторых отношениях, они были друг другу совершенно противуположны. Но к соединению двух обществ не столько содействовало сходство их характеров, сколько нетерпение и желание скорейшего достижения цели. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство Славян еще худо понимало правила и средства своего союза и порывом своим увлекло тех немногих, которые были вполне проникнуты оными. Сии последние видели невозможность бороться с представителями сильного Русского Общества, обещавшего немедленное освобождение России, и с прискорбием приняли на себя труд оного. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми, заставила их утешаться надеждою, что после переворота мысль

Славянского Союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения всех славянских народов...

13 сентября, в день, назначенный для последнего совещания, все члены Славянского Общества поспешили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собрание было многочисленное и представляло любопытное зрелище для наблюдателя. Люди различных характеров, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о том, как бы слиться в одно желание и составить одно целое: все их мысли были заняты предприятием освобождения отечества; все их надежды затмевались надеждою блистательных и несомненных успехов. Радость, самоотвержение, блистали на их лицах; посреди всеобщего упоения, проницательный взор наблюдателя мог бы заметить, что не все Славяне чистосердечно радовались соединению их общества с Южным, подобно, как просвещенный путешественник, присутствующий при шумном и радостном торжестве диких, погребающих одного из своих собратий, читает в глазах отца и супруги скорбное чувство разлуки и видит незамечаемую никем слезу, посвященную памяти умершего. Приезд Бестужева-Рюмина довершил упоение. Он говорил снова об успехах, о счастии пожертвовать собою для блага своих сограждан, и после сего каждый хотел произнести немедленно требуемую клятву; все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, действовать с преданностию и с самозабвением. Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный Славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной; трогательной и вместе страшной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей, производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страшные клятвы сменивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!..» Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались, как дети, — одним словом, это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной... — —

15 сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час. Бестужев-Рюмин начал разговор похвалами Славянскому Обществу, рассказывал и повторял несколько раз С. Муравьеву, с каким восторгом они произносили клятву соединения двух обществ, превозносил их преданность к общему делу, и тому подобное...

Сергей Муравьев с Горбачевским, удалившись в другой конец комнаты, разговаривали о восстании, в особенности о приготовлении солдат. Горбачевский утверждал, что от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащею осторожностью объяснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны Общества, разумеется, не открывая им сего, заставить их о сем думать и дойти до того, чтобы они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемые ими права. Здесь Горбачевский рассказал С. Муравьеву предполагаемый Славянами план действия на нижних чинов и говорил, что должно принять всем членам одинакий способ действий. Он был убежден, что откровенность и чистосердечие подействуют на русского солдата более, нежели все хитрости макиавелизма. Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо, клонящееся к цели общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для них загадкою сфинкса. Горбачевский возражал, что сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями. Кроме того, прибавил он, у всякого командира есть столько способов, что если солдаты, во время восстания, за ним не пойдут, то, конечно, командир сам виноват, и сие должно приписать ничему другому, как его нехотению, или просто его нерадению. С. Муравьев отвечал, что, по его мнению, лучший способ действовать на русских солдат рели-

гиею; что в них должно возбудить фанатизм, и что чтение библии может внушить им ненависть к правительству. «Некоторые главы, — продолжал он, — содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя». — «Я с вами не согласен, — отвечал Горбачевский,—вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники, ни монахи, не могут иметь влияния на русских, и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них сказать, что запрещение израильтянам избирать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию». — «Вы делаете много чести нашим солдатам,—возразил С. Муравьев, — простой народ добр, он никогда не рассуждает и потому он должен быть орудием для достижения цели». Говоря сие, он вынул из ящика исписанный лист бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказал: «Поверьте мне, что религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца; она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам русского, по вашим словам равнодушного к религии, и доставит ему мученический венец». Горбачевский молча взял бумагу из рук Муравьева, пробежал ее глазами и увидел, что это перевод той главы из ветхого завета, где описывается избрание израильтянами царя Саула. «Это все очень хорошо,—сказал он, отдавая назад Муравьеву помянутый лист, — но я уверен, что никто из Славян не согласится таким образом действовать; что же касается до меня, то я первый отвергаю сей способ и не прикоснусь до сего листа». В это время подошел к ним Спиридов. С. Муравьев, отдавая ему сей лист, повторил свое мнение. Услышав оное, Спиридов начал поддерживать мнение Горбачевского, говоря, что сей способ совершенно не соображен с духом русского народа; что он не принесет никакой пользы, и что кто проникнут чувством религии, тот не станет употреблять столь священный предмет орудием для достижения какой-либо посторонней цели. Муравьев силился доказать Горбачевскому, что сие средство действовать на солдат есть самое надежное; Горбачевский же, напротив, утверждал, что оно относительно русского солдата есть совершенно бесполезное, и что ежели ему начнут доказывать ветхим заветом, что ненадобно царя, то, с другой стороны, ему с малолетства твердят и будут доказывать новым заветом, что итти против царя, значит итти против религии и бога и, наконец, что никто не захочет входить в теологические споры с солдатами, которые совсем не в том положении, чтобы их понимать, и не те отношения между ними и офицерами. Муравьев замолчал, положил бумагу в ящик и обратил разговор на другой предмет. Мы не будем здесь рассуждать, почему Муравьев полагал, что священным писанием можно привлечь к делу солдат, и показать им, каким образом должны управляться народы: не будем также доказывать, ложно ли или справедливо было сие его мнение, но только скажем, что ни Горбачевский, ни Спиридов не только не приняли предложение С. Муравьева, но даже впоследствии оставили его без всякого внимания и не сообщали его своим товарищам, ибо наперед знали, что они будут противного мнения . . .

Члены Южного Общества действовали, большею частию, в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием для вступления в Общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних — или теми же средствами, или деньгами и угрозами. Сверх того, как члены Южного Общества были, большею частию, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе: и, тем более, препятствовала иметь доверенность в сношениях по Обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии.

Славяне, напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, нимало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предрассудкам и твердого и обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностию своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий: в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностию их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти.

Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели. Сближение сие, конечно, изменило несколько характер Васильковской Управы, но не могло вполне пробудить ее от бездействия. Славяне же, укрепленные новыми силами, начали еще с большим рвением действовать на своих подчиненных. Плодом их действия было восстание Черниговского полка, которое составляет главный предмет нашего рассказа

(«Русский Архив», 1882 г., № 2, стр. 443—466.)

---

171. Революционная песня Рылеева.

Ах, тошно мн
И в родной стороне;
Все в неволе
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго-ль Русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго-ль будут торговать?
Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?
По две шкуры с нас дерут;
Мы посеем, они жнут;
И свобода,
У народа
Силой бар задушена.
А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье,
Стариною заживем.
А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом,
Их карманом
Стала наша мошна.
Баре с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат,
И волочат
По дорогам да судам.
А уж правды нигде,
Не ищи мужик в суде.
Без синюхи,
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель,
Заодно с секретарем.
Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас в конец.
А под царским орлом,
Ядом подчуют с вином,
И народу,
Лишь за воду,
Велят вчетверо платить.
Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!

Всех затеев,
Аркачеев,
И всему тому виной
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет.
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой.
А до бога высоко,
До царя далеко.
Да мы сами,
Ведь, с усами;
Так мотай себе на ус.

(Соч. Рылеева, стр. 168—170.)

172. К. Ф. Рылеев.

Гражданин.

Я-ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан,
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья!
Пусть юноши, не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека;
Пусть с хладнокровием бросают хладный взор
На бедствия страдающей отчизны,
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги,
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риэги.

1825 г. Декабрь.

Исповедь Наливайки.

«Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я на душу принять готов.
Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!
. . . .
Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

1825.

(Библ. декабристов. Полн. собр. соч. Рылеева, стр. 145, 167—170.)

173. Проект манифеста, найденный в бумагах князя С. П. Трубецкого.

В Манифесте Сената объявляется:

1. Уничтожение бывшего правления.

2. Учреждение временного, до установления постоянного выборными.

3. Свободное тиснение, и потому уничтожение цензуры.

4. Свободное управление богослужения всем верам.

5. Уничтожение права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всех сословий перед законом, и потому уничтожение военных судов и всякого рода судных комиссий, из коих все дела судные поступают в ведомство ближайших судов гражданских.

7. Объявление права всякому гражданину заниматься чем он хочет, и потому дворянин, купец, мещанин, крестьянин — все равно имеют право вступать в воинскую и гражданскую службу, и в духовное звание, торговать оптом и в розницу, платя установленные повинности для торгов. Приобретать всякого рода собственность, как-то: земли, дома в деревнях и городах. Заключать всякого рода условия между собою, тягаться друг с другом перед судом.

8. Сложение подушных податей и недоимок по оным.

9. Уничтожение монополий, как-то: на соль, на продажу горячего вина и пр., и потому учре-

ждение свободного винокурения и добывания соли, с уплатою за промышленность с количества добывания соли и водки.

10. Уничтожение рекрутства и военных поселений.

11. Убавление срока службы военной для нижних чинов, но определение оного последует по уравнении воинской повинности между всеми сословиями.

12. Отставка всех без изъятия нижних чинов, прослуживших 15 лет.

13. Учреждение волостных, уездных, губернских и областных правлений, в порядке выбора членов сих правлений, кои должны заменить всех чиновников, доселе от гражданского правительства назначаемых.

14. Гласность судов.

15. Введение присяжных в суды уголовные и гражданские.

Учреждает правление из 2-х или 3-х лиц, которому подчинит все части высшего управления, т.-е. все Министерства, Совет, Комитет Министров, армии, флот. Словом, всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательскую и не судебную. Для сей последней остается Министерство, подчиненное временному Правлению, но для суждения не решенных в нижних инстанциях, остается департамент Сената уголовной и учреждается департамент гражданский, кои решают окончательно, и члены коих останутся до учреждения постоянного правления.

Временном правлению поручается приведение в исполнение:

1. Уравнение прав всех сословий.

2. Образование местных, волостных, уездных, губернских и областных правлений.

3. Образование внутренней народной стражи.

4. Образование судной части с присяжными.

5. Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6. Уничтожение постоянной армии.

7. Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение.

(Довнар-Запольский, Мемуары декабристов.)

---

174. Накануне 14-го декабря 1825 г.

(По запискам Н. Бестужева.)

...Приступим теперь к важнейшей эпохе жизни Рылеева. Разделяемый между литературой, занятиями по обществу и домашними попечениями, он тихо проводил жизнь свою, уважаемый общественным мнением, любимый домашними и друзьями и подозреваемый правительством, которое, повидимому, в последнее время было очень слабо в своем полицейском надзоре. Мало по малу, тайные дела при приготовлении общества отвлекли его от других занятий: он совершенно посвятил себя одной только заботе.

Не знаю, был ли он обманут сам, или желал другим представлять дела общества в лучшем виде, только из его пламенных разговоров о распространении числа членов, принадлежавших к союзу благомыслящих людей, я и другие заключали, что общество наше многочисленно и что значащие люди участвуют в оном. В сем положении дела застигла нас нечаянная смерть Александра. Более года прежде сего, в разговорах наших, я привык слышать от Рылеева, что смерть императора была назначена обществом эпохою для начатия действий оного, и когда я узнал о съезде во дворце, по случаю нечаянной смерти царя, о замешательстве наследников престола, о назначении присяги Константину, тотчас бросился к Рылееву; ко мне присоединился Торсон. Происшествие было неожиданно; весть о нем пришла совсем не оттуда, откуда ожидал я, и, вместо начатия действий, я увидел, что Рылеев не знал об этом. Встревоженный и волнуемый духом, видя благоприятную минуту пропущенною, не видя общества, не видя никакого начала к действию, я горько стал выговаривать Рылееву, что он поступил с нами иначе, нежели было должно.

— Где же общество, говорил я, о котором столько рассказывал ты? Где же действователи, которым настала минута показаться? Где они соберутся, что предпримут, где силы их, какие их планы? Почему это общество, ежели оно сильно, не знало о болезни царя, тогда как во дворце более недели получают бюллетени об его опасном положении? Ежели есть какие намерения, скажи их нам — и мы приступим к исполнению Говори!

Рылеев долго молчал, облокотясь на колени, и положив голову между рук.

Он был поражен нечаянностью случая, и сказал:

— Это обстоятельство явно даст нам понятие о нашем бессилии, я обманулся сам: мы не имеем установленного плана, никакие меры не приняты, число наличных членов в Петербурге не велико; но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня к вечеру. Между тем, я поеду собирать сведения, а вы, ежели можете, узнайте расположение умов в городе и войске.

Батенков и брат Александр явились в эту минуту, и первое начало происшествий, ознаменовавших период междуцарствия, началось бедным собранием пяти человек.

С сей минуты дом Рылеева сделался сборным местом наших совещаний, а он душой оных. Ввечеру мы сообщили друг другу собранные сведения: они были неблагоприятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако, без изъявления неудовольствия. В городе еще не знали, отречется ли Константин: тайна его прежнего отречения в пользу Николая еще не распространилась. В Варшаву скакали курьеры и все были уверены, что дела останутся в том же положении.

Когда мы остались трое, Рылеев, брат мой Александр и я, то после многих намерений, положили было писать прокламации к войску и тайно разбросать их по казармам: но после, признав это неудобным, изорвали несколько исписанных уже листов и решились все трое итти ночью по городу, останавливать каждого солдата, останавливаться у каждого часового и передавать им словесно, что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба.

Это положено было рассказывать, чтобы приготовить дух войска для всякого случая, могшего представиться впоследствии. Я для того упоминаю об этом намерении, что оно было началом действий наших и осталось неизвестным комитету.

Нельзя представить жадности, с какою слушали нас солдаты, нельзя изъяснить быстроты, с какою разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом.

Два дня сильного беспокойства, две бессонные ночи в ходьбе по городу и огорчение, сильно подействовали на Рылеева. У него сделалось воспаление горла; он слег в постель; воспаление перешло в жабу; он едва мог переводить дыхание, но не переставал принимать участие в делах общества. Мало по малу число наше увеличилось; члены съезжались отовсюду и болезнь Рылеева была предлогом беспрестанных собраний в его доме.

Мне прискорбно теперь припоминать предсказание, сделанное мною больному: тогда было оно шуткой, но вскоре исполнилось ужасною истиною. Ему поставили на шею мушку и когда она подействовала, надобно было сделать перевязку. Очищая больное место и прикладывая новый пластырь, я зацепил неосторожно за рану. Рылеев вскрикнул.

— Как не стыдно тебе быть так малодушным, — сказал я шутя: — и кричать от одного прикосновения, когда ты знаешь свою участь, знаешь, к чему тебе должно приучать свою шею.

Между тем сомнения насчет наследства престола возрастали. Нам открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднее: приготовляли гвардию, питали и возбуждали дух неприязни к Николаю, существовавший между солдатами. Рылеев выздоравливал и не переставал быть источником и главною пружиною всех действий общества.

Но не смотря на успехи наши, не взирая на то, что новые члены прибывали, что за многие полки сделаны были обещания, мы мало были уверены в наших силах: никто не мог ручаться за полный полк; ротные командиры, участвовавшие в заговоре, могли отвечать только за свои роты и то при благоприятных некоторых обстоятельствах.

Часто в разговорах наших сомнение на счет успеха выражалось очень положительно. Не менее того, мы видели необходимость действовать; чувствовали надобность пробудить Россию. Рылеев всегда говаривал:

— Предвижу, что не будет успеха; но потрясение необходимо. Тактика революции заключается в одном слове: «д е р з а й», и ежели это будет несчастливо — мы своей неудачей научим других.

Наконец, 12-го декабря, в субботу, явился у меня Рылеев. Вид его был беспокойный. Он сообщил мне, что Оболенский выведал от Ростовцева, что сей последний имел разговор с Николаем, в котором объявил ему о умышленном заговоре, о намерениях воспользоваться расположением солдат и упрашивал его, для отвращения кровопролития, или отказаться от престола, или подождать цесаревича для формального и всенародного отказа.

— Оболенский заставил Ростовцева переписать, как письмо, писанное им до свидания, так и разговор с Николаем. Вот черновое изложение того и другого, — продолжал Рылеев:

— Собственной руки Ростовцева. Прочти и скажи, что ты об этом думаешь?

Я прочитал. Там не было ничего упомянуто о существовании Общества; не названо ни одного лица, но говорилось о намерении воспротивиться вступлению на престол Николая: о могущем произойти кровопролитии. В справедливости же своего показания, Ростовцев заверял головою, просил, чтобы его посадили с сей же минуты в крепость и не выпускали оттуда, ежели предсказываемое не случится.

— Уверен ли ты, сказал я Рылееву: — что все написанное в этом письме и разговор совершенно согласен с правдою, и что в них ничего не убавлено против изустного показания Ростовцева?

— Оболенский ручается за правдивость этой бумаги: он говорит, что Ростовцев почти добровольно объявил ему все это.

— По доброй душе своей Оболенский готов ему верить; но я думаю, что Ростовцев ставит свечу богу и сатане. Николаю он открывает заговор, перед нами умывает руки признанием, в котором, говорит он, нет ничего личного. Не менее того в этом признании он мог написать, что ему угодно, и скрывать то, чего ему не надобно нам сказывать.

Но пусть будет так, что Ростовцев, движимый сожалением, совестью, раскаянием, сказал и написал не более и не менее; однако же у него сказано о умысле, и ежели у Николая теперь так много хлопот, что некогда расспросить о ней доносчика, или боязнь и политика мешали приняться за розыски как бы надобно, то, конечно, эти причины не будут существовать на первый день по вступлении на престол, и Ростовцева заставят сказать что-нибудь поболее о том, о чем он говорит теперь с такой скромностью.

— И если бы сказано было что-нибудь более, нас, конечно, тайная полиция прибрала бы к рукам.

— Я тебе повторяю, что Николай сделает это. Опорная точка нашего заговора есть верность присяги Константину и нежелание присяги Николаю. Это намерение существует в войсках и, конечно, тайная полиция о том известила Николая; но как он сам еще не уверен, точно ли откажется от престола брат его, следовательно, арест людей, которые хотели остаться верными первой присяге, может показаться с дурной стороны Константину, ежели он вздумает принять корону.

— Итак, ты думаешь, что мы уже заявлены?

— Непременно, и будем взяты, ежели не теперь, то после присяги.

— Что же, ты полагаешь, нужно делать?

— Не показывать этого письма никому и действовать: лучше быть взятыми на площади, нежели на постели. Пусть лучше узнают, за кого мы погибаем, нежели будут удивляться, когда мы тайно исчезнем из общества, и никто не будет знать, где мы и за что пропали.

Рылеев бросился ко мне на шею.

— Я уверен был, — сказал он с сильным движением, — что это будет твое мнение. Итак — с богом! Судьба наша решена. К сомнениям нашим теперь, конечно, прибавятся все препятствия. Но мы начнем. Я уверен, что погибнем, но пример останется.

— Принесем собою жертву для будущей свободы отечества!

Мы проехали вместе с ним к полковнику Финляндского полка, Моллеру, члену общества, чтобы спросить его решительного ответа; но не застали дома. Рылеев поручил мне непременно узнать о его намерениях. Я был у Моллера опять ввечеру и нашел его в наилучшем расположении — с этим я отправился к Рылееву. В тот же вечер приехали ко мне из деревни мать с сестрами, и потому мне нельзя было оставаться на совещании; Рылеев обещал известить меня обо всем.

На другой день поутру, передав мне некоторые слабые надежды, Рылеев поехал опять

го мною к Моллеру и опять не застал его дома. Обещав приехать ко мне обедать, он поручил мне сыскать его, чтобы, узнав его мысли, принять решительные меры.

Я отправился к Торсону и там узнали мы, что Моллер у дяди своего, министра. Послали за ним. Он явился, но был уже не тот, с которым я говорил накануне. При первом вопросе о его намерениях, он вспыхнул, сказал, что не намерен служить орудием и игрушкой других в таком деле, где голова не наверно держится на плечах и, не слушая наших убеждений, ушел.

Я сообщил Рылееву за обедом нашу неудачу.

— Нам надобно что-нибудь узнать в Финляндском полку, — сказал он; — поедем к Репнину.

Мы поехали, насилу отыскали его, привезли ко мне и вот его слова о состоянии Финляндского полка:

— Моллер и Тулубьев, который еще сегодня поутру с энтузиазмом дал слово, оба отказываются. Моллер по своим расчетам, Тулубьев, следуя ему. Я не могу ручаться ни за одного солдата. Моей роты здесь нет: она с баталионом стоит в деревне, и при том я сказываюсь больным, подавши в отставку. Во всем полку один только Розен отвечает за себя, но я не знаю, что он будет в состоянии сделать.

Рылеев уехал, дав слово возвратиться ввечеру и известить нас об окончательных намерениях и завтрашних действиях.

Мы остались с Репниным. Общество наше увеличилось Торсоном и Батенковым. В 10 часов приехал Рылеев с Пущиным и объявил нам о положенном на совещании, что завтрашний день, при принятии присяги, должно поднимать войска, на которые есть надежда, и как бы ни были малы силы, с которыми выйдут на площадь, идти с ними немедленно во дворец.

— Надобно нанесть первый удар, — сказал он: — а там замешательство даст новый случай к действию. Итак, брат твой Михаил со своею ротою, или Арбузов, или Судгоф — первый, кто придет на площадь, отправится тотчас во дворец.

Здесь Репин заметил Рылееву, что дворец слишком велик и выходов в нем множество, чтобы занять его одною ротою, и что, наконец, Преображенский баталион, помещенный возле дворца, может в ту же минуту быть введен туда через Эрмитаж, и что отважившаяся рота будет в слишком опасном положении, тогда как и без сего успех не верен, чтобы воспрепятствовать уходу царской фамилии.

— Если же, — прибавил он, — это необходимо, недурно бы достать план дворца и по оному расположить действия, чтобы воспользоваться с выгодою малым числом.

— Мы не думаем, — сказал Рылеев, — чтобы успели кончить все действия одним занятием дворца; но довольно того, ежели Николай и царская фамилия уедут оттуда, и замешательство оставит его партию без головы. Тогда вся гвардия пристанет к нам, и самые нерешительные должны будут склониться на нашу сторону. Повторяю, что успех революции заключается в одном слове: д е р з а й.

Таким образом кончился канун происшествия 14-го числа. Многие из товарищей, бывших на совещании 13-го числа, утверждают, что там никогда не было принято подобного намерения. Не быв на сем совещании, я этого не знаю, и передаю только то, что говорил Рылеев Репнину и мне ввечеру 13-го числа, после сего совещания, и как я в сем случае пишу не историю общества, но действия Рылеева, то я должен их передавать так, как я собственно их видел и слышал.

Рано поутру 14-го числа я был уже у Рылеева; он собирался ехать со двора.

— Я дожидал тебя, — сказал он: — что ты намерен делать?

— Ехать по условию в Гвардейский экипаж. Может быть там мое присутствие будет к чему-нибудь годно.

— Это хорошо. Сейчас был у меня Каховский и дал нам с твоим братом Александром слово о исполнении своего обещания, а мы сказали ему, на всякий случай, что с сей поры мы его не знаем, и он нас не знает, и чтобы он делал свое дело, как умеет. Я же, со своей стороны, еду в Финляндский и Лейб-Гвардейский полки и, если кто-либо выйдет на площадь, я стану в ряды солдат, с сумою через плечо и с ружьем в руках.

— Как — во фраке?

— Да! А, может быть, надену и русский кафтан, чтобы сроднить солдата с поселянином в первом действии их взаимной свободы.

— Я тебе этого не советую. Русский солдат не понимает этих тонкостей патриотизма, и ты скорее подвергнешься опасности от удара прикладом, нежели сочувствию к твоему благородному, но неуместному поступку. К чему этот маскарад? Время национальной гвардии еще не настало.

Рылеев задумался.

— В самом деле, это слишком романтически, — сказал он. — Итак: просто, без излишеств, без затей. Может быть, — продолжал он, — может быть мечты наши сбудутся; но нет, вернее, гораздо вернее, что мы погибнем.

Он вздохнул, крепко обнял меня; мы простились и пошли.

Но здесь ожидала нас трудная сцена. Жена его выбежала к нам навстречу, и когда я хотел с нею поздороваться, она схватила мою руку, и, заливаясь слезами, едва могла выговорить:

— Оставьте мне моего мужа, не уводите его — я знаю, что он идет на погибель!

Кто из моих товарищей испытал чувствования, одушевлявшие каждого из нас в эти незабвенные дни, тот может представить, что напряженная душа готова была ко всем пожертвованиям, и потому я уговаривал ее такими словами, как будто супруга и мать должна была понимать мои чувствования: но это было холодно для ее сердца.

Рылеев, подобно мне, старался успокоить ее: что он возвратится скоро, что в намерениях его нет ничего опасного. Она не слушала нас; но в это время дикий, горестный и испытующий взгляд больших черных ее глаз попеременно устремлялся на обоих. Я не мог выносить этого взгляда и смутился. Рылеев приметно был в замешательстве. Вдруг она отчаянным голосом вскрикнула:

— Настенька! Проси отца за себя и за меня!..

Маленькая девочка выбежала рыдая, обняла колени отца, а мать, почти без чувств, упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван, вырвался из ее и дочерних объятий и убежал.

Здесь мы расстались.

Когда я пришел на площадь с Гвардейским экипажем — уже было поздно. Рылеев приветствовал меня первым целованием свободы и, после некоторых объяснений, отвел меня в сторону и сказал: — «Предсказание наше сбывается: последние минуты наши близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за них жизнь свою!»

Это были последние слова Рылеева, которые мне были сказаны. Остальная развязка нашей политической драмы всем известна...

(Из «Библиотеки декабристов», вып. I, стр. 36—44.)

---

175. 14 декабря.

Записки барона Штейнгеля.

... Наконецъ настало роковое 14-е декабря — число замѣчательное: оно вычекапено на медаляхъ, съ какими распущены депутаты народнаго собранія для составленія законовъ при Екатеринѣ II.

Это было сумрачное, декабрьское петербургское утро, с 8° мороза. До девяти часовъ весь правительствующій сенатъ былъ уже во дворцѣ. Тутъ и во всѣхъ полкахъ гвардіи производилась присяга. Безпрестанно скакали гонцы во дворецъ съ донесеніями, гдѣ какъ шло дѣло. Казалось все тихо. Нѣкоторыя таинственныя лица показывались на Сенатской площади, въ примѣтномъ безпокойствіи... Часовъ въ 10 на Гороховомъ проспектѣ вдругъ раздался барабанный бой и часто повторяемое «ура!». Колонна Московскаго полка съ знаменемъ, предводимая штабсъ-капитаномъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и двумя Бестужевыми, вышла на Адмиралтейскую площадь и повернула къ сенату, гдѣ построилась въ каре. Вскорѣ къ ней быстро примкнулъ Гвардейскій экипажъ, увлеченный Арбузовым, и потомъ баталіонъ лейбъ-гренадеровъ, приведенный адъютантомъ Пановымъ и поручикомъ Сутгофомъ. Сбѣжалось много простого народа, и тотчасъ разобрали полѣнницу дровъ, которая стояла у заплота, окружающаго постройки Исаакіевскаго собора. Адмиралтейскій бульваръ наполнился зрителями. Тотчасъ уже стало извѣстно, что этотъ выходъ на площадь ознаменовался кровопролитіемъ. Князь Щепинъ-Ростовскій, любимый въ Московскомъ полку, хотя и не принадлежавшій явно къ обществу, но недовольный и знавшій, что готовится возстаніе противъ великаго князя Николая,

успѣлъ внушить солдатамъ, что ихъ обманываютъ, что они обязаны защищать присягу, принесенную Константину, и потому должны идти къ сенату. Генералы Шеншинъ и Фредериксъ и полковникъ Хвощинскій хотѣли ихъ переувѣрить и остановить. Онъ зарубилъ первыхъ и ранилъ саблею послѣдняго, равно какъ одного унтеръ-офицера и одного гренадера, хотѣвшаго не дать знамя и тѣмъ увлечь солдатъ. По счастію они остались живы.

Первою жертвою палъ вскорѣ графъ Милорадовичъ, невредимый въ столь многихъ бояхъ. Едва успѣли инсургенты построиться въ каре, какъ показался скачущимъ изъ дворца въ парныхъ саняхъ, стоя, въ одномъ мундирѣ и въ голубой лентѣ. Слышно было съ бульвара, какъ онъ, держась лѣвою рукою за плечо кучера и показывая правою, приказывалъ ему: «объѣзжай церковь и направо къ казармамъ». Не прошло трехъ минутъ, какъ онъ вернулся верхомъ передъ каре и сталъ убѣждать солдатъ повиноваться и присягнуть новому императору. Вдругъ раздался выстрѣлъ, графъ замотался, шляпа слетѣла съ него, онъ припалъ къ лукѣ, и въ такомъ положеніи лошадь донесла его до квартиры того офицера, которому принадлежала. Увѣщая солдатъ съ самонадѣянностію стараго о т ц а - к о м а н д и р а, графъ говорилъ, что самъ охотно желалъ, чтобы Константинъ былъ императоромъ; но что же дѣлать, если онъ, отказался; увѣрялъ ихъ, что онъ самъ видѣлъ новое отреченіе, и уговаривалъ повѣрить ему. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, князь Оболенскій, видя, что такая рѣчь можетъ подѣйствовать, выйдя изъ каре, убѣждалъ графа отъѣхать прочь, иначе угрожалъ опасностію. Замѣтя, что графъ не обращаетъ на это вниманія, онъ нанесъ ему штыкомъ легкую рану въ бокъ. Въ это время графъ сдѣлалъ вольтъ-фасъ, а Каховскій пустилъ въ него изъ пистолета роковую пулю, наканунѣ вылитую. Когда у казармы сняли его съ лошади и внесли въ упомянутую квартиру офицера, онъ имѣлъ послѣднее утѣшеніе прочитать собственноручную записку новаго своего государя, съ изъявленіемъ сожалѣнія — и въ 4-мъ часу дня его уже не существовало.

Тутъ выразилась вполнѣ важность возстанія, которою ноги инсургентовъ, такъ сказать, приковались къ занимаемому мѣсту. Не имѣя силъ идти впередъ, они увидѣли, что нѣтъ уже спасенія назади. Жребій былъ брошенъ. Диктаторъ [1]) къ нимъ не являлся. Въ каре было разногласіе. Оставалось одно, стоять, обороняться и ждать развязки отъ судьбы. Они это сдѣлали...

Между тѣмъ, по повелѣніямъ новаго императора, мгновенно собрались колонны вѣрныхъ войскъ къ дворцу. Государь, не взирая на убѣжденія императрицы, ни на представленія усердныхъ предостерегателей, вышелъ самъ, держа въ рукахъ 7-милетняго наслѣдника престола, и ввѣрилъ его охраненію преображенцевъ. Эта сцена произвела полный эффектъ: восторгъ въ войскахъ и пріятное, многообѣщающее изумленіе въ столицѣ. Государь сѣлъ потомъ на бѣлаго коня и выѣхалъ передъ первый взводъ, подвинулъ колонны отъ экзерциръ-гауза бульвара. Его величавое, хотя нѣсколько мрачное, спокойствіе обратило тогда же всеобщее вниманіе. Въ это время инсургенты минутно были польщены приближеніемъ Финляндскаго полка, симпатіи котораго еще довѣряли. Полкъ этотъ шелъ по Исаакіевскому мосту. Его вели къ прочимъ присягнувшимъ, но командиръ 1-го взвода, баронъ Розенъ, придя за половину моста, скомандовалъ с т о й! Полкъ весь остановился, и ничто уже, до конца драмы, сдвинуть его не могло. Та только часть, что не взошла на мостъ, перешла по льду на Англійскую набережную, и тутъ примкнула къ войскамъ, обошедшимъ инсургентовъ со стороны Крюкова канала...

Вскорѣ послѣ того, какъ государь выѣхалъ на Адмиралтейскую площадь, къ нему подошелъ съ военнымъ респектомъ статный драгунскій офицеръ, котораго чело было подъ шляпою повязано чернымъ платкомъ, и послѣ нѣсколькихъ словъ, пошелъ въ каре; но скоро возвратился ни съ чѣмъ. Онъ вызвался уговорить б у н т о в щ и к о в ъ и получилъ одинъ оскорбительный упрекъ. Тутъ же, по повелѣнію государя, былъ арестованъ, — и понесъ общую участь осужденныхъ. Послѣ его подъѣзжалъ къ инсургентамъ генералъ Воиновъ, въ котораго Вильгельмъ Кюхельбекеръ, поэтъ-издатель журнала «Мнемозина», бывшій тогда въ каре, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ пистолета и тѣмъ заставилъ его удалиться. Къ лейбъ-гренадерамъ явился полк. Стюрлеръ, и тотъ же Каховскій ра-

---

[1]) Кн. С. Трубецкой.

пилъ его изъ пистолета. Наконецъ, подъѣзжалъ самъ Вел. Князь Михаилъ—и тоже безъ успѣха. Ему отвѣчали, что хотятъ, наконецъ, царствованія законовъ. И съ этимъ поднятый на него пистолетъ, рукою того же Кюхельбекера, заставилъ его удалиться. Пистолетъ былъ уже и заряженъ.

Послѣ этой неудачи, изъ временно устроенной въ Адмиралтейскихъ зданіяхъ Исаакіевской церкви, вышелъ Серафимъ — митрополитъ, въ полномъ облаченіи, со крестомъ въ предпесеніи хоругвей. Подошедъ къ каре, онъ началъ увѣщаніе. Къ нему вышелъ другой Кюхельбекеръ, братъ того, который заставилъ удалиться Вел. Князя Михаила Павловича. Морякъ и лютеранинъ, онъ не зналъ высокихъ титловъ нашего православнаго *смиренія*, и потому сказалъ просто, но съ убѣжденіемъ: «отойдите, *батюшка*, не ваше дѣло вмѣшиваться въ это дѣло». Митрополитъ обратилъ свое шествіе къ Адмиралтейству . . . —

Когда, такимъ образомъ, совершился весь процессъ укрощенія мирными средствами, приступили къ дѣйствію оружія. Генералъ Орловъ съ полною неустрашимостію дважды пускался со своими конно-гвардейцами въ атаку: но пелотонный огонь опрокидывалъ нападенія. Не побѣдя каре, онъ, однакожъ, завоевалъ этимъ цѣлое фиктивное графство. Государь, передвигая медленно свои колонны, находился уже ближе середины Адмиралтейства. На сѣверо-восточномъ углу Адмиралтейскаго бульвара появилась ultima ratio — орудія гвардейской артиллеріи. Командующій ими генералъ Сухозонетъ подъѣхалъ къ каре и кричалъ, чтобы положили ружья, иначе будетъ стрѣлять картечью. Въ него самого прицѣлились ружьемъ, но изъ каре послышался презрительно повелительный голосъ: «Не троньте этого . . . онъ не стоитъ пули». Это естественно оскорбило его до чрезвычайности. Отскакавъ къ батареѣ, онъ приказалъ сдѣлать залпъ холостыми зарядами: но не подѣйствовало! Тогда засвистали картечи; тутъ все дрогнуло и разсыпалось въ разныя стороны, кромѣ павшихъ. Можно было этимъ уже и ограничиться, но Сухозонетъ сдѣлалъ еще нѣсколько выстрѣловъ, вдоль узкаго Галернаго переулка и поперекъ Невы, къ академіи художествъ, куда бѣжали болѣе изъ толпы любопытныхъ . . . —

Войска были распущены. Исаакіевская и Петровская площади обставлены ведетами. Разложены были многіе огни, при свѣтѣ которыхъ всю ночь убирали раненыхъ и убитыхъ, и обмывали съ площади пролитую кровь . . . —

(Семевскій, Богучарскій, Щеголевъ. Обществ. движеніе, т. I, стр. 440—6.)

176. 14 декабря.

Изъ записокъ императора Николая I.

. . . Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день! Я всталъ рано и, одѣвшись, принялъ г. Воинова [1]); потомъ вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ генералы и полковые командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно, какимъ образомъ по непремѣнной волѣ Константина Павловича, которому незадолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; засимъ прочиталъ имъ духовную покойнаго императора Александра и актъ отреченія Константина Павловича; за симъ, получивъ отъ каждаго увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привесть къ присягѣ. — Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на пріѣздъ собраться во дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Синодъ и Сенатъ собрались въ своемъ мѣстѣ для присяги. Вскорѣ засимъ прибылъ ко мнѣ г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойствія. Засимъ былъ я у матушки [2]), гдѣ его снова видѣлъ; и воротился къ себѣ; пріѣхалъ г. Орловъ, командовавшій Конной Гвардіей, съ извѣщеніемъ, что полкъ принялъ присягу, поговоривъ съ нимъ довольно долго, я его отпустилъ. — Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ Командов. Гвард. Арт. Г. М. Сухозанетъ, съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ Г. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги, желая сперва (?) услышать удостовѣреніе сего отъ М. П. [3]), котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое

---

1) Командовавшаго гвардіей.
2) Имп. Марія Θеодоровна.
3) Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ, наконецъ, М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ артилл., для приведенія заблудшихъ въ порядокъ: — спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Г. М. Нейдгартъ, начальникъ штаба гвард. корпуса и, войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ, сказалъ: «Государь, московскій полкъ въ полномъ возстаніи, Шеншинъ и Фредериксъ — (тогдашніе бригадный и полковой командиры) — тяжело ранены, мятежники идутъ къ сенату; я едва мог их опередить, чтобы вамъ сказать объ этомъ; ради бога, прикажите преображенцамъ и конной гвардіи идти на нихъ».

Меня вѣсть сія поразила, какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ ослушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасаются, но, зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ 1 бат. Преображ. выходить, я дозволилъ Конн. Гвард. сѣдлать, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ г. Нейдгарта; пославъ въ то же время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат., для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя, что мнѣ дѣлать? — и, перекрестясь, отдался въ руки божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть настоящее положеніе наше и въ особенности отъ матушки, — и, зайдя къ женѣ, сказалъ: Въ московскомъ шумятъ, я туда пойду. — Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергардск. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска, ему ввѣренные, вышли изъ повиновенія. За мной шелъ Ген. Адм. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л.-Гв. Финляндскаго полка, подъ командой капитана Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и, спросивъ людей, присягнули ли мнѣ и знаютъ ли, отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П. [1]), получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами — велѣлъ зарядить ружья; и самъ скомандовалъ: дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ, маршъ! — повелъ отрядъ лѣвымъ плечомъ впередъ, къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ и налицо была только остальная часть людей.

Съѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперекъ воротъ, обратился я къ народу, который, меня увидя, началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и, сказавъ: — Дѣла идутъ плохо; они идутъ къ сенату; но я съ ними поговорю, — ушелъ, и я болѣе его не видалъ, какъ, отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ; — всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ, и я началъ говорить народу, спрашивая, читали ли мой манифестъ; всѣ говорили, что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль, самому его читать, у кого-то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый богъ меня поддержалъ...

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Башуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу, прямо къ бат., сбившемуся — спиной к комендант. подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерциргаузу; бат. командовалъ П. Микулинъ, а полк. ком. полковникъ Исленьевъ былъ при бат. — бат. мнѣ отдалъ честь, я прошелъ по фронту и, спросивъ, готовы ли идти за мной куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться! — минуты, единственныя въ моей жизни; — никакая кисть

---

[1]) Вел. Кн. Константинъ Павловичъ.

не изобразить стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтѣ, въ столь критическую минуту . . .

Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ засимъ прибѣжалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ. — Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ, до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард., я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ конныхъ стараго рейдкнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева, съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы — ура Константину — на площади противъ Сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала . . .

Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард., обогнувъ Исаакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ воен. мин., что тогда было домомъ К. Лобанова: полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ, что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь, ежели возможно, мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ, гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшихся до угла нынѣшняго Синодскаго зданія; уголъ, образуемый бульваромъ и берегомъ Невы, служилъ складомъ выгружаемыхъ камней для собора и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ, идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи, правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ, спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по г. Воиновѣ, но не успѣли ранить тогда когда онъ, подъѣхавъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба, былъ ими схваченъ и жестоко избитый, отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ: отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту е. в. Преображенскаго полка, П. Исленьевымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ, подъ командой капитана Игнатьева, черезъ бульваръ занять Исаакіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бенкендорфомъ, выѣхалъ на площадь, чтобы разсмотрѣть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и, воротясь на оную, нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ большею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказательство моей къ нимъ довѣренности, поставилъ я ихъ на самомъ углу, у забора, противъ мятежниковъ . . .

Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ и не предвидя еще, чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Сам же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь, дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат. Гвард. и Учебн. Не доѣхавъ еще до дома Главн. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядке со знаменами безъ офицеровъ Л.-Г. полкъ, идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ, ничего не подозрѣвая, я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое с т о й отвѣчали мнѣ: м ы з а К о н с т а н т и н а, — я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ: к о г д а т а к ъ, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ, одинако заблужденнымъ товарищамъ . . . .

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требованный мной митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ подіакономъ вышелъ изъ церкви и, положа крестъ на голову, пошелъ прямо къ толпѣ: онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему воспрепятство-

вали, угрожая стрѣлять, если не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ, въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К. П., ибо привязанность М. П. къ брату была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣнической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но, желая испытать всѣ способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата, придавъ ему Г. Ад. Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники имъ мѣшали.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я, объѣхавъ кругомъ собора, прибылъ снова къ войскамъ, съ той стороны бывшимъ, и нашёлъ прибывшимъ Л.-Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади, противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться, ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и частые ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи и перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь, желалъ я осмотрѣть, не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и, къ счастію, никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исаакіевскаго собора изъ-за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска, стали бы въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалеріею; Кон. Гв. первая атаковала по эскадронно, но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномѣрно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: — Государь, нельзя терять ни минуты; ничего нельзя подѣлать, нужна картечь. — Я предчувствовалъ сію необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру! Меня ужасъ объялъ: — Вы хотите, чтобы я пролилъ кровь моихъ подданныхъ въ первый же день моего царствованія!—отвѣчалъ я Васильчикову.—Чтобы спасти вашу Имперію! — сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись, я видѣлъ, что или должно мнѣ взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ и спасти почти навѣрно все; или, пощадивъ себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе 1 легк. пѣш. бат. къ М. П., съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону, какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ М. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устрашатся такихъ приуготовленій и сдадутся, не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнее. Наконец, послал я Г. М Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положатъ оружіе, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, скомандовал пли! Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ — и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже навстрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семеновскомъ полку, дабы достичь берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон. эскадронъ и часть Кон. Гвард преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ разсѣяли и осталось собрать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бенкендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадрономъ подъ ком. Г. А. Орлова, на Васильевскомъ островѣ, и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы . . .

(Зап. имп. Николая I, стр. 81—88.)

177. Письмо А. Ф. Воейкова о 14 декабре (кн. Волконской.)

Милостивая государыня, княгиня Екатерина Александровна.

Если мы, жены и дети наши не зарезаны, алтари не осквернены, престол не опровергнут, столица не в пепле и Россия стоит еще: то всем этим обязаны мы единственно необыкновенному присутствию духа и геройской храбрости молодого нашего императора Николая Павловича, который, между кинжалами убийц и под пулями бунтовщиков, распоряжался и повелевал с таким же хладнокровием, с такою же решительностью, как будто бы во дворце своем, в спокойное время. — «Il a brusquement monté à la hauteur de son siècle»! [1])—сказал о нем французский посол, граф Де-ла-Фероне, очевидец чудесного мужества нашего монарха в самые опасные минуты. «Он сегодня завоевал любовь народа и уважение Европы», — сказал о нем один дальновидный политик . . .

Все, что изобрел ад, французские якобинцы, гишпанские и итальянские карбонары и английские радикалы, было придумано нашими переимчивыми на злодейство Пугачевыми. Обольщение, деньги, вино, обещание дозволить солдатам три дня грабить город, покушение захватить сенаторов и учредить временное правительство, умысл овладеть крепостью и захватить казенные деньги, убийство, гнуснейшая клевета вот орудия, достойные извергов, отрекшихся от бога, царя, отечества, от матерей, жен, детей и от доброго имени . . .

Надобно отдать справедливость русским Маратам: адское их воображение неистощимо в разбойничьих своих замыслах. Волосы становятся дыбом и кровь стынет в жилах, когда подумаешь об ужасах, кои они нам приготовляли. 1) Еслиб император Александр был жив, то они покусились бы на драгоценную жизнь его в праздник 25-тилетнего юбилея, т. е. 12 марта 1826 года, и произвели бы всеобщее возмущение. 2) Еслиб цесаревич Константин принял престол, то изверги решились остановить погребальное шествие от Царского Села в Петербург, открыть гроб императорский, закричать, что это не его тело, что государя убили или заключили, начать убийства, бунт, и воспламенить, за вымышленный ими предлог, мщение солдат и буйной черни, пьяной, слепой, нищей и готовой на всякие неистовства. 3) Отречение цесаревича Константина ускорило исполнение их кровавых умыслов; дьявольски прозорливый взор зачинщиков увидел благоприятную минуту и благовидный предлог, коим можно было возмутить солдат для защиты, будто бы, присяги. Быстро и с удивительным коварством воспользовались они сим неожиданным для них случаем. Видно по всему, что они наизусть знают все тайные пружины и сокровенные подкопы, посредством коих Марат и Робеспьер подкопали трон Бурбонов . . .

(«Русский Архив», 1899 г., кн. II, стр. 292—294.

[1]) «Он поднялся сразу до высоты своего века!».

178. Рассказ очевидца о 14 декабря 1825 года.

В 1 часу 14 числа на площади против дворца выстроены были конногвардейцы и кавалергарды. Государь принимал звание шефа. В это самое время два баталиона лейб-гренадерского полка под ружьем проходят чрез площадь. Государь приказывает им остановиться. Они идут в молчании к Сенату и соединяются с двумя ротами Московского полка, не согласившегося отрещись от присяги, данной Константину. Государь поручает Милорадовичу уговорить бунтовщиков. Граф едет, вступает в каре неприятелей; все солдаты делают ему честь; уже граф начинает свое увещание, как вдруг князь Оболенский пистолетным выстрелом наносит ему смертельную рану, и храбрый генерал, которого щадили пули неприятельские, скончался в ночь на 15 число. Вслед за графом было посылано и несколько парламентеров. Они, частию невредимы, частию раненые, возвращались без успеха. К бунтующим присоединился весь гвардейский экипаж; несколько статских чиновников, сочинителей, журналистов и черни, с ножами, тесаками и пистолетами. Буйные изверги оглашали воздух беспрестанными возгласами: да здравствует Константин! Митрополит с несколькими духовными особами хотел внушить в сердца их страх божий; но сам, устрашившись свиста пуль, пролетевших мимо него и сразивших проводника его, полковника Стюллера, на извощике спасся от врагов неукротимых. Частный пристав Александров был прибит до полусмерти, и одного

рядового жандарма в моих глазах заколол штыком унтер-офицер Московского полка. Ужас овладел зрителями сего происшествия; весь С.-Петербург стекался на площадь, и первая Адмиралтейская часть вмещала в себе до 150-ти тысяч человек. Знакомые и незнакомые, приятели и враги забывали свои личности и, собираясь в кружки, рассуждали о предмете, поразившем их взоры.

В 3 часу император, видя тщетность намерения своего обратить бунтующих на путь истины, решается принудить к тому силою. Преображенский полк, рядами, занимавшими всю ширь Адмиралтейского бульвара, а конногвардейцы, по площади, мимо присутственных мест, идут к монументу Петра Великого, стараются стеснить своих соперников; но последние, приткнувшись к стене Сената, открывают залп из ружей. Несколько раненых и убитых конногвардейцев были отнесены на плащах в ближайшие домы. Защитники царя еще не имели приказания стрелять и сделали шаг назад. Между тем, посылают за артиллериею, привозят пушки, зарядные ящики, убийственные оружия, бросают тучи картеч. Враги отпаливают из ружей, Исакиевская площадь покрывается телами: и защитники царевы, и бунтовщики, и любопытные — в числе жертв возмущения. Наконец, бунтовщики разбегаются или на Васильевский остров или в Коломну. Ночь сокрыла их, сокрыла следы кровопролития, и народ спешит в домы свои.

В 7 часов вечера я отправился домой, и вот необычайное в С.-Петербурге зрелище: у всех выходов дворца стоят бекеты, у всякого бекета ходят два часовых, ружья в пирамидах, солдаты греются вокруг горящих костров, ночь, огни, дым, говор проходящих, оклики проходящих, оклики часовых, пушки, обращенные жерлами во все выходящие от дворца улицы, кордонные цепи, патрули, ряды копий казацких, отражение огней в обнаженных мечах кавалергардов и треск горящих дров, все это было наяву в столице. Когда же ночь задернула завесу свою, и тут простреленные стены Сената, выбитые рамы частных домов по Галерной улице, были мертвыми свидетелями вчерашнего происшествия. Ночные патрули захватили главных зачинщиков бунта и их последователей, крепость наполнилась арестантами. Иные были убиты во время перепалки, и тела их брошены в море; прочие скрываются, но, вероятно, не останутся без должного возмездия. Теперь спокойствие восстановилось, все солдаты присягнули и объявлены невинными.

(«Русский Архив», [illegible] г., кн. [illegible], стр. 290—291.)

---

179. Письмо госуд. секретаря П. А. Оленина к дочери его о 14 декабря 1825 года.

24-го декабря 1825 г.

Хотя маменька вам пишет, что она к вам посылает печатное подробное описание происшествия, случившегося в 14-й д. декабря 1825 г., с именами зачинщиков неслыханного предприятия, но так как я не мог достать экземпляра, то я здесь вам в кратких, но обстоятельных словах скажу, что в этот день случилось.

Так как этот день предположен был государем императором Николаем Павловичем для приведения его величеству к присяге войск и главных правительственных мест, то я, выехавши из дворца в 2 часа утра, из Совета, в коем сам государь присутствовал, в 9-ть часов утра же явился к его величеству с изготовленным по сему случаю журналом. Брат Петр остался дома за ужасною головною болью и шпанскою мухою на шее у затылка. Приехав во дворец и получив приказание от государя на счет журнала, я стал наждать членов, для исполнения присяги к дворцовой церкви. По полном же собрании и исполнении сего важного обряда, которой ныне иные буйные головы считают за безделицу, мы, т.-е. члены совета, а я за ними, по должности моей, пошли поздравить нового нашего и много, чрезвычайно много обещающего государя и доказавшего уже то мужественными, благоразумными и милосердными повелениями в жестокий и трудный день 14-го декабря. Итак, мы пошли поздравить его величество, а потому к их величествам государыням императрицам Марии Феодоровне и Александре Феодоровне. Все казалось нам в глубокой тишине и спокойствии. Знатные особы обоего пола стали съезжаться по повестке, для принесения благодарственного молебна, а я из Совета пошел собирать членов в кавалерскую. Побыв там некоторое время, я опять воротился, не помню за каким-то делом в канцелярию, в комнаты Совета. Тут я вдруг увидел, что чиновники канцелярии устремились

к окнам, на большой дворцовый двор и смотрели на оный в большом беспокойствии. На вопрос мой, что они смотрят, в ответ мне они отвечали, что за несколько минут государь император Николай Павлович вышел к главному караулу, говорил им что-то с жаром, велел при себе зарядить ружья боевыми патронами и повел караул к большим дворцовым воротам. Я тотчас побежал на другой конец дворца, в фонарик, что выходит на дворцовую площадь, и что же я вижу? Площадь, покрытую волнующимся народом, каретами, дрожками, и государя пред воротами двора пешего и, кажется, без шляпы, с несколькими генералами, стесненного толпой черни и читающего им манифест. В это время от Адмиралтейства вижу я несущегося на коне во всю прыть генерала Нейдгарта, который подскакал прямо в толпу к государю и, сказав ему что-то, не слезая с лошади, обратно ту же минуту поскакал. Государь что-то с жаром сказал народу, который начал его целовать; потом пошел вперед, к большим воротам штаба, где стоял прибывший за минуту баталион гвардии Преображенского полка и, севши верхом, поехал с ними к площади, к Исаакию. Между тем, кареты не переставали свободно приезжать во дворец. Я опять побежал в Совет. Встречая по дворцу приезжающих, я узнал, что две роты Московской гвардии полка взбунтовались, что ими командует какая-то шайка офицеров и фрачных людей, и что они уже построились в баталионное каре, или, лучше сказать, en ligne de bataille avec crochets,—и заняли и въезд в Сенат, на Исаакиевской площади. Я опять бросился в фонарик, ибо в этом положении дел всякий должен был и умирать на своем месте, а мой пост был Государственный Совет и его архив, следственно я дворца не мог оставлять. Из фонарика я увидел вдоль по площади и около Исаакиевского собора со всех сторон идущие пешие и конные войска, а еще того лучше, артиллерийские орудия. Тут я стал спокоен. Между тем, приезжающие во дворец и посланные из дворца приносили нам ужасные вести. Первое, что когда московские роты забунтовались, то командующие ими офицеры, в особенности какой-то князь Щепин-Ростовский и адъютант герцога виртембергского Александр Бестужев, на-смерть порубили генералов Фридерихса и Шеншина, а также и полковника Хвощинского; что бунтующие стоят у Сената и кричат ура! Константин, а иные — конституция! Наконец, слышны были выстрелы ружейные, и вскоре потом узнали мы, что граф Милорадович, подъехав к бунтующим, начал их усовещевать, что иные солдаты, почитая в нем бесстрашного генерала, сделали ему на караул; но в это время дивизионный адъютант князь Оболенский прицелился в него и выстрелил по нем из пистолета: пуля попала в живот, в самое легкое; граф опустил поводья; лошадь, испугавшись, в круть назад поворотила, и тот же князь Оболенский, как лютый зверь, выхватя ружье у солдата, нанес графу другую рану в спину, штыком. Граф на другой день поутру, в 4 часа, скончался от руки гнусного убийцы! Кто бы это мог подумать от князя Оболенского? Государь, несмотря на это жестокое неистовство, продолжал посылать переговорщиков для убеждения бунтующих, стоя сам под ружейными выстрелами и хладнокровно уговаривая народ итти домой или в церковь, богу молиться. Брат его, великий князь Михаил Павлович, достойный член Государственного Совета, приехавший за час времени из-за Нарвы, явился в казармы Московского полка и тут, приведя к присяге остальные шесть рот, поспешил с ними на место сражения; тут, несмотря на величайшую опасность, наравне с верноподданными государю императору Николаю Павловичу, подъехал к самому фронту бунтующих и стал их уговаривать перейти, где следовало им стоять. Но изверг рода человеческого, некто Кюхельбекер, один из фрачных бунтовщиков, стал на него пистолетом прицеливаться. Едва успели три гренадера — и что всего страннее — из числа бунтующих, ударить штыком по стволу пистолета Кюхельбекера; а без того совершилось бы самое ужасное злодеяние. Затем крики и вопли: Ура! Константин! — заставили великого князя возвратиться к фронту верного войска.

Вы у меня спросите, что делал наш государь? — Продолжал употреблять всевозможные меры кротости, стоя между предателями умышленного убийцы, а именно, между Якубовичем (который пришел к государю из толпы бунтующих, как раскаявшийся, и объявил государю, что у него были приготовлены пистолеты и кинжалы для умерщвления его) и между полковником Булатовым, который потом сам пришел повиниться в том же намерении. Сии обстоятель-

ства могут вам показать меру ужаснейшей опасности, в которой находились государь император и столь же неустрашимый его брат (достойные потомки великих Романовых) великий князь Михаил Павлович! Несмотря на увещания, бунтующие стояли твердо в своем заблуждении. Между тем, некоторое значительное количество солдат лейб-гренадерского полка, под начальством мятежника поручика Панова, бросилось к крепости, но не могли туда войти, кинулось ко дворцу, где на большом дворе поставлен уже был сапёрный баталион, свернутый в густую колонну. Вдруг мы видим из окон дворца вбегающего барабанщика и за ним толпу бегущих солдат, принимающих направо, но в то же мгновение вбегает офицер и командует: назад направо кругом! — и толпа исчезает с ужасным криком. Говорят, что, по их плану, бунтовщиками принятому, сей отряд должен был занять дворец и штыками его очистить от всего, что им бы в нем встретилось, без разбора и без уважения пола и лет! Какой адской замысел! Но бог и государь не дозволили его довершить! Толпа лейб-гренадер, выбежав из дворца, построилась на площади и пошла мимо государя в соединение к бунтующим. Никакие увещания самого государя не могли их остановить; напротив, несчастный их полковник Стюрлер был злодейски при фрунте их убит каким-то, говорят, морским офицером. Наконец, сверх сего подкрепления, к бунтующим пристал и гвардейский экипаж и некоторые толпы буйной и пьяной черни, которые начали в конную гвардию бросать поленьями. Государь хотел еще испытать бунтующих грозною кавалерийскою атакою полков конного и кавалергардского, в которой отличился наш Александр Сухарев, подле коего ранили полковника Белио в руку, так что принуждены были на другой день ее отнять . . . Бунтующие отстояли против атаки, ибо место не позволяло ее выполнить, как следовало. При сем несколько рейтар побито и поранено.

Между тем, день стал уже темнеть, и нас многих во дворце старых военнослужащих беспокоило, что пушек не слышим. Но тут вскоре явились генералы с известием, что государь император, истощив все средства кротости и милосердия, приказал стрелять по бунтующим картечью. Я тотчас сбежал вниз по лестнице, на площадь, чтобы вслушаться в пальбу, и не успел я выйти в сени, как громогласнейший ура! начавшийся на Исаакиевской площади, продлился до самой внутренности дворца, где на дворе стоящий саперный баталион повторил этот крик весьма усердно. Это был знак полной победы над бунтующими, которые по второму или третьему картечному выстрелу так разбежались, что площадь осталась вся чиста, кроме павших в бою довольным числом. Вскоре потом мы увидели между ними государя императора и достойнейшего его брата, великого князя Михаила Павловича, и следовали за ними в церковь к благодарственному молебну о восшествии государя на всероссийский престол. Принеся богу искреннюю и теплую молитву за спасение царя и, можно сказать, народа русского, я тотчас бросился в Академию Художеств, где я боялся, чтоб бегущие толпы бунтовщиков не засели. Проезжая из дворца на Васильевский остров, чрез место сражения, я был свидетелем небывалого в Петербурге зрелища: войска, греющиеся у огней на бивуаках, как после сражения с неприятелем. В Академии я нашел некоторые окна по 4-й линии перебитые картечью, у ворот одного солдата из бегущих убитого и двух тяжело раненых. После сего я поехал домой.

На другой же день поехал я, в 9-ть часов утра, во дворец. Государь всю ночь не спал и провел в горестном для него занятии: в допросах пойманных или самоприходящих бунтовщиков, которых праведные судьбы божии всех без изъятия сохранили для постыдной и справедливой казни, и не дали им умереть смертью храбрых. Подлецы сии при первом выстреле разбежались . . .

. . . Сверх того, многие и многие зараженные в России глупыми мыслями Европейской конституции, для народа, который при восклицании: конституция! на вопрос, что это такое? — отвечает, что это имя жены цесаревича, потому что она еще не крещена в русскую веру. О, безумие! О, злодейство! Я говорю злодейство, потому что, если б этим, просто сказать, разбойникам, удалось сделать переворот, то они бы погрузили Россию в потоки крови на 50 лет. Извините, что пишу сбивчиво: некогда. Прощайте, будьте здоровы.

(«Русс. Архив», 1869, стр. 732—051 и 052—053.)

———

180. Завалишин. Игра в поддавки.

На общих совещаниях, бывших преимущественно у Оболенского и Рылеева, как тогдашних директоров Северного тайного общества, по соображении данных обстоятельств в тогдашнее время, предназначено было привести в исполнение общий план следующим образом:

Начать восстание с Гвардейского экипажа, Московского и Лейб-Гренадерского полков. Этим войскам, как вполне надежным, открыть и настоящую цель переворота.

Гвардейский экипаж, взяв свои орудия, должен был отправиться в казармы Измайловского полка, с которым состоял в одной бригаде и был дружен. Своим появлением он должен был заставить Измайловский полк объявить себя также на стороне восстания, чего тем легче было ожидать, что этот полк особенно не любил великого князя Николая Павловича, и что из числа офицеров очень многие были членами тайных обществ.

Московский полк по произведении восстания должен был явиться пред полки Семеновский и Лейб-Егерский, которых казармы находились вблизи Московского полка, и заставить их перейти на сторону восстания.

Финляндский полк надеялись побудить к восстанию самостоятельно, так как в этом полку было достаточно между офицерами членов общества и, притом, очень энергических.

Все эти войска должны были итти к Сенату, в котором были бы собраны тогда сенаторы для принесения новой присяги. Окружив Сенат, они должны были заставить сенаторов издать манифест, объявляющий о перемене правления и назначении регентства. Во всяком случае, согласился ли бы Сенат или нет, положено было издать манифест от его имени. Между тем, Лейб-Гренадерский полк должен был по восстании отрядить один баталион для занятия крепости, где находился и монетный двор, и где хранился только что полученный от займа запас монеты. В занятии крепости не предвиделось никакого препятствия, потому что и караул там был от того же полка, а через это занятие тайное общество не только имело в своем распоряжении казну, но и господствовало крепостными орудиями над дворцом и всем городом. Два другие баталиона должны были по пути забрать с собою и пешую и конную артиллерию и также явиться на сборное место пред Сенатом, заставя, если можно, присоединиться к себе и Кавалергардский полк.

Не находящиеся в строю члены общества, как военные, так и гражданские из служащих, равно как и все неслужащие, должны были поддерживать связь между движением, развозя приказания и доставляя сведения одним о других.

Во всех официальных донесениях и рассказах партизанов правительственной стороны старались представить движение 14-го декабря и участие в нем войск ничтожным. Это была положительная ошибка с их стороны, годная разве на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей восстания. К несчастию их, беспристрастие истории заставляет сказать, что силы, находившиеся в их распоряжении, были огромные, действия солдат и второстепенных деятелей за малыми исключениями не оставляли желать ничего лучшего, но действия главных распорядителей, Трубецкого, Рылеева и Оболенского, были до того дурны и слабы, что они проиграли дело, несмотря на то, что и с правительственной стороны были сделаны всевозможные ошибки, так, что я всегда говорил, что 14-го декабря обе стороны играли как бы в «п о д д а в к и». Кроме того, уменьшать число участников восстания в гвардии уже потому не имело смысла, что все перевороты, совершавшиеся в Петербурге, всегда производимы были ничтожным числом, а при том настроении, какое было 14-го декабря, удачное действие и небольшого числа сначала непременно дало бы решительный оборот делу. К несчастию, вышло так, что решимость была в войске и второстепенных деятелях, а неуверенность и колебание сообщились от главных распорядителей, между тем как при разумном и энергическом образе действия успех был несомненным. Положительно можно сказать, что противная сторона могла рассчитывать только на два баталиона: на первый баталион Преображенского полка, да на Саперный, и то на отрицательное только их действие, как опыт и доказал относительно Саперного баталиона, который, если не перешел на сторону восстания, то и не осмелился сопротивляться ему.

Положено было выйти в боковые ворота, как для того, чтобы избежать всякого столкно-

вения с начальниками, стоявшими у главных ворот, так и в соответствие плану, по которому следовало итти в Семеновский и Егерский полки. Между тем, первая рота, сопровождавшая знамена и бывшая на стороне восстания, не знала об участии в восстании всего полка: и потому, когда князь Щепин-Ростовский, выйдя навстречу ей, захотел сам взять знамя своего баталиона, то она знамени не отдавала, не зная, участвует ли он в восстании. Солдаты баталиона Щепина бросились помогать ему, чтобы отнять у первой роты свое знамя, и в этой суматохе, наступая на роту и надвигаясь на нее, миновали боковые ворота, так что когда недоразумение разъяснилось, то подошли уже к главным воротам, где стояли дивизионный и полковой командиры, которые, разумеется, старались остановить полк. И как они не слушались увещаний итти прочь и не мешать движению, то Щепин нанес им раны, и полк прорвался чрез главные ворота, не думая, что уже много потерял времени и, получив известие (от кого, с точностью после доискаться не могли), что будто бы другие полки находятся уже на Сенатской площади, устремился туда, вместо того, чтобы итти в Семеновский и Егерский полки и присоединить и их к себе.

В это же время и в Лейб-Гренадерском полку, по нерешительности действия вследствие неявки главных распорядителей восстания, начальники уже успели привести полк к присяге Николаю и распустить по ротам, чрез что возбудить полк к восстанию стало уже несравненно труднее, нежели как когда он был в общем сборе. И если офицерам и удалось это, то только уж по частям, так что разрозненное действие неизбежно потеряло и единство цели и силу. Там тоже произошло столкновение с начальством, старавшимся удержать полк, отдельные части которого, вместо исполнения начальных распоряжений, поспешили также прямо на площадь из опасения, что уж опоздали.

Несмотря на все это, от действий этого полка мог бы все-таки быть большой успех, если бы хоть в эту минуту явились разумные распоряжения главных распорядителей восстания, чтобы воспользоваться движением. Сутгоф со своей ротой вошел беспрепятственно в крепость, но вместо того, чтобы остаться в ней и дождаться, по крайней мере, хоть одного баталиона для прочного занятия крепости и тем приобрести важную опорную точку не только для успеха дела, но даже и на случай неудачи в начале, так как это давало возможность держаться в крепости до прибытия подкреплений из военных поселений, Сутгоф, не получив соответственно этому приказания, прошел только чрез крепость и поспешил на Сенатскую площадь; а когда явился вслед за ним Иванов с остальными солдатами полка, то комендант догадался уже запереть ворота, и полк не мог проникнуть в крепость.

Но несмотря однакоже на то, и это движение все-таки могло сделаться очень важным, если бы главные распорядители были налицо и сумели им воспользоваться, потому что Иванов, обойдя крепость, перешел Неву и вступил беспрепятственно во дворец. Ни Саперный баталион, расположенный внутри на дворе, ни стоявший в тот день караул на главной гауптвахте не оказали ни малейшего сопротивления. Лейб-гренадеры, не встречая никакого препятствия, могли свободно подняться в жилые и парадные комнаты, где были тогда и Сенат, успевший перейти из своего здания во дворец, и Государственный Совет и почти все члены правительства, и, следовательно, могли захватить всех; но получив приказание спешить на Сенатскую площадь, вышли в другие ворота. Толпа, стоявшая перед дворцом, около нового государя, расступилась и лейб-гренадеры без всякой помехи соединились со своими товарищами: с Московским полком и Гвардейским экипажем, стоявшими на площади.

Между тем, гвардейская конная артиллерия, прождавши напрасно появления какого-нибудь себе прикрытия и не получая никакого пояснения о причинах замедления, сделала самостоятельную попытку к восстанию, но офицеров арестовали, а солдат заперли в казармы. В то же время и один баталион Финляндского полка вышел было из казарм, но также, не получая дальнейших приказаний, воротился в казармы.

Что же делали в это время люди, принявшие на себя или присвоившие себе главное руководство восстанием? К прискорбию надо сказать, что одни вели себя недостойным образом, другие поступали чисто по-ребячески

Трубецкой спрятался в доме своего зятя, австрийского посланника; Рылеев поехал его отыскивать вместо того, чтобы немедленно сделать назначение другого распорядителя военными действиями; где был Якубович — никто не знал, а Оболенский, чтобы успокоить графиню Коновницыну, уехал узнавать, что сделалось с ее сыном, одним из арестованных конно-артиллерийских офицеров. Приехав в конно-артиллерийские казармы, Оболенский нашел всех солдат безоружными и загнанными в одну казарму, а полковника—стоящего с обнаженной саблей у дверей. Полагая, что Оболенский привез приказание от корпусного командира, полковник сделал несколько шагов вперед, навстречу Оболенскому, а солдаты между тем, увидя его, стали подвигаться к дверям и знаками спрашивали его, что делать? Полковник, заметив, что внимание Оболенского обращено вовсе не на него и что он ему ничего не говорит, а, может быть, и услыша шум позади себя, быстро обернулся и, увидя солдат, почти уже подступивших к дверям, бросился на них с саблей. Оболенский же в это время сел в экипаж и ускакал.

Таким образом главные распорядители восстания не сумели присоединить к нему ни одну из частей войска, даже из наилучше расположенных принять в нем участие, и оно ограничилось поэтому Гвардейским экипажем, Московским и Лейб-Гренадерским полками. Со всем тем истинное расположение гвардии все-таки чрезвычайно сильно выразилось в отрицательных, так сказать, действиях. Ни одного из пехотных полков, ни артиллерию гвардии не могли двинуть против восставших войск. Измайловский полк с большими усилиями довели до выхода на площадь, где он и остановился и не двигался с места; Финляндский полк был остановлен подпоручиком Розеном у Исаакиевского моста. Атака конно-гвардейского полка была сделана вяло, как бы по молчаливому условию с той и другой стороны не вредить друг другу. На стороне правительства не было артиллерии. Нерешительность была видна у руководителей как восстания, так и правительства; начались и тянулись бесплодные попытки переговоров и увещаний. В это время войска с обеих сторон стояли в бездействии и крепко зябли. Народ толпою в несколько десятков тысяч человек, видимо, принимал сторону восстания, смеялся и ругался над противною стороною и просил, чтобы вели его на арсенал и дали ему ружья. Во многих рассказах утверждали, что солдаты были пьяны, но это чистая клевета. Большая часть еще не успели и пообедать, и скорее можно было упрекнуть руководителей восстания именно в том, что, держа солдат столько времени на ногах, не позаботились подкрепить их пищею и водкою.

(Записки декабриста Завалишина, стр. 190—196.)

181. Бунт Черниговского полка. 1825.

(Официальные документы.)

I.

Декабря с 25 на 26 ночью прибыли в г. Васильков два жандармского полка офицера из С.-Петербурга, по именному повелению, к командиру Черниговского п. полка, полковнику Гебелю, дабы он, арестовав подполковника Муравьева с находившимся при нем родным его братом, отправился с сими же офицерами в столицу, с опечатанными бумагами, которые при них найдены будут. Полковник Гебель, получа сие, тотчас с присланными офицерами отправился до места квартирования подполковника Муравьева, а не застав его дома (ибо, с позволения г. дивизионного начальника уехал в Житомир для поздравления с праздником г. корпусного командира), опечатав его бумаги и вручив жандармским офицерам, поехал с ними в Житомир для отыскания п. Муравьева. Прибыв туда и явясь к г. корпусному командиру, узнал от него, что п. Муравьев был в Житомире и 25-го числа обедал у него и, якобы, имел на другой день ехать в полк; но, по забранным справкам оказалось, что он поехал по дороге к Любару, на деревню (кажется) Трояново, проселочною дорогою (в том селении живет помещик Муравьев). Отправившись по той дороге, п. Гебель узнал от помещика, что действительно оба Муравьевы были у него на короткое время и поехали в Любар, куда вслед за ними поехал и п. Гебель. Прибыв к командующему там гусарским полком, полковнику Муравьеву, объявил о порученности и спрашивал, куда девался подполковник Муравьев с братом. Гусарский полковник отвечал, что были у него часа па два и уехали, но куда —

не знает (так как озабочен болезнию жены своей). По расспросам евреев, узнавши, что они на наемных и очень спешно поехали в Бердичев, — отправились по той же дороге, но в Бердичеве, потерявши совершенно их следы (и) полагая, не поехали ли на свои квартиры, отправились по той дороге, и с 28-го на 29-ое, перед рассветом, прибыли в место расположения Черниговского полка, в местечко Трилесы, где ротный двор 5-й мушкетерской роты.

Остановившись в корчме, намерены были напиться чаю и затем пошли к ротному командиру, не узнают ли о Муравьеве; увидели сквозь окошко огонь и, войдя в комнату, нашли одного подп. Муравьева, одетого во всей форме, а ротного командира не было. Первое приветствие: «Здравствуйте, что вы здесь делаете?» Ответ: «Здравствуйте, а вы что?»—«Где ваш брат?— «Не знаю». Удивлен таковою встречею, полковник вышел и, велев нарядить караул, поставил двух часовых у дверей и четырех кругом дома, а сам, войдя в середину и увидев, что п. Муравьев вышел из каморки в первую комнату, пошел туда, где нашел его брата, лежащего на постели, и возле него два заряженные пистолета; взяв сейчас же пистолеты, разрядил их и объявил п. Муравьеву, что он, по высочайшему повелению, арестуется, на что он отвечал: «Ну и что ж?» В то самое время вошли три ротные командира 2-го батальона и, чуть поклонившись полковнику, приступили к Муравьеву, поздоровавшись с ним пожатием рук; а когда их полковник спросил, зачем они от своих мест сюда прибыли, отвечали, что по нужным делам, — входили в каморку, что-то тихо переговаривали и вышли в сени. Полковник, желая удостовериться, есть ли караул и что все сие значит, вышел в сенцы и, увидя пять или шесть офицеров в кухне, что-то переговаривающих, входит и говорит им: «Господа, что все сие значит?» Они отвечают: «Это значит, что вы подлец; вы нашего подполковника хотели погубить». И тут сейчас схватили его, а когда он оборонялся, то, схватив у часовых ружья, нанесли ему штыком удары в грудь, в руки и в голову, а один прикладом переломил ему правую руку (всех имеет семь ран). Часовые или оробели от ужаса, или были в заговоре, только из нижних чинов никто не участвовал.

В том смятении полковник Гебель, не чувствуя ран, оборонялся от нападения; а самый беспорядок и теснота места (ибо еще присоединились и другие офицеры и оба Муравьевы) не дозволили задать глубоких ран, а растворенная дверь дала ему средство выбежать на двор, побежать к корчме и, найдя около оной какую-то подводу, свалился на нее, и лошади сами помчались к эконому на двор (это были его лошади). Тут его сняли, экономша начала отирать кровь и трезвить, ибо часто делалось ему дурно. Офицеры искали его по деревне, и двое прискакали в экономию, но полковника спрятали и сказали, что у них никого не было. Рядовой 5-й мушкатерской роты, Максим Иванов (видно видевший все происходившее), прийдя на экономию, говорил, что верно офицеры побесились, что он очень жалеет полковника и хотел бы его спасти; и когда сказали полковнику о том, то он просил, чтобы дали лошадей перевезти его в 1-ю гренадерскую роту, на командира которой, капитана Козлова, и на нее самую мог надеяться; и тот рядовой глухими дорогами привез его в с. Снидинки, на ротный двор благополучно. Рота приняла его с изъявлением живейшего участия. Тут он переночевал; на другой день, то-есть 30, отправился с конвоем в г. Васильков. Присланные из С.-Петербурга жандармские офицеры там, в Трилесах, задержаны; все бумаги от них отобраны, и они посажены под стражу. Соучастники в сем происшествии были: штабс-капитан барон Соловьев, поручики Щупилов (Щепилла), Кузьмин, Сухинов, Рюмин - Бестужев.

30-го числа, около полудня, подполковник Муравьев со многими офицерами Черниговского полка, все вооруженные пистолетами, приехали в Васильков. Шесть рот вступило в город, заняли гауптвахту, распустили из оной арестантов, майора Трухина (который хотел противиться) разругали, порвали на нем мундир, оборвали эполеты и отобрали шпагу; прислали к полковнику взять знамена и полковой ящик, что исполнено было без всякого сопротивления; а на другой день, то-есть 31-го, велели полковому священнику служить молебствие, после коего закричали: «Да здравствует государь Константин и вольность!» и выступили с распущенными знаменами из города; остановились

в деревне Мотовиловке, за семь верст; как говорят, что 1-го числа имеют там дневку, но куда затем пойдут и какие их намерения — неизвестно. 31-го числа освободили жандармских офицеров, забрав у них 700 рублей денег. Во время нахождения их в Василькове всех проезжающих останавливали, рассматривали бумаги и курьеров не пропускали. За отбытием их 31-го числа, полковник Гебель привезен в Киев для пользования.

Г. корпусный командир, генерал-лейтенант Рот находился с 31-го числа в Белой Церкви, где собран 17-й егерский полк, 18-й из Богуслава туда же следует, и другие полки получили повеление двигаться для укрощения. Алексопольский полк из Радомысла выступил 2-го сего месяца и следует в Житомир; бывший сего полка полковой командир, полковник Швейковский, с 31-го на 1-е взят по именному повелению. 1-го числа прибыла в Белую Церковь к г. генер.-лейт. Роту 1-я гренадерская рота Черниговского п. полка с своим командиром, которые не хотели присоединиться к возмутившимся.

(На этой записке рукою Гебеля помечено: «Донесено его высочеству 1-го генваря».)

II

Командиру 25-й пехотной дивизии, господину генерал-лейтенанту и кавалеру, Гебелю.

Волынского гражданского губернатора.

Имею честь уведомить ваше превосходительство, что в сию минуту получено в Житомире корпусным штабом 3-го пехотного корпуса официальное уведомление о совершенном усмирении взбунтованных рот Черниговского пехотного полка. Вчерашнего числа командующий авангардом, генерал-майор Гейсмар атаковал заблужденных на возвышенностях селения Устиновки, в 22-х верстах от Белой Церкви, имев с собою не более двух эскадронов гусарских полков — Мариупольского и принца Оранского, а также несколько пушек артиллерии конной. По нескольких выстрелах картечью, сдались. Взято 700 человек солдат, всех офицеров, между коими и трех Муравьевых. Один из них ранен, но не сам предводитель бунта. Со стороны атакующих никто не убит и даже не ранен. Таким образом спокойствие совершенно восстановлено.

(Рукою губернатора приписано)

«О сем донесено мною и его императорскому высочеству государю цесаревичу».

Губернатор Андржейкович.

№ 7. 4-го генваря 1826.

На полях подлинника его же рукою помечено: «секретно», а рукою Гебеля: «донесено 5 генваря его высочеству».

(Русс. Архив, 1871, стр. 267—272.)

---

182. Восстание Черниговского полка.

(По воспом. М. И. Муравьева-Апостола.)

...В ночь с 28-го на 29-е декабря, командир Черниговского полка, Гебель, с жандармским капитаном Лангом, гнавшиеся за братом[1]) от самого Житомира, настигли его в Трилесьи. После нескольких бессонных ночей, проведенных в дороге, раздевшись, брат лег спать. Гебель просил нас одеться, чтобы выслушать высочайшее повеление. Оно заключалось в том, чтобы нас арестовать и препроводить в Петербург.

Мы пригласили Гебеля напиться чаю, на что он охотно согласился. Пока мы сидели за чаем, наступил день. Кузьмин с своей второй ротой возвратился из Василькова. Вместе с ним прибыли все ротные командиры второго батальона Черниговского полка, чтобы наведаться о своем батальонном начальнике. Гебель занялся расстановкою часовых вокруг хаты и поставил по два человека против каждого окошка хаты. Возвратившись в комнату и обращаясь к офицерам с тоном угрозы, он спросил их, что они тут делают? Кузьмин отвечал ему, что он у себя на квартире. «Как вы смели говорить с арестантом?» Такая неуместная выходка Гебеля возбудила в офицерах взрыв негодования. Кузьмин подошел к нему и, грозя пальцем, напомнил, сколько раз Сергей Иванович выручал его из беды. Гебель не выдержал укоров, вышел из комнаты; офицеры пошли за ним. Вскоре послышались громкие возгласы, крики. Испуганный жандарм, мужчина рослый, бросился на колени перед братом, прося его (на французском языке) пощадить его жизнь. Брат его успокоил, уверяя, что жизни его не угрожает ни малейшая опасность. Жандарм вышел из хаты и тут же выехал из Трилесья.

---

[1]) С. Муравьевым-Апостолом.

Хотя я не был свидетелем побоища, но утвердительно могу сказать, что раны, будто бы нанесенные штыком Гебелю в грудь и в бок, — чистая ложь. Не поручусь в том, чтоб его не ударили ружейным прикладом. При таких ранах, о которых говорится в донесениях, Гебель не мог бы немедленно возвратиться в Васильков.

Гебель за свое усердие и распорядительность был назначен вторым киевским комендантом. Несмотря на то, можно безошибочно сказать, что, будь на месте Гебеля полковым командиром Черниговского полка человек, заслуживающий уважения своих подчиненных и более разумный, не было бы ни возмущения, ни восстания.

Пятая рота, узнав об освобождении из-под ареста своего баталионного командира, приветствовала его громким криком: «ура!». Брат приказал солдатам разойтись по своим квартирам, собрать свои пожитки и готовиться к походу.

Неожиданные события, столь быстро последовавшие одно за другим: арест и затем немедленное освобождение, вследствие возмущения офицеров, поставили брата в безвыходное положение.

Участвовавший в походах 1812, 1813 и 1814 годов, Сергей Иванович достаточно был сведущ в военном деле, чтобы не питать никакой надежды на успех восстания при силе, заключавшейся в горсти людей. Но обстоятельства так сложились, что восстание, не предвидимое, не приготовленное, было уже совершившимся фактом, вследствие грубого, безрассудного обхождения Гебеля с офицерами, уважения которых не умел он снискать. Солдаты ненавидели его, сочувствовали своим офицерам, питали к ним полное доверие, а тем более к Сергею Ивановичу. Они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Офицеры, нарушившие закон военного повиновения, ожидали его решения. Покинуть их — значило бы отказаться разделить с ними горькую участь, их ожидавшую. Брат решился идти в поход для соединения с 8-ю пехотною дивизиею, расположенной за Житомиром. В 8-й пехотной дивизии находились многие члены Тайного союза и Общества Соединенных Славян. В числе первых считалось несколько полковых командиров, на содействие которых можно было положиться: несколько рот старого Семеновского полка переведены были в эту дивизию и вполне доверились брату. Офицеры пешей 8-й артиллерийской бригады, когда до них дошла весть о смерти государя, дали знать Сергею Ивановичу, что у них все готово к походу и лошади подкованы на зимние шипы. К тому же надежда, что восстание на юге, отвлекая внимание правительства от товарищей-северян, облегчит тяжесть грозившей им кары, как бы оправдывала в его глазах отчаянность его предприятия; наконец, и то соображение, что, вследствие доносов Майбороды и Шервуда, нам не будет пощады, что казематы — те же безмолвные могилы; все это, взятое вместе, посеяло в брате Сергее Ивановиче убеждение, что от предприятия, повидимому, безрассудного, нельзя было отказаться и что настало время искупительной жертвы.

Рота выступила из Трилесья. Ночлег наш был в селе Снидинки. 30-го декабря, около третьего часа пополудни, роты дошли до Василькова. Против нас была выставлена цепь стрелков. Когда рота подошла к ней на такое расстояние, что можно было разглядеть лица солдат, стрелки с криком: «ура» соединились с своей пятой ротой и вместе с ней вступили в Васильков. По вступлении в город брат принял следующие меры: освободил из-под ареста М. А. Щепилу, барона Вениамина Николаевича Соловьева, Ивана Ивановича Сухинова, возвратившихся накануне из Трилесья; усилены были караулы у острога и у казначейства; наряжен был оберегательный караул к дому, занимаемому Гебелем; отдан был приказ на всех заставах никого не впускать в город и не выпускать из него, без ведома и разрешения брата. Ночь прошла спокойно. Несколько офицеров, ехавших в отпуск или возвращавшихся в свой полк, являлись к Сергею Ивановичу и без задержки отправлялись далее. Проезжий жандарм задержан был ночью. 31-го декабря второй баталион Черниговского полка, в полном своем составе, рано утром присоединился в Василькове; две роты первого баталиона присоединились тоже к нам. После продолжительного колебания полковой священник Черниговского полка согласился отслужить молебен и прочесть перед фронтом катехизис, составленный

братом. В нем излагались обязанности воина и отношения к богу и отечеству.

Роты, помолившись, готовились выступить из Василькова; тут подъезжает почтовая тройка, и брат Ипполит бросается в наши объятия. Ипполит только что выдержал блестящий экзамен и был произведен в офицеры генерального штаба и определен во вторую армию. Напрасно мы его умоляли ехать далее в Тульчин, место его назначения: он остался с нами.

31-го декабря прибыли мы в с. Мотовиловку, где у нас была дневка, по случаю нового года.

2-го января 1826-го года брат Сергей Иванович намеревался отправиться в Бердичев, чтобы воспользоваться лесистою местностью. Узнав, что 18-й егерский полк, расположенный в Белой Церкви, выставлен против нас, он свернул в Житомир, кратчайшею дорогою, через Трилесье.

3-го января 1826-го года на привале, мы узнали, что кавалерийский отряд с конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член Тайного Союза. В 1860 г., жительствуя в Твери, я только тогда узнал, что Пыхачев, накануне того дня, когда его рота выступила против нас, был арестован. Мы снялись с привала, построились в ротные колонны и пошли далее. Местность оказалась самою невыгодною для пехоты, имеющей встретиться с кавалерией. Отряд, пушки в виду. Мы подвигаемся вперед. Раздается пушечный выстрел, за ним второй; ядро пролетело над головами. Мы все шли вперед. Открылась пальба картечью, у нас несколько человек пало, одни убитыми, другие ранеными, в числе первых начальник шестой мушкетерской роты, штабс-капитан Михаил Алексеевич Щепила. Тогда Сергей Иванович решился прекратить неравный бой и спасти свою команду от неминуемой погибели и приказал поставить ружья в козлы. Солдаты, повинусь ему, не понимали, с каким намерением начальник остановил их на походе. Сергей Иванович им сказал, что виноват пред ними, что, возбудив в них надежду на успех, он их обманул. Артиллеристам Сергей Иванович стал махать белым платком и тут же упал, пораженный картечью. Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета.

Нас рассадили в сани; пришлось нам проехать мимо наших солдат, которые с соболезнованием смотрели на брата. Ни у кого из них на лице не проявилось ни малейшего знака укора. После нашего отъезда, кавалерия обступила Черниговских солдат.

В Трилесье нас поместили в корчму, приставив к нам караул из Белорусских гусар. У брата рана не была перевязана и нечем было перевязывать. Вещи наши — и белье, и прочее, расхищены гусарами.

Наступила ночь, подали огонь. Кузьмин, лежавший на соломе против меня, просил меня подойти к нему. Я ему указал на раненую голову брата, лежавшую на моем плече. Кузьмин с видимым напряжением подполз ко мне, передал рукопожатье, по которому Соединенные Славяне узнавали своих, простился дружелюбно со мною, дополз до своей соломы и тут же, лежа, застрелился из пистолета, спрятанного в сюртучном рукаве у него. Кузьмин скрыл от нас полученные им две картечные раны, одну в бок, другую в левую руку...

От выстрела, сделанного Кузьминым, с братом повторился обморок, которому он уже несколько раз до того подвергался, вследствие потери крови из неперевязанной раны.

Утром 4-го января 1826 г. рану перевязали, подали сани; приготовлен был конвой из Мариупольских гусар, чтобы отвезти нас в Белую Церковь. Сначала начальник конвоя долго не соглашался на нашу просьбу дозволить нам проститься с братом нашим Ипполитом, потом повел нас к нежилой, довольно просторной хате. На полу лежали голые тела убитых, в числе их и брат наш Ипполит. Лицо его не было обезображено пистолетным выстрелом; на левой щеке под глазом заметна была небольшая опухоль, выражение лица было гордо-спокойное. Я помог раненому брату Сергею стать на колени; поглядели на нашего Ипполита, помолились Богу и дали последний поцелуй нашему убитому брату.

Меня посадили в сани вместе с раненым братом. Дорогою мы утешали себя мыслью, что и в Сибири, где бы мы ни были брошены, мы будем неразлучно вместе. Молодой Мариупольский гусарский офицер, который был посажен на передке наших саней, без вызова на разговор с нашей стороны, заговорил о своем и своих сослуживцев сочувствии нам.

В Белой Церкви нас разместили по разным хатам и лишили меня тем последнего, как бы сказать, утешения — ухаживать за раненым братом Сергеем Ивановичем. Этим я оканчиваю свой рассказ о восстании в 1825 году Черниговского пехотного полка.

(Муравьев-Апостол, М. И. «Воспом. и письма», стр. 51—56.)

---

183. Пушкин о декабристах. Из X сожженной главы «Евгения Онегина».

1830.

Вл[аститель] слабый и лукавый.
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами ц[арствовал] тогда.
Его мы очень смирн[ым] знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Б[онапартова] шатра.
Гроза 12 года
Нас[тала] — кто нам тут помог? —
Остервенение народа,
Б[арклай], зима, иль р[усский] бог?
Но бог помог. — Стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутилися в П[ариже],
И р[усский] ц[арь]—главой ц[арей].

— И чем жирнее, тем тяжеле.
О р[усский], глупый наш н[арод]
Скажи, зачем ты в самом деле . . .
— Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил . . .

— Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились ц[ари],
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший, как тень зари . . .

Тряслися грозно Пиринеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий к[нязь] друзьям Мореи
Из К[ишинева] уж мигал . . .
— «Я всех уйму с моим народом!» —
Наш ц[арь] в покое говорил . . .
Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда [тирана]
Свирепой шайке палачей . . .
[Россия] присм[ирела] снова
И пуще ц[арь] пошел кутить, —
Но искры пламени другого
Уже издавна, может быть . . . —

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки . . .
— Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Все это были заговоры
Между Лафитом и Клико,
Куплеты, дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука, —
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов . . .

. . . по пустякам . . . —
Везде беседы недовольных,
— И постепенно сетью тайной . . .

Друг Марса, Вакха и Венеры
Тут Л[унин] дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал . . .
— Читал свои стихотворенья, —
— Казалось . . . обнажал
Цареубийств[енный] кинжал . . .
— Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Т[ургенев] им внимал,
И слово: рабство — ненавидя,
— Предвидел в сей толпе дворян —
Освободителей кре[стьян].

Так было над Невою льдистой, —
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой,
И над холмами Ту[льчина],
Где Вит[генштейновы] дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли, —
Дела иные уж пошли . . . — —
Тут П[естель] доставал кинжал . . .
И рать набатом . . .

Холоднокровный генерал
В союз свободы вербовал...
И полон дерзости и сил
[Порыв] минуты [торопил]...[1]).

(Соч. Пушкина, изд. Брокгауза и Ефрона, т. VI, стр. 212—213.)

---

184. Герцен о декабристах.

Вскоре после войны в общественном мнении совершилась большая перемена. Офицеры гвардии и армейских полков стали менее покорны, менее сговорчивы, чем прежде, после того как храбро подставляли грудь неприятельским пулям. В обществе распространились рыцарские чувства чести и личного достоинства, дотоле неизвестные русской аристократии, — происхождения простонародного, вышедшей из народа милостью государей. В то же время дурная администрация, продажность чиновников, полицейские прижимки стали возбуждать всеобщее неудовольствие. Видно было, что правительство, — так, как оно было организовано, — не могло, при всем желании, оградить от этих злоупотреблений, что нельзя ждать никакой справедливости от богадельни для стариков, которую называли пышным именем правительствующего сената, состоявшего из смиренных невежд и служившего правительству кладовою, куда убирали старых, подержанных чиновников, недостойных ни оставаться в администрации, ни быть из нее выгнанными. Государственные люди с большим авторитетом, как, например, старый адмирал Мордвинов, громко говорили о неотложности многих реформ. Сам Александр желал улучшений, но не знал, как приняться за дело. По его приказу, Карамзин, историк русского абсолютизма, и Сперанский, составитель Свода аконов (Николая I), работали над проектом конституции.

Энергичные и серьезные люди не стали дожидаться окончания этих мнимых проектов, они не удовлетворились смутным недовольством, а постарались воспользоваться им иным способом. Они задумали тайное общество, которое должно было заняться политическим воспитанием молодого поколения, распространять идеи свободы и разработать сложный вопрос радикальной и полной реформы русского правительства. Далеко не ограничиваясь одной только теорией, они в то же время сорганизовались так, чтобы воспользоваться первым удобным случаем для потрясения царской власти. Все, что было отличного в русской молодежи, — молодые военные, как Пестель, Фон-Визин, Нарышкин, Юшневский, Муравьев, Орлов; самые любимые литераторы, как Рылеев и Бестужев; потомки самых знаменитых фамилий, как князья Оболенский, Трубецкой, Одоевский, Волконский, граф Чернышев, — поспешили войти в ряды этой первой фаланги русского освобождения. Это общество приняло сначала название Союза Благоденствия.

Странная вещь: в то же время, как эти горячие молодые люди, полные веры и энергии, клялись ниспровергнуть петербургский абсолютизм, император Александр клялся скрепить Россию с неограничеными монархиями Европы. Он только что образовал знаменитый Священный Союз, — союз мистический, бесполезный, невозможный, нечто вроде абсолютистского Грютли, Тугенбунда, составленного из трех коронованных студентов, между которыми Александр играл роль горячей головы.

Те и другие сдержали свои клятвы: одни — идя умирать на виселицу или в каторжные работы за свои идеи, а Александр — оставив корону своему брату Николаю.

Десять лет, протекшие со времени возвращения войск и до 1825 года, составляют апогей петербургского периода. Россия Петра I чувствовала себя сильною, юною, полною надежды. Она думала, что свобода способна привиться с такой же легкостью, как и цивилизация, и забывала, что цивилизация не проникла еще дальше поверхности и принадлежала только очень незначительному меньшинству. Это меньшинство, действительно, было настолько развито, что не могло оставаться при временных условиях императорского строя.

Это была первая оппозиция, поистине революционная, которая образовалась в России. Оппозиция, которую встретила цивилизация в начале XVIII века, была консервативна. Даже

---

[1]) Из зашифрованных самим Пушкиным рукописных отрывков, найденных с жандармской описью в бумагах Пушкина в 1910 г. и впервые разобранных и напечатанных акад. Морозовым. Здесь печатается по тексту, установленному Н. Лернером. В прямые скобки [ ] взяты слова, поставленные издателями по догадке.)

та, которую проявляли некоторые большие сановники, например, граф Панин в царствование Екатерины II, не выходила из круга идей строго-монархических; она отличалась иногда энергиею, но всегда оставалась покорною и почтительною. Настроение, охватившее умы после 1812 года, было уже совершенно иное.

Столкновение между покровительствующим деспотизмом и покровительствуемой цивилизацией стало неминуемым. Первый бой между ними произошел 14 декабря. Победителем вышел абсолютизм; он показал тогда, какою силою зла он обладал.

. . . .

Время для тайного политического сообщества было выбрано во всех отношениях прекрасно. Литературная пропаганда шла очень деятельно; душою ее был знаменитый Рылеев; он и его друзья придали ей энергию и увлекательность, которой она никогда не имела ни раньше, ни позже. То были не только слова, но и действия. Чувствовалось определенное принятое решение, сознательная цель; не обманывались насчет опасности, шли твердым шагом, с высоко поднятой головой к бесповоротно установленному исходу.

Литература у народа, не имеющего политической свободы, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик негодования и своей совести.

Влияние литературы на общество, сложившееся таким образом, разрастается до размеров, которые литература других стран Европы давно утеряла. Революционные стихотворения Рылеева и Пушкина можно было найти в руках молодых людей в самых отдаленных областях империи. Не было ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей сумке, ни одного поповского сына, который не снял бы с них дюжину копий. В последние годы пыл этот очень остыл, потому что стихи уже произвели свое впечатление: целое поколение пережило влияние горячей юношеской пропаганды.

Заговор быстро распространялся в Петербурге, Москве, в Малороссии между офицерами гвардии и 2-й армии. Русские ленивы, пока не наталкиваются на импульс, легко поддаются увлечению. Раз увлеченные, они идут до крайних выводов, не ища сделок.

Мы встречаем эту черту русской души и в ходе занимающего нас заговора. Вначале он имел направление конституционное и либеральное — в английском смысле. Но едва такое мнение было принято, как союз преобразился: он стал более радикальным, вследствие чего многие члены его покинули. Основное ядро заговорщиков сделалось республиканским и не захотело более довольствоваться представительной монархией. Они справедливо думали, что если у них будет достаточно силы, чтобы ограничить самодержавие, то ее хватит и на то, чтобы вовсе его уничтожить. Главари Южного общества имели в виду республиканскую федерацию славян; они вырабатывали революционную диктатуру, которая должна была организовать республиканские формы.

Более того, когда полковник Пестель посетил Северное общество, он поставил вопрос на другую почву. Он полагал, что провозглашение республики ни к чему не поведет, если не вовлечь в революцию и земельную собственность. Не забудем, что дело идет о событиях между 1817 и 1825 годами. Социальные вопросы никого еще не занимали в Европе. Гракх Бабеф, «сумасшедший, дикий», был уже забыт. Сен-Симон писал свои трактаты, но их никто не читал; с Фурье было то же самое; опыты Оуэна интересовали не более. Самые большие либералы того времени, вроде Бенжамена Констана и Поля-Луи-Курье, испустили бы крики негодования, если бы услышали предложения Пестеля, — предложения, которые провозглашались не в каком-нибудь клубе, состоявшем из пролетариев, но перед большим союзом, в который входили исключительно лица из самого богатого дворянства. Пестель предлагал им добиться, хоть ценою своей жизни, экспроприации их же имений. С ним не соглашались, его убеждения слишком колебали те принципы политической экономии, которые тогда только что были усвоены. Но Пестеля не обвиняли в том, что он хотел грабежа и резни; он тем не менее оставался истинным вождем Южного общества и более чем вероятно, что, в случае успеха, он стал бы диктатором, — он, который был социалистом раньше, чем появился социализм.

Пестель не был ни мечтателем, ни утопистом; совсем напротив, он ни на шаг не отходил от действительности, он знал дух своей нации. Если оставить землю дворянству, то получалась бы олигархия, народ даже не понял бы своего освобождения, так как руский крестьянин хочет быть свободным только с землей.

Тогда же Пестель первый подумал, каким образом привлечь народ к участию в революции. Он соглашался с друзьями, что восстание не могло удасться без поддержки армии, но он хотел еще увлечь, во что бы то ни стало, и сектантов, — глубокомысленный проект, основательность и важность которого докажет время.

Теперь, после совершившихся событий, мы можем сказать, что Пестель заблуждался: друзья его не могли подготовить социальную революцию, народ не мог иметь общего дела с дворянством, — но только великим людям дано ошибаться таким образом, упреждая развитие народных масс

Практически моментом он ошибался, но теоретически его мысль явилась откровением. Он был пророком, и все тайное общество того времени — громадной школой для настоящего поколения.

14 декабря, действительно, открыло новую базу нашему политическому воспитанию, и — что может показаться странным — громадное влияние, которое имело это дело и которое сильнее действовало, чем пропаганда и теории, оказало само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, во время суда, в кандалах, в присутствии императора Николая, в рудниках, в Сибири. Не либеральных стремлений или сознания злоупотреблений недоставало русским, а прецедента, который дал бы им смелость инициативы. Убеждения внушаются теорией, поведение же образуется примером.

Нигде подобный пример до такой степени не необходим, чем там, где человек не привык осуществлять свою волю, выставлять себя на вид, рассчитывать на самого себя и оценивать свои силы, где, напротив, он всегда оставался несовершеннолетним, без голоса и мнений, укрытый за общиною, как за непроходимой оградой, поглощенный государством, в котором он являлся как бы затерявшимся. Вместе с цивилизацией неизбежно развились идеи свободы, но бездеятельное недовольство слишком вошло в привычки: все желали избавиться от деспотизма, но никто не хотел приступить к этому первым.

И вот первые нашлись, и с таким величием души, с такой силой характера, что правительство в своем официальном донесении не посмело ни унизить, ни обесчестить их; Николай ограничился тем, что жестоко наказал их. Безмолвие, немая пассивность были нарушены: с высоты своих виселиц эти люди разбудили душу у нового поколения,—повязка спала с его глаз.

Не менее решительно было действие 14-го декабря на само правительство: от Петра до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации, а с 1825 года — ничего подобного: власть только и думает, что о замедлении умственного движения; уже не слово «прогресс» пишут на императорском штандарте, а слова: «самодержавие, православие и народность», это «мани, фарес, текель» деспотизма, и, кроме того, последние два слова явились там только для формы. Религия, патриотизм были только средствами для укрепления самодержавия, и народ никогда не был проведен национализмом Николая; пароль, выражающий его царствование, это — деспотизм, гласящий: «пусть погибнет Россия, лишь бы власть оставалась неограниченною и в целости». С таким диким девизом нет более недоразумений, и то же 14 декабря заставило правительство бросить лицемерие и поднять знамя деспотизма.

(А. И. Герцен, т. VI, стр. 347—349, 350, 351—353.)

---

185. Плеханов о декабристах.

Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 года.

С точки зрения собственно боевой целесообразности действия эти вряд ли могут выдержать даже снисходительную критику. Правда, много замешательства внесено было в них странным поведением Трубецкого, который не только не исполнил своей обязанности предводителя восстания, но даже не явился на Сенатскую площадь. Но уже одно то обстоятельство, что заговорщики, не решаясь действовать без его приказаний, ждали его до самого вечера

в виду войск, оставшихся верными Николаю, как будто показывает, что они мало были расположены к наступательным действиям. Подобное же впечатление производят и многие другие происшествия как этого, так и предыдущего дня. По словам Пущина, Каховский «дал слово Рылееву, если Николай Павлович выедет перед войска, нанести ему удар». Это не было сделано. Почему? Пущин объясняет это тем, что Александр Бестужев после, наедине с Каховским, уговорил его не пытаться исполнить данное им Рылееву обещание. Чем руководствовался А. Бестужев, отговаривая Каховского? И почему уступил его настояниям Каховский, не поколебавшийся поднять руку на Милорадовича? Далее. На последнем собрании у Рылеева, вечером 13-го декабря, решено было, что на другой день утром А. Бестужев и Якубович, выведя из казарм Московский полк, пойдут с ним в артиллерийские казармы на Литейный, забрать там орудия и звать артиллеристов на Сенатскую площадь. Это тоже не было сделано. А между тем, как важно было бы для заговорщиков иметь пушки на своей стороне! Но и эту страшную ошибку мог поправить Панов, проходивший с лейб-гренадерами по Дворцовой площади мимо тех самых орудий, которые потом осыпали восставших картечью. Все говорят, что Панов мог тогда захватить эти орудия. Но он даже не пытался сделать это. Тот же Панов проходил со своими солдатами через Петропавловскую крепость и, стало быть, без труда мог овладеть ею, обеспечив этим надежную точку опоры своим единомышленникам в случае неудачи. Но и эта мысль, как видно, не приходила ему в голову. Чем объяснить эти промахи? И чем объяснить, наконец, тот, может быть, крупнейший промах, что восставшие до вечера стояли на площади, дав своим врагам время собраться с силами, а не предупредили их нападения и не напали на дворец ранним утром. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что благодаря всем этим и другим подобным ошибкам заговорщики лишились возможности нанести своим врагам жестокие и страшные удары. И невольно переспрашиваешь себя: да неужели же в самом деле не хватило находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших смотреть в глаза смерти без малейшей боязни. Нет, такое предположение решительно несообразно с тем, что мы знаем о декабристах. Но если это так, то, спрашивается, чем же объясняется нецелесообразное поведение заговорщиков в день четырнадцатого декабря 1825 года?

Я думаю, что на этот вопрос можно правильно ответить лишь указанием на эту черту их психологии, которую я отметил, сказав, что они сознательно шли на мученичество. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания; это показывают собственные признания многих из них. На совещаниях у Рылеева, происходивших во время междуцарствия, обнаружилось, что силы тайного общества очень малы. Когда утром 12-го декабря депутаты от разных полков собрались у Оболенского, то на его вопрос: «сколько каждый из них может вывести на Сенатскую площадь?» они ответили, что не могут поручиться ни за одного человека. При таких условиях трудно питать уверенность в победе. И если заговорщики все-таки вышли на площадь, то это объясняется их уверенностью в том, что их гибель нужна для пробуждения «спящих россиян». Рылеев, который, по его собственным словам, мог все остановить и который всех побуждал к действию, хорошо знал, что идет на гибель. То же знали, как видно, и другие, например, молодой князь Одоевский, воскликнувший накануне восстания: «Мы умрем, но мы умрем со славой!».

Если мы допустим, что таково было настроение членов тайного общества, то их действия на Сенатской площади представятся в совершенно новом свете. Смотря на события 14-го декабря, как на сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков. Если мы взглянем на те же события, как на военную манифестацию, предпринятую людьми, неуспевшими и приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий очень просто объясняется

нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв. «Эти люди хотели всенародно заявить мысль русской свободы, — справедливо говорит Герцен, — зная, что они погибнут, но что, раз всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет». При таком настроении вопрос о том, удастся или нет захватить пушки или занять Петропавловскую крепость, мог иметь в их глазах лишь второстепенное или третьестепенное значение.

Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли была главная цель восставших, то мы, не колеблясь, ответим утвердительно, потому что, — как это очень хорошо сказал тот же Герцен, — пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение.

Прибавлю еще, что с этой точки зрения героическая самоотверженность заговорщиков представляется еще в более ярком свете. Укажу опять на Рылеева. Когда он собирался выйти из дому утром 14-го декабря, его жена, догадываясь, что ему грозит большая опасность, стала со слезами упрашивать его остаться. Автор стихотворения «Гражданин» оставался непоколебим. Тогда бедная, пораженная горем женщина закричала своей дочери: «Настенька, проси отца за себя и за меня». Испуганный ребенок подбежал к отцу и рыдая обнял его колени, между тем как мать почти без чувства упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван и, освободившись из объятий дочери, пошел на площадь. Перед этой потрясающей сценой бледнеют все остальные проявления героического самоотвержения Рылеева.

...Николай мог теперь праздновать полную победу. И он отпраздновал ее по своему. Петропавловская крепость была переполнена арестантами, от которых всеми силами старались добиться так называемых чистосердечных признаний.

«В полночь внезапно отпирались двери темниц, на узника набрасывали покрывало, безмолвно вели его через коридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало, он находился уже в зале присутствия перед членами тайной комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или смерть, требовали ответов мгновенных и обстоятельных, обещали именем государя помилование за откровенность, отвергали оправдания, объявляя, что оные будут допущены впоследствии перед судом, вымышляя показания, отказывали иногда в очных ставках и часто, увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить признание или показание на других. Кто молчал или по неведению происшествий, или от опасения погубить невинных, того в темнице лишали света, изнуряли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостоверяться, сколько осужденный мог вынести телесных страданий». Когда И. Д. Якушкин отказался выдавать своих товарищей, допрашивавший его Левашев воскликнул: «Так вас заставят назвать их. Я приступаю к обязанностям судьи и скажу вам, что в России есть пытка. В применении к Якушкину пытка ограничилась только закованием в кандалы, но другим пришлось вытерпеть гораздо больше. Вот что рассказывает о Пестеле один из декабристов, видевший его перед казнью. «Он был после болезни, испытавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства! Два кровавые рубца на голове были свидетелями этих пыток. Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове, с двумя сдавленными глубокими желобами, оставил на голове его свои глубокие два кровавые рубца».

Если бесчеловечная жестокость следователей поколебала мужество некоторых (очень немногих) второстепенных членов общества, то на огромное большинство их она совсем не произвела устрашающего действия. Донесение следственной комиссии приписывает почти каждому из них глубокое раскаяние. Но всякий, кто внимательно прочтет это донесение, убедится, что оно систематически искажает истину. Вот яркий пример, приводимый Герценом в его книге «14-го декабря и император Николай»: «Якушкину смертная казнь сведена на 20 лет каторжной работы по уважению совершенного раскаяния». Между тем раскаяние Якушкина состояло только в следующем: он сказал суду, что соглашался на цареубийство и сам решался на него, что, следственно, он должен быть осужден на казнь, и пусть его казнят, но что он более ничего гово-

рить не будет. Император Николай сам его позвал и велел признаться. Якушкин и ему сказал то же, что пред судом. «Да знаешь ли пред кем ты стоишь?» — закричал государь. — «За то, что ты государю не говоришь правды, если бы и я тебя помиловал, то на том свете тебя бог не простит». «Да ведь я в будущую жизнь не верю», — отвечал спокойно Якушкин. «Вон отсюда этого мерзавца!» — закричал Николай и велел опять отвести Якушкина в тюрьму, дать ему катехизис, кормить его постным и ежедневно посылать к нему попа для назидания. Вот и все раскаяние Якушкина. Рылеев прямо заявил следственной комиссии, что честь четырнадцатого декабря принадлежит ему и что он мог все остановить, но считал нужным побуждать к действию. Донесение комиссии и ему приписывает «совершенное раскаяние и перемену образа мыслей». На эту клевету лучше всего отвечает следующее четверостишие Рылеева, написанное им (гвоздем на оловянном блюде) во время его заключения в крепости:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну;
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?

Верховный уголовный суд «признал и единогласно определил, что преступления, в актах означенные и собственным признанием подсудимых двукратно удостоверенные, подлежат все без изъятия смертной казни». Такой приговор оставлял широкое место как «высокомонаршему милосердию», так и «спасительной строгости». После двукратно «всемилостивейшего» вмешательства со стороны нового императора, он все-таки заключал в себе смертную казнь для пяти обвиняемых, а для остальных каторгу, ссылку, службу в солдатах с выслугой или без выслуги.

С тех пор прошло 75 лет, и много других казней видело наше несчастное отечество, много других жертв принесено было делу русской свободы. Но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы, многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления. Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по-своему преследуя ту самую цель, к которой они стремились всем сердцем и всем помышлением. Но именно потому, что мы чтим в этих людях своих предшественников и хотим продолжать их дело, мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помешало их непосредственному успеху. Это обстоятельство было указано еще Герценом: у них не было поддержки со стороны народа, «и судьба их была решена». Я уже сказал, что сословие, к которому принадлежали люди четырнадцатого декабря, было консервативно по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов. Это необходимо знать и помнить, потому что вся дальнейшая история русской революционной мысли, за самыми малыми исключениями — может быть формулирована, как ряд попыток найти такую программу действия, которая обеспечила бы революционерам сочувствие и поддержку со стороны народной массы. Мы, социал-демократы, убеждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы трудящейся массы и прежде всего ее наиболее передовой части, — пролетариата — мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризировать в ней идею борьбы за политическую свободу. В этом заключается наша месть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами. Когда разовьется политическое самосознание русской трудящейся массы, тогда — и только тогда — взойдет та «заря пленительного счастья», о которой говорит Пушкин в послании к Чаадаеву; тогда — и только тогда —

Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

(Г. Плеханов. «14 декабря 1825 г.», изд. Гос. Издат., стр. 21—31.)

XIV. Дело о декабристах.

186. Из переписки имп. Николая I.

Прочитав присланные бумаги (по делу о заговоре), великий князь Николай Павлович в тот же день, 12-го (24-го) декабря, писал барону Дибичу:

«Полковник Фредерикс приехал сегодня поутру в 7 часов и вручил мне три пакета от вас, любезный Иван Иванович, к государю императору адресованные. Из первого письма моего к вам вы известились уже, что, не сговорясь между собою, мы оба, и я могу прибавить — за мною все исполнили долг наш пред нашим государем. Но воля его свята, и, присягнув ему, я должен свято исполнить все, что мне ни повелит, как оно ни тяжело для меня и как ни ужасно и ни затруднительно мое положение. Я еще не государь ваш, но должен поступать уже, как государь, ожидая каждую минуту разрешения Константина Павловича на вступление мое на его место. Как и почему — здесь не место сказывать; скоро все объяснится и докажет, что я, прежде всего, был честным человеком, а потому и перед богом, и перед государем, и перед отечеством чист совестью и делами. Я открыл пакеты и в вашем докладе видел дело ужасное, но которое меня не страшит, ибо я на все готов. Обязанность моя — не теряя ни минуты, приступить к делу, до общего блага касающемуся; а потому и приступлю к назначению мер, мною принятых. В секрете: генерал Милорадович, как военный генерал-губернатор и который все здесь делает; князь Голицын, потому что он заведывает почтами и пользовался доверием покойного государя; генерал Бенкендорф, как человек надежный и посредник по делам военным и гражданским, быв военным губернатором и командуя полками, в коих, полагать должно, может быть зараза.

«Третьего дня видел в первый раз графа Аракчеева. Он мне в разговоре упомянул об этом деле, не зная, на чем оно остановилось, и говоря мне про оное, потому что полагает его весьма важным.

«Я тогда же сообщил об этом генералу Милорадовичу, который хотел видеться с графом Аракчеевым, но как граф принял за правило никого у себя и нигде не видеть, даже и по службе, то и не пустил к себе Милорадовича, хотя он и велел сказать, что он от меня послан к графу. Это было вчера. Получив ваши бумаги, я тотчас уведомил о том графа Милорадовича и условился с ним и Голицыным обратить непременно бдительное внимание на некоторых лиц, здесь находящихся. Выслать навстречу Булгари и Чернышеву фельдъегерей, для взятия их под арест за городом, и сюда доставить в крепость. Генерала Милорадовича адъютант, граф Мантейфель, поедет сегодня же на Житомир, в село Балабановку, Липовецкого повета, для доставления сюда капитана Майбороды. Как штабс-капитан Муравьев [1]) уже уехал в отпуск в Орел на четыре месяца, то для арестования его на дороге, где встретится, посылается фельдъегерь к князю Голицыну в Москву.

«Но притом долгом считаю в честь нашей гвардии сказать, что я почти уверен, что сообщников подобного злодеяния здесь весьма мало или и вовсе нет. Тому служит неоспоримым доказательством примерный порядок, соблюдаемый здесь по всем частям с самого ужасного 27-го числа; нет ни слуха о том, ни подозрения в чем-либо подобном, и, напротив, можно скорее сказать, что почти никогда такого порядка при жизни государя здесь не бывало. Я бы грешил пред богом и пред самим собою, если б говорил противное. Но «на бога надейся, а сам не плошай» было и будет нашим правилом до конца, — и мы не зеваем.

«Теперь нужным считаю ждать известий: 1) от Чернышева; 2) от вас, ибо Фредерикс говорил мне, что полковник Николаев ехал к вам обратно. Это одно может определить дальнейшие меры. Если Шервуд сюда будет, мы возьмем меры, чтобы его спрятать. Если Николаев не один к нам воротится, то нет сомнения, что вся шайка догадается об открытии вполне или части заговора; а потому тогда уже нечего медлить всех их забрать. Те, которые здесь, т.-е. Борисов и Свистунов, оба дураки; но ne peuvent être des instruments [2]). За ними

[1]) Никита Муравьев.

[2]) Но они могут быть орудиями.

будут смотреть. Про Корниловича я еще ничего не узнал.

«Как по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговора, ибо здесь в инспекторском департаменте известно, что Чернышев отпущен на 28 дней в К у р с к и О д е с с у, то я считаю необходимым, чтобы переговорили о сем с графом Воронцовым, дабы и там принять нужные меры; во всяком же случае — не оставьте меня в неизвестности о вашем на сей предмет распоряжении. Сейчас слышу, что Шишков, адъютант Рудзевича, здесь, под предлогом просьбы в отставку; я за ним также присмотрю [1]).

«Я считаю нужным, любезный Иван Иванович, чтобы вы, испросив приказания государыни Елизаветы Алексеевны, д о з в о л и т л и о н а открыть кабинет его императорского величества, забрали, как можно скорее, все бумаги, в нем хранящиеся, и доставили их ко мне, наискорее, с надежным человеком. Сами же, если присутствие ваше в Таганроге не необходимо, приезжайте сюда, где вы весьма мне нужны, и тогда вам нужно будет ехать на Могилев на Днепре, чтобы условиться с генералом Сакеном о многом, до сего и до будущих обстоятельств касающегося, en un mot pour m'orienter [2]), я считаю, что вы там, а может статься и прежде получите известия, что здесь все в порядке к о н ч е н о, или, иначе, я ж и в н е останусь. Да поможет нам бог, к чести отечества и нашей совести, все хорошо привести к заключению.

«Князю Петру Михайловичу писал я то, что вы от него уже, верно, слышали — насчет распоряжений, касающихся до тела нашего ангела. Я не мог и н о м у и н а к о писать, ибо тогда не имел на то права; теперь я вам о том подтверждаю, как лицо полуофициальное, но еще не ваш государь, а ваш искренний друг.

«Н.».

Едва Николай Павлович успел окончить приведенное здесь письмо, как фельдъегерь Белоусов прибыл из Варшавы с решительным ответом цесаревича, положившим конец междуцарствию. Николай Павлович был императором.

В 9 часов вечера государь сделал в письме к генерал-адъютанту Дибичу еще следующую приписку:

«Решительный курьер воротился; послезавтра поутру, я — или государь, или б е з д ы х а н и я. Я жертвую собой для брата; счастлив, если, как п о д д а н н ы й, исполню волю его. Но что будет с Россией? Что будет в армии? Генерал Толь здесь, и я его пошлю в Могилев с сим известием к графу Сакену и ищу доверенного для такого же назначения в Тульчин и к Ермолову. Словом, — надеюсь быть достойным своего звания не с б о я з н и ю или н е д о в е р ч и в о с т ь ю, но с надеждою, что, как я сам исполнил свой долг, так и все оный ныне пред мною исполнят. Но если где-либо что заварится, и вы о том узнаете, поручаю вам сейчас ехать туда, где будет нужно ваше присутствие. На вас полагаюсь совершенно и вперед разрешаю все вами принимаемые меры.

Я вам послезавтра, если ж и в буду, пришлю — сам еще не знаю кого — с уведомлением, как все сошло; вы также не оставьте меня уведомить о всем, что у вас или вокруг вас происходить будет, особливо у Ермолова. К нему надо будет под каким-нибудь предлогом и от вас кого выслать, например, Германа или такого разбора; я, виноват, ему менее всех верю. Опять повторяю: здесь у нас о сю пору непостижимо тихо: mais le calme précède souvent l'orage [1]).

«Довольно об этом. Que la volonté de Dieu se fasse [2]). Во мне видеть должно наместника и исполнителя воли покойного государя, а потому я на все готов. К вам навсегда буду искренно доброжелательным. Николай.

«До вашего приезда дела будут итти под именем Татищева, чрез Потапова, который ко мне с докладом ходить будет».

В тот же день, 12 декабря 1825 г., великий князь Николай Павлович писал князю Волконскому: «Воля божья и приговор братний надо мной совершается. 14-го числа я буду или государь, или м е р т в. Что во мне происходит — описать нельзя, вы верно надо мной сжалитесь — да мы все несчастны, но нет несчастливее меня. Да будет воля божья».

(«Русская Старина», 1897 г., т. 89, стр. 210—213.)

[1]) Шишков оказался непричастным к тайным обществам.
[2]) Одним словом, чтобы я мог быть в курсе.

[1]) Но затишье часто бывает перед грозой.
[2]) Воля божия да свершится.

187. Реляция о 14-м декабря 1825 г.

Прибавление к С.-Петербургским Ведомостям № 100.

Вторник. Декабря 15 дня. 1825 г.

Внутренние происшествия.

Вчерашний день будет, без сомнения, эпохою в истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что государь Император Николай Павлович восприемлет венец своих предков, принадлежащий ему, и вследствие торжественного, совершенно произвольного отречения государя цесаревича Константина Павловича, и по назначению в бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола. Но провидению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов возмутило спокойствие в некоторых частях города.

Вскоре после издания высочайшего манифеста о вступлении е. и. в. на престол, Государственный Совет, Правительствующий Сенат и Святейший Синод присягали в верности монарху: в течение утра должны были дать присягу все полки лейб-гвардии. К половине двенадцатого часа командующий гвардейским корпусом и начальник гвардейского штаба донесли его величеству, что присяга учинена полками конно-гвардейским, кавалергардским, преображенским, Семеновским, Павловским, Гренадерским, Гвардейским, Егерским, Финляндским и Саперным батальоном. О прочих полках не было еще известия, но сему причиной полагали отдаленность казарм от дворца. В двенадцать часов узнали, что четыре офицера гвардейской конной артиллерии, оказавшие сопротивление, взяты под стражу, но что прочие, как офицеры, так и нижние чины Гвардейского Артиллерийского Корпуса, присягали с отменным и единодушным усердием. Уже в исходе первого часа дошло до сведения его величества, что часть Московского полка (как сказывали, от 3 до 4-х сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая императором великого князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбежались к сей площади и перед дворцом. Государь император вышел из дворца без свиты, явился один народу и был встречен изъявлениями благоговения и любви: отовсюду раздавались усердные восклицания.

Между тем две возмутившиеся роты Московского полка не смирялись. Они построились в баталион-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: ура! Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна. Государь император дал повеление вывести один батальон Преображенского полка и, предводительствуя оным, приблизился к месту, где были собраны бунтующие; но с твердым намерением не употреблять силы, пока будет хотя малейшая вероятность кротостью и увещанием образумить ослепленных мятежников. К ним подъехал спб. военный ген.-губ. граф Милорадович, в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности, но в ту самую минуту стоявший возле него человек во фраке выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и столь отличного военачальника. Он умер нынешнею ночью.

Сие злодеяние ни в чем не изменило намерений е. и. в. Твердость и милость равномерно оказывались в сделанных несколько раз по его повелению увещаниях возмутившимся. Государь призывал их к долгу и смирению, но не внимая никаким условиям, не скрывая от них, что и за самою скорою покорностью долженствует необходимо и во всяком случае последовать примерное наказание зачинщиков мятежа.

Между тем е. в. дал приказание бывший в карауле у дворца полк Финляндский Егерский усилить Саперным батальоном, а полкам Кавалергардскому, Конногвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и Лейб-Гвардии Артиллерийской первой бригаде явиться к нему. Все сии войска ревностно просили дозволения одним ударом уничтожить бунт и мятежников. К сим последним присоединилось несколько человек из Лейб-Гренадерского полка и Гвардейского Морского экипажа; но, с другой стороны, в. князь Михаил Павлович, который в ту лишь минуту возвратился в С.-Петербург, узнав, что часть принадлежащего к его дивизии Московского полка обесславила себя восстанием на законную

власть, немедля отправился к казармам и там, даже не употребляя никаких строгих мер, привел к присяге шесть рот сего полка, кои при начале возмущения хотя отказывались присягать, однако ж не хотели последовать примеру вышедших на Сенатскую площадь. Его высочество, обязав сии роты клятвенным обещанием верности к государю императору Николаю Павловичу, привел их к августейшему брату своему; они пылали равным с другими войсками нетерпением положить конец мятежу. Но государь император еще щадил безумцев и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения, и самое воззвание преосвященного митр. Серафима пренебрежено мятежниками, его величество, наконец, решился, вопреки желанию сердца своего, употребить силу. Вывезенные пушки и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавших, преследуя и хватая их. Потом разосланы по всем улицам сильные дозоры, и в шесть часов вечера из всей толпы возмутившихся не было уже и двух человек вместе; они бросали оружие или сдавались в плен. В десять часов взято было дозорами более пятисот, кои скитались рассеянные; виновнейшие из офицеров пойманы и отведены в крепость.

В шесть часов вечера государь возвратился во дворец, и молебствие по случаю восшествия . и. величества на престол совершено в присутствии их величеств, всего двора и при великом стечении знатных особ. В городе уже было восстановлено повсеместное спокойствие.

(Шильдер. «Имп. Николай I», т. I, прилож., стр. 634 — 637.)

---

188. Из записок кн. С. П. Трубецкого.

Допрос и суд.

Казематов Петропавловской крепости недоставало для помещения всех арестованных, взятых в столице и привезенных со всех сторон обширной Российской империи. Военное сопротивление преодолено, и вся знать, все государственные чины и верховные правительственные места безусловно признали воссевшего на Российский престол. Никто не осмелился изъявить мнения, что неправильность принятия в новые руки скипетра могла быть причиною бывшего сопротивления. Все приписано было злонамерению тайного общества, и члены его, а также и прочие лица, участвовавшие в происшествиях сих дней, преданы были суду, как злоумышленники и ослушники законной власти.

Все нижние чины, схваченные на месте битвы, были заключены в Петропавловской крепости. Все прочие лица приводились во дворец, и новый император сам всех допрашивал. На многих гнев его выражался ругательством. Князь Оболенский был приведен с связанными руками, император обругал его, и, обратившись к стоявшим генералам, сказал: «вы не можете вообразить, что я терпел от него». Князь Оболенский был старшим адъютантом в дежурстве гвардейской пехоты, а Николай Павлович, как великий князь, командовал одной из дивизий гвардейской пехоты. Многие верноподданные сами поспешили привозить к императору ближайших своих родственников, не дожидаясь, чтобы приказано было их взять.

Ночью с 14 на 15-е число граф Лебцельтерн приходит меня будить и говорит, что император меня требует. Я, одевшись, вошел к нему в кабинет и нашел у него графа Нессельроде в полном мундире; шурина его графа Алекс. Гурьева, который пришел из любопытства и с которым мы разменялись пожатием руки, и флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявил мне, что император меня требует. Я сел с ним в сани и, когда приехали во дворец, он в прихожей сказал мне, что император приказал ему потребовать у меня шпагу; я отдал, и он повел меня в генерал-адъютантскую комнату, а сам пошел доложить. У каждой двери стояло по трое часовых. Везде около дворца и по улицам, к нему ведущим, стояло войско, и разведены были огни.

Меня позвали. Император пришел ко мне навстречу в полной форме и ленте и, подняв указательный палец правой руки против моего лба, сказал: «Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дело? Гвардии полковник князь Трубецкой.... Как вам не стыдно быть вместе с такою дрянью, ваша участь будет ужасная», и, обратившись к генералу Толь, сказал: «прочтите». Толь выбрал из бумаг, лежащих на столе, один лист и прочел в нем показание, что бывшее происшествие есть дело тайного обще-

ства, которое, кроме членов в Петербурге, имеет еще большую отрасль в 4-м корпусе, и что дежурный штаб-офицер этого корпуса, лейб-гвардии Преображенского полка полковник князь Трубецкой, находящийся теперь в Петербурге, может дать полное сведение о помянутом обществе. Когда он прочел, император спросил: «Это Пущина»? — Т о л ь: «Пущина».

Я. Государь. Пущин ошибается...

Т о л ь. А! вы думаете это Пущина? — А где Пущин живет?

Я видел, что почерк не Пущина, но подумал, что, повторив имя его, может быть, назовут мне показателя.

На вопрос Толя, я отвечал: «не знаю».

Т о л ь. У отца ли он теперь?

Я. Не знаю.

Т о л ь. Я всегда говорил покойному государю, ваше величество, что 4-й корпус—гнездо тайных обществ и почти все полковые командиры к нему принадлежат, но государю не угодно было верить.

Я. Ваше превосходительство, имеете очень неверные сведения.

Т о л ь. Уж вы не говорите, — я это знаю.

Я. Последствия докажут, что ваше превосходительство ошибаетесь. В 4-м корпусе нет тайного общества, я за это отвечаю.

Император прервал наш спор, подав мне лист бумаги и сказал: «пишите показание» и, показав место на диване, на котором сидел и с которого встал теперь. Прежде нежели я сел, император начал опять разговор. «Какая фамилия, князь Трубецкой, гвардии полковник и в каком деле! Какая милая жена! Вы погубили вашу жену. Есть у вас дети?

Я. Нет.

И м п е р а т о р. Вы счастливы, что у вас нет детей. Ваша участь будет ужасная! Ужасная!

И, продолжав некоторое время в этом тоне, заключил: «пишите все, что знаете», и ушел в кабинет.

Я остался один. Видел себя в положении очень трудном, не хотел скрывать принадлежности моей к тайному обществу, что и не привело бы ни к чему доброму, потому что ясно было из прочтенного мне и многих исписанных разными почерками листов, что более известно, нежели бы я желал. Но, между тем, я не хотел иметь возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было назвал. И потому я в своем ответе написал, что принадлежу к тайному обществу, которое имело целью улучшение правительства, что обстоятельства, последовавшие за смертью государя, казались обществу благоприятными к исполнению намерений его и что оно, предприняв действия, избрало меня диктатором, но что я, наконец, увидя, что более нужно мое имя, нежели лицо и распоряжения, удалился от участия. Этой увerткой я надеялся отстранить дальнейшие вопросы, к которым не был приготовлен. Пока я писал, вошел Михаил Павлович и подошел ко мне; постоял против меня, и я против него, не более минуты и вышел. Между тем приходили другие лица, которых расспрашивал Толь и которых потом выводили. Входил и император для допросов и уходил обратно. Когда я окончил писать, подал лист вошедшему Толю; он унес его к императору. Несколько погодя Толь позвал меня в другой кабинет. Я едва переступил за дверь, император навстречу в сильном гневе: «Эк! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали», и, скорыми шагами отойдя к столу, взял на нем четверку листа, поспешно подошел ко мне и показав: «Это что? Это ваша рука?»

Я. Моя.

И м п е р а т о р (крича). Вы знаете, что могу вас сейчас расстрелять?

Я (сложив руки и также громко). Расстреляйте, государь! Вы имеете право.

И м п е р а т о р (также громко). Не хочу. Я хочу, чтоб судьба ваша была ужасная!

Выпихнув меня своим подходом в передний кабинет, повторял то же несколько раз, понижая голос. Отдал Толю бумаги и велел приложить к делу, а мне опять начал говорить о моем роде, о достоинствах моей жены и ужасной судьбе, которая меня ожидает и уже все это жалобным голосом. Наконец, подведя меня к тому столу, на котором я писал и, подав мне лоскут бумаги, сказал: «пишите к вашей жене. Я сел, он стоял. Я начал писать: друг мой, будь спокойна и молись богу... Император прервал: «что тут много писать! напишите только: «я буду жив и здоров». Я написал: «Государь стоит возле меня и велит написать, что я жив и здоров». Я подал ему. Он прочел и сказал: «Я жив и здоров буду, припишите, буду вверху».

Я исполнил. Он взял и велел итти мне за Толем. Толь, выводя меня, передал тому же князю Голицыну, который меня привез и который теперь взял конвой кавалергардов, отвез меня в Петропавловскую крепость и передал коменданту Сукину. Шубу мою во дворце украли, и мне саперный полковник дал свою шинель на вате доехать до крепости.

Наконец начал проникать ко мне в тюрьму слух, что дело наше не кончится комитетом, но что нас будут судить в Сенате. Солдаты, между тем, стерегшие нас, уверяли, что все хорошо для нас кончится, что в бывшем 14 декабря происшествии сам император с главными лицами виноват, и ему нельзя нас наказать.

5-го июля подали мне мой мундир и повели в комендантский дом. В комнате, в которую ввели меня, я нашел новые лица, сидевшие за круглым столом. Посредине граф Головкин, по правую его руку князь С. Н. Салтыков, а перед ним лежала толстая связка бумаг, по левую руку графа сенатор Баранов и Бенкендорф, немного от всех поодаль. Сенатор Баранов спросил меня. «Ответы, писанные вами в комитете, все ли писаны собственною вашею рукою?» Князь Салтыков молча показал на кипу, перед ним лежавшую. Я отвечал, что я свои ответы все писал сам своею рукою.

Баранов. Итак, не угодно ли вам будет это подписать?

Написали записочку, которую подал мне Бенкендорф, с особенною учтивостью, встал и принес мне стул. Я сел и подписал поданную записку, которая заключала сказанный мною ответ, и меня тотчас отпустили.

Некоторые лица из подсудимых объявили, что ответы их были вынуждены насильственными мерами, голодом, заковыванием в железо и т. п. Послан был к ним священник, уговаривал их, чтоб они взяли назад это показание, и он успел в этом.

После этого дня я оставался в ожидании суда, как вдруг 10-го числа пришли за мной рано поутру и повели меня в комендантский дом. Я нашел его наполненным часовыми, а в комнате, в которую меня ввели, Артамона Муравьева и князя Барятинского. Я удивился, увидя себя в их обществе, ибо полагал, что ничего не имею с ними общего, за мной вслед ввели два брата Борисовых, которых я ни лиц, ни имен, ни участия не знал. Удивление мое возросло. Муравьев, как скоро увидел меня, сказал мне: «Как я счастлив, что я с тобою».

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастью.

Муравьев. Это значит, что моя судьба лучше, нежели я ожидал.

Я. А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьев. Нет, и я тебе скажу почему. Государь писал к твоей жене, что он участь твою облегчит. Я знаю от жены, которая получила, еще будучи в Ахтырке, письмо от графини Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не верю, чтоб это была правда.

Муравьев. Я тебя уверяю, что это точно было.

Наконец пришел князь Оболенский, и я увидел, что комната возле нас наполнялась разными мундирами.

Между тем в нашу вошли еще лица, мне неизвестные, но ни Рылеева, ни Пестеля не было.

Вдруг входит священник, я к нему подошел, он меня отвел к окошку. Я его спросил, что все это значит? Он отвечал, что нам будут читать приговор и что мы осуждены на работу. Я изъявил ему удивление, что не вижу Рылеева, Пестеля и других, кроме Оболенского. Он сказал: «Не пугайтесь того, что я вам скажу. Они будут приговорены к смертной казни и даже их поведут, но они будут помилованы. Я хотел вас предупредить».

Меня обступили, хотели знать, что сказал ушедший священник. Между тем, все назначенные в эту комнату, собрались. Это были, кроме меня и пятерых вышепоименованных, еще майор Спиридов, Бесчасный, Якушкин, Якубович и Вадковский. Спустя некоторое время нас повели и я, к удивлению своему, увидел себя поставленным пред многочисленным собранием важнейших государственных чинов. В большом зале комендантского дома был поставлен покоем огромный стол. За ним сидели члены совета, сенаторы, митрополиты и разные первых чинов люди, не принадлежавшие к сим государственным местам. Всем недостало места за столом, многие были сзади в глубине комнаты. Торжественно прочли каждому из нас, начиная с меня, сентенцию верховного уголовного суда (так названного). Все мы были при-

говорены к отсечению головы, которая казнь императором уменьшена и заменена осуждением вечно на каторжную работу. Мне суждено было переходить от удивления к удивлению. Я не знал, что есть суд надо мною, теперь узнал, что он уже осудил меня. Я думал, что если будут судить меня, то или особой комиссией, или в сенате, теперь узнал, что установлен для этого верховный уголовный суд из синода, совета, сената и присоединенных к ним различных особ. Я думал, что меня осудят за участие в бунте, меня осудили за цареубийство. Я готов был спросить какого царя я убил или хотел убить?

(«Зап. Трубецкого», стр. 38—74.)

---

189. Маски императора.

(По Щеголеву.)

Первые дни, первые месяцы своего царствования императов всероссийский Николай I всю энергию, все способности своего духа употребил на розыски по делу декабристов. Всю жизнь в нем крепко и прочно сидел сыщик и следователь, вечно подозрительный и выслеживающий, вечно ищущий, кого бы предать суду и наказанию. Но в первые месяцы царствования эта основная сущность его души раскрылась с необычайной полнотой и зловещей яркостью. В это время в России не было царя-правителя, был лишь царь сыщик, следователь и тюремщик. Вырвать признания, вывернуть душу, вызвать на оговоры и изветы — вот священная задача следователя; и эту задачу в конце 1825 — 1826 г.г. исполнял русский император с необыкновенным рвением и искусством. Ни один из выбранных им следователей не мог и сравниться с ним. Действительно, Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им, и только им, на первых же допросах. Без отдыха, без сна он допрашивал в кабинете своего дворца арестованных, вынуждал признания, по горячим следам давал приказы о новых арестах, отправлял с собственноручными записками допрошенных в крепость и в этих записках тщательно намечал тот способ заключения, который применительно к данному лицу мог привести к обнаружениям, полезным для следственной комиссии. За ничтожнейшими исключениями, все декабристы перебывали в кабинете дворца, перед ясными очами своего царя и следователя. Первые сообщения по делу каждый из них делал ему или генералу, сидевшему перед кабинетом, снимавшему допросы и тотчас же докладывавшему их государю. Иногда государь слушал эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета.

Одного за другим свозили в Петербург со всех концов России замешанных в деле и доставляли в Зимний дворец. Напряженно волнуясь, ждал их в своем кабинете царь и подбирал маски, каждый раз новые для нового лица. Для одних он был грозным монархом, которого оскорбил его же верноподданный, для других—таким же гражданином отечества, как арестованный, стоявший перед ним; для третьих — старым солдатом, страдающим за честь мундира; для четвертых—монархом, готовым произнести конституционные заветы; для пятых — русским, плачущим над бедствиями отчизны и страстно жаждущим исправления всех зол. А он на самом деле не был ни тем, ни другим, ни третьим: он просто боялся за свое существование и неутомимо искал всех нитей заговора с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться.

Один из привлеченных к делу, простодушный и искренний Г а н г е б л о в, в несколько наивных выражениях передает впечатление, которое произвел на него царь-следователь. Отметив, что член следственной комиссии генерал Чернышев не прочь был вслух прочесть то, чего не было в бумаге, Гангеблов пишет: «Более и чаще всего мне приходили на память вопросы, которые мне были задаваемы самим государем. Тут не могло встретиться ничего подобного тому, что при неудаче могло бы случиться с Чернышевым. Государь прямо не уличал меня в преступлении; все его дознания предлагаемы им были в форме вопросов, а вопрос не есть улика. Нельзя не изумляться неутомимости и терпению Николая Павловича. Он не пренебрегал ничем: не разбирая чинов, снисходил до личного, можно сказать, беседования с арестованными, старался уловить истину в самом выражении глаз, в самой интонации слов ответчика. Успешности этих попыток много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античные черты

лица, особливо его взгляд; когда Николай Павлович находился в спокойном, милостивом расположении духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда он был в гневе, те же глаза метали молнии».

Внешними средствами, находившимися в его распоряжении, Николай Павлович воспользовался сообразно с обстоятельствами. Он знал, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать так, чтоб он говорил, почти не останавливаясь.

С величайшим любопытством следишь за изменениями в приемах Николая Павловича.

К наивному молодому офицеру, пажу ее величества Гангеблову, Николай Павлович подходил с ухваткой ласковой кошки. «Что вы, батюшка, наделали? Что вы только наделали?.. Вы знаете, за что вы арестованы?» . . . — говорил он ему. И, взяв Гангеблова под руку, не сводя с глаз пристального взора, он водил его по зале. «Я с вами откровенен, платите и вы мне тем же» и т. д. И все эти обороты для того, чтобы выудить признание в принадлежности к обществу.

С трепещущим от страха Ф. М. Глинкой царь обошелся иначе. «После подробного вопрошения, сделанного ему прозорливым испытателем в императорском дворце, государь с неизъяснимым благоволением изволил сказать ему: «Ты можешь оставаться спокоен: будь покоен». И этой фразы было достаточно для того, чтобы Глинка исписывал целые листы со всевозможными подробностями об обществе.

Николая Бестужева царь принял ласково и, заметив в нем чувства страстной любви к отечеству, сказал ему: «Вы знаете, что все в моих руках, что могу простить вам, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, готов простить вас».

Со Штейнгелем, отцом не малочисленного семейства, человеком далеко не молодым, Николай обошелся иначе, да так, что он на всю жизнь не забыл подробностей своей встречи с царем. «Штейнгель, и ты тут?» — сказал государь. «Я только был знаком с Рылеевым», отвечал я. «Как, ты — родня графу Штейнгелю?» — «Племянник его, и ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах; и мог ли участвовать, имея кучу детей!» — «Дети ничего не значат, — прервал государь, — твои дети будут мои дети. Так ты знал о их замыслах?» — «Знал, государь, от Рылеева». — «Знал и не сказал, не стыдно ли?» — Государь, я не мог и мысли допустить дать кому-нибудь право назвать меня подлецом!» — «А теперь, как тебя назовут?» — спросил государь саркастически, гневным тоном. Я нерешительно взглянул в глаза государя и потупил взор. «Ну, прошу не прогневаться, ты видишь, что и мое положение не завидно», — сказал государь с ощутительною угрозою в голосе, и повелел отвести в крепость. Одно воспоминание об этой минуте, через столько лет, приводит в трепет. «Твои дети будут мои дети» и это «прошу не прогневаться» казалось мне смертным приговором. С этой минуты я был уже не в нормальном положении.

— «Говорите всю правду, — сказал Николай Павлович Басаргину пред допросом, — а если скроете что-нибудь, то пеняйте на себя».

Метод устрашения и стремительного нападения Николай Павлович применил к Лореру и Якушкину, осведомившись об их отказе назвать соучастников.

«Я,—вспоминал Лорер,—мысленно стал готовиться, чтобы суметь ответить государю прилично, но с чувством собственного достоинства . . . оправдываться я не хотел, да и не для чего . . . Не долго продолжались мои приготовления, послышался шум, и Левашев, заглянув ко мне за ширму, просил меня пожаловать. Из другого конца длинной залы шел государь в измайловском сюртуке, застегнутом на все крюки и пуговицы. Лицо его было бледно, волосы взъерошены . . . Никогда не удавалось мне его видеть таким. Я твердыми шагами пошел было к нему навстречу, но он издали еще движением руки меня остановил, и сам тихо подходил ко мне, меряя меня глазами . . . Я почтительно поклонился. «Знаете ли вы наши законы?» — начал он. — »Знаю, ваше величество!» — «Знаете ли, какая участь вас ожидает? Смерть!» И он показал проведя рукой по своей шее. Я молчал.

— «Чернышев вас долго убеждал сознаться во всем, что вы знаете и должны знать, а вы все финтили. У вас нет чести, милостивый государь». Тут я невольно вздрогнул, у меня захватило дыхание, и я невольно проговорил: «Я в первый раз слышу это слово, государь . . .».

Государь сейчас опомнился и уж гораздо мягче продолжал: «сами виноваты, сами . . . ваш бывший полковой командир погиб; ему нет спасения . . . А вы должны мне все сказать . . . Вы пользовались его дружбой и должны мне все сказать, слышите ли вы . . . А не то погибнете, как и он . . .» «Ваше величество, — начал я, — я ничего более не могу прибавить к моим показаниям в ответных моих пунктах... я никогда не был заговорщиком, якобинцем, всегда был противник республики, любил покойного государя императора и только желал для блага моего отечества коренных правдивых законов. Может быть, и заблуждался, но мыслил и действовал по своему убеждению . . .» Государь слушал меня внимательно, и вдруг, подойдя ко мне быстро, взял меня за плечи, повернул к свету лампы и посмотрел мне в глаза. Тогда движение это и действие меня удивило, но после я догадался, что государь, по суеверию своему, искал у меня глаз черных, предполагая их принадлежностью истых карбонариев и либералов. Но у меня он нашел глаза сéрые и вовсе не страшные. Государь сказал что-то на ухо Левашеву и ушел.

Разговор его с Якушкиным тоже необычайно ярок и красочен.

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноват, государь.

— Что вас ожидает на том свете? Проклятие. Мнение людей вы можете презирать, но что ожидает вас на том свете, должно вас ужаснуть. Впрочем, я не хочу вас окончательно губить: я пришлю к вам священника. Что же вы мне ничего не отвечаете?

— Что вам угодно, государь, от меня?

— Я, кажется, говорю вам довольно ясно; если не хотите губить ваше семейство, и чтобы с вами обращались как со свиньей, то вы должны во всем признаться.

— Я дал слово не называть никого; все же, что знал про себя, я уже сказал его превосходительству, — отвечал я, указывая на Левашева, стоящего поодаль в почтительном положении.

— Что вы мне с его превосходительством и с вашим мерзким честным словом!

— Называть, государь, я никого не могу.

Новый император отскочил три шага назад, протянул ко мне руку и сказал: «Заковать его так, чтоб он пошевельнуться не мог».

Собственноручная записка Николая I, при которой Якушкина препроводили из дворца в крепость, была следующего содержания: «Присылаемóго Якушкина заковать в ножные и ручные железа; поступать с ним строго и не иначе содержать, как злодéя». Но Якушкин был один из всех, совсем немногих, на кого не подействовали ухищрения Николая. Правда, примененному здесь методу нельзя отказать в значительной грубости. Животный страх смерти, физических мук, был чужд декабристам. Этим страхом, быть может, отмечен только один князь С. П. Трубецкой, в слезах целовавший руки Николая Павловича и моливший о жизни. «La vie, Sire, la vie» [1]). Трубецкой вымолил себе жизнь ценой подробнейших признаний. Его избрание в диктаторы — удивительная насмешка судьбы над декабристами.

Декабристов, искренних и увлекающихся людей, энтузиастов, можно было поймать на благородство. Нужно было запрятать глубокó свою ненависть к ним, разыграть роль человека, заботящегося только о том, чтобы родина избавилась, наконец, от зол и бедствий. И Николай Павлович прекрасно разыгрывал эту роль. Он прикидывался почти их единомышленником. В разговорах с ними он, очевидно, разделял все их мнения о неустройстве родины и средствах исправления всех зол. Он сумел вселить в них уверенность, что он-то и есть тот правитель, который воплотит их мечтания и облагодетельствует Россию. Вскрылось роковое недоразумение: они шли с оружием в руках на друга своего дела. Вооруженное восстание оказывалось не нужным и гибельным. Нужно — это было так очевидно — предупредить вспышки в других местах России, лишить возможности действовать тех, кто еще оставался на свободе. Только такая психология, созданная под впечатлением тонкой, артистической игры царя-следователя, объясняет буквально взрыв признаний, раскаяний, оговоров, оглашавших царский кабинет в Зимнем дворце. «Опыт показал, писал в первом своем показании 14-го же декабря Рылеев, — что мы мечтали, полагаясь на таких людей, как князь Трубецкой. Страшась, чтобы

---

1) Жизнь, государь, жизнь!

подобные же люди не затеяли чего-нибудь подобного на юге, я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Трубецкой может пояснить и назвать главных. Надо взять меры, дабы тамо не вспыхнуло возмущения». И почти все они на первых же допросах спешили предупредить возможные возмущения и возможные действия со стороны остающихся на свободе. Они выдавали поголовно всех соучастников, казалось, забыв об участи, их ожидающей. Правда, Николай Павлович усыплял их беспокойство, представляя грядущее наказание незначительным. Каховский и Пестель, например, совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерные подробности передает Д. И. Завалишин об убеждениях, исходивших от комитета и священника, и повторявших, может быть, речи самого Николая. «Неужели же думаете вы, — говорили обвиняемым, — что для государя важно наказать несколько человек? Вот он не только простил Суворова, но и произвел его в офицеры за его откровенность, потому что он объяснил ему, почему его образ мыслей был республиканский. На той высоте, на которой стоит государь, нельзя ему не видеть того, что признает и всякий умный и образованный человек, что если отдельные лица и могут быть виноваты, то были же общие законные причины неудовольствия, если они могли увлечь такую массу людей вопреки их личным интересам. Поэтому ясно, для государя важнее знать эти общие причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленных людей в решении государственных дел политические соображения стоят выше всего. Вы знаете, что после этих соображений даже прямые участники в смерти Петра III и Павла не только не подверглись ответственности, но и были возведены на высшие государственные звания. Мы уверены, что по раскрытии всего дела будет объявлена всеобщая амнистия. Говорят уже, что государь даже выразился, что удивит Россию и Европу». Так притуплялось острое чувство ответственности перед другими членами, чувство боязни перед карами.

Все письма декабристов из крепости, все показания переполнены восхвалениями милосердия государя, милосердия, не грядущего, а настоящего. Он умело возбуждал столь свойственное благородным людям чувство благодарности.

Тем, кто смертельно тосковал о судьбе жены, детей, он обещал свои царственные заботы, и действительно заботился. Заканчивая свое признание, 16 декабря Рылеев писал царю: «Свою судьбу вручаю тебе государь: я отец семейства». Так после этих слов Николай Павлович даже 2.000 рублей прислал жене Рылеева, и Рылеев стал его. «Молись богу за императорский дом, — писал Рылеев жене 28 декабря, — я мог заблуждаться, могу и вперед, но быть неблагодарным не могу. Милости, оказанные нам государем и императрицей, глубоко врезались в сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для них». Император Николай пригрел детей и повесил отца.

Тем, кто страдал об отце или матери, он разрешал писать или давал свидания. И он удивительно умел обставлять эти разрешения писем и свиданий: заключенным они казались результатом глубочайшего милосердия, а не обычным и должным выражением человеческого отношения. И опять размягчалось благодарное сердце, и развязывался язык. Князь Оболенский на первых допросах открыл многое и многих, но не все и не всех. Многие остались скрыты в сердце его. «Мог ли я тою самою рукой, — писал кн. Оболенский царю, — которая была им залогом верности, предать их суду, тобою назначенному... Я не в силах был исполнить сей жестокой обязанности». Но... царь разрешил передать кн. Оболенскому письмо его престарелого отца, нежно им любимого. Тут благодарное сердце не выдержало. «Вера, примирив меня с совестью моею, вместе с тем представила высшие отношения мои; милосердие же твое, о государь, меня победило. В то время, когда я лишился всех надежд, когда темница сделалась мой мир, а голые стены оной — товарищами моей жизни, манием благотворной руки твоей письмо от отца моего, как ангел-утешитель, принесло спокойствие и отраду душе моей. Благодеяние твое, монарх милосердный, воззрение твое на мольбу семидесятилетнего старца останется незабвенным в душе моей. И потому, видя в тебе не строгого судью, но отца милосердного, я, с твердым упованием на благость твою, повергаю тебе жребий чад твоих, которые не поступками, но

желаниями сердца могли заслуживать твой гнев». Но как актер, играющий короля, в действительности не имеет в своей душе ничего королевского, так и Николай Павлович, игравший роль благородного гражданина, был совершенно чужд истинному благородству. И милосердие оказалось только на словах. Взяв от своих жертв все, что было можно и нужно взять, он подверг их жесточайшим наказаниям. Он, так много выигравший от чувства благодарности, живущего в благородном сердце, отстранил от самого себя малейшие обязательства признательности и благодарности. . . . .

Итак, государь выдавал себя не за того, кем он был на самом деле: государь играл. В дни и месяцы сыска над декабристами Николай Павлович показал свое лицо в неожиданном зловещем освещении. Царь-актер, искусно меняющий личины . . . Из этой духовной сущности, открывшейся в начале царствования, мы должны исходить, если желаем понять его личность, его образ действия во всей последующей жизни. Он всегда умел провести наблюдателей, которые простодушно верили в его искренность, благородство, смелость, а ведь он только играл. И Пушкин, великий Пушкин, был побежден его игрой. Он думал в простоте души, что царь почтил в нем вдохновенье, но дух державный в нем не жесток . . . А для Николая Павловича Пушкин был просто шелопаем, требующим надзора. Снисходительность же объясняется исключительно желанием и из поэта извлечь возможно большую выгоду . . .

Каховский стоял перед «тираном», которого он только что собирался поразить для блага родины, пред царем, в договор с которым он не верил, перед «врагом отечества». Но новый царь явился перед ним как бы преображенным, таким, какого он и встретить не ожидал. Так же, как и Каховский, он болел несчастиями родины, так же, как и первый, он верил в одни и те же средства избавления. Многоликий, он открыл один из своих ликов — лик царя-гражданина и реформатора. Но этот лик — лишь маска. Николай Первый в такой же мере мог быть царем-реформатором, в какой шеф жандармов Бенкендорф — поэтом и композитором. Помимо гражданина и реформатора, в Николае Павловиче открылся для Каховского новый для него человек, полный благородства, истинной щедрости духа, способный понять сложнейшие и интимнейшие намеки его души. Вот тут-то, при столкновении с живым человеком, терпел крушение идеал политического убийства. Казалось легким убить отвлеченного человека, поработителя свободы, тирана, деспота — и вдруг почувствовалась вся неизмеримая тяжесть убийства вот этого, стоящего перед ним человека, Николая Павловича Романова, почти такого же, как он сам. И Каховский не имел сил даже признаться в своих замыслах, когда услышал из уст этого человека коротенькую фразу: «а нас всех зарезать хотели!».

Между царем и государственным преступником произошел долгий разговор. Каховский рассказывал о неустройстве родины, о всех недостатках, о всяком зле, словом обо всем, что явилось причиною основания тайного общества. Нужно думать, что он был необыкновенно красноречив, пылок и одушевлён. Его письма к царю и генералу Левашеву, в которых он изложил, очевидно, все, что было предметом разговора, являются образцом эпистолярного стиля. Ему казалось, что сам Николай Павлович не мог бы поступить иначе: «Взгляните на состояние народное, что есть у нас, — писал он впоследствии (19-го марта) царю, — безопасность лиц и собственность ничем не ограждены; совершённое отсутствие закона и справедливости в судопроизводстве, тяжкие налоги, взимаемые не с приобретений, но разрушающие капиталы; убитая торговля, сжатое просвещение, задушенная свобода, — вот наше богатство, наше достояние. Государь, станьте частным лицом в государстве нашем и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашем месте, когда бы подобный вам человек мог располагать вами по своему произволу, как вещью».

Слушая речи Каховского, царь плакал. «Государь, — писал Каховский в том же письме. — Что было причиной заговора нашего? спросите самого себя, что, как не бедствия отечества? Добрый государь, я видел слезы сострадания на глазах ваших. Вы — человек, вы поймете меня! Можно ли допустить человеку, нам всем подобному, вертеть по своему произволу участью пятидесяти миллионов людей? Где, укажите мне страну, откройте историю, где, когда были счастливы народы под властью самодержавною, без законов, без прав, без собственности?»

В ответ на страстные речи Каховского, что мог сказать Николай Павлович? Да только пожалеть, почему же обо всех этих бедах не писали государю. «Его величеству, — писал Каховский 24 февраля генералу Левашеву, — угодно было сказать мне: «зачем я не писал к покойному императору о известных мне неустройствах? Многие, очень многие писали, но не внимали им».

Страстным воплям Каховского о необходимости взяться за устройство родины Николай I противопоставил фразу и обольстил его фразой. «Я сам есть первый гражданин отечества» — сказал он Каховскому. И через день после свидания-допроса тот писал царю: «Счастлив подданный, слышавший от своего монарха: «Я сам есть первый гражданин отечества». Дай бог, чтобы отечество было у нас в совокупности с государем. Я, желающий блага моей милой родине, благословляю судьбу, имея случай излить чувства и мысли мои перед монархом моим, обещающим быть отцом отечества». Итак, царственная игра зашла далеко. Каховский забыл свое недоверие к власти, и Николай стал для него отцом отечества, а то, что было на Сенатской площади, вдруг оказалось таким ненужным, братоубийственным и преступным.

Царь, казалось, подметил кое-какие особенности Каховского. Он почувствовал его антипатию к иностранцам и отозвался на нее. «Слава богу, — писал тот в первом же письме к царю, — вы не презираете именем русского. Я заметил, как сказали вы: «Кто может сказать, что я не русский!» Так, государь, вы русский. Любите свой народ, а народ будет боготворить в вас отца своего». Должно быть, — мы не можем утверждать с достоверностью, но письма дают право на такое заключение, — Каховский рассказал Николаю о своей жизни, и Николай увидел, какой это был одинокий, заброшенный и несчастный человек, увидел и сейчас же воспользовался этим. После первого допроса он отослал Каховского в крепость с следующей запиской: «Присылаемого Каховского посадить в Алексеевский равелин, дав бумагу, пусть пишет, что хочет, не давая сообщаться». Эту записку А. Я. Сукин, комендант Петропавловской крепости, получил в половине 3 пополудни 16-го декабря. После второго свидания-допроса Николай Павлович прислал следующую записку: «Каховского содержать лучше обыкновенного содержания, давать ему чай и прочее, что пожелает, но с должною осторожностью. Адъютанта герцога Александра Бестужева заковать, ибо по всем вероятиям он убийца штыком графа Милорадовича. Содержание Каховского я принимаю на себя». Сукин доносил комиссии: «При высочайшем е. и. величества повелении возвращенный арестант Каховский посажен в прежний каземат, где и будет получать повеленное ему лучшее содержание». Каховский был возвращен 18-го декабря в 9½ часов вечера. Таким образом после 14 декабря Николай Павлович становился для Каховского до некоторой степени тем же, чем был для него до 14 декабря Рылеев: материальной поддержкой. И чувство благодарности было приподнято и разрешилось отзывчивостью.

Роль царя-реформатора была сыграна с необыкновенным успехом. Вернувшись из дворца в крепость и получив бумагу, Каховский 17 декабря набросал письмо государю. Он начал с изложения причин, отторгнувших его от монарха. Он писал о том, что страна стонет и ропщет под бременем налогов, прямых и косвенных, иногда взыскиваемых даже вдвойне (таков подорожный налог, уплачиваемый два раза: натурой и деньгами). Он указывал на стеснения торговли, причиняемые запретительной системой, на вред казенных монополий и тарифов. Он перечислял вопиющие недостатки русского судопроизводства: неясность, недостаточность и противоречие существующих законов, судебную волокиту, необеспеченность чиновников, являющуюся причиной взяточничества. Он порицал предпочтение, оказываемое иностранцам и обижающее русских, и упоминал о полнейшем отсутствии просвещения.

«Вот причины, — заканчивал Каховский, — великодушный государь, отторгнувшие меня от моего монарха.

«Желаю верить, что вы, государь, облегчите участь народа русского, вышним промыслом вверенного.

«Государь! я не умею и не могу, и не хочу льстить; со вчерашнего вечера я полюбил вас, как человека, и всем сердцем желаю любить в вас монарха, отца отечества.

«Вы ко мне милосерды, ваше великодушие меня обезоруживает: вы умели уже несколько меня привязать к себе. Но, государь, что я? 50 миллионов ждут вашей благости, ждут от вас своего счастья. Какое поприще для вашей славы, для вашего величия».

Для человека, сильно и тонко чувствующего, великодушие царя, которого только что собирался предать смерти, было действительно мучительно. Оно не только обнаруживало, оно вызывало сильнейшие мучения совести. Отметим, что Каховский не решился с самого же начала признаться в своем сокровенном замысле. Он поистине чувствовал себя преступником перед человеком, который в первый же час разговора сумел привязать его к себе. Каховский был, по собственному его выражению, растерзан милосердием к нему государя. Единственное оправдание, единственное духовное утешение в случившемся он видел лишь в бескорыстии и чистоте помыслов, в глубине своей приверженности к благу родины.

Царственные заботы о Каховском были вознаграждены, и сыск, произведенный «отцом отечества», принес благие плоды. Преступник в порыве благодарностей и изумления перед мнимым величием души не отказал царю в признаниях и открытиях. Он открыл цели общества. «Скрытые намерения общества, — писал он в первом показании, заключались в том, чтобы даровать каждому гражданину право собственную и личную безопасность оградить законами... В душе считал себя честным. Личного намерения я не имел, все желания мои относились к отечеству моему. Положение государства приводило меня в трепет: финансы расстроенные, отсутствие справедливости в судах, корыстолюбие, уничтожение внешней коммерции,—все сие предшествовало в глазах моих полному разрушению. Одно спасение полагал я в составлении законов и принятии оных непоколебимым вождем, ограждающим собственность и лицо каждого». Вспомним, что под законом Каховский разумел конституцию. «В здравом смысле, — говорит он в одном из своих писем, — закон есть воля народная». Каховский открыл ближайшие планы общества, между прочим план предполагавшегося занятия дворца Якубовичем. Наконец, он назвал членов общества, как принятых им, так и известных ему. Он заявил, что им приняты Сутгоф, Панов, Кожевников и Глебов. Сохранившиеся официальные документы не передают, очевидно, всех признаний и открытий, сделанных Каховским: часть их не была положена на бумагу. Но заметим теперь же — его открытия не могли быть так подавляющи и всеобъемлющи, как, например, сделанные князьями Трубецким и Оболенским, Рылеевым. Впрочем, для объективной оценки действий Каховского это указание не имеет значения. Но Каховский умолчал об одном очень важном обстоятельстве. Он не открыл ничего о намерениях общества устранить царствующую фамилию и о своей роли в вопросе о цареубийстве. Для Николая и его следователей как раз этот пункт и представлялся самым существенным. Больнее всего для Каховского было назвать других членов общества, в том числе и принятых им. 2 декабря Каховский писал генералу Левашеву: «Государь император чрезмерно милосерд ко мне: я не имею слов благодарить его за милостивое его ко мне внимание. Положение мое облегчено: он позволил мне писать к моим родным. Ваше превосходительство, есть несчастные жертвы, которых я губитель: они меньше меня виноваты, я увлек их, а положение мое облегчено, и не могу разделить с ними одной участи: это мучительно! Ваше превосходительство, я прибегаю к вам с моею просьбою сделать милость доложить его величеству: я с радостью отказываюсь от всех льгот, отказываюсь писать к родным моим и прошу одной милости: чтобы облегчили судьбу Сутгофа, Панова, Кожевникова, Глебова. У них всех многочисленные семейства, которых я убийца. Панов имеет невесту, он помолвлен, посудите об его положении! Ваше превосходительство, вы имеете сердце, не отриньте мольбу мою. Государь милосерд; если он сострадателен ко мне, преступнику, то я надеюсь, по вашему ходатайству, он не откажет облегчить положение менее меня виновных».

Смертные муки он переживал в крепости, вспоминая о своих признаниях. И они стали особенно тяжелы, когда он увидел, что грозят серьезнейшие кары и наказания, о которых он как-то не думал в первые месяцы. Нужно отметить, что признания были исторгнуты после каких-то уверений и ручательств, данных ему властями. 14 марта, отвечая на вопрос коми-

тета, Каховский писал: «если что показывал, показывал истину; не для спасения своего, но после ручательства обер-полицеймейстера и некоторых господ генералов и офицеров во дворце; я был тронут до глубины сердца мягкостью обхождения господина генерал-адъютанта Левашева и милосердием государя императора». А 19 марта Каховский писал Николаю: «Простите, великодушный государь, что я, преступник и смею еще просить вашей милости. Увлеченный чувствами, я сделал открытие о тайном обществе, не соображаясь с рассудком, но по движению сердца, к вам благодарного; и, может, то сказал, чего бы не открыли другие члены оного. Я — преступник перед вами, преступник перед обществом, перед людьми несчастными, мной в него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели других — мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ног ваших, умоляю: государь, спасите несчастных. Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлек офицеров лейб-гвардии Гренадерского полка поручиков: Сутгофа, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генерального штаба прапорщика Палицына. Коллежский секретарь Глебов знал о существовании общества, но не принадлежал к оному. Все сии люди имеют семейства, отцов, матерей, а я стал их убийцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, вы сами отец, вы человек, посудите страдание несчастных, невиновных семейств! Обманутый Рылеевым, я и их обманывал. Я — злодей ужасный, всему причиною; пусть на мне кончатся их мучения; а они, исполненные благодарностью, могут быть полезнее вам, отечеству и заслужить свое неблагоразумие. Спасите их, великодушный государь! Я умру, благословляя милосердие вашего императорского величества. Может быть, выражения мои неприличны, государь; дерзок поступок, что осмелился писать к вашему величеству. Простите мне то: я не рожден у двора, а последовал движению сердца».

Мучительные опасения за судьбу выданных им товарищей сменялись угрызениями совести, не чистой по отношению к царю. Каховский метался во все стороны. Памятником этих душевных волнений остались следующие строки, набросанные вскоре после первого допроса-свидания: «Государь, я сделался пред вами преступником, увлекаясь любовью к отечеству. Я никогда не мог принадлежать никакому обществу. Я никогда ничего не желал себе. Я принадлежу благу общему и всегда готов запечатлеть любовь мою к отечеству последней каплей крови моей. Намерения мои были чисты, но в способах я вижу заблуждение. Не смею просить вас простить мое заблуждение; я и так растерзан вашим ко мне милосердием. Я не способен никому изменять; я не изменял и обществу, но общество само своим безумием изменило себе...

«Государь! от вас зависит благоденствие наше, мы вам вверены; я отдаюсь вам, я ваш. Есть существо, проницающее в изгибы сердец человеческих, оно видит, что я говорю истину— я ваш. И благом отечества клянусь, я не изменю вам. Мне собственно ничего не нужно; мне не нужна и свобода; я в цепях буду вечно свободен; тот силен, кто познал силу человечества. Честному человеку собственное убеждение дороже лепета молвы. Я не говорю за себя: государь! есть несчастные, которых я увлек; спаси их, великодушный монарх! Спаси детей твоих; клянусь, они чисты.

«Желал бы еще раз, государь, говорить с вами. Мне дорого благоденствие отечества, я не ищу беспорядков и крови. Положитесь на меня, не обману вашу ко мне доверенность».

Второе свидание-допрос состоялось 18-го декабря. Затем потянулись долгие месяцы заключения и нравственных пыток. Красноречивы и ярки приведенные нами свидетельства о моральных страданиях Каховского. Лучи царского милосердия, обольстившего его, скрылись внезапно и безвозвратно. Осталась вера в искренность реформаторских намерений Николая. Каховский написал ряд писем: генералу Левашеву и самому царю. Левашеву он писал 24 февраля, 5, 14 марта. В этих письмах, которые он просил довести до сведения государя, он изложил свои взгляды на настоящее России и на меры к исправлению неустройств. Царю он писал на другой день после первого свидания — 16 декабря, затем—19 марта, 4 апреля. Общее содержание писем к царю — резкая критика существующего строя, выяснение причин, создавших тайное

общество, смелое и несомненно казавшееся Николаю дерзким обличение политики покойного Александра, характеристика того Николая Павловича, который был известен декабристам, и, наконец, горячие призывы о необходимости учреждения законов, о необходимости конституции. Мы знаем теперь Николая I, знаем, как он относился к конституциям, ко всякому малейшему проявлению свободной мысли. И мы можем оценить то неизмеримо грустное и трогательное, смешное положение, в которое попал Каховский с своими призывами к конституции, обращенными к императору Николаю. Ведь Каховский хотел убедить царя — ни много, ни мало — в том, что и он, царь, на его месте, не поступил бы иначе, а тоже стал бы заговорщиком и вышел на площадь. Ему, державшему под гнетом беспредельного самодержавия Россию больше четверти века, Каховский доказывал необходимость ограничения абсолютизма, ссылаясь на его собственную психологию. Он-то не знал этого, мы знаем.

Но Каховский говорил царю смелым и сильным языком. Больше уж никогда не слышал Николай таких смелых и дерзких речей, таких горьких и обидных истин. Он решительно мог почесть за обиду некоторые фразы Каховского: «Простите ваше величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое к вам усердие. Вы были великим князем, мы не могли судить о вас иначе, как по наружности; видимые ваши занятия были: фронт, солдаты, и мы страшились иметь на престоле полковника». Каховский задевал самое больное место Николая; действительно, весь цвет, все наслаждение жизни для Николая Павловича — во фрунтовых занятиях. Он жизни не мог представить без них. И вдруг он читал в письмах Каховского следующие тирады: «доложу вашему величеству, что весть о смерти императора Александра поразила людей, либеральных и благонамеренных; можно сказать, при сем известии общие слова были: «вот в каком мы положении, что императора Александра жалеть должны». Так, государь, мы равно страшились всех его наследников, — причина сему вам должна быть известна; я только доложу вам, что и самые люди к вашему величеству преданные, не оправдывают в вас страсти к фронту. Сие занятие государей наших в глазах всего народа уже сделалось ненавистно. Самые войска чрезмерно тяготятся им и ужасно ропщут. При учении солдат иногда вырываются такие наречения, которые, распространяясь по государству, вскружают сердца и умножают ропот. Ваше величество! Если бы вы знали, сколь много вы повредили себе в общем мнении сим занятием! Обиженное честолюбие успокоить трудно — и какие вести, какие слухи неслись по государству! От вас зависит теперь судьба пятидесяти миллионов людей, и я усердно желаю, государь, чтобы вы предпочитали приятное полезному».

Очень резкой критике Каховский подверг личность покойного Александра и его политику. Он считал его настоящим врагом отечества и «истинной причиной восстания 14 декабря». «Не им ли,—писал Каховский,—раздут в сердцах наших светоч свободы, и не им ли она была так жестоко уязвлена, не только в отечестве, но и во всей Европе?». «Быстро двинув умы к правам людей и вдруг, переменив свои правила, осадил их и тем произвел у нас все заговоры и скопища». Александр обманул свой народ. «В 25-летнее царствование покойного императора было время и смутное, но большая часть оного было время мирное. Кончилась война с Наполеоном: мы все надеялись, что император займется внутренним порядком в государстве; с нетерпением ждали закона постановительного и преобразования судопроизводства нашего; ждали — и что ж?. Через 12 лет ожидания лишь переменилась форма мундиров гражданских». Каховский резко упрекал Александра в том, что он предпочитал побывать у развода, чем посетить высшее правительственное место империи — сенат: «Обратить внимание на образование армии и не заниматься устройством государства, я нахожу столь же гибельным для государя и отечества, как для человека частного, обратившего все внимание на одежду и на наружность свою и не старающегося об образовании внутренних своих качеств». Александр, по мнению Каховского, совершенно не желал вникнуть в положение народа. Он смотрел лишь войска и не хотел видеть, что встречи, устраиваемые ему, — чисто декоративного характера. Целый ряд обвинений высказан в письмах Каховского по адресу покойного государя. Обвинения были общераспространенны,

но Николай, должно быть, впервые выслушивал их в такой яркой форме.

Пожелания Каховского сводились к заявлению о необходимости «постановительного закона», т.-е. конституции. В каждом своем письме Каховский неоднократно твердил с воодушевлением и страстью о необходимости для блага русского народа дать конституцию.

«Государь, — писал он в первом же своем письме 17 декабря. — Верьте, я не обману вас. Могу ошибиться, но говорю, что чувствую: невозможно итти против духа времени; невозможно нацию удержать вечно в одном и том же положении, зрелость дает ей силу и возможность; все народы имели и имеют свои возрасты. Благодетельные правители следовали по течению возмужалости духа народного и тем предупреждали зло».

19-го марта Каховский писал: «Цари самовластно много благотворят в частности; и покойный император много раздавал денег, орденов, чинов; но составляет ли это пользу общую?.. Нет, государь! Не в частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правление будет счастливо и покойно, безмятежно...» «Ради бога, ради блага человечества, собственного вашего блага, оградите себя и отечество законом. Вам предстоит славное поприще. Дайте права, уравновесьте их и не нарушайте; водворите правосудие, откройте торговлю, покровительствуйте истинное просвещение — и вы сделаетесь другом и благотворителем народа доброго».

14 апреля Каховский вновь взывал к Николаю. «Дай бог, чтобы вы, милосердый государь, основали благоденствие народное, властвовали не страхом, а любовью, и тогда наверно отечество будет счастливо и покойно».

Каховский указывал на то, что без «постановительного закона» царь не найдет поддержки ни среди окружающих, ни в войсках, ни в церкви. Все эти опоры шатки. Он бросал в лицо Николаю ядовитые сарказмы: «как вы думаете, государь, если бы вас не стало, из окружающих теперь вас много ли бы нашлось людей, которые истинно о вас пожалели?». С иронией Каховский отмечал, что «не солдаты составляют силу и опору тронов, и те обманываются, которые думают, что можно оградить себя штыками». «Ошибаются и те, которые полагают, что алтарь — опора трона вашего. 14 декабря доказало противное».

Каховский думал обольстить Николая историческими перспективами, раскрывающимися перед русским монархом, уничтожившим самодержавие. «Государь, вы один можете не только в отечестве, и во всей Европе переменить систему правления, спасти троны и равно принести пользу и царям, и народам». В письме к Левашеву он пробовал указать этим глухим душам на суд истории. «Исчез обряд судить народу умерших царей своих до их погребения. Но история передает дела их на суд беспристрастного потомства. Не все историки подобны Карамзину. Деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца — Тацита. Кто знает, может быть, и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства. Он возвестил им истину: и благословения, и проклятия потомков обнаружат дела, поразят и украсят венценосцев». Глас вопиющего в пустыне.

Как относился к письмам Каховского сам Николай? Он не мог не оценить их дерзости и смелости. Положительную часть он оставлял без внимания. Впрочем, он не прочь был послушать речи о недостатках государственного управления, но при одном непременном условии, чтоб эти речи раздавались только для него одного, а оратор находился в это время за семью замками. Так было с Каховским и другими декабристами, писавшими ему из крепости. Но самая замечательная иллюстрация этого болезненного любопытства Николая выслушивать ту правду, за которую он посылал на виселицу и на каторгу—история декабриста Корниловича. Он был перевезен с каторги в Петропавловскую крепость и здесь в течение нескольких лет давал письменные разъяснения по всем вопросам, касающимся государственной жизни России, какие только угодно было задавать Николаю Павловичу и Бенкендорфу. Быть может, Николай действительно извлекал из их ответов практические выводы, но о том, как он в душе относится к откровенным и искренним письмам декабристов, достаточно ярко свидетельствует следующая замечательная резолюция, положенная им на просьбе Г. С. Батенкова о разрешении ему писать государю: «дозволить писать, лгать и врать по воле его». Необходимо отметить, что резолюция положена

30 марта 1826 года, т.-е. тогда, когда весь материал следственный был собран, и декабристы не нужны уже были Николаю.

(Петр Григорьевич Каховский. Сот. П. А. Щеголева, стр. 89—118.)

190. Допрос Пестеля.

Допрос, записанный генер.-адъютантом Левашевым 4 января 1826 года.

Вятского пехотного полка полковник Пестель.

В конце 1816 года или в начале 1817-го я узнал о тайном обществе от г-на Новикова, правителя канцелярии кн. Репнина, и им был в оное общество принят. Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего: убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора. В 1817 и 1818 г.г., во время пребывания двора в Москве, общество сие приняло новое устройство, и правилом были приняты правила Тугенд-Бунда. В 1820 или 1821 году оное общество по соглашению членов разошлось. Я был тогда в Тульчине, и, получа сие известие, со многими членами положили, что московское общество имело конечно права преобразования, но не уничтожения общества, и потому решились оное продолжать в том же значении. Тогда же общество южное взяло свое начало и сошлось сейчас с петербургским.

Намерение общества было: введение в государство конституции, которой полной написано не было. Многие были предлагаемы от разных лиц, а именно от Новикова, Ник. Муравьева; я с Сергеем Муравьевым писал одну, но все не получили общего согласия и одобрения.

Имея 3-й корпус за себя, полагали итти с оным в Москву, где 2-й и 1-й корпус по одним причинам с 3-м к нам пристанут. Тогда Сенат заставить провозгласить предложенную конституцию и соединить великий собор.

Царствующую фамилию хотели посадить, всю без изъятия, на корабли и отправить в чужие края, куда сами пожелают. Сие в том предположении, что избран будет образ республиканского правления, если же предпочтен монархический представительный, тогда оставить вел. князя Александра Николаевича, объявить его императором и установить регенцию. Мысль сия была принята, потому что мы имели надежду на флот здешний, с чиновниками коего был в сношении Рылеев.

С корпусом ген. Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; но слышал я, что у них есть общество, даже членов некоторых оного называли, а именно: Якубовича, адъютанта ген. Ермолова, Воейкова и Тимковского, который теперь губернатором в Бессарабии. Мне также сказывали, что общество сие хотело край, вверенный ген. Ермолову, от России отделить и начать новую династию Ермоловых, но сие токмо в случае неудачи общей революции. Все сии подробности извлек кн. Волконский от Якубовича, который, несколько выпив, был с ним откровенен.

Вот все, что в теперешнее время припоминаю и могу показать; но, желая государю доказать мое искреннее чистосердечие и признание, буде угодно узнать от меня, что может я запомнил, то готов во всем сказать все, что видел и знаю.

В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находившаяся в сей столице, под управлением Александра Муравьева, решилась покуситься на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина (служил некогда в Семеновском полку, вышел в армию и теперь живет в отставке). В то время дали знать членам в Петербурге, дабы получить их согласие, главнейшее от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли, и дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла.

Все, что теперь припомнил, показал по истине. Полковник Пестель.

Генерал-адъютант Левашев.

(Павлов-Сильванский. Пестель перед верховным судом, стр. 132—134.)

191. Ответ Пестеля на вопрос о происхождении его либерального образа мыслей.

Я никакого лица не могу назвать, кому бы я мог именно приписать внушение мне первых

вольнодумных и либеральных мыслей и точного времени мне определить нельзя, когда они начали во мне возникать; ибо сие не вдруг сделалось, а мало-по-малу и сначала для самого себя неприметным образом. Но следующим образом честь имею комитету о том доложить с самою чистосердечнейшею и полнейшею откровенностью.

— Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках, тогда я пристрастился к ним. Я имел пламенное рвение и добра желал от всей души. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит по большей части от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих предметах рассуждают и путь к оным показывают. Но я сначала занимался сими науками, т. е. и вообще чтением политических книг со всей кротостью и без всякого вольнодумства, с одним желанием быть когда-нибудь в свое время и в своем месте полезным слугою государю и отечеству. Продолжая таким образом заниматься, начал я потом уже рассуждать о том: соблюдены ли в устройстве российского правления правила политических наук, не касаясь однакоже еще верховной власти, но размышляя о министерствах, местных правительствах, частных начальствах, и т. п. предметах. Я при сем находил тогда много несообразностей по моим понятиям с правилами политических наук и начал разные предметы обдумывать: какими постановлениями они могли бы быть заменены, пополнены или усовершенствованы. Обратил также мысли и внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества аристократии, которую я считал так сказать стеною, между монархом и народом стоящею, и от монарха ради собственных выгод скрывающею истинное положение народа. К сему стали в мыслях моих в протечении времени присоединяться разные другие предметы и толки, как-то: преимущества разных присоединенных областей, слышанное о военных поселениях, упадок торговли, промышленности и общего богатства, несправедливость и подкупливость судов и других начальств, тягость военной службы для солдат и многие другие тому подобные статьи, долженствовавшие по моим понятиям составлять предмет частных неудовольствий и через гораздо всех соображение воедино представлялось моему уму и воображению целая картина народного неблагоденствия. Тогда начал во мне возникать внутренний ропот противу правительства.

Возвращение Бурбонского дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей; ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция видно не так дурна, как говорят, и что может быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений. Тогда начали сии причины присовокупляться к выше уже приведенным; начали во мне рождаться, почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первые определительнее и яснее, а вторые сильнее. Чтение политических книг подкрепляло и развивало во мне все сии мнения, мысли и понятия. Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время революции, заставляли меня искать средства к избежанию подобных и сие-то произвело во мне впоследствии мысль о временном правлении и его необходимости, и тогдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междоусобия.

От монархического конституционного образа мыслей был я переведен в республиканский, главнейше, следующими предметами и соображениями. — Сочинение Детю де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом. — Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным

доказательством в превосходстве республиканского правления. — Новиков (член «Союза Благоденствия») говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ними соглашаться. — Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республики, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей. Я находил, что во Франции и Англии конституции суть одни только покрывала, никак не воспрещающие министерству Англии и королю во Франции делать все, что они пожелают, и в сем отношении я предпочитал самодержавие таковой конституции, ибо в самодержавном правительстве, рассуждал я, неограниченность власти открыто всем видна, меж тем как в конституционных монархических тоже существует неограниченность, хотя и медлительнее действие, но зато и не может так скоро худое исправить. Что же касается до обеих палат, то они существуют для одного только покрывала.

Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сии аристократии сделаются наконец сильнее самого монарха, как то в Англии, и что они суть главная препона государственному благоденствию и притом могут быть устранены одним республиканским образованием государства. Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей.

Из сего изволит комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях, а также и разделением со мною сего образа мыслей сочленами общества.

Все сие произвело, что я сделался в душе республиканец, и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и — сказать можно — восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей, обращая притом же большое внимание на устранение и предупреждение всякого безначалия, беспорядка и междоусобия, коих я всегда показывал себя самым ревностнейшим врагом.

(Пестель. «Русская Правда», изд. «Культура», стр. X—XIII.)

192. Записка о Рылееве.

Об отставном подпоручике Рылееве.

Рылеев принят в общество коллежским асессором Пущиным в начале 1823 года, когда оно состояло из немногих членов и без всякого действия готово было уничтожиться. С самого вступления он оказался деятельным и решительным, способствовал восстановлению общества и доставил оному многих членов.

В 1823 году было первое совещание у Пущина, где рассуждали о различных распоряжениях по обществу и предлагали членам избрать занятия. Таким образом Николай Тургенев обещал написать об уголовном судопроизводстве, Никита Муравьев хотел сообщить план своей конституции, Оболенский взялся написать об обязанностях гражданина, а впоследствии Рылеев принял на себя составить катехизис вольного человека, писал возмутительные песни и вольнодумные стихотворения.

После того Рылеев был в собрании у Митькова, где говорили о новом устройстве общества.

Из членов Южного общества, приезжавших в С.-Петербург в 1823 и 1824 г.г., виделся с Поджио, Матвеем Муравьевым-Апостолом и Пестелем. Переговоры были о соединении Южного

общества с Северным, о чем один раз происходило у него совещание, в котором полагали, что соединение и полезно и необходимо; но главное препятствие находили в противоположности конституций Никиты Муравьева и Пестелевой. В сем совещании говорили также, чтобы введение нового порядка вещей произвесть посредством временного правления, и чтобы в оное назначить директоров общества. Рылеев утверждает, что ни в совещаниях, при нем бывших, ни в частных разговорах, никто положительно не сказывал ему о намерении Южного общества ввести республику, истребив государя и всю царствующую фамилию. Хотя он и изъявил по сему свои подозрения Матвею Муравьеву-Апостолу, Трубецкому, Никите Муравьеву и Оболенскому, но все говорили, что они также подозревают Южное общество, а Матвей Муравьев-Апостол, хотя и защищал республиканское правление, но часто не выдавая за мнение своего общества. Рылеев с своей стороны был того мнения, что Россия не созрела еще для республиканского правления, защищал ограниченную монархию, хотя душевно предпочитал ей правление Северо-Американских Соединенных Штатов, признавая оное приличнейшим для России. Он соглашался на республику с императором, которого власть не должна превосходить власти президента Северо-Американских Штатов, тогда только, когда устав ее одобрится большинством народных представителей. На вопрос, что делать с императором, если он откажется утвердить устав представителей народных, Рылеев сказал: не вывезти ли за границу? на что согласились и присутствовавшие в совещании члены.

Напротив того другие показывают:

Показание Матвея Муравьева-Апостола.

Что Рылеев разделял определение Южного общества о республике и истреблении царствующего дома.

Показание Александра Бестужева.

Что Рылеев с Оболенским вследствие южных инстанций говорили о необходимости уничтожить всю царствующую фамилию.

Показание Каховского.

Что Рылеев при самом принятии Каховского в общество в начале прошедшего года объявил ему цель — истребление всей царствующей фамилии и водворение народного правления. Впоследствии времени узнал он от Рылеева, что истребление сие назначено было совершить или на празднике в Петергофе, или в Зимнем дворце в маскараде на новый год.

С одобрения Северной думы Рылеев старался принять в члены некоторых из здешнего купечества. Достигнуть сего надеялся посредством барона Штейнгеля, о чем и говорил ему, но он решительно отвечал, что это дело не возможное, что наши купцы невежды; сим кончилось покушение Рылеева.

При совещании о средствах возмущения солдат Рылеев полагал полезным распустить слух, будто в сенате хранится духовное завещание покойного государя, в коем срок службы нижним чинам уменьшен десятью годами, что цесаревич от престола не отказывается, что, присягнув одному государю, присягать другому чрез несколько дней грех. Мнение сие принято единодушно, и поручено было офицерам, принадлежавшим к обществу, привесть оное в исполнение. Рылеев думал, что в каждом полку достаточно одного решительного капитана для возмущения всех нижних чинов, по причине негодования их против взыскательности начальства, и когда он спросил Трубецкого, какую силу полагает достаточною для совершения их намерений, Трубецкой отвечал: довольно одного полка. Тогда Рылеев сказал: так нечего и хлопотать; можно ручаться за три, а за два наверное. Когда же имели в виду до шести полков, то все без исключения говорили, что сами обстоятельства призывают общество к начатию действий, и что не воспользоваться оными было бы непростительное малодушие и даже преступление. На полки Гренадерский, Московский и Морской экипаж надеялись потому, что имели в оных весьма решительных членов: Арбузова, Щепина-Ростовского, Михаила Бестужева и Сутгофа. На Егерский полагались по уверению Арбузова, на Измайловский—по словам некоторых офицеров оного и по той же причине на Финляндский.

В плане действий определено было не присягать самим и подать через то пример солдатам, и если они увлекутся, то каждому, кто сколько может, привесть их на Петровскую площадь, где Трубецкой должен принять начальство и дей-

ствовать. смотря по обстоятельствам. Трубецкой полагал захватить царскую фамилию и предоставить решение судьбы ее великому собору; но уничтожить ее на совещании, по словам Рылеева, никто не предлагал, равно никто не восставал против ныне царствующего императора. Рылеев приводит в доказательство: во-первых, если бы положено было уничтожить царствующую фамилию, то общество приняло бы предложение Якубовича или Каховского, — напротив, Рылеев о вызове Каховского никому не сказал, а предложение Якубовича отвергнуто единодушно, несмотря на то, что Арбузов заверял, что нет ничего легче, как убить императора во дворце на выходе; во-вторых, манифест, который Трубецкой поручил ему, Рылееву, написать. В сем манифесте должно было изложить, что государь цесаревич и ныне царствующий император отказались от престола, что после такового их поступка сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать на великий собор народных представителей из всех сословий, которые должны будут решить судьбу государства. Написать такового содержания манифест Рылеев передал барону Штейнгелю, считая его способнейшим для сочинений подобного рода.

Рылеев сознается, что 13 декабря, обняв Каховского, он сказал: любезный друг! ты сир на сей земле, я знаю твое самоотвержение, ты можешь быть полезнее, чем на площади, — истреби царя! Поутру того дня, поясняет Рылеев, долго обдумывал он план своего предприятия и находил множество неудобств к счастливому окончанию; более всего страшился он, если ныне царствующий император не будет схвачен, то в таком случае непременно последует междуусобная война. Тут пришло ему на ум, что для избежания междуусобия должно принесть его величество на жертву, и эта мысль была причиною его злодейского предложения.

Рылеев первый восстал против сей мысли, говоря, что мы подвизаемся за дело великое и не должны употреблять такие средства.

Показание Александра Бестужева, Сутгофа, князя Трубецкого и Николая Бестужева.

В заключение должно сказать, что Рылеев был пружиною возмущения в С.-Петербурге, воспламенял всех своим воображением и подкреплял настойчивостью, давал приказания, как не допускать солдат к присяге и как поступать на площади.

(Н. Шильдер. Николай I, прилож. № 45.)

---

193. Записка о Пестеле.

Пестель, полковник Вятского пехотного полка.

Полковник Пестель на вопросы, данные ему в Тульчине, отвечал отрицательно; но в продолжение исследования в С.-Петербурге сознался, что он был в числе основателей тайного общества, составившегося здесь в 1816 году и написал для оного устав.

Вместе с учреждением общества появились мысли конституционные, но весьма неопределенные: почему в 1820 году в коренной думе, имевшей законодательную власть и собравшейся в С.-Петербурге, Пестель изложил все выгоды и невыгоды монархического и республиканского правления. После долгого рассуждения и многих споров все единогласно приняли республику, почему он, по прибытии в Тульчин, объявил о том своим сочленам и склонил их к сей преступной мысли.

Пестель тогда же, в бытность его в столице, при рассуждении в одном частном собрании членов о цареубийстве, по замечанию некоторых, что сие повлечет за собою безначалие и беспорядки, старался успокоить тем, что отвратит оные учреждением временного правления, которое должно быть составлено из членов общества.

В марте 1821 года, когда Комаров и Бурцев, возвратившись из Москвы с бывшего там общего съезда членов, объявили об уничтожении Союза благоденствия и сами удалились, Пестель первый восстал против сего, доказывая, что московские члены не имели права уничтожить союз, который он решается продолжать. Вспомоществуемый Юшневским и Аврамовым, он без труда согласил на то прочих членов. При сем случае предложил вопрос: изменяет ли общество прежнюю республиканскую цель? Все единодушно и без противоречия подтвердили поддерживать ее, при чем сам Пестель

говорил в ее пользу и до того воспламенил умы, что успел исторгнуть согласие на упразднение престола с изведением тех лиц, кои представят в себе непреодолимые препоны к достижению предположенной цели. В том же собрании Пестель с Юшневским были избраны председателями с полною властью над членами.

Здесь для деятельности Пестеля открылось обширное поприще; он завел сношения с другими обществами, поощрял членов к действию, составлял и одобрял различные планы. Таким образом в Киеве на контрактах (ярмарке) 1822 года склонил присоединившихся к республике и объяснял главные черты составляемой им Русской Правды.

В продолжение 1823 года члены Южного общества собирались в Киеве на контракты и в селении Давыдова, в Каменке. Пестель снова объяснял свою Русскую Правду и притом предлагал введение республиканского правления посредством революции с истреблением государя и всей императорской фамилии; для убеждения членов в необходимости сих ужасных мер Пестель представлял, что если останутся великие князья, то произойдет междоусобная война, ибо не только в войсках, но и в народе нашлись бы люди, которые, составя партии, воспрепятствовали бы введению республики. Рассуждая о способе исполнения столь преступнейшего предложения, считал нужным составить отряд решительных.

Тогда же, с согласия Пестеля, Бестужев-Рюмин открыл сношения с польским обществом, которые впоследствии продолжал лично сам Пестель. Условия были следующие:

1) независимость Польши с уступкою провинций, от нее к России присоединенных;

2) взаимное содействие на случай внешней войны;

3) одинаковый образ правления;

4) полякам поступить с цесаревичем так, как русские поступят с великими князьями;

5) поляки должны уведомлять о всех сношениях с чужеземными обществами, и никаких с ними условий без предварительного согласия Южного общества не заключать.

Пестель в мае 1823 года поручил князю Барятинскому, а потом Волконскому и Давыдову и Матвею Муравьеву-Апостолу, отправлявшимся в С.-Петербург, дабы в сношениях с Северным обществом, сообщить оному о цели, принятой Южными управами, и способе достижения; потребовать решительного ответа о силе Северного общества и готовности его к начатию возмутительных действий, и вообще стараться соединить Северное общество с Южным. Видя худые успехи, Пестель полагал, что личное присутствие его более подействует, поехал сам в 1824 году в С.-Петербург и употребил все усилия, чтобы достигнуть сей цели.

Здесь Пестель предлагал свою Русскую Правду, старался водворить преступные свои мнения, но, замечая нерешимость северных членов, ударил по столу рукою и сказал: «так будет же республика!».

В сентябре 1824 года при разговоре с подполковником Поджио об истреблении императорской фамилии Пестель считал по пальцам число жертв. В сей ужаснейший счет входили и все высочайшие особы женского пола.

Из показаний Пестеля и его сообщников открывается, что он беспрерывно и ревностно действовал в видах общества с самого вступления по самое его арестование. Он не только самовластно управлял Южным обществом, но имел решительное влияние и на дела Северного. Он господствовал над сочленами своими, обворожал их обширными познаниями и увлекал силою слова к преступным намерениям его разрушить существующий образ правления, ниспровергнуть престол и лишить жизни августейших особ императорского дома, словом, он был главою общества и первейшею пружиною всех его действий.

(Шильдер. Имп. Николай I. Прилож. к т. I, № 49.)

---

194. Роспись государственным преступникам приговором верховного уголовного суда, осужденным к разным казням и наказаниям.

I. Государственные преступники, осуждаемые к смертной казни четвертованием.

Имена преступников.

Главные виды преступлений.

1) Полковник Пестель.

Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства, избирал и назначал лиц к совершению оного; умышляя на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому других; учреждал и с неограниченной властью управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления; составлял планы, уставы, конституции; возбуждал и приуготовлял их к бунту; участвовал в умысле отторжения областей от Империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других.

2) Подпоручик Рылеев.

Умышлял на цареубийство; назначал к совершению оного лиц; умышляя на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии, и приуготовлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества; управлял оным, приуготовлял способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуготовлял главные средства к мятежу и начальствовал на оных; возбуждал к мятежу нижних чинов через их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь.

3) Подполковник Сергей Муравьев-Апостол.

Имел умысел на цареубийство; изыскивал средства, избирал и назначал к тому других; соглашаясь на изгнание императорской фамилии, требовал в особенности убиения цесаревича и возбуждал к тому других; имел умысел и на лишение свободы государя императора; участвовал в управлении Южным тайным обществом во всем пространстве возмутительных его замыслов; составлял прокламации и возбуждал других к достижению цели сего общества, к бунту: участвовал в умысле отторжения областей от империи; принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других: лично действовал в мятеже с готовностью пролития крови; возбуждал солдат; освобождал колодников; подкупил даже священника к чтению перед рядами бунтующих лже-катехизиса, им составленного, и взят с оружием в руках.

4) Подпоручик Бестужев-Рюмин.

Имел умысел на цареубийство; изыскивал к тому средства; сам вызывался на убийство блаженные памяти государя императора и ныне царствующего государя императора; избирал и назначал лиц к совершению оного; имел умысел на истребление императорской фамилии, изъявлял оный в самых жестоких выражениях рассеяния праха; имел умысел на изгнание императорской фамилии и лишение свободы блаженные памяти государя императора, и сам вызвался на совершение сего последнего злодеяния: участвовал в управлении Южного общества: присоединил ко оному Славянское; составлял прокламации и произносил возмутительные речи; участвовал в сочинении лже-катехизиса; возбуждал и приуготовлял к бунту, требуя даже клятвенных обещаний целованием образа; составлял умысел на отторжение областей от Империи и действовал в исполнении оного; принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других; лично действовал в мятеже с готовностью пролития крови; возбуждал офицеров и солдат к бунту, и взят с оружием в руках.

5) Поручик Каховский.

Умышлял на цареубийство и истребление всей императорской фамилии и, быв предназначен посягнуть на жизнь ныне царствующего государя императора, не отрекся от сего избрания и даже изъявил на то согласие, хотя уверяет, что впоследствии поколебался; участвовал в распространении бунта привлечением многих членов; лично действовал в мятеже; возбуждал нижних чинов, и сам нанес смертельный удар графу Милорадовичу и полковнику Стюллеру и ранил свитского офицера.

(Шильдер. Имп. Николай I. Прим. и прилож. к т. I, стр. 686 — 688.)

---

195. Указ Верховному Уголовному Суду.

Рассмотрев доклад о Государственных преступниках, от Верховного Уголовного Суда нам поднесенный, мы находим приговор, оным постановленный, существу дела и силе законов сообразным.

Но силу законов и долг правосудия желая по возможности согласить с чувствами милосердия, признали мы за благо определенные сим преступникам казни и наказания смягчить нижеследующими в них ограничениями:

I. Преступников первого разряда, Верховным Уголовным Судом к смертной казни осужденных, а именно: Полковника князя Трубецкого, Поручика князя Оболенского, Подпоручика Борисова 2-го, отставного Подпоручика Борисова 1-го, Подпоручика Горбачевского, Майора Спиридова, Штабс-Ротмистра князя Барятинского, Капитана Якубовича, отставного Подполковника Поджио, Полковника Артамона Муравьева, Прапорщика Вадковского, Прапорщика Бесчаснова, отставного Полковника Давыдова, 4-го класса Юшневского, Подпоручика Андреевича 2-го, Коллежского Асессора Пущина, Подпоручика Пестова, Лейтенанта Арбузова, Лейтенанта Завалишина, Полковника Повало-Швейковского, Поручика Панова 2-го, Поручика Сутгофа, Штабс-Капитана Князя Щепина-Ростовского, Мичмана Дивова и действительного Статского Советника Тургенева, — даровав им жизнь, по лишении чинов и дворянства, сослать вечно в каторжные работы.

II. Нижеследующих преступников, того же первого разряда и к той же смертной казни Верховным Уголовным Судом осужденных, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение; а именно: 1) отставного Подполковника Матвея Муравьева-Апостола по уважению совершенного и чистосердечного его раскаяния; 2) Коллежского Асессора Кюхельбекера по уважению ходатайства е. и. высочества в. князя Михаила Павловича; 3) Штабс-Капитана Александра Бестужева по уважению того, что лично явился ко мне с повинней головой; 4) Капитана Никиту Муравьева по уважению совершенной откровенности и чистосердечного признания; 5) Генерал-Майора Князя Волконского по уважению совершенного раскаяния; 6) отставного Капитана Якушкина также по уважению совершенного раскаяния.

III. Преступников второго разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к политической смерти с положением головы на плаху, и к ссылке вечно в каторжную работу, а именно: Капитан-Лейтенанта Бестужева 1-го и Штабс-Капитана Михаила Бестужева по лишении чинов и дворянства сослать вечно в каторжную работу, Капитана Тютчева, Поручика Громницкого, Прапорщика Киреева, Поручика Крюкова 2-го, Подполковника Лунина, Корнета Свистунова, Поручика Крюкова 1-го, Поручика Башмакина, Полковника Митькова, Поручика Анненкова, Штабс-лекаря Вольфа, Ротмистра Ивашева, Подпоручика Фролова 2-го и Капитан-Лейтенанта Торсона, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двадцать лет, а потом на поселение; отставного Подполковника Норова по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на пятнадцать лет, а потом на поселение.

IV. Преступников третьего разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных в каторжную работу вечно, а именно: отставного Подполковника Барона Штейнгеля и Подполковника Батенкова по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение.

V. Преступников четвертого разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к ссылке в каторжную работу на пятнадцать лет и потом на поселение, а именно: Штабс-Капитана Муханова, отставных: Генерал-Майора Фонвизина и Штабс-Капитана Поджио, Подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, Подпоручика Мозгана, Штабс-Капитана Корниловича, Майора Лорера, Полковника Аврамова, Поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, Прапорщика Шимкова, Корнета Александра Муравьева, Мичмана Беляева 1-го, Мичмана Беляева 2-го, Полковника Нарыш-

кина 2-го и Корнета Князя Одоевского, по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на двенадцать лет и потом на поселение.

VI. Преступников пятого разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к ссылке в каторжную работу на десять лет и потом на поселение, а именно: Штабс-Капитана Репина и Лейтенанта Кюхельбекера, по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на восемь лет и потом на поселение; Мичмана Бодиско 2-го сослать в крепостную работу, а Колежского Секретаря Глебова и Поручика Барона Розена сослать в каторжную работу по приговору на десять лет и потом на поселение.

VII. Преступников шестого разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к ссылке в каторжную работу на шесть лет и потом на поселение, а именно: отставного Полковника Александра Муравьева по уважению совершенного и искреннего раскаяния сослать на житье в Сибирь, не лишая чинов и дворянства; Дворянина Люблинского по лишении дворянства сослать в каторжную работу на пять лет и потом на поселение.

VIII. Преступников седьмого разряда Верховным Уголовным Судом осужденных к ссылке в каторжную работу на четыре года и потом на поселение, а именно: Подпоручика Лихарева, Подполковника Ентальцева, Поручика Лисовского, Полковника Тизенгаузена, Подпоручика Кривцова, Прапорщика Толстого, Ротмистра Графа Чернышева, Поручика Ивана Аврамова, Поручика Загорецкого, Полковника Поливанова, Поручика Барона Черкасова, Канцеляриста Выгодовского и отставного Полковника Фон-дер-Бригена, по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на два года и потом на поселение; а Подполковника Берстеля и Поручика Графа Булгари по уважению молодости его лет, в крепостную работу на два года.

IX. С преступниками осьмого разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к лишению чинов и дворянства и к ссылке на поселение, а именно: с Подпоручиком Андреевым 2-м, Подпоручиком Веденяпиным 1-м, Действительным Статским Советником Гр. Спокутским, Лейтенантом Чижовым, Камер-Юнкером Князем Голицыным, Штабс-Капитаном Назимовым, Поручиком Бобрищевым-Пушкиным 1-м, Подпоручиком Заикиным, Капитаном Фурманом, Майором Князем Шаховским, Штабс-Капитаном Фохтом, Подпоручиком Мозгалевским, Поручиком Шахиревым и с Полковником Враницким, поступить по приговору Верховного Уголовного Суда; а Лейтенанта Бодиско 1-го написать в матросы.

X. Преступников девятого разряда, Верховным Уголовным Судом осужденных к лишению чинов и дворянства и к ссылке в Сибирь, а именно: Подпоручика Графа Коновницына, отставного Штабс-Ротмистра Оржицкого и Подпоручика Кожевникова, по лишении чинов и дворянства, написать в солдаты в дальние гарнизоны.

XI. С преступником десятого разряда, Капитаном Пущиным 1-м, осужденным к лишению чинов и дворянства и к написанию в солдаты до выслуги, поступить по приговору суда.

XII. С преступниками одиннадцатого разряда, осужденными Верховным Уголовным Судом к лишению чинов с написанием в солдаты с выслугою, а именно: с Мичманом Петром Бестужевым, Прапорщиком Веденяпиным 2-м, Лейтенантом Вишневским, Лейтенантом Мусиным-Пушкиным, Лейтенантом Акуловым, Подпоручиком Фоком и с Подпоручиком Лаппою, поступить по приговору Суда, распределив их в дальнейшие гарнизоны; но Поручика Цебрикова, по важности вредного примера, поданного им присутствием его в толпе бунтовщиков, в виду его полка, как недостойного благородного имени, разжаловать в солдаты без выслуги и с лишением дворянства.

XIII. Наконец участь преступников, здесь не поименованных, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предаю решению Верховного Уголовного Суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем Суде состоится.

Верховный Уголовный Суд в полном его Присутствии имеет объявить осужденным им преступникам, как приговор, в нем состояв-

щийся, так и пощады, от нас им даруемые, и потом обратить все к надлежащему, куда следует, исполнению. Правительствующий Сенат с своей стороны не оставит доклад Верховного Суда и настоящие по оному постановления издать совокупно во всеобщее известие.

На подлинном собственною е. и. в. рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село.
10-го июля 1826 года.

(Шильдер. Имп. Николай I, прилож. к т. I, стр. 700—703.)

---

196. Из переписки Николая I.

Из писем Николая I к Константину Павловичу 6 VI — 26.

«В четверг (3 июня) начался суд со всей приличествующей обрядностью; заседания не прерываются с 10 часов утра до трех часов пополудни; при всем том я не знаю еще, к какому приблизительно дню это может быть окончено.

«Затем наступит ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания... Я предполагаю приказать произвести ее на эспланаде крепости».

Из писем Николая I к имп. Марии Федоровне 10, 12, 13 июля 26 года.

«Ужасный день настал, милая матушка, и, согласно вашего приказания, я сообщаю вам о происшедшем. Сегодня я получил доклад Верховного суда, составленный кратко, и он дал мне возможность, кроме пяти человек, воспользоваться данным мне правом, — немного убавить степень наказания. Я отстраняю от себя всякий смертный приговор, а участь пяти наиболее жалких предоставляю решению суда. Эти пять следующие. Пестель, Рылеев, Каховский, Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин; 24 приговорены к вечной каторге вместо смертной казни. В числе этих находится Трубецкой, Оболенский, Волконский, Щепин, Ростовский и им подобные.

Я провел тяжелые сутки и, проходя через покои нашего ангела, я себе сказал, что за него мне приходится исполнять этот ужасный долг и что всемогущий в своей милости избавил его от этих мучений. Но «да будет воля твоя», и от глубины души поблагодарим провидение, что оно спасло нашу дорогую родину».

«Милая и добрая матушка. Приговор состоялся и объявлен виновным. Не поддается перу, что во мне происходит; у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить. К этому, с одной стороны, примешано какое-то особое чувство ужаса, а с другой, благодарности господу богу, коему было благоугодно, чтобы этот отвратительный процесс был доведен до конца. Голова моя положительно идет кругом. Если я добавлю к этому о том количестве писем, которые ко мне ежедневно поступают, одни, полные отчаяния, а другие — написанные в состоянии умопомешательства, то могу вас уверить, любезная матушка, что только одно чувство ужасающего долга на занимаемом посту заставит меня терпеть все эти муки. Завтра в три часа утра это дело должно совершиться. Вечером надеюсь вам сообщить об исходе».

«Пишу на скорую руку — два слова, милая матушка, желая вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке; гнусные и вели себя гнусно, без всякого достоинства.

«Сегодня вечером выезжает Чернышев и, как очевидец, может рассказать вам все подробности. Извините за краткость изложения, но зная и разделяя ваше беспокойство, милая матушка, я хотел довести до вашего сведения то, что мне уже стало известным.

«Милая матушка. Час тому назад мы вернулись сюда, и, по полученным сведениям, везде все спокойно, царит единодушное возмущение, а что все, наконец, кончено, производит всеобщее довольство. Подробности казни (т.-е. чтения приговора и самой казни), как она ни ужасна, убедили всех, что одураченные люди заслуживали эту кару; почти никто из них не раскаялся; зато пять казненных проявили большее чувство раскаяния, особенно Каховский, который, идя на смерть, сказал, что молится за меня. Его единственного я и жалею. Да простит ему господь и умиротворит его душу. Войска были великолепны и дух их прекрасный. Завтра мы на площади отслужим молеб-

ствие; эстрада находится как раз на том месте, где погиб несчастный Милорадович.

«Будет все это грустно, но и торжественно, когда вспомнишь об этом дне жестокого испытания и ужаса».

«А для меня всегда будет утешением в жизни мысль о том, что наш ангел избавился от происшедшего, что наша честь спасена и что господь дал новое доказательство своей милости к нашей дорогой родине» . . .

(Щеголев. Николай I и декабр. сты, изд. «Былое», стр. 18, 31—34.)

---

197. Из письма нач. штаба е. в. барона Дибича к председ. Верх. Угол. Суда Лопухину.

10 июля 1826 г.

«Милостивый государь князь Петр Васильевич. В высочайшем указе о государственных преступниках на доклад Верховного Уголовного Суда, в сей день состоявшемся, между прочим, в статье 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не включены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению Верховного Уголовного Суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится.

«На случай сомнения о виде их казни, какая сим Судом преступникам определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную.

«С истинным почтением и преданностью имею честь быть вашей светлости покорнейший слуга барон И. Дибич»

(П. Щеголев. Николай I и декабристы, стр. 20—21.)

---

198. Выписка из протокола Верховного Уголовного Суда.

(От 11-го июля 1826 года.)

Верховный Уголовный Суд, по выслушании высочайшего именного указа, в 10 день июля сему суду данного, положили: Поелику XIII статьею всего сего высочайшего указа, е. и. в. всемилостивейше соизволил участь преступников, в оном переименованных, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, передать решению Верховного Уголовного Суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем Суде состоится, то, сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленном смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных, Верховный Уголовный Суд по высочайше предоставленной ему власти, приговорили: вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылеову, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором Суда определенной, сих преступников за их тяжкое злодеяние, повесить.

Подлинный протокол за подписанием Председателя и Членов Верховного Уголовного Суда.

(Процесс декабристов, изд. Малинина, стр. 113.)

---

199. Казнь декабристов.

1.

. . . Казнь назначена была на утро 13 июля 1826 года.

«Настала полночь, вспоминает о кануне этого дня кн. Е. Оболенский; священник со святыми дарами вышел от Кондратия Феодоровича; вышел и от С. И. Муравьева-Апостола, вышел и от Петра Каховского, и от Михаила Бестужева-Рюмина. Пастор напутствовал Павла Ивановича Пестеля. Я не спал; нам велено было одеваться; я слышал шаги, слышал шопот, но не понимал их значения. Прошло несколько времени, — я слышу звук цепей. Дверь отворилась на противоположной стороне коридора; цепи тяжело зазвенели. Слышу протяжный голос друга неизменного Кондратия Феодоровича Рылеева: «Простите, простите, братья», и мерные шаги удалились к концу коридора; я бросился к окошку; начало светать . . . Вижу всех пятерых, окруженных гренадерами с примкнутыми штыками. Знак

подан, и они удалились. И нам сказано было выходить. И нас повели те же гренадеры, и мы пришли на эспланаду перед крепостью. Все гвардейские полки были в строю. Вдали я видел пять виселиц; видел пятерых избранников, медленно приближавшихся к роковому месту . . . Избранные жертвы были готовы. Священник Петр Николаевич был с ними. Он подходит к Кондратию Феодоровичу и говорит слово увещательное. Рылеев взял его руку, поднес к сердцу и говорит: «слышишь, отец, оно не бьется сильнее прежнего». Все пятеро взошли на место казни, и казнь совершилась» . . .

2.

«Приведение приговора в исполнение на обширном поле, простирающемся позади Петропавловской крепости, назначено было на 13-е июля 1826 года, на рассвете. При этом должны были присутствовать отряды из всех войск гвардии. В городе никто или почти никто не знал ни о времени, ни о месте экзекуции. Я узнал об этом случайно и с товарищем моим отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкого моста, далее стража нас не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска уже были на своих местах; посторонних зрителей было очень немного: не более 150—200 человек . . .

«Был уже пятый час утра, когда приступили к казни главных преступников. Их поставили на скамейку в ряд, в расстоянии друг от друга на какие-нибудь пол-аршина. На голову надели колпаки, которые насунули на лица, закрыв их совсем, начиная с шеи, и во всю длину ног надели белые фартуки и сзади завязали их вверху и внизу так, что руки и ноги были фартуком спеленуты. Наконец, наложили на шеи петли, которые должны были затянуться и удержать казненных на воздухе, когда из-под их ног отнята будет скамейка. Но тут и последовал известный потрясающий эпизод. Веревки были новы и туги: когда оттолкнули скамейку, то головы двух средних в ряду осужденных проскользнули вниз сквозь незатянувшиеся петли, и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Падение это произвело потрясающее впечатление. Все приготовились видеть пять человек, заслуживших смертную казнь повешенными, но никто не предвидел случившегося так неожиданно и продолжившего предсмертную агонию двух несчастных. Это были Рылеев и Бестужев. Говорят, что упавши Рылеев воскликнул: «Нам во всем неудача!» Прошло около четверти часа, пока их снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тем повисшие до того вертелись на веревках в предсмертных конвульсиях. Стража окружала виселицу, но, по прошествии получаса, стала всех пускать, и толпа любопытных нахлынула. Казненные висели уже неподвижно. Прошло еще полчаса — мертвецов сняли и отнесли в крепость [1]).

«Все они были покойны, отказались иметь последнее свидание с родными (Рылеев с женой), чтобы не расстроить их и себя. Говорили немного между собой и ожидали последнего часа с твердостью. Их вывели рано, до свету, заковав прежде в железо. Выходя в коридор, они обнялись друг с другом и пошли, сопровождаемые священником и окруженные караулом к тому месту, где мы видели столбы. Тут их поместили на время в каком-то пороховом здании, где были уже приготовлены пять гробов. Протоиерей Мысловский был при них до последней минуты. У двоих из них, кажется, Пестеля и Каховского, оборвались веревки, и они упали живыми. Исполнители потерялись и не знали, что делать, но по знаку Чернышева их подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафот. Потом, когда уверились, что все пятеро уже не существуют, сняли их и отнесли туда, где находились гробы, и, положивши в них тела, оставили до следующей ночи. Потом свезли в ночное время на устроенное для животных кладбище (называемое Голодай) и там неизвестно где закопали. Говорят, что будто бы протоиерей Мысловский хотел было воспротивиться второй казни двух упавших, но что Чернышев настоял на этом [2]).

«Руки и ноги были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие только шаги. Кандалов не было, только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули

[1]) «Воспоминания О. А. Пржецлавского». «Русская Старина», 1874 г., XII, 681—682.

[2]) «Записки Н. В. Басаргина», 55. Изд. «Русского Архива».

друг другу руки и крепко пожали. Некоторые поцеловались. Рылеев глазами и головой показал на небо.... Они были совершенно спокойны, точно будто шли не на смерть, а выходили вот в другую комнату закурить трубку...

«Иной, кто не знал, что тут делается (на месте казни), подумал бы, что тут очень весело. На кронверке во все время играла музыка Павловского полка. Они пятеро сидели все время на траве и тихо между собой разговаривали. Когда пришла их очередь, к ним подошел Мысловский, говорил с ними, напутствовал их еще раз к отходу и дал приложиться к кресту. Они, на коленях, молча помолились богу смотря па небо. Потом на них надели мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса; на шеи им на веревках надели аспидные доски, с именами и виной их.... Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело. Мешки им очень не понравились, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: «господи, к чему это!» Палачи им стянули руки покрепче, один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что они рук поднимать не могли. На палачей они смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи. Схоронили их на Смоленском кладбище, за немецким и армянским, в конце переулка на взморье [3]).

«Рылеев, обратясь к товарищам сказал, сохраняя все присутствие духа: «Господа, надо отдать последний долг», и с этим они стали на колени, глядя на небо, крестились. Рылеев один желал благоденствия России. Потом встали, каждый из них прощался со священником, целуя крест и руку его, притом Рылеев твердым голосом сказал священнику: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь»; перекрестясь, взошел на эшафот, за ним последовали прочие...

При казни было два палача, которые надевали петлю сперва, а потом белый колпак. На груди у них была черная кожа, на которой было написано мелом имя преступника; они были в белых халатах, а на ногах были тяжелые цепи. Когда все было готово, с пожатием пружины в эшафоте, помост, на котором они стояли на скамейках, упал, и в то же мгновение трое сорвались: Рылеев, Пестель и Каховский упали вниз. У Рылеева колпак упал, и видна была окровавленная бровь и кровь за правым ухом, вероятно, от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота.

Я к нему подошел, он сказал: «Какое несчастье»!

Где они похоронены — неизвестно. Говорят, что тела с гирями спустили в море на острове Голодай» [4]).

«По дальности расстояния, зрителям было трудно распознать их в лицо; виднелись только серые шинели с поднятыми верхами, которыми закрывались их головы. Они всходили один за другим на помост и на скамейки, поставленные рядом под виселицею, в порядке, как было назначено в приговоре. Пестель был крайним с правой, Каховский с левой стороны. Каждому обмотали шею веревкою; палач сошел с помоста, и в ту же минуту помост рухнул вниз. Пестель и Каховский повисли; но трое тех, которые были промежду них, были пощажены смертью. Ужасное зрелище представилось зрителям. Плохо затянутые веревки соскользнули по верху шинелей, и несчастные попадали вниз в разверстую дыру, ударяясь о лестницы и скамейки. Так как государь находился в Царском Селе, и никто не посмел отдать приказ об отсрочке казни, то им пришлось, кроме страшных ушибов, два раза испытать предсмертные муки. Помост немедленно поправили и взвели на него упавших. Рылеев, несмотря на падение, шел твердо, но не мог удержаться от горестного восклицания: «Итак, скажут, что мне ничто не удавалось, даже и умереть»! Другие уверяют, будто он, кроме того, воскликнул: «Проклятая земля, где не умеют ни составить заговора, ни судить, ни вешать!». Слова эти приписываются также Сергею Муравьеву-Апостолу, который так же, как и Рылеев, бодро всходил на помост».

«До произнесения смертного приговора они не были скованы, но потом были обременены

[3]) «Декабристы в рассказе помощника квартального» (будто бы очевидец), 37, 38, 40—47.

[4]) «Казнь 11/XII 1825 г.»; со слов присутствующего по службе при казни. «Полярная Звезда», 1861 г., кн. IV, 74.

самыми тяжелыми кандалами. Кандалы и были причиною падения с виселицы троих.

Трупы сложили в большую телегу, но хоронить не повезли, ибо было уже совершенно светло и народу собралось вокруг тьма-тьмущая. Поэтому телега была отвезена в запустелое здание училища торгового мореплавания, лошадь отпряжена и извозчику наказано прибыть с лошадью в следующую ночь. В следующую ночь извозчик явился с лошадью в крепость и оттуда повез трупы по направлению к Васильевскому Острову, но когда он довез их до Тучкова моста, из будки вышли вооруженные солдаты и, овладев вожжами, посадили извозчика в будку. Через несколько часов спустя, телега возвратилась к тому же месту; извозчик был заплачен и поехал домой. О месте, которое приняло в себя трупы казненных, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что их зарыли на острове Голодае, другие уверяли, что тела были отвезены на взморье и там брошены с привязанными к ним камнями, в глубину вод» [5]).

Проверить все эти рассказы нельзя, но несомненно, что в общем они передают верно печальную картину.

Самое сомнительное в них, это те слова, которые Рылеев будто бы произносил на эшафоте.

Судя по настроению Рылеева, как оно нам открывается в его последних письмах, трудно предположить, чтобы в последние минуты жизни он решился бросить запоздалый вызов тому порядку или тем лицам, в борьбе с которыми он погиб. «Рылеев не сказал ни слова при казни», утверждает Якушкин, и, по всем вероятиям, на самом деле так и было [6]).

(Маслов. Литер. деятельность Рылеева, стр. 166.)
(Н. Котляревский. Рылеев, стр. 186—191, 17—213.)

---

200. Клятва Герцена.

1.

...Воробьевы горы, у подножия которых тонул Карл Иванович, скоро сделались нашими «святыми холмами».

Раз после обеда, отец мой собрался ехать за город. Огарев был у нас, он пригласил и его с Зоненбергом. Поездки эти были не шуточными делами. В четвероместной карете «работы Иохима», что не мешало ей в пятнадцатилетнюю, хотя и покойную службу, состареться до безобразия и быть попрежнему тяжелее осадной мортиры, до заставы надобно было ехать час или больше. Четыре лошади разного роста и не одного цвета, облепившиеся в праздной жизни и наевшие себе животы, покрывались через четверть часа потом и мылом; это было запрещено кучеру Авдею и ему оставалось ехать шагом. Окна были обыкновенно подняты, какой бы жар ни был, и ко всему этому рядом с равномерно-гнетущим надзором моего отца, беспокойно суетливый, тормошащий надзор Карла Ивановича, но мы охотно подвергались всему, чтоб быть вместе.

В Лужниках мы переехали на лодке Москву-реку, на самом том месте, где казак вытащил из воды Карла Ивановича. Отец мой, как всегда, шел угрюмо и сгорбившись; возле него мелкими шажками семенил Карл Иванович, занимая его сплетнями и болтовней. Мы ушли от них вперед и, далеко опередивши, взбежали на место закладки Витбергова храма, на Воробьевых горах.

Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг, обнявшись, присягнули в виду всей Москвы пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу.

Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем, через двадцать шесть лет, я тронут до слез, вспоминая ее; она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша.

Мы не знали всей силы того, с чем вступали в бой, но бой приняли. Сила сломила в нас многое, но не она нас сокрушила, и мы ей не сдались, несмотря на все ее удары. Рубцы, полученные от нее, почетны, свихнутая нога Иакова была знамением того, что он боролся ночью с богом.

2.

...Вскоре религия другого рода овладела моей душой...

---

[5]) Рассказ Шницлера. Перепечатан в «Библиотеке Декабристов», М. 1907, III, 12—14.

[6]) Н. Рамазанов. «Казнь декабристов. Рассказы современников». «Русский Архив» 1881, II, 344—346. Этот рассказ принадлежит В. И. Беркопфу, начальнику кронверка в Петропавловской крепости.

...Пока смутные мысли бродили у меня в голове, и в лавках продавали портреты императора Константина, пока носились повестки о присяге, и добрые люди торопились поклясться, разнесся слух об отречении цесаревича. Вслед за тем, тот же лакей сенатора [1]), большой охотник до политических новостей и которому было где их собирать — по всем передним сенаторов и присутственных мест, по которым он ездил с утра до ночи, не имея выгоды лошадей, которые менялись после обеда, сообщил мне, что в Петербурге был бунт и что по Галерной стреляли «в пушки».

На другой день вечером был у нас жандармский генерал Комаровский: он рассказывает о каре на Исаакиевской площади, о конно-гвардейской атаке, о смерти графа Милорадовича.

А тут пошли аресты, «того-то взяли», «того-то схватили», «того-то привезли из деревни»; испуганные родители трепетали за детей. Мрачные тучи заволокли небо...

...Рассказы о возмущении, о суде, ужас в Москве, сильно поразили меня; мне открывался новый мир, который становился больше и больше средоточием всего нравственного существования моего; не знаю, как это сделалось, но, мало понимая или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души.

Все ожидали облегчения в судьбе осужденных, коронация была на дворе. Даже мой отец, несмотря на свою осторожность и на свой скептицизм, говорил, что смертный приговор не будет приведен в исполнение, что все это делается для того, чтоб поразить умы. Но он, как и все другие, плохо знал юного монарха. Николай уехал из Петербурга и, не въезжая в Москву, остановился в Петровском дворце... Жители Москвы едва верили своим глазам, читая в *Московских Ведомостях* страшную новость 14 июля.

Народ русский отвык от смертной казни после Мировича, казненного вместо Екатерины II, после Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали под кнутом, солдат гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная казнь в действительности не существовала. Рассказывают, что при Павле, на Дону было какое-то частное возмущение казаков, в котором замешались два офицера. Павел велел их судить военным судом и дал полную власть гетману или генералу. Суд приговорил их к смерти, но никто не осмелился утвердить приговор; гетман представил дело государю. «Все они бабы, — сказал Павел, — они хотят свалить казнь на меня, очень благодарен», и заменил ее каторжной работой.

Николай ввел *смертную казнь* в наше уголовное законодательство сначала беззаконно, а потом привенчал ее к своему своду.

Через день после получения страшной вести был молебен в Кремле.

Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийство. Вся царская фамилия молилась, около нее Сенат, министры, а кругом, на огромном пространстве, стояли густые массы гвардии коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля.

Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай понял важность победы!

Мальчиком 14-ти лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить казненных, и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарем, с этими пушками. Я не отомстил; гвардия и трон, алтарь и пушки — все осталось; но через тридцать лет, я стою под тем же знаменем, которого не покидал ни разу.

Полярная Звезда скрылась за тучами николаевского царствования... Николай прошел, — и Полярная Звезда является снова в день нашей великой Пятницы, в которую пять виселиц сделались для нас пятью распятиями.

(Герцен. «Былое и Думы», т. I, гл. III, IV.)
(«Полярная Звезда» на 1855.)

[1]) Дядя Герцена.

Дополнительные статьи.

201. Из поэзии и прозы помещичьей жизни.

...Интересный документ, обрисовывающий нравственный облик одного из поэтов-крепостников, находится у меня под рукою. Это — альбом-дневник некоего А. А. Б—а, в котором

автор, изливая в стихах наполнявшие его нежные чувства, попутно записывал свои распоряжения по хозяйству, по управлению многолюдной вотчиной и дворней, сделанные расходы и проч.

Вот, например, под пометкой 11 февраля 1844 года, на светло-голубом листочке, как изливается Б:

Было время, — давно
Пролетело оно, —
И я весел бывал,
И я горя не знал.
Как луч солнца игрив,
Как струя говорлив,
Я не знал мрачных дней,
Безотрадных ночей...
А теперь! Я грущу,
Как могила молчу;
Я не верю друзьям,
Их словам, их слезам.
Я смотрю на людей,
Как на хищных зверей...

Так безнадежно жалуется разочарованный поэт — и тут же переходит, уже в прозе, к житейскому:

«Никишку наказали: воротился пьян из города, да нагрубил Аннушке. Федот—конюх потерял два недоуздка с жеребят. Высекли. После, сказывал Егор, он бранил меня в людской. Бог с ним, я ему прощаю»... великодушно замечает в заключение «кроткий» помещик.

«Феофана Беспятова продал Николаю Аркадьевичу Дурнову на своз, без семьи. Давно надлежало разорить это осье гнездо. Егор сам свез Феофана в Глебовское. Оттуда отправят в Саратовскую вотчину. Слава тебе, господи», — записывает дальше, уже в марте, Б—в. И вдруг эта запись внезапно прерывается стихами:

Дни за днями бегут,
С ними ночи идут,
А тоска все со мной,
Все далек мой покой... —
. . . .

рыдает помещик. И, должно быть, с целью разогнать тоску барина, Егор, постоянно фигурирующий в поэтическом дневнике, и бывший, вероятно, дворовым и в то же время поставщиком барского гарема, приводит к Б—у какую-то Наташку: —

«В ночи Егор привел ко мне Наташку...», — заносит без всякого стеснения барин-поэт в свой дневник. Дальше идут подробности свидания, но они совершенно нецензурны...

(«Голос Минувшего», 1916 г., № 12, стр. 219—220.)

202. План переворота 14 декабря.

По запискам кн. С. Трубецкого.

...План действия был основан на упорстве солдат остаться верными императору, которому присягнули, в чем общество и не ошиблось, и составлен был следующим образом. Как скоро собраны будут полки для новой присяги и солдаты окажут сопротивление и не захотят, или будут колебаться дать ее, то офицеры будут стараться вывести их со дворов, на которых они собраны будут. Первый полк с барабанным боем должен итти к другому, который к нему пристанет. Таким образом, надеялись иметь не только те полки, на которых рассчитывали, но увлечь и другие. Лейб-гренадерский должен был прямо итти к арсеналу и занять его. Собранным полкам собраться на площади Петровской и заставить Сенат издать манифест, в котором прописаны будут чрезвычайные обстоятельства, в которых находилась Россия и для разрешения которых назначаются, в назначенный срок, выбранные люди от всех сословий для утверждения, за кем остаться престолу и на каких основаниях. Между тем, Сенат должен был утвердить временное правление, пока не будет утвержден новый император общим собором выбранных людей. Общество намеревалось предложить в временное правление Мордвинова, Сперанского и Ермолова. Срок службы военной для рядовых сократить до 15-ти лет. Временное правление должно составить проект государственного уложения, в котором главные пункты должны быть: учреждение представительного правления, по образцу Европейских государств, и освобождение крестьян от крепостной зависимости. По обнародовании Сенатом манифеста, войско должно было выступить из города, притянув 2-ые баталионы и расположиться в окрестностях. Это

было условие, на котором обещано, чрез Батенкова, содействие некоторых членов государственного совета, которые требовали, чтобы их имена остались неизвестными...

(Записки кн. С. Трубецкого, стр. 86—87.)

---

203. Два письма декабриста П. И. Пестеля.

(Из крепости.)

1. Генералу Левашеву, В. В.

Генерал! Я не могу дать лучшего доказательства моей полной и совершенной искренности, как представив вам прилагаемую бумагу. Ни один из членов тайного общества не сумеет ничего против нее возразить, если только захочет быть правдивым. Возможно, что эта бумага окажется бесполезной комитету; в таком случае благоволите представить ее только его величеству императору, — в ней содержится самая строгая и точная истина. Впрочем, мне уже нет никакой надобности или интереса что-либо скрывать. Все связи и планы, соединявшие меня с тайным обществом, порваны навсегда. Буду я жив или мертв, — я отделен от него на веки. Если я умру, все кончено, и один лишь господь будет знать, что я не был таким, каким меня, быть может, представили. Если же я, наоборот, останусь жив, то буду обязан жизнью лишь его величеству императору; после амнистии мое существование будет даром его великодушия и, следовательно, должно будет состоять только из верности, усердия и полной и исключительной преданности личности и семейству его величества. Это математически верно. Не так обстояло дело с покойным государем. Об этом я мог бы сказать не-мало, но здесь не место и не время, да и вообще об этом не следует говорить. Простите меня за откровенность, — я нахожусь в несчастии, и в этом мое оправдание. Примите, генерал, уверение глубокого уважения, с каким я имею честь быть покорнейшим слугою вашего превосходительства. Пестель.

12-го января 1826 г.

...Настоящее письмо и прилагаемая бумага были написаны до моего вызова в комитет сегодня вечером.

(«Былое», 1922 г., кн. 20, стр. 106.)

2. Генералу А. И. Чернышеву.

31-го января 1826 года.

Генерал! Восемнадцать дней прошло с того времени, как я имел честь видеть вас в последний раз, и пятьдесят дней со времени моего ареста. Это время было для меня вечностью. Я считал часы и считал минуты. Вы не можете себе представить, как ужасно томиться в тюрьме, как страшна неизвестность о своей судьбе. Его величество император пожелал, чтобы я высказал все с полной откровенностью: я сделал это с исчерпывающей полнотой. Я ничего не утаил, совершенно ничего. Я не только отвечал на все вопросы вполне точно и правдиво, но, кроме того, высказал все, что только мог вспомнить. Вследствие этого я смею надеяться, что император остался доволен мною в этом отношении. Этим я хотел доказать его величеству всю искренность моих чувств в настоящее время. Это было единственное средство, которым я мог доказать ему, как горячо и глубоко я сожалею о том, что принадлежал к тайному обществу. Поверьте, генерал, что это раскаяние заставляет меня испытывать непрестанные страдания и мучения, хотя я счастлив тем, что, по крайней мере, не принимал участия ни в каких действиях.

К этому еще присоединяется постоянное воспоминание о моих несчастных родителях. Они стары и болезненны, и на те немногие дни, которые им, вероятно, осталось прожить, вся надежда, все их существование заключалось в их детях. Богу известно, что я охотно отдал бы за них свою жизнь, а теперь я сам толкаю их в могилу. Все, что эти слова заключают в себе ужасного и невыносимого для моего сердца, не может быть выражено и не может быть постигнуто никаким воображением. Признаюсь, что мои слезы о них не иссякают ни днем, ни ночью и что, действительно, в глубине души, я дошел до крайних пределов отчаяния. Да соблаговолит государь бросить на них и на меня взгляд жалости и милосердия.

Я не могу оправдаться перед его величеством; поэтому я и не стараюсь оправдываться; я прошу лишь милости. Да соблаговолит он воспользоваться в отношении меня прекраснейшим правом короны, и бог мне свидетель, что он никогда не раскается в том, что дал себя убе-

дить. Каждая минута моего существования будет посвящена безграничной благодарности и привязанности к его священной особе и к его августейшему семейству. Я хорошо понимаю, что не могу оставаться на службе, но если бы мне только вернули свободу! Я слишком виновен перед его величеством, чтобы посметь обратиться непосредственно к нему с этим изложением моих чувств и страданий, но вы, генерал, не откажите в доброжелательности: повергните мои мольбы и мое раскаяние к стопам его величества и согласитесь способствовать с вашей стороны, по мере возможности, освобождению несчастного, который сохранит к вам за это вечную признательность. Если бы я смел, я испросил бы у вас еще одно благодеяние: а именно, если его величество был бы тронут моими просьбами, передайте мне несколько слов надежды и утешения, чтобы хоть немного облегчить ту страшную тяжесть, которая в настоящее время повисла надо мной, и которая совершенно меня подавляет; или, по крайней мере, сообщите мне что-либо, чтобы вывести меня из угнетающей неизвестности, которая, клянусь вам, в тысячу раз хуже смерти, так как я совершенно ничего не знаю о ходе нашего дела, а это до бесконечности усиливает тревогу, вытекающую из моего несчастного положения. Прошу вас также не забыть ходатайство, изложенное в письме, которое я имел честь послать вам 19 января, если судьба пожелает, чтобы эта просьба была признана уместной. Быть может, господь, в своем бесконечном милосердии, сумеет склонить в мою пользу государя.

Примите, генерал, выражение глубокого уважения, с которым я имею честь быть вашим покорнейшим слугою. Пестель.

(«Былое», 1922 г., № 20, стр. 106—108.)